

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Москва
2023

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. ТИШКОВ (Россия) – сопредседатель Совета

М. ЭМАР (Франция) – сопредседатель Совета

А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)

П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)

А.П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)

С.П. КАРПОВ (Россия)

М.А. ЛИПКИН (Россия)

Н.А. МАКАРОВ (Россия)

И.П. МЕДВЕДЕВ (Россия)

Ю.А. ПЕТРОВ (Россия)

Е.И. ПИВОВАР (Россия)

М.Б. ПИОТРОВСКИЙ (Россия)

У. РОЗЕНБЕРГ (США)

Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)

М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)

А.О. ЧУБАРЬЯН (Россия)

Ю. ШЕРРЕР (Франция)

*Исторические
записки*

22 (140)

Ответственный редактор
академик РАН
Е.И. ПИВОВАР

Издание основано в 1937 году

Возобновлено в 1995 году

Москва

2023

Редакционная коллегия:

Е.И. ПИВОВАР, академик РАН (составитель и ответственный редактор);
Л.А. БЕЛЯЕВ, член-корр. РАН;
М.Ю. МУХИН, доктор исторических наук (зам. ответственного редактора);
И.С. КОНДРАШОВА (секретарь);
П.П. ЧЕРКАСОВ, член-корр. РАН;
В.С. ХРИСТОФОРОВ, член-корр. РАН.

Рецензенты:

Н.М. Арсентьев, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор;
В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор.

И 90 Исторические записки 22 (140). – М.: РАН, 2023. – 460 с.

ISSN 978-5-907645-30-1

Очередной номер ежегодника «Исторические записки» даёт широкую панораму современного состояния отечественной историографии. Статьи, помещённые в номере, сгруппированы по рубрикам, представляющим исследования по наиболее актуальным направлениям работ российских историков на современном этапе. Это история России в средние века и раннее Новое время, социально-экономическая и социально-политическая история России в начале XX века и в годы Великой Отечественной войны, 300-летний юбилей РАН, а также Актуальные проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования.

Для историков, преподавателей истории и студентов высших учебных заведений.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XII-XVII ВЕКОВ	9
<i>Аракчеев В.А.</i>	
«На щит по три гривны»: дистрибутивные практики и генезис тысячной организации средневекового Новгорода	9
<i>Ситдиков А.Г.</i>	
Историческая топография Казани ханского времени	36
<i>Баранова С.И., Беляев Л.А.</i>	
Начало стеклоделания в России XVII века: новые источники	70
ИСТОРИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: 1914–1920-Е гг.	101
<i>Булдаков В.П.</i>	
Россия в Первой мировой войне: финансы и экономика (1914–1917 гг.)	101
<i>Рябинина Н.В.</i>	
Идеи гендерного равенства и их отражение в советской системе воспитания (1917–1920-е годы)	161
СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	176
<i>Невежин В.А.</i>	
А.Я. Вышинский: первые шаги сталинского дипломата, сентябрь 1940 – 22 июня 1941 гг.	176
<i>Мухин М.Ю.</i>	
Городская повседневность в годы Великой Отечественной войны	196
<i>Калмыков И.А.</i>	
Проблемы культуры производства и условий труда на заводах авиационной промышленности СССР в период Великой Отечественной войны	236
К 300-ЛЕТИЮ РАН	247
<i>Тункина И.В.</i>	
К истории первых академических печатей	247
<i>Афиани В.Ю.</i>	
«Близость Академии наук к правительству окажет огромное влияние на развитие науки». Перевод АН СССР в Москву в 1935 г. в контексте академических реформ	261
<i>Ковалёв М.В.</i>	
«Советские ученые хорошо знают и ценят Ваши исследования»: из писем советских историков венгерскому византинисту Дюле Моравчику	292
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	315
<i>Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.</i>	
Докторская диссертация И.И. Иоффе в отзывах официальных оппонентов и рецензентов ВАК (по материалам ГАРФ)	315
<i>Катагощина М.В.</i>	
Из истории российского зарубежья дореволюционной эпохи: российские коллекционеры в интеллектуально-культурном пространстве Европы XIX – начала XX веков	365

Анохин И.В.

Археология Великой Отечественной войны: проблемы
самоидентификации 385

Пивовар Е.И., Ершов В.Ф.

Российское зарубежье XX–XXI веков в современной историографии:
актуальные направления и перспективы исследований 401

Косован Е.А.

Монументальная коммеморация отечественных войн и ее место в истории и
культуре России XIX–XXI вв. (на примере Тарутинского мемориального
комплекса 1812/1941–1945 гг.). Часть 2: «В других шинелях, но с
русским сердцем» 434

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY OF THE XII-XVII CENTURIES	9
<i>Arakcheev Vladimir A.</i>	
«Na schit po tri grivny»: distributive practices and the genesis of the thousandth organization of medieval Novgorod	9
<i>Sitdikov Airat G.</i>	
Historical topography of Kazan of the Khanate epoch	36
<i>Baranova Svetlana I., Belyaev Leonid A.</i>	
The beginning of glassmaking in Russia in the 17th century: new source	70
THE HISTORY OF RUSSIA AT THE TURN OF THE EPOCHS: 1914–1920	101
<i>Buldakov Vladimir P.</i>	
Russia in the First World War: Finance and Economics (1914–1917)	101
<i>Ryabinina Natalia V.</i>	
The ideas of gender equality and their reflection in the soviet system of education (1917–1920s)	161
USSR ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	176
<i>Nevezhin Vladimir A.</i>	
A.Ya. Vyshinsky: The first steps of a Stalinist diplomat, September 1940 – June 22, 1941	176
<i>Mukhin Michail Yu.</i>	
Urban everyday life during the Great Patriotic War	196
<i>Kalmykov Ivan A.</i>	
Problems of production culture and working conditions at the factories of the aviation industry of the USSR during the Great Patriotic War	236
TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES	247
<i>Tunkina Irina V.</i>	
On the History of the First Academic Official Stamps	247
<i>Afiani Vitaly Yu.</i>	
The proximity of the Academy of Sciences to the government will have a huge impact on the development of science”. Relocation of the USSR Academy of Sciences to Moscow in in 1935 in the context of academic reforms	261
<i>Kovalev Mikhail Vl.</i>	
«Soviet scientists know and appreciate your research well»: from the letters of Soviet historians to the Hungarian Byzantine scholar Gyula Moravcsik	292
ACTUAL PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH.	315
<i>Ananiev Vitaly G., Bukharin Mikhail D.</i>	
Doctoral dissertation of I.I. Ioffe in the reviews of official opponents and reviewers of the Higher Attestation Commission (according to the materials of the State Archives of the Russian Federation)	315
<i>Katagoshchina Maria V.</i>	
From the history of the Russian abroad in the pre-revolutionary era: Russian collectors in the intellectual and cultural space of Europe in the 19th – early 20th centuries	365

Anohin Ivan V.	
Archeology of the Great Patriotic War: problems of self-identification	385
Pivovarov Efim I., Ershov Vitaly F.	
Russian Diaspora of the 20th – 21st Centuries in Modern Historiography: Current Directions and Prospects for Research	401
Kosovan Elena A.	
Monumental Commemoration of the Patriotic Wars and its Place in History and Culture of Russia in 19th – 20th Centuries (by an example of the Tarutino Memorial Complex of 1812/1941–1945). Part 2: “In other overcoats, but with a Russian heart”	434

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XII-XVII ВЕКОВ

DOI 10.25986/ISN.2023.36.85.002

«На щит по три гривны»: “дистрибутивные” практики и генезис тысячной организации средневекового Новгорода

Владимир А. Аракчеев

Российский государственный архив древних актов,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия, arakk@rambler.ru
ORCID ID 0000-0002-8389-3806

Аннотация. *Статья посвящена исследованию социально-политической борьбы в Новгороде XII–XV вв., наиболее ярко проявившейся в «восстании» 1207 г. Результатом ожесточенной борьбы противоборствующих боярских группировок стали конфискация и раздел между новгородцами имущества посадничьей семьи Мирошкиничей. Коль скоро такой способ действий повстанцев повторялся на протяжении трех столетий, мы будем именовать его «дистрибутивными практиками». В статье обоснована гипотеза, согласно которой участие населения Новгорода в обороне и общегородском благоустройстве было достигнуто путем разбивки территории Новгорода на равные участки, которые были названы «щитами». Для удобства их организации была применена общая для индоевропейских народов десятичная система деления на сотни, функционировавшая уже в начале XI в. Будучи предназначена для раскладки военно-мобилизационных повинностей и обязанностей населения по городскому благоустройству, система объединенных в сотни «щитов земли» естественным образом стала основой для распределения конфискованного у терпевших поражение боярских группировок имущества. На протяжении 1137–1421 гг. в Новгородской первой летописи зафиксировано 15 случаев вооруженных столкновений, сопровождавшихся захватом, грабежом и поджогом дворов и/или экспроприацией имущества и финансов, причем в 7 случаях именно экспроприация имущества составляли решающий результат столкновения. Процесс постепенного развития республиканской государственности, включивший в себя разграничение княжеской власти и посадничества в первой трети XII в., появление республиканского тысяцкого в конце XII в., реформы посадничества конца XIII и середины XIV в., не затронул архаичные формы дистрибутивных практик. Более того, вспышки сопровождавшейся экспроприациями борьбы происходят как раз в последующие после реформ десятилетия, но сходят на нет ко второй четверти XV в. Осуществленное в 1422 г. редактирование Новгородской судной грамоты перевело насильственные дистрибутивные практики в разряд криминальных, квалифицировав их как «наезд» и «грабеж».*

Ключевые слова: боярин, посадник, дистрибутивные практики, тысячная организация, тысяцкий, сотня, сотский, щит, гривна.

Для цитирования: Аракчеев В.А. «На щит по три гривны»: “дистрибутивные” практики и генезис тысячной организации средневекового Новгорода // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 9–35. DOI: 10.25986/ISN.2023.36.85.002.

«Na schit po tri grivny»: distributive practices and the genesis of the thousandth organization of medieval Novgorod

Vladimir A. Arakcheev

Russian State Archive of Ancient Acts, Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Moscow, Russia, arakk@rambler.ru
ORCID ID 0000-0002-8389-3806

Abstract. *The article is devoted to the study of the socio-political struggle in Novgorod of the XII–XV centuries, most clearly manifested in the “uprising” of 1207. The result of the fierce struggle of the opposing boyar groups was the confiscation and division between the novgorodians of the property of the Miroshkinich posadnik family. Because the this method of action of the rebels has been repeated for three centuries, we will call it “distributive practices”. The article substantiates the hypothesis according to which the participation of the population of Novgorod in defense and citywide improvement was achieved by dividing the territory of Novgorod into equal areas, which were called “shields”. For the convenience of their organization, a decimal system of division into hundreds, common to Indo-European peoples, was used, which functioned already at the beginning of the XI century. Being intended for the assignment of military mobilization duties and duties of the population for urban improvement, the system of hundreds of “shields of the earth” naturally became the basis for the distribution of property confiscated from defeated boyar groups. During 1137–1421, the Novgorod first chronicle recorded 15 cases of armed clashes, accompanied by the seizure, robbery and arson of courtyards and/or expropriation of property and finances, and in 7 cases it was the expropriation of property that was the decisive result of the collision. The process of progressive development of republican statehood, which included the differentiation of princely power and posadnichestvo in the first third of the XII century, the appearance of the republican tysyatsky at the end of the XII century, the reforms of the posadnichestvo of the late XIII and mid-XIV centuries, did not affect the archaic forms of distributive practices. Moreover, outbreaks of the struggle accompanied by expropriations occur just in the decades following the reforms, but fade to nothing by the second quarter of the XV century. The editing of the Novgorod court charter carried out in 1422 transferred violent distributive practices to the category of criminal ones, qualifying them as “hit-and-run” and “robbery”.*

Keywords: «boyar», «posadnik», distributive practices, thousand organization, «tysyatsky», hundred, «sotsky», shield, «hryvnia».

For citation: Arakcheev, V.A. (2023), “«Na schit po tri grivny»: distributive practices and the genesis of the thousandth organization of medieval Novgorod”, *Istoricheskie zapiski*, no. 22 (140), pp. 9–35. DOI: 10.25986/ISN.2023.36.85.002.

Социальные движения в Новгороде XII–XIV вв. привлекали внимание исследователей остротой борьбы, яркими фактами расправы над побежденными, включавшими их убийство, лишение чести, изгнание. Одним из важных концептуальных достижений В.Л. Янина стало рассмотрение восстаний в контексте борьбы боярских группировок за власть. Эта борьба, по словам исследователя, «была замкнута в формы территориальных столкно-

вений, в ходе которых плебс выступал только против наличных властей, когда эти власти формировались из представителей боярства других концов, но отнюдь не против бояр и других землевладельцев собственного конца» [Янин 1970, с. 52–54].

Постоянно обращая внимание на причины и ход социальных конфликтов, исследователи крайне редко сосредоточивали свое внимание на фактах конфискации имущества или финансов побежденных, и последующем распределении конфискованного в интересах города и его жителей. Между тем, регулярно повторявшиеся в Новгороде конфискации и разделы дают основание говорить о сложившихся дистрибутивных практиках и попытаться найти им соответствие в наличных социально-политических структурах вечевой республики. Исследование таких практик может дать исключительный по своей информативности материал, анализ которого позволяет предложить гипотезы и получить обоснованные ответы на самые важные вопросы, касающиеся истории вечевой государственности Новгорода. Наиболее информативным по полноте отражения в летописи является восстание 1207 г., и коль скоро его события подвергались анализу в историографии, дадим краткую сводку наиболее репрезентативных суждений историков.

Как известно, восстание вспыхнуло в Новгороде в отсутствие князя после возвращения новгородского войска из похода на Пронск в конце 1207 г. В ходе ожесточенной борьбы противоборствующих группировок Людина конца (род Мирошкиничей) и Прусской улицы (род Твердислава) усадьба, села с челядью и прочее имущество ранее погибшего во время похода на Пронск посадника Дмитра Мирошкинича было конфисковано и разделено между неизвестным количеством получателей. Коль скоро такой способ действий повстанцев повторялся на протяжении трех столетий, мы будем именовать его «дистрибутивными практиками». Исследователи, как правило, подходили к интерпретации летописного известия о событиях 1207 г. опираясь на принципы формальной логики. М.Н. Тихомиров полагал, что «...новгородцы поступили с усадьбой Дмитра как с вражеским городом, разграбили ее, взяли «на щит»». Факт нападения на дворы Дмитра и его «братии» «грабежом» Тихомиров связал с такой уголовной санкцией, как поток и разграбление [Тихомиров 1955, с. 243–244]. А.Л. Монгайт уточнял, что «по зубу и на щит» означает «каждому горожанину и каждому воину» [Монгайт 1953, с. 353]. И.Я. Фроянов, в соответствии со своей концепцией, полагал, что разделить имущество «по городу» и «на щит» означало разделить его между горожанами и ополченцами, жителями новгородской волости, вернувшимися из похода в Рязанскую землю [Фроянов 1992, с. 257].

Трактовка В.Л. Яниным «социального смысла» восстания 1207 г. определялась его задачами изучения политических противоречий боярства и роли князя в развитии событий. Следуя своей концепции элитарного характера веча и посадничества, исследователь подчеркивает «управляемый» характер восстания. По его мнению, «социальное недовольство было умело направлено новоизбранным посадником Твердиславом, и восстание не вылилось в борьбу против всех бояр». Исследователь заключил, что «движение имело цель лишь в свержении Дмитра и его семьи», а «группировка Твердислава широко пользовалась подкупом за счет противников, вознаграждая

своих сторонников имуществом Мирошкиничей». Имея в виду, что великий князь Всеволод санкционировал расправу над низложенным посадником Дмитрием Мирошкиничем, Янин заключил, что группировка Прусской улицы пришедшего к власти посадника Твердислава Михалковича «вознаградила своих сторонников (курсив мой – В.А.) имуществом Мирошкиничей» [Янин 2003, с. 162–164]. В основе этого заключения, видимо, лежало представление, что экспроприированная собственность была распределена главным образом, или даже исключительно среди союзных пруской группировке горожан.

П.В. Лукин сосредоточил свое внимание на критике концепции Фроянова об участии в вечевых собраниях представителей сельских сообществ, и предположил, что в летописном сообщении о событиях 1207 г. речь идет либо «о разделе избытка добычи между всеми горожанами и, отдельно, между воинами; либо – о формировании некоего фонда «на щит», т. е. для военных нужд». Исследователь заключил, что решающую роль на вече играли горожане, которые и «разделили имущество по всему городу (а не по всей волости)» [Лукин 2014, с. 185–186]. Цитированные суждения исследователей основаны на стремлении выявить глубинные основы функционирования такого порядка, что проявляется в том, что никто, кроме М.Н. Тихомирова, не интерпретировал летописную фразу «на щит» как обычное разграбление города или погостов, применимое, например, к сообщениям летописи под 1178 г. о взятии «на щит» жен и детей жителей Нового Торга или погостов на Двине¹.

Столь разноречивые толкования событий 1207 г. объясняются не только известным лаконизмом летописного сообщения, но и тем, что историки рассматривают это восстание и его последствия изолированно от подобных ему событий в Новгороде. В нашем последующем анализе мы, напротив, исходим из стремления максимально широко изучить ход социально-политической борьбы в Новгороде XII–XIV вв., вписав восстание 1207 г. в ее контекст и отталкиваясь от концепции В.Л. Янина, основные положения которой мы разделяем. Янин рассматривал этот период как время настройки вечевых институтов (посадничества, тысячно-сотенной организации), которые, посягая на суверенитет княжеской власти, одерживали важные победы над ней. Согласно его исследованию, только в 1136–1171 гг. в Новгороде произошло не менее 10 переворотов, которые в дальнейшем становились более редкими, но не менее ожесточенными [Янин 2003, с. 148–150].

События 1207 г. начались с вечевого собрания в ноябре: новгородцы собрали вече «на посадника Дмитра и на братью его, яко те повелеша на новгородцех серебро имате, а по волости куры брати, по купцем веру дикую, и повозы возити, и иное все зло; и поидоша на дворы их грабежом, а Мирошин двор Дмитров зажгоша, а житье их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу, по 3 гривне по всему граду, и на щит; а что кто похватил, а того един Бог весть, и от того мнозе разбогатеша; а что на досках, а то князю оставиша». По приезде в Новгород в мясопустную неделю накануне Великого

¹ НПЛ. С. 51, 248–249. Цит. по Комиссионному списку.

поста 2008 г. князя Святослава доски с записями были переданы ему вместе с детьми Дмитра и другими представителями его клана, «а на иных серебро поимаша бещисла»².

Анализ этого сообщения начнем с вопроса о «досках», которые В.Л. Янин считал записями взимания серебра, кун и дикой виры. Комментируя летописное известие о вручении новому князю в феврале 1208 г. дмитровых досок («а бе на них писано бещисла»), исследователь возражает против «распространенного мнения» о связи досок с ростовщическими операциями Мирошкиничей. Янин полагает, что, если бы они фиксировали долги, они, скорее, были бы уничтожены, нежели переданы князю для взыскания кредитов с должников Дмитра. По его мнению, вероятнее всего, это были записи взимания серебра и кун в качестве налогов, и дикой виры, что свидетельствовало о злоупотреблениях Мирошкиничей при фискальных операциях [Янин 2003, с. 162–164]. Обозначенное противопоставление ростовщичества и фиска мы склонны считать мнимым. Несомненно, что среди дмитровых «досок» преобладали записи, фиксирующие фискальные злоупотребления, и на этом суждении В.Л. Янина мы в дальнейшем еще остановимся. Принимая, однако, во внимание размах ростовщических операций новгородского боярства, в том числе в процессе сбора налогов, полагаем, что среди «досок» Мирошкиничей имелись также записи долговых обязательств.

В противном случае не было никакого смысла оправдываться позднее перед Святославом Всеволодовичем в расправе над Дмитром, являвшимся противником суздальских князей, и хранить эти записи до февраля следующего года. Если же исходить из представления об управляемом характере восстания 1207 г., как и большинства других социальных движений в Новгороде, то нет ничего удивительного в том, что организаторы восстания настаивали на выполнении прежних долговых обязательств даже перед людьми, чье имущество было конфисковано (перед посадничьей семьей Мирошкиничей и их клиентелой). Ведь разделенный «на щит» «избыток» образовался вследствие организованной в пользу города и его жителей продажи сел и челяди Мирошкиничей³. Равным образом и долги с должников вполне могли взыскиваться в пользу города. В таком случае понятно, почему новгородцы дожидались приезда князя Святослава; судя по всему, его предшественник Константин во время восстания отсутствовал в Новгороде и не вернулся в город после похода на Пронск. Коль скоро решение о взыскании долгов должен был принимать суд, в отсутствие князя, чья роль в суде была решающей, «доски» дожидались своего часа.

Вышеизложенное свидетельствует, что попытки истолковать рассказ об этой акции только с использованием приемов формальной логики и интуитивной интерпретации летописного текста (например, трактовки фразы «по зубу» как «каждому»), как это имело место в предыдущей историографии, бесперспективны. Составители «Словаря древнерусского языка» вслед за

² НПЛ. С. 51, 248–249. Цит. по Комиссионному списку.

³ Составители «Словаря древнерусского языка» в дополнение к такому значению слова «избытък» как «излишек» констатируют его второе значение – «достаток, богатство», проявившееся в данном случае. См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. III. М.: «Русский язык», 1990. С. 461.

А.Л. Монгайтом перевели значение фразы «по зубу» как «каждому», но такой перевод содержит заранее готовое объяснение последующей фразы и не отражает сложность анализируемого языкового оборота⁴. Синтаксически летописное сообщение о разделе имущества построено из двух частей: его открывает загадочный оборот «избыток розделиша по зубу», а следующая за ним фраза является разъяснением предыдущей. Ясно, что в первом случае («по зубу») мы имеем дело с вышедшим из языкового оборота понятием, которое, скорее всего, принадлежит к иному семантическому полю, нежели понятие «щит». Осмысление общей структуры летописного текста приводит к выводу, что раздел избытка «по 3 гривне по всему граду и на щит» был, с точки зрения летописца, торжеством социальной справедливости, а предшествующий оборот «избыток розделиша по зубу» был всего лишь метафорическим выражением справедливого раздела и синонимом последующего оборота, и не нес какого-либо особого смысла.

Хотя экспроприации имущества и финансов, подобные осуществленным в 1207/08 г. не были исключительным явлением в истории Великого Новгорода, они далеко не всегда были следствием вооруженных столкновений с грабежом и поджогом дворов. В большинстве описаний аналогичных фактов грабежа боярских дворов в конце XIII – первой четверти XV в. об организованных экспроприациях не говорится. Перечислим упомянутые в летописи факты вооруженных столкновений с грабежом или захватом дворов во время новгородских восстаний. Когда в 1287 г. «весь Новгород» «вста без исправы» на посадника Семена Михайловича и вооруженные отряды «изо всех концов» захватили его двор и дом, дело закончилось укрытием Семена у владыки и примирением. В апреле 1291 г. вооруженные отряды Неревского конца «снидошася в доспесе, взяша улицю Прускую и дома их разграбиша»⁵. Летописные сообщения о грабеже и поджоге дворов Семена и Сенифонта Судопных в 1331 г. и посадника Федора Данилова в 1342 г. также лишены описаний конфискации имущества⁶.

После 16 июня 1350 г., когда посадничество получил Онцифор Лукин, не без его ведома было осуществлено нападение на прущан и разграбление дворов бывшего посадника Федора Даниловича, а также его рода и сторонников: «Прускую улицю всю пограбиша»⁷. В 1388 г. вооруженные отряды трех концов Софийской стороны захватили двор и «развезли хоромы» посадника Есифа Захарыча⁸. Во время так называемого «восстания Степанки» в 1418 г. были разграблены уже десятки боярских дворов на Кузьмодемьянье, Яневе, Чудинцеве, Людогоще улице⁹. Последний по хронологии описанный в летописи случай разграбления двора также не содержит фактов экспроприаций: в 1421 г. вооруженные отряды Неревского и Славенского концов разграбили двор посадника Андрея Ивановича «и иных боляр», убив 20 его «пособников»¹⁰.

⁴ Словарь древнерусского языка... С. 405.

⁵ НПЛ. С. 326.

⁶ НПЛ. С. 344, 356.

⁷ НПЛ. С. 362.

⁸ НПЛ. С. 382.

⁹ НПЛ. С. 409.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 4. Л., 1925. Вып. 2. С. 431.

В упорных и результативных попытках уничтожения дворов путем поджога или разборки «хором», сопровождаемых грабежами и раздлами конфискованного следует видеть не только стремление нанести противникам материальный ущерб. Будучи привязаны к своим городским усадьбам из-за необходимости постоянного участия в политической жизни республики, боярские кланы, по крайней мере, на время разгрома и изгнания лишались такой возможности и исключались из борьбы за власть. Достаточно было «развести» или сжечь городские хоромы, чтобы существенно усложнить боярскому роду возможность восстановить свое влияние и место среди других кланов конца, по крайней мере, на протяжении жизни поколения. Если этот мотив вооруженных столкновений был решающим, то конфискацию всей собственности побежденных, включая их вотчины, следует признать нечастым и экстраординарным мероприятием.

Первый известный случай конфискации финансовых ресурсов относится к 1137 г., когда в Псков устремились сторонники изгнанного из Новгорода князя Всеволода Мстиславича. Руководители и участники противоборствующей группировки «взяша на розграбление дома их, Костянтин, Нежатин, инех много, и еще же ищуще то, кто Всеволоду прият бояляр, то имаша на них с полторе тысяце гривен, и даша купце крутитися на воину»¹¹. Таким образом, в 1137 г. конфискации подверглось имущество на сумму в 1500 гривен бояр Костянтина и Нежаты, принадлежавших к группировке Неревского конца. Четыре года спустя, в 1141 г., избиению и символической казни в виде свержения с моста подвергли представителей прусского боярства: посадника Якуна, у которого изъяли 1000 гривен, его брата Проккопия, лишившегося 100 гривен¹². В 1229 г. после вокняжения в Новгороде Михаила Черниговского «на ярославлих любовницех поимаша новгородци кун много и на городишанох, а дворов их не грабяче, и даша на Великий мост»¹³. В 1230 г. было конфисковано имущество убитого посадника Семена Борисовича и бежавшего Внезда Водовика: «добыток Сменов и Водовиков по стом розделиша»¹⁴.

Во всех вышеперечисленных случаях (за исключением событий 1229 г.) экспроприации имущества были результатом предшествовавшего изгнания или убийства бояр и грабежа их дворов самими новгородцами с санкции веча. Единственный случай конфискации двора и имущества князем был осужден новгородцами во время переговоров с Ярославом Ярославичем в 1270 г.: «Чему взял еси Олексин двор Морткиничя; чему поимал еси серебро на Микифоре Манускинич и на Романе Болдыжевичи и на Варфоломеи»¹⁵. Не исключено, что эта экспроприация была связана с сопротивлением изъятию в интересах Орды «черного бора», который помимо Новоторжской волости взимался и с центральных волостей Новгородской земли [Аракчеев 2017, с. 19]. Если это предположение верно, то объяснима реакция новгородцев: изъятые без санкции «всего Новгорода» у противоборствовавших

¹¹ НПЛ. С. 210.

¹² НПЛ. С. 26, 212.

¹³ НПЛ. С. 68, 274.

¹⁴ НПЛ. С. 70, 278. В Комиссионном списке вместо «по стом» стоит выражение «по местом», но это не более чем ошибка переписчика.

¹⁵ НПЛ. С. 88, 319.

князю боярских группировок «серебро» пополнило казну великого князя, всецело поглощенного исполнением обязательств перед Ордой.

Описание событий 1360 г. в летописи характеризуется, наоборот, не фактами изгнания и грабежа дворов побежденных, а конфискацией как результатом компромисса. Весной 1360 г. боярство Славенского конца осуществило переворот, возведя на степень посадника Селивестра Лентиева. Результатом этого стала жаркая схватка в доспехах на Ярославовом дворище, после чего началось трехдневное противостояние Софийской и Торговой сторон города. Примирение было достигнуто благодаря посредничеству владыки Моисея, а результатом «приятя» его «слова» стали конфискации вотчин у славенского боярства: «и взяша села Селивестрова на щит, а иных сел славенских много взяша; много же и невиноватых люди погибло тогда»¹⁶. Таким образом, на протяжении 1137–1421 гг. в Новгородской первой летописи зафиксировано 15 случаев вооруженных столкновений, сопровождавшихся захватом, грабежом и поджогом дворов и/или экспроприацией имущества и финансов, из них в 8 случаях грабеж и поджог дворов не сопровождался конфискациями, а в 7 случаях именно экспроприации имущества составляли решающий результат столкновения. Конфискации с последующим распределением финансов либо на городские и оборонные нужды, либо между горожанами «на щит» в зависимости от конstellляции политических сил обрушивались на все городские концы, за исключением Плотницкого. В 1137 г. разграблению подверглись боярские усадьбы Неревского конца, в 1141 г. – Прусской улицы, в 1207/08 г. – Людина конца, в 1229 г. – вновь Прусской улицы, в 1230 г. – Славенского конца, до 1270 г. – вновь Неревского конца, в 1360 г. – вновь Славенского конца.

В историографии сущность применявшихся новгородцами экспроприаций определялась на основе летописных сообщений как «штрафы». Еще А.И. Никитский отметил факты наложения «штрафа» на бояр в 1137 и 1230 гг., указывая на различные формы его использования, включая распределение по сотням [Никитский 1870, с. 204]. В.Л. Янин также охарактеризовал наложение взыскания на приверженцев Всеволода в 1137 г. как «штрафы, которые были использованы для подготовки сопротивления» изгнанному князю [Янин 2003, с. 138]. П.В. Лукин полагает, что в 1230 г. произошло «разграбление имущества с разделом его, очевидно, на основе равенства по городским сотням», на которые «делилось все полноправное население Новгорода, может быть, за исключением бояр» [Лукин 2018, с. 398]. На приведенных примерах хорошо видно, что интерпретация феномена “дистрибутивных практик” в литературе ограничивается пересказом летописных сообщений или умолчанием. Для его исследования следует предложить иной объяснительный механизм, в основе которого должны лежать доказательные свидетельства комплекса источников.

Ключевое значение в летописном рассказе о событиях 1207 г. имеет понятие «щит», обозначающее единицу, в расчете «на» которую были разделены полученные от распродажи сел и челяди и просто конфискованные в виде

¹⁶ НПЛ. С. 366.

«сокровищ» деньги Дмитра и его клиентелы. В силу вышеизложенного полагаем, что летописное известие о разделе имущества посадника Дмитра в 1207 г. «по три гривне по всему граду и на щит» невозможно трактовать как его раздел между наличными вооруженными участниками восстания. Если новгородцы желали продемонстрировать торжество социальной справедливости, они не могли достичь этого, поделив полученные в результате продажи сел и челяди деньги по дворам, поскольку в них могло проживать разное количество свободных мужчин и семей. Несправедливо было бы делить деньги и между участниками восстания (если понимать щит как доспех), поскольку в восстании 1207 г. участвовал не весь город. К тому же между восстанием и разделом денег должно было пройти время, необходимое для осуществления актов конфискации, выставления сел и челяди на продажу и оформления сделок. Вряд ли были составлены списки участников восстания, по которым впоследствии можно было разделить деньги по три гривны на каждого участника.

Разорвать описанный герменевтический круг в изучении организованных разграблений и разделов имущества предлагается методом ретроспекции. Возможность его применения обусловлена наличием поздних, но ценнейших источников – купчих грамот конца XVI–начала XVII в. на дворы и лавки в Новгороде. Как в подлинных купчих грамотах, так и в списках с них содержатся описания городских дворов, для которых характерно упоминание «щита земли». Во введенных в научный оборот собраниях новгородских купчих на дворы из фондов РГАДА и Стокгольмского архива «щит земли» упоминают двенадцать раз¹⁷. Применяемый нами методический прием предполагает, во-первых, выяснение в случаях упоминания «щита земли», не является ли этот оборот обычной фигурой речи, за которой не стоит сколько-нибудь устойчиво существующий феномен. Во-вторых, если же упомянутый оборот устойчиво сочетался с реальными и значимыми современными (конца XVI–начала XVII в.) ему явлениями, естественным окажется предположение о его длительном существовании, укорененном в структуре городской планировки еще республиканской эпохи.

Рассмотрим наиболее характерные упоминания «щита земли» в купчих в хронологическом порядке. Кожевник Аверкий Игнатьев 7 января 1589 г. заложил половину своего двора в Щурове улице: «А стоит та моя пол-двора на цареve и великого князя на тяглоy земли на одном щиту з Гавриилом с кожевником...». Дети площадного писчика Иван и Дарья Свечниковы 23 ноября 1590 г. продали отцовский двор на Запольской улице, стоявший «с Офромеем попом на одном щите»¹⁸. Пономарь Ивановской церкви Тимофей Опара 21 декабря 1590 г. продал пол-двора на Запольской улице в Оловянке, стоявшие «с Олексой с vareжником на одном щите». Железник Степан Поздей 14 января 1591 г. продал четверть двора на Варяжской улице, которая составляла четверть «щита»: «во всем щите, в горнице и в сенях, и в повалуше, и в сенном крыльце посторонь повалуши, и в задней

¹⁷ Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сборник документов / Сост. К.В. Баранов. СПб., 2001; Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1616. Text and Commentary by Ingegerd Nordlander. Stockholm, 1987.

¹⁸ Великий Новгород... С. 119, 126.

избушки, и в мельнике, и в мыльне, и в тыну, и в огороде, и в яблонех, во всем в том четверть»¹⁹.

В документах Стокгольмского архива понятие «щит земли» упомянуто восемь раз. Сапожник Володимерко 3 ноября 1611 г. после пожара продал портному Федьке половину дворового места на Кузмодеьяне улице, которое было названо следующим образом: «пожарная пол-щита земли с придаточным местом, а жили де оне до новгородского взяты вместе на одном щите». 14 декабря 1611 г. Тимофей пуговичник продал Парфею калачнику «трет щита двора своего, а стоит та трет щита моего двора на Лубяницы в Лукинской трети в одном щиту с Степаном с конским барышником». 12 мая 1612 г. кабацкий сторож Иван продал двор на Прусской улице, под которым было «два щита у дворовой земли жилые в городе и за городом»²⁰. Цитированные упоминания «щита земли», сохранившиеся в купчих из фондов РГАДА и Стокгольмского архива, характеризуют усадьбы горожан трех социальных страт: посадских людей, церковников и узкой группы наемных лиц интеллектуального труда.

Кроме упомянутых в документах Кузмодемьянской улицы и Лубяницы дворы являлись частью «щитов» на улицах Рогатице, Корельской, Иворове и Ворони²¹. Понятие «щит земли» в конце XVI–начале XVII в. применялось по отношению к дворовым местам как на Софийской, так и на Торговой сторонах города: Щурова и Кузмодемьяна улица находились в Неревском конце, Запольская, Варяжская – в Славенском, Рогатица и Лубяница – на границе Славенского и Плотницкого концов, Прусская улица – на границе Загородского и Людина конца. Однако не вся территория Великого Новгорода была поделена на «щиты». Во-первых, не знала такого деления часть земель, лежащих на окраинах концов и улиц и освоенных позднее. Доказательство этого усматриваем в отсутствии упоминания «щита земли» в двух сохранившихся купчих на городские дворы середины XV в. Купчая грамота 40-х гг. XV в. фиксировала продажу хором и двора, примыкавшего к «Борковской меже», под которой Янин понимает границу застройки Борковой улицы Неревского конца [Янин 1991, с. 219, 225–226]. Актом 60-х – 70-х годов XV в. оформлялась продажа «двора, земли, и с хоромы и огородом» на улице Рогатице, примыкавшей к Загородной улице Плотницкого конца²².

Второе доказательство того, что понятие «щит земли» в это время применялось лишь в отношении земли, занятой жилыми дворами, мы усматриваем в купчей 1612 г., где она названа «дворовой землей жилой». Наряду с 229 купчими на дворы 1589–1612 гг. сохранилось 52 купчих на лавки, датируемых 1590–1591 гг., но ни в одной из них «щит земли» не упоминался, а земля не была названа «жилой». К началу XVII в. понятие «щит земли» было пережиточным явлением, обозначавшим реликтовое, вышедшее из обихода понятие, почему в купчих и сохранилось лишь 12 его упоминаний. Очевидно также, что если бы сохранились купчие за более ранние, чем

¹⁹ Великий Новгород... С. 128, 130.

²⁰ Real Estate Transfeer Deeds... I: P. 79; 60. P. 112; 51. P. 106.

²¹ Real Estate Transfeer Deeds... I: P. 67, 75, 112, 118, 160.

²² Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. № 289. С. 190; № 117. с. 175.

1589–1612 годы, в руках исследователей оказалось бы несравненно больше подтверждений существования этого ключевого для средневекового Новгорода феномена.

В излагаемой гипотезе мы исходим из предположения о неслучайном упоминании «щита» в летописных сообщениях 1207 и 1360 г., ведь распределением имущества семей изгоняемых или казнимых магистратов ставилась точка в остром конфликте. Следовательно, основание распределения этого имущества было настолько хорошо известно всем горожанам, что не должно было вызывать у них сомнений в обоснованности принимаемых решений. Предположение, что полученные в результате продажи сел и челяди деньги, а также изъятые в ходе событий 1137–1360 гг. сокровища были разделены в расчете на количество «щитов» городских дворовладений объясняет особенности не только событий 1207/08 г., но и восстания 1360 г. Оборот «взяша села Селивестрова на щит» невозможно трактовать как акцию, осуществленную в разгар вооруженных столкновений. Борьба шла в пределах городских стен, а «села», многие из которых представляли собой вотчины в дальних погостах, нужно было описать, выставить на продажу, продать. Заранее объявленное «взятие» сел Селивестра «на щит», повлекшее за собой раздел денег и имущества в соответствии с известными горожанам принципами видится как превентивная мера, предотвратившая дальнейшее разрастание конфликта. Будучи закономерным продолжением применявшихся в XII–XIII вв. дистрибутивных практик, оно объясняет, почему «слово» владыки Моисея примирило враждующие стороны²³.

Доказательную силу нашей гипотезы, на первый взгляд, ослабляет то, что из 7 зафиксированных в летописи случаев конфискации имущества поверженных боярских группировок «щит» упомянут лишь дважды. Не будем забывать, однако, что для летописца такие детали были очевидными и несущественными в контексте стоявших перед ним задач. Как показал А.А. Гиппиус, описывая социальные потрясения 1228 и 1230 гг., летописец несколько раз переходил к описанию природных катаклизмов и обратно, преследуя цель «единого провиденциального объяснения» событий [Гиппиус 1997, с. 33]. Понятие «щита земли» не помогало объяснению современникам причин кровопролитных столкновений, ибо лежало в иной семантической плоскости, нежели людские прегрешения.

В рамках рассматриваемой проблемы особенности конъюнктуры политической борьбы важны не только сами по себе, но и как существенные детали социально-политических порядков, порождавших и предопределявших эту борьбу. Для реконструкции этих порядков следует предложить объяснительную модель, составными элементами которой будут: 1) объяснение необходимости такого явления как «щит земли» для функционирования социальной организации средневекового Новгорода; 2) выяснение соотношения «щита земли» с известными в науке данными о концах и сотнях Новгорода; 3) пересмотр существующих концепций тысячной организации; 4) объяснение причин исчезновения дистрибутивных практик из арсенала средств политической борьбы боярских группировок.

²³ НПЛ. С. 366.

Предварительный ответ на первый вопрос дают уже записные книги купчих на дворы. «Щит земли» был некой нивелирующей разницу в величине дворов мерой площади: на щите могли стоять и два двора в разной конфигурации, занимая по половине щита, или по трети и двум третям. В то же время, и до, и после инкорпорации Новгорода в состав единого национального государства в его пределах сохранялись и крупные дворовые места, занимавшие полный «щит», как упомянутый выше дворовый участок сапожника Володимерко. Представление о приблизительном равенстве площади городских дворов в средневековом Новгороде сформировалось по результатам археологических раскопок еще 1950-х–1960-х гг. на территории Неревского конца, усадьбы которого не выделялись своими размерами, составлявшими около 2000 кв. м [Янин 2008, с. 199]. Однако в тех случаях, когда площадь усадьбы возможно определить по письменным источникам, она оказывается существенно иной. Размеры купленного в 60-х – 70-х годах XV в. Николо-Островским монастырем двора с садом на улице Рогатице по описанию в писцовой книге Новгорода 1586 г. составляли 35 на 14 сажень, а его площадь не достигала 1000 кв. м [Янин 1991, с. 226]. Еще меньшими по площади были открытые в 1998–1999 гг. усадьбы Людина конца (400–600 кв. м), из числа которых выделялась «громадная» усадьба «Е» площадью 1400 кв. м, использовавшаяся как «одрина» для проведения заседаний сместного суда князя и посадника [Янин 2001, с. 8–22]. Следовательно, даже приблизительного равенства в площади дворов не было и в Новгороде республиканской эпохи.

Предложенная выше цепь рассуждений непротиворечиво объясняет один из парадоксов функционирования тысячной организации в Новгороде. По мере роста городской территории «тысяча» в Новгороде должна была возрастать в численности. Историки всегда подчеркивали условность числового значения «тысяча» как возможного эквивалента численности городского ополчения, однако не могли определить сущность этой условности. Причиной устойчивости структуры тысячной организации, в основе которой, как и прежде, сохранялось 10 сотен, могла быть ее территориальная основа – исходная тысяча щитов. Во время пожара 1211 г. в Новгороде было зафиксировано 4300 сгоревших дворов²⁴, но количество «щитов земли» не обязательно должно было тяготеть к этой цифре.

Обнаружив связь «щитов земли» с тысячной организацией Новгорода, логично предположить, что эта связь не ограничивалась функциями обороны. Не позднее XIII в. новгородский тысяцкий эволюционировал из военного руководителя в администратора в сферах городского благоустройства и торговли, что отразилось в трех фрагментах «Устава Всеволода». Восходящие к реалиям XII в. фрагменты посвящены передаче контроля над торговым судом помимо епископа и иваньского старосты «всему Новгороду», отчислению в пользу сотских трети судебных штрафов и участию сотских в строительстве дома св. Софии [Янин 2003, с. 191–192; Флоря 1999, с. 87–91]. Объединение этих функций в руках тысяцкого имело место и в Московском великом княжестве, где тысяцкий контролировал служебное

²⁴ НПЛ. С. 52, 250.

и черное население княжества и формируемое им московское ополчение [Чернов 2005, с. 85]. Это доказывается анализом документов кремлевского клада второй половины XIV в.: как показал В.А. Кучкин, связанные с децимальной системой московские «тысяцкие были руководителями княжеского хозяйства, что было гораздо важнее их исполняемых время от времени военных функций» [Кучкин 2010, с. 309–310].

В Великом Новгороде связующим элементом этих двух ипостасей тысяцкого как раз и был «щит земли», изначально бывший мериллом при мобилизации городского ополчения, но немедленно усвоивший и раскладочно-фискальные функции. Гарантами сохранения этого порядка были тысяцкий и сотские, что проявлялось в их контроле над замощением улиц и строительством Великого моста. «Много кун», конфискованных новгородцами в 1229 г. и переданных на постройку Великого моста, не могли быть изъяты и определены по назначению без участия князя и тысяцкого, в чьем ведении находилось поддержание моста в рабочем состоянии. Принципиально важными являются в этой связи заключения А. А. Гиппиуса, выявившего непосредственное участие городских сотен и «княжей» сотни во главе с сотскими в обеспечении сооружения мостовых городен, а связанной с князем структуры осмьников – в замощении западных подступов к Детинцу [Гиппиус 2005, с. 9–24]. Полагаем, что изложенные летописные известия позволяют не просто констатировать факты распределения имущества по сотням, как это произошло в 1230 г. с «добытком» Семена Борисовича и Внезда Водовика, но и понять их связь с функционированием кончанской организации.

Изложенная выше гипотеза о «щите» земли как основе городского дворовладения и связь дистрибутивных практик с новгородской «тысячей» побуждает к критическому пересмотру сложившихся в историографии представлений о соотношении административно-территориальных единиц Новгорода – концов и сотен. Первая концепция исходит из противопоставления сотен и концов на всем протяжении истории вечевой Новгорода, а ее истоки восходят к суждению С.М. Соловьева о «разделении на сотни» городского тяглового (черного) населения [Соловьев 1988, с. 514]. М.Н. Тихомиров полагал, что сотни в Новгороде появились раньше, чем концы, и «только позже деление на концы оттеснило первоначальное сотенное деление на второй план, что связано с победой городского патрициата над черными людьми» [Тихомиров 2003, с. 155]. Не сомневался в древности сотенной организации новгородцев-горожан Ю.Г. Алексеев, высказав гипотезу о сотнях, как «территориальных объединениях рядовых горожан» [Алексеев 2019, с. 508–509]. Весомые аргументы в пользу исконности сотенного деления Новгорода наряду с кончанско-уличанским привели И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко. Доказательства того, что новгородские сотни изначально были вне подчинения князя, эти исследователи усматривают в фактах истребления Ярославом в 1015/16 г. лучших воинов, входивших в новгородскую «тысячу», ареста Владимиром Мономахом в 1118 г. сотского Ставра, ареста Мстиславом сотских в Пскове в 1178 г. [Фроянов, Дворниченко 1988, с. 181–185]

Вторая концепция, сформулированная в виде лекции и не содержащая доказательных фактов, принадлежит В.О. Ключевскому. Исследователь полагал, что сотни, будучи частью тысячи как «рекрутские округа» в военное время, одновременно «складывались в более крупные союзы – концы» таким образом, что «каждый городской конец состоял из двух сотен» [Ключевский 1987, с. 63]. В современной историографии эту гипотезу развил Б.Н. Флоря, показавший на материале договоров Новгорода с князьями, что «простые жители Новгорода одновременно принадлежали к кончанско-уличанской организации и входили в состав сотен» [Флоря 2021, с. 229].

Третья концепция, постулирующая исконную связь сотенной системы управления с организацией княжеской власти, была сформулирована С.В. Юшковым. Его представлениям следовал В.Л. Янин, с точки зрения которого предоставленные в 1019 г. новгородскому боярству Ярославом Мудрым привилегии «положили начало разделению Новгорода на две административные структуры». «Боярские гнезда, неподсудные князю, остались основой системы концов. Разделявшие эти «концы» пространства заселялись независимым от бояр населением, в том числе свободными ремесленниками и купцами. Эти районы оставались в юрисдикции князя. Они были разделены на сотни и управлялись тысяцким и соцкими, которые вплоть до конца XII в. составляли аппарат княжеского управления» [Янин 2008, с. 37]. В 1189 г., по мнению В.Л. Янина, с учреждением должности республиканского тысяцкого в Новгороде параллельно княжеской «тысяче» создается аналогичная республиканская система управления, берущая под контроль сотни, и позднее становящаяся представительством для житых и черных людей [Янин 2003, с. 158]. Свидетельством существования «республиканской организации соцких во главе с тысяцким» Янин считает перечень городских сотен в «Уставе о мостех» [Янин 1991, с. 147]. Логическое завершение эволюции сотенной организации Янин усматривает в подчинении «сотенного населения кончанской администрации, превращавшим концы в административное единство, в котором сотни были по существу поглощены концами» [Янин 1982, с. 90–95].

Доказательную силу концепции Янина придает то, что история тысячной организации в Новгороде рассматривается им в динамике, и если на первом этапе ее истории сотенная административно-территориальная система предстает привнесенной князьями извне, то на втором этапе – республиканской структурой. Реконструкция Яниным позднейшего этапа истории тысячной организации в XIII–XV вв. представляется убедительной и доказываемая новейшими исследованиями. Менее убедительными выглядят предлагавшиеся в рамках этой концепции А.В. Кузой интерпретации «Устава о мостех», согласно которым сотни, в чьи обязанности входило строительство городен Великого моста, функционально являли собой противоположность концам. В отличие от В.Л. Янина этот исследователь рассматривал сотенную организацию XIII века как княжескую: «Устав о мостех», с его точки зрения, разверстывал мостовую повинность «только между высшими представителями государственной власти и населением, находящимся под непосредственной юрисдикцией князя; жившая в концах основная масса новго-

родского боярства с зависимыми людьми мостила свои улицы под надзором кончанской администрации» [Куза 1979, с. 304].

Эта внешне убедительная аргументация была поставлена под сомнение А.А. Гиппиусом, показавшим, во-первых, что перечисленные в интерполяции к «Уставу о мостех» объекты («Давыжа ста», «Ржевская» и т. д.) обозначали не названия сотен, а городни Великого моста, строившиеся на средства городских сотен или волостей Новгородской земли. Во-вторых, исследователь заметил, что 10-е звено Великого моста, строившееся на средства княжеской сотни, и 11-е, строившееся на средства самого князя, занимали центральное положение в структуре моста между звеньями, возводимыми на средства новгородских волостей и городских сотен [Гиппиус 2005, с. 17]. Коль скоро в структуре текста «Устава» они символически обособлены от звеньев, строившихся городскими сотнями и волостями Новгородской земли, уместно предположить, что в 1260-х гг. их возведение было обособлено и институционально. Предположение о том, что городские сотни уже в это время находились вне княжеской юрисдикции, подтверждается и хронологически более ранними данными, в частности, фактом раздела «по стом» в 1230 г. имущества убитого посадника Семена Борисовича и бежавшего Внезда Водовика. И в самом деле, если предположить, что сотни представляли собой противостоящую концам административную систему, то получается, что в 1230 г. победившие боярские кланы распределяли конфискованное имущество между сотнями, находившимися под контролем князя и не входившими в боярские патронимии.

Отталкиваясь от вышеизложенного, перейдем к реконструкции первого, «княжеского» этапа функционирования тысячной организации и предполагаемого Яниным перехода сотен под контроль республиканских институтов. Подвергнутая ниже критическому пересмотру сумма показаний источников дает основание предложить иное объяснение процессу генезиса новгородской «тысячи». Пережившая инкорпорацию Новгорода и вмонтированная в административную систему Московского царства, сотенная административно-территориальная система отнюдь не выглядит привнесенной извне, а ее функционирование объясняет ключевой парадокс истории вечевой государственности, сформулированный В.Л. Яниным в его концепции генезиса новгородской городской общины. Согласно его представлениям, «концы в Новгороде возникли как объединение нескольких боярских поселков, сохранивших свою зависимость от боярских семей вплоть до последнего этапа существования Новгородской боярской республики». «Внутрикончанские связи отличались известной прочностью, тогда как федерация концов на всем протяжении существования Новгородской боярской республики то и дело демонстрировала неизгладившиеся швы, по которым в древности было сшито политическое тело Новгорода» [Янин 1981, с. 34, 8]. Таким образом, В.Л. Янин констатирует не устраненное до конца политического бытия Новгородской республики противоречие между сплоченностью семейно-родовых боярских группировок в концах и ожесточенными конфликтами между ними, призом в которых была не только, по Янину, должность посадника, но и голова и вотчины противника из враждебного клана.

«Секрет» прочности федерации концов состоял, с нашей точки зрения, в том, что кончанская территория делилась на сотни, по меньшей мере, с XI в. Предположив выше, что на территории Новгорода в XI–XIII вв. располагались не менее 1000 «щитов земли», попытаемся найти соответствие денежному эквиваленту изъятых у семьи Мирошкиничей сокровищ. Несложный расчет показывает, что при распределении в 1207/08 г. полученных в результате продажи сел и челяди денег по 3 гривны «на щит» у Мирошкиничей было конфисковано не менее 3000 гривен. Аналогичная сумма взималась с Новгородской земли в начале XI в.: «Ярославу же сущю Новегороде, и уроком дающе Киеву две тысяче гривен от года до года, а тысячу Новегороде гридем роздаваху»²⁵. Из сопоставления изложенных фактов следует, что новгородцы в 1207 г. поставили размер контрибуции с поверженного боярского клана в прямую зависимость от суммы регулярно проходившего через руки их фискальных агентов годового объема дани. Если предложенная цепь рассуждений верна, то, во-первых, ясно, что за два столетия объем собираемой с Новгородской земли дани не изменился, а, во-вторых, 1014-й год, когда Ярослав отказался передавать две трети дани в Киев, возможно признать начальной датой сложения в Новгороде фискально-мобилизационной системы «щитов земли».

Необходимость ее создания была обусловлена остротой борьбы Ярослава за киевский стол, начавшейся в 1016 г., когда новгородский князь «собравои 4000: варяг бяшет тысяща, а новгородцов 3000»²⁶. Рассказ Новгородской первой летописи о событиях 1016 г. содержит и прямое упоминание новгородской «тысячи», «воев славных» которой Ярослав распорядился «иссечь» в отместку за избиение варягов из княжеской дружины. Принимая во внимание результаты исследования источников Новгородской первой летописи А.А. Гиппиусом, выявившим следы редакционной переработки статьи 6524 г. [Гиппиус 1997, с. 59–62], мы отдаем решительное предпочтение версии рассказа об этих событиях в «Повести временных лет», где говорится, что на Ракоме было убито не 1000 воинов Славенского конца, а лишь «нарочитые мужи», составлявшие элитную группу новгородской тысячи²⁷.

Весомое доказательство в пользу концепции об изначальном территориальном совпадении концов и сотен содержат летописные и археологические данные о событиях 1118 г. в Новгороде и Киеве. Обнаруженная в 2005 г. на Троицком раскопе берестяная грамота № 954 содержит письмо представителей администрации Людина конца администратору более низкого ранга (возможно, приставу в ранге подвойского) с указанием предъявить обвинение некоему Шильцу в том, что он наводит порчу на животных жителей Неревского и Славенского концов. Основанием для этого обвинения послужили рассказы некоей Ноздрьки, которая предположительно была родственницей летописного Ноздрьцы, и грамота, присланная с Торговой стороны, о наведении порчи на коней. По предположению Зализняка и Янина, в грамоте отражена первопричина описанных в летописи под 1115 и 1118 гг. событий [Зализняк, Янин 2006, с. 3–7].

²⁵ Повесть временных лет / Подг. текста Д.С. Лихачева. СПб., 1996. С. 58; НПЛ. С. 168.

²⁶ НПЛ. С. 175.

²⁷ Повесть временных лет. С. 62; НПЛ. С. 174.

Под 1115 г. в летописи говорится об эпизоотии – массовом падеже коней у дружинников князя Мстислава, после чего находившиеся в Неревском конце усадьбы Даньслава и Ноздрчи были разграблены по инициативе враждебных боярских группировок. После отъезда Мстислава к отцу на юг и утверждения на новгородском столе Всеволода Мстиславича Владимир Мономах и Мстислав в 1118 г. в Киеве осуществили присягу с крестоцелованием «всех» новгородских бояр, которые в большинстве своем были отпущены в Новгород. Однако некоторые бояре, включая сотского Ставра, виновные в разграблении усадеб Даньслава и Ноздрчи, были задержаны в Киеве и посажены под арест: «и разгневаясь на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрчю, и на сочьского Ставра, и затоци я вся»²⁸. Два обстоятельства придают этому сообщению исключительное значение. Во-первых, практика организованного разграбления городских усадеб видится как уходящая в период, предшествовавший конституированию с местного суда посадника и князя (до 1126 г.) Эта практика не вызывала противодействия князя Мстислава в период его пребывания в Новгороде, что заставляет предполагать ее регулярный характер, а ее саму как укорененную в вечевых порядках. Во-вторых, сотский Ставр в этих событиях определенно играет роль инициатора и организатора разграбления боярских усадеб. Коль скоро постулируется сюжетная связь летописного сообщения с грамотой № 954, Ставр может рассматриваться как сотский сотни, совпадающей с Людиным концом или его частью.

Второй составной элемент нашей объяснительной модели – выявление связи тысячной организации с городом и князем. Вопрос о социальном статусе и численности новгородского населения, состоявшего в княжеской юрисдикции, затрагивался историками, которыми было высказано немало предположений на этот счет. В.Д. Назаров полагает, что одной из таких «компактно расселенных элитных групп... , частью исконно новгородской по происхождению, а частью приобретшей новгородскую оседлость», были огнищане, обязанные мостить проезд «от Алфердова вымола... до Будятина вымола» [Назаров 1984, с. 119]. Однако, доньше не решенный ключевой вопрос состоит в «неуловимости» княжеской сотни, зафиксированной в «Уставе о мостех» 1260-х гг. в качестве структурной единицы, обеспечивавшей сооружение 10-го звена Великого моста. Излагаемая гипотеза о «щите земли», как представляется, не только помогает разрешению указанного парадокса, но и благодаря его разрешению превращается в объяснительную модель. Исследователи давно обратили внимание на летописное упоминание двух «щитников»: Микифора щитника, контролировавшего владычный двор во время конфликта с архиепископом Антонием и тысяцким Вячеславом осенью 1228 г. и Гаврила щитника, убитого в сражении с Литвой в 1234 г.²⁹

М.Н. Тихомиров рассматривал события 1228 г. как захват власти ремесленниками – объединением щитников. Т.Л. Вилкул считает их людьми на должностях щитников, занимавших «довольно высокое положение в обществе» [Тихомиров 1955, с. 259; Вилкул 2004, с. 63]. Наиболее убедительную

²⁸ НПЛ. С. 21, 204–205.

²⁹ НПЛ. С. 67, 273; 73, 284.

версию социального статуса щитников выдвинул П.В. Лукин, сославшийся на реестр смоленских слуг из Литовской метрики, где содержится несколько перечней «слуг щитных», обязанных службой великому князю литовскому. Исследователь считает упомянутых в летописи щитников новгородцами и участниками веча, являвшимися ремесленниками-усадебовладельцами или профессиональными воинами [Лукин 2018, с. 226–229]. Догадка Тихомирова и Лукина о «щитниках» как ремесленниках должна быть отклонена, поскольку на Руси мастера-оружейники носили наименование «бронников». Термин «щитник», помимо указанных случаев, не известен в новгородских источниках, однако упоминание «слуг щитных» в реестре конца XV в., относящемся к соседней с Новгородом Смоленской земле, позволяет усмотреть детали, недоступные при анализе летописного текста. «Щитные» слуги, наряду с «доспешными» и «панцырными» были зафиксированы в семи территориальных «путях», подчиненных господарскому замку Смоленска: Радщинском, Вержавском, Светславском, Машинском, Молоховском, Дубровенском, Опацком³⁰.

Полагаем, что отразившиеся в источниках конца XV в. порядки восходят к XII в., когда на территории Смоленского княжества оформился княжеский домен, отдельные волости и села которого известны из уставной грамоты Смоленской епархии 1136–1150 гг. [Алексеев 2006, с. 96–99, 206–241]. Особая роль Смоленского княжества в истории Новгорода обусловлена не только принадлежностью Смоленска на рубеже XI–XII вв. к владениям Владимира Мономаха и его потомков, один из которых, Всеволод Мстиславич, в 1120-х гг. получил из состава смоленских земель владельческий массив из кормленческих волостей. Приведем общеизвестные данные о пребывании на новгородском столе смоленских князей. На протяжении второй половины XII–начала XIII в. в Новгороде находились на княжении 8 представителей смоленской династии. Князь Ростислав Мстиславович занял новгородский стол 26 марта 1154 г., оставив его в ноябре сыну Давыду и не заключив нового договора с Новгородом, чем предрешил его изгнание³¹. Вторую попытку закрепить Новгород за своими сыновьями Ростислав предпринял в 1157 г., посадив Святослава в «Новегороде на столе, а Давыда на Новом торгу»³².

В 1180 г. в Новгороде завершает земной путь Мстислав Ростиславич Храбрый, погребенный в Софийском соборе, а в 1184 г. из Смоленска на новгородский стол был призван Мстислав Давыдович. В третий раз представители смоленской княжеской династии утвердились на новгородском столе («столе отне») в первой четверти XII в.: Мстислав Торопецкий занимал новгородский стол в 1209–1218 гг., а затем до 1221 г. в Новгороде княжили его родственники Святослав и Всеволод Мстиславичи³³. В начале XIII в. торопецкий князь Давыд выступает как вассал и союзник Мстислава и Новгорода во время похода на чудь в феврале 1214 г. и обороны Торжка от литовских дружин в 1225 г. В двух последних акциях деятельное участие

³⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т. 27. Стб. 488–490, 494–497, 500–501, 503–507.

³¹ НПЛ. С. 29.

³² НПЛ. С. 30.

³³ НПЛ. С. 226, 228, 249.

принимали «дворяне», получившие третью часть дани с чуди, и «торопяне», под которыми следует понимать, главным образом, княжеских военных слуг³⁴. Уже на излете существования Смоленского княжества, в 1397 и 1404 гг. его князья, Василий Иванович и Юрий Святославович, оказались на положении кормленщиков в северо-западных пригородах Новгорода, причем последний получил 13 городов, от Корелы и Копорья до богатых торговых центров Русы и Торжка³⁵.

Таким образом, начиная с середины XII в. князья смоленской династии вели результативную борьбу за новгородский стол, наверняка рекрутируя новгородцев в состав отрядов своих военных слуг. Длительное присутствие смоленских и торопецких княжеских дружин в Новгороде не могло не приводить к конвергенции пришлых и оседлых элитных групп. Исходя из предположения о реликтовом характере статуса смоленских «щитных слуг» в конце XV в., весьма вероятным будет заключение и об их генетической близости с новгородскими «щитниками», упоминаемыми в 1228 и 1234 гг. Принадлежность последних к юрисдикции князя возможна, поскольку, согласно летописи, Микифор был приставом при арестованном владыке Антонии, а Гаврила был включен в мартиролог погибших наряду с княжеским «дечким»³⁶. Невзирая на большую древность источника, содержащего термин «щитник» по сравнению с термином «слуги щитные», нет уверенности в том, что Новгородская первая летопись зафиксировала наиболее архаичную словоформу, обозначающую это явление. Документальный характер реестра Литовской метрики заставляет признать именно термин «слуги щитные» исходным, обозначающим категорию путных княжеских слуг, в новгородских источниках чаще всего именуемых «дворянами», а их совокупность – «двором» [Назаров 1978, с. 108–123].

Термин же «щитник» мог возникнуть под пером летописца как результат субстантивации – грамматического перехода в разряд существительных слов других частей речи. В перечне убитых новгородцев 1234 г. ряд персонажей идентифицирован по месту проживания, например, «Негутин с Лубяницы» (улицы – В.А.). Между тем, в Плотницком конце в XV в. фиксируется Щитная улица, которая наверняка существовала в XIII в., когда боярство Плотницкого конца уже вступило в борьбу за власть. Следовательно, и Микифор щитник, и Гаврила щитник могли быть просто жителями Щитной улицы Плотницкого конца. Однако в контексте выявленных параллелей между новгородскими «щитниками» и смоленскими «слугами щитными» само наименование Щитной улицы представляется неслучайным. Если верно наше предположение о компактном проживании «щитных слуг» князя на территории Плотницкого конца, то именно там, в районе улиц Щитной, Коноховой, церкви Бориса и Глеба могла располагаться «княжая сотня» Устава о мостех. Заслуживают внимания не только упоминания «щитников» в 1228 и 1234 гг., но и обстоятельства последующего исчезновения этой категории населения из источников. Коль скоро выше мы констатировали принадлеж-

³⁴ НПЛ. С. 251, 269.

³⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 190; Т. 25. С. 232.

³⁶ НПЛ. С. 67, 273; 73, 284.

ность «щитных слуг» к княжеской организации, это может быть маркером процесса трансформации «княжой» сотни в городскую с последующим изменением статуса ее населения. Этимологическое родство понятий «щит земли» и «щитные слуги», на первый взгляд, является свидетельством изначальной связи «щитов земли» исключительно с княжеской организацией, однако приведенные выше данные о распространении «щитов земли» на всю территорию Новгорода в XII–XVII вв., а сотен как минимум в XI в. не позволяют принять это предположение.

Третий элемент объяснительной модели призван объяснить факт того, что неослабевающее в XII–начале XV в. вооруженное противостояние боярских группировок сходит на нет в 1420-х гг. Разгром вооруженными отрядами Неревского и Славенского концов дворов посадника Андрея Ивановича и его клана в 1421 г. стал последним известным легальным актом реализации права на освященную традицией экспроприацию имущества, а конфискации 1360-х гг. – последним актом взятия сел побежденных «на щит» с возможным последующим разделом. Чем же был вызван переход от вооруженной борьбы между посадничьими кланами к формам политического компромисса, когда проигравшие оказывались под судебной защитой? Ответ на этот вопрос может быть дан изучением памятников права вечевых республик, в нормах которых преломилось это противостояние – Новгородской и Псковской судных грамот – из которых наиболее сложным для понимания является последний.

Л.В. Черепнину принадлежит важнейший вывод о внесении в 1474 г. изменений в текст памятника права веча Пскова. Следы приписок Черепнин обнаружил в ст. 1, в которой рассматриваются вопросы, касающиеся судебных штрафов в пользу князя и его людей, а также в ст. 9–12 о земельных тяжбах [Черепнин 1948, с. 418–419]. Черепнин подчеркивал одновременность работы «московского правительства» над текстом Псковской судной грамоты и сборником новгородских документов, включавшим в свой состав и Новгородскую судную грамоту. Однако позднейшая редакция не коснулась ранних «слоев» свода законов Пскова, сохранившего таким образом архаичные правовые нормы, восходящие к древнему праву вечевых республик. Проблема соотношения ранних форм права, известных из берестяных грамот, и поздних форм, известных из Псковской судной грамоты, также была впервые поставлена Черепниным, который провел систематическое сопоставление этих источников и резюмировал его результаты: «Правовые нормы, действовавшие в Пскове и Новгороде, были весьма близкими, и эта близость дает возможность использовать новгородские берестяные письма для более углубленного комментирования Псковской судной грамоты, а на основе последней понять содержание ряда берестяных текстов» [Черепнин 1969, с. 363].

Продолжая плодотворную мысль Черепнина, следует признать методически правильным поиск соответствий новгородским реалиям в нормах свода вечевых законов Пскова. Выявленные параллели дадут основание предполагать общность если не правовых норм, то социальных явлений, отраженных в правовых нормах Новгородской и Псковской

грамот. В 16-й статье Псковской судной грамоты сохранилось единичное упоминание о родовых связях, лежавших в основе древних концов: «...в пожаре, или по грехом на кого род ополчится, а у того времени што кому даст на зблюдение, а имет просит своего, и тот человек запрется, у него взем, ино кому искать, явити ему». Слово «род» в этом фрагменте, представляющем собой список с листа, следовавшего в оригинале после утраченного, упомянуто в контексте проблемы сохранности имущества, переданного на «зблюдение». Переводчики и комментаторы трактовали «ополчившийся род» как «воставший народ», или «народное возмущение»: «если... (имущество)... погибнет во время грабежа или пожара или народного восстания»³⁷.

Использованный в памятнике фразеологический оборот «на кого род ополчится» демонстрирует поразительное соответствие метафорам, применяемым для описания вооруженных столкновений уличанско-кончанских группировок в Новгороде. В описании новгородских событий 1287 и 1291 гг., например, летописцем были применены фразы «поидоша на него изо всех концов, яко силная рать, всякыи в оружии, силою великою», и «снидошася в доспесе»³⁸. Оборот Псковской судной грамоты «по грехом», отсылающий к грядущему наказанию на Страшном суде, но никак не к суду людскому, показывает, что в момент формулировки этой правовой нормы столкновения между боярскими родами в Новгороде и Пскове были морально осуждаемым, но не противозаконным деянием.

В ст. 10–11 Новгородской судной грамоты, напротив, говорится о незадедательном суде по делам о наезде и грабеже, даже если в это время не будет судебного заседания по земельным делам. Приоритетное разделение дел, связанных с наездом и грабежом и крупные штрафы за грабеж свидетельствуют о том, что к моменту редактирования данного фрагмента судной грамоты подобного рода действия стали незаконными. Решение вопроса о том, когда это произошло, может быть предложено на основании историко-юридического исследования Л.В. Черепнина, показавшего, что ст. 5, 6–7, 10–12, 20–21, 42 являлись вставкой, включенной во время редактирования памятника в 1422 г. [Черепнин 1948, с. 373–396]. Эта дата является синхронной времени масштабных преобразований института посадников, в ходе которых корпус одновременно действовавших посадников увеличился до 24, а с 1416/17 г. обновление степени стало производиться два раза в год [Янин 2003, с. 331–341].

Факт представительства черных людей «от всех концов» на переговорах с Иваном III 7 декабря 1477 г. показывает, что совмещение территорий концов и сотен имело место и во второй половине XV в.³⁹ Несмотря на ликвидацию самостоятельных судов сотских и рядовичей в соответствии с условиями Коростынского докончания 1471 г.⁴⁰, сотенная система в Новгороде оказалась столь же долговечной, как и кончанская. Причем, если концы уже в XVI в. стали не более чем топографическими

³⁷ Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 288, 305, 341.

³⁸ НПЛ. С. 326.

³⁹ Софийская вторая летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2.) М., 2001. С. 271.

⁴⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 27. С. 51.

единицами, сотни продолжали оставаться действующими органами самоуправления, сохранив свои функции контроля за городским дворовладением и после инкорпорации Новгорода в состав единого национального государства. Это доказывается фактами заверения купчих грамот сотскими и уличанскими старостами. При заключении купчей на двory вдовы Марии Кузминой, Самуила Иванова, Трифона Декши и меновой Афанасия Федотова в 1591 г. присутствовали («у купчей сидели») в первом случае сотский Борковой улицы Нечай Оксентьев, во втором – «сотцкой Иван сарафанник», в третьем – «сотцкой Сидор кожевник», в четвертом – «староста Щитной улицы Карп Степанов»⁴¹. В данном случае принципиально важно подчеркнуть синхронное упоминание в однотипных источниках «щитов земли» и сотских как гарантов юридической силы совершенных на двory сделок.

Если предложенная цепь рассуждений верна, то история происхождения и бытования “дистрибутивных практик” в средневековом Новгороде представляется в следующем виде. Сколь бы непрочной была федерация концов на берегах Волхова, они могли объединиться в X–XI вв. лишь на основе некоторых принципов, обеспечивавших паритет их прав и обязанностей. Важнейшими в их числе были соучастие населения концов в обороне и общегородском благоустройстве, подразумевавшем коммуникации между концами и с вынесенным за пределы концов торгом. Равноправность в исполнении указанных повинностей могла быть достигнута только путем разбивки территории Новгорода на равные участки, которые были названы «щитами». Для удобства их организации была применена общая для индоевропейских народов децимальная система деления на сотни, функционировавшая уже в начале XI в. [Modzelewski 2004, p. 307–336].

Принципиально важно подчеркнуть, что, судя по фиксации в купчих XVI–XVII вв. «щитов земли» повсеместно, включая «ядра» кончанских участков, на сотни были поделены не свободные пространства между концами, а вся городская территория, исключая Детинец, торг и неосвоенные в XI–XII вв. «заполя». Военно-мобилизационным предназначением сотенного деления объясняется функционирование единственного княжеского тысяцкого до конца XII в., когда институт тысяцкого перешел под контроль республики. По мере разделения полномочий князя и посадника к 1260-м гг. в юрисдикции князя оказалась упомянутая в «Уставе о мостех» «княжая» сотня, населенная в том числе «щитными слугами» («щитниками»), в дальнейшем также перешедшая в республиканскую юрисдикцию.

Система объединенных в сотни «щитов» и стала той арматурой, которая пронизывала рыхлую структуру боярских гнезд, скрепляя ее в федерацию, управляемую князем, посадником и вечем. Будучи предназначена для раскладки военно-мобилизационных повинностей и обязанностей населения по городскому благоустройству, система объединенных в сотни «щитов земли» естественным образом стала основой для рас-

⁴¹ Великий Новгород... С. 133, 146, 147, 154.

предела конфискованного у терпевших поражение боярских группировок имущества. Коль скоро на «щиты земли» делилась большая часть территории города, конфискованное в 1207/08 г. имущество, по словам летописца, распределялось «по 3 гривне по всему граду». Важно подчеркнуть, что в числе получателей конфискованного у Мирошкиничей имущества оказались и вернувшиеся из-под Пронска в составе «тысячи» новгородцы. Получение ими трех гривен «на щит» в какой-то степени компенсировало их расходы на участие в войне. Процесс поступательного развития республиканской государственности, включавший в себя разграничение княжеской власти и посадничества в первой трети XII в., появление республиканского тысяцкого в конце XII в., реформы посадничества конца XIII и середины XIV в., не затронул архаичные формы дистрибутивных практик.

Более того, вспышки сопровождавшейся экспроприациями борьбы происходят как раз в последующие после реформ десятилетия, но сходят на нет ко второй четверти XV в. Памятники права вечевых республик сохранили уже только фрагментарные следы бытования дистрибутивных практик, а также их законодательного упразднения в 1420-х гг. Из не осуждаемых законодательно они превратились в криминальные, что доказывают факты столкновений Плотницкого конца с неревлянами и прущанами в 1475 г. В ходе «наездов» на усадьбы противников было разграблено имущество на 1500 руб., но акция не сопровождалась ни распределением награбленного, ни уничтожением дворов. На суде 1 декабря Иван III повелел «доправить» на виноватых убытки истцов и наложить на них штрафы («вину») в соответствии с нормами Новгородской судной грамоты⁴².

После инкорпорации Новгорода в 1484 г., обнулив прежние договоренности с боярской элитой, Иван III неосознанно повторил политические маневры своих предшественников Всеволода III и Ярослава Ярославича, санкционировав расправу над тридцатью «большими и житеями людьми». В грабежах дворов боярских семей из числа противников Москвы, санкционированных Иваном III, логично усматривать рецидивы распространенных во времена расцвета вечевого строя порядков, однако вопреки этим порядкам великий князь «казны их и села все велел отписати на себя»⁴³. «Щит земли», использовавшийся в республиканскую эпоху как счетная единица для разверстки воинской повинности и одновременно как единица для распределения экспроприированного имущества, оказался вместе с сотней вмонтирован в административную структуру Новгорода московской эпохи, а его реликтовые упоминания в актах конца XVI–начала XVII в. остались малопонятным для современников свидетельством плохо управляемого и спонтанного процесса работы республиканских институтов.

⁴² Софийская вторая летопись. С. 246, 249.

⁴³ Софийская вторая летопись. С. 318–319; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. (Полное собрание русских летописей. Т. VIII.) М., 2001. С. 215.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2006 – *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. – М., 2006. Кн. 1. – 289 с.

Алексеев 2019 – *Алексеев Ю.Г.* «Черные люди Новгорода и Пскова» // Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. – СПб., 2019. – С. 495–531.

Аракчеев 2017 – *Аракчеев В.А.* Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: Мат. межд. науч. конф. – Калуга, 2017. – С. 17–31.

Вилкул 2004 – *Вилкул Т.Л.* Летописные «бояре» и «чернь» на вече // Средневековая Русь. Вып. 5. – М., 2004. – С. 61–70.

Гиппиус 1997 – *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. – СПб., 1997. Вып. 6(16). – С. 3–72.

Гиппиус 2005 – *Гиппиус А.А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. – С. 9–24.

Зализняк, Янин 2006 – *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Берестяные грамоты из раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. 2006. № 3. – С. 3–12.

Ключевский 1987 – *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 2. – М., 1987. – 446 с.

Куза 1979 – *Куза А.В.* Рецензия на кн.: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. – М., 1977 // Советская археология. 1979. № 4. – С. 300–306.

Кучкин 2010 – *Кучкин В.А.* Кремлевская находка 1843 г. // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 7. – М., 2010. – С. 300–312.

Лукин 2018 – *Лукин П.В.* Новгородское вече. – М.: Индрик, 2018. – 607 с.

Монгайт 1953 – *Монгайт А.Л.* Новгородская феодальная республика // Очерки по истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. 1 / Под ред. Б.Д. Грекова. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – С. 334–357.

Назаров 1978 – *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978. – С. 104–123.

Назаров 1984 – *Назаров В.Д.* О феодальном землевладении в Новгородской республике // История СССР. 1984. № 2. – С. 112–120.

Никитский 1870 – *Никитский А.И.* Очерки из жизни Великого Новгорода // Журнал министерства народного просвещения. 1870. Август. – С. 201–224.

Соловьев 1988 – *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 кн. Кн. II. – М.: Мысль, 1988. – 765 с.

Тихомиров 1955 – *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания XI–XIII вв. – М.: Госполитиздат, 1955. – 278 с.

Тихомиров 2003 – *Тихомиров М.Н.* Труды по истории Москвы. – М.: Языки славянских культур, 2003. – 685 с.

Флоря 1999 – *Флоря Б.Н.* К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время. Сб. ст. к 70-летию Л.В. Милова. – М., 1999. – С. 83–96.

Флоря 2021 – *Флоря Б.Н.* Лекции по русской истории. – М.: Древлехранилище, 2021. – 542 с.

Фроянов, Дворниченко 1988 – *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. – Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1988. – 268 с.

Фроянов 1992 – *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности и социально-политической борьбы конца IX–XIII вв. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1992. – 280 с.

Черепнин 1948 – *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. – М.; Л., 1948. – 470 с.

Черепнин 1969 – *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. – М., 1969. – 437 с.

Чернов 2005 – *Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 гг. – М.: Наука, 2005. – 648 с.

Янин 1970 – *Янин В.Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. – С. 44–54.

Янин 1981 – *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). – М., 1981. – 295 с.

Янин 1982 – *Янин В.Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. 1. – Л.: Наука, 1982. – С. 79–95.

Янин 1991 – *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. – М.: Наука, 1991. – 381 с.

Янин 2001 – *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. – Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2001. – 150 с.

Янин 2003 – *Янин В.Л.* Новгородские посадники. – М.: Языки славянских культур, 2003. – 511 с.

Янин 2008 – *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 396 с.

Modzelewski 2004 – *Modzelewski K.* Barbarzyczna Europa. Warszawa, 2004. 257 s.

REFERENCES

Alekseev, Ju.G. (2019), «Chernye ljudi Novgoroda i Pskova» [„Black people of Novgorod and Pskov“], in *Alekseev Ju.G. Agrarnaja i social'naja istorija Rossii XV–XVI vv.*, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 495–531.

Alekseev, L.V. (2006), *Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury* [Western lands of Pre-Mongol Russia: essays on history, archeology, culture], Vol. 1, Nauka, Moscow, Russia.

Arakcheev, V.A. (2017), “Porjadok sbora ordynskogo «vyhoda» v russkih zemljah vo vtoroj polovine XV v.” [The order of the Horde’s “exit” in the Russian lands in the second half of the XV century], in *Velikoe stojanie na reke Ugre i formirovanie Rossijskogo centralizovannogo gosudarstva: lokal'nye i global'nye konteksty: Proc. Int. Sci. Conf.*, Kaluga, Russia, pp. 17–31.

Cherepnin, L.V. (1948), *Russkie feodal'nye arhivy XIV–XV vv., Part. 1* [Russian feudal archives of the XIV–XV centuries. Part 1], Izd. AN SSSR, Moscow, Russia.

Cherepnin, L.V. (1969), *Novgorodskie berestjanye gramoty kak istoricheskij istochnik* [Novgorod birch bark letters as a historical source], Nauka, Moscow, Russia.

Chernov, S.Z. (2005), *Domen moskovskih knjazej v gorodskih stanah. 1271–1505 gg.* [The domain of the Moscow princes in the city camps. 1271–1505], Nauka, Moscow, Russia.

Florja, B.N. (1999), K izucheniju cerkovnogo ustava Vsevoloda [To study the Church Charter of Vsevolod], in *Rossija v srednie veka i novoe vremja. Sb. st. k 70-letiju L.V. Milova*, Moscow, Russia, pp. 83–96.

Florja, B.N. (2021), *Lekcii po russkoj istorii* [Lectures on Russian history], Drevlehranilishhe, Moscow, Russia.

Frojanov, I.Ja., Dvornichenko, A.Ju. (1988), *Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi* [City-states of Ancient Russia], Izd. Leningradskogo un-ta, Leningrad, Russia.

Frojanov, I.Ja. (1992), *Mjatezhnyj Novgorod. Oчерki istorii gosudarstvennosti i social'no-politicheskoj bor'by konca IX–XIII vv.* [Rebellious Novgorod. Essays on the

history of statehood and socio-political struggle of the late IX–XIII centuries], Izd. S.-Peterburgskogo un-ta, Sankt-Petersburg, Russia.

Gippius, A.A. (1997) K istorii slozhenija teksta Novgorodskoj pervoj letopisi [On the history of the Composition of the Text of the Novgorod First Chronicle], in *Novgorodskij istoricheskij sbornik*, Vyp. 6(16), Dmitrij Bulanin, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 3–72.

Gippius, A.A. (2005) K izucheniju knjazheskih ustavov Velikogo Novgoroda: «Ustav knjazja Jaroslava o mosteh» [To study the princely charters of Veliky Novgorod: “The Charter of Prince Yaroslav on the bridge”], in *Slavjanovedenie*. 2005. № 4, pp. 9–24.

Janin, V.L. (1970), “Problemy social’noj organizacii Novgorodskoj respubliki” [Problems of social organization of the Novgorod Republic], *Istorija SSSR*, 1970, no. 1, pp. 44–54.

Janin, V.L. (1981), Novgorodskaja feodal’naja votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie) [Novgorod feudal patrimony (Historical and genealogical research)], Nauka, Moscow, Russia.

Janin, V.L. (1982), Social’no-politicheskaja struktura Novgoroda v svete arheologicheskikh issledovanij [The socio-political structure of Novgorod in the light of archaeological research], in *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. Vyp. 1, Nauka, Leningrad, Russia, pp. 79–95.

Janin, V.L. (1991), *Novgorodskie akty XII–XV vv.: Hronologicheskij kommentarij* [Novgorod Acts of the XII–XV centuries: Chronological commentary], Nauka, Moscow, Russia.

Janin, V.L. (2001), *U istokov novgorodskoj gosudarstvennosti* [At the origins of Novgorod statehood], Velikij Novgorod, Russia.

Janin, V.L. (2003), *Novgorodskie posadniki* [Novgorod posadniki], Jazyki slavjanskih kul’tur, Moscow, Russia.

Janin, V.L. (2008), *Očerki istorii srednevekovogo Novgoroda* [Essays on the history of medieval Novgorod], Jazyki slavjanskih kul’tur, Moscow, Russia.

Kljuchevskij, V.O. (1987), *Sochinenija v 9 t. T. 2* [Essays in 9 vols. Vol. 2.], Mysl’, Moscow, Russia.

Kuchkin, V.A. (2010), Kremlevskaja nahodka 1843 g. [Kremlin find of 1843], in *Vestnik istorii, literatury i iskusstva*. T. 7., Moscow, Russia, pp. 300–312.

Kuza, A.V. (1979), Rec. na kn.: Janin V.L. Očerki kompleksnogo istochnikovedenija. Srednevekovyj Novgorod. M., 1977 [Review of the book: Yanin V.L. Essays of complex source studies. Medieval Novgorod], in *Sovetskaja arheologija*, 1979, no. 4, pp. 300–306.

Lukin, P.V. (2018), *Novgorodskoe veche* [Novgorod Veche], Indrik, Moscow, Russia.

Modzelewski, K. (2004), *Barbarzyńska Europa* [Barbaric Europe], Warszawa, Poland.

Mongajt, A.L. (1953), “Novgorodskaja feodal’naja respublika” [Novgorod Feudal Republic] in Grekov, B.D. (ed.), *Očerki po istorii SSSR. Period feodalizma. IX–XV vv. Ch. 1* [Essays on the history of the USSR. The period of feudalism. IX–XV centuries. Part 1]. Izd. AN SSSR, Moscow, Russia, pp. 334–357.

Nazarov, V.D. (1978), «Dvor» i «dvorjane» po dannym novgorodskogo i severovostochnogo letopisanija (XII–XIV vv.) [“Yard” and “nobles” according to the Novgorod and North-Eastern chronicles (XII–XIV centuries)], in *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov’e*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 104–123.

Nazarov, V.D. (1984), O feodal’nom zemlevladienii v Novgorodskoj respublike [About feudal land ownership in the Novgorod Republic], in *Istorija SSSR*, 1984, no. 2, pp. 112–120.

Nikitskij, A.I. (1870), “Očerki iz zhizni Velikogo Novgoroda” [Essays from the life of Veliky Novgorod], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija*, no. 8 (Avgust), pp. 201–224.

Solov'ev, S.M. (1988), *Sochinenija v 18 kn. Kn. II.* [Essays in 18 books. Book II.], Mysl', Moscow, Russia.

Tihomirov, M.N. (1955), *Krest'janskije i gorodskie vosstanija XI–XIII vv.* [Peasant and urban uprisings of the XI–XIII centuries], Gospolitizdat, Moscow, Russia.

Tihomirov, M.N. (2003), *Trudy po istorii Moskvy* [Works on the history of Moscow], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, Russia.

Vilkul, T.L. (2004), Letopisnye «bojare» i «chern'» na veche [Chronicle “boyars” and “rabble” at the Veche], in *Srednevekovaja Rus'*, 2004, Вып. 5, pp. 61–70.

Zaloznjak, A.A., Janin, V.L. (2006), Berestjanye gramoty iz raskopok 2005 g. [Birch bark certificates from excavations in 2005], in *Voprosy jazykoznanija*, 2006, no. 3, pp. 3–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир А. Аракчеев, доктор исторических наук, Российский государственный архив древних актов, Москва, Россия; 119435, Россия, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17; Институт российской истории РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; *arakk@rambler.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Arakcheev, Doct. of Sci. (History), Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russia; bld. 17, Bol. Pirogovskaja av., Moscow, Russia, 119435; Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld.19, Dm. Ulianova av., Moscow, Russia, 117292; *arakk@rambler.ru*.

Историческая топография Казани ханского времени

Ситдииков Айрат Г.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
Россия, Казань, sitdikov_a@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4563-2824

Аннотация. В статье излагаются проблемные вопросы средневековой истории Казани ханского времени. События, связанные с Казанью эпохи ханства, являются значимыми в формировании российского государства. Обширная историография вопроса показывает актуальность научной темы в осмыслении процессов, протекавших в Восточной Европе в XV–XVI вв. Комплексный анализ различных исторических источников средневековой Казани позволяет расширить наши представления об особенностях развития города в этот период и реконструировать его топографию. Выявленное своеобразие территориального развития разных частей города дает основание для расширения исследовательских задач по изучению социальной, экономической и политической жизни города и самого ханства. Выделенные в планиграфии города составные части, привязанные к современной топографии, показывают его многочастную структуру, состоящую из неукрепленного посада, защищенной стенами посада, кремля (арка) и ханского двора. Выявленные благодаря археологическим исследованиям монументальные сооружения, жилая застройка и направления улиц, определяют уровень развития городской жизни. Развитие урбанизма Казани в период ханства оказало влияние на формирование города после его завоевания. Многие элементы городской планировки, монументальные сооружения сохранялись долгое время и были частью городского ландшафта.

Ключевые слова: Казань, Россия, ханство, город, топография, археология, историография, средневековье, исторические источники, Волга, кремль, посад, острог, война, население.

Для цитирования: Ситдииков А.Г. Историческая топография Казани ханского времени // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 36–69. DOI: 10.25986/ISN.2023.33.65.003.

Historical topography of Kazan of the Khanate epoch

Airat G. Sitdikov

Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Archaeology
named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan,
sitdikov_a@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4563-2824

Abstract. The paper devoted to the problematic issues of the medieval history of Kazan of the Khanate epoch. The events related to Kazan of the Khanate epoch are significant in the formation of the Russian state. The extensive historiography of the issue

demonstrates the urgency of the scientific topic in understanding the processes that took place in Eastern Europe in the XV–XVI centuries. Comprehensive analysis of various historical sources of medieval Kazan allows us to expand our understanding of the peculiarities of the city development in this period and to reconstruct its topography. The revealed uniqueness of the area development of different parts of the city gives a reason for expanding research tasks to study the social, economic and political life of the city and the khanate. The distinguished components of the city, tied to modern topography, show its multi-part structure, consisting of an unfortified trade and craft quarter, walled posad, kremlin (arch) and the Khan's yard. Monumental structures, residential buildings and street directions revealed during archaeological studies demonstrates the level of urban life development. The development of urbanism in Khanate Kazan influenced the formation of the city after its capture. Many elements of urban planning, monumental structures have been survived for a long time and were part of the urban landscape.

Keywords: Kazan, Russia, khanate, city, topography, archaeology, historiography, Middle Ages, historical sources, Volga, kremlin, posad (trade and craft quarter), ostrog (wooden fortress), war, population.

For citation: Sitdikov, A.G. (2023), "Historical topography of Kazan of the Khanate epoch", *Istoricheskie zapiski*, no. 22 (140), pp. 36–69. DOI: 10.25986/ISN.2023.33.65.003.

Образование и становление городов в Восточной Европе в эпоху средневековья имеет много схожего, обусловленного близкими социально-политическими и экономическими процессами, протекавшими в регионе [Седов 1987, Хузин 1993, Полховская 2002, Ситдиков 2013]. Развитие общественных отношений, генезис государственных структур формировали условия и влияли на интенсивность их развития. Устойчивость и стабильность речных и сухопутных маршрутов позволяла объединять торговлю на огромных расстояниях Евразии [Мамлеева 1999, Кирпичников 2001, Ситдиков 2010а]. Налаживались постоянные торговые коммуникации. На рынки поступали изделия ремесленников с различных территорий, продукты промыслов, добывающих и сельскохозяйственных отраслей производства, происходил обмен знаниями и технологиями. Функционирование политических систем государств, активные торговые контакты создавали условия для возникновения многочисленных динамично развивающихся поселенческих структур от небольших селений и крепостей до крупных городов и региональных столиц. Многие из них, пройдя через перипетии истории, стали современными поселениями и городами, некоторые сегодня представляют исторические ландшафты с остатками археологических руин.

В изучении истории городов Восточной Европы есть сложности, связанные с малочисленностью и фрагментарностью письменных источников. Источники, представленные археологическими материалами, требуют для накопления данных значительного времени и также ограничены в полноте достоверных сведений. Комплексный анализ информации разных направлений знаний успешно восполняет недостающую мозаику истории городов. Из многих сотен средневековых городов только единицы, благодаря многолетним работам ученых, приоткрывают завесу прошлого.

Среди городов Восточной Европы особое место в мировой истории занимает средневековая Казань. С момента своего основания, в начале XI в.,

она формировалась как укрепленное поселение. Решающее значение при выборе места строительства небольшой болгарской крепости играло стратегическое ее расположение на излучине русла Волги, а также естественная защищенность труднодоступного Кремлевского холма с крутыми склонами.

Ранняя Казань представляет собой мысовое городище, заселявшееся с северной оконечности холма [Губайдуллин 1999, Хузин 2001а, Ситдилов 2002]. С самого начала осваивалась территория у его подножья вдоль берегов, протекавших здесь рек Казанка и Булак. Во время монгольского нашествия город, вероятно, не подвергался разрушению. Следов его уничтожения археологически не выявлено. В золотоордынское время в Заказанье увеличивается численность населения и Казань становится важным региональным центром [Ситдилов 2002, с. 161–164]. Ослабление центральной власти Золотой Орды в конце XIV в. усиливало конфликты за первенство между ее различными областями. Изменения политического положения Казани в середине XV в. и рост населения приводят к динамичному расширению территории торгово-ремесленного посада города. Выгодное его стратегическое и торговое положение в эпоху Казанского ханства было усилено изменением административного значения Казани, ставшей столицей государства [Ситдилов 2013, с. 15]. Географическое расположение Казани способствовало возрождению былых торговых традиций Волжской Болгарии [Хузин 1999]. К концу XV в. Казань стала крупным торгово-ремесленным городом, включенным в международную торговлю.

Историческая топография средневекового города Казани до середины XVI в. практически не представлена в письменных источниках. Связанные с этим временем визуально выраженные объекты не сохранились. Отдельные элементы планиграфии города и сооружения на его территории упоминаются в летописном своде⁴⁴; воспоминаниях участников штурма Казани [Казанская 1985, Курбский 1986]; писцовой книге второй половины XVI в. [Материалы 1932, Писцовое 2006]; картографических материалах XVI–XIX вв. [Пестриков 1909, Калинин 1929, Худяков 1930, Турнерелли 1994, Алферова 1981, Хафизов 2000, Хузин 1995]; описаниях иностранцев [Олеарий 1906, Дженкинсон 1938, Турнерелли 1994, Древняя 1996]; поздних исследованиях со ссылкой на несохранившиеся источники [Марджани 1989]. Источники по истории Казани представлены и документами из зарубежных архивов⁴⁵.

Возможности источников по изучению города расширяются благодаря археологическим исследованиям, уточняющим сведения письменных документов. В ходе археологических исследований, проводимых на территории Казани с 1920-х годов. Десятки раскопов и наблюдений позволили обнаружить монументальные постройки, жилые и хозяйственные постройки, фортификационные сооружения, остатки уличного мощения [Халиков 1983, Ситдилов 2006а].

Вопрос локализации линии укреплений города Казани представлен обширной историографией. Усилия многих историков были направлены на установление расположения стен посада Казани в момент штурма города в 1552 г. [Ситдилов, Хузин 2004, с. 116–121]. При рассмотрении различных

⁴⁴ ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Том. 13. М., 1965.

⁴⁵ Шерифи Х. Зфер-наме-и вилайет-и Казан (1549) // Эхо веков, 1995. С. 83-92.

подходов по воссозданию древней Казани можно выделить четыре основные историографические темы, содержащиеся в трудах ученых: границы посада; количество и расположение проездных ворот; внутренние укрепления города; застройка ханского двора, численность войск и населения города [Ситдииков 2002, с. 161].

К моменту образования Казанского ханства закрепляются ранее сформировавшиеся принципы внутренней планировки, происходят изменения расположения фортификационных сооружений города [Ситдииков 2006b, Ситдииков 2013, с. 15–16]. Судя по археологическим данным, рост города шел по гребню холма с севера на юг, осваивались и низменные районы его подола. Формирование торгово-ремесленного поселения за пределами укреплений Казани по археологическим данным относится еще к домонгольскому периоду. Остатки поселений, связанных с этим периодом, известны на территории Казанского Богородицкого монастыря (Старое городище). Культурные слои на его территории датируются XII–XVI вв., в районе улиц Парижской Коммуны и Межлаука – культурные слои поселения в историческом районе Кураиш имеют дату XIII–XVI вв. Заселение территорий неукрепленного посада проходило также с восточной и западной стороны Кремлевского холма [Ситдииков 2002, с. 161].

По свидетельствам современников город Казань к середине XVI в. имел значительные размеры. Один из участников штурма города сравнивает его размеры со средневековым Вильно, отмечая, что Казань чуть меньше этого крупного столичного европейского города [Курбский 2001, с. 342–343]. В Вильно, в описываемое время, укрепленная часть города занимала площадь около 90 га без незащищенного посада [Дзикас 1989, Vaitkevičius 2000, p.174]. В городе в это время проживало население до 30 тыс. человек [Srebrakowski 2020, p. 39].

Имеющиеся археологические материалы показывают, что Казань этого времени действительно была сопоставима с Вильно. Город был разделен на несколько частей: ханский двор, кремль, укрепленный и неукрепленный посадом. Большая заселенная часть его была за пределами укреплений. Неукрепленный посад достигал площади около 150 га, в пределах острога располагалось не более 70 га, включавший в себя град (кремль) около 10 га и ханский двор менее 1 га [Ситдииков 2013, с. 17, 50]. Острог и град имели деревянные укрепления, ханский же двор был окружен каменными стенами⁴⁶, остатки которых найдены в раскопах⁴⁷. На линии стен находились многочисленные башни, и в их числе были 8 острожных и градских ворот: Елбугины, Кабацкие, Сбойливые, Арские, Царские, Ногайские, Аталаковы и Тюменские. По городской территории протекала р. Булак, вытянувшаяся вдоль западной стены града и острога. Она делила неукрепленный посад на две части. По правому берегу Булака укреплений располагались Муралеевы, Тюменские и Аталыковы ворота. Под ними на берегу Булака стояла Даирова баня⁴⁸. За Булаком ближе к Царевому лугу

⁴⁶ Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 293; АИА РАН. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5563; 6643; НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44; 119; [Валиев 2004, с. 39-47].

⁴⁷ Калинин Н.Ф. Отчет о раскопках в Казанском кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) // АИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 24-87; [Губайдуллин 2002, с. 7, Ситдииков 2010b].

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 34, 50; 17; [Писцовое 2006, с. 67].

находились Отучева мечеть и местность, обозначаемая как Кураиш [Писцовое 2006, с. 129]. С северной стороны под стенами града и Елбугинными воротами протекала р. Казанка, за которой на другом берегу начиналась Галицкая дорога. С восточной стороны под укрепленным острогом со Сбойливыми и Крымскими воротами располагались озера, за которыми был неукрепленный посад, размещавшийся на Старом городище и возвышениях на берегах озер. Напольная сторона острога с Арскими, Царевыми воротами выходила на Арское поле. С южной от них стороны было озеро Кабан, а с западной – р. Булак, где располагались Ногайские ворота. От этих ворот расходились на юг и восток Ногайская и Арская дороги, начинавшиеся от ворот, соответствующими их названиям⁴⁹.

В граде и ханском дворе, по письменным источникам, располагались пять каменных зданий, четыре из них найдены и идентифицируются с ханским дворцом, ханской мечетью, ханским мавзолеем и мечетью Кул Шарифа [Хузин, Ситдииков 2005, с. 10–23, Ситдииков 2013, с. 32–34]. За пределами города располагались села и урочища, окруженные лесами и отделенные друг от друга рельефом и водными преградами: Биш Балта, Царев луг, Старое городище, Армянская, Кураиш и другие [Ситдииков 2013, с. 16,34, Писцовое 2006, с. 129, 153, 162]. Здесь находились торговые районы и слободы с разнообразным ремесленным производством.

Существование посада в XV–XVI в. подтверждается его неоднократными упоминаниями в письменных источниках. Самое раннее известие о неукрепленном посаде относится к 1469 г., когда описывается его захват русскими войсками под предводительством воеводы И.Д. Руна [Древняя 1996, с. 20]. Об укрепленном посаде сообщается в связи с событиями 1500 г., когда хан Абдул Латифа «повеле около града нарядити острог» [Древняя 1996, с. 23]. Им же в начале XV в. были проведены работы по благоустройству для торгового судоходства русла Булака. При описании боевых действий 1530 г. сообщается о строительстве укреплений посада Сафа-Гиреем: «около посаду по Арскому полю, от Булака и до Казани реки, округ его рвы копайте по-за острогу» [Древняя 1996, с. 25, 76–78].

Посадские стены к середине XVI в. по всему периметру были устроены в виде тарасов, то есть деревянных срубов, заполненных землей и камнем «согражден в семь стен, в велицех и толстых древесех: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое камень, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным непреступны...» [ПСРЛ. Т. 13, с. 214]. Перед стенами был выкопан ров, местами глубиной в 10–15 м «... и яко крепкими стенами и водами вкруг обведет бе град, и токмо со единая града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту в 7 сажен и перекопана около ея стремина велия, глубока» [Казанская 1985, с. 119–120]. А. Курбский писал: «А от той реки около места ров копан зело глубокий аж до озерка, речного протокою» [Курбский 1986, с. 326–327]. Перед воротами был глубокий ров, через который перекинут мост. Остатки укреплений острога хорошо локализуются по описанию в Писцовой книге 1565–1568 гг., а также по материалам археологических исследований [Писцовое 2006, с. 123, 152, 154, 155, 158, 164, 168, 170, История 1988, с. 31–32].

⁴⁹ [Ситдииков 2002, с. 165–172, Ситдииков 2013, с. 24–27, Ситдииков 2005, Ситдииков 2010b, с. 97–106]; ПСРЛ. Т. 13, с. 215; [Курбский 1986, с. 333, Писцовое 2006, с. 67, 82, 84, 85, 102, 152, 170].

Расположение стен посада в исследованиях имеет значительные различия. Наиболее широкое распространение получила реконструкция линии стен, выполненная Ю. фон Каницом во второй половине XVIII в. [Каниц 1843, с. 49–58]. Им для воссоздания размещения укреплений в момент штурма города был использован маршрут крестного хода, но он не учел, что крестный ход совершался по утраченной линии крепостных стен, разобранных в 1730-е годы [Пинегин 1890, с. 232, Калинин 1955а, с. 73]. Предложенный им вариант появлялся в многочисленных публикациях, посвященных штурму Казани 1552 г. [Кирилов 1831, Рыбушкин 1849, Заринский 1884, с. 59–98, Заринский 1877, Богдановский 1899, Богдановский 1898, Древняя 1996, с. 186–188, Жеребов, Майков 1952, Жеребов 1949, с. 31–42]. В начале XIX в. выходят публикации, ставящие под сомнение достоверность предположений Ю. фон Каница⁵⁰ и новые варианты расположения стен посада середины XVI в.⁵¹

Среди различных гипотез было высказано суждение, что южные стены посада Казани в момент штурма проходили намного севернее – ограничивались линией укреплений современного кремля [Саначин 2013, с. 73–89]. Приводимые автором такой реконструкции опираются на предположение, что не было линии стен вдоль р. Булак вверх по течению и вдоль Черноозерских берегов с противоположной стороны по склонам Кремлевского холма, а Арское поле – это ровная площадка на вершине холма. Приводимые аргументы противоречат фактам организации штурма, в котором указывается, что южная линия стен располагалась недалеко от истока Булака из озера Кабан, а также сведениям топонимии местности и локализации отдельных объектов, упомянутых во время осады. Автор игнорирует известные факты по локализации татарского кладбища во время штурма на северной оконечности Кремлевского холма⁵², упоминаемого также и в Писцовой книге 1565–1568 гг. западнее Спасских острожных ворот на Заразе со стороны Булака [Писцовое 2006, с. 153, 180]. Он размещает некрополь у Ивановского монастыря, ссылаясь на выявленные здесь погребения мусульман. Известный в этом районе некрополь датируется домонгольским временем и не упоминается в период Казанского ханства или в описаниях этой территории после взятия города⁵³. Не учтены в работе и описания различных участков укреплений стен ханского посада по склонам Кремлевского холма в тексте Писцовой книги 1565–1568 гг. [Писцовое 2006, с. 123, 152, 154, 155, 158, 164, 168, 170, История 1988, с. 31–32]. Вызывает сомнение и локализация Арского поля по вершине Кремлевского холма, который изрезан десятком ложбин и оврагов, полностью пересекающих его в нескольких местах. В исторической топонимии города «Арское поле» локализуется юго-восточнее от южной конечности холма, и нет никаких свидетельств размещения по гребню возвышения. Нет и никаких подтверждений в источниках о локализации этого топонима у стен

⁵⁰ Краткое медико-физическое и топографическое описание г. Казани и губернии оной. СПб, 1809.

⁵¹ Какой вид имела Казань в XVI в. // Казанские губернские ведомости. 1856. № 33, 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46; [Борисов 1899, Борисов 1898, Воронцов 1890, с. 63-102, Трофимов 1890, Пинегин 1890, Щпилевский 1877, Худяков 1930, с. 45-60, Шавахин 1988, Калинин 1955, История 1988], Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202.

⁵² ПСРЛ. Т. 13. С. 202, 214.

⁵³ Научный фонд МА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68, с. 22–25.

Казанского кремля. В Писцовой книге 1565–1568 гг. и башня посада с юго-восточной оконечности холма также именуется Арскими воротами [Писцовое 2006, с. 178–179]. Подобная реконструкция также противоречит и трехчастной структуре казанской крепости, известной по описаниям осады города до 1552 г. [Курбский 2001, с. 343]

С южной стороны посада естественным рубежом при создании укреплений на Кремлевском холме был овраг, проходивший по линии недалеко от ул. Астрономической, с восточной стороны от которой располагалось Арское поле. По сохранившимся описаниям штурма здесь было одно из активных направлений осады города. На холме у мусульманского кладбища западнее Арского поля располагался Большой полк войск под командованием Шах Али [Древняя 1996, с. 37,44]. Остатки татарского кладбища по Писцовой книге 1565–1568 гг. локализируются на южной оконечности Кремлевского холма со стороны Булака⁵⁴. Его следы выявлены Н.Ф. Калининым в ходе археологических исследований 1950-х годов в районе сквера у разрушенного здания Воскресенского собора⁵⁵. Остатки укреплений были зафиксированы в результате наблюдений при строительстве физкорпуса университета в 1982 г. в виде остатков земляного вала и рва ханской Казани. Продолжение этих укреплений выявлено и с западной стороны химфака КФУ [Халиков 1983, с. 111–138].

Реконструкцию западной линии посадской стены в XVIII в. предложили Ю. фон Каниц [Каниц 1868, с. 117, 127–128] и А.П. Рычков [Рычков 1767]. Они основывались на предположении, что стена посада с этой стороны города ханской Казани совпадает с линией стен за р. Булак. Позднее этой же позиции придерживались историки XIX в. И. Кириллов [Кирилов 1831], М. Рыбушкин [Рыбушкин 1849], П. Заринский [Заринский 1884, Заринский 1877], М.А. Богдановский [Богдановский 1899, Богдановский 1898], М. Лаптев [Древняя 1996, с. 186–188], Д. Жеребов [Жеребов, Майков 1952, Жеребов 1949, с. 31–42]. Оппоненты вышеуказанного мнения считали, что укрепления посада не выходили за левый берег р. Булак и располагались под склоном Кремлевского холма. Их доводы нашли отражение в работах автора «Краткого описания Казани» 1809 г.⁵⁶, в статье в «Казанских губернских ведомостях» 1856 г.⁵⁷, В.Л. Борисова [Борисов 1899, Борисов 1898], К. Воронцова [Воронцов 1890, с. 63–102], В.О. Трофимова [Трофимов 1890], М. Пинегина [Пинегин 1890], С.М. Шпилевского [Шпилевский 1877], М.Г. Худякова [Худяков 1930], Н.Ф. Калинина⁵⁸, Л.С. Шавохина [Шавохин 1988], А.Х. Халикова [История 1988].

Сведения письменных источников о расположении войск с западной стороны указывают, что войска находилась у стен города на правом берегу р. Булак [Древняя 1996, с. 38]. Расположение стен под склоном холма подтверждают и результаты раскопок 1988 г. у здания президиума Акаде-

⁵⁴ Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации //Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202, с. 87–88; [Материалы 1932, с. 45].

⁵⁵ Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 202, с. 319.

⁵⁶ Краткое медико-физическое и топографическое описание г. Казани и губернии оной. СПб, 1809.

⁵⁷ Какой вид имела Казань в XVI в. // Казанские губернские ведомости. 1856. № 33, 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46.

⁵⁸ Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации //Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202; [Калинин 1955].

мии наук Республики Татарстан, где были обнаружены остатки деревянных укреплений посада XV–XVI вв.⁵⁹. Предположительно, стена шла вдоль заболоченного правого берега р. Булак чуть выше ул. Баумана (бывшая Большая проломная) параллельно линии склона холма от пересечения ее с ул. Астрономической и до кремля. В Писцовой книге 1565–1568 гг. упомянуты остатки старых городней посада в привязке с исторически локализуемыми объектами [Писцовое 2006, с. 123, 152, 154, 155, 158, 164, 168, 170].

В ранних реконструкциях XVIII–XIX вв. местоположение восточной линии стен посада ориентировочно определялось от ул. Лобачевского у Ленинского сада к площади Свободы, затем по улице Касаткина или Тельмана, далее к пересечению с улицей Космодемьянской и по Нагорной до Дмитриевских ворот кремля, включая в черноозерскую систему водоемов [Пестриков 1909, Каниц 1868, с. 117, 127–128]. Исследователи исходили из предположения, что Старое городище находится на Федоровском бугре, на котором по описанию располагались войска Ивана IV. При этом ими не учитывалось или с оговорками обходились факты из описаний в источниках, в которых указывалось, что под Старым городищем понимается холм, на котором позднее был построен Богородицкий монастырь [Материалы 1932, Писцовое 2006, с. 178–179].

Известные источники не уточняют происхождение топонима «Старое городище». Неизвестны остатки укреплений и время их существования. При описании штурма говорится о расположении наряда войск, осаждающих у Поганого озера [Древняя 1996, с. 29]. При «широкой» ранней реконструкции Поганое озеро, как вся черноозерская система, оказывалось бы в укрепленном посаде и никак на его берегу не могли находиться войска осаждающих [Ситдииков 2002, с. 201–205].

В 1970–80-е годы в работах А.Х. Халикова [История 1988] и Л.С. Шавохина [Шавохин 1988] были высказаны предположения, что посад был с восточной стороны значительно меньше. Археологические исследования показали, что заселение Федоровского бугра началось позднее, и на нем не фиксируются напластования ханского времени⁶⁰. В ходе раскопок на территории Богородицкого монастыря выявили культурные отложения, указывающие на освоение холма в период Казанского ханства и историческую связь со Старым городищем [Ситдииков 1999, с. 35–46]. Наблюдения у здания Пассажа со стороны улицы Дзержинского по восточному краю склона Кремлевского холма выявили остатки укреплений ханского времени [История 1988, с. 31]. Таким образом, восточная линия стен посада по материалам исследований определяется чуть выше ул. Дзержинского от пересечения ее с улицей Лобачевского и до Кремля.

В историографии топографии города наличие укреплений Кремля представлены несколькими мнениями. Ряд историков считают, что существуют только ханский двор (П. Заринский, М.Г. Худяков, Л.С. Шавохин, С.П. Саначин) [Заринский 1884, с. 59–98, Худяков 1990, Шавохин 1988, Саначин 2013, с. 73–89]. Их мнение опирается на отсутствие в описании взятия города чет-

⁵⁹ Халиков А.Х. Отчет об археологических работах 1988 г. в зоне предполагаемого строительства станции Казанского метро «Кремлевская» // Архив НЦАИ Института истории АНТ. 61 с.

⁶⁰ Халиков А.Х. Отчет об археологических наблюдениях в Казани в 1985 г. // Архив НЦАИ Института истории АНТ. 18 с.

ких упоминаний штурма кремля, а есть только столкновение у мечети с отрядом сеида Кул-Шарифа, расположенной на Тезицком рву, после которого наступающие устремились к ханскому двору. Л.С. Шавохин считал, что выявленный Н.Ф. Калининым ров и упоминаемые в Писцовой книге 1565–1568 гг. «старые городни» – это остатки временных укреплений, возведенных русскими сразу после взятия города в 1552 г. и заброшенных после строительства южной каменной стены в 60-х годах XVI в. [Шавохин 1988, с. 128]. Высказанному мнению нет никаких подтверждений в источниках.

Имеются исследования, в которых кремль выделен как отдельная часть города. В этих работах есть разночтения расположения линии стен между посадом и кремлем (Ю. фон Каниц, Н.П. Рычков, И. Кириллов, М.А. Багдановский, Ф. Ласковский, неизвестный автор статей в «Казанских губернских ведомостях» 1856 г., Д. Жеребов, Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков, Н.Х. Халит и др.) [Каниц 1843, с. 49–58, Кирилов 1849, Богдановский 1899, Богдановский 1898, Жеребов, Майков 1952, Жеребов 1949, с. 31–42, Калинин 1955а, с. 32,33]⁶¹. Данные письменных источников и археологии позволяют локализовать южные стены кремля севернее бывшей церкви Киприана и Устины по линии укрепленных, упоминаемых как «старые городни» [Писцовое 2006, с. 81]. Остатки рва в этом районе зафиксированы раскопами И.Н. Бороздина и Н.Ф. Калинина в 1928, 1947 годах [Бороздин 1929, с. 37]⁶². Ров расположен севернее церкви Киприана и Устины и южнее Спасской надвратной церкви, упоминаемой в Разрядной книге. Он представлял собой углубление более 1,5 м шириной до 5 м. В его засыпи было обнаружено скопление древесного тлена, а на северном склоне – многочисленные известняковые камни, увязываемые с конструкциями разрушенных укреплений. На дне рва была выявлена конструкция каменного и предшествующего ему более раннего деревянного желоба дренажа, что говорит о длительном использовании этой линии рва [Бороздин 1929, с. 39–40].

Расположение линии стен кремля ханского времени реконструируются по письменным источникам, описывающие ход штурма 2 октября 1552 г. Один из участников осады, А. Курбский, пишет, что, в структуре города выделяется три части: две из них – на возвышенности, а третья – в низине [Курбский 2001, с. 343]. Возвышенную часть города почти посередине разделял очень глубокий Тезицкий ров, который пересекал Кремлевский холм. Штурмующие войска, ворвавшиеся после взрыва в город, заставили войска хана отступить за ров, где он оказывал ожесточённое сопротивление у Царских ворот до прихода резервов во главе с Иваном IV. С появлением свежих воинских сил, ханские войска были вынуждены отойти к мечети Кул-Шариф и дальше отступить к ханскому двору [Курбский 2001, с. 342–347]. А. Курбский, описывая штурм в южной части города через 10 лет после этих событий в изгнании, видимо, мог перенести в центральной части города название Тезицкого рва на другой рубеж боев до мечети Кул Шариф, так как Тезицкий ров в большинстве источников соотно-

⁶¹ См. также: Какой вид имела Казань в XVI в. // Казанские губернские ведомости. 1856. № 33, 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46.

⁶² См. также: Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 290. Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле 3-11 июня 1928 г. Доклад на юбилейном собрании, посвященном 50-летию юбилею Общества Археологии, Истории и Этнографии. 29 л.

сится с рвом, у которого располагается мечеть Кул Шариф. Вероятно, упоминаемый у него глубокий ров, деливший город на две части – это засыпанный овраг у южных современных стен кремля.

В «Казанской истории» также упоминается существование укрепленного «Вышгорода» [Казанская 1985, с. 469]. По описанию штурма в источнике, после взрыва стен города, обороняющиеся не успели закрыться и были вынуждены отступить к ханскому двору. Это свидетельство также подтверждает наличие кремля в 1552 г.

По сведениям Никоновской летописи, Тезицкий ров и мечеть располагались рядом и описываются в финале штурма, а за ними находятся стены ханского двора⁶³. В этом источнике упоминаний о штурме кремля нет. Разрядная книга также не описывает момент захвата города события, связанные с взятием кремля [Разрядные 1978, с. 429–441]. Важно отметить, что в ней говорится о строительстве после взятия Спасской церкви пред стенами ханских укреплений. Заметим, что при описании кремля в Писцовой книге 1565–1568 гг. Спасская церковь находится перед старыми городнями и рвом [Разрядные 1978, с. 439–440]. Отсутствие кремля в других источниках, возможно, связано с тем, что его укрепления из-за стремительности штурма не привлекли внимания составителей хроник из-за незначительности военных столкновений на этом рубеже.

Недостающую информацию дают документы Казанского ханства. В списке ярлыка хана Ибрагима второй половины XV в. упоминается место его выдачи – «Арк», что с персидского означает цитадель-крепость [Усманов 1979, с. 318, Мустахимов 2007]. Все эти данные подтверждают предположение о существовании отдельной от посада укрепленной части города, соотносимого с Кремлем.

В более ранних описаниях осады Казани град отличный от посада неоднократно упоминается как часть города. В описании осады Казани в 1469 г. говорится, что после захвата посада жители укрылись в граде [Древняя 1996, с. 20]. Упоминается он и при строительстве укреплений посада 1500 г. [Древняя 1996, с. 23]. Существовал град как укрепленная часть Казани и во время его осады в 1530 г., куда также отступили войска хана [Древняя 1996, с. 25, 76–78]. Остатки деревянных обгоревших стен были зафиксированы во время археологических наблюдений во дворе Юнкерского училища у стен Кремля. Во всех этих событиях град и выявленные элементы фортификации показывают, что они активно использовались и позволяли казанцам продолжать оборону.

При установлении расположения укреплений города немаловажное место занимает размещение проездных ворот при описании осады и штурма Казани. В источниках упоминается различное количество ворот. В «Царственной книге» называется 10 ворот: Арские, Аталыковы, Елбугины, Збойливые, Кабоцкие, Крымские, Муралеевы, Ногайские, Тюменские, Царевы (Царские)⁶⁴. В другом источнике, «Казанском летописце», говорится о 10 воротах, но с измененными именами: три Арских, Елбугины, Збойливые, Кебековы, Муралеевы, Нижние и Верхние Ногайские, Царевы и Водяные [Казанская 1985, с. 310–359]. Вызывает интерес и описание осады 1550 г. современником со-

⁶³ ПСРЛ. Т. 13. С. 218.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 201–221.

бытий – Х. Шерифи, который пишет об организации обороны казанцами шести ворот⁶⁵. Одни из них он называет – Ханскими. В описании А. Курбского довольно четко локализуются Елбугины ворота с мостом через р. Казанку [Курбский 1986, с. 229–280]. По Писцовой книге 1565–1568 гг. мы можем довольно точно определить расположение пяти ворот, построенных в Казанском кремле после 1552 г. на месте ранее существовавших татарских проездных башен [Писцовое 2006, с. 82, 85, 170]. Помимо этих источников в грамоте архиепископу Гурию 1555 г. упоминаются «ворота острожные Кураишевские», существование которых в 1552 г. вполне реально [Древняя 1996, с. 40].

Не меньше разночтений в определении количества башен и их местоположения в научных работах. Так, в работе Н.М. Карамзина сообщается о 9 воротах [Карамзин 1994, с. 502–512], П. Заринского [Заринский 1884, с. 59–98], М.Г. Худякова [Худяков 1990, с. 310] (рис. 3), Л.С. Шавахина [Шавахин 1988, с. 114–149] (рис. 6) рассматриваются 10 ворот, у М. Рыбушкина [Рыбушкин 1843, с. 19–25], Н.Ф. Калинина⁶⁶ (рис. 4), А.Х. Халикова [История 1988, с. 30–31] (рис. 5) – 12. Расположение ворот ими определяется с большим разбросом в различных частях города и под разными названиями.

В определении мест расположения башен особо важным источником являются Писцовые книги. В Писцовой книге 1565–1568 гг., как уже отмечалось, упоминаются названия башен русского города с именами ханского времени (рис. 1; 2). Принимая во внимание, что Кремль во многом сохраняет свой прежний облик, сегодня можно достаточно точно указать местоположение проездных ворот ханской Казани. Тайницкие (Никольские) ворота сопоставимы с воротами Нур-Али (Муралеевы), Воскресенские – Елбугинными (Водяные), Преображенские (Сергеевские) – с Тюменскими. Около кремлевских Дмитриевских ворот (в районе пересечения ул. Батурина, Большой Красной и Нагорной) располагались предположительно Збойливые ворота. Также относительно точно локализуются Царевы (Царские?) ворота на южной окраине Кремлевского холма в районе пересечения улиц Кремлевской и Лобачевского. Вероятно, Царскими обозначили как острожные так града (кремля). Позднее после завоевания города в новых названиях укреплений будет двое Спасских ворот – острожных и кремля. В установлении местоположения вышеперечисленных ворот важно и то, что они локализуются в этих местах и по анализу штурма по Летописному своду и по воспоминаниям А. Курбского⁶⁷.

У остальных проездных башен определение местоположения сложнее из-за отсутствия их точной привязки к местности. В источниках с восточной стороны Царевых ворот наиболее часто упоминаются и логически увязываются с топографией местности – Арские ворота и непроездная одноименная башня. Они, возможно, размещались на перекрестке улиц Дзержинского и Лобачевского. По этой стороне укреплений посада в пространстве между Арскими и Збойливыми воротами по западной стороне улицы Дзержинского, судя по описанию штурма, находятся Кабацкие ворота [Древняя 1996, с. 40]. Л.С. Шавахин на линии стен между Кабацкими и Арскими воротами

⁶⁵ Шерифи Х. Зафернаме-и вилайет-и Казан // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1995. № 1. С. 83-92.

⁶⁶ Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 202. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации. Л. 243.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 201-221; [Курбский 1986, с. 229-280].

располагает Крымские, что вполне логично, учитывая описание возведения туров осаждающими, хотя ряд исследователей размещают эти ворота на западной линии стен посада [Шавахин 1988]. На этой же линии между Елбугинскими и Арскими воротами А.Х. Халиков размещает неизвестные для этого периода Щельские ворота [История 1988, с. 30–31].

С запада, между Царевыми и Тюменскими воротами, во многих работах отмечаются Аталыковы, Ногайские и Крымские ворота. Расположение проездных башен по этой стороне укреплений связано с описанием осады и подкопа в районе Аталыковых ворот [Древняя 1996, с. 38–42]. С подкопом соотносится Проломная улица (совр. ул. Баумана). Аталыковы ворота исследователи размещают либо на северном [История 1988, с. 30–34, Калинин 1955а, с. 39], либо на южном завершении ул. Баумана [Шавахин 1988, Рыбушкин 1849, с. 19–25]. Южное местоположение ворот противоречит описанию организации одного из взрывов 2 октября, который произошел на участке стены между Аталыковыми и Тюменскими воротами [Древняя 1966, с. 40]. При описании города в Писцовой книге 1565–1568 гг. указывается место пролома и отмечается положение Тюменских ворот [Писцовое 2006, с. 85–86]. Исходя из этих данных, местоположение Тюменских ворот связано с современными Преображенскими воротами, а Аталыковых – чуть ниже, ближе к руслу р. Булак. Ногайские ворота локализируются в районе пересечения улицы Профсоюзной (Малая Проломная) и Астрономической или на перекрестке ул. Баумана и Астрономической, где проходила Ногайская дорога. Н.Ф. Калинин принял на веру сообщение «Казанского летописца» о существовании Нижних и Верхних Ногайских ворот. Такой подход довольно спорен. Необходимо учитывать степень достоверности самого «Казанского летописца» и то, что в источниках наименования одних и тех же ворот даются по-разному [Древняя 1966, с. 99]. Возможно, этим объясняется отсутствие в «Казанском летописце» Крымских, Аталыковых ворот. Во многих работах на западной линии стен посада отмечают Крымские ворота [Заринский 1884, Худяков 1990, История 1988], хотя при описании осады с этой стороны они не упоминаются.

Оправданным представляется размещение Н.Ф. Калинин⁶⁸ на западной линии стены Кураишевых ворот [Шавахин 1988, с. 145]. Это расположение можно объяснить естественным путем сообщения между укрепленным посадом и местностью обозначаемым Кураиш, находившейся за Булаком. Но нужно отметить, что они не упомянуты в источниках, описывающих штурм, и вопрос их размещения на этом участке требует дальнейшего изучения.

Рассматривая различные подходы к расположению башен на западной стороне линии укреплений посада, нельзя согласиться с позицией Л.С. Шавахина, который переносит Тюменские и Аталыковы ворота на южную оконечность Кремлевского холма [Шавахин 1988, с. 133–147], что противоречит, как уже было сказано выше, описанию Казани в письменных источниках⁶⁹. На этой линии укреплений представляется сложно объяснимым размещение А.Х. Халиковым Царских ворот, согласно сведениям «Казанского летописца», которые обычно упоминаются в источниках как синоним Царевых и рас-

⁶⁸ Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 202. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации //Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202. Л. 238.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 209.

полагаются на Кремлевском холме [История 1988, с. 209]. В реконструкции наименования ворот есть и называемые «Главные ворота», выделяемые Н.Ф. Калининым⁷⁰ (рис. 4) и А.Х. Халиковым [История 1988, с. 29] (рис. 5). Они обозначают под таким именем проездные ворота в Кремль.

Таким образом, на основании приведенных данных линия укреплений с проездными башнями ханской Казани идет от Муралеевой (Тайницкой) башни Кремля к Елабугиным (Воскресенским) воротам, далее к Збойливым (Дмитриевским) воротам, а затем к Арским воротам, расположенным на пересечении улиц Дзержинского и Лобачевского. Между Арскими и Збойливыми находились Кабацкие и Крымские ворота. Точное их местоположение, опираясь на имеющиеся источники, определить невозможно. От Арских ворот стены поднимались вверх по склону Кремлевского холма, где на пересечении улиц Лобачевского и Кремлевской располагались Царевы ворота. Дальше укрепления спускались вниз до пересечения с Профсоюзной улицей, где находились Ногайские ворота. После них посадская стена уходила далее вниз, где на пересечении ул. Баумана и Астрономической, возможно, размещались и Ногайские ворота. Затем стена шла в северном направлении параллельно Булаку чуть выше ул. Баумана до пересечения ее со спуском с площади 1 Мая. Севернее под Кремлевским холмом находились Аталыковы ворота, от которых стена поднималась к Тюменским (Преображенским) воротам и далее от них к Тайницким – по линии современных кремлевских стен (рис. 7).

К фортификационным сооружениям кремля относятся деревянные конструкции роската, выявленные Н.Ф. Калининым в северо-восточной части Кремля у Тайницкой башни в 1953–1954 гг.⁷¹ Конструкция представляет собой бревенчатое сооружение в несколько горизонтальных рядов, положенных друг на друга под углом и скрепленных между собой пазами. Н.Ф. Калинин предполагал, что это основание крупной вертикальной конструкции (башни?) [Калинин 1955b]. Предположительно конструкция является остатками роската – горизонтальной площадки для ведения оружейного огня с возвышенности [Носов 2008]. Подобные конструкции появляются с развитием огнестрельного оружия, известны в крепостях Восточной Европы с первой половины XVI в. Использование роскатов говорит о довольно высоком уровне развития военного дела в период Казанского ханства с применением нововведений в фортификации для эффективного ведения огня из пушек.

Известной по описаниям осады частью фортификации города являлся Ханский двор. Характеристика облика Ханского двора представлена в воспоминаниях А. Курбского: «Бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» [Курбский 2001, с. 340–341]. Большое количество каменных мечетей в этом районе упоминается и в Писцовой книге 1565–1568 гг. и в других источниках [Писцовое 2006, с. 84, 102–103]⁷². Попытка локализации упоминаемых в ней объектов в свое время была принята Н.Ф. Калининым. В ходе раскопок бывшего ханского двора были

⁷⁰ АИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 202. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации. 433 л.

⁷¹ Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 304. Материалы археологических раскопок в Казанском кремле в 1953 г. 142 л.; Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 305. Отчет Н.Ф.Калинина об археологических раскопках в Казанском кремле 1953 г. 14 л.

⁷² См. также: ПСРЛ. Т. 13. С. 218; 468–469 и др.

выявлены остатки мавзолеев с погребениями ханов, уходящими под современные здания Дворцовой церкви и башню Сююмбеки, фундамент крупной мечети, расположенной под башней Сююмбеки, а также подвальные помещения большого каменного здания Казанского ханства в центре двора [Калинин 1927, Калинин 1955а, с. 32, Ситдииков 2002, с. 173–177].

Укрепления ханского двора располагались в северной оконечности Кремлевского холма. Восточная стена двора шла вдоль восточного склона Кремлевского холма, где были обнаружены ее остатки. Южная граница, в соответствии с источниками, определяется между Благовещенским собором и каменными зданиями ханского времени с северной стороны собора. Западная граница, была обнаружена в ходе раскопок между башней Сююмбеки и Введенской церковью восточнее ханских мавзолеев. Северная линия фиксируется в виде каменной кладки в основании стен Кремля. Она совпадает с каменной стеной в северной части Кремля, упомянутой в Писцовой книге 1565–1568 гг. [Писцовое 2006, с. 60].

Выявленные каменные здания хорошо соотносятся с постройками, известными в источниках ханского времени. В воспоминаниях А. Курбского в мавзолее похоронено пять ханов [Курбский 2001, с. 326–327]. В ходе раскопок 1977 г. у Введенской церкви А.Х. Халиковым был выявлен фундамент каменного мавзолея (6×12 м) с несколькими погребениями [Ситдииков 2002, с. 175–176]. Археологически изучено четыре погребения в мавзолее, два саркофага (мастаба) не вскрытые [Ситдииков 2017, с. 236]. Изученные два мужских, женское и детское захоронения, предположительно, являются захоронениями представителей ханской династии [Мавзолеи 1997].

В начале 2000-х годов было обнаружено еще два крупных каменных здания в ханском дворе [Ситдииков, Хузин 2009]. Вдоль западной стены были выявлены подвальные помещения кирпично-каменного здания (14×23 м), ориентированного по линии ЮЮЗ (аз. 207°) [Хузин, Ситдииков 2018, Ситдииков 2019]. Оно состояло из двух помещений, построенных из белого камня и кирпича. Стратиграфически выделяется два периода строительства. С первым периодом связано возведение белокаменной постройки (14×14 м). Время возведения здания относится к ранним горизонтам Казанского ханства. Другая часть здания (9×9 м) построена из кирпича. Время ее строительства связано с верхними горизонтами слоя Казанского ханства. Время разрушения и засыпки подвалов сооружения относится к рубежу XVII–XVIII вв. [Ситдииков 2002, с. 173–177].

Подобное расположение сооружений в казанском Поволжье характерно мечетям, михраб которых ориентирован на Мекку (аз. 207°). Предположительно, сооружение представляет собой остатки Ханской мечети [Ситдииков 2002, с. 175–176]. По Писцовой книге 1565–1568 гг. она соотносится с локализуемой здесь мечетью у Царского двора [Писцовое 2006, с. 103–105]. После разрушения мечети на этом месте была построена башня, называвшаяся у татар Ханской мечетью. Позднее она казанскими краеведами была названа башней Сююмбеки [Саначин 2002].

Другой крупный объект ханского времени был обнаружен в центральной части двора. Он представляет собой подвал белокаменного здания 18×24 м, ориентированного по сторонам света [Ситдииков 2019]. Время его строительства определяется началом XVI в. По Писцовой книге она увязывается

с большой палатой, упоминаемой в Царевом дворе [Писцовое 2006, с. 102–103]. Постройка была разрушена, предположительно, на рубеже XVII–XVIII вв. Ее частично разрушает фундамент здания Архиерейского двора, построенного в конце XVIII в. [Хузин, Набиуллин 2002]. Выявленный объект, учитывая его размеры, местоположение и картографические данные, вполне сопоставим с Ханским дворцом, входившим в комплекс «Царева двора» по Писцовой книге под именем Большой палаты.

Легендарным объектом ханской Казани является мечеть Кул Шариф [Ситдииков 2005]. По русским письменным источникам, на последнем этапе штурма у ее стен шел ожесточенный бой⁷³. Мечеть по описаниям располагалась между Ханским двором и Тезицким рвом. В одной из работ Ш. Марджани описывается внешний облик двух мечетей [Марджани 1891]. Одна из них – Соборная восьмикупольная мечеть и другая – мечеть-медресе у Тезицкого оврага, во главе которой был Кул Шариф.

Попытки локализации этих двух культовых зданий неоднократно предпринимались различными исследователями [Хузин, Ситдииков 2005]. Так, М.Г. Худяков размещал мечеть Кул Шарифа на территории Спасо-Преображенского монастыря, считая, что Тезицкий ров проходил перед современными южными стенами Кремля, а соборную мечеть – между башней Сююмбеки и Благовещенским собором [Худяков 1932]. Н.Ф. Калининым было высказано предположение, что мечеть Кул Шарифа находилась на месте Архиерейского двора, а Соборная восьмикупольная мечеть – у Благовещенского собора [Калинин 1955а, с. 39, Калинин 1929, Калинин 1927].

В ходе археологических раскопок между Благовещенским собором и зданием бывшей Консистории изучено несколько каменных подвальных помещений ханского времени [Хузин, Ситдииков 2005, Ситдииков 2002]. Фундаменты здания были разобраны в первой половине XIX в. В раскопе были выявлены в выбранном котловане сваи-коротыши, вбитые для уплотнения грунта [Хузин 2001b]. На уровне пола было найдено несколько кладов монет [Мухаметшин 2010]. Обнаружены многочисленные строительные материалы, представленные кирпичами, кашинными поливными облицовочными вставками бирюзового цвета [Ситдииков 2006b]. На небольшом участке перед зданием было обнаружено более десятка наконечников стрел с погнутыми черешками и боевыми головками в слое пожара 1552 г. Полученные материалы подтверждают ожесточенность битвы, произошедшей у стен зданий на краю Тезицкого рва. Строительство всего комплекса здания датируется концом XV – началом XVI вв. Предположительно, выявленное каменное сооружение является остатками мечети и медресе Кул Шарифа [Хузин, Ситдииков 2005].

Сооружения ханского времени с западной стороны Благовещенского собора расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы со следами деревянного мощения, связанного с остатками небольшого переулка [Ситдииков 2004]. Ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку. Подобная застройка, возможно, объясняется привязкой построек к находящейся вблизи мусульманской культовой постройке, не

⁷³ ПСРЛ. Т. 13. С. 218; [Курбский 2001, с. 344–345].

попавшей в раскоп. По Писцовой книге 1565–1568 гг. рядом с раскопом, напротив северного придела Благовещенского собора, располагалась мечеть [Писцовое 2006, с. 57]. Возможно, застройка была привязана к крупному монументальному объекту, определявшему и ориентировку улицы.

Топография городских улиц подчинялась рельефу местности. По археологическим данным они функционировали до начала XVII в. [Ситдииков 2011]. Улицы, описываемые в Писцовой книге 1565–1568 гг., повторяли их расположение ханского времени. Осевой, центральной, являлась улица по гребню Кремлевского холма от Арских ворот к Ханскому двору. От нее шли улицы, спускавшиеся естественным понижением к проездным воротам. С горизонтами слоя Казанского ханства соотносятся, помимо центрального, еще шесть вымощенных деревом улиц. С периодом накопления отложений ханского времени связано до пяти горизонтов подновления мостовых [Ситдииков 2013, с. 28–29].

По отложениям напластований Казанского ханства в укрепленной части можно видеть, что застройка велась очень активно, что отразилось в характере отложения слоев с большим количеством выбросов материкового грунта из котлованов построек. В то же время строительство сопровождали частые разрушительные пожары, что стратиграфически фиксируется в виде прослоек угля. Зафиксировано до 5 горизонтов перестроек жилых построек, перекрываемых пожарами [Ситдииков 2006b, с. 75–88].

Несмотря на это, дома в городе размещались очень плотно, как и в Кремле, что и описывается в летописях: проехать «на конех бо невозможно, теснота во граде великая во хоремах»⁷⁴. Наглядно это видно при рассмотрении расстояния, на котором располагались объекты между собой. Ширина улиц составляла около 3, 5–4 м, а между археологически выявляемыми подклетьями наземных зданий расстояние не более 4–5 м.⁷⁵

Не менее интересными объектами, расположенными за пределами стен города являются многочисленные мечети, бани и посадские строения [Писцовое 2006, с. 129, 158, 179–181]. К числу легендарных относится Даирова баня и тайник с подземным ходом к источнику. Именно с банями на Булаке и Даировой баней напрямую связана организация взрывов подкопов под Тайницкий ключ у Муралеевых ворот и стены между Аталыковыми и Тюменскими воротами⁷⁶. Оба объекта локализируются с западной стороны Кремля. Даирова баня предположительно находилась в районе ул. Таш Аяк, а источник севернее его ближе к р. Казанка. Одна из трех бань, известных по описаниям города, располагалась рядом с Булаком, вторая у Поганова озера [Писцовое 2006, с. 114, 127, 139, 160]. Они пока археологически не выявлены и точное их расположение установить не удалось.

Город за пределами укрепленного посада тоже интенсивно развивался. Среди объектов, находящихся за пределами укрепленной Казани, является район Кураиш с каменной Отучевой мечетью⁷⁷. Слобода Биш Балта, упоминаемая при штурме и других источниках, находилась за р. Казанка.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 218.

⁷⁵ Там же. 113–122.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 205, 209–210, 213, 216; [Курбский 2001, с. 338–341].

⁷⁷ [Писцовое 2006, с. 180]; ПСРЛ. Т. 13. С. 202.

Хозяйственная жизнь города, бесспорно, была подчинена торговле и ремесленному производству. Как уже говорилось, Казань, приняв на себя традиции Волжской Болгарии, стала крупным пунктом в транзитной торговле, соединяя в себе Восток и Запад [Ситдииков 2010а]. Возникает международная ярмарка на Гостинном острове. Ремесленное производство к этому времени также занимает немаловажное место в экономической жизни города. В городе были представлены ремесленники различных специальностей: металлурги, кузнецы, плотники, кожевенники, ювелиры, гончары и др. Изделия многих из них достойно получили всеобщее признание [Ситдииков 2013, с. 37–47].

В городе помимо ханских мавзолеев существовали и другие некрополи [Ситдииков 2013, с. 34–37]. О каменных надгробиях на территории Казани известно по многим описаниям [Марджани 1989, с. 77–79, 206–207, 208–209]. Следы могильников ханского времени удается локализовать по их упоминанию в письменных источниках и выявить археологически. Основываясь на эти источники, нам удалось локализовать могильники в районе главного здания КГУ, Центрального рынка (ул. Межлаук), на территории Гостиного двора, а также вблизи Армянской слободы (ул. Калинина) [Миллер 1925, Высоцкий 1900].

Площадь Казани к середине XVI в. в пределах укреплений составляла около 600 000 кв. м. На этой территории города помимо посада находилась Кремль (около 10 000 кв. м). В свою очередь Кремль включал в себя ханский двор (около 800 кв. м). Определяя численность населения города, исследователи указывают от 30 000 до 5 000 человек [Шавохин 1988, с. 19, Султанов 2004, с. 89]. Для сравнения, численность русского населения по писцовым книгам к концу XVI в. составляла около 15 тыс. человек [Калинин 1955а, с. 49]. Численность татарского населения в это время составляла около 5 тыс. человек. При этом надо учитывать, что город расширился почти в два с половиной раза, хотя была большая разбросанность дворов русских поселенцев с многочисленными пустыми дворами в центральной части. Видимо, количество постоянного населения ханской Казани к концу первой половины XVI в. ненамного превосходила численность населения города последующего времени и достигала около 15–20 тыс. человек.

Казань в ханский период представляла собой крупный город с большим укрепленным посадом, Кремлем и ханским двором. В центральной части усилились огромные каменные здания с богатым внешним и внутренним убранством. В городе уживались различные религии и народы, участвуя в активной международной торговле, проходящей у стен Казани. Оставшиеся постройки со временем ветшали, разрушались и к сегодняшнему дню они, если и сохранились, то остались под толщей земли, нанесенной временем. Только продолжение исследований может заново открыть их и представить прошлое этого уникального средневекового города.

ЛИТЕРАТУРА

Алферова 1981 – *Алферова Г.В.* Цветок шиповника – наш город // Знание – сила. 1981. № 3. – С. 26–29.

Богдановский 1898 – *Богдановский М.* Инженерно-исторический очерк осады Казани. 1552 г. – СПб., 1898.

Богдановский 1899 – *Богдановский М.А.* К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г. – Казань, 1899.

Борисов 1898 – *Борисов В.Л.* Рецензия на книгу Богдановского «Инж. Ист. оч. Осады Казани. ИОАИЭ, т. XIV, в. 6, стр. 700–715. – Казань, 1898.

Борисов 1899 – *Борисов В.Л.* Ответ г. Богдановскому по поводу его статьи «К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г.». ИОАИЭ, т. XV. – Казань, 1899.

Бороздин 1929 – *Бороздин И.Н.* Археологические разведки в кремле. I. Разведки близ Киприановой церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. – Казань, 1929. Т. III.

Валиев 2004 – *Валиев Р.Р.* Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского кремля (по раскопкам 2003 г.) // Сб. материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории АН РТ за 2003–2004 гг. – Казань, 2004.

Воронцов 1890 – *Воронцов К.* Историко-топографический очерк Казани перед завоеванием ее русскими // Ученые зап. Казан. ун-та, 1890. Книга 6. с. 63–102.

Высоцкий 1900 – *Высоцкий Н.Ф.* Следы древнейшего армянского кладбища в Казани // ИОАИЭ. 1900. Т. VI. Вып. 1. с. 18–19.

Губайдуллин 1999 – *Губайдуллин А.М.* О классификации городищ Волжской Булгарии // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999 г. – С. 72–76.

Губайдуллин 2002 – *Губайдуллин А.М.* Археологические исследования в северной части Казанского кремля (раскоп XLIII) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. – Казань, 2002.

Дженкинсон 1938 – *Дженкинсон А.* Из описания путешествия Антония Дженкинсона из Москвы в Бухару 1558 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю.В. Готье. – М.: Соцэкгиз, 1938. – С. 167–169.

Дзикас 1986 – *Дзикас Л.* Некоторые данные о росте территории Вильнюса в XII–XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. – Псков, 1986. – С. 45–46.

Древняя 1996 – *Древняя Казань глазами современников и историков.* – Казань: Изд-во «Фест», 1996. – 448 с.

Жеребов 1949 – *Жеребов Д.* Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. // Военно-инженерный журнал, 1949. № 8. – С. 31–42.

Жеребов, Майков 1952 – *Жеребов Д. К., Майков Е. И.* Русское военно-инженерное искусство в XVI–XVII вв. // Из истории русского военно-инженерного искусства. – М., 1952.

Заринский 1877 – *Заринский П.* Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. – Казань, 1877 г.

Заринский 1884 – *Заринский П.* Топография г. Казани в 1522 г. во время осады его русскими войсками // Труды IV АС. – Казань, 1884. Т. I, отд. 2. – С. 59–98.

История 1988 – *История Казани.* Книга I. – Казань, 1988. – 352 с.

Казанская 1985 – *Казанская история.* Новое сказание, вкратце повествующее о начале Казанского царства, и о войнах с казанскими царями великих московских князей, и о победах их, и о взятии Казанского царства. Перевод Т.Ф. Волковой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М., 1985. – С. 310–539.

Калинин 1927 – *Калинин Н.Ф.* Где был дворец Казанских ханов // ВНОТ. – Казань, 1927. № 6. – С. 81–96.

Калинин 1929 – *Калинин Н.Ф.* Казань XVIII века // Известия ОАИЭ. – Казань, 1929. Т. XXXIV, вып. 3–4. – С. 1–12.

Калинин 1955а – *Калинин Н.Ф.* Казань. Исторический очерк. – Казань: Татгосиздат, 1955.

Калинин 1955б – *Калинин Н.Ф.* Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Сер. гуманитарных наук. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. Вып. 1. – С. 117–138.

Каниц 1843 – *Каниц Ю.Ф.* Краткое изложение плана древнего г. Казани и описание осады и взятия онога в 1552 г. // Маяк. 1843. Т. VIII. Гл. 3. – С. 49–58.

Каниц 1868 – *Каниц Ю.* Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и покорения онога // Сб. древностей Казанской епархии П. Любарского. Православный собеседник. – Казань, 1868. – С. 117, 127–128.

Карамзин 1994 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – Калуга, 1994. Т. V–VIII.

Кирилов 1831 – *Кирилов А.* Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. II. – М. 1831.

Кирпичников 2001 – *Кирпичников А.Н.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 9–35.

Курбский 1986 – *Курбский А.* История о великом князе московском. Перевод А.А. Алексеева // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М., 1986.

Курбский 2001 – *Курбский А.* История о великом князе московском // Библиотека литературы Древней Руси. Том 11. – СПб., 2001.

Мавзолеи 1997 – Мавзолеи Казанского Кремля. Опыт историко-антропологического анализа // Панорама-форум. 1997. № 3. – Казань, 1997. – 158 с.

Мамлеева 1999 – *Мамлеева Л.А.* Становление Великого шелкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии // *Vita Antiqua*, 2–1999. – С. 53–61.

Марджани 1891 – *Марджани Ш.* Очерк истории Болгарского и Казанского царства (перевод В.В. Радлова) // Труды IV Археологического съезда в России. – Казань, 1891. Т. 1. Отд. 2. – С. 41–50.

Марджани 1989 – *Марджани Ш.* Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар (Источники по истории Казани и Булгара). – Казань: Таткнигоиздат, 1989.

Материалы 1932 – Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1932. XXVII. – С. 45.

Миллер 1925 – *Миллер Б.В.* Об армянских надписях в Болгаре и Казани // Известия Российской Академии литературной культуры. – Л., 1925. Т. IV. – С. 65–80.

Мустакимов 2007 – *Мустакимов И.* К истории топонима «Бишбалта» // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – С. 87–89.

Мухаметшин 2010 – *Мухаметшин Д.Г.* Два монетных клада из Казанского кремля // Проблемы археологии и истории Татарстана: сборник статей. Вып. 2. – Казань, 2010. – С. 64–103.

Носов 2008 – *Носов К.С.* Особенности русского оборонного зодчества XVII в: бык и роскат // Альманах Центра общественных экспертиз. Отечественная история. 2008. – С. 161–176.

Олеарий 1906 – *Олеарий А.* Описание путешествия В Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб., 1906. XXVIII. – 582 с.

Пестриков 1909 – *Пестриков М.С.* Описание Казани 1739 г. // Известия ОАИЭ. – Казань, 1909. Т. XXV.

Пинегин 1890 – *Пинегин М.Н.* Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. – СПб. 1890.

Писцовое 2006 – Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. – Казань. 2006.

Полховская 2002 – *Полховская Е.Ю.* Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2002. – 29 с.

Разрядные 1978 – Разрядные книги. Часть III. – М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1978.

Рыбушкин 1849 – *Рыбушкин М.С.* Краткая история города Казани. – Казань, 1849.

Рычков 1767 – *Рычков П.И.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб., 1767. – 196 с.

Саначин 2002 – *Саначин С.П.* Возраст Сююмбекиной башни. Иконография и планы Казанского кремля о возрасте одного из символов Казани. № 9. – Казань, 2002. – С. 37–47.

Саначин 2013 – *Саначин С.П.* Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. – Казань, 2013. – С. 73–89.

Седов 1987 – *Седов В.В.* Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. – М., 1987. Т. I. Вып. 1. – С. 12–31.

Ситдииков 1999 – *Ситдииков А.Г.* А.Х. Халиков – исследователь средневековой Казани // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999. – С. 35–46.

Ситдииков 2002 – *Ситдииков А.Г.* Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство актуальные проблемы исследования. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002.

Ситдииков 2004 – *Ситдииков А.Г.* Раскоп XLIX на территории бывшего Ханского двора // Археолог Ситдииков А.Г. Кафедральный Благовещенский собор Казанского кремля: результаты археологических исследований // Православный собеседник. 2004. № 2. – С. 156–165.

Ситдииков 2005 – *Ситдииков А.Г.* Казань – ханская столица // Кул Шариф и его время. – Казань, 2005. – С. 68–93.

Ситдииков 2006а – *Ситдииков А.Г.* Археологическое изучение Казани // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. – Казань, 2006. – С. 333–358.

Ситдииков 2006б – *Ситдииков А.Г.* Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006.

Ситдииков 2010а – *Ситдииков А.Г.* Торговля Казанского ханства (XV-XVI вв.). // Русь и Восток в IX-XVI веках: новые археологические исследования. – М. 2010. – С. 192–201.

Ситдииков 2010б – *Ситдииков А.Г.* Казанский Кремль: история фортификации // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152, книга 3, часть 1.

Ситдииков 2011 – *Ситдииков А.Г.* Улицы средневековой Казани: локализация и идентификация // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. – С. 63–73.

Ситдииков 2013 – *Ситдииков А.Г.* Средневековая Казань, историко-археологическое исследование: XI – первая половина XVI в.: автореф. дис. ... док. ист. наук. – Казань, 2013. – 59 с.

Ситдииков 2017 – *Ситдииков А.Г.* Ханский мавзолей // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь. – Москва; Казань. 2017.

Ситдииков 2019 – *Ситдииков А.Г.* К вопросу о топографии средневековой Казани (по материалам археологических исследований) // Азак и мир вокруг него: материалы Международной научной конференции (14–18 октября 2019 года, г. Азов) // Донские древности. – Вып. 12. – Азов, 2019. – С. 195–199.

Ситдииков, Хузин 2004 – *Ситдииков А.Г. Хузин Ф.Ш.* Средневековая Казань: Краткий библиографический указатель. – Казань, 2004. – С. 116–121.

Ситдииков, Хузин 2009 – *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Некоторые итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. 2009. № 1. – С. 99–111.

Султанов 2004 – *Султанов Р.И.* Историческая география Казани. Город и его предместья. – Казань: ИИ АН РТ, 2004.

Трофимов 1890 – *Трофимов В.* Поход под Казань, ее осада и взятие в 1552 г. – Казань, 1890. – 114 с.

Турнерелли 1994 – *Турнерелли Э.* Собрание видов города Казани рисованных с натуры. – Казань: Изд-во «Заман», 1994. – 12 репродукций.

Усманов 1979 – *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1979.

Халиков 1983 – *Халиков А.Х.* История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983. – С. 111–138.

Хафизов 2000 – *Хафизов Д.И.* Казань на географических картах XIV– начала XVII вв. // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной конференции. – Казань, 2000. – С. 151–172.

Худяков 1930 – *Худяков М.Г.* Татарская Казань в рисунках XVI столетия // ВНОТ, 1930. № 9–10. – С. 45–60.

Худяков 1932 – *Худяков М.Г.* Казань в XV–XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – С. 7–25.

Хузин 1993 – *Хузин Ф.Ш.* Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 5–31.

Хузин 1995 – *Хузин Ф.Ш.* Древняя Казань в документах и материалах // Эхо веков, 1995. – С. 34–35.

Хузин 1999 – *Хузин Ф.Ш.* Казань как один из центров международной торговли на Средней Волге (конец X – начало XIII вв.) // Этническая и государственная история болгарского народа. – Казань, 1999. – С. 10–12.

Хузин 2001а – *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. – Казань: «Мастер-Лайн», 2001. – 480 с.

Хузин 2001б – *Хузин Ф.Ш.* Археологическое изучение каменных сооружений средневековой Казани // Древности московской земли. Проблемы современной археологии. – М., 2001а. – С. 20–22.

Хузин, Набиуллин 2002 – *Хузин Ф., Набиуллин Н.* Казанский кремль // Дизайн и новая архитектура. 2001. № 8. – С. 4–5; Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные работы на территории бывшего Ханского двора (раскоп XLVIII) // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 21–26.

Хузин, Ситдииков 2005 – *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шариф // Эхо веков. 2005. № 2. – С. 10–23.

Хузин, Ситдииков 2018 – *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Казанское Ханство и его столица. // Республика Татарстан: история и современность. – Казань: Татарское книжное издательство. 2018. – С. 83–97.

Шавахин 1988 – *Шавахин Л.С.* Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Казань, 1988. На правах рукописи // ИБ МГУ, 8158. – 322 л.

Шпилевский 1877 – *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань. 1877. – 585 с.

Srebrakowski 2020 – *Srebrakowski A. The Nationality panorama of Vilnius // Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej* 2020, t. 55, z. 3.

Vaitkevičius 2000 – *Vaitkevičius G., Ankstyvasis Vilnius: įrodomumo vingiai in Kultūros paminklai*, t. 7, Savastis, Vilnius, 2000.

REFERENCES

- Alferova, G.V. (1981). “Rosehip flower – our city” *Znanie – sila*, no 3, pp. 26–29.
- Bogdanovsky, M. (1898). *Inzhenerno-istoricheskii ocherk osady Kazani. 1552 g.* [Engineering and historical sketch of the siege of Kazan. 1552], Kazan, Russia.
- Bogdanovsky, M.A. (1899). *K voprosu o raspolozhenii gorodovoi steny Kazanskogo posada v 1552 g.* [On the question of the location of the city wall of Kazan Posad in 1552]. Kazan, Russian.
- Borisov, V.L. (1898), “Review of Bogdanovsky’s book “Engineering and historical sketch of the siege of Kazan” *Izvestiya Obshchestva istorii, arkhologii i etnografii pri Kazanskom universitete [Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University]*, XIV (6), pp. 700–715.
- Borisov, V.L. (1899), “The answer to G. Bogdanovsky about his article “On the question of the location of the city wall of Kazan Posad in 1552” *Izvestiya Obshchestva istorii, arkhologii i etnografii pri Kazanskom universitete [Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University]*, XV.
- Borisov, V.L. (1900), “Traces of the oldest Armenian cemetery in Kazan” *Izvestiya Obshchestva istorii, arkhologii i etnografii pri Kazanskom universitete [Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University]*, VI, no 1, pp. 18–19.
- Borozdin, I.N. (1929), “Archaeological exploration in the Kremlin. I. Exploration near the Cyprian Church” *Materialy po ohrane, remontu i restavratsii pamyatnikov TSSR [Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic]*. Vol. III. “Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo” Publ, Kazan, USSR.
- Dzikas, L. (1986) “Some data on the growth of the territory of Vilnius in the XII–XVI centuries” *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli [Archaeology and History of Pskov and Pskov Land]*. Pskov, USSR, pp. 45–46.
- Gubaidullin, A.M. (1999), “On the classification of settlements of Volga Bulgaria” *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov [Archaeological Study of Bulgar Towns]*, Master-Line, Kazan, Russia, pp. 41–62.
- Gubaidullin, A.M. (2002), “Archaeological research in the northern part of the Kazan Kremlin (excavation XLIII)” Khuzin, F.Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Tatarstane: 2001 god [Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2001]*. “Shkola” Publ., Kazan, Russia.
- Jankinson, A. (1938), “From the description of Anthony Jenkinson’s journey from Moscow to Bukhara in 1558” Gotie Yu. V. (trasl.). *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English Travelers in Muscovy in 16th Century]*. “Sotsekgiz” Publ., Moscow, USSR, pp. 167–169.
- Kalinin, N.F. (1927). “Where was the palace of the Kazan Khans” *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia*, no 6, pp. 81–96.
- Kalinin, N.F. (1929), “Kazan of the XVIII century” *Izvestiya Obshchestva istorii, arkhologii i etnografii pri Kazanskom universitete [Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University]*, XXXIV, no 3–4, pp. 1–12.
- Kalinin, N.F. (1955a), *Kazan’. Istoricheskii ocherk [Kazan. Historical essay]*, Tatgosizdat, Kazan, USSR.

Kalinin, N.F. (1955b), "Excavations in the Kazan Kremlin in 1953" *Izvestiya KFAN SSSR [Reports of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences]* 1, pp. 117–138.

Kanits, Yu. (1868) "A brief explanation of the plan of the ancient city of Kazan and a description of the siege and conquest thereof" *Pravoslavnyi sobesednik* [Orthodox interlocutor], Kazan, Russia, pp. 117, 127–128.

Kanits, Yu.F. (1843), "Summary of the plan of the ancient city of Kazan and description of the siege and capture thereof in 1552" *Mayak [Lighthouse]*, Vol. VIII, Ch.3, pp. 49–58.

Karamzin, N.M. (1994). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]*, Vol. V–VIII, Kaluga.

Khafizov, D.I. (2000), "Kazan on geographical maps of the XIV- early XVII centuries" *Srednevekovaia Kazan': vzniknovenie i razvitiie* [Medieval Kazan: appearance and development], Master-Line, Kazan, pp. 151–172.

Khalikov, A.Kh. (1983), "History of the archaeological study of Kazan" Khalikov, A. Kh. (ed.) *Srednevekovye arkhеologicheskie pamiatniki Tatarii [Medieval Archaeological Monuments of Tataria]*, Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Kazan, Russia, pp. 69–91 (in Russian).

Khudyakov, M.G. (1930), "Tatar Kazan in drawings of the XVI century" [*Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia*], no 9–10, pp. 45–60.

Khudyakov, M.G. (1932), "Kazan in the XV-XVI centuries" *Materialy po istorii Tatarskoi ASSR. Pistoverye knigi goroda Kazani 1565–1568 gg. i 1646 g. [Materials on the History of the Tatar Republic. Kazan Census Books in 1565–1568 and 1646]*. The USSR Academy of Sciences Leningrad, Russia, 7–25.

Khuzin, F. and Nabiullin, N. (2001), "Kazan Kremlin" *Dizain i novaya arkhitektura* [Design and new architecture], no 8, pp. 4–5.

Khuzin, F. Sh. and Sitdikov, A. G. (comp.). 1996. *Drevniaia Kazan' glazami sovremennikov i istorikov [Ancient Kazan in the Eyes of Contemporaries and Historians]*. Fest, Kazan, Russia.

Khuzin, F.Sh. (1993), "Results and prospects of studying the Bulgarian pre-Mongolian city" Khuzin, F.Sh. (ed.) *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia [Archaeology of the Volga Bulgaria: Issues, Research, Answers]*, Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, Kazan, Russia, pp. 5–31.

Khuzin, F.Sh. (1995), "Ancient Kazan in documents and materials" *Ekho vekov = Gasirlar avazi [Echo of Centuries]*, pp. 34–35.

Khuzin, F.Sh. (1999), "Kazan as one of the centers of international trade on the Middle Volga (late X – early XIII centuries)" *Etnicheskaya i gosudarstvennaya istoriya bolgarskogo naroda [Этническая и государственная история болгарского народа]*, Kazan, Russian, pp. 10–12.

Khuzin, F.Sh. (2001), *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv. [Bulgar City in 10th – Early 13th Centuries]*. Master-Line. Kazan. Russia.

Khuzin, F.Sh. (2001a), "Archaeological study of stone structures of medieval Kazan" *Drevnosti moskovskoi zemli. Problemy sovremennoi arkhеologii [Antiquities of the Moscow land. Problems of modern archaeology]*, Moscow, Russian, p. 20–22.

Khuzin, F.Sh. and Sitdikov, A.G. (2005), "About localization of the historical Kul Sharif mosque in the Kazan Fortress" *Ekho vekov = Gasirlar avazi [Echo of Centuries]* no 2, pp. 10–23.

Khuzin, F.Sh. and Sitdikov, A.G. (2018). "Kazan Khanate and its capital" *Respublika Tatarstan: istoriya i sovremennost'*, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Kazan, Russia, pp. 83–97.

Kirilov, A. (1831), *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva [The blooming state of the All -Russian State]*, book 2, Moscow, Russia.

Kirpichnikov, A.N. (2001), “Великий Волжский путь, его историческое и международное значение” Khuzin, F.Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put': materialy Kruglogo stola i Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara (Great Volga Way)*, Master-Line, Kazan, Russian, pp. 9–35.

Kurbsky, A. (1986), “The story of the Grand Duke of Moscow” Likhachev, D.S. and Dmitriev, L.A. (eds.) *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Seredina XVI veka [Monuments of literature of Ancient Russia. The middle of the XVI century]*.

Kurbsky, A. (2001), “The story of the Grand Duke of Moscow” Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. and Ponyrko, N.B. (eds.). *Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]*, Vol. 11, Nauka, Saint Petersburg.

Kuz'min, V.V. (ed.) (1988), *Istoriya Kazani [History of Kazan]*, book 1, Tat.kh.izd-vo, Kazan, USSR.

Mamleeva, L.A. (1992), “Formation of Great Silk Road in the system of transcivilization interaction of the peoples of Eurasian” *Vita Antiqua*, no 2, 53–61.

Mardzhani, Sh. (1891). “An essay on the History of the Bulgarian and Kazan Kingdoms (translated by V.V. Radlov)” *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 goda*. [Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan] I.: Imperial Kazan University, Kazan, Russia, pp. 41–50.

Mardzhani, Sh. (1989). *Mustafad al'-akhbar fi akhvali Kazan'va Bulgar (Ismochniki po istorii Kazani i Bulgara)* [*Sources on the history of Kazan and Bulgar*], Tatar. kn. izd-vo, Kazan, USSR.

Materials on the history of the Tatar ASSR. Scribal books of the city of Kazan in 1565–68 and 1646 (1932) [Proceedings of the Historical and Archeographic Institute. Materials on the history of the peoples of the USSR], Vol. 2, Academy of Sciences of the USSR, Moscow, USSR, p. 45.

Mausoleums of the Kazan Kremlin. Experience of historical and anthropological analysis (1997) *Panorama-forum*, 3. Kazan, Russia.

Miller, B.V. (1925) “About Armenian inscriptions in Bolgar and Kazan” *Izvestiya Rossiiskoi Akademii literaturnoi kul'tury [Reports of the Russian Academy of Literary Culture]* IV, pp. 65–80.

Mukhametshin, D.G. (2010), “Two coin hoards from the Kazan Kremlin” *Problemy arkheologii i istorii Tatarstana [Issues of Archaeology and History of Tatarstan]* Vol. 2, Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, pp. 64–103.

Mustakimov, I. (2007), “Concerning The History Of Place-Name «Bishbalta»” Khuzin, F.Sh. and Sitdikov, A.G. (eds.). *Srednevekovaya arkheologiya evraziiskikh stepei. Materialy Uchreditel'nogo s"ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress)* Vol. II. Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russia, pp. 87–89.

Nabiullin, N.G. (2002), “Security and rescue work on the territory of the former Khan's yard (excavation XLVIII)” Khuzin, F.Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Tatarstane: 2001 god [Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2001]*. “Shkola” Publ., Kazan, Russia, pp. 83–87.

Nosov, K.S. (2008), “Features of Russian defense architecture of the XVII century: bull and roskat” *Al'manakh Tsentra obshchestvennykh ekspertiz. Otechestvennaya istoriya [Almanac of the Center for Public Expertise. Domestic history]* Vol. 1, pp. 161–176.

Olearii, A. 1906. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of the Journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and Back]*. Saint Petersburg, Russia.

Pestrikov, M.S. (1909), "Description of Kazan 1739" *Izvestiya Obshchestva istorii, arkhologii i etnografii pri Kazanskom universitete [Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University]*, XXV.

Pinegin, M.N. (1890), *Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem. Ocherki po istorii, dostoprimechatel'nostyam i sovremennomu polozheniyu goroda* [Kazan in its past and present. Essays on the history, sights and current situation of the city], Kazan, Russia.

Polkhovskaya, E.Yu. (2002), "The main theoretical and methodological approaches to the history of the European city in the Russian medieval studies of the XX century" Abstract of Candidate of Historical Sciences, 07.00.09. Historiography source studies and methods of historical research, Kazan, Russia.

Razryadnye knigi [Bit Books]. Part. 3. (1978). Institute of History, Academy of Sciences of the USSR, Nauka, Moscow, USSR.

Rybushkin, M.S. (1849), *Kratkaya istoriya goroda Kazani* [A brief history of the city of Kazan], Kazan, Russia.

Rychkov, P.N. 1767. *Opyt Kazanskoj istorii drevnikh i srednikh vremen [Attempt of Kazan History of Ancient Times and Middle Ages]*. Saint Petersburg, Russia.

Sanachin, S.P. (2013), "The age of the Syuyumbekin tower. Iconography and plans of the Kazan Kremlin about the age of one of the symbols of Kazan" *Kazan*, no 9, pp. 37–47.

Sanachin, S.P. (2013), "The hypothesis of the fortification of the capital of the Kazan Yurt in its last days" Rakhimzyanov, B. R. (ed.). *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 5. Ikhlas, Kazan, Russia, pp. 73–89.

Sedov, V.V. (1987). "The beginning of cities in Rus'" *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arkhologii* [Proceedings of 5th International Congress of Slavic Archaeology] Vol. 1, no 1 Moscow, Russia, 12–31.

Shavokhin, L.S. (1988), "Medieval Kazan of the pre-Russian period in historical and archaeological terms", dissertation, Doctor of Historical Sciences, archaeology. Kazan, Russia.

Shilevsky, S.M. (1877), *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamyatniki v Kazanskoj gubernii* [Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in Kazan province], Kazan, Russia.

Sitdikov, A.G. (1999), "A.Kh.Khalikov is researcher of medieval Kazan" Starostin, P. N. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkhologii Volgo-Kam'ya [Issues of the Antique and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area]*, Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia, pp. 73–85.

Sitdikov, A.G. (2002), "Some aspects of the topography of Khan's Kazan" Zagidullin, I. K. (ed.). *Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniya* [Kazan Khanate: Actual Issues for Research]. Fen, Kazan, Russia, pp. 160–206.

Sitdikov, A.G. (2004), "Excavation XLIX on the territory of the former Khan's yard" *Pravoslavnyi sobesednik* [Orthodox interlocutor], no 2, pp. 156–165.

Sitdikov, A.G. (2005), "Kazan is the Khan's capital" Kul Sharif i ego vremya [Kul Sharif and his time], Kazan, Russia, pp. 68–93.

Sitdikov, A.G. (2006), "Trade of the Kazan Khanate (XV-XVI centuries)" Makarov, N.A. And Koval', V.Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX-XVI vekakh: novye arkhologicheskie issledovaniya [Rus' and Orient in 9th – 11th Centuries: New Archaeological Studies]*, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Nauka, Moscow, Russia, pp.18–27.

Sitdikov, A.G. (2006), *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study]*. Foliant, Kazan, Russia.

Sitdikov, A.G. (2006a), "Archaeological study of Kazan" Khuzin, F.Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya Povolzh'ya i Urala. Materialy III Khalikovskikh chtenii (g. Bolgar. 27–30 maya 2004 g.) (Historical and Cultural Investigations in the Volga Region and the Urals. Proceedings of III Khalikov Readings (Bolgar, May 27–30, 2004))*. Shkola Kazan, Russia, pp. 54–62.

Sitdikov, A.G. (2010b), “Kazan Kremlin: Fortification History” *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities]*, Vol. 152, book 3, part 1, Kazan State University, Kazan, Russia, pp. 97–106.

Sitdikov, A.G. (2011), “The Streets of Medieval Kazan: Localization and Identification” *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities]*, Vol. 153, book 3, Kazan State University, Kazan, Russia, pp. 63–73.

Sitdikov, A.G. (2013), “*Medieval Kazan: Historical and Archaeological Research (11th – first half of 16th cc.*” Abstract of Doctor of Historical Sciences, 07.00.06, archaeology, Kazan, Russia.

Sitdikov, A.G. (2017), “Khan’s Mausoleum” Khabutdinov, A.Yu. (ed.). *Islam v Tatarstane [Islam in Tatarstan]*, Medina, Moscow, Kazan, Russia.

Sitdikov, A.G. (2019), “On the question of the topography of medieval Kazan (based on the materials of archaeological research)”, Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Azov, 14–18 oktyabrya 2019 g. (Azak and the World Around It)*. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, Azov, Russia, pp., 195–199.

Sitdikov, A.G. and Khuzin, F.Sh. (2004), *Srednevekovaya Kazan’ [Medieval Kazan]*. Kazan, Russia, pp. 116–121.

Sitdikov, A.G. and Khuzin, F.Sh. (2009), “Archeological study of Khan’s Kazan (on the basis of data from the 1994–2005 excavations)”, *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)*, no 1, pp. 99–111.

Srebrakowski, A. (2020) “The Nationality panorama of Vilnius” *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, t. 55, z. 3.

Sultanov, R.I. (2004), *Istoricheskaya geografiya Kazani. Gorod i ego predmest’ya* [Historical geography of Kazan. The city and its suburbs], Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan.

Trofimov, V. (1890), *Pokhod pod Kazan’, ee osada i vzyatie v 1552 g.* [The campaign near Kazan, its siege and capture in 1552], Kazan, Russia.

Turnerelli, E. (1994) *Sobranie vidov goroda Kazani risovannykh s natury [Collection of views of the city of Kazan drawn from nature]*. Zaman, Kazan, Russia.

Usmanov, M.A. (1979), *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Patents of the Ulus of Jochi of the 14th–16th cc.], Kazan University Kazan. Russia.

Usmanov, M.A. (ed.) and Mustafina, D.A. (comp.). (2006). *Pistsovoe opisanie Kazani i Kazanskogo uezda 1565–1568 godov* [Scribal description of Kazan and the Kazan district of 1565–1568], Fen, Kazan, Russia.

Vaitkevičius, G. (2000), *Ankstyvasis Vilnius: įrodomyje vingiai in Kultūros paminklai*, t. 7, Savastis, Vilnius.

Valiev, R.R. (2004), “Studies of the Northern Tower and the adjacent wall of the Kazan Kremlin (based on excavations in 2003)” *Sbornik materialov itogovykh konferentsii molodykh uchenykh Instituta istorii AN RT za 2003–2004 gg.* [Collection of materials of the final conferences of young scientists of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for 2003–2004], Kazan, Russia, pp. 39–47.

Volkova, T.F. (transl.), (1985) “Kazan history. A new legend, briefly telling about the beginning of the Kazan kingdom, and about the wars with the Kazan tsars of the great Moscow princes, and about their victories, and about the capture of the Kazan Kingdom” Dmitrie, L.A and Likhachev, D.S. (ed.) *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Seredina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. The middle of the XVI century], Khudozhestvennaya literature, Moscow, USSR, pp. 310–539.

Vorontsov, R. (1890), “Historical and topographical sketch of Kazan before its conquest by the Russians” *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities], book 6, part 1, Kazan State University, Kazan, Russia, pp. 63–102.

Zarinskii, P. E. (1877), *Ocherki drevnei Kazani, preimushchestvenno XVI veka* [Essays on the Ancient Kazan, Mainly 16th Century]. Provincial Typography, Kazan, Russia.

Zarinskii, P. E. (1884), “Topography of Kazan in 1522 during the siege of it by Russian troops” *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 goda*. [Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan] I.: Imperial Kazan University, Kazan, Russia, pp. 59–98.

Zherebov, D. (1949), “Engineering support for the capture of Kazan in 1552” *Voенно-inghenernyi zhurnal*, 8, pp. 31–42.

Zherebtsov, D. K., Maikov, E. I. (1952), “Russian military engineering art in the XVI–XVII centuries” *Iz istorii russkogo voенно-inghenernogo iskusstva* [From the history of Russian military engineering art], Voenizdat, Moscow, USSR.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

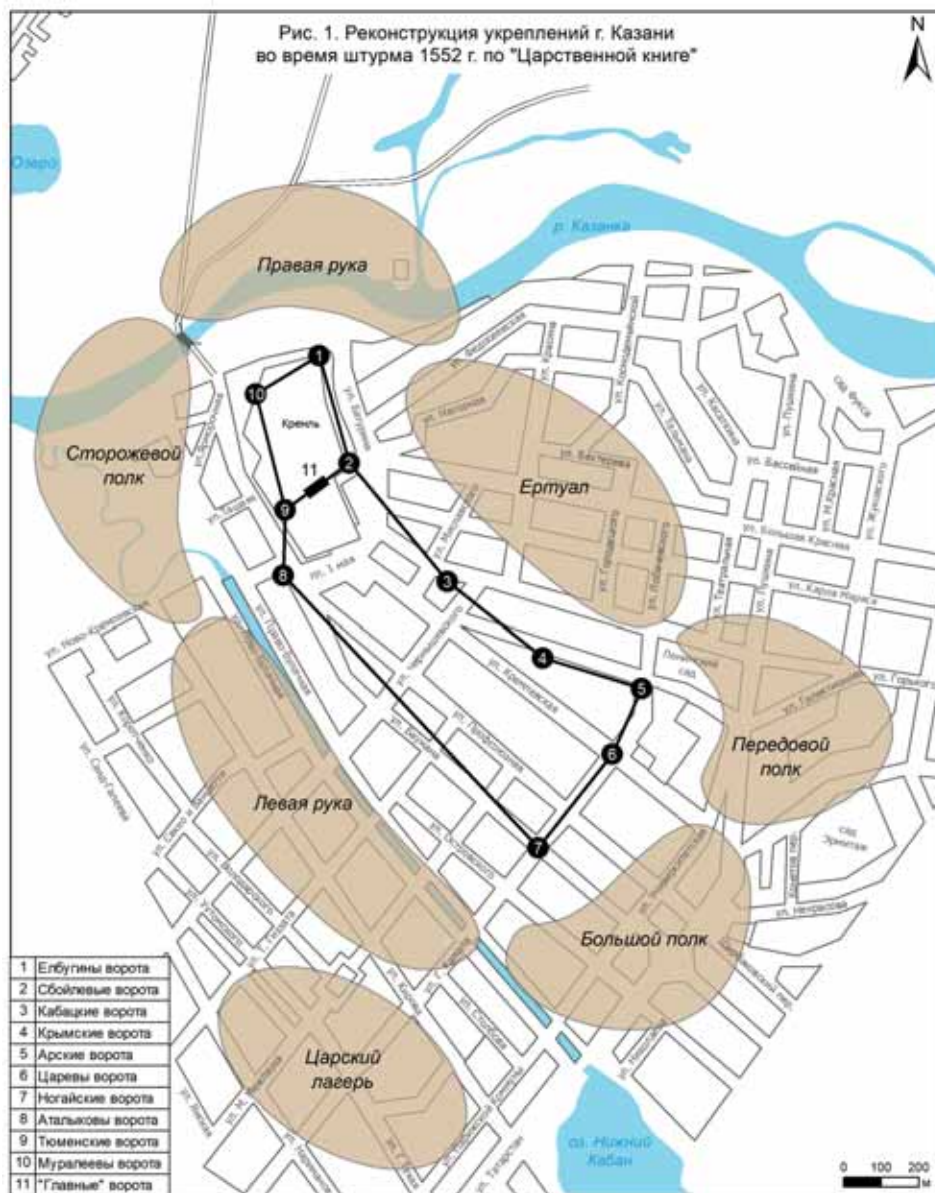
1. Реконструкция Казани 1552 г. по «Царственной книге».
2. Реконструкция Казани 1552 г. по «Казанскому летописцу».
3. Реконструкция Казани 1552 г. П. Заринского, М. Г. Худякова.
4. Реконструкция Казани 1552 г. Н. Ф. Калинина.
5. Реконструкция Казани 1552 г. А. Х. Халикова
6. Реконструкция Казани 1552 г. Л. С. Шавохина.
7. Реконструкция осады Казани 1552 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

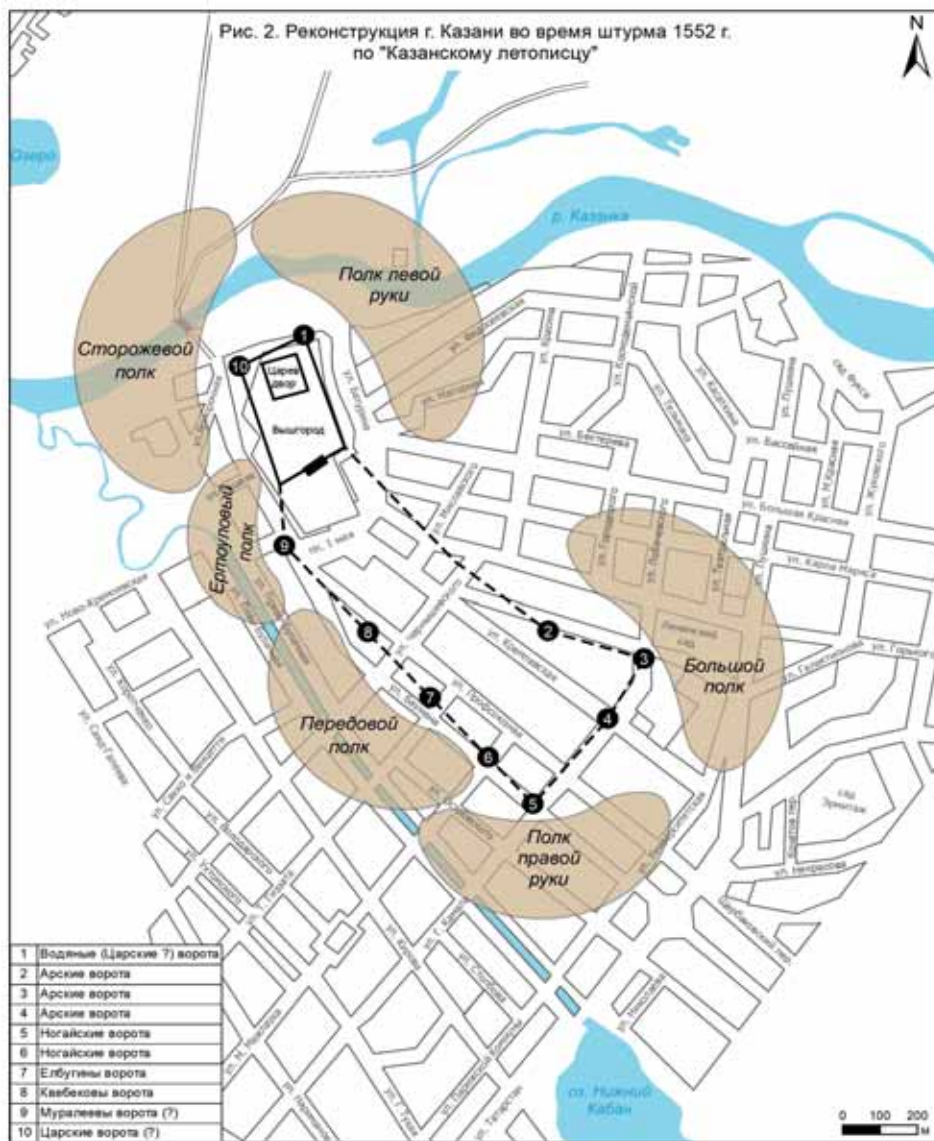
Айрат Г. Ситдиков, чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук, профессор, кафедра археологии и всеобщей истории; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

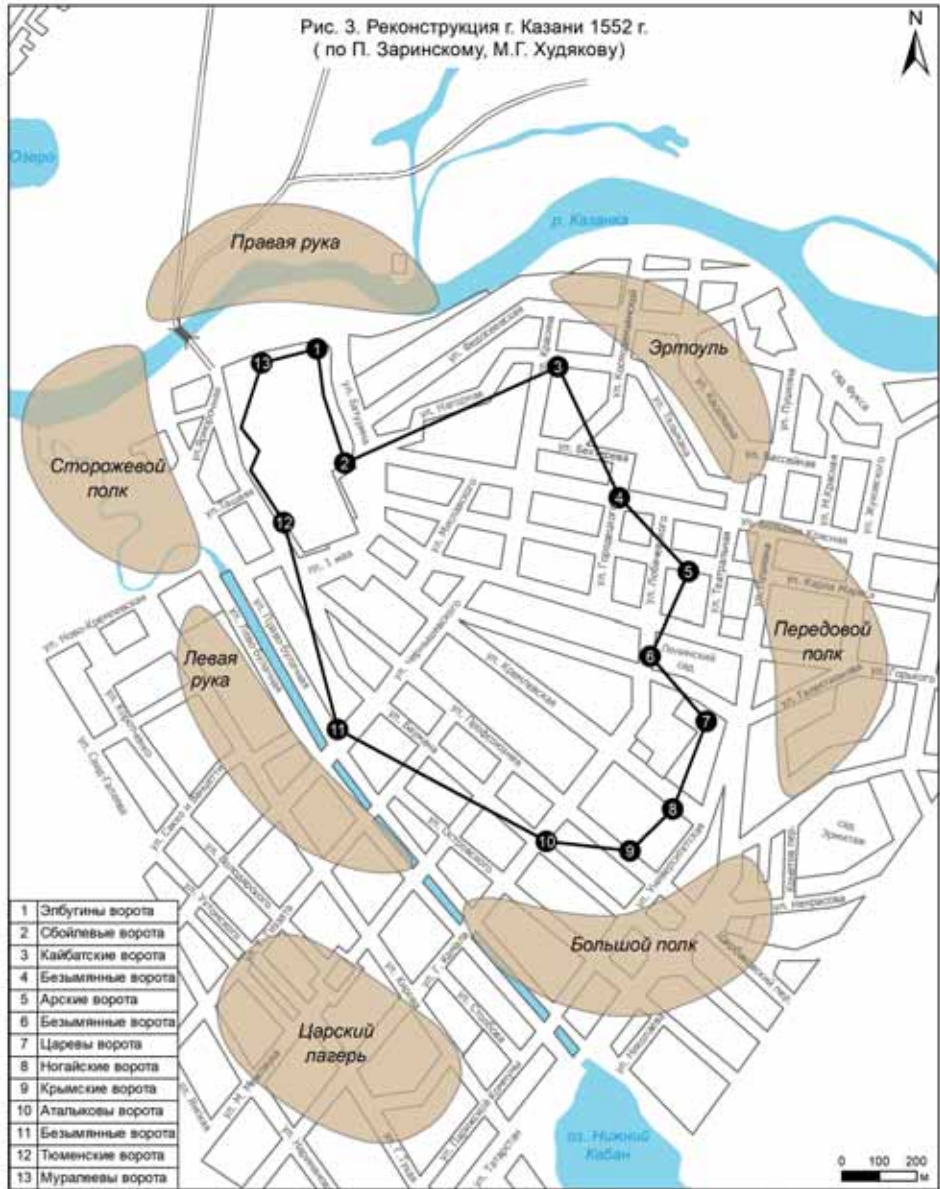
Sitdikov Airat G., TAs Corresponding Member, Professor, Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru.

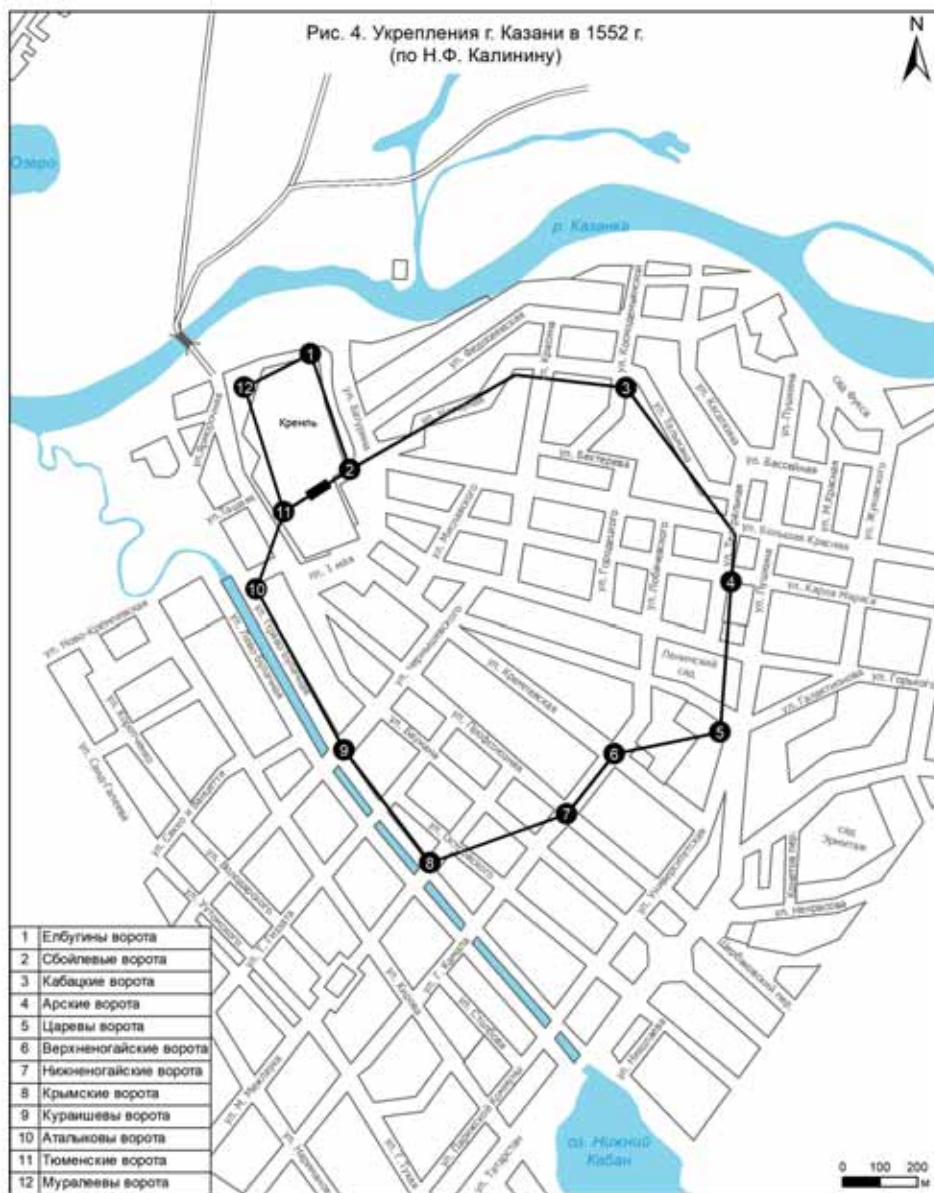
1. Реконструкция Казани 1552 г. по «Царственной книге»

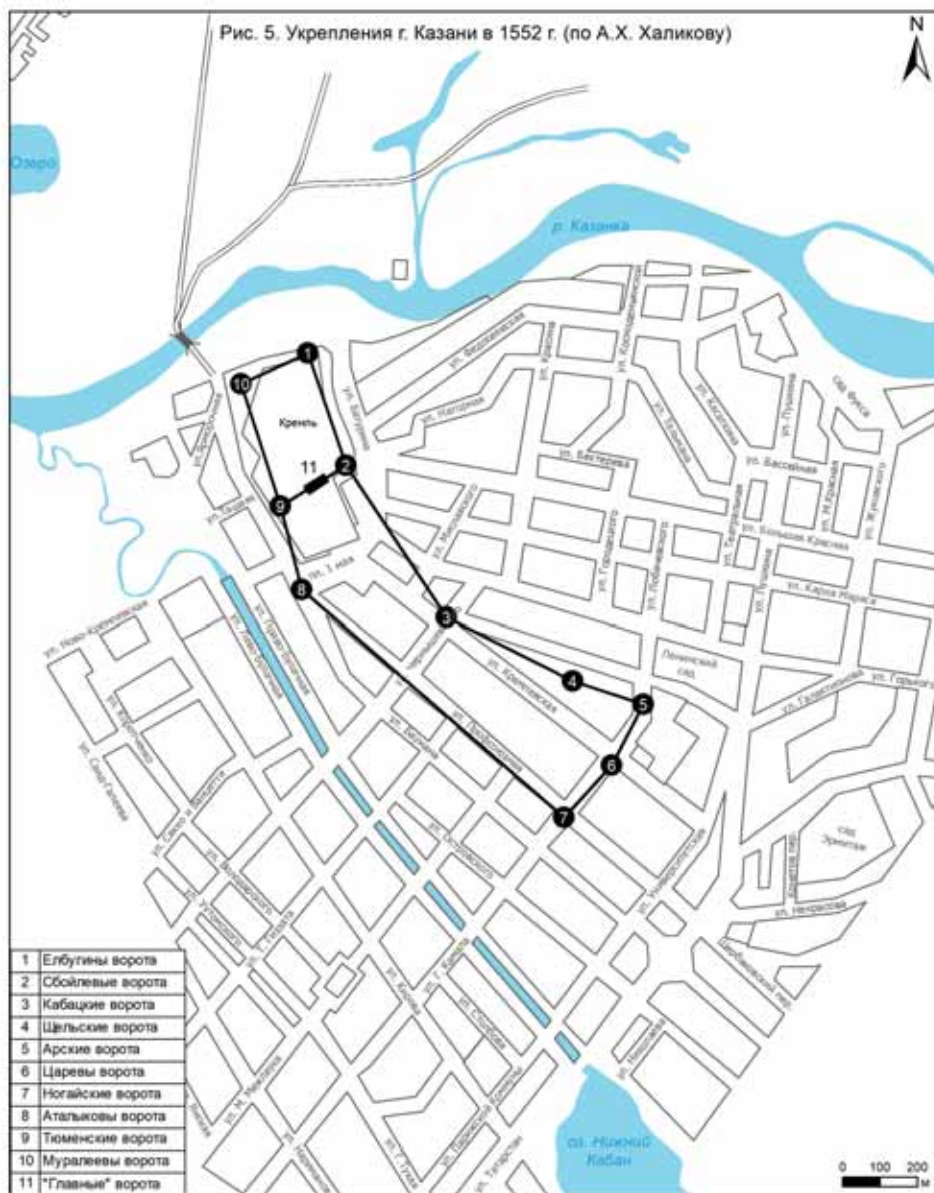
2. Реконструкция Казани 1552 г. по «Казанскому летописцу»

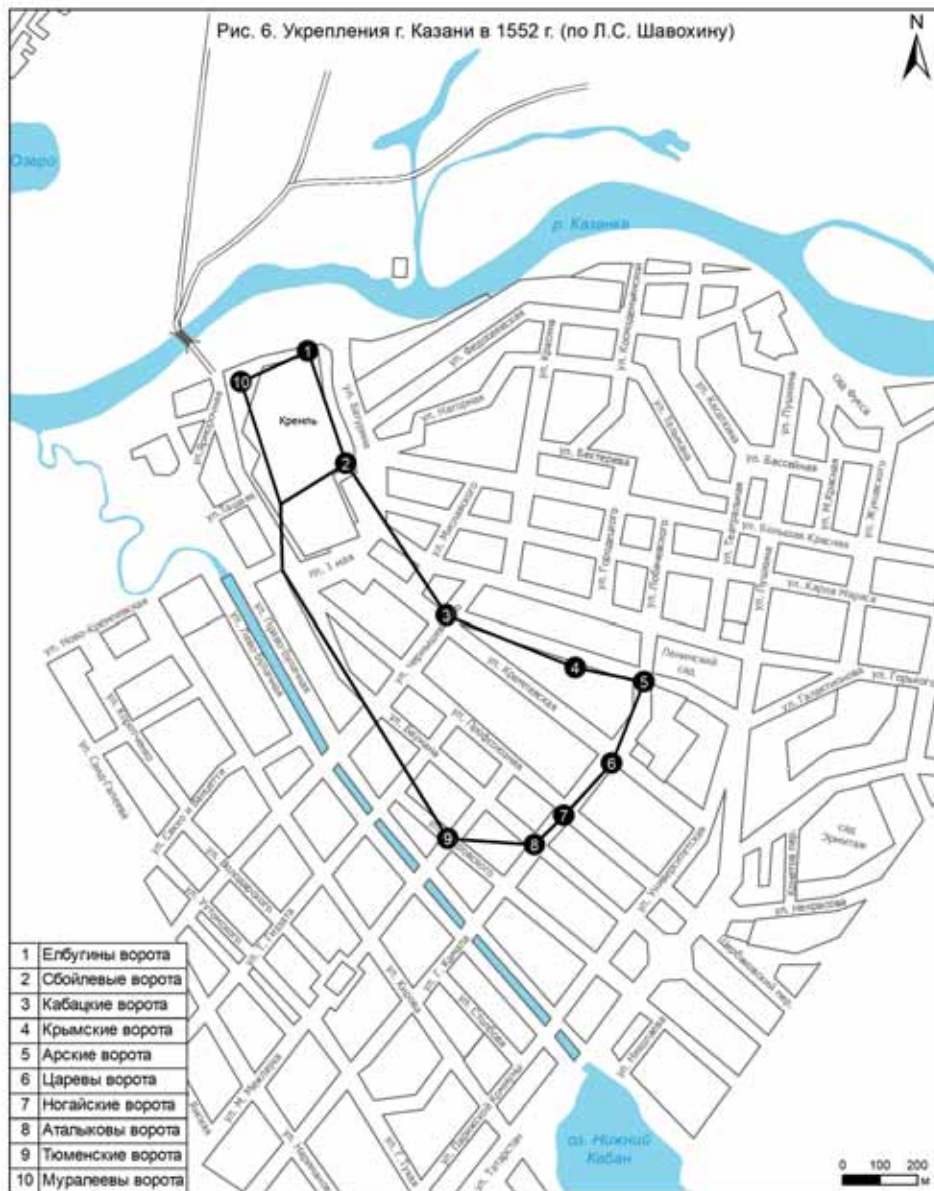
3. Реконструкция Казани 1552 г. П. Заринского, М.Г. Худякова

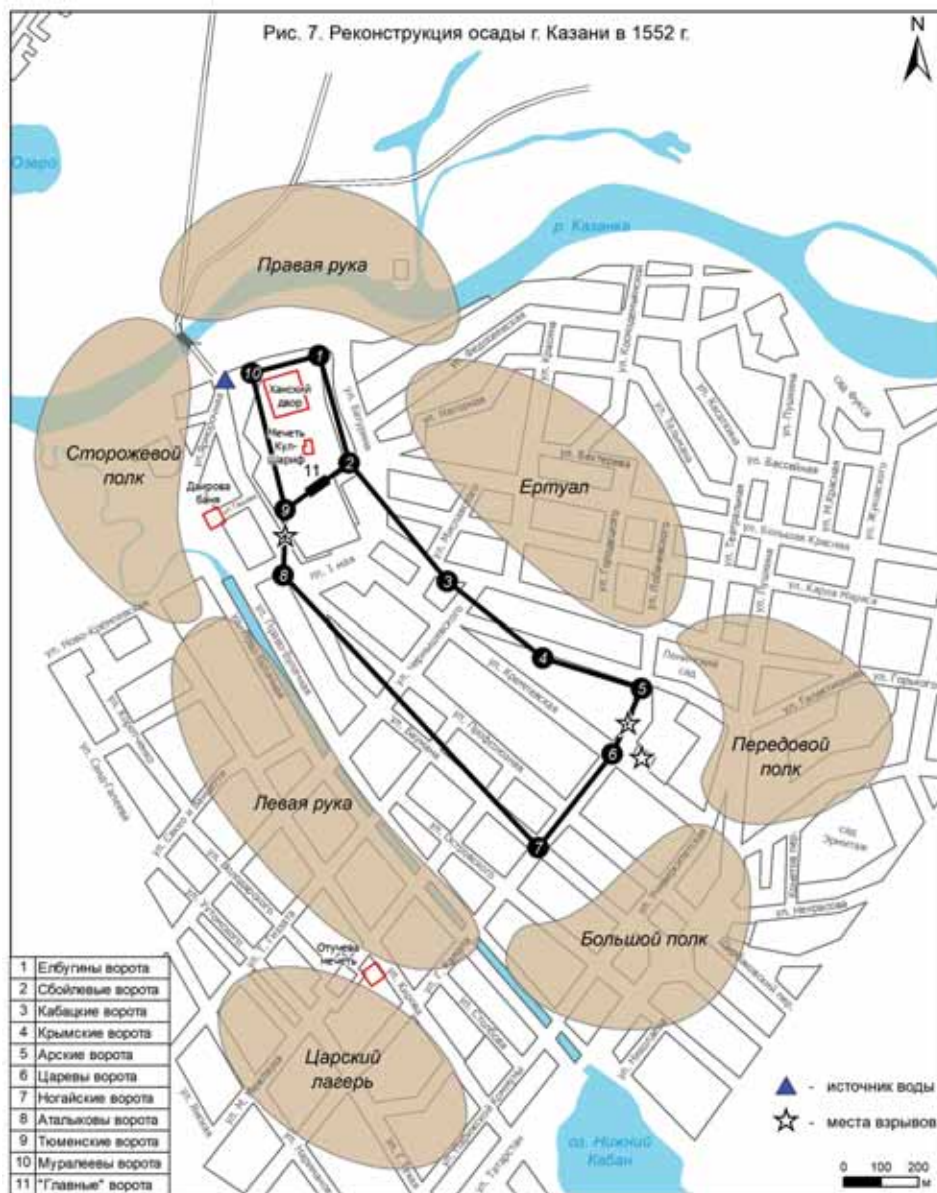
4. Реконструкция Казани 1552 г. Н.Ф. Калинина

5. Реконструкция Казани 1552 г. А.Х. Халикова

6. Реконструкция Казани 1552 г. Л.С. Шавохина

7. Реконструкция осады Казани 1552 г.

Начало стеклоделания в России XVII века: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Светлана И. Баранова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
svetlanbaranova@yandex.ru
ORCID: 0000–0001–9393–1151

Леонид А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия,
labeliaev@bk.ru
ORCID: 0000–0001–6825–4988

Аннотация. В статье впервые публикуются документы, касающиеся раскопок 1927 года участка первого в России завода по производству стекла. Он был создан в 1634–1638 годах и работал до 1760 г. Завод создала семья выходцев из Бранта, Койетов, первый из которых появился в России в 1630 г. как пушечный мастер, но в 1634 г. уже получил от правительства право купить 16 земельных участков в Московском уезде для организации производства. Местом первого завода стала пустошь Духанино, недалеко от Воскресенска, слободы Ново-Иерусалимского монастыря на р. Истре. Завод вырабатывал аптечное стекло и квадратные бутылки-штофы нескольких размеров. На заводе работали до 10 мастеров-европейцев и подсобные работники. Сырье получали сначала целиком из-за границы, но к 1670-м гг. уже добывали свое, в окрестностях. Завод упомянут в записках Николааса Витсена 1660-х гг., в книге И.-Г. Кильбургера 1670-х гг. и в местных деловых документах, начиная с 1640-х гг. Раскопки на его месте в 1927 г. возглавляли крупные историки русского быта (Н.А. Бакланова, П.Н. Миллер) и выдающийся технолог, инженер, художник и историк А.В. Филиппов. Сведения о раскопках считались почти полностью утраченными. Однако в архиве А.В. Филиппова сохранились чертежи, рисунки и записи, позволяющие восстановить ход исследований и часть результатов. Особый интерес представляют анализ физического и химического состава стекла и огнеупорной глины от технологических сосудов, сделанные сразу после раскопок. Поскольку 4 000 находок, сделанные при раскопках, утрачены, публикация найденного архива важна для истории стеклоделания в России, для оценки мультидисциплинарных исследований в СССР 1920-х гг., а также для развития молодой отрасли археологии Нового времени в России.

Ключевые слова: начало Нового времени, индустриальная археология, иностранцы в России, торговля в России, археологические методы, стеклянные сосуды.

Для цитирования: Баранова С.И., Беляев Л.А. Начало стеклоделания в России XVII века: новые источники // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 70–100. DOI: 10.25986/ISN.2023.53.61.004.

The beginning of glassmaking in Russia in the 17th century: new sources

Svetlana I. Baranova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

svetlanbaranova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9393-1151

Leonid A. Belyaev

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

labeliaev@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6825-4988

Abstract. *For the first time, the article publishes documents relating to the excavations in 1927 of the site of the first glass factory in Russia. It was created in 1634–1638 and worked until 1760. The plant was created by a family of immigrants from Brabant, the Koyets, the first of whom appeared in Russia in 1630 as a cannon master, but in 1634 he already received from the government the right to buy 16 land plots in the Moscow district for the organization of production. The site of the first plant was the wasteland of Dukhanino, not far from Voskresensk, a settlement of the New Jerusalem Monastery on the river. Istra. The plant produced pharmaceutical glass and square bottles of several sizes. Up to 10 European craftsmen and auxiliary workers worked at the plant. Raw materials were first received entirely from abroad, but by the 1670s, have already mined their own, in the vicinity. The plant is mentioned in the notes of Nikolaas Witsen of the 1660s, in the book of I.-G. Kielburger 1670s and in local business documents from the 1640s. Excavations in its place in 1927 were led by prominent historians of Russian life (N.A. Baklanova, P.N. Miller) and the outstanding technologist, engineer, artist and historian A.V. Filippov. Information about the excavations was considered almost completely lost. However, in the archive of A.V. Filippov, drawings, drawings and notes have been preserved, allowing to restore the course of research and some of the results. Of particular interest are the analysis of the physical and chemical composition of glass and refractory clay from technological vessels made immediately after the excavations. Since 4,000 finds made during excavations have been lost, the publication of the found archive is important for the history of glassmaking in Russia, for assessing multidisciplinary research in the USSR in the 1920s, and also for the development of the young branch of modern archeology in Russia.*

Key words: *early modern times, industrial archeology, foreigners in Russia, trade in Russia, archaeological methods, glass vessels.*

For citation: Baranova, S.I., Belyaev, L.A. (2023), “The beginning of glassmaking in Russia in the 17th century: new sources”, *Istoricheskie zapiski*, no. 22 (140), pp. 70–100. DOI: 10.25986/ISN.2023.53.61.004.

Задача этой статьи в основном публикационная⁷⁸. Авторами обнаружены архивные материалы, связанные с небольшими археологическими работами 1927 году на месте стекольного завода Коета [Юркин 2006, с. 2]⁷⁹ в Духанино⁸⁰. Их считали утраченными, мало интересными или просто не существовавшими. Но они сохранились, соответствуют уровню науки своего времени и вполне информативны. Их следует ввести в научный оборот. Это позволит, во-первых, увидеть археолого-технологическое исследование в СССР второй половины 1920-х гг. «в работе», оценить его методику. Во-вторых, пополнит историю раннего производства стекла в России. Наконец, внесет вклад в развитие молодой отрасли науки, археологии России национального периода и, конкретно, истории индустрии.

Это, несомненно, ключевое слово. В становлении советской науки, в том числе в определении места в ней археологии, оно играло особую роль уже самим созвучием с любимыми понятиями марксизма – производство и обмен. Археологи обращались к методам естественных и точных наук, статистике и механике. А.В. Арциховский, например, математически описал принцип работы средневековых топоров и серпов. Историки изучали таможенные книги и другие документы, имеющие отношение к торговле. И все, вплоть до историков искусства (Ф.М. Фриче, И.Л. Маца и др.), выстраивали в своих областях социальный, марксистский подход – обычно без серьезного успеха.

Интерес к прошлому отечественной промышленности поддерживала поставленная перед страной задача индустриализации. Мечтали о том, как история технологий поможет реальному производству, позволит расширить сырьевую базу, раскроет рецепты средневековых ремесленников и аграриев. В этом свете вопросы, которые поднимали герои нашего очерка, обретали особую актуальность. Первой на этом пути следует назвать Н.А. Бакланову, сотрудника ГИМ, работавшую в 1920-х гг. над историей торговли, промышленности и мира вещей начала Нового времени в России⁸¹. В 1928 г. она опубликовала работу, посвященную производству и торговле стеклянными изделиями в Московском государстве [Бакланова 1928, с. 119–141]. Н.А. Бакланова высоко оценила важность этого раннего этапа для общей истории, отметила трудности становления казенных стекольных заводов (Измайловского и Черноголовского в 1670-х гг.), неудачную попытку организовать производство в центре Москвы (1690-е гг.).

Ее заслугой стало подробное описание истории частного завода в Духанино. О нем знали и раньше, но особого внимания он не привлекал. Бакла-

⁷⁸ Исследование выполнено в рамках исследовательской программы РГГУ (С.И. Баранова) и госзадания ИА РАН, НИОКТР 122011200385-1 (Л.А. Беляев).

⁷⁹ Мы следуем простейшей из транскрипций фамилии.

⁸⁰ Авторы не считают себя специалистами по истории производства стекла. Но в сфере их интересов работа с силикатами (изразцы, кирпич, черепица, глазури), история науки и актуальное развитие археологии национального периода.

⁸¹ Наталья Аполлинарьевна Бакланова (1891–1977), историк, ученица М.М. Богословского, научный сотрудник ГИМ (1923–1929). Арестована в феврале 1930 г. по «Академическому делу», сослана в Котлас. После возвращения из ссылки в 1932 г. работала в отделе древнерусской литературы ИМЛИ.

нова использовала новые документы, связанные с его историей как первого предприятия по производству стекла, созданного семьей Юлия Коета в 1630-х гг. Документы позволяли уточнить владельческую историю завода и значительную роль в развитии других стеклоделательных предприятий XVII в., оценить продукцию и, отчасти, технологию. Стало возможным локализовать завод в районе пустоши (в XX в. деревни) Духанино под Воскресенском (совр. Истра).

Работа вызвала живой интерес в кругах историков, специалистов по производству силикатов, археологов. Но с открытием Н.А. Баклановой коллеги познакомились еще до выхода его из печати и внесли свой вклад в подготовку труда. Первым отреагировал известный историк Москвы, тогда заместитель председателя общества по изучению Московской губернии, П.Н. Миллер⁸². Он организовал выезд на место, в Духанино, пригласив в «комиссию», **кроме Баклановой, А.В. Филиппова** (см. ниже) и сотрудника **Краевого музея в Воскресенске В.М. Колобова**⁸³. Средства выделило Общество по изучению Московской губернии (краеведческое движение еще не было уничтожено). Для руководства полевой частью пригласили профессионального археолога К. Я. Виноградова, тогда работавшего в музее в Воскресенске.⁸⁴ Денег хватило только на 3 дня раскопок (2 поездок), но по горячим следам их кратко описали журналист **Н. Королев** [Королев 1927, с. 16] и П.Н. Миллер [Миллер 1928а, с. 7–8]. Гораздо подробнее, вместе с характеристикой местного ландшафта и анализом письменных источников, их представила уже Н.В. Бакланова в своем труде (**Рисунок 1**).

Важность открытия осознали сразу [Бакланова 1928, с. 127]⁸⁵. Находки были немедленно «помещены в витрине одной из зал Исторического Музея на выставке: «Быт Московской Руси 16 и 17 веков» и в Кабинете Краеведа в Ц[ентральном] Доме (Леонтьевский пер., д. 4)» [Миллер 1928а, с. 7], а затем переданы в ГИМ, музей г. Воскресенска (что подтверждает путеводитель по музею г. Воскресенска 1928 года⁸⁶), и в Институт силикатов [Миллер 1928а, с. 8].

Этого оказалось достаточно, чтобы раскопки вошли, так сказать, в обоим историографии о начале стеклоделия в России. О заводе в Духанино пи-

⁸² Петр Николаевич Миллер (1867–1943), член Московского археологического общества (МАО) и Комиссии по изучению старой Москвы (1909), ее председатель (с 1923 г.) и главный хранитель (1921–1929 гг.) музея «Старая Москва».

⁸³ Владимир Михайлович Колобов позже работал и как археолог, известно, что в 1948 г. он получил открытый лист на разведки. См.: Архив ИА РАН. Р-1, 241. Отчет В.И. Колобова о разведках на территории Московской области. 1948.

⁸⁴ Константин Яковлевич Виноградов (1884–1943) в 1920-х гг. сотрудник музейного отдела Главнауки Наркомпроса и ряда подмосковных музеев, известный ученый, археолог, второй директор музея в Коломенском. В начале Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории и в 1943 г. расстрелян по обвинению в измене Родине. Реабилитирован в июне 1957 г.

⁸⁵ Заметка "Первый в России стекольный завод XVII века" была помещена в газете "Известия" от 14.09.1927. Выходили и другие заметки.

⁸⁶ Материал, добытый из раскопок в с. Духанино осенью 1927 г. Найдены черепки стеклянной посуды и 4-х-угольные донышки штофов, также куски муфельей, служивших для плавки стекла, и капли стекла. На основании этого материала можно заключить о технике стекольного производства в с. Духанино. Архивные документы сообщают, что в с. Духанино был стекольный завод шведа Койэта, основанный в 1634 г.». Музейный п/отдел «МОНО» Государственный художественно-исторический краевой музей в г. Воскресенске Московской губ. Краткий путеводитель Госуд. худ.-истор. краевого Музея 1928. С. 42.

сали в историко-техническом, культурном, музейном контексте М.А. Цейтлин [Цейтлин 1939, с. 17–26], Н.И. Фальковский [Фальковский 1997, с. 210–211], М.Я. Волков [Волков 1963, с. 299], Н.А. Ашарина [Ашарина 1998], Е.В. Долгих [Долгих 1925, с. 7–8, 30], Е.П. Смирнова [Смирнова 2001, с. 130], а в связи с историей иностранцев в России В.А. Ковригина [Ковригина 1998, с. 200] и другие. Особняком стоит исследование И.Н. Юркина о владениях Коетов и их компаньонов [Юркин 2006, Юркин 2008] (там же подробно разобрана историография). В изданиях музейных коллекций изделий из стекла Духанинского завода фактически нет. Н.А. Бакланова отнесла к ним штоф из собрания П.И. Щукина («Сосуд желто-зеленого стекла второй половины XVII в., изготовленный предположительно на Духанинском заводе (собрание ГИМ)» [Бакланова 1928, с. 130–131]), что позднее приняла Е.П. Смирнова [Смирнова 2001, с. 130] (**Рисунок 2**).

Документация работ отсутствовала, и неясно было, велась ли она вообще. К счастью, полевые записи, рисунки и чертежи, а также другие материалы обнаружили в архиве А.В. Филиппова⁸⁷. Это глубоко логично. Судьба Филиппова сложилась благополучнее, чем у остальных членов группы. Сохранился и его архив⁸⁸. Главное же в том, что только Филиппов был специалистом по силикатам. И очень увлеченным специалистом. Его интересовало все, что с ними связано, в том числе стеклянные изделия и глазури, производство которых в 1920–1930-х гг. было важным направлением развития народного хозяйства⁸⁹. Прежде, чем развивать «керамику – стекольную промышленность», следовало ее восстановить, запустив процесс внедрения науки в производство, а также изучить ее историю⁹⁰. А.В. Филиппов, мастер и организатор производства, создатель экспозиций и художник, инженер-аналитик и ученый-историк, олицетворял этот процесс.

Архив работ 1927 года образовался у Филиппова, видимо, в силу того, что он решил сам обработать полученные данные и организовать аналитику. Что и выполнил. Но на ожидавшееся продолжение экспедиции не нашлось средств, и дело легло в долгий ящик. Вернулся к нему ученый только в начале 1950-х гг., собрав документы воедино и набросав небольшую статью, которую так и не опубликовал.

⁸⁷ Алексей Васильевич Филиппов (1892-1956) – крупнейший отечественный специалист по керамике, художник, исследователь, технолог-производственник, реставратор, историк искусства. Подробнее см.: [Баранова 2017].

⁸⁸ Архив уцелел благодаря усилиям археолога Александра Афанасьевича Бобринского и его дочери, искусствоведа Екатерины Бобринской. В последние десятилетия он разобран и в значительной части опубликован, см.: [Баранова 2017]. Керамическая установка. ... В настоящее время начата передача архива в Музей архитектуры им. А.В. Щусева на постоянное хранение, и документы пока не имеют шифра.

⁸⁹ В 1918 г. при ВСНХ по указанию В.И. Ленина был создан Научно-технический отдел (НТО, с 1926 г. Научно-техническое управление, НТУ). Одной из задач которого было создание сети научно-исследовательских институтов и лабораторий (РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 29. Л. 3). При НТО ВСНХ известный химик-технолог Б.С. Швецов сразу же создал Испытательную стекольно-керамическую станцию (с 1926 г. – Государственный институт силикатов и каменных строительных материалов (Госинсикат). В 1930 г. на базе его стекольного отдела создан Государственный экспериментальный институт стекла (ГЭИС). Отрасль была радикально преобразована и поднялась с уровня кустарного ремесла на «инженерную» ступень.

⁹⁰ Процесс отвечал романтическим представлениям о новом мире, основанном на принципах сознательного созидания с его жадной экспериментальной, творческой энтузиазмом первой половины 1920-х гг. Но тормозилось отсутствием сырьевой и технической базы и общим неустройством страны.

В обширном архиве нам удалось подобрать 51 лист документов, относящихся к работам в Духанино. В их составе: вырезка из газеты «Известия» (1 л.); служебная переписка (8 л.; бумага, машинопись); частная переписка А.В. Филиппова с П.Н. Миллером (4 л.; бумага, чернила); рукописи статьи «Первый стекольный завод в России» (5 л.; бумага, чернила); текст доклада «Оборудование и продукция первого стекольного завода 1635 г.» (4 л.; бумага, машинопись).

Наиболее важная часть архива – полевая и аналитическая документация. Она включает: дневник (рукопись с рисунками, 13 л.; бумага, чернила); наброски планов и профилей (6 л.; бумага, карандаш); черновик «отчета о раскопках» с характеристикой профиля (3 л.; бумага, машинопись); таблицу «Статистика находок» (1 л.; бумага, чернила) и один беловой план («Траншея № 1 на усадьбе Веденева в д. Духанине, раскопанная 15.X- 1927 г.», 1 л.; ватманская бумага, тушь) (**Рисунок 3**). Аналитическая документация состоит из карточек с результатами химико-физических анализов и испытаний находок, проведенных в ГЭИС (4 л.; бумага, чернила). В архив также входят рукописные материалы по заводу в Черноголовке (3 л.; бумага, чернила). В техническом отношении все документы делятся на рукописные, машинописные и чертежные.

В ходе исследования документы заново разобраны, отсканированы и набраны, приведены в пригодный для современной публикации электронный вид⁹¹. Проведена проверка наличия аналогичной документации в других архивах⁹² и поиск публикаций 1920-х гг., касающихся раскопок в Духанино. Запрошена информация о наличии находок 1927 года в коллекции стекла ГИМ и в ГИХМ «Новый Иерусалим» (в прошлом Областном музее г. Истра), где их не оказалось⁹³. Тем не менее, обстоятельства работ, результаты полевых и камеральных исследований удалось восстановить с большой полнотой.

Как уже сказано, раскопки 1927 года инициировало исследование Н.А. Баклановой, чью роль отмечают все участники. Ход делу дал П.Н. Миллер: он получил деньги для поиска места завода⁹⁴ и собрал «комиссию», пригласив поехать А.В. Филиппова и обещав «трансфер» на подводе от станции Ист-

⁹¹ Чтение и набор документов осуществлялись при участии Дмитрия Григорьевича Давиденко (ИА РАН), которого мы искренне благодарим за помощь.

⁹² Материалы о раскопках 1927 г. обнаружены также в НИОР РГБ. Ф. 177. П. 46. Д. 23-24. Миллер Петр Николаевич. Отчет о раскопках первого в России стекольного завода (1634) в деревне Духанино Звенигородского уезда. 1927 год. Описание поездки в деревню, вырезки из трех газет о находках.; П. 9. Д. 67. Письма Миллера о результатах обследования стекольного завода в Духанино Воскресенского уезда. 1927 год.

⁹³ Мы не проверяли наличия этих материалов в археологическом отделе ГИМа, так как было известно, все находки, которые поступили в этот отдел после работа в Духанино, еще до войны были переданы в музей в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, где и были утрачены в период кратковременной оккупации города Истра немецкой армией. Музейная документация по этой передаче, или иные бумаги, связанные с коллекцией, также не сохранились. Это еще в 1990-2000-х гг. было выяснено И.Н. Кузиной (ИА РАН). Благодарим Инну Николаевну Кузину за ценную консультацию.

Благодарим главного хранителя ГИМ Марину Викторовну Чистякову и заведующую Отделом керамики и стекла ГИМ Елену Петровну Смирнову за предоставленную возможность публикации штофа из собрания П.И. Щукина.

⁹⁴ Всего 20 рублей, или 2 червонца. Это немного, но для эпохи НЭПа, когда килограмм мяса стоил 50-60 копеек, а приличной зарплатой считали 60-80 рублей, ее нельзя назвать ничтожной.

ра до деревни Духанино⁹⁵. Опубликованная Миллером заметка живо рисует эпоху, обстоятельства работ и первичной экспертизы:

«Составилась небольшая Комиссия, которая на свой страх и риск, субсидированная в сумме 20 рублей Об-вом Изучения Моск. губ., предприняла в сентябре прошлого года разведочную поездку в д. Духанино, отстоящую всего на 8 в. от г. Воскресенска.

Ехали вслепую: ни в центре, ни в местном Воскресенском Краевом Музее никаких сведений о стекольном заводе не было, и когда подъезжали к деревне, не могли прийти к какому-либо решению – откуда начать поиски.

Выручили вездесущие ребяташки. В то время, как старики недоуменно выслушивали наши расспросы, ребята сейчас же заявили: „Ах, стекляшки! мы в них играем, вон у Мореича их в яме сколько хоть...» Тотчас же, сопровождаемые чуть ли не полдеревней, пошли к яме на усадьбу крестьянина Ив. Ив. Веденева, где на обыскавшихся краях бывшего погребца (сгоревшего в прошлом году) обнаружили шквару, битое стекло, какие-то стеклянные сосульки, в которых, участвовавший в экспедиции, профессор Госуд. Института Силикатов А. В. Филиппов признал пробные нити и слезки, которые получаются при пробах плавки стекла; ни от пожара, ни от каких-либо других причин они получаться не могут.

Но этим наше торжество не кончилось. К нам подошла хозяйка соседней усадьбы Н. П. Иванова и принесла осколок какого-то каменного предмета, подобранный ею на огороде, который, попав в руки А.В. Филиппова, сразу нашел себе определение: «Стекловаренный горшок» – воскликнул А. В. Дело стало ясно – местонахождение стекольного завода было найдено.

В тот же день, пробыв в дер. Духанино всего два дня, мы возвратились в Москву, захватив с собой добытые доказательства, и начали хлопотать о более длительной экспедиции и более щедрой ассигновке» [Миллер 1928а, с. 7–8].

В «фандрайзинг» для дальнейших работ⁹⁶ горячо включился А.В. Филиппов. Он сразу составил подробную смету⁹⁷ и обратился в Главное управление химической промышленности ВСНХ СССР и Коллегию НТУ за деньгами на раскопки и издание результатов, подчеркивая фундаментальное значение знаний «о заводе-пионере нашей стекольной промышленности»

⁹⁵ Записка П.Н. Миллера А.В. Филиппову от 09.09.1927: «Алексей Васильевич, еду в Воскресенский уезд искать стекольный завод XVII в., в котором сотрудник Истор. Музея Н.А. Бакланова разыскала архивные данные. Что обнаружим и обнаружим ли – неизвестно. Если Вы захотели бы с нами поискать, то наша экспедиция будем располагать лошадью до места назначения на ст. Истра к поезду, отходящему из Москвы с ... вокзала в 9 ч 30 м. завтра 10 сентября. Ваш Миллер. 9. IX 27» – Архив А.В. Филиппова. Здесь и далее приводим документы архива по их названиям и датам, поскольку номеров хранения они еще не имеют.

⁹⁶ «В конце сентября в дер. Духанину выезжает новая научная комиссия для детального обследования бывшего стеклянного завода – там же.

⁹⁷ В архиве А.В. Филиппова сохранился печатный и рукописный вариант сметы, без даты, но составленные сразу после 10.09. 27 г. Смета включала (п в порядке документы): инструменты (грохоты и лопаты – 10 р.), плату чертежнику (чертежи – 100) и за консультации (консультация по печам -), деньги на издание (издание – 4 печ[атных] листа по 250 = 1000) и сбор архивных материалов (архивн[ые] материалы –), поездки – 3 лошади по 8 р. – 24) и землекопов (рабочие – 700), фотофиксацию (фотография – 100 р.), доставку и упаковку (перевозка материалов и тара, упак[овочный] мат[ериал] – 100». Это очень интересный документ, показывающий пропорциональное соотношение стоимости квалифицированной и неквалифицированной работы, а также некоторые особенности методики – ясно, например, что грунт собирались просеивать.

и вероятность их применения на практике. Он пишет записки⁹⁸, выступает на распорядительном заседании президиума научно-технического совета стекольно-фарфоровой промышленности (01.10.27) с просьбой ассигновать 300 руб., и даже получает одобрение. Выписка из протокола ушла в Коллегию НТУ и ВСНХ (04.10.27) с той же просьбой⁹⁹. В письме С.Д. Шейну, как специалисту, Филиппов привел дополнительный аргумент, упомянув о возможности усовершенствования «современных стекловаренных горшков»¹⁰⁰.

Денег так и не дали. Но откладывать было невозможно, близились холода. В состав участников включили археолога К.Я. Виноградова, и в середине октября группа выехала, отработав два дня (14.10–15.10). Удалось заложить только разведочную контрольную траншею, и в части полевых работ исследование завершилось. В архиве А.В. Филиппова сохранились два их описания, краткое и детальное. Краткое состоит всего из двух страниц с длинным заголовком: «Обнаружение завода в д. Духанине разведками 10/IX-1927, продолжение разведок и определение шурфованием территории завода 14/X, пробные раскопки траншей № 1–15/X-1927». Приведены сведения о площади завода (около 13 000 м², 1,5 десятины) и площади вскрытия (ок. 43 м², 1/300 всего комплекса). Указан порядок работ: сначала заложили шурфы на пяти крестьянских усадьбах, после чего сосредоточились на участке И.И. Веденева. Он был насыщен находками стекла и, по данным опроса, на нем были кирпичная стена и печь. Контрольную траншею (21.35 x 2 м) разбили на 10 участков. Слой описан суммарно: до материка 2 шты-

⁹⁸ Записка в Главное управление химической промышленности ВСНХ СССР от 19.09.1927: «10 сентября с/г.в дер. Духаниной Воскресенского уезда Московской губ. представителями Государственного Исторического Музея, О-ва по изучению Московской губ., Института Силикатов и Краевого Воскресенского Музея открыто место первого по времени в СССР стекольного завода, основанного в 1635 году шведом Елисеем КОЙ-ЭТОМ. Разведкой обнаружено большое количество стекляного боя и стеклянных капель и нитей, шквары, шлаков и остатков стекловаренных горшков. Для научного выяснения более подробных и вещественных данных о первом нашем заводе и сохранения его остатков от расхищения местным населением необходимо в срочном порядке произвести раскопки и издать все обнаруженные документальные археологические, этнографические и технологические материалы о заводе-пионере нашей стекольной промышленности. К сожалению, учреждения НАРКОМПРОСА РСФСР слишком бедны средствами, потребными для правильного производства раскопок. Прошу Главное Управление Химической Промышленности оказать возможную материальную помощь этой работе. (А.В. Филиппов)» – Архив А.В. Филиппова.

⁹⁹ Выписка из протокола заседания: «Слушали: Заявление проф. А.В. Филиппова об отпуске средств для продолжения раскопок первого в России стекольного завода в дер[евне] Духаниной Воскресенск[ого] уезда.

Постановили: ... 9. Для научного выяснения более подробных вещественных данных о первом русском стекольном заводе в дер[евне] Духаниной Воскресенск[ого] уезда, ассигновать с разрешения НТУ сумму Р. 300, для проведения раскопок и издания описания всех обнаруженных материалов о вышеупомянутом заводе.

Председатель: (Красников) Ученый секретарь: (Пенкин)» – Архив А.В. Филиппова.

¹⁰⁰ Из письма А.В. Филиппова к С.Д. Шейну «К дополнению к № 511 от 4/X с.г. сообщаем, что решение Распорядительного Заседания Президиума НТСа об ассигновании 300 руб. на проведение раскопок и издание описания всех обнаруженных предметов первого в России стекольного завода в дер. Духаниной Воскресенского уезда диктовалось желанием получить некоторые практические данные о производстве стекла.

В XVII веке, в целях использования этих данных в применении к текущей практике"... «обнаруженные раскопками остатки дойницы («дойница» в стекловарении – окошко для забора горячей стекло-массы – СБ, ЛБ), позволяют сделать весьма интересные практические выводы в отношении построения современных стекловаренных горшков. Таким образом, упомянутые раскопки, кроме известного исторического интереса, представляют и практический интерес, в смысле получения данных о технике и производстве стекла в XVII столетии, причем не исключена возможность опыт прошлого в той или иной степени применить к разработке современных проблем". – Архив А.В. Филиппова.

ка, или 50–60 см)¹⁰¹, но отмечена чрезвычайная многочисленность находок: «Обнаружено местоположение стекловаренной печи и более 4000¹⁰² предметов сырья, печного припаса и строительных материалов, боя стеклянной продукции и отходов производства»¹⁰³ (Рисунок 3).

Второе описание работ по типу ближе к дневнику. Оно включает 9 листов записей карандашом, сопровождается зарисовками (Рисунок 4: а-ж, см. Приложение 1) и статистической таблицей находок (Рисунок 5). Основную массу предметов составили фрагменты стекла и шлаки, бытовых вещей крайне мало. Более четверти находок образуют фрагменты изделий: плоские и выгнутые стекла правильной (580) и неправильной (552) формы. За ними следуют отходы производства и сырье: много стеклянных «слёзок» (262), стекол с отпечатками выдувальных трубок (126), стекловаренных горшков (151). Филиппов отнес сюда же куски комового песка (214), воспринятого как сырье – в своей записке он укажет эти «куски» как кварцит (возможно, используя термин как обобщенный, о чем далее). Больше всего (что естественно) оказалось шлаков и оплавков разного рода – насчитали 453 фрагмента и учли еще 2 ведра, оставшихся несчитанными. В сравнении с этой массой почти незаметны кирпичи (всего 26), печной припас, бытовая керамическая посуда, единичные изделия из железа (2 гвоздя и подкова) – всё вместе около около 2%.

Для продолжения работы с находками Филиппов инициировал специальную «Комиссию для изучения первого русского стеклянного завода» и вошел в нее как представитель ГЭИС¹⁰⁴, бескорыстно взяв на себя химико-технологические анализы. Знание европейской литературы позволяло ему обнаруживать подтверждения прямых заимствований технологий у европейских мастеров и подчеркивать родство рецептов стекла в России и Европе (как увидим, отраженное и письменными источниками).

Можно сказать, что А.В. Филиппов применил к собранным материалам технологический подход, разработанный им для атрибуции рус-

¹⁰¹ "Территория завода около 13000 кв. м. (1,5 десятины) в настоящее время занята усадьбами крестьян д. Духанина – Скворцова, Андреева, Веденева, Иванова и Бурмистрова. Раскопана траншея в 1/300 площади бывшего завода (43 кв. м) . Обнаружено местоположение стекловаренной печи и более 4000 предметов сырья, печного припаса и строительных материалов, боя стеклянной продукции и отходов производства.

14 X-1927 Заложили шурфы на усадьбах Климова, Скворцова, Андрианова, Веденева, Иванова Н.П., Иванова С.П., Бурмистрова. 15 X-1927 заложена контрольная траншея на усадьбе Веденева И.И. на участке наиб. насыщ. материалами по данным шурфовки, нахождения ранее крестьянами большого колич. стекла, указ. крестьян на существ. кирпичной стены и печи на насыщенность вещами указала близость нового погреба, шурфование которого дало исключ. богатый колич. материал. Намеченный вначале план раскопок в б. широком масштабе пришлось сократить до одной траншеи в 10 участков в силу плохой погоды и недостатка раб. силы". Местоположение траншеи № 1 (прил. план). Размеры траншеи, длина 21 м 35 см, в 10 участок, кроме 1 и 10, которые были -1– 2 м 35 см и 10 – 3 м. Ширина 2 м. Траншея пройдена на 2 штыка до грунта глубиною 50 см (местами 60), см. профиль» – Архив А.В. Филиппова.

¹⁰² Первая цифра исправлена.

¹⁰³ Филиппов А.В. Первый стекольный завод в России. Рукопись. Л. 2. Архив А.В. Филиппова.

¹⁰⁴ Выписка из протокола № 35 заседания правления государственного экспериментального института силикатов от 10 ноября 1927 г. Слушали: Докладная записка проф. А.В. Филиппова об участии в работах по открытию и изучению продукции и оборудования первого в СССР стекольного завода 1635 г.

Постановили: 1. Уполномочить А.В. Филиппова быть представителем Ин-та в спец. комиссии для изучения первого русского стек. з-да. Хим.-технол. часть работы Ин-т принимает на себя бесплатно. Председатель: (Корчагин) Секретарь: (Романов).

ской керамики. Итоги он представил на специальном заседании комиссии «Старая Москва» в октябре-ноябре 2027 г. Программу заседания Н.П. Миллер изложил в письме к А.В. Филиппову (24.10.27): короткий (10 мин.) рассказ самого Миллера о двух поездках в Духанино, и более длинные, по 20 минут, доклады Н.А. Баклановой (*Архивные данные о работе Койэта*), А.В. Филиппова (*Оборудование и продукция завода*), К.Я. Виноградова (*Впечатления и анализ археолога*) и В.М. Колобова (*Легенды, связанные с заводом*). Заседание состоялось [Филимонов 1989, с. 133, 147]¹⁰⁵. Содержание доклада изложено в рукописи «Оборудование и продукция первого стекольного завода 1635 года» (к докладу А.В. Филиппова 24/XI-1927 года), но составлена она значительно позже, в 1951 г., по старым записям¹⁰⁶. В ней приводятся результаты химических и иных анализов, проведенных сразу после раскопок (см. Приложение 2), (**Рисунок 6**).

Доклад А.В. Филиппова существенно дополняет статистическую таблицу. Мы узнаем, что стекло было двух сортов: «белое и бутылочное (зеленое) стекло¹⁰⁷»; причем «10 плоских осколков белого стекла с оплавленными краями по-видимому являются остатками оконного стекла¹⁰⁸. *Что формы и величины квадратных в плане штофов-скляниц*¹⁰⁹ позволяют выделить три группы (по размеру стороны: 10, 8 и 5 см при горлышке диаметром в 0.2–0.3 см¹¹⁰). Отмечается, что в ассортимент завода входила «круглая посуда¹¹¹, а также вырабатывалась стеклянная посуда с носками¹¹² как у современных¹¹³ фарфоровых чайников»¹¹⁴.

Филиппова как технолога и историка технологии особенно интересует процесс стеклоделания. Не случайно в первую очередь он выделяет среди

¹⁰⁵ В архиве А.В. Филиппова сохранилась программа заседания секции Общества изучения Московской губернии «Старая Москва» 24 ноября 1927 г., посвященного «Первому в России стекольному заводу XVII века». См.: [Баранова 2017] Керамическая установка. С. 35.

¹⁰⁶ Филиппов обновил свои записи по просьбе Михаила Федоровича (личность не установлена), которому написал следующее письмо: «Уважаемый Михаил Федорович! Среди собранных мной материалов по истории стеклоделия у меня сохранились некоторые неопубликованные данные по интересующему Вас вопросу о конструкции печей и стекловаренных горшков Духанинского завода, археологические разведки которого и пробные раскопки производились при моем участии в 1927 году.

В этих материалах имеются данные об оригинальной форме и размерах стекловаренных горшков, химические составы этих горшков и печного припаса по анализам, произведенным по моему заданию в Госуд. экспериментальном институте силикатов. К сожалению, установить форму и конструкцию стекловаренных печей не удалось из-за отсутствия средств на продолжение раскопок и равнодушия в то время к этому вопросу ВСНХ. Прошу сообщить, что из перечисленных материалов Вас интересует для начатой В/работы по истории стекловаренных печей в России. После этого я постараюсь сделать для Вас выписки из моих черновых материалов. Член-корреспондент академии архитектуры СССР (А.В. Филиппов. 18.V.1951" - Архив А.В. Филиппова.

¹⁰⁷ Подчеркивания и скобки имеются в документе.

¹⁰⁸ Подчеркнуто в документе.

¹⁰⁹ Подчеркнуто в документе.

¹¹⁰ «...по 62 найденным днищам этих скляниц легко восстанавливаются их величины со стороны дна в 10, 8 и 5 см. Снизу имеются донные углубления. У скляниц большей величины середина дна имеет в толщину 10 мм, спуск к краю 4–3 мм, а стенки – толщину в 3 мм. Горла низкие, круглые с наружным диаметром 20–30 мм».

¹¹¹ Подчеркнуто в документе.

¹¹² Подчеркнуто в документе.

¹¹³ Написано поверх зачеркнутого. Зачеркнуто: наших.

¹¹⁴ Архив А.В. Филиппова.

находок «куски стекловаренных горшков»¹¹⁵. Удалось восстановить форму: это были баночные сосуды, «круглые с почти вертикальным наружным и слегка наклонным внутренним профилем стенки, обработанным снаружи вертикальными бороздами»¹¹⁶, а также толщину стенок и характер их обработки («ровный и плотный черепок очень хорошей работы, по-видимому «в натирку» или «в притирку»). Был проведен анализ черепка¹¹⁷, позволивший утверждать, что это огнеупорная глина¹¹⁸, по мнению Филиппова, гжельская или привозная из-за границы, о чем говорили и письменные источники, собранные Н.А. Баклановой.

Кроме горшков, Филиппов заострил внимание на находке «огнеупорных кусков от окна стекловаренной печи»¹¹⁹ в виде остеклованных лекальных кирпичей: «огнеупорные лекальные остеклованные кирпичи, по-видимому, являющимися кусками от окна стекловаренной печи. Их черепок крупнозернистый, при обжиге, не доведенном до спекания, – желтый» (в статистическом подсчете они указаны просто как желтые). Проведенное термическое испытание показало высокую температуру плавления, 1380°–1400°.

Были проведены промеры кирпича (288 × 127 × 61 мм и 288 × 147 × 72 мм; по мнению Филиппова, «обыкновенный красный строительный кирпич»), однако план или точную форму печи восстановить не удалось: «контрольные раскопки траншеи как раз перерезали печь по середине», но ее ширина явно превосходила ширину траншеи (2 м).

Наконец, Филиппов подчеркнул обилие набели («126 кусков набели»¹²⁰ – стекло с отпечатками выдувальных трубок»¹²¹), поскольку «...набель легко восстанавливает диаметры железных¹²² трубок для выдувания стекла»¹²³, применявшихся 300 лет назад... Трубки употреблялись диаметром в 1,5–2 см, т. е. такие же, как применяются в стеклоделении и в настоящее время»¹²⁴.

¹¹⁵ Подчеркнуто в документе.

¹¹⁶ Толщина дна 100 мм, стенок внизу 60 мм,верху до 20 мм; меньший размер – 65,45 и 15 мм.

¹¹⁷ Анализ черепка стекловаренного горшка дал следующий химический состав:

Кремнекислота	SiO ₂	54,45%
Двуокись титана	TiO ₂	1,42
Окись алюминия	Al ₂ O ₃	37,95
Окись железа	Fe ₂ O ₃	1,59
Окись кальция	CaO	0,56
Окись магния	MgO	1,01
Окись калия	K ₂ O	2,94
Окись натрия	Na ₂ O	0,14
Серный ангидрид	SO ₃	0,05
Потеря при прокаливании		0,24

100,35

(аналитик А.И. Полинковская).

¹¹⁸ «Соотношение кремнекислоты и окиси алюминия (темпер. плавления черепка горшка 1700° (Д.Н. Полубояринов) и термического испарения) указывает, что горшки изготовлялись из огнеупорной глины.»

¹¹⁹ Подчеркнуто в документе.

¹²⁰ Подчеркнуто в документе.

¹²¹ Там же.

¹²² Приписано сверху.

¹²³ Подчеркнуто в документе.

¹²⁴ Там же.

Проведенные в Институте силикатов химические анализы белого и зеленого стекла¹²⁵ показали, что «в качестве сырья употреблялась зола древесины» и кварцит (214 кусков), применяемый «в стеклоделии в качестве составной части стекла и в настоящее время». Анализы стекла указали «на его тугоплавкость и вязкость», причем последняя «должна была затруднять процесс выдувания изделий». Филиппов предположил, что «применялся комбинированный метод выдувания и формовки изделий на специальных плитах», для чего на средневековых заводах Запада применяли мраморные и чугунные плиты (и тут же получил от крестьян подтверждение, что чугунную плиту, действительно, находили)¹²⁶.

Для Филиппова очевидна необходимость комплексного историко-технологического подхода, включающего три главные составляющие: типологический (анализ форм и визуально наблюдаемых особенностей предметов), естественнонаучный (химико-физическая аналитика) и архивный (изучение исторических источников). Сравнительно мало внимания при этом уделено археологии: стратиграфия и планиметрия отражены мало, хотя сбор и подсчет находок явно проведены тщательно.

Данные полевого исследования, включенные в общем виде в документальный очерк Н.А. Баклановой, сделали его более наглядным. Найденные в архиве А.В. Филиппова документы укрепляют уверенность в атрибуции материалов: вряд ли стоит сомневаться в том, что шурфы и траншея 1927 года прошла по участкам стекольного завода XVII столетия. Никаких иных объяснений представленному контексту быть не может.

Поскольку документы и нарративы XVII-XVIII вв. содержат важную информацию по технологии, ассортименту, вопросам организации производства в Духанино, обратимся теперь к письменным источникам, сравнив их с данными археологии. Владельческая история завода достаточно сложна, но она прослежена Н.А. Баклановой, И.Н. Юркиным и другими учеными, а нас занимает только в той степени, в какой влияет на хронологию.

Коеты родом из Брабанта. Семья выехала сначала в Швецию [Бакланова 1928, с. 122–123], и оттуда в Россию. Юлия Коета наняли в русскую

¹²⁵ Их химический состав следующий:

		бутылочное	белое
Кремнекислота	SiO ₂	55,68%	59,71%
Двуокись титана	TiO ₂	0,31	0,17
Окись алюминия	Al ₂ O ₃	6,00	4,26
Окись железа	Fe ₂ O ₃	1,50	0,98
Окись марганца	MnO	1,67	1,59
Окись кальция	CaO	23,31	23,96
Окись магния	MgO	3,03	2,64
Окись натрия	Na ₂ O	2,61	1,69
Окись калия	K ₂ O	6,45	5,61
	-----		-----
		100,56	100,61

(аналитик Э.В. Книпович).

¹²⁶ А.Ф. Филиппов пишет: «Духанинские крестьяне указали, что несколько времени назад на территории завода ими была найдена чугунная плита, проданная на сторону. Эта плита, по-видимому, и служила для формовки стеклянных изделий". См.: «Оборудование и продукция первого стекольного завода 1635 года (к докладу А.В. Филиппова 24/XI-1927 года)» Рукопись, 1951 г. Л. 4. Архив А.В. Филиппова.

службу как мастера пушечного дела и 2 марта 1630 г. [Бакланова 1928, с. 121] он приехал в Москву. Он умел также искать руды металлов¹²⁷. Видимо, разбирался и в стекловарении, так что задумал завести в России производство, но в 1634 г. умер. Дело продолжил его сын Отто («Антон Елисеевич»), обещав казне открыть стекольный завод с условием налоговых и таможенных преференций (обычные формы взаимоотношений предпринимателя с правительством в XVII в.), а также временной монополии, чтобы кроме его «заводу, скляничного дела не было на Москве» [Бакланова 1928, с. 122]. Коеты получили требуемое. Землю «для завода и всякаго строения того скляничнаго дела» Коет просил продать из казенных «порозжих» земель в Московском уезде в Горетове стане 16 пустошей, включая Духанино¹²⁸. В ходе запуска производства вставали и финансовые проблемы, в том числе с компаньонами, купцом Юлиусом Виллекемом и мастером пушечного и колокольного дела Иваном Фальком, купившим уже в 1637–1638 гг. часть завода (позже состав владельцев будет меняться).

Завод постоянно нуждался в мастерах. Остро стоял и вопрос снабжения завода сырьем: его нужно было ввозить из-за границы или научиться получать аналоги в России. Хотя к 1639 г. завод был уже «весь сполна заведен» [Бакланова 1928, с. 123], трудности вставали снова и снова, работа, возможно, шла с перебоями.

По-видимому, реально производство запустили на рубежа 1630–1640-х гг.: уже в переписной книге 1646 г. указаны «за немчином склянишным мастером за Антоном Елисеевым» в Горетове стане Московского уезда в вотчинах две деревни: Духанино «а в ней двор ево (с) склянишным анбаром» и Окулово, «а в ней поселилися кореляне ново», два двора. О работающем заводе упомянет Николаас Витсен в «Путешествии в Московию»¹²⁹, описывая тайное посещение Ново-Иерусалимского монастыря и встречу с патриархом Никоном в мае 1664 г. При отъезде он посетил «владельца стеклодудного завода Койета...»¹³⁰.

И.Н. Юркин отмечает, что из всех купленных Елисеем Коетом пустошей только Духанино стало деревней и оставалось ею до 1706 г., когда в ней было 4 двора, что указывает на высокую вероятность работы там завода [Юркин 2006, с. 106]. Н.А. Бакланова, детально проследив деятельность завода до 1702 года (последнее обнаруженное ею упоминание о производстве), полагала, что он вскоре прекратил

¹²⁷ Юлий (Елисей) Коет участвовал в экспедиции стольника В.И. Стрешнева и дьяка В. Сергеева 1633 г., «у государева дела» «медные руды радел» – Чтения в обществе истории и древностей российских. 1883. Кн. 4. М. 1884. С. 890. [Юркин 2006, с. 100].

¹²⁸ А именно: «пустошь Денискову, Малышеву, Овчинникову, Скроботову, Терешову, Деганникову, Сидоркову, Лазоркову, Шатину, Филинкову, Боранову, Духаникову, Курнаухову, Окулово, Телешову, а Нетотово тож, Перевесье» [Юркин 2006, с. 107].

Этот перечень сохранился в жалованной грамоте на продажу от 7 мая 1634 г. и опубликован: СГГиД. М., 1822. Ч. 3. № 103. С. 351–352.

Н.А. Бакланова, приводя сведения о подлиннике грамоты, сообщает, что он датирован 7 мая – указанная же в исходной публикации документа дата 31 мая взята из копии [Бакланова 1928, с. 125].

¹²⁹ Николаас Витсен, Путешествие в Московию. 1664 – 1665 [Электронный ресурс], Л. URL: <https://archive.org/details/1664-1665/page/n5/mode/2up> (дата обращения 21 мая 2023).

¹³⁰ До публикации Н.А. Баклановой с этим упоминанием связывали время появления завода и начало стеклоделия в России.

работу [Бакланова 1928, с. 126]. И.Н. Юркин, однако, доказал, что завод, меняя владельцев, дожил до 1760 г., когда Мануфактур-коллегия приписала его мастеров к Гусевскому заводу Акима Мальцова [Юркин 2006, с. 98].

Это важное для археологии наблюдение: если завод работал половину XVIII века, здесь должны отложиться более поздние слои, чем мы видим по материалам 1927 года. Но ряд признаков свидетельствуют о принадлежности комплекса скорее к XVII веку, чем к более позднему времени, во всяком случае, вполне вероятно его появление в 1630–1640-х гг. Среди находок есть фрагмент красного рельефного изразца, а во второй половине столетия они встречаются уже редко¹³¹. «Бугорчатое стеклянное клеймо»¹³² характерно для кубков, стаканов и другой столовой посуды XVII – раннего XVIII в. (Рисунок 7). Особенно впечатляет соотношение квадратных оснований (от штофов) и круглых (от бутылок): 62 и 5 соответственно. Квадратные сосуды широко известны весь XVII в., а бутылки появятся лишь в конце столетия. Разумеется, есть и признаки производства конца XVII – XVIII в. Указанный в таблице стеклянный “носок” (2 экз.) напоминает о стеклянных поильниках с ручкой и носиком, похожих на современную посуду курортов минеральных вод; подобные известны в материалах Москвы рубежа XVII-XVIII вв. (например, в слоях эпохи правления царевны Софьи в Новодевичьем монастыре). (Рисунок 8).

Мы не пересказываем сведения о мастерах завода: на сегодняшний день археология ничего не может здесь добавить, а письменные источники содержат о них довольно много информации. В XVII в. здесь работало до 10 мастеров, и нанимали их за границей, с большими хлопотами.

Однако вопросы о сырье и продукции, подробно рассмотренные Н.А. Баклановой по документам, стоит еще раз сравнить с результатами анализов находок. И.-Ф. Кильбургер в известном труде о торговле с Россией сообщил много подробностей о заводе, каким он его наблюдал в 1673–1674 г. Уточнив местоположение и назвав основателя («другой завод называется Духанина и находится в 40 верстах от Москвы и впервые был заведен одним человеком, по имени Юлий Койет...»¹³³), автор рассказывает, что Койет «.. должен был возить из Германии нужные материалы с большими издержками, но, наконец, все такие вещи, благодаря большому труду и старанию, были найдены также в России, и теперь нашли большую мель в 5 верстах от Москвы. Печные камни привозятся за 15 верст отсюда, а кирпичная глина, которая превосходит иностранную по крепости, копается зимою в

¹³¹ А.В. Филиппов, упоминая в докладе «...фрагмент красного бесполовного изразца с рельефным орнаментом», не использует его как хронологический маркер, хотя этот хорошо известный ему предмет соотносится с 1630-ми гг.

¹³² Филиппов описывает его так: "среди боя стеклянных изделий можно отметить бугорчатую стеклянную бляшку на двухслойном стеклянном осколке, – по-видимому, украшение наружной стенки изделия".

¹³³ Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича: [Исследование и прил. текст] / Сост.: Г.Б. Курц. Киев: тип. И.И. Чоколова, 1915. [4], VIII, 607 с., 1 л. табл.; Сборник Студенческого историко-этнографического кружка при Университете святого Владимира / Под руководством проф. М.В. Довнар-Запольского. Вып. 6. С. 118.

50 верстах во Гжели, – и все привозится в названное время на заводы. Так как нельзя найти в этих местностях буковых дров, то вместо них употребляется зола из осиновых и еловых дров, а такую золу пережигают окрестные крестьяне и в изобилии привозят продавать на заводы по 12 коп. тонну. Годный для этого песок копается на речке Истре, которая в 12 верстах от Москвы впадает в (реку) Москву, а оттуда возится на заводы. Сами стеклянные заводы выстроены на местах, изобилующих лесом, и каждый завод употребляет ежегодно от 5 до 600 сажен березовых дров, которые все рубятся летом. В течение целого года работают только от 25 до 30 недель, потому что зимою нельзя работать по причине большого холода, и каждый завод работает 6–8 мастерами, не считая трубочистов и других работников».¹³⁴

Суммируем: сначала всё, вплоть до сырья, Коегты возили из Германии, что, конечно, было невыгодно. Затем материалом стал служить песок с речных мелей Истры. Камни для печей нашли в 15 верстах. Глину для кирпичей везли из Гжели, за 50 верст. Для варки стекла употребляли золу из осины и ели, ее жгли местные крестьяне, продавая на завод тоннами. Дрова для печей были местные, березовые, их сжигали ежегодно от 5 до 600 сажен (разброс, кстати, свидетельствует о перебоях в работе завода, которые могли вызывать отсутствие заказов, нехватка мастеров и др. причины).

Чтобы оценить соотносимость анализов, полученных А.В. Филипповым, мы обратились за консультацией к специалисту по истории и археометрии изучению древнего стекла О.С. Румянцевой (ИА РАН)¹³⁵. По ее мнению, анализы позволили Филиппову верно определить химический тип стекла и на этой основе – тип сырья, использованного стеклоделами. Но в архивных материалах нет указаний на методику, по которой сделаны анализы, поэтому понять, насколько корректны приведенные в таблицах цифры, сложно. Следует воспринимать указанные значения, скорее, как приблизительные, сопоставлять их с современными можно лишь с большими допущениями.

Вывод о том, что использовалась древесная зола, звучит несколько избыточным, мы это знаем благодаря Кильбургеру. Но Филиппов указывает на кварциты, подчеркивая, что в XIX–XX вв. это привычная составная часть при варке стекла. Кильбургер же пишет о песке с Истры как об источнике кремнезема, что лучше соответствует результатам анализов, чем гипотеза о кварците. Согласно анализу, в стекле очень много алюминия и слишком высокий процент титана. Их обилие может иметь разные объяснения, но использование как сырья именно песка, а не кварцитов, из них самое очевидное.

Возможность сравнить сведения о производившихся изделиях с данными раскопок ограничена не только утратой материала, но и состоянием изучения массового материала в слоях Москвы XVII–XVIII вв. Согласно документам, в Духанино производили много аптечной посуды и других предметов, которые Кильбургер характеризует как простые: «в

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Искренне благодарим Ольгу Сергеевну за высказанные соображения.

Духанине выдувают только грубое стекло, а именно оконное и различные скляницы, которые тогда, когда они там готовы, большею частью зимой, а именно ежегодно от 80 до 90.000, отправляются для продажи в Москву»¹³⁶. Оконное стекло, действительно покупали: в 1673 г. для Польского и Малороссийского дворов («стекло 55 связок... за связку – всего на 22 р.») [Бакланова 1928, с. 122].

Аптекарскую посуду поставляли большими партиями, в 1665 г. одна из них заняла 35 подвод. В 1670 г. Коету были заказаны «про аптекарской обиход» колбы, «рецепионты» и реторты разных емкостей, всего 126, а также 1000 «склянок» (500 по 12 золотников и 500 по 6 золотников), и в том же году еще 2720 «скляниц» разных фасонов и размеров. В 1679 г. завод поставил в Аптекарский приказ 1674 разных сосудов, в 1680 – 2316, и так далее. Известны также заказы тарных бутылей («86 сулей больших»), «стоп больших» и аламбиков (сосудов сложной формы для перегонки).

Все это вряд ли можно назвать «грубым» стеклом. Напротив, изготовление колб, аламбиков и реторт требует хорошего качества стекломассы и высокого мастерства при выдуве, это сложная продукция. Кильбургер, видимо, имеет ввиду то, что сосуды были лишены украшений, росписи, резьбы, что это техническое и тарное стекло, не предназначенное для сервировки статусного стола и украшения быта.

По-видимому, с 1640-х по 1670-е гг. именно Духанинский завод удовлетворял растущий внутренний спрос на стеклянные изделия, который дополняли закупками за границей. Н.А. Бакланова отметила, что среди имущества знати в первой половине XVII в. стеклянная посуда почти не встречается, но к концу столетия поставцы начинают заполнять «венецские» стеклянные кубки, стаканы, кружки и блюда наряду с серебряными (у В. В. Голицына), а А. И. Безобразов имел более 300 предметов из стекла.

Кильбургер использует термин “скляницы” как обобщенный для всех сосудов вообще. Но, судя по документам о заказах Аптекарского приказа, слово “склянка” имело тогда и узкое значение. Думаем, что здесь это четырехгранные сосуды, которые позже в России будут называть штофами, под каковым названием они известны современной археологической литературе. Именно они выделяются как основная форма в сборах 1927 года. Штоф (“скляница”) имел 3 или 4 стандартных размера, что соответствует документам, указывающим на поставки тысяч таких сосудов. Фрагмент сферической формы мог принадлежать колбе, реторте или аламбику. Отмеченные плоские фрагменты, вероятно, от оконных стекол. К сожалению, отсутствие самих предметов затрудняет сравнение их с той массой находок стекла, которая получается археологами в слоях Москвы и других городов, но до сих пор не стала предметом серьезного анализа, хотя работа по сбору и публикации стекла XVII-XIX вв. ведется

¹³⁶ Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича: [Исследование и прил. текст] / Сост.: Г.Б. Курц. Киев: тип. И.И. Чоколова, 1915. [4], VIII, 607 с., 1 л. табл.; Сборник Студенческого историко-этнографического кружка при Университете святого Владимира / Под руководством проф. М.В. Довнар-Запольского. Вып. 6. с. 119.

в последние два десятилетия активно [Починок, Чекановский 2015, Кайсин 2015, Лихтер 2021]¹³⁷.

Для того, чтобы построить реальную картину производства и распространения в городских слоях типов сосудов, необходимо опереться на сведения, которые содержат именно остатки заводов. Напомним, что керамическая шкала Москвы была выстроена в середине XX в. на материалах раскопок ремесленных мастерских Гончарной слободы. Чтобы вывести изучение стекла на новый уровень, необходимы материалы заводские. Раскопки 1927 года в Духанино указали на их перспективность почти столетие назад. Для дальнейшего движения требуются новые исследования стекольных заводов XVII в., широкой площадью и на современном уровне.

Это важно не только с точки зрения истории технологии, но и для вещеведения, археологии национального периода и, во многих случаях, для решения вопросов атрибуции, которые часто зависят от хронологии распространения стекла в России XVII в. Приведем простейший пример. При изучении некрополя рода бояр Романовых в Новоспасском монастыре столкнулись с непонятным анахронизмом: в двух аристократических погребениях были стеклянные сосуды, которые при “обычных” обстоятельствах относят к XVIII в. Это небольшой граненый зеленый “штоф” и бокал тонкого прозрачного стекла на ножке с крупной “бусиной”. Поскольку бокал не должен был появиться в погребении позже 1610/1611 г., а бутылочка – позже 1630–1650-х гг., оба сосуда определили как импорт из Европы [Беляев, Медникова 2018].¹³⁸ Бокал, конечно, действительно импортный. А вот возможность раннего появления штофа выглядит вероятной в свете данных о работе первого российского стекольного завода (**Рисунок 9**). Если удастся подтвердить эту связь, можно будет понять, как выглядели изделия Коета в целом состоянии. Ясно, что выявление в составе массовых археологических материалов Москвы продукции завода в Духанино может стать важным инструментом хронологии¹³⁹.

Перспективность изучения ранних объектов стеклоделия исследователи оценили по работам 1927 года в Духанине, постаравшись их развить. Уже на следующий год Н.П. Миллер локализовал Черноголовский стекольный завод «в 8 верстах от Богородска близь села Ямкина» и провел раскопки, о чем 02.06.1928 г. доложил собранию «уполномоченных волостных и районных краеведных кружков, организованном Богородским институтом краеведения», вскоре опубликовав и статью [Миллер 1928b,

¹³⁷ Мы не даем здесь обзор находок московских стекол XVI-XVIII вв., так как цель статьи иная. Публикаций по разрозненным фрагментам стеклянных сосудов в Москве уже десятки (см. статьи Ю. А. Лихтер и др.). Но даты слишком общие, и типологическая стратиграфия для города до сих пор не построена. Видимо, сборы в культурном слое, где стекло этого периода встречается в переложном виде, не смогут стать опорой для построения строгой “стеклянной хронологии” и типологии. Это верно и для сборов в Казани, Киеве и в других городах, что показала подборка материалов конференции “Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века”.

¹³⁸ Ширина стороны штофа – 4,5-5,0 см, что близко к промерам для самой маленькой из групп штофов у А.В. Филиппова.

¹³⁹ Укажем только важный для темы сборник: Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015.

с. 3]. В ней он отметил связь обоих исследований: «Будучи в прошлом году на поисках Духанинского стекольного завода в Воскресенском уезде, мы говорили, что следующим по очереди ждёт нашего посещения Черноголовский завод Богородского уезда. Как там, так и тут изыскания пошли не обычным путём, не от находки к архиву, а от архива к находке» [Забелин 1918, с. 558–559]¹⁴⁰.

Раскопки (31.05.28; при участии Н. А. Баклановой и К. Я. Виноградова) были предельно коротки, заняли менее трёх часов и, видимо, были прерваны дождем. Описывая находки, Н.П. Миллер постоянно сравнивает их с прошлогодними, перечисляя «Остатки строительного материала: кирпичи обожжённые и необожжённые (печной припас), куски стекловаренных горшков, внешний вид которых разнится от духанинских (шведских), у них отсутствуют наружные пластические вертикальные борозды; черепки крупной глиняной посуды, по-видимому, тоже заводского припаса, а не домашних для варки пищи; набель от выдувальных трубок; капли и нити; большое разнообразие днищ посуды и среди них кусок восьмигранного днища барочного типа; горлышки, вероятно, от сулеек; осколки выгнутого оплывного стекла, вероятно, горл братинок, братинок стеклянных, пока ни в одном из собраний (как, напр., в Историческом музее) не имеющих; осколки посуды с накладными стеклянными же поясками – несомненными признаками венецианского провинциализма и т. п.» [Миллер 1928b, с. 5].

А. В. Филиппов, конечно, осматривал и эти вещи, отметив “разницу в производстве между обоими заводами, умение отбелять стекло на Черноголовском заводе, чего не умели делать на Духанинском Койэтовском. Им взяты части горшков для исследования их плавкости в Государственном Экспериментальном Институте силикатов и сравнения их с духанинскими” [Миллер 1928b, с. 5].

К сожалению, исследования ни в Духанино, ни в Ямкино не получили продолжения.

Отметим, что точек приложения сил пока достаточно много, часть заводских территорий еще не переработана в ходе освоения Москвы и Подмосковья. Еще Н.А. Бакланова указала на возможность существования завода на пустоши Окулово, где отмечены два двора переведенных сюда «корел». И.Н. Юркин выявил в отказных книгах 1692 г. упоминание о стекольном заводе, «построенном вновь» в Филатово, на еще одной из пустошей Коетов [Юркин 2006, с. 110]¹⁴¹. В каталоге русских стекольных заводов XVII – начала XX в. они не учтены [Ашарина 1998]. Исследователь доказал, что Духанино и Филатьево – разные локусы (Духанино к северо-востоку от г. Истры, в 8–9 км от Воскресенского монастыря, а от реки Истры в 6,5 км; Филатово на 17 км западнее Духанина).

¹⁴⁰ Сведение о Черноголовском заводе опубликовано И. Е. Забелиным.

¹⁴¹ В отказных книгах от 25 июля 1692 г. на вотчинные пустоши, проданные А.С. Шеиным М.А. Виниусу, упомянута «... в Ыжевском стану пустошь Филатово, на ручью иноземцов Андрея Микулаева сына Минтера да Петра Антонова сына Кочета (sic. – И.Ю.) построены вновь склянишних заводов дворы...». О современном состоянии остатков села на р. Маглуше см.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Филатово_\(городской_округ_Истра\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Филатово_(городской_округ_Истра)).

Конечно, комплексы стекольных заводов на пустошах Филатово, а при возможности и в Окулово, необходимо локализовать, выделить границы распространения культурного слоя с соответствующими поворотными точками, включить в состав объектов культурного наследия России как памятники индустриальной археологии. Это, кстати, до сих пор не сделано и в отношении Духанино, которое в перечень не входит, хотя давно локализовано, а часть его местности не застроена и не эксплуатируется аграрно, причем богатый подъемный материал свидетельствует в пользу сохранности объекта. Известно, что в 2018 г. был проведен инициативный мониторинг, актуализованы сведения 1927 года, намечены раскопки¹⁴². Видимо, они не состоялись.

Можно указать на неожиданные удачи в изучении других стекольных заводов, существенно более поздних. Так, в 2022 г. Волжская экспедиция ИА РАН, исследовала в Судогодском районе Владимирской области¹⁴³ завод, основанный Фомой Васильевичем Мальцовым в 1760-х гг. и прекративший работу между 1859 и 1874 гг. Хронологически это прямое продолжение производства на Духанинском заводе, и сравнение материалов обещает быть чрезвычайно интересным.

В завершение отметим, что начало производство стекла – одна из самых важных тем в истории промышленности любой страны. А.В. Филиппов верно, в характерном для 1920-х гг. стиле, высказался о значении работ в Духанино: «Находка под Москвою первого у нас стекольного завода представляет как с научной, так и с чисто практической стороны колоссальный интерес. Все европейские страны имеют научные данные о начале своего стекольного производства. СССР до сих пор этих данных не имел. Настоящей работой открыто нахождение первого русского стекольного завода, добыты данные о его технической, руководящей и рабочей силе» [Королев 1927, с. 16].

Стеклоделие – одно из сложных ремесел, корни которого уходят в глубокое прошлое. Способность стеклянного сосуда хранить, подобно драгоценным металлам и камням, ритуальную и/или гигиеническую чистоту вносила в отношение к нему ноту мистицизма, а технологические секреты, по крайней мере, до XVI в. тщательно сохраняли от непосвященных. Россия поздно вошла в круг индустрий, владеющих тайной производства стекла. Что не снимает с нас ответственности изучить ее первые шаги на пути формирования стеклоделия и связанных с ним силикатных технологий.

¹⁴² Косенков К.Н. В Духанино работал первый в России стекольный завод [Электронный ресурс] / Информационный портал «Истра.рф». 19.01.2018 URL: <https://xn--80arydf.xn--p1ai/story/istorii/v-duhanino-rabotal-pervuyu-v-rossii-stekolnyy-zavod/> (дата обращения 13 мая 2023).

¹⁴³ Объект археологического наследия «Территория Кондряевского (Киверсовского) стекольного завода». Изучен в ходе спасательных разведочных работ близ деревни Кондряево, на левом берегу р. Ястреб. Раскоп площадью 8545 м², на нем выделено 184 археологических объекта и собрано более 15 тыс. массовых находок при 106 индивидуальных. Участники работ Батанина М.С. и Артюхович В.В. готовят предварительную публикацию.

ЛИТЕРАТУРА

Ашарина 1998 – *Ашарина Н.А.* Русское стекло XVII – начала XX века. – М., 1998.

Бакланова 1928 – *Бакланова Н. А.* Стекланные заводы в Московском государстве XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России XVII – начала XVIII вв. – М., 1928. – С. 119–141.

Баранова 2017 – *Баранова С.И.* Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А. В. Филиппова / авт. колл.: С.И. Баранова и др.; рук. проекта и науч. ред. С.И. Баранова. – М., 2017. – 471 с.

Беляев, Медникова 2018 – *Беляев Л.А., Медникова М.Б.* В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI-XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. – М., 2018. – С. 48–49, 115–118.

Волков 1963 – *Волков М.Я.* Стекольные заводы Юго-Западной России в первой четверти XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. – М., 1963. – С. 288 – 295.

Долгих 1925 – *Долгих Е.В.* Русское стекло XVIII века. Собрание Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». – М., 1925. – С. 7–8, 30.

Забелин 1918 – *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей. Т. I. – М., 1918.

Кайсин 2015 – *Кайсин А.О.* Стекланные сосуды Нового времени из раскопок в Казанском кремле (некоторые итоги изучения) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 300–302.

Ковригина 1998 – *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. – М., 1998.

Королев 1927 – *Королев Н.* Обнаружен первый стекольный завод / Журнал «Химик». – М., 1927. – С. 16.

Косенков 2018 – *Косенков К.Н.* В Духанино работал первый в России стекольный завод [Электронный ресурс] / Информационный портал «Истра.рф». 19.01.2018 URL: <https://xn--80apydf.xn--p1ai/story/istorii/v-duhanino-rabotal-ferguyu-v-rossii-stekolnyu-zavod/> (дата обращения 13 мая 2023).

Краткий 1928 – Краткий путеводитель Госуд. худ.-истор. краевого музея. 1928.

Кулишер 2003 – *Кулишер И.М.* История русской торговли и промышленно-сти. – Челябинск, 2003.

Лихтер 2021 – *Лихтер Ю.А.* Можно ли обнаружить продукцию измайловского стекольного завода в культурном слое Москвы? // Стекло: наука и практика (GlasSP2021). Сборник тезисов Третьей Российской конференции с международным участием. Институт химии силикатов им. И.В. Гребенщикова РАН. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 170–171.

Миллер 1928a – *Миллер П.Н.* Первый в России стекольный завод XVII века // Московский краевед. Вып. 4. – М., 1928. – С. 7–8.

Миллер 1928b – *Миллер П.Н.* Черноголовский стекольный завод XVII века // Московский краевед. Вып. 6. 1928. – С. 3–5.

Новиков 2010 – *Новиков А.А.* История российского предпринимательства. – М. 2010.

Починов, Чекановский 2015 – *Починок Э.Ю., Чекановский А.А.* Стекланная посуда из раскопок на территориях киевских монастырей XVII–XVIII веков // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 294–299.

Смирнова 2001 – *Смирнова Е.П.* Сосуд // Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке. Каталог выставки. – М., 2001. – С. 130.

Фальковский 1997 – *Фальковский Н.И.* Москва в истории техники. – М., 1997.

Филимонов 1989 – *Филимонов С.Б.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и московского края. – М.: Археографическая комиссия, 1989.

Цейтлин 1939 – *Цейтлин М. А.* Очерки по истории развития стекольной промышленности в России. – М. – Л., 1939.

Юркин 2006 – *Юркин И.Н.* Духанинский завод и его владельцы: новые находки и наблюдения // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. – М. 2006. – С. 97–114.

Юркин 2008 – *Юркин И.Н.* «От первопрестольного града Москвы...» (А.А. Вinius в Москве и Подмосковье). – М., 2008. – 239 с.

REFERENCES

Asharina, N.A. (1998), *Russkoe steklo XVII – nachala XX veka* [Russian glass of the 17th – early 20th centuries], Moscow.

Baklanova, N. A. (1928), “Glass factories in the Moscow State of the 17th century”, *Ocherki po istorii trgovli i promyshlennosti v Rossii XVII – nachala XVIII vv.*, Moscow, pp.119–141.

Baranova, S.I. (2017), *Keramicheskaya ustanovka. Po materialam arkhiva i kolleksii A.V. Filippova* [Ceramic installation. Based on materials from the archive and collections of A.V. Filippova], Moscow.

Belyaev, L.A. and Mednikova, M.B. (2018), *V poiskakh boyar Romanovykh: mezhdistsiplinarnoe issledovanie usypal'nitsy XV- XVIII vv. v Znamenskoj tserkvi Novospasskogo monastyrya v Moskve* [In Search of the Romanov Boyars: An Interdisciplinary Study of the Tomb of the 16th-18th Centuries. in the Church of the Sign of the Novospassky Monastery in Moscow], vol.1, Moscow, pp. 48–49, 115–118.

Volkov, M.Ya. (1963), “Glass factories in Southwestern Russia in the first quarter of the 18th century”, *Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii i slavyanskikh stran*, Moscow, pp. 288–295.

Dolgikh, E.V. (1925), *Russkoe steklo XVIII veka. Sobranie Gosudarstvennogo muzeya keramiki i "Usad'ba Kuskovo XVIII veka"* [Russian glass of the 18th century. Collection of the State Museum of Ceramics and “Kuskovo Estate of the 18th century”], Moscow, pp. 7–8, 30.

Zabelin, I. E. (1918), *Domashnii byt russkikh tsarei* [Home life of Russian tsars], vol.1, Moscow.

Kaisin, A.O. (2015), “Glass vessels of the New Age from excavations in the Kazan Kremlin (some results of the study)”, *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka*, Nestor-Istoria, Saint-Petersburg, pp. 300–302.

Kovrigina, V.A. (1998), *Nemetskaya sloboda Moskvy i ee zhiteli v kontse XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [The German Sloboda of Moscow and Its Residents at the End of the 17th – First Quarter of the 18th Centuries], Moscow.

Korolev, N. (1927), “First glass factory discovered”, *Zhurnal «Khimik»*, Moscow, p.16.

Kosenkov, K.N. (2018), *V Dukhanino rabotal pervyi v Rossii stekol'nyi zavod* [Online], *Informatsionnyi portal «Istra.rf»*, available at: <https://xn--80apydf.xn-->

plai/story/istorii/v-duhanino-rabotal-pervyy-v-rossii-stekolnyy-zavod/ (Accessed 13 May 2023).

Kulisher, I.M. (2003), *Istoriya russkoi trgovli i promyshlennosti* [History of Russian trade and industry], Chelyabinsk, Russia.

Likhter, Yu.A. (2021), “Is it possible to detect the products of the Izmailovsky glass factory in the cultural layer of Moscow?”, *GlasSP2021* [Glass: science and practice], Sbornik tezisov Tret’ei Rossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Collection of abstracts of the Third Russian Conference with international participation], Institute of Silicate Chemistry. I.V. Grebenshchikov RAS, Saint Petersburg, pp. 170–171.

Miller, P.N. (1928a), “Russia’s first glass factory of the 17th century”, *Moskovskii kraeved*, vol. 4, Moscow, pp. 7–8.

Miller, P.N. (1928b), “Chernogolovsky glass factory of the 17th century”, *Moskovskii kraeved*, vol. 6, Moscow, pp. 3–5.

Novikov, A.A. (2010), *Istoriya rossiiskogo predprinimatel’sтва* [History of Russian entrepreneurship], Moscow.

Pochinok, E.Yu. and Chekanovsky, A.A. (2015), “Glassware from excavations in the territories of Kyiv monasteries of the 18th–18th centuries”, *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka*, Nestor-Istoria, Saint-Petersburg, pp. 294–299.

Smirnova, E.P. (2001), *Sosud // Orel i lev. Rossiya i Shvetsiya v XVII veke. Katalog vystavki* [Vessel // Eagle and lion. Russia and Sweden in the 17th century. Exhibition catalogue], Moscow, p.130.

Fal’kovskii, N.I. (1997), *Moskva v istorii tekhniki* [Moscow in the history of technology], Moscow.

Filimonov, S. B. (1989), *Istoriko-kraevedcheskie materialy arkhiva obshchestv po izucheniyu Moskvy i moskovskogo kraya* [Historical and local history materials of the archive of societies for the study of Moscow and the Moscow region], Arkheograficheskaya komissiya, Moscow.

Tseitlin, M. A. (1939), *Ocherki po istorii razvitiya stekol’noi promyshlennosti v Rossii* [Essays on the history of the development of the glass industry in Russia], Moscow-Lenigrad.

Yurkin, I.N. (2006), “Dukhaninsky Plant and Its Owners: New Finds and Observations”, *Istoriya Moskovskogo kraya. Problemy, issledovaniya, novye materialy*, no.1, Moscow, pp. 97–114.

Yurkin, I.N. (2008), «*Ot pervoprestol’nogo grada Moskvy...*» (A.A. Vinius v *Moskve i Podmoskov’e*) [“From the capital city of Moscow...” (A.A. Vinius in Moscow and Moscow region)], Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Светлана И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, 125093, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, svetlanbaranova@yandex.ru.

Леонид А. Беляев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт археологии РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, labeliaev@bk.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana I. Baranova, doctor of historical sciences, associate professor, Russian state university for the humanities, 125093, Russia, Moscow, Miusskaya sq. d. 6; Tomsk state university, 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36, *svetlanbaranova@yandex.ru*.

Leonid A. Belyaev, doctor of historical sciences, corresponding member of the Russian academy of sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, bld.19, Dm. Ulianova av., Moscow, Russia, 117292, *labeliaev@bk.ru*.

Рисунок 1. Страница еженедельника «Рабочий-химик», № 39/265, 30.10.1927. с. 16.

Рисунок 2. Штоф из коллекции П.И. Щукина (собрание ГИМ, № 5992 ш/299 ст. ГК 3132408).

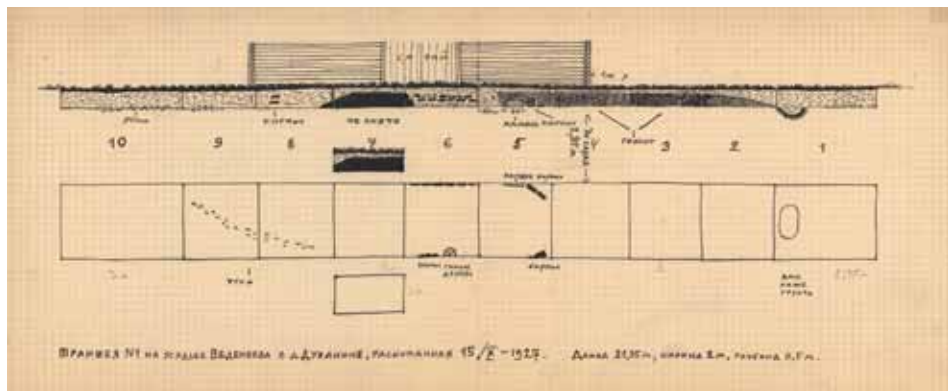

Рисунок 3. «Траншея № 1 на усадьбе Веденеев в д. Духанине, раскопанная 15/X. 1927 года». План и профиль. Чертеж из архива А.В. Филиппова.

Рисунок 4а.

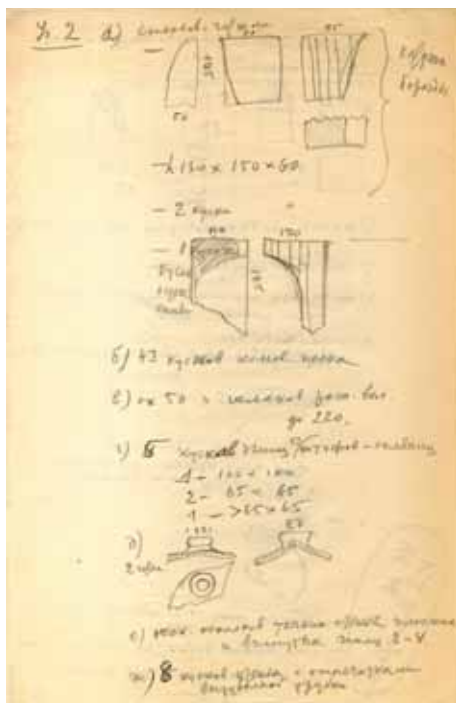

Рисунок 4б.

Рисунок 4в.

Рисунок 4г.

Рисунок 4д.

Рисунок 4е.

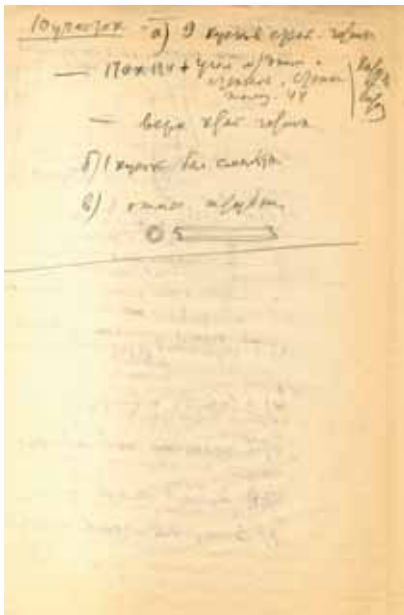

Рисунок 4ж.

Избранные записи и зарисовки из дневника 15.10.1927 г. в д. Духанино (архив А.В. Филиппова): а – уч. 1 (фрагменты стекловаренных горшков и основания штофов); б – уч. 2 (фрагменты стекловаренных горшков и венчики штофов); в – уч. 3 (горло и часть стенки у дна штофа; «клеймо» с бугорками); г – уч. 6–7 (горла и донца штофов, дно колбы или реторты); д – уч. 9 (промеры венчиков штофов); е – уч. 9 (носик «кумгана»); ж – уч. 10 (отпечаток трубки).

		№ № участков										всего
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Сырье	куски комового песка	10	47	100	41			6		10		214
печной припас. Строит [ельный] материал	куски стекловар[енных] горшков	7	3	12	2	10	5	25	75	3	9	151
	куски ¹⁴⁴ печного припаса	2	1			9	2		1			15
	[куски] желтого кирпича					1		1				2
	красного кирпича					10	1 + 10		1	2		24
остатки стеклянной продукции	днища стекл. посуды ¹⁴⁵	квадратн.	7	5	2	4	10	1	4	3	26	62
		круглые	1			1			1		2	5
	осколки стекол плоских и выгнутых		6	5	18	300	87	8	10	20	126	580
	тоже с оплавленным краем					1	8				1	10
	куски стекол неправильн[ой] формы				18	500	32	2				552
	носок стеклянный								1		1	2
	бугорчатое стек[лянное] клеймо					1						1
отбросы и остатки производства	куски шлаков-шквары	40	50	300	2 ведра	27	17		4	15		453 + 2 ведра
	куски зарухшего ¹⁴⁶ стекла и смальты	6								6	1	13
	Слезки	10	15		210	14	2		1	10		262
	стекла с отпечатком выдувальной трубки	1	8	18	68	21	1		1	7	1	126
	куски угля и гнил[ого] дерева						2			9		11
керамика	куски гончарн[ой] посуды	1			7	9	1	6		5		29
	куски изразцов								1			1
разные находки	гвозди кованые									2		2
	подкова жел[езная] плоская									1		1

Рисунок 5. Статистическая таблица находок в траншее № 1 (перепечатано). Архив А.В. Филиппова.

¹⁴⁴ Слово неразборчиво.

¹⁴⁵ Далее зачеркнутая графа: горла склянниц.

¹⁴⁶ Чтение слова предположительное.

Результ

Анализ № 425/II/183
кисл. вещества в з.р. Кайман

Результаты анализа

1. SO_2	97,15%
2. H_2O	0,65%
3. Fe_2O_3	0,51%
4. CaO	0,36%
5. MgO	0,06%
6. Потеря при прокаливании	0,88%
	99,61%

Анализ проведен А.Менделеевым

Копия верна: Шуррмиде 7/11/83

Рисунок ба.

Результ

Анализ № 259/IX/149
кисл. вещества в з.р. Кайман

Результаты анализа

	<u>вещество</u>	<u>вещество</u>	<u>вещество</u>
1. SO_2	55,69%	59,71%	61,70
2. Fe_2O_3	0,31%	0,17%	
3. H_2O	6,00%	7,26%	4,84
4. Fe_2O_3	1,50%	0,98%	1,25
5. MgO	1,67%	2,59%	6,16
6. CaO	20,89%	23,96%	14,95
7. MgO	3,03%	2,64%	6,18
8. H_2O	2,61%	1,69%	6,16
9. H_2O	6,95%	5,61%	1,15
	100,58%	100,61%	

Анализ проведен А.Менделеевым

Копия верна: Шуррмиде

Рисунок бб.

Анализ № 925/IV/183

Стекло, полученное из расплава смеси № 880
в течение 10 минут

Дата: 2/2/1918 Анализ: 28/2/1918

1. Кремнекислота	- 68,7%
2. Оксид кальция	- 2,7%
3. Оксид калия	- 28,5%
4. Оксид натрия	- 9,7%
5. Оксид железа	- 0,2%
6. Оксид алюминия	- 0,1%
7. Оксид магния	- 0,1%
8. Оксид цинка	- 0,1%
9. Оксид свинца	- 0,1%
10. Оксиды неопределенные	- 0,1%

823

Анализ № 860/IV/158

Стекло, полученное из расплава смеси № 880
в течение 10 минут

Дата: 28/2/1918 Анализ: 27/2/1918

1. Кремнекислота	- 68,4%
2. Оксид кальция	- 2,4%
3. Оксид калия	- 28,2%
4. Оксид натрия	- 9,5%
5. Оксид железа	- 0,2%
6. Оксид алюминия	- 0,1%
7. Оксид магния	- 0,1%
8. Оксид цинка	- 0,1%
9. Оксид свинца	- 0,1%
10. Оксиды неопределенные	- 0,1%

823

Анализ № 925/VI/245

Стекло, полученное из расплава смеси № 880
в течение 10 минут

Дата: 28/2/1918 Анализ: 27/2/1918

1. Кремнекислота	- 68,4%
2. Оксид кальция	- 2,4%
3. Оксид калия	- 28,2%
4. Оксид натрия	- 9,5%
5. Оксид железа	- 0,2%
6. Оксид алюминия	- 0,1%
7. Оксид магния	- 0,1%
8. Оксид цинка	- 0,1%
9. Оксид свинца	- 0,1%
10. Оксиды неопределенные	- 0,1%

823

Анализ № 860/IV/158

Стекло, полученное из расплава смеси № 880
в течение 10 минут

Дата: 28/2/1918 Анализ: 27/2/1918

1. Кремнекислота	- 68,4%
2. Оксид кальция	- 2,4%
3. Оксид калия	- 28,2%
4. Оксид натрия	- 9,5%
5. Оксид железа	- 0,2%
6. Оксид алюминия	- 0,1%
7. Оксид магния	- 0,1%
8. Оксид цинка	- 0,1%
9. Оксид свинца	- 0,1%
10. Оксиды неопределенные	- 0,1%

823

Рисунок бв.

Испытание № 925/VI/245

Внутренняя поверхность стекла подвергнута воздействию
водного раствора щелочи. Стекло стало мутным
и со временем покрылось белым налетом.

Уг. расп. № 860/IV/158

Температура плавления стекла

1. Температура плавления - 1700°

2. Температура плавления - 180-1900°

Испытание проведено в лаборатории № 1
с целью исследования свойств
температуры плавления стекла № 860/IV/158.

На 28/2/1918 27/2/1918 В. Г. Гурьев

Рисунок бг.

Карточки анализов: а, б – химический состав стекол (№ 925/II/183; 859/IV/149); в – химический состав фрагментов стекловаренных горшков (№ 860/IV/158); г – температура плавления стенок стекловаренных горшков (№ 925/VI/245).

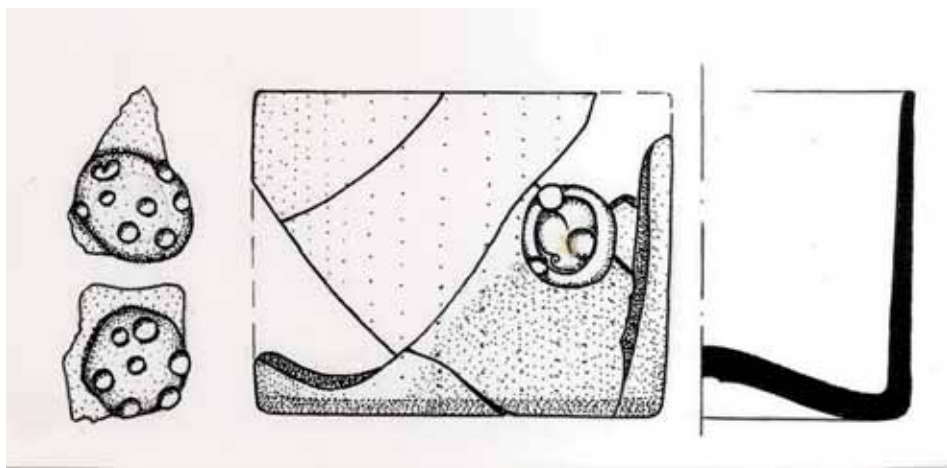

Рисунок 7. Стаканчик с «бугорчатым клеймом». Стекло, конец XVII– начало XVIII в. Раскопки Казанского собора на Красной площади. По: Беляев Л. А. Казанский собор на Красной площади. Отчет об археологических исследованиях 1991 года. Книга 5. Опись индивидуальных находок // Архив ИА РАН, Р-1, № 16804. Л. 101. № 354).

Рисунок 8. Сосуд с носиком, ручкой и утопленным венчиком. Стекло, конец XVII– начало XVIII в. (Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2019 г.)

Рисунок 9. Рюмка (до 1611 г.) и штоф (до 1650-х гг.) из погребений в «палатке Никитичей» Знаменской церкви Новоспасского монастыря. Стекло. Работы ИА РАН, 2014 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: 1914–1920-Е ГГ.

DOI 10.25986/ISN.2023.25.30.005

Россия в Первой мировой войне: финансы и экономика (1914–1917 гг.)¹⁴⁷

Владимир П. Булдаков

Институт российской истории РАН, Москва, Россия,

kuroneko@list.ru

ORCID 0009–0009–8459–016X

Аннотация. *Вопрос о подготовленности России к широкомасштабной европейской войне обсуждался задолго до 1914 г. Преобладала оптимистические прогнозы, связанные главным образом с преувеличенными представлениями о «неистопимости» ее людских, финансовых и хозяйственных ресурсов, а также преимуществами авторитарно-мобилизационного управления. Ход военных действий довольно скоро обнаружил иллюзорность подобных надежд. Автор показывает, что основные причины неудач были связаны с организационным и логистическим фактором. Финансы были недостаточно связаны с реальным сектором экономики. Транспортная связь не смогла обеспечить хозяйственное единство фронта и тыла. В целом экономика империи оказалась плохо приспособленной к условиям тотальной войны.*

Ключевые слова: *Россия, Первая мировая война, финансы, экономика, транспорт, продовольствие.*

Для цитирования: *Булдаков В.П. Россия в Первой мировой войне: финансы и экономика (1914 – 1917 гг.) // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 101–160. DOI: 10.25986/ISN.2023.25.30.005*

Russia in the First World War: Finance and Economics (1914–1917)

Vladimir P. Buldakov

Institute of Russian History RAS, Moscow, Russia,

kuroneko@list.ru

ORCID 0009–0009–8459–016X

Abstract. *Discussions about Russia's preparedness for a large – scale European war were discussed long before 1914. Optimistic forecasts absolutely prevailed, mainly related to exaggerated ideas about the «inexhaustibility» of its human, financial and economic resources, as well as the advantages of authoritarian mobilization management. The course of military operations soon discovered the illusory nature of such hopes. The author shows that the main reasons for the failures were related to the organizational*

¹⁴⁷ Статья подготовлена в рамках проекта ИРИ РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

and logistical factor. Finance was not sufficiently connected with the real sector of the economy. The transport nets could not ensure the economic unity of the front and rear. In general, the economy of the empire affected poorly adapted to the total war.

Keywords: *Russia, World War I, finance, economy, transport, food.*

For citation: *Buldaov, V.P. (2023), "Russia in the First World War: Finance and Economics (1914 – 1917)", Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 101–160. DOI: 10.25986/ISN.2023.25.30.005*

Вопрос о способности Российской империи выдержать широкомасштабную волну поднимался задолго до ее начала. Казалось, что Россия легче других воюющих держав перенесет военные трудности: ее финансовое положение небезуспешно стабилизировалось государством; она не зависела в такой степени, как Великобритания или Германия, от импорта сырья; недостаток рабочей силы мог восполняться за счет аграрного перенаселения; свертывание экспорта должно было наполнить внутренний рынок дешевым хлебом. «Вдохновлял» и самый крупный золотой запас: 1 528 млн руб. (только внутри страны) [Ходяков 2018, с. 15]. А между тем уровень золотообеспеченности российских финансов носил по преимуществу символический характер: движение денег было отчуждено от реальной экономики. Достаточно сказать, что до 2/3 доходов поступало от эксплуатации железных дорог, налогов и пошлин, и еще несколько более ¼ – от казенной винной монополии [Статистический ежегодник... 1916, с. 6–9].

В верхах финансы империи воспринимались как нечто первичное по отношению к реальной экономике, особенно к крестьянскому производству. Отсюда практика косвенных налогов и акцизов. Попросту говоря, деревня производила, а власть вывозила, направляя вырученные деньги в казенную промышленность. Финансы отражали неизжитую сословно-производительную подавленность населения государством.

В свое время советские исследователи положительно оценивали состояние российской банковской системы, одинаково пригодной, как казалось, и для капиталистического прогресса, и для «скачка» в социализм [Бовыкин 1988, Бовыкин 2001]. С тех пор в литературе о российском банкинге сохраняется недоговоренность: остается неясным вопрос о степени и характере влияния банков на военную промышленность [Шацилло 1992, Саломатина 2004]. Специалистами представлены качественные исследования о состоянии тех или иных групп банков, однако общая картина движения (или его отсутствия) финансовых потоков остается неясной. Очевидно, что сказывается инерция ленинских представлений о всемогуществе «самого передового» российского финансового капитала.

Представляется, что следует исходить из того, что экономика России строилась на принципах, отличных от западных. Грубо говоря, ее психологическую основу составляла архаичная идея «государства-склада»: произведенная продукция передавалась доминирующему субъекту экономики для последующего распределения. Хозяйственная система строилась *сверху*: производительная часть населения обиралась с такой же естественностью, с какой присваивались природные дары [Булдаков 2013]. Отсюда непомерно высокая роль государственного финансирования, порождающая, в свою

очередь, склонность к подушным и поземельным сборам, промысловому налогу, а также нелюбовь к независимой предпринимательской активности (не затронутой при этом прогрессивным налогообложением).

Российская система изначально была настроена на *стабильное* управляемое сверху *мирное* развитие. Казалось, не будь потрясений, экономика могла бы безбедно существовать при сложившейся системе управления. Вероятно, в связи с этим во всем мире считалось – трудно сказать, насколько искренне и убежденно, – что финансово-экономическое состояние России остается блестящим, перспективы выглядят вдохновляющими. Жесткий «золотой стандарт» обеспечивал приток иностранных капиталов, сельскохозяйственный экспорт создавал положительное внешнеторговое сальдо, «подушку безопасности» обеспечивало косвенное налогообложение, особенно акцизы. Оптимистические представления сказались на предвоенном поведении союзников, полагавших, что сама по себе мощь России либо сдержит милитаристские планы кайзера, либо сокрушит его военную машину. Однако с началом войны стало ясно, что ни бюджетный профицит, ни высокие темпы роста экономики не гарантировали успеха империи. В условиях тотальной войны требовалось сбалансированное развитие города и деревни, оптимальные соотношения импорта и экспорта, системная взаимосвязанность промышленного производства и инфраструктуры, а главное – гибкость управления финансово-хозяйственным организмом.

Проблема финансовой подготовленности России к войне не раз обсуждалась еще до ее начала. При этом со стороны специалистов обнаружилось довольно легкомысленное к ней отношение. Соответственно планы мобилизации промышленности не разрабатывались, соответствующие теоретические разработки отсутствовали. *Генетические* особенности российской финансово-экономической системы либо не учитывались, либо неадекватно истолковывались.

Исследователи до сих пор склонны игнорировать значение «человеческой» мотивации экономики. Между тем, управленческие институты должны принимать во внимание не только «творческие» импульсы производителей, но и их хозяйственную пассивность и даже «вороватость». Производительные классы ощущали себя «тягловыми» условиями: отсюда взаимное недоверие между «баринном» и «крестьянином», закрепившееся в народной психике. В силу неверия в эндогенные резервы развития, правящие верхи ориентировались на экспорт сырья и импорт технологий.

Сам по себе факт зависимости «благополучия» России от интенсивности вывоза зерна и леса и уровня потребления водки должен был настораживать. Однако недостатка в адвокатах российской отсталости не было. Известный финансист И.С. Блюх, исходя из представления, что война нарушит международный товарообмен, полагал, что наибольшие потери понесут наиболее развитые страны. Напротив, России, вполне обеспеченной продовольствием, тяготы войны не страшны [Блюх 1893, с. 8]. Указывали и на то, что «роль запасного мобилизационного фонда играет свободная наличность государственного казначейства, счастливым образом достигавшая к началу современной войны огромных размеров» [Боголепов 1914, с. 12]. Известный экономист П.П. Мигулин считал, что «сведение наших росписей без дефицита...

обеспечено», но только при условии отсутствия войны и сильного неурожая [Мигулин 1910, с. 269]. Позднее подобных «оптимистов» основательно критиковали [Прокопович 1917, с. 11, 13, 16]. Тем не менее, их взгляды усиливали атмосферу беззаботности относительно возможной войны.

Оптимистические представления о российских финансах основывались на арифметике мирного времени. Между тем, следовало разрабатывать альтернативные варианты развития, не закрывая глаза на возможные срывы и неудачи. Однако подобное не практиковалось. Не учитывалось, что любая масштабная и особенно продолжительная война требовала качественно иной финансово-экономической стратегии.

Вопреки своей внешней полноте, официальная статистика не могла объективно отразить степень реальной готовности империи к войне. Статистические данные подспудно ориентировались на *государственный* сектор экономики (хотя удельный вес казенных заказов промышленности составляла лишь около четверти валовой стоимости всей промышленной продукции [Кафенгауз 1994, с. 168]), а не на народное хозяйство в целом. При этом государство по генетически заданной инерции исходило из логики *самосохранения*, а не *развития*; соответствующие инстанции из угодливости перед самодержцем предпочитали представлять «оптимистические» данные. В общем, сведения, поставляемые к подножию трона, не должны были волновать. Такая статистика заведомо игнорировала гуманитарную составляющую народного хозяйства (или придавала ей безликое «среднестатистическое» выражение). В результате картина экономической жизни выглядела обстоятельной, но в высшем – экзистенциальном – смысле нереалистичной. И, разумеется, она – вопреки инерции государственного попечительства – не учитывала возможные реакции населения на те или иные правительственные решения, не говоря уже о внешних вызовах.

Нельзя фетишизировать «однобокую» информацию, выдавая ее за «полную». Игнорирование принципов «человеческой экономики» делало российскую статистику источником самообольщений. Поэтому ее надо уметь читать. Обычно исследователи этого не учитывают.

Конечно, в России были свои «пессимисты», указывавшие на застарелые пороки системы. В 1909 г. П.П. Мигулин отмечал: «Едва ли не самое больное место русских финансов – убыточная рельсовая сеть, эксплуатируемая казною и частными обществами». Железные дороги, считал он, поражены «непомерными хищениями», которые провоцируются самим государством, изначально гарантирующего доходность вложений в путевое строительство. «Блестящим состояние русских финансов отнюдь признать не приходится...», – заключал автор. – «Какие ждут нас сюрпризы в дальнейшем, неизвестно. Найдется ли Геркулес, который возьмется за очистку Авгиевых конюшен нашего железнодорожного ведомства и сумеет ли выполнить взятую на себя задачу?» [Мигулин 1910, с. 256, 265].

«Авгиевы конюшни» упоминались часто. Но следовало не столько «чистить» старое, сколько внедрять новое. Известный экономист, член Государственного совета И.Х. Озеров 9 июня 1914 г. в ходе обсуждения бюджета заявил: «...Наша промышленность... обставлена массами пут», «развивать производительные силы страны просто невозможно» [Озеров 1915, с. 287,

290, 291]. Эти мысли он изложил в записке, поданной царю в начале сентября 1914 г. [Ананьич 1999, с. 105]. Перед войной писали и о том, что к «хлебному делу, все более и более принимающему у нас вид азартной игры, присосались десятки тысяч паразитов, спекулирующих на курсе, на фрахте, на найме магазинов, на расчетах с железной дорогой, на ценах хлеба и проч.» [Китанина 1969, с. 36]. А, тем временем, казенная оборонная промышленность, настроенная на работу «от войны до войны», пребывала в застое. Между тем, именно с ней связывалась военно-экономическая стратегия государства.

При этом Россия поразительно легко – казалось, беззаботно – впитывала иностранные капиталовложения. Частично это диктовалось ускоренной индустриализацией: около 4/5 иностранных капиталов было вложено в горную, машиностроительную и металлообрабатывающую промышленность¹⁴⁸, то есть как в сырьевые, так и в технологичные отрасли [Алексеева 2007, с. 214]. Тем не менее, уровень финансовой активности оставался низким: объемы рынка ценных бумаг в России в 1913 г. составили 2,0% ВВП, тогда как в Великобритании 41,4%, во Франции – 26,0, в США – 18,5, в Германии – 11,0% [Мошенский 2015, с. 599]. Это отражало не только «запоздалость» российского капитализма, но и слабость внутреннего инвестиционного рынка, лишенного подпитки «снизу».

Вопреки всему, органических слабостей российской финансово-экономической системы не хотелось замечать. Возможно, это было связано с тем, что ни в одной европейской стране правительство в лице финансового ведомства не вмешивалось в жизнь банков так активно, как в России [Бовыкин, Петров 1994, с. 43]. При этом власть банков над промышленностью в России была намного выше, чем на Западе [Гиндин 1927, с. 5]. Это порождало «этактистский оптимизм», подкреплявшийся высокими темпами роста экономики.

Банковская структура России вызывала, однако, некоторые сомнения. Все-го в империи насчитывалось 2 536 частных кредитных учреждений и 1 019 государственных – соотношение не в пользу свободной коммерческой деятельности. Частных коммерческих банков было 49, они располагали 588 конторами и отделениями, зато имелось 1 184 общества взаимного кредита, 11 акционерных земельных банков, 9 сословных банков, 6 сельских общественных банков и 5 ссудных касс промышленников¹⁴⁹. Соотношение кредитных учреждений отражало хозяйственно-сословные потенции населения и многоукладный (при этом этатизированный) характер экономики. Такая банковская система *sui generis* не могла обеспечить системную динамику общественного производства. Еще в 1910 г. съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства отмечал, что «банки уклоняются от первоначальных задач финансирования торговли и промышленности в сторону приобретения прав по торговле за свой счет, причем подобная деятельность банков, не основываясь на прямых текстах закона, развивается за счет вкладов и капиталов треть-

¹⁴⁸ По некоторым данным, на инвестиции в промышленные предприятия в 1915 г. приходилось 73,1% иностранных капиталов. Из них: на горнопромышленные – 53,83%, металлообрабатывающие и машиностроительные – 22,45, текстильные – 11,47%. См.: [Оль 1922, с. 14].

¹⁴⁹ Торгово-промышленный вестник. 1915. № 8. Август. С. 114.

их лиц, отданных в распоряжение банков на другие цели» [Каценеленбаум 1912, с. 3–6]. Это в корне подрывало частную торговую инициативу.

Интересы банкиров, предпринимателей и задачи военного производства расходились. Однако оптимистам хотелось верить, что в целом банкинг уже приспособился к военным обстоятельствам и осуществляет активное кредитование оборонных заводов. Это готовы были подтвердить и банкиры – они зарабатывали. Правда, министры и политики держались иных взглядов, при этом их недовольство банкирами росло. В результате Особое совещание по обороне в полном смысле запуталось: то ли перевести завод в казенное правление, то ли подвергнуть секвестру, то ли оставить все так, как было. Опасались также, что смена управления затянется. В конечном счете прежнее решение о секвестре завода было отклонено большинством в один голос. После нескончаемых словопрений завод, характеризующих напряженность взаимоотношений правительства и общественности с финансистами [Журналы особого совещания... т. 1. 2013, с. 355, 377, 379, 401–403, 421–429], все же был секвестрирован.

В России преобладали банки учетного (депозитного) типа. Что касается банков коммерческого типа (в основном петроградских), то они были ориентированы на работу с фондами, то есть нацелены на извлечение курсового дохода и обслуживание биржевых сделок, а не на кредитование промышленности. На этой основе сформировались относительно замкнутые столичные финансово-промышленные группы, связанные с соответствующими ведомствами и использующие практику взаимного поручительства. Именно такие банки олицетворяли собой финансовый капитал России, «всесильный» которого образ распространялся многими авторами (включая В.И. Ленина) на финансовую систему в целом. На деле их деятельность тяготела к обслуживанию рынка ценных бумаг (курсовые операции, размещение новых выпусков акций предприятий, прием в залог ценных бумаг). Правда, в начале XX в. наметился процесс сближения операций банков различных типов и сращивания их с акционерными предприятиями [Саломатина 2004, с. 195–196]. Однако этого было недостаточно для эффективного финансирования длительной войны.

Российский финансово-экономический «оптимизм» был связан с психологией застойной системы, «облагодетельствованной» индустриальным прогрессом: крестьяне безропотно поставляли хлеб в требуемом количестве; существующая транспортная система обеспечивала его поставку «куда надо», государство снимало с этого золотой урожай. Успокаивал и возросший приток крестьянских денег в сберегательные кассы. Кое-кто восторгался: «Честь и слава всем нашим министрам, оказавшимся на высоте положения... Министр финансов накопил неисчерпаемый запас золота; министр путей сообщения... каждые 20 минут отправляет со всех концов страны по воинскому поезду к границе; министр внутренних дел закрыл все винные лавки и этим спас Россию; министр военный блистательно провел мобилизационные планы!»¹⁵⁰

Были и другие «оптимисты», настаивающие на преимуществах российской хозяйственной автаркии. Разумеется, раздавались и трезвые голоса. В

¹⁵⁰ НИОР РГБ. Ф. 012. Картон 1. Д. 6. Л. 19–20.

частном письме В.Н. Коковцов так высказался о ситуации: «Я с тревогою смотрю на наше экономическое и финансовое положение... Будущее полно мрачных предзнаменований... Давно пора умерить фантазии, которые ведут нас к гибели! Эти фантазии я вижу везде: в непомерном усилении флота, в нашей активной политике за счет голодного мужицкого брюха, в... стремлении брать деньги на все, вместо того, чтобы приостановить расходную сатурналию и начать ослаблять податной винт» [Цит. по: Поликарпов 2015, с. 35].

Тем не менее, в России упорно не замечали пределов долготерпения народа. Между тем, по информации британских специалистов соотношение доходов на душу населения в европейских странах выглядело так: в Англии – 49 ф. ст., во Франции – 37; в Германии – 30,9; в России 8 ф. ст. [Кацелененбаум 1917, с. 11], это, разумеется, не означало, что средний россиянин был беднее англичанина в 6 раз – масса крестьян жила полунатуральным «безденежным» хозяйством. Чистый национальный доход на 1913 г. составлял 18 727 млн руб., из них 8 288 – приходилось на сельское хозяйство; 2 793 млн – на крупную промышленность [Маркевич, Харрисон 2013, с. 18]. Военно-кредитные возможности были заведомо ограниченными. Впрочем, во вступившей в войну России больше надеялись не на деньги и промышленность, а на «неисчерпаемость» людских ресурсов и хлебных запасов.

Следует отметить, что в начале войны пошатнулась и финансовая система Германии. Но впечатляют пути ее восстановления. Так, были образованы особые ссудные кассы, рассчитанные главным образом на помощь коммерсантам и индустриальным предпринимателям. Центральная прусская кооперативная касса, работавшая в области сельского хозяйства, приступила к кредитованию ремесленников, а в Мюнхене возникли специальные «военно-кредитные банки», развернувшие операции по поддержанию торговли и промышленности [Майский 1916, с. 191]. Но главное, вероятно, заключалось в той быстроте, с которой все это было проделано.

В России, напротив, словно намеренно не спешили. Между тем, решающим фактором становилась не столько финансовая подготовленность государства, сколько экономическая база для проведения активной и гибкой кредитной политики. Достижению последней препятствовала социокультурная разобщенность населения. Однако правительство пребывало в убеждении, что оно нуждается в возможно более полной опеке, а не в хозяйственной свободе. Финансовая беспечность отмечалась не только в России. В марте 1914 г. во французской прессе прозвучал тревожный сигнал: «Рост бюджетов европейских государств не соответствует платежеспособности населения. Европу обуял дух помешательства. Это чистое безумие, это бег к пропасти...» [Цит. по: Павлович 1918, с. 52]. В России подобных высказываний не замечали: втайне надеялись на «необъятные» мужицкие ресурсы.

«Война не застала врасплох наши финансы, мы находимся в лучшем положении, чем наши противники»¹⁵¹, – утверждалось в газете московских прогрессистов. Не замечалось, что симптоматичное расстройство кредита и денежного обращения в Петербурге и Москве случилось еще до официаль-

¹⁵¹ Утро России. 1914. 2 августа.

ного объявления войны – 12 июля 1914 г. На общем собрании ведущих банкиров страны, созванном управляющим Государственным банком И.П. Шиповым, большинство присутствующих заявило, что не ожидает серьезных финансово-экономических потрясений даже в случае, если Россия окажется втянутой в войну. Недавняя паника объяснялась нервным состоянием публики, не знакомой с реальным положением дел. Общественность успокоилась. Даже падение доходов от акцизов не особенно волновало: считалось, что ситуацию спасут новые налоги – «на землю и рабочих». Известному предпринимателю Н.Н. Кутлеру писали: «Для наиболее бедного класса этот налог не будет тяжел, ну а богатых жалеть не приходится»¹⁵². Надеялись и на слабости противника: в столичных финансовых кругах настоящую сенсацию, вызвало сообщение о неожиданном резком и устойчивом повышении в середине сентября 1914 г. русских промышленных бумаг на черном фондовом рынке в Берлине [Петербург 2001, с. 284].

Самодержавно-патерналистская система не могла не породить пассивно-выжидательного отношения к хозяйственной действительности. К тому же, столичные банкиры жили в особом мире. Деньги обслуживали не столько экономику в целом, сколько государство (которое, как считалось, работает на людей) и эгоистичный бизнес. Позднее (начало 1916 г.), прозвучало запоздалое признание: «финансовая устойчивость государства и платежные способности населения рассматривались... исключительно с точки зрения сумм, могущих поступить в государственное казначейство...». В связи с этим «в течение всего времени войны вся наша промышленность была и будет направлена не к тому, чтобы увеличивать благосостояние страны, а к тому, чтобы его уменьшить» [Хрулев 2001, с. 7, 10]. В общих чертах именно это и происходило.

К началу войны расходная часть государственного бюджета была расписана отнюдь не безнадежно. Хотя слабость бюджета (высокий удельный вес непроизводительных расходов) сохранялась, к 1914 г. удалось снизить затраты на обслуживание государственного долга (13,6 % в 1913 г.) и ведомства общего управления (17,4 %) и, вместе с тем, повысить расходы на оборону (27 %), [Боголепов 1914, с. 10–11, 19]. Финансовая самоуверенность подкреплялась тем, что доходная часть госбюджета более чем на четвертую часть (26,3 % в 1913 г.) пополнялась поступлениями от винной монополии (не считая питейных акцизов и сборов¹⁵³).

Х Х Х

Введение «сухого закона» (которое планировалось как временная мера на период мобилизации еще за два с половиной месяца до начала войны [Михайлов 1917, с. 16]) породило серьезные сложности. «Перевернулись все финансовые устои государства... – писали из столицы в провинцию. – Что сказал бы в мирное время министр финансов, если бы ему представлена была такая схема русских финансов. А мы существуем, не унываем»¹⁵⁴. В

¹⁵² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1420.

¹⁵³ Производство и распространение спиртного приносило до трети бюджетных доходов. [См.: Россия, 1913 год. 1995. С. 154].

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1402.

Совете министров поначалу надеялись, что ограничение продажи спиртного сохранится только на период мобилизации. Но скоро в верхах возобладали «трезвеннические» настроения, причем, по иронии судьбы их придерживались люди с дурной репутацией: министр внутренних дел Н.А. Маклаков, обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер и военный министр В.А. Сухомлинов. Напротив, сановники с либеральной репутацией, в частности, государственный контролер П.А. Харитонов и А.В. Кривошеин говорили, что «подневольная трезвость» до добра не доведет, и что «нельзя насилловать вековую привычку» [Совет министров... 1999, с. 27, 28, 31, 41, 76–77, 370].

Тем не менее, некоторые восторгались запретом спиртного. «Громадные средства, оставшиеся у населения благодаря запрещению продажи вина, не только помогли ему снарядить на войну призванных запасных, ратников и новобранцев и справиться с тем ущербом, который был принесен ему громадным отливом рабочей силы, справиться с дороговизной предметов первой необходимости, с повышенными налогами, улучшить питание, но и сберечь значительные денежные средства для помещения их в государственные сберегательные кассы и учреждения мелкого кредита» [О влиянии войны... 1916, с. 420]. Увы, непродуманные запреты не могут принести долговременных положительных результатов.

«Сухой закон» ударял не только по психике людей, но и по государственным финансам. Однако И.Л. Горемыкин отмахивался: «Ну что за беда, что у нас вышло из кассы 800 миллионов дохода. Мы напечатаем лишних 800 миллионов бумажек... мы должны вести войну на бумажки... так как их охотно берет народ...». Нечто подобное высказывал и «железнодорожник» С.В. Рухлов [Коковцов 1991, с. 452]. Между тем война вызвала сокращение доходов от казенных железных дорог, таможенного и гербовых сборов. Покупательная способность рубля для внешнеторговых операций упала до 55 копеек, а на внутреннем рынке она составляла всего 27 копеек [Погребинский 1954, с. 243]. Сложившийся характер внешнеэкономических связей привел к тому, что с началом войны именно российская финансовая система оказалась в наименее выгодном положении.

Правда, за год до войны российское правительство смогло «спасти» золото, осевшее в Германии (правительство которой повысило цену на него так, чтобы от размещения его в германских банках можно было получить прибыль) – в данном случае сработал военно-приготовительный зуд Сухомлинова и Янушкевича [Писарев 1990, с. 91; Родзянко 1990, с. 95]. Вслед за тем повсеместно был прекращен обмен кредитных билетов на золото (в Англии формально не было запрета размена, хотя фактически он не производился). А поскольку в России со времен С.Ю. Витте «твердость» рубля поддерживалась свободным разменом его на золото, это обернулось ударом не только по финансам (что было замечено людьми имущими) [Аничков 1998, с. 56, 84], но и по престижу династии – тем более, что стали появляться поддельные казначейские знаки.

22 августа 1915 г. под председательством П.Л. Барка состоялось заседание Особого совещания по валютному вопросу. Министр сообщил, что вопрос стоит очень остро, поскольку торговый баланс «совершенно пассивен», частное кредитование прекратилось. В числе принятых мер называ-

лись: привлечение золота в казну, развитие золотодобывающей промышленности, сокращение импорта, создание лучших условий для экспорта и наконец – расчет на крупный внешний заем. В.И. Тимирязев возразил: рассчитывать на Америку не стоит, надо развивать собственную промышленность, сняв с нее путы в сфере акционерного законодательства и отрезавшись от представлений, что промышленники думают только о наживе. Со своей стороны, банкиры заверили, что они начали предоставлять валюту частной промышленности. И.Х. Озеров предложил устроить золотой заем с выигрышами с уплатой по облигациям исключительно золотом, привлечь монастыри к сдаче золота¹⁵⁵.

В сентябре 1915 г. последовало запрещение экспорта золота (хотя само правительство решилось на его вывоз в залог кредитов). В общественных кругах тем временем заговорили о том, что финансовое ведомство занялось «раздачей денег аферистам, грюндерством, выдачей крупных миллионов на ажиотаж, оставив земледельческий промысел без поддержки»¹⁵⁶. В августе в сберегательных кассах Петрограда и Москвы произошел отлив денег: сказывалась неуверенность в действиях власти [Совет министров... 1999, с. 220]. После того, как в Центральную Россию хлынули беженцы, мелкие деньги стали скупать «про запас». Налицо был просчет министра финансов, предусмотревшего, казалось бы, все, кроме эмоций простых людей. Впрочем, Государственный банк, располагавший запасом монеты, весьма оперативно ликвидировал кризис, пустив ее в оборот¹⁵⁷. Нехватка мелкой монеты обнаружилась и во Франции. Виновниками этого были объявлены немецкие шпионы, иностранцы и темные личности, но никому, как в России, не пришло в голову обвинять в этом евреев [Пуришкевич 1915, с. 10]. Так или иначе, всякие сбои в финансовой сфере включали механизм бытовых опасений и страхов.

Главными «виновниками» возникающих трудностей были объективные обстоятельства: нарушились производственные, финансовые и торговые связи, сократился импорт важнейших видов промышленной продукции, особенно машин, станков, заводского оборудования, а также минерального топлива, металлов, сырья для текстильной промышленности и т. д. Железнодорожная сеть оказалась не в состоянии удовлетворить потребности фронта и тыла¹⁵⁸. В результате массовых мобилизаций многие предприятия лишились до 30–40% рабочей силы [Россия в годы Первой мировой войны 2014, с. 268], ощутив при этом нехватку топлива и сырья. К 1 октября 1914 г. более 500 промышленных предприятий, на которых в общей сложности работало более 43,9 тыс. рабочих, вынуждены были остановить производство [Кафенгауз 1994, с. 175].

В верхах возникла паника. В сентябре 1914 г. А.В. Кривошеин заявлял: «Положение финансовое тяжелое». А 18 июня 1915 г. сам Барк признал: «Надо ждать крушения финансовой системы» [Совет министров... 1999,

¹⁵⁵ Торгово-промышленный вестник. 1915. № 8. Август. С. 111–112.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1221а об.

¹⁵⁷ С начала войны и до 1 августа 1915 г. Госбанк выпустил около 30 млн руб. разменной серебряной монеты (превысив довоенную годовую чеканку в 10 раз) [Ходяков 2018, с. 24].

¹⁵⁸ В послевоенное время некоторые авторы заявляли, что перед войной железные дороги не справились даже с необходимыми перевозками мирного времени. См.: [Неопиханов 1924, с. 114].

с. 66, 186]. Такова была оборотная стороны официального оптимизма, без которого не может существовать ни одна авторитарная система. Появились курьезные предложения. Так, в связи с дефицитом вагонов в июне 1915 г. в Особом совещании по обороне задумывались: нельзя ли использовать для их производства «железнодорожные мастерские в Киеве и Ростове-на-Дону, занятые, по слухам, изготовлением вагонов-ресторанов» [Журналы Особого совещания... т. 2. 2013, с. 61].

Денежная система реагировала на войну своеобразно. В связи с раскручиванием инфляции и роста депозитов становилось все меньше возможностей зарабатывать для выплаты процентов по этим депозитам. В результате прежние банковские практики уступали место обслуживанию военных потребностей государства и разного рода спекуляциям, которые негативно сказывались на восприятии обществом банковского сектора.

Постепенно ситуация с кредитованием промышленности обострилась. Так, в марте 1915 г. министр финансов П.Л. Барк заявил, что Русско-Азиатский банк, располагавший большинством акций Путиловского завода, не дает оборотных средств на его улучшение, завод не развивается – «выжимают, как лимон». Получалось, что политика крупнейшего банка невольно подталкивала рабочих ведущего оборонного завода к забастовкам [Совет министров...1999, с. 148, 178, 264, 322]. 28 октября 1915 г. выяснилось, что общество Путиловских заводов имея 25 млн основного капитала, получило более чем на 40 млн заказов по казенным поставкам, однако по представленным документам нельзя было судить, на что эти суммы израсходованы. При этом председатель правления заводов не интересовался их делами, а выступал лишь представителем Русско-Азиатского банка. Однако А.И. Путилов обещал, что общество выйдет из затруднительного положения, пользуясь частными кредитами и авансами [Букшпан 1929, с. 343–344]. Это выглядело неубедительно.

Х Х Х

В оценках российских финансов и экономики до сих пор преобладает количественный, а не качественный подход. При этом обращается преимущественное внимание на достижения, измеряемые валовыми показателями, а не на слабости, связанные с несостыкованностью отдельных звеньев хозяйственного организма. Так, если основываться на деятельности *ведущих* коммерческих банков, может показаться, что к 1914 г. в России сложилась полноценная для своего времени банковская система. Однако естественные для мирного времени банковские практики должны были уступить место преимущественному обслуживанию военных потребностей государства. Между тем, даже у крупных банков возникали трудности с выплатой процентов по депозитам. Это подстегивало как тяготение банкиров к бюрократии, так и извечный соблазн спекуляции. Все это негативно сказывалась на восприятии банковского дела и общественностью, и министрами. Последние считали, что главное для банкиров – биржевая спекуляция [Совет министров...1999, с. 328].

Очевидно, что для стабильного народнохозяйственного развития недостаточно было ни успехов крупнейших банков, ни расширения сети сберегательных касс: коммерция и депозиты, капиталовложения и накопления в идеале должны составлять систему сообщающихся сосудов. На это «направляющих» усилий Государственного банка могло не хватить: крупные финансисты ждали благоприятной конъюнктуры; деньги мелких вкладчиков могли быть мобилизованы для войны лишь с помощью внутренних займов. В этих условиях во всей своей спекулятивной силе «всплыл» торговый капитал [Букшпан 1915, с. 6].

Примечательно, что последний министр финансов П.Л. Барк – скорее «бухгалтер», нежели финансовый стратег (что устраивало власть¹⁵⁹), – нарисовал в мемуарах картину упорной и безуспешной борьбы за стабилизацию финансового положения. Он, естественно, «забыл», что уже в сентябре 1914 г. правительство ощутило угрозу финансового краха. Вообще, следует заметить, что высшие правительственные чиновники официально утверждали одно, а «между собой» – включая того же Барка – произносили иное. Их залихорадило с первых дней войны. В августе их нервировали еврейский вопрос и сохранение внутреннего порядка [Букшпан 1915, с. 18, 19, 24, 32], подозрительные иностранцы и прочие нерусские [Там же, 23, 25, 27, 33, 34, 38, 49, 59], а также спекулянты [Там же, с. 44, 45, 51]. Со временем министры успокоились.

Перед войной по абсолютным размерам государственного долга Россия несколько уступала Франции, но зато превосходила союзников по размерам платежей, связанных с займами, составлявшими почти 20 % расходной части бюджета. Это означало, что в отношениях между союзниками зависимой окажется страна с наиболее ослабленной доходной частью бюджета и наименее динамичной экономикой [Ежегодник Министерства финансов 1915, с. 38, 77–81; Мигулин 1907., с. 1192]. С началом войны российские дебиторы лишились возможности вернуть зарубежные долги по краткосрочным операциям. К тому же, упали доходы от казенных железных дорог, таможенного и гербовых сборов. Если до войны финансовая политика базировалась на воздержании от внешних займов, то теперь приходилось поступать противоположным образом. Были закрыты фондовые биржи, большинство воюющих государств объявило вексельный мораторий, повсеместно прекращен обмен кредитных билетов на золото. Центральные эмиссионные банки стали выпускать в обращение все увеличивавшееся количество ничем не обеспеченных кредитных билетов.

Требовалось по-новому взглянуть на внешнеэкономические связи. Для размещения крупных заказов за рубежом требовались все более значительные суммы. Однако уже в первые месяцы войны свободная золотая наличность в размере полумиллиарда рублей была израсходована, а к концу 1914 г. общие финансовые затраты на войну составили 2,7 млрд рублей [Сидоров 1960, с. 239]. Тем не менее, к началу 1915 г. представители министерства финансов утешали себя тем, что «кредитная система в общем вышла из тяжелого испытания непоколебленной» [Хозяйственная жизнь... 1916, с. IV].

¹⁵⁹ Когда П.Л. Барка выдвинули на пост министра, кто-то усомнился: «Разве он умен?». С.Ю. Витте ответил: «Деньги-то платят разве за ум? Платят за них...» [Тхоржевский 1999, с. 56].

В январе 1915 г. на конференции министров финансов союзных держав российской стороной было заявлено о необходимости в течение года получить около миллиарда рублей, из которых 300 млн пойдет на обслуживание долга, а 700 – на закупки и заказы. Английской стороне это показалось рискованным. Была достигнута договоренность, что Банк Англии вправе потребовать от России и Франции гарантий в виде определенного количества золота. В дальнейшем британское правительство предприняло основательные усилия для облегчения России урегулирования заказов с различными странами, особенно с США. Разумеется, не без выгоды для себя. В России это воспринимали болезненно [Совет министров... 1999, с. 69, 75, 76, 230]. Казалось, что союзники ощущают себя перед ними всевластными кредиторами. Словно в ответ Совет министров принял решение о расширении правительственного контроля над коммерческими банками и о мерах «против разглашения сведений» о военных заказах со стороны акционерных компаний [Особые журналы... 2008, с. 150–153]. В общем, в правящих верхах усиливалось настроение тотального недоверия.

Характерно, что часть образованного общества задергалась много ранее: в начале августа 1914 г. обыватели в ожидании потери Варшавы сообщали об «ужаснейшем финансовом и промышленном кризисе». Правда, при этом настроении населения характеризовалось как «спокойное, вернее апатичное» [Набоков 1921, с. 52]. Люди привыкли надеяться на власть – это сказывалось на их финансово-экономическом поведении.

Всякие традиционные структуры поддерживают свое существование ощущением всемогущества власти, якобы располагающей неисчислимыми средствами. Отсюда хозяйственная «беспечность». Для интенсификации военного производства казенное и частное производство должны были в идеале составить органичное целое. Между тем, привычная ставка на казенную промышленность способствовала формированию антирыночных представлений; армейская организация, взявшись за снабжение войск, невольно подталкивала общественное сознание в том же направлении [Holquist 2002, p. 44.].

Поскольку сухой закон лишил бюджет не менее четверти поступлений, последовали повышение акцизов на другие товары и рост косвенного налогообложения. Отсюда и неизбежная дороговизна, и требования ее обуздания. Однако основная масса производителей в лице крестьян настраивалась не на расширение производства (столь востребованное в военное время), а на поддержание производственно-потребительского баланса, допуская его увеличение производимого только «про запас» – на случай возможных неурожаев. Это усугублялось уменьшением массы сельхозпроизводителей (призыв крестьян в армию). Отсюда падение объема продовольствия, поставляемого на рынок. «Вытягивать» продовольствие у крестьян стало труднее. Соответственно, был неизбежен подъем цен в городах. Попытка обуздать так называемую дороговизну с помощью такс (установления предельных цен на основные виды продовольствия, как того требовала масса потребителей) была заведомо бесполезной. Она лишь стимулировала спекуляцию, которая имеет обыкновение разрастаться в связи с дефицитом.

К таксации цен обычно прибегают все воюющие страны. Однако ее эффективность зависит, с одной стороны, от уровня гражданской солидарности населения; с другой – от такой организации всеобщего учета и контроля, который не допускал антирыночных «перегибов». И то, и другое в России оставляло желать лучшего. А потому таксы лишь раскалывали производителей и потребителей, причем обе стороны становились недовольными властью. В сатирической печати иронизировали. «Почему вы повышаете цены?» – спрашивали у производителя. «Чтобы наверстать штраф за повышение цен», – следовал ответ [Руга, Кокорев 2008, с. 181]. Дезорганизация рынка начиналась с уездного уровня даже в «производящих» губерниях [Есиков 1998, с. 42].

Проработанного плана снабжения армии не было, зато имелось желание «подбодрить» солдат. В результате уже в первые месяцы войны был израсходован имевшийся запас жиров, а при эвакуации из западных губерний погибла или попала в руки неприятеля значительная часть скота¹⁶⁰. Тем не менее, в армии практиковалась повышенная выдача мяса, хотя уже в апреле 1915 г. в столицах его стало не хватать [Совет министров... 1999, с. 155].

Было очевидно, что интендантская служба при наличном штате сотрудников (около 2000 на всю империю) не сможет справиться с закупкой и поставкой хлеба на фронт. 1 августа 1914 г. Совет министров поручил непосредственную закупку хлеба для армии начальнику Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) А.В. Кривошеину, который, в свою очередь, решил опереться на земства. Частичный отказ от рыночного механизма повлек за собой появление чрезвычайно громоздкого «государственно-общественного» приемно-снабженческого аппарата [Мацузато, Ярцев, Абрамов 2001, с. 150–151]. Появилась масса всевозможных – государственных, армейских, общественных – уполномоченных по заготовке продовольствия, конкурирующих между собой. В сознании крестьян они сливались в единую массу «обирающих народ» чиновников.

Оперативная заготовка и поставка хлеба требовала привлекательной для производителей политики цен. Для обеспечения ритмичности закупок «твердые» цены должны были быть несколько выше рыночных, но при этом «плавающими» соответственно местной конъюнктуре – иначе грозил рост спекуляции и разрушение рынка. Чтобы избежать этих опасных последствий требовался точный учет продовольственных запасов и возможностей их пополнения. Этому препятствовали локальные интересы, подчас далекие от общегосударственных.

Общественность привыкла считать, что хлеба в России предостаточно, забывая, что его нужно не только собрать, но и вовремя доставить по назначению. Между тем «излишки» выглядели не столь впечатляюще. Согласно официальной статистике среднегодовой сбор зерна в предвоенные годы составлял 4870 млн пудов, в 1915 г. было собрано 4810 млн, в 1916 г. – 3970 млн пудов. Общий зерновой баланс (сбор минус экспорт) до войны достигал 4220 млн пудов, в 1915 г. – 4770, в 1916 г. – менее 3970 млн пудов. Оставшиеся внутри страны зерновые ресурсы в 1915 г.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 26, 43, 56, 76.

увеличились на 13 %, но уже в 1916 г. сократились на 6 %. Однако люди кормятся не «средними» данными. Согласно сведениям по 50 губерниям Европейской России, в 1911–1915 гг. 32 из них были не в состоянии самостоятельно обеспечить население продовольствием. При этом Архангельская, Московская и Петербургская губернии могли продержаться без привозного хлеба не более одного-четырех месяцев [Островский 1999, с. 482–483]. В Центральной России соседствовали чисто потребляющие (Московская, Калужская и Владимирская) губернии, ввозящие и рожь, и пшеницу; рядом располагались губернии, поставляющие рожь, но ввозящие пшеницу (Рязанская, Тульская, Орловская, Тамбовская и Пензенская); имелись и чисто производящие (Нижегородская и Симбирская) губернии. До войны дисбаланс частично компенсировался с помощью гужевого продуктообмена. Теперь это становилось затруднительно, а тем временем в Сибири скапливались огромные запасы хлеба, которые невозможно было вывезти из-за отсутствия транспорта. Нарушение сложившихся продуктовых связей подрывало трудовую мотивацию производителей, с одной стороны, заставляло население прибегать к незаконным формам самоснабжения – с другой. Таким образом, продовольственная ситуация могла осложниться, прежде всего, в столицах, на севере, а также в урбанизированных и промышленно развитых регионах. Так и случилось. К примеру, Киевская губерния обеспечивала свой административный центр – Киев продовольствием только на 38,4 % [Мацузато, Ярцев, Абрамов 2001, с. 187, 156].

Положение усугублялись производственной специализацией регионов. Скоро это ощутили на местах. В начале декабря 1914 г. члену Государственного совета кн. Д.П. Голицыну-Муравлину сообщали из Тульской губернии, что город Ефремов оказался «в бедственном положении – железная дорога не грузит крахмал, на котором держится все местное благополучие... От этого полное безденежье у заводчиков, отражающееся и на населении...»¹⁶¹. На деле причина подобных неурядиц заключалась в системном поражении общественно-производственного организма, а не в локальных его заболеваниях.

Х Х Х

К концу 1914 г. военные расходы превзошли издержки за всю русско-японскую войну, достигнув 2,7 млрд руб. [Сидоров 1960, с. 239]. Вряд ли в правительстве могли предположить, что общий итог ассигнований на военные нужды к февралю 1917 г. составит 30,5 млрд руб., или 9 годовых бюджетов 1913 г.¹⁶² Требовались экстренные меры для покрытия военных расходов.

Разумеется, в верхах задумывались о режиме экономии. Предлагалось установить контроль за финансированием Красного Креста и земств, сократить расходы. Но скоро предложения такого рода заглохли. Да и что могли

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2013.

¹⁶² К сентябрю 1917 г. расходы на войну, по разным данным, достигли уже 41–50 млрд руб. [Россия в годы Первой мировой войны 2014, с. 379].

сделать министры, если 13 апреля 1915 г. император повелел выдать министру двора В.Б. Фредериксу 200 000 руб. в личное употребление [Совет министров...1999, с. 40, 66, 157]?

Уже весной 1915 г. экономистам пришлось задуматься о причинах инфляции. Известный экономист, меньшевик В.Г. Громан и его коллеги из московского Общества имени А.И. Чупрова пришли к заключению: причина в растущем дисбалансе между спросом и предложением [См.: Громан, 1915]. Привычный рыночный механизм дал сбой: крестьяне, не получая нужных товаров из города, стали придерживать деньги, которые стали оседать в сберегательных кассах и «кубышках». «Монополия – идеальный насос для выкачивания денег из провинции, – заявил в июне 1915 г. П.Л. Барк. – Его нет, а потому оборот денежных знаков стеснен» [Совет министров... 1999, с. 186]. Министр имел в виду такую государственную монополию, которая позволила бы пополнить казну за счет крестьянства. Это было невозможно: народное хозяйство функционировало в разных финансово-экономических режимах (позднее В.И. Ленин назовет это «многоукладностью»); в сберкассы поступали не только «избыточные» деньги, но и средства, полученные в результате продажи крестьянских хозяйств. В таких условиях государству приходилось прибегать к денежной эмиссии.

Чрезвычайно остро встала проблема внешней задолженности. Французское правительство наложило мораторий на иностранные депозиты. Это могло серьезно осложнить взаимоотношения между союзниками. Оставшийся влиятельным С.Ю. Витте считал, что эта мера противоречит духу русско-французского союза. Перед П.Л. Барком, считавшемся креатурой «германофила» Витте, встала серьезная проблема. Однако Барк нашел «выход» из ситуации. В июле 1915 г. в Лондоне на очередной финансовой встрече союзников с российской стороны было заявлено, что Россия использовала 1 280 млн руб. кредита, открытого союзниками. Теперь она была вынуждена просить 300 млн ф. ст., чтобы иметь возможность осуществить выплаты по суммам, параметры которых были определены в Италии, Японии, Скандинавии. Союзники были напуганы. Российским представителям удалось добиться договоренности о новых выплатах. В результате общее количество российских казначейских билетов, подвергшихся учету, составило 562 млн ф. ст. [Набоков 1921. с. 181–185].

Правительство Франции согласилось на предоставление России по последовательным заявкам суммы в размере 625 млн франков. Тем временем в Париже была осуществлена эмиссия унифицированного российского займа на сумму почти в 250 млн руб. в 4,5 % облигациях девяти железнодорожных кампаний. При этом царское правительство обязалось облегчить экспорт зерновых, не уменьшая при этом кредита по займу в установленном размере. Кроме того, оно обязывалось представить проект закона, защищающего интересы держателей русских ценных бумаг, украденных, потерянных или уничтоженных в результате событий, связанных с войной. Это соглашение имело серьезные долговременные последствия.

Кредитные взаимоотношения с британским правительством и Банком Англии оказались еще более сложными: остро встала проблема золота, концентрация которого была необходима для поддержания золотого стандарта

во взаимных расчетах. В феврале 1915 г. был заключен контракт с английским банкирским домом Беринга на эмиссию при участии Банка Англии 10 млн фунтов стерлингов в ценных бумагах российского казначейства сроком на год с гарантией точного взятия тех ценных бумаг, которые не нашли бы своих подписчиков на открытом рынке. К августу 1915 г. Банком Англии было продисконтировано под гарантию британского правительства ценных бумаг уже на 102 млн фунтов стерлингов, причем ставки учета были постепенно повышены с 4 % до 7 %. В сентябре 1915 г. в Лондоне состоялось новое совещание министров финансов Англии и России с целью модификации и расширения соглашений, достигнутых ранее. В это же время Банк Франции и Банк Англии договорились отправить по миллиарду франков (40 млн фунтов стерлингов) в Нью-Йорк для обеспечения деятельности на американском финансовом рынке, а также облегчения эмиссии англо-французского пятипроцентного займа, рассчитанного на 1915 – 1920 гг., в размере 100 млн фунтов стерлингов. Было решено, что России будет предложено присоединиться к этой акции путем отправки соответствующей суммы в золоте. Отправка русского золота в Англию была обусловлена слабостью британских золотых запасов, а не подчиненным положением России в Антанте [Беляев 1999, с. 498–501]. Тем не менее, в перспективе этот шаг скорее гарантировал финансовую стабильность Запада, нежели сулил непосредственные выгоды России.

Российская сторона, как могла, противилась этому соглашению, доказывая, что «золотой запас – это последний якорь», на котором держится российское денежное обращение. Однако уступки со стороны союзников были минимальными. Министры были крайне недовольны, однако Барк настоял на своем, заявив, что иного выхода нет: если отказать от вывоза золота, «может получиться катастрофа», а «охрана золотого запаса при запрете свободного размена – фетишизм» [Совет министров... 1999. С. 230–232]. Это было справедливо.

Первоначально золото доставлялось в Архангельск, где перегружалось на английские суда. «Переходим из огня в полымя, из немецкого засилья экономического в английское» [Там же, с. 206–207], – так оценивали ситуацию некоторые министры. При этом британская сторона бралась обеспечить охрану перевозок – В.Н. Шаховской, министр торговли и промышленности, расценил это как «новый вид кабалы» [Там же, с. 325]. Позднее в целях безопасности было решено вывозить золото через Владивосток – тем более, что по долгам приходилось платить и Японии. Разумеется, сам по себе вывоз золота не мог поколебать денежной системы. Другое дело – восприятие «потери» населением. Подрыв веры в наполненность казны не мог не повлиять на устойчивость рубля.

Финансовую ситуацию усугубляло поведение некоторых предпринимателей. Хотя многие жертвовали громадные суммы на нужды армии (это было частью верноподданнического ритуала), но это отнюдь не исключало азарта наживы. «Среди “отцов города” (Москвы – В.Б.) немало таких, которые, благородно негодуя и подписываясь под политическими резолюциями, той же рукою... “придерживают” разные товары, чтобы повысить цены, скупают их, укрывают запасы в качестве членов правлений и сове-

тов разных банков и вообще под шумок ловко обдeldывают свои темные и корыстные делишки... – писал известный московский историк в сентябре 1915 г. – ...Летом 1914 г., почуяв неминуемое приближение войны, ...Бахрушины (известные предприниматели и меценаты – В.Б.) “скупчили” всю кожу и “придержали” ее до высоких цен. И это говорится без всякого стыда! Вот и цена этим либеральствующим гражданам» [Богословский 2011, с. 86–87].

Внутри России финансовые взаимоотношения становились более напряженными. Было замечено, что, игнорируя налог на военную прибыль, «владельцы миллионных состояний не желали поступиться даже небольшой частью своих доходов», хотя они появились в результате «выполнения казенных заказов за счет государственного бюджета» [Беляев 2002, с. 197]. К тому же, военная ситуация не отменила конкурентной борьбы питерской и московской группировок. Московское «Утро России» неслучайно внушало, что даже поверхностное знакомство с руководством Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности дает определенную картину: 30 немецких фамилий по первому, 27 – по второму ведомству¹⁶³. Приводились (со ссылкой на «Московские ведомости») и такие сведения: в Государственном совете из членов по назначению – немецкого происхождения 31 %, а из членов по выборам – только 15 %. В департаменте Правительствующего Сената число немецких фамилий колеблется между 45 % (в уголовном кассационном департаменте) и 12 (в первом департаменте)¹⁶⁴. Руководители, от которых в значительной степени зависело финансово-экономическое положение империи, оказывались под подозрением.

Тем не менее, в популярной литературе высказывали беззаботные мнения. Так, утверждалось, что благодаря предвоенному увеличению экспорта в России «образовался запас товаров, который дал возможность удовлетворять во время войны текущие надобности населения». Отмечалось, что «сельское население выиграло от повышения цен на продукты». В России имелись «обширные запасы оружия и снарядов, а также обмундирования». На деле с самого начала войны армия стала испытывать недостаток и вооружений, и снаряжений. Лживым оказалось и заявление о том, что «едва ли в какую войну раненые пользовались столь тщательным лечением и столь внимательным уходом... несмотря на нехватку медикаментов». В действительности в ходе наплыва раненых среди них резко возрастала смертность. Все это не мешало утверждать, что «война открывает перспективы будущих успехов, будущего подъема народного хозяйства» [Воронов 1915. С. 42, 44–45, 64]. Разумеется, были и люди, настроенные не столь оптимистично.

Тем временем в прессе отмечали, что банки открыто выступают в качестве продавцов и покупателей фабрик, заводов, контор, промыслов, кинематографов, ресторанов, гостиниц, бань, театров [Петров, Калмыков 1995. С. 85]. В сущности, они стали заниматься не своим делом. Тем не менее, утверждали, что они приспособились к новой ситуации [Федоров 1916, с. 753]. Однако они приспособились ради *собственного* выживания, а не в интересах страны.

¹⁶³ Утро России. 1914. 25 ноября.

¹⁶⁴ Новое звено. 1914. № 49. 29 ноября. С. 25.

Некоторые энтузиасты настраивались на борьбу с внутренними трудностями – но не иначе, как с помощью правительства. Так, председателю общества «Экономическое возрождение России» К.М. Мазурину писали: «... Пора не только сбросить с себя иноземное иго, а стараться всеми силами завоевать не только наш внутренний рынок, но и иностранные рынки». К этому добавлялось: «Необходима поддержка правительства... Необходима помощь купечества, которое должно стряхнуть с себя вековую лень, бросить привычку стричь купоны с процентных бумаг, а помещать свои капиталы в дело... Необходима помощь всего русского населения в виде бойкота всего немецкого...»¹⁶⁵.

В части населения правительственные планы по ущемлению хозяйственной деятельности лиц «враждебной национальности» порождали тревогу. «Здесь большой переполюс вызвал маклаковский проект ликвидации немецкого землевладения..., – писал А. Кесслер из Симферополя 12 ноября 1914 г. «его превосходительству» Ф.Д. Плеске в Петроград. – Встревожились и другие национальности, особенно караимы, которым даны большие деньги под залог немецких земель... Министерский проект грозит всему краю (Крым). – В.Б.) весьма серьезными финансовыми осложнениями, можно сказать, финансовым крахом»¹⁶⁶. Похоже, что таких опасений в верхах не замечали.

Известно, что накануне войны российские верхи в значительной степени полагались на Германию в восстановлении своих военно-морских сил [Цветков 2007, с. 491–497]. Напротив, московская буржуазия надеялась избавиться от германского засилья в машиностроении и намеревалась бороться за эмансипацию русской промышленности¹⁶⁷. Публицисты, со своей стороны, твердили о целенаправленном завоевании России пришлыми агентами – колонистами, предпринимателями, германским капиталом [Морозова, Назарова 2015, с. 103]. Подобные мысли особенно активно тиражировала суворинская пресса. Ее авторы уверяли, что война позволила покончить с зависимостью экономики от германских капиталов и преодолеть отставание в развитии науки и техники, промышленности и даже сельского хозяйства¹⁶⁸. Утверждалось, что за столетия немецкого влияния превратили Россию в «сырьевой придаток» и даже полуколонию Германии¹⁶⁹. «Рецепты спасения» выглядели, однако, несерьезно: предлагалось организовать англо-французскую выставку, на которой российские импортеры могли бы ознакомиться с продукцией этих стран [Гольдштейн 1915, с. 20]. Тем временем возникали новые, причем, неожиданные хозяйственные проблемы.

Казалось, то продовольствие, которое в довоенное время следовало по железным дорогам в Германию (по некоторым данным около четверти всего экспорта зерна), могло задержаться в приграничной полосе, то есть пойти на нужды армии. Между тем, производства хлеба в регионах, близких к фронту, оказывалось недостаточно, требовалось подключение отдаленных

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1950.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1848.

¹⁶⁷ См.: Утро России. 1914. 15 октября, 4 ноября.

¹⁶⁸ Новое время. 1914. 31 августа.

¹⁶⁹ Новое время. 1914. 23 августа.

источников продовольствия. Однако экспорт на Запад двигался по выверенным маршрутам, тогда как линия фронта простиралась более чем на тысячу километров, при этом рокадных путей не хватало. В конечном счете, изменились не только пути следования продовольственных потоков. Существенно сократились торговые и залоговые операции крупных агентов хлебного рынка, Государственного и коммерческих банков, а также экспортных компаний. Хлебозаготовительное дело оказалось, с одной стороны, в ведении представителей государственных (гражданских и военных) агентов, с другой – в руках общественных структур. Все они с подозрением относились друг к другу. К этому добавилось логистическое усложнение снабженческих задач.

Верхи империи обнаруживали неспособность к действию в экстремальных обстоятельствах. В значительной степени это было связано с психологией правящего слоя, мало изменившейся с крепостнических времен. В современных исследованиях отмечается, что доступ к рычагам управления национальными ресурсами в соответствии с сугубо личным пониманием «государственных интересов», позволял тешить свое властолюбие и тщеславию, испытывая от этого ощущение «административного восторга», дополняющего ощущение общежитийского благополучия. Верхний правящий слой империи представлял собой «политическую структуру, стремившуюся стоять вне общества и над ним», но при этом всемерно использовать его для «поддержания собственной внешней военной мощи и престижа» [Lieven 1989, p. 300]. В общем, делался расчет на демонстрационный эффект – обычная практика архаичных имперских систем.

Естественно, в экстремальных условиях в полной мере сказалось управленческое безволие. «...Наблюдая многих губернаторов, я отметил одну общую... черту: страх что-то упустить... страх упустить власть, – вспоминал один из немногих энергичных губернаторов. – ...Большинство губернаторов... буквально утопали в мелочах, заваливали себя горами совершенно ничтожных дел и бумаг...» [Друцкой-Соколинский 2010, с. 89]. Страх за «место» парализовал способность к государственному мышлению. Это обернулось снабженческой неразберихой. Уполномоченные по закупке хлеба для армии вынуждены были конкурировать не только друг с другом, но и с представителями армии, сельской продовольственной части МВД, агентами земств и городов из потребляющих губерний [Мацузато, Ярцев, Абрамов 2001, с. 153, 178]. Однако главная причина неурядиц заключалась в растущем непонимании властью хозяйственной мотивации основной массы хлебопроизводителей – крестьян.

Министр финансов П.Л. Барк, осторожный, сугубо лояльный человек, известный своей угодливостью перед всеми ведомствами [Покровский 2015, с. 133], больше всего гордился тем, что смог возместить бюджетные недопоступления, вызванные «сухим законом». Д. Ллойд Джордж, якобы, высказал ему свое «восхищение»: «Одним росчерком пера Россия в начале войны необычайно увеличила свои ресурсы... Благодаря этому она увеличила свою продуктивность на 30 и даже на 50 %... Каковы бы ни были разрушения в стране в связи с войною, Россия более чем предупредила урон от них актом национального героизма и жертвенности» [Ллойд Джордж

2003, с. 75]. Демократические правители всегда завидуют возможностям автократов. Однако в самой России запрет спиртного породил сомнения. «Как обходиться без водки в сырую и холодную погоду и как без спирта в лазаретах?.. – такие комментарии встречались в частной переписке в ноябре 1914 г. – Я как-то особенно не верю теперешнему министру финансов. От него пока толка не было видно, а в винном, кроме бестолочи, ничего не вижу»¹⁷⁰. Недовольство Барком в обществе усиливалось [Представительные учреждения... 2014, с. 402–403, 452, 457, 465]¹⁷¹.

Внутри Совета министров скрытую оппозицию Барку представлял скептический пессимист Кривошеин. В сентябре 1915 г. в ответ на «ложную» информацию «германофильских» газет о том, что «Россия накануне полного банкротства», Кривошеин согласился: «Что же тут ложного – это чистая правда». Барку это не понравилось, но возражать он не стал [Совет министров... 1999, с. 224].

Проблема алкоголизации населения уже давно сделалась мировой – отсюда использование ее в пропаганде и контрпропаганде. Так, немцы связывали с российским пьянством будущую «дезорганизацию русских рядов алкогольным ядом». Не удивительно, что член Думы крестьянин М.Д. Челышев (по мнению В.Н. Коковцова, «полупомешанный человек, преследуемый навязчивыми идеями»), восторженно отзывался о царском рескрипте. Казалось, даже вечно оппозиционные кадеты были довольны. Однако Барк, в конечном счете, признал что, «энтузиазм, вызванный императорским указом, постепенно охлаждался», а с другой стороны, в России возникло «общее беспокойство на денежном рынке». Действительно, для оплаты зарубежных заказов приходилось прибегать к займам не на самых выгодных условиях. Так, появились опасения, что требование Англии о высылке ей золота в залог военных поставок «колеблет фундамент» денежного обращения в России [Барк 2017, с. 178, 180–186, 206, 309].

На деле опасность таилась в другом – в привычке к поддержке извне. Многие торгово-промышленные начинания в России издавна были связаны с иностранцами. В общем, их присутствие создавало модернизационный эффект. Формально в основу российского законодательства был положен принцип равноправия предпринимательской деятельности. Немногочисленные ограничения затронули лишь права иностранцев в приграничных районах страны [Розенберг 1915, с. 2]. Ограничительные акты поначалу сводились к установлению имущественных ограничений и правительственного контроля. С 1915 г. российское правительство приступило к ликвидационным мерам.

Далеко не все представители общественности поддерживали эти меры. Так, октябристский «Голос Москвы» отмечал, что избавление от немецких «плевел» не решает проблемы спасения экономики: «бедность массы населения и вследствие этого маленькая емкость внутреннего рынка не допускают развития нашей промышленности...». Кадетское «Современное слово» отмечало, что прежде русским производителям следовало бы «заимствовать у немецких производителей соответствующее качество продукции» и «спо-

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1959.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1740; Д. 1070. Л. 14.

способность приноровиться к потребностям покупателей», а также научиться довольствоваться низкой прибылью и систематически развивать производство. В органах печати опровергался миф о засилье немецкого капитала. Так, «Петроградский курьер» утверждал, что из всех капиталов иностранных обществ в России французские составляли 308 млн руб., бельгийские – 230 млн, английские 201 млн, а немецкие – всего 143 млн руб. Писали и о том, что роль германского капитала в экономике России неуклонно снижалась [Морозова, Назарова 2015, с. 144–145]. (По другим данным, французские капиталы, вложенные в российскую промышленность, составляли 731, 7 млн руб., английские – 507,5 млн, бельгийские – 321, 6 млн, а германские – лишь 441, 5 млн руб. При этом последние распределялись по отраслям равномерно, то есть не создавали угрозы монополизации [Оль, с. 10, 42, 71, 100]). В связи с этим, следовало бы думать не об избавлении от конкурентов, а о модернизации промышленности – хотя бы по германскому образцу. Сомнительно, однако, что над этим задумывались российские промышленные «патриоты».

В начале сентября 1914 г. к А.И. Шингареву обратился крестьянин из Вятской губернии А.И. Снегирев. Его мнение о перспективах народного хозяйства весьма показательно. Снегирев видел решение проблемы в том, чтобы «обложить налогом все неоседлое человечество России», включая крестьян, «которые отклонились от хлебопашества, а сдают свои наделы соседям», а также тех, «которые продают свои наделы за бесценок и отправляются свободными на все стороны». «Только не отягощайте хлебопашца, – взывал он. – Тогда губительный яд для человеческого благосостояния исчезнет, миллионы пудов хлеба останутся в народе, усилится скотоводство и вся культура»¹⁷².

Однако ни власть, ни общественность не были готовы к введению прогрессивного налогообложения. Результат налоговой политики выглядел крахоборческим. В 1915 г. в казну было передано более 500 млн руб. налоговых сборов, в 1916 г. – 725 млн. В проекте бюджета на 1917 г. налоги должны были составить 53 % государственных доходов, тогда как в довоенном 1913 г. доля их не превышала 35 %. В 1917 г. за счет налогов на военную прибыль предполагалось собрать всего 55 млн руб. [Китанина 1985, с. 19–20]. Позднее А.И. Шингарев отмечал, что финансовую «дыру» от «сухого закона» правительство пыталось заткнуть «разными способами – повысили налоги на капитал, промысел, косвенные налоги; повышена была провозная плата, пассажирский тариф, введен был налог на хлопок и пр.» Удалось заполнить эту дыру только в начале третьего года войны [Шингарев 1917, с. 5]. За неповоротливостью системы стояли ведомственные интересы. Обращения предпринимательских организаций о возврате мобилизованных рабочих и специалистов на предприятия увязли в бюрократических согласованиях¹⁷³. Власти считали, что они могут быть возвращены лишь в случае, когда будет доказана невозможность их отсутствия на производстве. Что касается лиц в офицерских чинах, то их возвращение полностью исклю-

¹⁷² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1412.

¹⁷³ Во Франции также в начале войны поспешно мобилизовывались даже рабочие оружейных и патронных заводов. Однако к маю 1915 г. часть из них была возвращена на производство [Шаров, с. 91, 101].

чалось. «Все протесты Главного Артиллерийского Управления, – писал его начальник А.А. Маниковский, – оставались без внимания» [Маниковский 1937, с. 116].

Таким образом, уже в первый год войны сказались слабость финансовой политики, народнохозяйственного планирования, регулирования производства и распределения продукции. Возникли дополнительные трудности с инфраструктурой, обеспечением организации грузоперевозок. К этому добавилось обострение топливного и металлического «голода». Оперативно исправить положение не удавалось. В результате последовали резкие заявления со стороны левых: «Война реально вскрыла в яркой форме несостоятельность настоящих экономических отношений и резко подчеркнула необходимость и историческую неизбежность новых основ в экономической жизни» [Милютин 1914, с. 22].

Однако никакое обновление становилось невозможным. Российская управленческая система была настроена таким образом, что хозяйственные трудности вызывали чисто бюрократическую реакцию: появление очередного особого совещания или комиссии. Так, по настоянию Штюмера 22 марта 1916 г. была образована Особая финансово-экономическая комиссия. Как и следовало ожидать, она оказалась громоздкой, причем из 24 ее членов 16 представляли ведомства¹⁷⁴. Для начала был выработан перечень вопросов, требующих оперативного ответа. А в итоге члены комиссии составили ряд записок о переходе народного хозяйства к работе в условиях мирного времени. При этом представители Сельскохозяйственной палаты вдруг обнаружили панический страх за возможность прекращения после войны хлебного экспорта в Германию. Со своей стороны, Риттих составил записку о казенном лесном управлении после войны. Поразительно легкомысленно члены комиссии были настроены относительно итогов войны: такие люди, как В.И. Тимирязев, Н.Ф. фон Дитмар, не говоря уже про Н.Е. Маркова, исходили из того, что скоро будет взят Берлин и захвачены в Германии все промышленное оборудование и производственные запасы [Покровский 2015, с. 161].

Х Х Х

Высокие темпы развития экономики не гарантируют устойчивого существования государства. В довоенное время случалось, что внедрение новых технологий на казенных заводах дезорганизовывало производство. Все дело в гуманитарной органичности хозяйственного развития, что должно сознаваться на государственном уровне. Всякие перекосы в «недоразвитой» экономике чреваты серьезными социальными последствиями.

Следовало бы вдохновляться не предреволюционным состоянием экономики «в целом», а задуматься над последствиями угасания ее гра-

¹⁷⁴ От Государственного совета вошли 4 выборных члена и 5 по назначению. Государственная дума дала трех октябристов (А.Д. Протопопова, Б.Н. Каразина и Г.И. Фирсова), двух националистов (Н.А. Жилина и К.Е. Сувчинского), члена партии центра А.Г. Ратькова-Рожнова, правого Н.Е. Маркова и кадета Шингарева. Затем были выбраны их заместители. Кроме того, были приглашены и другие лица с правом совещательного голоса, в том числе профессора П.И. Георгиевский, П.П. Мигулин, П.Б. Струве, И.М. Гольдштейн [Покровский 2015, с. 155].

жданского сектора. Война угрожала с трудом достигнутому уровню жизни, делая бесполезными заработанные деньги. В ходе войны экономике приходится решать принципиально новые задачи. Внешне народное хозяйство России выглядело предельно милитаризованным: согласно некоторым подсчетам, 70,5 % фабрично-заводских предприятий были заняты выполнением военных заказов (в Германии 61,1 %, Франции – 57, Австро-Венгрии – 50, Великобритании – 46 %) [Степанов 2000, с. 120]. Основу военной промышленности составляли крупные казенные заводы (принадлежащие, однако, различным ведомствам). Всем этим предстояло управлять по-новому.

Между тем, существовало несколько специфических аспектов народнохозяйственной проблемы. Активное участие государства в экономическом строительстве приводило к тому, что частная производственная активность оставалась довольно низкой, а посредническая, напротив, непомерно высокой. Отсюда же и распространение nepотизма и коррупции [Гиндин 2007, с. 88]. С другой стороны, в промышленности непропорционально значительное место занимал либо иностранный и «нерусский» [Ананьич 1991], либо старообрядческий капитал [Керов 2004] – органичного встраивания буржуазно-рыночных отношений в «православное» социокультурное пространство не получалось. Между тем, в верхах существовало убеждение: экономика, чьими руками она бы не создавалась, должна быть *государственной*. За этими пределами оставалась сфера *самообслуживания* населения с целью поддержания его жизнедеятельности, направленной также на благо *государства*. В общем, говорить о российской экономике, как о естественно сбалансированной системе, не приходится, хотя исследователи словно не замечают этого.

Ход хозяйственных успехов, в свою очередь, зависел от трудовой этики основной массы населения. Затянувшееся крепостничество, с одной стороны, привычка к общинной обособленности, с другой, чрезмерная этатизация общественной жизни, с третьей, консервировали пассивный, малоинициативный и в то же время «вечно недовольный» социальный тип. Охранительная система сдерживала и подавляла хозяйственную инициативу. Российское население склонялось скорее к «консервативно-самозащитному» (общинно-замкнутому), нежели к инновационному типу самостоятельности.

Самодержавие – этот «локомотив» предыдущей российской истории – оставалось допотопным управленческим механизмом. Тем не менее, в прессе встречались горделивые заявления: такого военного бюджета, как российский, не имеет ни одно государство в мире¹⁷⁵. Казалось, высокие темпы роста экономики позволят удовлетворять запросы фронта. Между тем, в условиях войны сразу же заявила о себе «диспропорция в развитии военной и прочей тяжелой промышленности», что «неизбежно должно было повлечь за собой общее сокращение всей тяжелой промышленности» [Кафенгауз 1994, с. 208].

¹⁷⁵ Утро России. 1914. 16 января.

Так или иначе, тотальная война требовала *качественного* обновления экономики для удовлетворения лавинообразно растущих потребностей фронта.

Считалось, что перед войной экономика России была пятой в мире. Впечатляли темпы ее роста, предметом особой гордости было железнодорожное строительство. Впрочем, доля России в мировом ВВП по самым оптимистическим подсчетам составляла лишь 8,5 % [Российская империя... 2021, с. 459]. Это было немного, учитывая и численность населения, и территорию империи.

По общей протяженности железных дорог Россия занимала второе место в мире, уступая лишь США. Правда, в европейской части на 100 кв. км приходилось лишь 1,1 км железных дорог, тогда как во Франции 9,4 км, в Германии – 11,9, Великобритании – 12,1 км. Темпы строительства дорог неуклонно снижались: в 1905–1909 гг. построено 6 160 верст, в 1910–1914 г. – 3 466 верст [Россия в годы Первой мировой войны 2014, с. 339–340]. В свое время «железнодорожные гарантии», предоставляемые правительством, приводили к характерным порокам: «плохо сооруженная дорога, колоссальные хищения при сооружении, неумелая хищническая эксплуатация, огромные приплаты казны по гарантии плохого хозяйничания частных обществ» [Мигулин 1910, с. 266]. К тому же, ход строительства дорог не был состыкован с наращиванием производственных мощностей. Получалось, что государство скорее стремилось получить максимум прибыли от дорог, нежели модернизировать транспортную сеть.

Накануне войны звучали предостережения: дороги работают с крайним напряжением, возможна «угроза в виде острого недостатка в топливе» [Кафенгауз 1994, с. 173, 175]. К 1914 г. паровозный парк насчитывал 18 695 паровозов, в том числе 3 550 пассажирских, причём устаревших [Данилов 1922, с. 59]¹⁷⁶. Существовала еще одна проблема, которая не могла не сказаться в будущей войне. Еще в 1908 г. М.В. Алексеев, тогда обер-квартирмейстер ГУГШ, подготовил записку «Об инженерной подготовке будущего театра военных действий», в которой отметил, что со стороны России к западной границе выходило лишь 13 железнодорожных линий с 18 колеями, тогда как со стороны Германия, Австро-Венгрия и Румынии – 32 линии с 36 колеями. Соответственно, пропускная способность российских дорог составляла 106 пар поездов в сутки, западных стран – 530 пар [Сидоров, 1948, с. 13]. Тем не менее, предложения МПС о реконструкции железных дорог не получили поддержки ни в правительстве, ни в Думе, ни в Госсовете [Сенин 2009, с. 72].

К этому добавлялись технологические трудности. Генерал С.А. Ронжин указывал на малую скорость движения поездов: средний суточный пробег их в 300 верст был вдвое меньше, чем во Франции. Дело в том, что «товарный парк не имел автоматических тормозов и воинские поезда не могли развивать больших скоростей ввиду небезопасности такого движения» [Сенин 2013, с. 106]. В случае войны сказалась бы и нехватка вагонов: в Дума сочли, что ассигнования на увеличение их производства не оправданы [Рос-

¹⁷⁶ Перед войной отечественные инженеры создали несколько перспективных моделей паровозов, однако они медленно вводились в эксплуатацию. Основу локомотивного парка составляли паровозы серии О, именуемые «Овечкой». Всего на дорогах было задействовано 17 типов паровозов, что осложняло эксплуатацию и ремонт паровозного парка. См.: [Авдонин 2011, с. 35–38].

сия в годы Первой мировой войны 2014, с. 342–343]. Подобные «мелочи» складывались в большие проблемы.

Все предвоенные российские «успехи» достигались за счет *экстенсивного* типа хозяйствования, периодически подстегиваемого монаршим волюнтаризмом или неожиданным бумом в тех или иных областях. Вместо совершенствования достигнутого, отдавалось предпочтение технологическим заимствованиям [Булдаков 2007, Булдаков 2015]. Между тем, успех «трансферта технологий» связан с культурно-организационной подготовленностью социальной среды. В общем, империя достигла пика своего могущества с непростым социокультурным наследием.

Системная причина российского «застоя» состояла в том, что правящая бюрократия в соответствии с духом самодержавия исходила из психологии *стабильности*, а не развития. Ментальность российских верхов оставалась, как во времена крепостничества, не *производящей*, а *потребляющей*. И.Х. Озеров не раз приводил примеры хозяйственных нелепостей. Поскольку около половины российского импорта в 1913 г. приходилось на Германию, получалось, что российские деньги «питали германскую промышленность, то есть вооружали ее [Озеров 1915, с. 329, 332].

В либеральной прессе рисовали, вроде бы, не столь тревожную картину. Отмечалось, что Россия ввозит относительно немного: всего на 1,2 млн руб. Но при этом на первом месте стоял ввоз из Германии, занимая 48 % всего импорта [Шингарев 1916, с. 353]. Между тем Великобритания ввозила товаров на 6,6 млн руб., Германия – на 5,2 млн, Франция – на 3,4, Австро-Венгрия – на 1,4 млн руб. Получалось, что наиболее импортозависимыми оказываются наиболее развитые экономики. Отмечалось также, что ввозимые сталь, железо, медь могут вырабатываться в России, труднее обстоит дело с цинком и свинцом, хотя запасы соответствующих руд в России имеются. Из Англии и Голландии приходилось ввозить олово, которое в России не добывалось. А в целом предметы ввоза, без которых невозможно было обойтись, составляли лишь 523 млн руб. Из них на машины, химические препараты приходилось 237 млн; на уголь, хлопок, удобрения, олово, каучук – 253,5 млн¹⁷⁷.

Инженер-электрик Э.О. Бухгейм утверждал, что в России царит «вакханалия импорта» [Бухгейм 1915, с. 29]. Так, «Урал на мировой рынок выбрасывает около 95 % всей платины, которая целиком в сыром виде вывозится за границу (это производство находилось под контролем французского и бельгийского капитала. – *В.Б.*), откуда нам и диктуют цены на очищенную уже платину», – отмечал он. Он приводил свидетельства специалистов, видевших в Германии «роскошно оборудованные фармакохимические заводы-дворцы, построенные, по заявлению самих немцев, наполовину на русские деньги» [Бухгейм 1915, с. 26, 27]¹⁷⁸. Позднее правая печать стала уверять, что

¹⁷⁷ Северные записки. 1914. Август–сентябрь. С. 74–83.

¹⁷⁸ Еще в 1908 г. было предложено создать «Союз платинопромышленников» и построить на Урале завод по очистке сырой платины. В декабре 1915 г. в Особом совещании по обороне предлагались планы монополизации всей платиновой промышленности [Журналы Особого совещания по обороне... Т. 1. С. 480–484]. Однако, по заключению министерства торговли и промышленности это повлечет за собой серьезные убытки [Торгово-промышленный вестник. 1916. № 2. Февраль. С. 9]. В 1914 г. было разрешено строительство завода по переработке платины, который начал работать в 1916 г. [Бессолицына 2020, с. 147].

практически все достижения немцев – результат заимствований, а то и откровенно «воровства» новейших технологий и изобретений¹⁷⁹. Начальник ГАУ А.А. Маниковский считал, что становление немецкой военной промышленности осуществлялось на русские деньги [Маниковский 1920, с. 237].

А.И. Гучков 28 августа 1914 г. уверял А.В. Кривошеина, что «основные наши недочеты – бездарность многих вождей, техническая отсталость (главным образом – в артиллерийском отношении) и, наконец, отсутствие стройной и правильной организации» [А.В. Кривошеин... 1994, с. 45]. Гучков был склонен к преувеличениям – особенно по части критики начальства. Но в данном случае он не особенно сгущал краски – нечто подобное отмечали и другие. В частной переписке отмечали, что «наша администрация находится в состоянии какого-то умственного оцепенения, недомыслия и непонимания государственных интересов». При этом выражалась довольно странная надежда на то, что «авось немцы своими безобразиями расшевелят скованную администрацией Россию и заставят продуктивно работать на пользу России». Впрочем, за этими оценками скрывался «оптимизм висельника»: «На администрации долго будет тяготеть ненависть народная, ибо она не способствует росту родины, а лишь верными шагами подкапывается под устои. Народ все это оценит по достоинству»¹⁸⁰.

В первые военные месяцы почти все предприятия, за исключением небольшой группы казенных и крупных частных заводов, уже работавших по оборонным заказам, сократили выпуск продукции. Общий объем промышленного производства снизился на 19%. Правда, наиболее значительным было падение в легкой промышленности (в текстильной – 26%, во второстепенных производствах – до 30%), но это не могло со временем не отразиться на других отраслях. В целом, фабричная инспекция зарегистрировала закрытие 457 заведений, главным образом средних и мелких [Сидоров 1973, с. 336]. Несколько смягчило ситуацию наличие на предприятиях довоенных запасов сырья, топлива, материалов, полуфабрикатов и готовых товаров. Сказались и хорошие урожаи технических культур в 1914 и 1915 гг. (хлопка, льна, масличных семян, табака, свеклы). Все это позволило поддержать производство и оттянуть наступление кризиса.

Война требовала от воюющих стран предельной концентрации производственных мощностей, производительных сил и ресурсов. Наиболее преуспела в этом Германия, где была выстроена трехчленная система военно-мобилизационного управления. Так, снабжением фронта занималось «военное ведомство» (Kriegsamt), обладавшее правом подчинять хозяйственную жизнь военно-акционерным обществам, комитетам и бюро. Особое «военно-продовольственное ведомство» (Kriegsernährungsamt) распоряжалось сельским хозяйством и продовольственным снабжением. Регулирование потребления через карточную систему, а также распределение топлива осуществляло «имперское экономическое ведомство» (Reichswirtschaftsamt) [Майский 1925, стб. 209]. Общий уровень регламентации общественно-производственной жизни был чрезвычайно вы-

¹⁷⁹ Новое время. 1915. 9 апреля.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 175–175 об.

сок¹⁸¹. В России об этом знали и даже предлагали копировать [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013. С. 240, 490]. Но это было невозможно – прежде всего, в силу низкого уровня гражданской солидарности и социальной дисциплины.

В организации использования ресурсов российское правительство негласно последовало по пути своего основного противника – Германии. Вальтер Ратенау, которого считали творцом германской индустрии, считал, что «нынешняя война в большей степени, чем всякая предыдущая, является войной материалов». По его мнению, «человеческий фактор» обеспечивал «лишь половину войны», которая требовала «до 200 различных продуктов, относящихся к категории сырья» [Майский 1916, с. 184]. Под его руководством была взята под контроль вся сырьевая отрасль народного хозяйства империи [Мак-Нил 2008, с. 373–374]. Дело дошло до реквизиции кожи, металлов, резины. Вместе с тем, практиковалось государственное поощрение изобретательской деятельности; строились новые заводы при условии принятия на себя их владельцами определенных обязательств перед государством; произошло подобие революции на транспорте. По сути дела, государство выступило в роли основного потребителя, предписывая производителю условия труда, выбор сырья, и цены на него и готовые изделия, не затрагивая при этом прибыль. В результате, в то время как дивиденды по промышленности в целом упали, по военно-стратегическим областям они, напротив, возросли. Так, объем капиталовложений в машиностроительную промышленность увеличился с 13,9 % в 1914 г. до 24,6 % в 1916 г., а в химическую промышленность соответственно с 5,8 до 17,5 % [Бокарев 2009, с. 11]. Ничего подобного в России осуществить не смогли, хотя в Особом совещании по обороне говорили даже о желательности привлечения к оружейному производству ремесленников и кустарей [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 145].

Российская власть не заботилась об *экономическом* (как и прочем) просвещении народа. Население воспринималось как управляемая сверху *коллективная* величина. Не удивительно, что в период мобилизации власти поставили под ружье рабочих. Тем временем в Германии почти половина взрослых мужчин была освобождена от службы в армии. Во Франции в течение двух-трех первых месяцев войны были отозваны с фронта квалифицированные рабочие и инженерный состав. Усилиями министра вооружений социалиста А. Тома, выпускника *Ecole Normale*, удалось добиться сотрудничества промышленников и рабочих [Мак-Нил 2008, с. 272, 371]. В России этого так и не добились, хотя были предложения о создании института заводских старост. Более обстоятельно этот вопрос был рассмотрен лишь в декабре 1916 г.

С началом войны предпринимались попытки перенесения германского опыта на российскую почву. В июле 1914 г. был создан Распорядительный комитет по перевозкам, 23 июля 1914 г. возник Центральный комитет

¹⁸¹ В германской социал-демократической литературе отмечалось, что правительство прибегало к реквизиции кожи, металлов, резины. Дело доходило до прекращения частного автомобильного движения, и «революции транспортного и кредитного дела вследствие государственного вмешательства» [Экштейн 1917, с. 10].

по топливу, 4 сентября – Совещательный комитет по делам заготовления предметов и материалов, необходимых для армии и флота. Однако эти начинания оказались неудачными. В январе 1915 г. по предложению представителей военно-промышленных концернов во главе с Русско-Азиатским, Учетно-ссудным и Международным банками на закрытом совещании Совета съездов представителей промышленности и торговли обсуждался вопрос о перспективах усиления производства на частных заводах. 12 января 1915 г. Советом съездов была подана в правительство записка «О мерах по обеспечению своевременного выполнения заказов на оборону и обеспечения армии боевыми снарядами». Речь шла о привлечении представителей буржуазии к работе по распределению заказов на равных правах с чиновниками правительственного аппарата. Эту инициативу Совет министров не поддержал [Крупина 1969, с. 59–60].

В феврале 1915 г. В.В. Жуковский, выступая в собрании Императорского русского технического общества, посвященном памяти С.Ю. Витте, указал на колоссальное расхождение между «сферами русской интеллигенции и сферами русской практической жизни». Между тем, в годы войны необходимо было добиться «взаимодействия *капитала ума и капитала денег*» [Цит. по: Ананьич 1999, с. 102]. Вольно или невольно, Жуковский указал на главную помеху в развитии российских производительных сил – отсутствие во власти и элитах единства в понимании хозяйственного будущего страны. На 8-м съезде представителей промышленности и торговли он выразился еще более определенно. «Наша жизнь экономическая опередила наше законодательство... Является вопрос: что же нужно делать ввиду такого коренного несоответствия? Нужно ли... палить из кремневого ружья по новым явлениям, или же нужно для этих новых явлений придумать новые нормы и новые законы? Я полагаю, что мы, как промышленный класс, должны стоять на второй точке зрения» [Журналы 8-го очередного съезда... 1915, с. 34].

Предприниматели (главным образом столичная их часть) по-своему готовились к изменениям. В мае 1915 г. на 9-м съезде представителей промышленности и торговли председателем Совета съездов Н.С. Авдакова был озвучен план учреждения высшей экономической комиссии для обсуждения мер по развитию производительных сил страны. Едва ли он мог быть реализован. Еще в апреле в министры, прикидывая, разрешить или нет готовящийся съезд, считали, что собравшиеся «будут скрывать концы и себя обелять, кивая на правительство», в результате чего мероприятие выльется в «обычный митинг» [Совет министров... 1999, с. 128–129].

Предприниматели, однако, становились настойчивее. В конце лета на московской бирже под председательством П.П. Рябушинского обсуждались вопросы, связанные со спекуляцией бумажными ценностями и валютой. Предлагалось временно закрыть частные биржевые собрания – главные, как считалось, источники спекуляции. Большинство собрания, однако, высказалось против этой меры, указывая, что спекулянты перенесут свои собрания в другое место¹⁸². На деле предприниматели просто опасались ограничения своей деятельности. 15 декабря 1915 г. Финансовая комиссия Государствен-

¹⁸² Торгово-промышленный вестник. 1915. № 8. Август. С. 117.

ного совета высказалась за созыв «Особого совещания под председательством лица, назначенного высочайшей властью, с участием членов законодательных установлений, подлежащих министров, а также представителей науки и деятелей в области торговли, промышленности и сельского хозяйства» [Ананьич 1999, с. 108]. В общем, резонных предложений было предостаточно, но властные структуры упорно не доверяли «свокорыстным» промышленникам.

Так или иначе, власть подталкивалась к сотрудничеству с бизнесом. Но такое допускалось лишь на «совещательном» уровне, что оборачивалось раздражающей практикой «затыкания дыр». В сущности, сам Совет министров уже работал в такой манере. Когда в августе 1915 г. появились военно-регулирующие органы во главе с Особым совещанием по обороне, А.Ф. Керенский с думской трибуны назвал эту затею «нищетой государственного творчества». По его мнению, западные государства, давно встав на этот путь, привлекли гораздо больше представителей общественности и рабочих [Государственная дума 1915, стб. 303]. Едва ли можно было надеяться, на особую плодотворность сотрудничества Особого совещания с другим «совещательно-распределительным» органом – Военно-промышленным комитетом. Последний вряд ли смог бы оперативно предоставлять в Особое совещание нужную информацию [Журналы Особого совещания... Т. 3. 2013, с. 674–675]. Но планы выстраивания «совещательной иерархии» не прекращались. Так, в декабре 1915 г. в Особом совещании по обороне признали необходимым образование «Особого высшего органа, связанного с военным министерством, для обсуждения и разработки вопроса о мерах к наиболее полному приспособлению нашей промышленности к удовлетворению потребностей государственной обороны» [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 492]. Тупиковость ситуации министры вроде бы признавали. «Нужен не совещательный орган, – заявлял И.Г. Щегловитов, – а орган верховного управления вне ведомств», способный главенствовать над министрами. Его коллеги вроде бы соглашались, однако не представляли, как можно добиться этого [Совет министров... 1999, с. 170–171].

С помощью особых совещаний власть не столько объединилась с общественностью, сколько отвлекла думскую оппозицию от «политики», что было подмечено кадетами. Выяснилось также, что местные органы особых совещаний по обороне начинают действовать в ущерб ВПК. Так, видный деятель Московского областного ВПК С.С. Раецкий заявил, что «создался новый бюрократический ошейник для комитетов, какой-то институт губернаторов для мобилизации промышленности» [Лаверычев 1988. С. 127]. С другой стороны, беспомощность особых совещаний доходило до того, что в октябре 1915 г. предлагалось создать еще один – стоящий над ними – орган. На это кадеты возразили, что с юридической точки зрения «образование Совещания из делегатов Особых Совещаний не соответствует закону 17 августа сего года об Особых Совещаниях». Тогда было предложено ограничиться образованием «комиссии из 4 Особых Совещаний», но против этого возражал Н.Е. Марков. Тем не менее, идея «комиссии соединенного собрания четырех Особых Совещаний» не была оставлена [Журналы особого совещания... Т. 1. 2013, с. 338, 383, 388], хотя становилось очевидным,

что управлять экономикой совещательными усилиями бюрократии, специалистов, политиков и общественности в экстремальных условиях войны невозможно.

Так или иначе, российская экономика оказалась недостаточно подготовленной к быстрому переходу на масштабное производство военной продукции. При этом сказались особые обстоятельства. Так, армейское руководство настаивало на расширении и интенсификации действующих производств, а не на создании новых. Между тем, рост производства вооружений предъявил новые требования к смежным отраслям – топливной, металлургической, химической, машиностроительной, обозначил необходимость усиления пропускной способности железных дорог. Под «патриотичным» давлением предпринимательских кругов правительство решилось на более широкое привлечение к работе на оборону частной промышленности. Однако перепрофилирование последней требовало времени. В результате потенциал частных военно-промышленных предприятий в полной мере не использовался. Это, в свою очередь, вызывало недовольство местной буржуазии [Китанина 2003, с. 66].

К началу 1915 г. выяснилось, что, поскольку казенные предприятия не могут обеспечить высококвалифицированных специалистов должными окладами, участились случаи перехода их на частные заводы. В августе 1915 г. производством предметов артиллерийского снабжения занимались уже 138 предприятий, из них 131 частных [Маевский 1957, с. 43]. Военное ведомство и предпринимательские организации, стремясь сдержать текучесть рабочей силы, неоднократно предлагали различные проекты милитаризации труда. Проблема эта стала особенно актуальной с лета 1915 г. Но к этому времени заметно изменился контингент рабочих. Численно выросшая менее квалифицированная их часть, как обычно, уходила на сезонные сельскохозяйственные работы. Участились забастовки, причем, сверху последовала команда не публиковать сведения о них. В связи со стачками военный министр В.А. Сухомятин даже предлагал объявить казенные заводы воинскими частями, а их сотрудников – военными служащими [Европа и Россия... 2014, с. 139]. Однако, Особое совещание по обороне отвергало предлагаемые проекты на том основании, что в других воюющих странах подобная практика не применяется или используется очень осторожно. К тому же либералы утверждали, что милитаризация труда противоречит ст. 70 Основных Законов о воинской обязанности [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 240–242]. Совет министров, опасаясь недовольства пролетариата, чреватого остановками производства, также отклонял подобные предложения. Характерно, что министры были готовы к уступкам рабочим: высказывались за повышение расценок, за достойную зарплату [Совет министров 1999, 78, 300]. Но в законодательном порядке проблема укрепления дисциплины на производстве так и не была решена. Власти и предпринимательские союзы «решали» ее с помощью локаутов и отправки на фронт «бунтовщиков». Вряд ли подобные меры могли поднять эффективность производства; несомненно, однако, что рост напряженности в пролетарской среде они усиливали.

Некогда историки уделяли особое внимание так называемому государственно-монополистическому регулированию народного хозяйства. Вряд

ли такое было возможно осуществить с помощью бюрократии, с одной стороны, либеральной общественности – другой, то есть с помощью сил, откровенно борющимися друг с другом. Конечно, пока в обществе не иссяк патриотический порыв, можно было рассчитывать на некую согласованность в действиях. Но поскольку между властью и либеральной интеллигенцией разгорелась настоящая война за монополию на патриотизм, рассчитывать на устойчивое продвижение вперед в этом деле не приходилось.

X X X

Болевой точкой экономики оказался транспорт, причем наименее подготовленной к войне оказалась сеть грунтовых дорог [Россия в годы Первой мировой войны... 2014, с. 336–337]. С началом военных действий ситуация на железных дорогах не раз становилась критической. В 1912 г. в России производилось ежегодно 30 тыс. вагонов [Сидоров 1948, с. 8]. Но даже имевшиеся мощности не использовались. Так, МПС предполагало изготовить 16 700 товарных вагонов. Государственная дума разрешила заказать лишь 8 350 вагонов, мотивируя это тем, что объемы перевозок свидетельствуют о достаточном количестве вагонов на казенных железных дорогах. Стратегические соображения на случай войны не принимались [Россия в годы Первой мировой войны... 2014, с. 342–343].

Во время мобилизации было задействовано огромное количество подвижного состава. При этом из 32 тыс. вагонов пришлось выгрузить коммерческие грузы и, кроме того, задержать на станциях 28 тыс. загруженных вагонов. Всего в 1914 г. не было перевезено до 2 млрд пудов «гражданских» грузов. Тем не менее, на ряде направлений пропускные возможности дорог оказались исчерпанными [Россия в годы Первой мировой войны... 2014, с. 345]. Порой дороги оказывались настолько загруженными перевозкой военных грузов, что для расчистки путей порой приходилось сбрасывать под откос «гражданские» поезда. Для перевозок различного имущества, вооружения, боеприпасов на театр военных действий по состоянию на 1 января 1915 г. было задействовано 97 100 вагонов. Около 19 000 вагонов военные использовали как склады на колесах. К августу 1915 г. на фронтовых дорогах находилась почти половина подвижного состава страны: 8 тыс. паровозов и 218 тыс. вагонов [Сенин 2013, с. 98]. С точки зрения гражданских властей они использовались неэффективно. Особенно возмущались министры тем, что «гонят пустые вагоны, перевозят разный вздор». Так, говорили, что в тупике одной из станций был обнаружен «вагон с орудием, стоявший много недель», а тем временем сам Н.А. Данилов, начальник снабжения Северо-Западного фронта, «летает по всем путям в специальном поезде с дамами». Иной раз в качестве первоочередных грузов следовали «цветы живые, пиво, вода Кувака и пр.» [Совет министров... 1999, с. 103, 267, 274, 277, 286]¹⁸³. Дело было, однако, не в персональных прегрешениях и упущениях. Сказывались организационные слабости системы, отражавшиеся на поведении служащих всех уровней.

¹⁸³ Широко рекламируемая минеральная вода Кувака производилась в Пензенской губернии в одноименном имении дворцового коменданта В.Н. Воейкова.

В течение войны система управления транспортом не раз менялась. В августе 1915 г. М.В. Алексеев настаивал на «необходимости коренным образом реорганизовать управление железными дорогами театра войны, изъясв его из фронтов и сосредоточив в Управлении Начальника Военных Сообщений при Верховном главнокомандующем». Однако 16 ноября 1915 г. управляющий министерством путей сообщения А.Ф. Трепов решительно возразил против действий военных без согласования с его ведомством [Сенин 2013, с. 95]. В 1916 г. министр жаловался, что до войны «наша железнодорожная сеть... далеко не удовлетворяла и потребностям обычных перевозок мирного времени» [Сидоров 1948, с. 10]. Кое-что удалось исправить. В результате централизации управления дорогами в Ставке провозная способность на театры войны к 1917 г. увеличилась более чем на 100 % [Пути сообщения... 1919, с. 103–104, 110].

В тылу возникали свои неурядицы. В августе 1915 г., как сообщал анонимный автор, на подмосковных станциях скопилось более 10 тыс. вагонов [Москва... 2014, с. 167]. С.В. Рухлов объяснил это отсутствием складских помещений – «некуда сложить грузы» [Совет министров... 1999, с. 288]. Считалось, что такой результат – следствие «нелепой политики министерства путей сообщения, с одной стороны, трудностей в снабжении заводов центра страны и севера материалами и полуфабрикатами с юга» [Гриневецкий 2010, с. 20]. А тем временем поезда с «царскими» и «общественными» подарками для солдат пропускались в первую очередь [Войтоловский 1998, с. 100]. К тому же, министру «мешали» беженцы. Рухлов уверял, что 115 000 вагонов (из 320 000 наличных) были «заняты эвакуацией и беженцами»; на общие потребности страны остается ничтожное количество вагонов [Совет министров... 1999, с. 283]. В общем, ведомственное препирательство не прекращалось.

Впоследствии промышленники, добившись приравнивания железнодорожных заказов к военным, согласились увеличить производство паровозов и вагонов. Однако потребность в паровозах намного превысила возможности даже таких крупных частных заводов, как Путиловский, Сормовский, Коломенский, Брянский, Харьковский, которые были к тому же перегружены выполнением военных заказов. При этом предприниматели требовали гарантий, что будут обеспечены заказами в 1916–1918 гг. Итог обескураживал: в 1915 г. у них было заказано 3170 паровозов, 3430 пассажирских и 88959 товарных вагонов, а получено в 1914–1916 гг. лишь 2188 локомотивов, причем в 1916 г. поставки заметно снизились. Производство вагонов, достигнув в 1914–1915 гг. 32 тыс., затем упало до 21 тыс. Выпуск рельсов по всем 12 рельсопрокатным заводам составлял едва половину потребности [Лященко. Т. 2. 1952, с. 641–642].

Кризисные явления довольно скоро обнаружили в сфере поставок топлива и металлов. Особенно болезненно сказалась нехватка каменного угля [Кафенгауз 1994, с. 173–175]. Некоторое увеличение его добычи в Донском бассейне едва компенсировало потерю Домбровского каменноугольного бассейна. Рост добычи нефти и попытки перехода на более широкое использование торфа и дров также не решали проблему. Распределение топлива, а затем и металлов через правительственные регулирующие органы

также не приносили желаемых результатов – сказалось отсутствие общего плана экономической мобилизации [Россия в годы Первой мировой войны 2014, с. 272–273].

Большим местом стало кадровое обеспечение промышленности. Уже в первые месяцы войны стал остро ощутим недостаток квалифицированной рабочей силы. В результате торопливых и непродуманных массовых призывов в армию промышленность лишилась части кадровых рабочих и инженеров. А тем временем потребность в рабочей силе росла не только в связи с расширением, интенсификацией и усложнением производства на действовавших предприятиях, но и в связи со строительством новых заводов. Сказывался и отток иностранных специалистов.

По некоторым данным, в металлургической и железоделательной отраслях в 1913 г. среди инженеров иностранцы составляли 22%, среди специалистов со средним техническим образованием – 40% [Клаус 1926, с. 58]. Список чрезвычайных законов, затронувших интересы иностранного предпринимательства, насчитывал несколько десятков различных актов (некоторые из которых имели подзаконное – ведомственное – происхождение). Прежде всего, выделялись законы, ущемлявшие права неприятельских подданных на недвижимость. «Расширительное» их толкование, затрагивающее хозяйства колонистов, не могло не привести к падению производства товарного зерна. Распоряжения, касающиеся финансовой стороны деятельности частных предпринимателей и обществ, не могли не ударить по наиболее развитым отраслям экономики, приносящие немалый доход в казну. Что касается мелких узаконений, инициированных отдельными министерствами, то они могли трактоваться местными властями весьма произвольно – в том числе и под давлением «патриотичных» рабочих, недолюбливавших требовательных руководителей-иностранцев.

При этом фактически неиспользованным оставался многотысячный контингент рабочих эвакуированных и закрывшихся предприятий Польши, Прибалтики, прифронтовых губерний – многие из них не только не получили работы соответственно уровню своей квалификации, но и остались без работы вообще. Власти и промышленники осознавали необходимость скорейшего трудоустройства эвакуированных и безработных. Еще 4 августа 1914 г. на специальном заседании Совета съездов представителей промышленности и торговли было предложено собирать сведения о профессиональном составе безработных, а предпринимателям – подавать заявки на требуемых специалистов. Министерство путей сообщения обещало обеспечить рабочих-поляков бесплатным проездом к месту новой работы. Однако в прессе отмечали, что этот резерв так и не был использован как из-за обострения транспортных проблем, так и в связи с тем, что не удалось наладить административный механизм перемещения рабочей силы¹⁸⁴. Недостаточно использовались в народном хозяйстве, и беженцы [Совет министров... 1999, с. 333–334].

Военные успехи не облегчили хозяйственные проблемы. К примеру, Восточная Галиция располагала крупными запасами нефти, однако наладить

¹⁸⁴ Утро России. 1914. 5 августа.

работу единственного нефтеперерабатывающего завода в Дрогобыче так и не удалось. При отступлении местную промышленность и запасы нефти постарались уничтожить. Не удалось также наладить снабжение населения имеющимися в изобилии дровами, не были восстановлены табачные фабрики [Бахтурина 2000, с. 97–102].

Тем не менее, официальные инстанции старались демонстрировать оптимизм. Отмечалось, что даже «наметившаяся с весны 1915 года в неблагоприятную для нас сторону обстановка на театре военных действий... и наблюдавшиеся впоследствии затруднения в железнодорожных перевозках будут пережиты страной без губительных для ее будущего потрясений». Могло показаться, что правительство с легкостью справляется с возникающими трудностями: «даже повышение цен на жидкое топливо удалось приостановить» [Хозяйственная жизнь... 1916, с. 50, 51, 81]. Трудно сказать, чем был продиктован подобный «оптимизм» – привычной ведомственной показухой или психологией бездумного шапкозакидательства. На деле министры чувствовали себя беспомощными, а снабженцы пребывали в убеждении, что административный аппарат не отвечает нуждам войны¹⁸⁵. Некоторым чинам Ставки казалось, что все «катится в пропасть», остается надеяться на чудо¹⁸⁶.

В октябре 1915 г. последовала отставка А.В. Кривошеина и С.В. Рухлова. Первого считали карьеристом и «ретроградом» и даже подозревали в еврейском происхождении, второго – «черносотенцем», окончательно расстроившим железнодорожное хозяйство [Толстой 1997, с. 550, 680, Друцкой-Соколинский 2010, с. 126]. На отставку Рухлова, возможно, повлияло и то, что он уклонялся от сотрудничества с Особым совещанием по обороне и не смог обеспечить ускорение перевозок из Архангельска [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 40, 41, 53]. «Доколе путями сообщения заведует Рухлов и окружающие его немцы и жидаы, до тех пор русские нужды и интересы будут в загоне и жидовские гешефты будут процветать...» [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 198–199], – писали в сентябре 1915 г. из Царского села в Киев. По иронии судьбы Рухлов был в свое время председателем Всероссийского национального союза, а в 1915 г. – вдохновителем создания Отечественного патриотического союза [Кириянов 2001]. Тем не менее, императрица не жаловала его [Хейвуд 2013, с. 172]. Люди, разочаровавшись во власти, обычно избирают предметом ненависти ее отдельных носителей.

Трудности народного хозяйства усугублялись этнической подозрительностью. Так, в порядке борьбы с «немецким засильем» был установлен правительственный контроль над фирмой Вогау и К°, вынужденной, в свою очередь, отказаться от контроля над Московский учетным банком [Петров 2000, с. 168–175]. Судя по всему, фирма Вогау продолжила свою деятельность под чужими вывесками (так, в Сибири использовалось фирма «Караван») [Закупсбыт 1999, с. 75, 76]. Это открывало простор для аферистов. Так, контрольный пакет акций московского Юнкер-банка перекупил Д.Л. Рубинштейн – хозяин Русско-Французского банка, известный своей близостью к Распутину. Скупив перед войной массу необходимых для армии продуктов,

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 117.

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 532. Л. 86.

он через подставных лиц предлагал их военному ведомству [Петров 2011, с. 59]. В июле 1916 г. Рубинштейн был арестован по обвинению в финансовых махинациях в пользу неприятеля. Новым хозяином Юнкер-банка стал выходец из сибирского купечества Н.А. Второв. Банк, названный им Московским Промышленным, стал обслуживать интересы военно-промышленной группы, включавшей снарядные заводы, хлопчатобумажное производство, предприятия машиностроения и металлургии. Среди них был и основанный Второвым завод «Электросталь» – одно из первых предприятий такого рода в России [Россия в годы Первой мировой войны 2014, с. 395–396].

В этих условиях представители московского капитала возомнили себя новой элитой. Они были убеждены, что XX век станет для России веком расцвета рыночной экономики и демократического устройства [Петров 2002]. Однако правительство не доверяла предпринимателям, полагая, что они стремятся, прежде всего, к личной выгоде. Примечательно, что за П.П. Рябушинским было установлено постоянное наблюдение, причем филеры дали ему выразительную кличку «Кошелек». Не любили Рябушинского и в образованном обществе. «Самая бесцветная личность... тип современной акулы, как и все наши купцы, старающиеся и теперь лишь об одном – как бы нажить миллиончик на несчастье России» [Петров 2011, с. 140, 134], – считал известный издатель И.Д. Сытин.

В условиях войны оказалась «хлопотливой и трудно поддающейся регулировке» заготовка обуви¹⁸⁷. Признавалось, что спрос на нее сильно повысился, «быстро расходуется простой сапог [Хозяйственная жизнь... 1916, с. 50, 51, 81]. Уже в августе 1914 г. власти стали покупать сапоги у населения. На фронте нехватку обуви ощутили в ноябре – офицеры отмечали, что «солдаты разуты»¹⁸⁸. До отправки в действующую армию новобранцы порой носили собственную одежду и обувь. А на фронте некоторым из них приходилось передвигаться «с одной ногой, обутой в дырявый сапог, а с другой совершенно босой» [Толстой 1997, с. 582].

При этом сложилось представление, что у командования имеется запас сапог, но их не выдают [Пензенская губерния... 2014, с. 312]. Настоящий «сапожный кризис» разразился в декабре 1915 г. [Снесарев 2012, с. 74, 79; Толстой 1997, с. 577, 582]. Ситуация обострилась в связи с запретом некоторыми губернаторами вывоза кожи из губерний [Очерк деятельности... 1917, с. 19, 40].

Проблема была застарелой. «В армии нет сапог», – констатировали в Совете министров в декабре 1914 г. [Совет министров... 1999, с. 108]. В июле 1915 г. в связи с этим Особое совещание по обороне рекомендовало Всероссийскому земскому союзу закупать сырые кожи у частников, а на случай ожидаемого провала заготовок в России рекомендовалось «выдать Всероссийскому обществу кожевенных заводчиков беспроцентную ссуду в 5 миллионов рублей для выписки из Америки 100 000 сырых кож» [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 164, 167, 318]. Между тем, известен почти анекдотический случай: 11 вагонов с кожей, отправленных из Витебска в Москву, по дороге потерялись, а затем были найдены в Казани, Харькове,

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 92.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 755. Л. 15 об.

Таганроге и других городах. Целых 4 вагона нашли в Тифлисе [Очерк деятельности... 1917, с. 40–41]. А тем временем в прессе появилась карикатура: солдат стоит перед генералом в стоптанных сапогах, за спиной новые, и гордо отвечает: «Новые сапоги надену в Берлине»¹⁸⁹. На деле сметливые солдаты часто распродавали выданные сапоги, меняя их на поношенные, в расчете на получение очередной новой пары. Тем временем спекуляция кожами не прекращалась [Журналы Особого совещания... Т. 2. 2013, с. 641].

Перед войной Россия экспортировала невыделанную кожу. Теперь приходилось решать «сапожную проблему». М.В. Родзянко даже хотел созвать съезд представителей губернских управ, чтобы по просьбе Ставки наладить снабжение армии сапогами. Из МВД последовал отказ: вместо сапог земцы могут потребовать конституции [Родзянко 1990, с. 101–102]. В 1916 г. в Московском ВПК сапогами занимались два подразделения (из 24) – Комиссия по заготовке сапог для действующей армии и Сапожно-амуничный отдел, которые возглавлял С.П. Рябушинский [Кюнг 2012, с. 204, 206]. Однако «сапожный кризис» не был ликвидирован и к началу 1917 г. [Журналы Особого Совещания... Т. 3. 2013, с. 39]. Уже к ноябрю стало ясно, что решить проблему своими силами не удастся ввиду уменьшения поголовья скота [Журналы Особого Совещания... Т. 2. с. 612]. Кое-где солдатам приходилось надевать лапти [Бакулин 1999, с. 56–57, 61, 76, 95–96]. Тем смехотворнее выглядят контраргументация одного современного «исследователя»: русские солдаты «любили ходить босиком, потому что для них это было привычнее и удобнее», однако в литературе «иногда это трактовалось как признак нехватки обуви» [Российская империя... 2021, с. 718].

Устойчивая работа народнохозяйственного организма зависит от органичности взаимодействия всех его частей – производства и инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства, что в немалой степени связано со сбалансированным развитием частного и казенного секторов экономики, транспортной сети, а также экспорта и импорта. Любая «здоровая» экономика должна быть ориентирована на человека, включая его творческий потенциал. Это обеспечивает соответствующую «отдачу» снизу, что особенно важно во времена любого кризиса. В России достичь этого не удавалось. Существующая авторитарно-патерналистская парадигма властвования неслучайно оборачивалась своей самоубийственной стороной: людские претензии к организации хозяйства адресовались *государству*, не способного унять тех, кто, так или иначе, паразитировал на дезорганизации производства и потребления.

Незадолго до начала войны А.В. Кривошеин связывал грозящую России опасность с маргинализацией производительных сил империи. В условиях, когда пути старой системы начинали рваться, иначе быть не могло. Но этого не видели, как не замечали и других застарелых недугов российского хозяйственного организма. И имперская бюрократия, и творческие элиты, и общественность в целом различали лишь внешние хозяйственные успехи и неудачи. Ни о цене прогресса, ни о побочных его результатах не задумывались. Как результат, известный экономист М.И. Туган-Барановский утвер-

¹⁸⁹ Журнал «Война», Петроград. 1914. № 5. С. 1.

ждал, что российский народнохозяйственный организм «ни малейшим образом не разрушается войной (как это мы видим в Германии)». Правда, при этом он делал упор на то, что хозяйство крестьянина «не потрясено войной» [Туган-Барановский 1915, с. 464].

Действительно, архаика живуча. Но недооценивать нарастание негативных тенденций в экономике не следовало. Характерно, что будущий министр земледелия Временного правительства А.И. Шингарев утверждал, что «всего труднее и сложнее задача покрытия военных расходов» из всех воюющих стран оказалась для России [Шингарев 1916, с. 406]. Между тем, расходы на войну росли.

Критическая ситуация сложилась не только с обеспечением продовольствием столиц. Во второй половине ноября 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов в телеграмме министру земледелия А.А. Риттиху писал: «За недозовозом продуктов люди не получают ни сала, ни масла, ни каши при малом поступлении овощей. Почти единственной пищей служит жидкий картофельный суп; недостаточность, крайнее однообразие пищи действует угнетающе на людей...» [Сербин 2009, с. 31]. Конечно, Брусилов имел обыкновение драматизировать трудности. Другие тут же находили их конкретное «виновника». Так, философ В.Ф. Эрн публично заявлял, что «расстройство продовольствия в тылу устраивается по преднамеренному определенному плану нашими (российскими – *Авт.*) германофилами» [Богословский 2011, с. 250]. «Патриотическая» тревога вырождалась в этнофобскую паранойю.

Оказалось, что транспорт объективно не мог справиться с качественно новыми задачами. Требовалось тотальное увеличение пропускной способности дорог, особенно северных. Так, на участке Вологда – Петроград следовало пропускать не менее 1000 вагонов, однако дорога при максимальном ритме работы не могла обеспечить прохождение более 800 вагонов. До войны Архангельск с Вологдой связывала узкоколейная линия, рассчитанная на движение одной пары пассажирских и трех пар товарных поездов. Это позволяло перевозить в среднем 50 тыс. пудов в сутки. Между тем в военные годы основной поток грузов от союзников стал поступать в Архангельск. Уже в октябре 1914 г. в Совете министров констатировали, что «архангельский порт забит: разгрузка и движение железных дорог идут неправильно». Зимой к этому добавилась еще одна беда: отсутствие корма для лошадей [Совет министров... 1999, с. 82, 124]¹⁹⁰. К началу 1915 г. в порту скопилось 20 млн пудов угля, 4 млн пудов других грузов, 3 тыс. автомобилей. МПС пыталось решить проблему, используя смешанное железнодорожно-водное движение (от Архангельска по Северной Двине до Котласа и далее от Котласа к Вятке). В результате к апрелю 1915 г. вывозная способность этого участка пути достигла 170 вагонов в сутки. Однако и этого было недостаточно. Было решено построить новую линию к Белому морю от Петрограда. Это решение запоздало [Данилов 1922, с. 58].

Ажиотаж в области перевозок стимулировал различные виды злоупотреблений как отдельными лицами, так и целыми ведомствами. Власть не

¹⁹⁰ В результате рассмотрение вопроса было передано в так называемую Верховную следственную комиссию, занимавшуюся «делом Сухомлинова».

сразу поняла, что обстановка войны требует четкого регулирования транспортного сообщения. На деле порой следовали противоречащие друг другу распоряжения разных – чаще военных и гражданских – властей. Ведомственная несогласованность и конкуренция стали в полном смысле слова раздирать транспортную систему.

Экстремальные ситуации либо стимулируют силы обновления хозяйственного организма, либо приводят к его развалу. «Самой яркой особенностью военной промышленности [России] являлось то, что она устарела на десятки, а в иных случаях на сотни лет и действовала не на капиталистическом, а на полуфеодальных и феодальных основаниях», – отмечали исследователи [Шацилло 1992, с. 28]. В ведомствах этого не понимали. «Открытие... военных действий сопровождалось в области хозяйственной жизни самыми тревожными ожиданиями, связанными с прекращением внешних торговых сношений и расстройством путей сообщения», – отмечали чиновники. Однако эти опасения, уверяли они, оказались преувеличенными [Хозяйственная жизнь... 1916, III, IV]. Еще 4 ноября 1915 г. небезызвестный Н.Е. Марков в Особом совещании по обороне обвинил Генеральный штаб в том, что тот непредусмотрел ни масштабов нынешней войны, ни потребностей армии в необходимом имуществе. В ответ тогдашний помощник военного министра М.А. Беляев мог лишь сослаться на неожиданно разразившуюся войну, превращающую программу перевооружения армии [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 388].

Люди независимые подходили к вопросу по-другому. По мнению И.Х. Озерова, дело было не в бюрократии и пресловутых «немцах». «Мы увлеклись общими теориями, общими схемами, – считал он, – но не подходили к задачам времени конкретно, деловито». В результате «между фактами действительности и должными деяниями у нас стояла теория, абстракция, и эта последняя закрывала собой действительность». Отсюда печальный результат. «Надо сплотиться русскому обществу в целях экономического освобождения России, – считал Озеров. Позднее он писал: «Если бы поднялся Петр Великий в настоящее время, как горько было бы ему видеть... наш застой» [Озеров 1915, с. 311–312, 322, 326, 5].

Тем не менее, многим представлялось, что экстремальные военные условия сами по себе приведут к обновлению экономики. Достаточно избавиться от «главных зол нашей жизни: алкоголизма и иноземщины...»¹⁹¹. Отсюда масса пылких призывов к общественности. Известный кооператор В.Ф. Тотомианц убеждал: «Россия до войны была колонией Германии, а теперь имеет шансы освободиться и развиваться самостоятельно»¹⁹². Но этому мешал «внутренний колониализм». Как писал позднее П.Н. Милюков, правительство «могло послать в провинцию чиновников, но это были чужие стране люди, бюрократы, не привыкшие к живому делу, которое они неизменно портили и тормозили» [Милюков 1991, с. 400].

Ситуацию считал безнадежной не один Милюков. «...Всюду теперь поют о немецком засилье и требуют развития русской предприимчивости. Идиоты!» – возмущался некий П. Дюшен в письме из Москвы от 2 ноября

¹⁹¹ Вестник кинематографии. 1915. № 110 (8). С. 28.

¹⁹² Вестник сельского хозяйства. 1914. № 35. С. 16.

1914 г. «Какая же предприимчивость может у нас развиваться при таком правительственном насилии и такой политике?» – недоумевал он, напоминая, что бывшие образцы предприимчивости были «задушены»¹⁹³. Другие представители общественности привычно отмечали «воровство и недочеты» в среде армейских чиновников. И это возмущало настолько, что «офицеры делались революционерами» [Ильин 2016, с. 67–68, 80, 107, 124]. Действительно, последние порождались неэффективностью системы. П.Б. Струве заявлял, что «в многоголовных совещательных органах имеется вообще известная двойственность: их мнения и заключения для той высшей исполнительной власти, при которой состоят эти органы, отнюдь не обязательны...» [Струве 1916, с. 1]. Конечно, вряд ли было разумно ограничиваться противопоставлением «беспомощной» бюрократии «опытным» земцам, как это делали либералы. Система, с одной стороны, плодила ограниченность одних, верхоглядство других.

Как бы то ни было, в начале войны в экономическое прожектерство впали очень многие. «Уроки нашей экономической связи с Германией не могут для нас пройти даром, – писала либеральная газета. – Мы должны идти на экономическое сближение с Англией». При этом «вместо начал экономического подчинения должны быть выдвинуты начала искренней взаимности»¹⁹⁴. Неославянофильская газета предлагала свой рецепт экономического спасения: надо «перестать вывозить хлеб» и «наладить экспорт муки». Для этого следует создать «Лигу экономической независимости России», которая стала бы «связующим звеном между английскими фабрикантами и русскими торговцами»¹⁹⁵. Опыт подсказывал, что из этого вышла бы еще одна «говорильня».

Созданная в августе 1915 г. система Особых совещаний была призвана осуществить мобилизацию и перестройку экономики. Считалось, что «к середине 1915 г. катастрофа была налицо, власть была бессильна своими средствами найти выход из положения и, несмотря на свою ненависть к Государственной думе, к общественному мнению, оппозиционным партиям и организациям, решила сделать ставку на общественность [Букшпан 1929, с. 309]. Ведущая и координирующая роль отводилась Особому совещанию по обороне, включавшего в себя, помимо высших чиновников различных министерств, представителей деловых кругов, обеих законодательных палат, ЦВПК, Земгора. Формально его компетенция была весьма широка, включая вопросы не только снабжения армии вооружением и боеприпасами, но и обеспечения всех подведомственных ему предприятий рабочей силой, оборудованием, материалами, топливом, транспортом и т. д. Однако «Положение» не предоставило Совещанию по обороне достаточных полномочий в деле решения задач, относящихся к компетенции смежных совещаний по топливу, перевозкам, продовольствию и выдаче им соответствующих рекомендаций. Значительное место в его работе заняли дискуссии с явной доктринальной и политической подкладкой. Тем временем, по свидетельству М.В. Родзянко, по инициативе царя возник

¹⁹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1768.

¹⁹⁴ Русские ведомости. 1914. 7 октября.

¹⁹⁵ Новое звено. 1914. № 43. 18 октября. С. 5–6.

план создания «совещания пяти министров» для контроля над Особым совещанием [Родзянко 1990, с. 157].

Для мобилизации экономики требовалось нечто иное. Все более настоятельно требовалась реальная, а не ведомственная централизация руководства экономикой, особенно координация усилий военных и тыловых структур. Несмотря на внешне жесткую «властную вертикаль» (министры-председатели Особых совещаний, главноуправляющие специализированных комитетов, председатели районных совещаний, уполномоченные председателей Особых совещаний на предприятиях и т. д.), созданной системе были присущи незавершенность, противоречивость, несогласованность деятельности составлявших ее учреждений [Подробнее см.: Россия в годы Первой мировой войны 2014, 167–174]. Отдельные Особые совещания конфликтовали с министерствами. Так, Особое совещание по топливу не сошлось с МПС по крайне болезненному вопросу о суточном количестве вагонов для поставки нефти [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 496]. На местах в уполномоченные Совещаний привлекали к работе слишком пеструю публику – вплоть до жандармов [Букшпан 1929, с. 386]. Николаю II, возглавившему Ставку, не удалось ни объединить руководство фронтом и тылом, ни наладить координацию работы Совещаний.

Созданная система едва ли не с самого начала стала давать сбои, что обуславливалось недостаточной четким разграничением полномочий и сфер деятельности Особых совещаний, несовпадением ведомственных интересов, усугубленных министерскими амбициями. Обыватели иронизировали: «Наши “Осопроды”, “Осотопы”, “Осоперы” продолжают собираться и поставлять материал для своих журналов, которые, в отличие от юмористических, именуются “журналами совещания”...»¹⁹⁶. В частной переписке передавали слова кн. Кропоткина: «Нам надоели совещания... Нам страшны эти совещания... Если это создано для того, чтобы убедить каждую крестьянскую избу, что нет более в России разума, то тогда достигли цели... Сохраняя такую дезорганизацию, вы ведете народ к революции»¹⁹⁷.

Х Х Х

Как всегда, общественное недовольство постарались развернуть в сторону «поиска врага». «Нам предлагают бороться с немецким засильем, да еще во всех областях русской жизни, – заявил в 1915 г. с думской трибуны М.И. Скобелев. – Теперь, исчерпана тема засилья еврейского... нам преподносят новую теорию немецкого засилья. Не случайно она связана с вопросом о дороговизне... Но в ее основе – наша хозяйственная отсталость, а не чьи-то козни» [Соболев 2005, с. 101]. Несомненно, это было ясно многим политикам. Но «образом врага» продолжали пользоваться все.

Новая волна «борьбы с немецким засильем» поднялась в связи с назначением руководителем МВД А.Н. Хвостова. По его инициативе в ноябре 1915 г. было создано особое делопроизводство при Департаменте полиции. В феврале 1916 г. появилось Особое совещание об иностранных подданных

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 175.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1065. Л. 1599.

и выходах. Через месяц при Совете министров был образован Особый комитет по борьбе с немецким засильем. В январе 1916 г. началась разработка программы реорганизации административного управления в прибалтийских губерниях [Андреева 2008, с. 226–227]. Однако официальный патриотизм со временем обернулся против «немцев» в самой власти.

Борьба против немецкого засилья вызывала сопротивление со стороны хозяйственных кругов. В 1915 г. было закрыто или продано владельцами 1 361 «неприятельское» торговое предприятие в России. Между тем, поданным Центральным державам принадлежало 3 504 торговых предприятия, причем владельцами 1 665 из них были лица славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецкие подданные христианского происхождения. Помимо этого, капитал Центральным державам участвовал в финансировании 1 102 промышленных предприятий с годовым оборотом в 106 334 880 руб., на которых было занято 32 308 рабочих¹⁹⁸. Сомнительно, чтобы запретительные меры привели к «экономической независимости» России и активизировали работу на войну.

«Немецкий порядок», безусловно, дисциплинировал определенные секторы российского народного хозяйства. В связи с этим в обществе муссировались самокритичные и даже самоуничижительные суждения. Исследователи также отмечали заметный контраст в предпринимательской этике и хозяйственном поведении в России предпринимателей европейского и русского происхождения [Ананьич 1991, Боханов 1994]. В 1915 г. Н.Н. Пунин пребывал в убеждении, что «...мы не можем выиграть этой войны, мы совершенно не способны... к ровному, энергичному, ответственному труду» [Пунин 2000, с. 102]. Историк М.М. Веселовский связывал это с наследием «у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи» [Богословский 2011, с. 60–61]. Впрочем, и в правящих верхах, и в среде общественности предпринимателей вообще не любили.

Удивительно, как долго не только обыватели, но и многие общественные деятели и экономисты сохраняли иллюзии относительно незначительного влияния войны на русскую экономику. Перелом в общественном сознании произошел не ранее середины 1915 г. под влиянием военных неудач. Но это вылилось скорее в недовольство властью, нежели произвело отрезвляюще-мобилизующий эффект.

Итак, пагубность хозяйственной отсталости России стала очевидной. Но можно ли было преодолеть ее последствия административно-управленческими методами? В августе 1915 г. В.И. Вернадский полагал, что «выйти из войны без крушения можно лишь подъемом доступных производительных сил и усилением творческой и производительной работы населения» [Вернадского... 1981, с. 275]. К этому времени подобная перспектива казалась сомнительной.

¹⁹⁸ По другим подсчетам, германцы и австрийцы участвовали в финансировании примерно половины из 2 тыс. акционерных обществ, действовавших в России. В Германии полагали, что в 1904–1914 гг. немецкие вложения в российскую промышленность составили 146,8 млн марок в акционерной и 46,9 млн марок в облигационной форме. Кроме того, 344,1 млн марок было инвестировано в российские банки и 410,2 млн марок в железнодорожные облигации. Эти цифры гораздо меньше контрибуции в 6 млрд марок по так называемому «русско-германскому финансовому соглашению» от 27 августа 1918 г. [Дорожкин 2011, с. 374].

Российская экономика строилась на государственно-патерналистских, а не на рационально-организационных основаниях, требовавших совершенно иного типа трудовой этики и общественной солидарности. При этом империя была настолько расколота в культурном, сословно-социальном, хозяйственном отношении, что в экстремальной ситуации это не могло не обернуться разрывом коммуникативных связей. Будущее России каждый понимал по-своему, общественный диалог отсутствовал.

Тотальная война легко превращается в войну на истощение. Как ни парадоксально, богатая ресурсами Россия здесь проиграла. Впрочем, существовали и объективные причины: Россия уступала своим противникам по густоте железнодорожных линий почти в 10 раз [Сулейман 1927, с. 16]. Однако главная причина продовольственного коллапса заключалась в отсутствии понимания между властью и основной массой хлебопроизводителей – крестьянами. «...Дело снабжения находится в довольно хаотическом состоянии, а главное, что в одном деле – сотни распорядителей и безотчетных начальников» [Толстой 1997, с. 635], – такие впечатления вынес петроградский городской голова с заседания Верховного комитета по снабжению страны продовольствием. На местах сложилась пестрая сеть продовольственных органов: уполномоченные по закупке хлеба, местные совещания по продовольствию, порайонные контрольные комиссии для борьбы с дороговизной, самоуправления. Никакого общего плана в их работе не было. В результате снабжение оказывалось в руках перекупщиков и спекулянтов [Букшпан 1929, с. 387–388]. Во время отступления 1915 г. военные власти даже не задумывались о снабжении оставяемого населения. В сентябре в Совете министров отмечали, что в Витебской губернии «уничтожаются и вывозятся запасы хлеба, кроме месячного запаса» – кормить население будет некому и нечем. Говорили, что «жгут и истребляют мародерствующие войска» [Совет министров. ... 1999, с. 272]. Осуществляя тактику «выжженной земли», командование, вольно или невольно, развязывало разрушительные инстинкты солдат.

Бесхозяйственность, исходящая от власти, в особой степени подрывала трудовую этику народа. Потеря таких развитых регионов как Польша и часть Прибалтики, дававших 17,4% общероссийской промышленной продукции, усугубляла ситуацию. Правда, значительную часть производств удалось эвакуировать. Так, из Польши было вывезено 237 предприятий, из Риги – 395, из Вильны – 49 [Европа и Россия... 2014, с. 137, 138]. Пик производства вооружений в 1916 г. был достигнут без наиболее развитых по части машиностроения областей Российской империи.

В правительственных верхах панические настроения возникали постоянно. «Два правительства – дом сумасшедших», – заявлял А.В. Кривошеин в октябре 1914 г. по поводу нестыковок в политике Совета министром и Ставки. «Входим в сумасшедший дом», – повторял он в сентябре 1915 г. – «...Трагизм разновластия. Бедлам». «Анархия в экономической и правовой жизни страны», – вторил ему Н.Б. Щербатов. Через 10 дней он же отмечал «хаос на железных дорогах» и повсеместную опасность голодных бунтов, подчеркивая, что «бедствует не только столица, но и легион уездных городов». 2 декабря 1915 г. Кривошеин повторился: «Сплошное безумие, бед-

лам» [Совет министров... 1999, с. 85, 271–272, 277, 284]. К слову сказать, сам Щербатов отнюдь не отличался патриотической рачительностью. В мае 1916 г. на него, уже бывшего министра, жаловались крестьяне Полтавской губернии в письме к думскому трудовику А.Н. Русанову. Оказывается, принадлежавшая министру, но никому не нужная водяная мельница «запрудила луга, которые гниют, превращаются в болото». Крестьяне пытались протестовать, но по постановлению губернатора 22 «зачинщика» были посажены на 2 месяца в арестный дом [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 218]. Российские «радетели о благе народа» блюли свой имущественный интерес.

Известный правый публицист Л.А. Тихомиров записывал в дневнике 6 марта 1915 г.: «Губернаторы наиболее хлебных губерний воспретили вывоз. Если это продержится – Москве грозит голод. Я бы сказал, что они сошли с ума. Не берегут ли хлеб для заграницы? [Тихомиров 2008, с. 46]». Если такие мысли посещали сторонников режима, то что оставалось думать низам? Всякие ограничения в снабжении порождали волну спекуляции, и не только хлебом. Так, в июле 1915 г. А.Д. Протопопов сообщал А.В. Кривошеину, что «предметом отчаянной спекуляции» стала... отечественная овечья шерсть, необходимая для обмундирования армии [А.В. Кривошеин... 1994, с. 47]. Протопопов знал, что говорил: он был владельцем суконной фабрики. В октябре 1915 г. в Особом совещании по обороне было признано целесообразным образовать особую «анкетную комиссию» для выяснения возможности увеличения производства сукна [Журналы Особого совещания... Т. 1. 2013, с. 326].

В 1916 г. был опубликован доклад председателя Петроградской городской финансовой комиссии М.П. Федорова «Война и дороговизна жизни». Главной причиной последней (как и общей разрухи в торговле) было объявлено «*расстройство коммерческого движения на железных дорогах*» [Федоров 1916, с. 28, 61].

Генерал С.А. Ронжин, ведавший снабжением армии, полагал, что на железнодорожных перевозках крайне негативно сказывалось стремление верхов всякий раз оказать помощь союзникам, не задумываясь о ее последствиях для России¹⁹⁹. Впрочем, о «неблагодарных союзниках» говорили по любому случаю. Однако Н.Д. Крупенский, человек отнюдь не левых взглядов, позднее писал, что железнодорожное ведомство не выполнило своего долга перед отечеством «как по неведению, так и из-за колоссальных злоупотреблений, хищений и простых краж». Правда, он делал примечательную оговорку: «хребет железных дорог был польско-немецкий», а после очистки его от иностранного элемента «пошел общий развал»²⁰⁰. Так или иначе, причины неурядиц, конечно, носили системный, а не инспирируемый характер.

В России поиск «виновников» непременно доберется до власти. Сенатор И.С. Крашенинников, человек консервативный, в сентябре 1915 г. признавал: «Без частного вмешательства солдатам придется мерзнуть в окопах, раз мы дошли до такого безобразия, что без общества не можем даже обойтись в вопросах о снарядах... Потеряна последняя вера в наших главарей и на

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 160. Л. 46 об.

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 427. Л. 14.

войне и здесь внутри»²⁰¹. Получалось, что самодержавная власть бессильна без нелюбимых ею общественных организаций. Член левой группы Государственного совета С.Ф. Ольденбург также считал, что перебои с продовольствием в столице обусловлены нежеланием власти передать продовольственное дело в руки самоуправлений [Мичурин 2010, с. 289].

Исторически сложившаяся система могла активизироваться только при диктаторстве руководящего центра. При последнем российском императоре центр угасал. Как результат, ведомства стали работать вразнобой. В начале октября 1915 г. в верхах открыто признавали, что «каждое ведомство работает только для себя» [Толстой 1997, с. 678]. В итоге, все ринулись искать виновников. Однако звучали и более осмысленные заявления. В декабре 1916 г. Тюменская городская дума выступила с заявлением: «Лозунг “Все для войны, а потом внутреннее устройство страны”, принятый Государственной думой – лозунг неправильный, нужны внутренние реформы» [Чудаков 2013, с. 367].

Однако время для реформ уходило. К тому же многие уже не верили в самоуправленческие институты. В июле 1915 г. из Тамбова писали: «Городская дума в провинции – это сборище купцов-эксплуататоров и правых, т. е. покровителей немцев. Городская дума палец о палец не ударит для удешевления жизни, ибо это не в интересах купцов». При этом выражалась надежда на Государственную думу, которая смогла бы составить проект городского самоуправления на более разумных началах: чтобы ее члены стали «“отцами” города, а не грабителями»²⁰².

Так или иначе, те успехи российской «модернизации», которые восхитали недалеких современников, и которые не перестают впечатлять некоторых историков, были недостаточными для успешного ведения тотальной войны. Дело было не в количестве тех или иных видов валовой продукции. Модернизация, если подобный термин в принципе имеет право на существование, может означать только качественное совершенствование того человеческого «материала», который составляет единственное реальное богатство всякой уважающей себя державы. Система, которая не признает этого принципа, ожидает саморазрушение.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдонин 2011 – *Авдонин Е.В.* Господа инженеры. – Пенза: б/и, 2011. – 95 с.
 Алексеева 2007 – *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России. XVIII – начало XX в. – М.: РОССПЭН, 2007. – 366 с.
 Ананьич 1991 – *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России, 1861 – 1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. – 196 с.
 Ананьич 1999 – *Ананьич Б.В.* Российская буржуазия на пути к «культурному капитализму» // Россия и Первая мировая война. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 102–111.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1491.

²⁰² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 23 об.

Андреева 2008 – *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. – СПб.: Мирь, 2008. – 309 с.

Аничков 1998 – *Аничков В.П.* Екатеринбург-Владивосток (1917 – 1922). – М.: Русский путь, 1998. – 336 с.

Бакулин 1999 – Из дневников офицера русской армии Бакулина // Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны. Вып. 24. Кн. 3. – М.: б/и, 1999. – С. 41–122.

Барк 2017 – *Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов российской империи, 1914 – 1917. – М.: Кучково поле, 2017. Т. 2. – 547 с.

Бахтурина 2000 – *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. – М.: АИРО-XX, 2000. – 263 с.

Беляев 1999 – *Беляев С.Г.* Переговоры министра финансов П.Л. Барка в Париже и Лондоне в 1915 – 1916 г. // Россия и Первая мировая война. – СПб. Дмитрий Буланин, 1999. – С. 497–509.

Беляев 2002 – *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России, 1914–1917 гг. – СПб.: Диссертация... доктора исторических наук, 2002. – 619 с.

Бессолицын 2020 – *Бессолицын А.А.* Государство и съезды предпринимателей в России (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 326 с.

Блиох 1893 – *Блиох И.С.* Будущая война, ее экономические причины и последствия. – СПб.: Общественная польза, 1893. – 851 с.

Бовыкин 1988 – *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Наука, 1988. – 151 с.

Бовыкин 2001 – *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2001. – 318 с.

Бовыкин, Петров 1994 – *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерчески банки Российской империи. – М.: Перспектива, 1994. – 350 с.

Боголепов 1914 – *Боголепов М.И.* Война, финансы и народное хозяйство. – Пг.: Тип. ред. Период. Изд. М-ва финансов, 1914. – 58 с.

Богословский 2011 – *Богословский М.М.* Дневники. (1913 – 1919): Из собрания Государственного исторического музея. – М.: Время, 2011. – 797 с.

Бокарев 2009 – *Бокарев Ю.П.* Мобилизационная экономика России и Германии в годы Первой мировой войны // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. – С. 9–22.

Букшпан 1929 – *Букшпан Я.М.* Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914 – 1918 гг. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 541 с.

Букшпан 1929 – *Букшпан Я.М.* Мировая дороговизна. – Пг.: Вестник финансов, 1915. – 27 с.

Букшпан 2015 – *Булдаков В.П.* Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоём? // Вопросы философии. 2015. № 12. – С. 15–26.

Булдаков 2007 – *Булдаков В.П.* Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. – М.: РОССПЭН, 2007. – 204 с.

Булдаков 2013 – *Булдаков В.П.* Разрыв и преемственность в исторической судьбе советской государственности // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. – М.: ИРИ РАН; РАНХ, 2013. – С. 287–300.

Булдаков, Леонтьева 2015 – *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. – М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.

Бухгейм 1915 – *Бухгейм Э.О.* К экономическому освобождению России путем электрификации ее территории. – М.: Печатня С.П. Яковлева, 1915. – 32 с.

Вернадский 1981 – *Вернадский В.И.* Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – М.: Наука, 1981. – 349 с.

Войтоловский 1998 – *Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. – М.: Воениздат, 1998. – 430 с.

Воронов 1915 – *Воронов Л.Н.* Война и народное хозяйство. – М.: Комиссия по организации общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы, 1915. – 64 с.

Гиндин 1927 – *Гиндин И.Ф.* Банки и промышленность в России. К вопросу о финансовом капитале в России. Под ред. и с предисл. А.Е. Аксельрода. – М.; Л.: Промиздат, 1927. – 207 с.

Гиндин 2007 – *Гиндин И.Ф.* Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 2. – С. 64–93.

Гольдштейн 1915 – *Гольдштейн И.* Немецкое иго и освободительная война. Сборник статей по вопросам о войне и немецком засилье в русской торговле и промышленности. – М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1915. – 51 с.

Гриневецкий 2010 – *Гриневецкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. – М.: Инженер, 2010. – 102 с.

Громан 1915 – *Громан В.Г.* Дороговижна хлебных продуктов. – М.: Городская типография, 1915. – 16 с.

Данилов 1922 – *Данилов Н.А.* Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. – Пг.: Отдел военной литературы при РВСР, 1922. – 95 с.

Дорожкин 2011 – *Дорожкин А.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны в освещении германского журнала “Weltwirtschaftliches Archiv” (1917 г.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. – С. 372–379.

Друцкой-Соколинский 2010 – *Друцкой-Соколинский В.А., кн.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. – М.: Русский путь, 2010. – 317 с.

Европа и Россия 2014 – Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. – М.: Институт экономических стратегий, 2014. – С. 878.

Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. – Пг.: Тип. ред. период. изд. Министерства финансов, 1915. – 571 с.

Есиков 1998 – *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Тамбов: диссертация... доктора исторических наук, 1998. – 391 с.

Журналы Восьмого 1915 – Журналы Восьмого Очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 2, 3 и 4 мая в Петрограде. – Пг.: б/и, 1915. – 164 с.

Журналы Особого Совещания 2013 – Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. – М.: РОССПЭН, 2013. Т. 1. (Далее: Журналы особого совещания...) – 559 с.

Закупсбыт 1999 – Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923). – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. – 326 с.

Ильин 2016 – *Ильин И.С.* Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914 – 1920. – М.: Книжница: Русский путь, 2016. – 480 с.

Кафенгауз 1994 – *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в. – М.: Эпифания, 1994. – 845 с.

Каценеленбаум 1912 – *Каценеленбаум З.С.* Коммерческие банки и их торговые-комиссионные операции. – М.: «Правоведение» И.К. Голубева, 1912. – 162 с.

Каценеленбаум 1917 – *Каценеленбаум З.С.* Война и финансово-экономическое положение России. – М.: Культ.-просвет. бюро студентов Моск. коммерч. ин-та, 1917. – 80 с.

Керов 2004 – *Керов В.В.* «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М.: Экон-Информ, 2004. – 658 с.

Китанина 1969 – *Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914 – 1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. – 180 с.

Китанина 1985 – *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1985. – 384 с.

Китанина 2003 – *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне. 1914 – 1917 гг.: Экономика и экономическая политика. Ч. 1. – СПб.: Гуманитарная акад., 2003. – 348 с.

Клаус 1926 – *Клаус Р.* Война и народное хозяйство России. 1914 – 1917 гг. – М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 116 с.

Коковцов 1991 – *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. – М.: Современник, 1991. – 591 с.

Кривошеин 1994 – *Кривошеин А.В.* и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве // Русское прошлое: Logos. 1994. Кн. 5. – С. 40–56.

Крупина 1969 – *Крупина Т. д.* Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. – М., 1969. – С. 58–76.

Кюнг 2012 – *Кюнг П.А.* Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. – М.: РГГУ, 2012. – 237 с.

Лаверычев 1988 – *Лаверычев В.Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. – М.: Наука, 1988. – 335 с.

Ллойд 2003 – *Ллойд Джордж Д.* Речи, произнесенные во время войны. – Минск: Харвест, 2003. – 205 с.

Лященко 1952 – *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. – М.: Госолитиздат, 1952. – 735 с.

Маевский 1957 – *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Госполитиздат, 1957. – 391 с.

Майский 1916 – *Майский В.* Германия и война. – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. – 250 с.

Майский 1925 – *Майский И.М.* Германия эпохи мировой войны / Четырехлетняя война 1914 – 1918 г. и ее эпоха // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. Т. 47. Вып. 2. – М., 1925. – С. 186–271.

Мак-Нил 2008 – *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI – XX веках. – М.: Территория будущего, 2008. – 454 с.

Маниковский 1920 – *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1. – М.: Высший военно-революционный совет, 1920. – 123 с.

Маниковский 1937 – *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М.: Гос. воен. изд-во, 1937. – 718 с.

Маркевич, Харрисон 2013 – *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. Национальные доходы России в 1913 – 1928 г. – М.: Мысль, 2013. – 109 с.

Мацузато, Ярцев, Абрамов 2001 – *Мацузато К., Ярцев А.А., Абрамов В.Ф.* Земства во время Первой мировой войны. Политологический подход. Sarpogo, Slavic Research Center, 2001. – 198 с.

Мигулин 1907 – *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1906). Т. III. – Харьков: Печатное дело, 1907. – 1217 с.

- Мигулин 1910 – *Мигулин П.П.* Возрождение России. – Харьков: Печатник, 1910. – 500 с.
- Милюков 1991 – *Милюков П.Н.* Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
- Милютин 1914 – *Милютин В.* О влиянии войны на состояние рабочих сил в России. – М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1914. – 28 с.
- Михайлов 1917 – *Михайлов И.А.* Государственные доходы и расходы России во время войны. – Пг.: Б/и, 1917. – 164 с.
- Мичурин 2010 – *Мичурин А.Н.* Политическая борьба в Государственном Совете в годы Первой мировой войны. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2010. – 323 с.
- Морозова, Назарова 2015 – *Морозова Н.В., Назарова Т. п.* Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). – Волгоград: Волгоградский ГАУ 2015. – 335 с.
- Мошенский 2015 – *Мошенский С.З.* Между Лондоном и Парижем: рынок ценных бумаг индустриальной эпохи. – Hampton: Mindstir Media, 2015. – 777 с.
- Набоков 1921 – *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. – Стокгольм: Северные огни, 1921. – 282 с.
- Неопиханов 1924 – *Неопиханов А.А.* Русский транспорт и его планирование. Т. 1. – М.; Л.: Госиздательство, 1924. – 576 с.
- О влиянии войны 1916 – О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. – Пг.: Электротипография Н.Я. Стойковой. 1916. – 517 с.
- Озеров 1915 – *Озеров И.Х.* На новый путь! К экономическому освобождению России. – М.: Богуславский, 1915. – 336 с.
- Оль 1922 – *Оль П.В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России. – Пг.: Ин-т экон. исследований, 1922. – 304 с.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. – М.: РОСС-ПЭН, 2008. – 758 с.
- Островский 1999 – *Островский А.В.* Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914 – 1917 гг. // Россия и Первая мировая война. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 482–496.
- Очерк деятельности 1917 – Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год. Июль 1915 – июль 1916 г. – М.: Гор. тип., 1917. – 119 с.
- Павлович 1918 – *Павлович М.П.* Militarизм, маринизм, война 1914 – 1918 гг. – М.: Жизнь и знание, 1918. – 128 с.
- Пензенская губерния 2014 – Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. Кн. 1. – Прага: Sociosfera-CZ, 2014. – 542 с.
- Петербург 2001 – Петербург. История банков. – СПб.: Третье тысячелетие, 2001. – 301 с.
- Петров 2000 – *Петров Ю.А.* Торговый дом «Вогау и К°» в Москве // «Большое будущее». Немцы в экономической жизни России. – М.: Б/и, 2000. – С. 168–175.
- Петров 2002 – *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. – М.: Мосгорархив, 2002. – 436 с.
- Петров 2011 – *Петров Ю.А.* Рябушинские. Фабрики и банки знаменитой династии России. – М.: Бизнеском, 2011. – 233 с.
- Петров, Калмыков 1995 – *Петров Ю.А., Калмыков С.В.* Сберегательное дело в России: Вехи истории. – М.: Акционер. компания «К. И. Т.», 1995. – 364 с.
- Писарев 1990 – *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914 – 1915 гг. – М.: Наука, 1990. – 218 с.
- Погребинский 1954 – *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. – М.: Госфиниздат, 1954. – 268 с.
- Покровский 2015 – *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. – М.: НЛО, 2015. – 485 с.

Поликарпов 2015 – *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. – М.: Центрполиграф, 2015. – 381 с.

Представительные учреждения 2014 – Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. – М.: РОСПЭН, 2014. – 718 с.

Прокопович 1917 – *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. – М.: Дело, 1917. – 214 с.

Пунин 2000 – *Пунин Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. – 525 с.

Пуришкевич 1915 – *Пуришкевич В.М.* Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В.М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. – Пг.: Электротпечатня К.А. Четверикова, 1915. – 19 с.

Пути сообщения 1919 – Пути сообщения на театре войны 1914 – 1918 гг.: Краткий очерк Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего. Ч. 1. – М.: Б/и, 1919. – 462 с.

Раупах 2007 – *Раупах фон Р.Р.* Facies Hippocratica (Лик умирающего). – СПб.: Алетей, 2007. – 414 с.

Родзянко 1990 – *Родзянко М.В.* Крушение империи. – Харьков: СП «Интербук», 1990. – 263 с.

Розенберг 1915 – *Розенберг В.В.* Современные правоотношения к неприятельским подданным. С приложением узаконений по этому предмету. – Пг.: Ред. «Вестник финансов», 1915. – 55 с.

Российская империя 2021 – Российская империя между реформами и революциями, 1906 – 1916 / под ред. А.И. Миллера, К.А. Соловьева. – М.: Квадрига, 2021. – 785 с.

Россия 1995 – Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.: Блиц, 1995. – 416 с.

Россия в годы Первой 2014 – Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: РОССПЭН, 2014. – 982 с.

Руга, Кокорев 2008 – *Руга В., Кокорев А.* Война и москвичи. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 473 с.

Саломатина 2004 – *Саломатина С.А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2004. – 302 с.

Сенин 2009 – *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914 – 1922 гг.). – М.: Транспортная кн., 2009. – 316 с.

Сенин 2013 – *Сенин А.С.* Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). – С. 88–99.

Сербин 2009 – *Сербин А.И.* Первая мировая война. Россия накануне и в годы войны (1914–1918 гг.). – Омск: СибАДИ, 2009. – 71 с.

Сидоров 1948 – *Сидоров А.Л.* Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки, № . 26. – М., 1948. – С. 3–16.

Сидоров 1960 – *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 579 с.

Сидоров 1973 – *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России. – М.: Наука, 1973. – 655 с.

Снесарев 2012 – *Снесарев А.Е.* Письма с фронта. 1914–1917. – М.: Кучково поле, 2012. – 797 с.

Соболев 2005 – *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» и политические партии России // Политические партии России: прошлое и настоящее. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 99–104.

Совет министров 1999 – Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 558 с.

Статистический ежегодник 1916 – Статистический ежегодник России на 1915 г. (год двенадцатый). Раздел XII. с. 6–9. – Пг.: Центр. стат. ком. МВД, 1916. – С. 6–9.

Степанов 2000 – *Степанов А.И.* Россия в Первой мировой войне: Геополитический статус и революционная смена власти. – М.: Пробел, 2000. – 219 с.

Струве 1916 – *Струве П.Б.* Доклад представителя Всероссийского Земского Союза в Особом Совещании по продовольственному делу, профессора П.Б. Струве. – Пг.: Тип. «Правда», 1916. – 12 с.

Сулейман 1927 – *Сулейман Н.* Тыл и снабжение действующей армии. Ч. II. Фронт и армия. – М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1927. – 544 с.

Толстой 1997 – *Толстой И.И.* Дневник. 1906 – 1916. – СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1997. – 728 с.

Туган-Барановский 1915 – *Туган-Барановский М.И.* Год войны в народнохозяйственном отношении // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. – Пг., 1915. – С. 434–471.

Тхоржевский 1999 – *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. – СПб.: Алетейя, 1999. – 255 с.

Федоров 1916 – *Федоров М.П.* Война и дороговизна жизни. – Пг.: Гор. тип., 1916. – 87 с.

Хейвуд 2013 – *Хейвуд Э.* Инженер революционной России. Юрий Владимирович Ломоносов (1876–1952) и железные дороги. – М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2013. – 443 с.

Ходяков 2018 – *Ходяков М.В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917 – 1920 годы. – СПб. Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 2018. – 312 с.

Хозяйственная жизнь 1916 – Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 года – апрель 1915 года). По сведениям, доставленным учреждениями Государственного банка, Государственного Дворянского Земельного и Крестьянского Поземельного Банков и Инспекцией мелкого кредита). – Пг.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1916. – 110 с.

Хрулев 2001 – *Хрулев С.С.* Финансы России и ее промышленность. – Новосибирск: Б/и, 2001. – 128 с.

Цветков 2007 – *Цветков И.Ф.* Русско-германские военно-технические связи в области кораблестроения накануне Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 491–497.

Чудаков 2013 – *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и в период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2013. – 422 с.

Шаров 1928 – *Шаров П.* Влияние экономики на исход мировой войны. – М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1928. – 174 с.

Шацилло 1992 – *Шацилло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX – 1914 г. – М.: Наука, 1992. – 268 с.

Шингарев 1916 – *Шингарев А.И.* Война и финансы // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. – Пг., 1916. – С. 313–391.

Шингарев 1917 – *Шингарев А.И.* Финансовое положение России. – Пг.: Синод. тип., 1917. – 14 с.

Экштейн 1917 – *Экштейн Г.* Война и будущее народного хозяйства. – М.: Дело, 1917. – 50 с.

Holquist 2002 – *Holquist P. Making War, Forging Revolution, 1914–1921*. Cambridge (Mass.); London : Harvard univ. press, 2002. 359 p.

Lieven 1989 – *Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime*. New Haven; London: Yale univ. press, 1989. 407 p.

REFERENCES

[Bakulin] (1999), *Iz dnevnikov ofitsera russkoi armii Bakulina // Golosa istorii. Materialy po istorii pervoi mirovoi voyny* [Bakulin], From the diaries of an officer of the Russian army Bakulin // Voices of history. Materials on the history of the First World War], Issue 24, vol. 3, Moscow, Russia.

[Vernadskiy V.I.], (1981), *Stranitsy avtobiografii V.I. Vernadskogo*. [[Vernadsky V.I.] Pages of V.I. Vernadsky], Nauka, Moscow, Russia.

Alekseeva, E.V. (2007), *Diffuzia evropeiskikiy innovatsii v Rossii. XVIII – nachalo XX v.* [Diffusion of European Innovations in Russia. XVIII – early XX v.], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Ananyich, B.V. (1991), *Bankirskie doma v Rossii. Ocherki chastnogo predprinimatel'stva* [Banking Houses in Russia, 1861–1914. Essays on the History of Private Entrepreneurship] Nauka, Leningradskoe otdelenie, Leningrad, Russia.

Ananyich, B.V. (1999), *Rossiiskaia burzhuaziia na puti k "kulturnomu" kapitalizmu // Rossiya i Pervaya mirovaia voyna* [The Russian Bourgeoisie on the Way to "Cultural Capitalism". // Russia and the First World War], Dmitry Bulanin, Sankt-Petersburg, Russia.

Andreeva, N.S. (2008), *Pribaltiyskiye nemtsy i rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX veka* [Baltic Germans and Russian Government Policy at the Beginning of the 20th century], Mir, Sankt-Petersburg, Russia.

Anichkov, V.P. (1998), *Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)* [Ekaterinburg-Vladivostok (1917–1922)], Russkii put', Moscow, Russia.

Avdonin, E.V. (2011), *Gospoda injenery* [Lord Engineers], no publishes, Penza. Russia.

Bakhturina, A.Yu. (2000), *Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody pervoy mirovoy voyny* [Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War], AIRO-XX, Moscow, Russia.

Bark, P.L. (2016), *Vospominaniya poslednego ministra finansov rossiyskoy imperii, 1914 – 1917*, [Memoirs of the last Minister of Finance of the Russian Empire, 1914 – 1917], Kuchkovo Pole, vol. 2, Moscow, Russia.

Belyayev, S.G. (1999), *Peregovory ministra finansov P.L. Barka v Parizhe i Londone v 1915 – 1916 g.* // *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna*. [Negotiations of the Minister of Finance P.L. Barca in Paris and London in 1915 – 1916 // Russia and the First World War], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, Russia.

Belyayev, S.G. (2002), *P.L. Bark i finansovaya politika Rossii, 1914 – 1917 gg.* [Bark and the financial policy of Russia, 1914 – 1917]: Dissertation... Doctor of History, St. Petersburg, Russia.

Bessolitsyn, A.A. (2020), *Gosudarstvo i s'yezdy predprinimateley v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo 20 vekov)*, [State and Congresses of Entrepreneurs in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)], Center for Humanitarian Initiatives/ Moskov, Saint Petersburg, Russia.

Bliokh, I.S. (1893), *Budushchaya voyna, yeye ekonomicheskiye prichiny i posledstviya* [Future war, its economic causes and consequences], Obschestvennaya pol'za, Sankt-Petersburg, Russia.

Bogolepov, M.I. (1914), *Voyna, finansy i narodnoye khozyaystvo* [War, finance and national economy], Tipografiya Ministerstva finansov, Moscow, Russia.

Bogoslovskiy, M.M. (2011), *Dnevniki. (1913 – 1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Diaries. (1913 – 1919): From the collection of the State Historical Museum], Vremya, Moscow, Russia.

Bokarev, Yu.P. (2009), *Mobilizatsionnaya ekonomika Rossii i Germanii v gody Pervoy mirovoy voyny* // *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization economy of Russia and Germany during the First World War // Mobilization model of the economy: historical experience of Russia in the XX century], Encyclopedia, Chelyabinsk, Russia.

Bovykin, V.I. (1988), *Rossiya nakanune velikikh sversheniy: K izucheniyu sotsial'no-ekonomicheskikh predposylok Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Russia on the Eve of Great Achievements: On the Study of the Socio-Economic Preconditions of the Great October Socialist Revolution], Nauka, Moscow, Russia.

Bovykin, V.I. (2001), *Finansovyy kapital v Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny* [Financial capital in Russia on the eve of the First World War], Nauka, Moscow, Russia.

Bovykin, V.I. and Petrov, Yu.A. (1994), *Kommercheski banki Rossiyskoy imperii* [Commercial banks of the Russian Empire], Prospect, Moscow, Russia.

Bukhgeym, E.O. (1915), *K ekonomicheskomu osvobozhdeniyu Rossii putem elektrifikatsii yeye territorii* [To the economic liberation of Russia by electrifying its territory], Pechatnya S.P. Yakovleva, Moscow, Russia.

Bukshpan, Ya.M. (1915), *Mirovaya dorogovizna.* [World costrising], Vestnik finansov, Petrograd, Russia.

Bukshpan, Ya.M. (1929), *Voyenno-khozyaystvennaya politika. Formy i organy regulirovaniya narodnogo khozyaystva za vremya mirovoy voyny 1914 – 1918 gg.* [Military economic policy Military economic policy. Forms and organs of regulation of the national economy during the World War 1914 – 1918], Gosudarstvennoye izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, Russia.

Buldakov, V.P. (2007), *Quo vadis. Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya* [Quo vadis. Crises in Russia: ways of rethinking], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Buldakov, V.P. and Leont'yeva, T.G. (2015), *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu* [The war that gave birth to the revolution], Novyy khronograf, Moscow, Russia.

Buldakov, V.P. (2013), *Razryv i preyemstvennost' v istoricheskoy sud'be sovetskoy gosudarstvennosti* // *Rossiyskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letney istorii* [Gap and continuity in the historical fate of Soviet statehood // Russian statehood: the experience of 1150 years of history], Institut Rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia.

Buldakov, V.P. (2015), “Between progress and stagnation?”, *Voprosy filosofii*, no. 12.

Chudakov, O.V. (2013), *Gorodskoye samoupravleniye v Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny i v period sotsial'nykh kataklizmov (iyul' 1914 – pervaya polovina 1918 gg.)*. [City self-government in Siberia during the First World War and during the period of social cataclysms (July 1914 – the first half of 1918)], Izdatelstvo Omskogo gos. un-ta, Omsk, Russia.

Danilov, N.A. (1922), *Vliyaniye velikoy mirovoy voyny na ekonomicheskoye polozheniye Rossii* [The influence of the great world war on the economic situation in Russia], Otdel voyennoy literatury pri RVSr, Moscow, Russia.

Dorozhkin, A.G. (2011), *Bor'ba s «nemetskim zasil'yem» v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny v osveshchenii germanskogo zhurnala “Weltwirtschaftliches archiv” (1917 g.)* // *Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stoletiy.* [The fight against the “German dominance” in Russia during the First World War in the coverage of] The German magazine “Weltwirtschaftliches archiv” (1917) // *First World War: a look after a century*, Izdatelstvo MNEPU, Moscow, Russia.

Drutskoy-Sokolinskiy, V.A. (2010), *Na sluzhbe Otechestvu. Zapiski russkogo gubernatora. 1914–1918* [In the service of the Fatherland. Notes of the Russian governor. 1914–1918] Russkiy put'. Moscow, Russia.

Ekshteyn, G. (1917), *Voyna i budushcheye narodnogo khozyaystva* [War and the future of the national economy], Delo, Moscow, Russia.

Fedorov, M.P. (1916), *Voyna i dorogovizna zhizni* [War and the cost of living] Gorodskaya tipografiya, Petrograd, Russia.

Gindin, I.F. (1927), *Banki i promyshlennost' v Rossii. K voprosu o finansovom kapitale v Rossii. Pod red. i s predisl. A.Ye. Aksel'roda* [Banks and industry in Russia. On the issue of financial capital in Russia. Ed. and preface by A.E. Axelrod], Promizdat, Moscow, Leningrad, Russia.

Gindin, I.F. (2007), "State and economy in the years of government S.Yu. Witte", *Voprosy istorii*, no. 2.

Gol'dshteyn, I. (1915), *Nemetskoye igo i osvoboditel'naya voyna. Sbornik statey po voprosam o voynе i nemetskom zasil'ye v russkoy torgovle i promyshlennosti* [German yoke and liberation war. Collection of articles on questions about the war and German dominance in Russian trade and industry], Tipo-litografiya Russkogo tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela, Moscow, Russia.

Grinevetskiy, V.I. (2010), *Poslevoyennyye perspektivy russkoy promyshlennosti* [Post-war prospects for Russian industry], Inzhener, Moscow, Russia.

Groman, V.G. (1915), *Dorogovizna khlebykh produktov tipografiya* [The extra price of grain products], Gorodskaya tipografiya, Moscow, Russia.

Holquist, P. (2002), *Making War, Forging Revolution, 1914–1921*, Cambridge (Mass.), London.

Il'in, I.S. (2016), *Skitaniya russkogo oftsera. Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920*. [Wanderings of a Russian officer. Diary of Joseph Ilyin. 1914–1920], Knizhnitsa: Russkiy put', Moscow, Russia.

Kafengauz, L.B. (1994), *Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX v. – 30-ye gody XX v.)* [The evolution of industrial production in Russia (the last third of the 19th century – the 30s of the 20th century)], Epifania, Moscow, Russia.

Katsenelenbaum, Z.S. (1912), *Kommercheskiye banki i ikh torgovo-komissionnyye operatsii* [Commercial banks and their trade and commission operations], «Pravovedeniye», I.K. Golubeva, Moscow, Russia.

Katsenelenbaum, Z.S. (1917), *Voyna i finansovo-ekonomicheskoye polozheniye Rossii* [War and the financial and economic situation in Russia], Kul't.-prosvet. byuro studentov Mosk. kommerch. in-ta, Moscow, Russia.

Kerov, V.V. (2004), «*Se chelovek i delo yego...*». *Konfessional'no-eticheskiye faktory staroobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii* ["This is the man and his work..." Confessional and ethical factors of Old Believer entrepreneurship in Russia], Ekon-Inform, Moscow, Russia.

Khevyud, E. (2013), *Inzhener revolyutsionnoy Rossii. Yuri Vladimirovich Lomonosov (1876–1952) i zheleznyye dorogi* [Haywood E. Engineer of revolutionary Russia. Yuri Vladimirovich Lomonosov (1876–1952) and railways], Uchebno-metodicheskiy tsentr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte, Moscow, Russia.

Khodyakov, M.V. (2018), *Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917–1920 gody*. [Money of the Revolution and the Civil War: 1917–1920], Izdatelstvovo Saint Petersburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.

Khozyaystvennaya zhizn' i ekonomicheskoye polozheniye naseleniya Rossii za pervyye 9 mesyatsev voyny (iyul' 1914 goda – aprel' 1915 goda). Po svedeniyam, dostavlennym uchrezhdeniyami Gosudarstvennogo banka, Gosudarstvennogo Dvoryanskogo

Zemel'nogo i Krest'yanskogo Pozemel'nogo Bankov i Inspektsiyey melkogo kredita (1916) [Economic life and the economic situation of the population of Russia during the first 9 months of the war (July 1914 – April 1915). According to the information provided by the institutions of the State Bank, the State Noble Land and Peasant Land Banks and the Small Credit Inspectorate], Tipografiya Vinisterstva finansov, Petrograd, Russia.

Khrulev, S.S. (2001), *Finansy Rossii i yeye promyshlennost'* [Finance of Russia and its industry], Novosibirsk, Russia.

Kitanina, T.M. (1969), *Voенно-infliatsionnye conserny v Rossii 1914–1917 gg. Kontsern Putilova – Stakheeva – Batolina* [Military-inflation concerns in Russia 1914–1917 Concern Putilov – Stakheev – Batolin], Nauka: Leningradskoe otdelenie, Leningrad, Russia.

Kitanina, T.M. (1985), *Voyna, khleb i revolyutsiya (Prodoval'stvennyy vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.)* [War, bread and revolution (Food issue in Russia. 1914–October 1917)], Nauka, Leningr. Otdeleniye, Leningrad, Russia.

Kitanina, T.M. (2003), *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne. 1914–1917 gg.: Ekonomika i ekonomicheskaya politika. Chast' I* [Russia in the First World War. 1914–1917: Economy and economic policy. Part 1], Gumanitarnaya academia, Sankt-Petersburg, Russia.

Klaus, R. (1926), *Voyna i narodnoye khozyaystvo Rossii. 1914–1917 gg.* [War and national economy of Russia. 1914 – 1917], Gos. voyen. Izdatelstvo, Moscow, Leningrad, Russia.

Kokovtsov, V.N. (1991), *Iz moyego proshlogo. Vospominaniya. 1911–1919.* [From my past. Memories. 1911–1919], Sovremennik. Moscow. Russia. A.V. Krivoshein i obshchestvennyye deyateli v gody Pervoy mirovoy voyny. Pis'ma A.I. Guchkova, A.D. Protopopova, P.B. Struve (1994) [A.V. Krivoshein and public figures during the First World War. Letters to A.I. Guchkova, A.D. Protopopova, P.B. Struve], Russkoye proshloye: Logos, Kn. 5., Moscow, Russia.

Krupina, T.D. (1969), “The political crisis of 1915 and the creation of a special meeting on defense”, *Istoricheskiye zapiski*, vol. 83.

Kyung ,P.A. (2012), *Mobilizatsiya ekonomiki i chastnyy biznes v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny*, [Mobilization of the economy and private business in Russia during the First World War], RGGU, Moscow, Russia.

Laverychev, V.Ya. (1988), *Voyenny gosudarstvenno-monopolisticheskyy kapitalizm v Rossii* [Military state-monopoly capitalism in Russia], Nauka, Moscow, Russia.

Lieven, D. (1989), *Russia's Rulers under the Old Regime*, Yale univ. press., New Haven, London.

Lloyd, Dzhordzh D. (2003), *Rechi, proiznesennyye vo vremya voyny.* [Speeches made during the war], Kharvest, Minsk, Belarus'.

Lyashchenko, P.I. (1952), *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR. T. 2.* [History of the national economy of the USSR], Gosolitizdat, Moscow, Russia.

Maisky, V. (1916), *Germaniya i voyna.* [Germany and war], Izdatel'skii dom pisatelei v Mockve, Moscow, Russia.

Mak-Nil, U. (2008), *V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI–XX vekakh* [In pursuit of power. Technology, military force and society in the XI–XX centuries], Territoriya budushchego, Moscow, Russia.

Manikovskiy, A.A. (1920), *Boyevoye snabzheniye russkoy armii v voynu 1914–1918 gg. Chast' I* [Combat supply of the Russian army in the war of 1914–1918. Part 1], Vysshiiy voyenno-revolyutsionnyy sovet, Moscow, Russia.

Manikovskiy, A.A. (1937), *Boyevoye snabzheniye russkoy armii v mirovuyu voynu* [Combat supply of the Russian army in the world war], Gos. voyennoe izdatelstvo, Moscow, Russia.

Markevich, A. and Kharrison, M. (2013), *Pervaya mirovaya voyna, Grazhdanskaya voyna i vosstanovleniye. Natsional'nyye dokhody Rossii v 1913–1928 g.* [World War I,

Civil War and Restoration. National incomes of Russia in 1913–1928], Mysl', Moscow, Russia.

Matsuzato, K., Yartsev, A.A. and Abramov, V.F. (2001), *Zemstva vo vremya Pervoy mirovoy voyny. Politologicheskiy podkhod* [Zemstvos during the First World War. Political approach], Slavic Research Center, Sapporo, Japan.

Mayevskiy, I.V. (1957), *Ekonomika russkoy promyshlennosti v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny* [The economy of Russian industry in the conditions of the First World War], Gospolitizdat, Entsiklopedicheskiy slovar' Granat, issue. 7. vol. 47. part. 2.

Mayskiy, I.M. (1925), *Germaniya epokhi mirovoy voyny. Chetyrekhletnyaya voyna 1914 – 1918 g. i yeye epokha* [Germany of the World War Era/ The Four-Year War of 1914 – 1918 and its era], Encyklopedicheskiy slovar Granat, issue 7, vol. 47.

Michurin, A.N. (2010), *Politicheskaya bor'ba v Gosudarstvennom Sovete v gody Pervoy mirovoy voyny* [Political struggle in the State Council during the First World War], Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta, Sankt-Petersburg, Russia.

Migulin, P.P. (1907), *Russkiy gosudarstvennyy kredit (1769–1906). T. III.* [Russian State Credit (1769–1906). T. III], Pechatnoe delo, Kharkov.

Migulin, P.P. (1910), *Vozrozhdeniye Rossii* [Revival of Russia], Pechatnik, Kharkov, Russia.

Mikhaylov, I.A. (1917), *Gosudarstvennyye dokhody i raskhody Rossii vo vremya voyny* [State revenues and expenditures of Russia during the war], Petrograd, Russia.

Miller, A.I. and Solov'yev, K.A. (2021), *Rossiyskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916.* [Russian Empire between reforms and revolutions, 1906–1916], in Miller, A. I. and Solovyov, K.A. (ed.), Kvadriga, Moscow, Russia.

Milyukov, P.N. (1991), *Vospominaniya* [Memories], Politizdat, Moscow, Russia.

Milyutin, V. (1914), *O vliyaniy voyny na sostoyaniye rabochikh sil v Rossii* [On the impact of war on the state of labor forces in Russia], Tipografia O.L. Somovoy, Moscow, Russia.

Morozova, N.V. and Nazarova, T.P. (2015), *Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii russkogo obshchestva v gody Pervoy mirovoy voyny (po materialam tsentral'noy pechati).* [The evolution of the “image of the enemy” in the minds of Russian society during the First World War (based on materials from the central press)], Volgogradskiy GAU, Volgograd, Russia.

Moshenskiy, S.Z. (2015), *Mezhdu Londonom i Parizhem: rynek tsennykh bumag industrial'noy epokhi* [Between London and Paris: The Securities Market of the Industrial Age], Mindstir Media, Hampton, Great Britain.

Nabokov, K.D. (1921), *Ispytaniya diplomata* [Trials of a diplomat], Severnyye ogni, Stockholm, Sweden.

Neopikhanov, A.A. (1924) *Russkiy transport i yego planirovaniye. T. 1.* [Russian transport and its planning. Vol. 1] Gosizdatel'stvo. Moscow; Petrograd. Russia.

O vliyaniy voyny na nekotoryye storony ekonomicheskoy zhizni Rossii (1916) [On the impact of the war on some aspects of the economic life of Russia] Elektrotipografiya N.Ya. Stoykovoy. Petrograd. Russia.

Ocherk deyatel'nosti Otdela snabzheniya armii za pervyy god. Iyul' 1915 – iyul' 1916 g. (1917) [Outline of the activities of the Army Supply Department for the first year. July 1915 – July 1916], Gorodskaya tipografia, Moscow, Russia.

Ol', P.V. (1922), *Inostrannyye kapitaly v narodnom khozyaystve dorevolyutsionnoy Rossii* [Foreign capital in the national economy of pre-revolutionary Russia], Institut ekonomicheskikh issledovaniy, Petrograd, Russia.

Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1916 god (2008) [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1916 god], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Ostrovskiy, A.V. (1999), *Gosudarstvenno-kapitalisticheskiye i kooperativnyye tendentsii v ekonomike Rossii: 1914 – 1917 gg.* // *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna* [State-capitalist and cooperative trends in the Russian economy: 1914–1917 // Russia and the First World War], Dmitry Bulanin, Sankt-Petersburg, Russia.

Ozerov, I.Kh. (1915), *Na novyy put'! K ekonomicheskomu osvobozhdeniyu Rossii.* [To a new path! To the economic liberation of Russia], Boguslavsky, Moscow, Russia.

Pavlovich, M.P. (1918), *Militarizm, marinizm, voyna 1914–1918 gg.* [Militarism, Marinism, war 1914–1918], Zhizn' i znaniye, Moscow, Russia.

Penzenskaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny. Kn. 1 (2014) [Penza province during the First World War. Book. 1], Sociosfera-CZ, Praha, Czech Republic.

Peterburg. Istoriya bankov (2001), [Petersburg. History of banks], Tret'ye tysyacheletiyе, Sankt-Petersburg, Russia.

Petrov, Yu.A. (2014), *Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoye polozheniye, sotsial'nyye protsessy, politicheskiy krizis* [Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis], in Petrov, Yu.A. (ed.), ROSSPEN, Moscow, Russia.

Petrov, Yu.A. (2000), *Torgovyy dom «Vogau I K» v Moskve // «Bol'shoye budushcheye». Nemtsy v ekonomicheskoy zhizni Rossii* [Trading House “Vogau and Co.” in Moscow // “Big Future”. Germans in the economic life of Russia], Moscow, Russia.

Petrov, Yu.A. (2002), *Moskovskaya burzhuziya v nachale XX veka: predprinimatel'stvo i politika* [Moscow bourgeoisie at the beginning of the 20th century: entrepreneurship and politics], Mosgorarkhiv, Moscow, Russia.

Petrov, Yu.A. (2011), *Ryabushinskiye. Fabriki i banki znamenitoy dinastii Rossii* [Ryabushinsky. Factories and banks of the famous Russian dynasty], Bizneskom/ Moscow, Russia.

Petrov, Yu.A. and Kalmykov, S.V. (1995), *Sberegatel'noye delo v Rossii: Vekhi istorii* [Savings business in Russia: Milestones of history], Aktsionernaya kompaniya «K. I. T.», Moscow, Russia.

Pisarev, Yu.A. (1990), *Tayny Pervoy mirovoy voyny: Rossiya i Serbiya v 1914–1915 gg.* [Secrets of the First World War: Russia and Serbia in 1914–1915], Nauka, Moscow, Russia.

Pogrebinskiy, A.P. (1954), *Ocherki istorii finansov dorevolyutsionnoy Rossii* [Essays on the history of finance in pre-revolutionary Russia], Gosfinizdat, Moscow, Russia.

Pokrovskiy, N.N. (2015), *Posledniy v MariiNSkom dvortse. Vospominaniya ministra inostrannykh del* [The last in the Mariinsky Palace. Memoirs of the Minister of Foreign Affairs], NLO, Moscow, Russia.

Polikarpov, V.V. (2015), *Russkaya voyenno-promyshlennaya politika. 1914–1917. Gosudarstvennyye zadachi i chastnyye interesy* [Russian military-industrial policy. 1914–1917 State tasks and private interests], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.

Predstavitel'nyye uchrezhdeniya Rossiyskoy imperii v 1906–1917 gg.: materialy perlyustratsii Departamenta politsii (2014) [Representative Institutions of the Russian Empire in 1906–1917: Perustration Materials of the Police Department], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Prokopovich, S.N. (1917), *Voyna i narodnoye khozyaystvo* [War and national economy], Delo, Moscow, Russia.

Punin, N. (2000), *Mir svetel lyubov'yu. Dnevnik. Pis'ma* [The world is bright with love. Diaries. Letters], Artist. Rezhisser. Teatr, Moscow, Russia.

Purishkevich, V.M. (1915), *Itogi pervogo boyevogo goda v tylakh i na fronte. Doklad V.M. Purishkevicha v Russkom Sobranii 4 sentyabrya 1915* [Results of the first combat year in the rear and at the front. Report by V.M. Purishkevich in the Russian Assembly on September 4, 1915], Elektropechatnya K.A. Chetverikova, Petrograd, Russia.

Puti soobshcheniya na teatre voyny 1914–1918 gg.: Kratkiy ocherk Upravleniya putey soobshcheniya pri Shtabe Verkhovnogo glavnokomanduyushchego. Ch. I (1919), [Ways of communication in the theater of war 1914–1918: A brief outline of the Department of Railways at the Headquarters of the Supreme], Petrograd, Russia.

Raupakh, fon R.R. (2007), *Facies Hippocratica (Lik umirayushchego)* [Facies Hippocratica (Face of the dying)], Aleteyya, Sanrt-Petersburg, Russia.

Rodzyanko, M.V. (1990), *Krusheniye imperii* [The collapse of the empire], “Interbuk”, Kharkov.

Rossiya, 1913 god. Statistiko-dokumental’nyy spravochnik (1995) [Russia, 1913. Statistical and documentary reference book], Blitz, Sankt-Petersburg, Russia.

Rozenberg, V.V. (2007), *Sovremennyye pravootnosheniya k nepriyatel’skim poddannym. S prilozheniyem uzakoneyiy po etomu predmetu* (1915) [Modern legal relations to enemy subjects. With the application of laws on this subject], «Vestnik finansov», Petrograd, Russia.

Ruga, V. and Kokorev, A. (2008), *Voyna i moskvichi* [War and Muscovites], OLMA Media Grupp, Moscow, Russia.

Salomatina, S.A. (2004), *Kommercheskiye banki v Rossii: dinamika i struktura operatsiy, 1864–1917 gg.* [Commercial banks in Russia: dynamics and structure of operations, 1864–1917], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Senin, A.S. (2009), *Zheleznodorozhnyy transport Rossii v epokhu voyn i revolyutsiy (1914–1922 gg.* [Railway transport in Russia in the era of wars and revolutions (1914–1922)], Transportnaya kniga, Moscow, Russia.

Senin, A.S. (2013), “General S.A. Ronzhin and his essay on Russian railways in the First World War”, *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 4 (38).

Serbin, A.I. (2009), *Pervaya mirovaya voyna. Rossiya nakanune i v gody voyny (1914–1918 gg.)* [World War I. Russia on the Eve and During the War (1914–1918)], SibADI, Omsk, Russia.

Sharov, P. (1928), *Vliyaniye ekonomiki na iskhod mirovoy voyny*. [Influence of the economy on the outcome of the world war], Gos. Izdatelstvo, Otdel voyennoi literatury, Leningrad, Russia.

Shatsillo, K.F. (1992), *Gosudarstvo i monopolii v voyennoy promyshlennosti Rossii. Konets XX – 1914 g.* [State and monopolies in the military industry of Russia. End of XIX – 1914], Nauka, Moscow, Russia.

Shingarev, A.I. (1916), *Voyna i finansy // Yezhegodnik gazety «Rech’» na 1916 god.* [War and finance // Yearbook of the newspaper “Rech” for 1916], Petrograd, Russia.

Shingarev, A.I. (1917), *Finansovoye polozheniye Rossii* [Financial position of Russia], Synod. Type, Petrograd, Russia.

Sidorov, A.L. (1948), “Railway transport of Russia in the First World War and the aggravation of the economic crisis in the country”, *Istoricheskiye zapiski*, no. 26.

Sidorov, A.L. (1960), *Finansovoye polozheniye Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. (1914–1917)* [The financial situation of Russia during the First World War (1914–1917)], Izdatel’stvo Akad. nauk SSSR, Moscow, Russia.

Sidorov, A.L. (1973), *Ekonomicheskoye polozheniye Rossii* [The economic situation in Russia], Nauka, Moscow, Russia.

Snesarev, A.Ye. (2012), *Pis’ma s fronta. 1914–1917* [Letters from the front. 1914–1917], Kuchkovo Pole, Moscow, Russia.

Sobolev, I.G. (2005), *Bor’ba s «nemetskim zasil’yem» i politicheskiye partii Rossii i politicheskiye partii Rossii. // Politicheskiye partii Rossii: proshloye i nastoyashcheye* [The fight against the “German dominance” and the political parties of Russia and the political parties of Russia // Political parties of Russia: past and present], Izd-vo SPbGU, Saint Petersburg, Russia.

Sovet ministrov Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny. Bumagi A.N. Yakhontova (Zapisi zasedaniy i perepiska) (1999) [Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers by A.N. Yakhontov (Records of meetings and correspondence)], Dmitry Bulanin, Sankt-Petersburg, Russia.

Statisticheskiy yezhegodnik Rossii na 1915 g. (god dvenadtsatyyu). Razdel XII (1916) [Statistical Yearbook of Russia for 1915 (twelfth year), Section XII] Tsentr. stat. kom. MVD, Petrograd, Russia.

Stepanov, A.I. (2000), *Rossiya v pervoy mirovoy voynе: Geopoliticheskiy status i revolyutsionnaya smena vlasti* [Russia in the First World War: Geopolitical status and revolutionary change of power], Probel, Moscow, Russia.

Struve, P.B. (1916), *Doklad predstavatelya Vserossiyskogo Zemskogo Soyuza v Osobom Soveshchaniy po prodovol'stvennomu delu, professora P.B. Struve* [Report of the representative of the All-Russian Zemsky Union in the Special Meeting on the food business, Professor P.B. Struve], Tipografiya «Pravda», Petrograd, Russia.

Suleyman, N. (1927), *Tyl i snabzheniye deystvuyushchey armii. Ch. II. Front i armiya* [Logistics and supply of the army. Part II. Front and army], Gos. voyennoe izdatelstvo, Moscow-Petrograd, Russia.

Tkhorzhevskiy, I.I. (1999), *Posledniy Peterburg* [The Last Petersburg], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

Tolstoy, I.I. (1997), *Dnevnik. 1906–1916* [Diary. 1906–1916], Fond region razvitiya Sankt Peterburga, Saint Petersburg, Russia.

Tugan-Baranovskiy, M.I. (1915), *God voyny v narodnokhozyaystvennom otnoshenii // Yezhegodnik gazety «Rech'» na 1915 god* [Year of the war in the national economic relation // Yearbook of the newspaper “Rech” for 1915], Petrograd, Russia.

Tzvetkov, I.F. (2007), *Russko-germanskiye voenno-tekhnicheskie svyazi v oblasti korablestroeniya nakanune Pervoi mirovoi voiny* [Russian-German military-technical relations in the field of shipbuilding on the eve of the First World War // Science, technology and society in Russia and Germany during the First World War], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.

Voronov, L.N. (1915), *Voyna i narodnoye khozyaystvo*. [War and national economy], Komissiya po organizatsii obshcheobrazovatel'nykh chteniy dlya fabrichno-zavodskikh rabochikh g. Moskvy, Moscow, Russia.

Voytolovskiy, L.N. (1998), *Vskhodil krovavyy Mars: Po sledam voyny* [Bloody Mars rose: In the wake of the war], Voenizdat, Moscow, Russia.

Yesikov, S.A. (1998), *Krest'yanskoye khozyaystvo Tambovskoy gubernii v nachale XX veka (1900 – 1921 gg.)* [Peasant economy of the Tambov province at the beginning of the twentieth century (1900 – 1921)], Dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk, Tambov, Russia.

Yevropa i Rossiya v ogne Pervoy mirovoy voyny. K 100-letiyu nachala voyny (2014) [Europe and Russia in the fire of the First World War. To the 100th anniversary of the start of the war], Institut ekonomicheskikh strategiy, Moscow, Russia.

Yezhegodnik Ministerstva finansov. Vyp. 1915 g. (1915) [Yearbook of the Ministry of Finance. Issue 1915], Tipografiya Ministerstva Finansov, Petrograd, Russia.

Zakupsbyt: khroniko-dokumental'naya letopis' pervogo obshchesibirskogo potrebitel'skogo soyuza (1916–1923) (1999) [Zakupsbyt: chronicle and documentary chronicle of the first all-Siberian consumer union (1916–1923)], Nauka. Sib. predpriyatiye RAN, Novosibirsk, Russia.

Zhurnaly Osobogo Soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob'yedineniya meropriyatiy po oborone gosudarstva (Osoboye soveshchaniye po oborone gosudarstva). 1915–1918. V 3 tomakh. T. 1. (2013) [Journals of the Special Meeting for the discussion and unification of measures for the defense of the state (Special meeting for the defense of the state)], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Zhurnaly Vos'mogo Ocherednogo s'yezda predstaviteley promyshlennosti i trgovli, sostoyavshegosya 2, 3 i 4 maya v Petrograde (1915). [Journals of the Eighth Ordinary Congress of Representatives of Industry and Trade, held on May 2, 3 and 4 in Petrograd] No publishers. Petrograd. Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир П. Булдаков, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; *kuroneko@list.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir P. Buldakov, Doct. of Sci. (History), Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld.19, Dm. Ulianova av., Moscow, Russia, 117292; *kuroneko@list.ru*.

DOI 10.25986/ISN.2023.86.47.006

Идеи гендерного равенства и их отражение в советской системе воспитания (1917–1920-е годы)

Наталья В. Рябинина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль,
Россия, yarnatal2010@yandex.ru
ORCID 0000–0002–5041–2391

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема гендерного равенства в постреволюционной России. Прежде всего, говорится о том, какое решение этого вопроса предлагали лидеры правящей партии. Прослеживается, с одной стороны, связь их взглядов с идеями основоположников марксизма, а с другой, влияние на них особенностей российской действительности. Автор показывает, что в данных взглядах было реалистичным и нашло свое воплощение, а что было излишне радикальным, утопичным. Первым шагом к осуществлению принятых идей стала разработка соответствующей законодательной базы, но кроме этого, очень важным в реализации реформ в данном направлении считалось изменение системы воспитания. Формирование «нового человека» считалось одним из обязательных условий построения коммунистического общества. Формируется также образ «новой женщины», которая должна была быть способной принимать активное участие во всех областях жизни – политике, экономике, социальной сфере. Меняется отношение к семье и быту, происходит поиск возможностей для совмещения традиционных функций женщины с ее новой ролью в обществе. В настоящей статье анализируются методы советского воспитания, которые использовались в изучаемый период, указываются их сильные и слабые стороны, в том числе для реализации идей гендерного равенства.

Ключевые слова: Советская Россия, коммунистическая идеология, «женский вопрос», гендерное равенство, воспитание «нового человека», реформа семьи, общественный быт.

Для цитирования: Рябинина Н.В. Идеи гендерного равенства и их отражение в советской системе воспитания (1917–1920-е годы) // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 161–175. DOI: 10.25986/ISN.2023.86.47.006

The ideas of gender equality and their reflection in the soviet system of education (1917–1920s)

Natalia V. Ryabinina

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, yarnatal2010@yandex.ru
ORCID 0000–0002–5041–2391

Abstract. This article discusses the problem of gender equality in post-revolutionary Russia. To begin with, it shows how the leaders of the ruling party were trying to solve the issue. On the one hand, they were eager to keep their adherence to ideas of the

founders of Marxism, but on the other hand, they had to consider the traits of Russian reality. The author of the article displays what was realistic in these views and found its implementation, and what was too radical, utopian. The first step in the realization of the accepted ideas was the development of an appropriate legislative framework, but also it was necessary to adjust a system of education to the current reform. The creation of the «new man» was called one of the prerequisites for building a communist society. There was also formed the image of a «new woman» who should have been able to take an active part in all spheres of life – politics, economics, and the social activities. Attitudes towards family and everyday life were changing; there was a search for opportunities to combine the traditional functions of a woman with her new role in society. The article analyzes the methods of Soviet education that were used during the period indicated, reveals their strengths and weaknesses, for the implementation of the ideas of gender equality in particular.

Key words: *Soviet Russia, communist ideology, «women's issue», gender equality, creation of the «new man», family reform, social life.*

For citation: *Ryabinina, N.V. (2023), "The ideas of gender equality and their reflection in the soviet system of education (1917–1920s)", Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 161–175. DOI: 10.25986/ISN.2023.86.47.006*

Отношения между мужчиной и женщиной во все века и времена подвергались существенной регламентации. Традиции, законодательство, религиозные нормы закрепляли определенные правила поведения, принятые в семье и обществе. Эти устои многим казались незыблемыми. «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, – говорилось в Своде законов Российской империи, – пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность»²⁰³. Долгое время семья была основной сферой, в которой женщина могла себя реализовать. Даже появившееся женское образование преимущественно было ориентировано на воспитание принятых обществом «женских добродетелей» и подготовку девочки к роли будущей жены, матери и хозяйки.

Со второй половины XIX века в России формируется женское движение, которое проходит разные фазы в своем развитии [Юкина 2007, с. 26–27.]. Особую специфику в начале XX века ему придает переплетение с марксистскими взглядами. Российские социал-демократы, вслед за основоположниками этих идей, отрицательно относились к феминизму. В.И. Ленин подчеркивал, что нет ни особого «женского вопроса», ни особого женского движения, оторванного от общепролетарского движения²⁰⁴. Он считал, что «женский вопрос» невозможно решить в условиях капитализма, только всеобщее равенство приведет к достижению целей и в данном направлении.

Придя к власти, большевики, прежде всего, кардинально меняют законодательство, уравнивая права мужчины и женщины во всех областях жизни. В области семейно-брачных отношений уже в декабре 1917 г. были приняты декреты ВЦИК и СНК «О гражданском браке» и «О расторжении брака», зна-

²⁰³ Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. О правах и обязанностях семейственных. Пп. 106 – 107. С. 22.

²⁰⁴ Ленин В.И. Речь на Первом Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. 1969. С. 185.

чительно упрощавшие эти процедуры²⁰⁵. Теперь брак признавался законным только после его регистрации в государственном учреждении (ЗАГСе). Основными принципами семейного союза провозглашались добровольность и равноправие. Идеологи подчеркивали, что вступающие в брак люди должны руководствоваться не материальными соображениями, не желанием родителей, как это было в прежнее время; семейный союз не должен быть денежной сделкой. Только личное желание и согласие могли служить основанием как для заключения брака, так и для его расторжения. Эти же принципы пронизывали и Семейные кодексы 1918 и 1926 гг. В частности, согласно первому, женщина после вступления в брак не обязана была менять свою фамилию; если этого требовали обстоятельства, она могла жить отдельно от мужа, а также могла по своему усмотрению использовать полученные доходы²⁰⁶. Согласно второму, была введена общность имущества, нажитого в браке. В случае развода имущество поровну делилось между супругами, даже если женщина не работала, а занималась домашним хозяйством²⁰⁷.

Однако, как справедливо отмечал Ленин: «Равенство по закону – не есть равенство в жизни»²⁰⁸. Важным фактором формирования новых гендерных отношений считалась экономическая независимость женщины от мужчины. Процесс вовлечения женщины в общественное производство был начат еще при капитализме. Необходимость содержания семей, особенно в условиях Первой мировой войны, привела к тому, что в начале XX века большинство женщин в трудоспособном возрасте оказалось втянутым в активную трудовую деятельность. Несмотря на то, что с этим был связан целый ряд проблем: дискриминация в оплате женского труда, сложность совмещения работы на производстве с материнством, высокая заболеваемость и т. д., российские марксисты считали производительный труд женщин прогрессивным. В.И. Ленин, в частности, отмечал, что он разрушает патриархальную замкнутость женщин, толкает вперед их развитие, повышает самостоятельность [Ленин 1971, с. 548.]. А.М. Коллонтай – главный идеолог женской эмансипации в Советской России – приветствовала введение в стране в октябре 1918 г. всеобщей трудовой повинности и заявляла, что производительный труд женщины позволит ей стоять на своих собственных ногах и не зависеть «от частного предпринимателя, от мужа-кормильца». «В этом ново-формирующемся мире труда – нет места для женщин паразиток, для благополучных содержанок своих мужей и любовников, для профессиональных проституток. “Кто не трудится – тот не ест”» [Коллонтай 1923, с. 145.].

Важно отметить, что большевистские лидеры считали производительный труд женщины полезным не только для нее самой, но и для государства в целом. Ленин подчеркивал, что «без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной поголовной общественной службе, нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии» [Ленин 1969, с. 165.].

²⁰⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1917. № 10. Ст. 152; № 11. Ст. 160.

²⁰⁶ СУ. 1918. № 76 – 77. Ст. 818.

²⁰⁷ СУ. 1926. № 82. Ст. 612.

²⁰⁸ Ленин В.И. К женщинам работницам // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. 1974. С. 157.

Однако для осуществления «поголовного общественного труда» женщин нужно было решить вопрос с ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми. Эти заботы традиционно лежали на плечах женщин, и они были вынуждены совмещать их со своими новыми обязанностями по обеспечению семьи. Любопытно, что ни основоположники марксистской теории, ни российские социал-демократы не делали ставку на привлечение мужчин к выполнению домашних обязанностей, особенно в условиях жизни городской семьи. Хотя такое решение вопроса кажется вполне логичным. Если в современном обществе оба супруга занимаются материальным обеспечением семьи, то и домашние заботы должны распределяться примерно поровну. Подобные идеи, если и высказывались, то скорее в качестве пожелания на будущее, с пониманием того, что пока реализовать их не удастся. Н.К. Крупская, в частности, пишет: «нужно, чтобы в быту не все сваливали на работницу, чтобы все члены семьи – и муж, и сыновья – все несли равную долю забот... Надо, чтобы каждый сознательный рабочий смотрел на семью как на дружную коммуно..., но все это только в начале, тут только первые шаги делаются» [Крупская 1959а, с. 89.].

В качестве выхода из ситуации предлагался иной вариант. Советские идеологи считали, что мелкое домашнее хозяйство должно уйти в прошлое. Его необходимо заменить крупным социалистическим хозяйством. Столовые, прачечные, мастерские по починке одежды, ясли, детские сады и т. п. являлись, по мысли Ленина, «ростками коммунизма» – теми простыми средствами, которые способны освободить женщину от «домашнего рабства», «уничтожить ее неравенство с мужчиной в экономической и общественной жизни» [Ленин 1970, с. 24.].

Подобной же позиции придерживалась и Александра Коллонтай – она призвала прекратить «нецелесообразную растрату женских трудовых сил», направленных на житейские заботы и использовать энергию миллионов «женщин-производительниц» на общественное благо [Коллонтай 1923, с. 168.]. «Оплакивать» исчезновение домашнего хозяйства, по ее мнению, не нужно, потому что жизнь женщины от этого станет «богаче, полнее, радостнее и свободнее» [Коллонтай, Семья и коммунистическое государство, 1919, с. 15–16.].

Особенно радикальными выглядят взгляды теоретиков марксизма относительно воспитания детей. Уже в работах основоположников этой теории говорится о необходимости воспитания всех детей в государственных учреждениях, причем с самого раннего возраста, как только они смогут обходиться без материнского ухода. Подчеркивается, что это позволит совместить производительный труд с материнством без ущерба для детей, которые будут обеспечены всем необходимым за счет государства и получают качественное воспитание и образование. Что касается семьи, то в существующих условиях, при занятости обоих родителей, ее роль в воспитании детей считалась крайне малоэффективной, дети фактически были предоставлены сами себе, их воспитывала улица. «Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты» [Маркс, Энгельс 1955, с. 443.].

Эти идеи получают продолжение в Советской России. И речь идет не только о развитии системы учреждений открытого типа – яслей, детских садов и очагов, доказавших свою необходимость и жизненность. В первые постреволюционные годы в теории и на практике ставка делается на детские дома. «Коммунистическая семья – детский дом даст много больше для всестороннего развития личности – здесь... благо общества, социализм явится благом каждого отдельного индивидуума. В то время, как семья воспитывает... себялюбивых эгоистов»²⁰⁹. Относительно родителей говорилось, что их позиция тоже должна стать другой. В новом обществе они должны научиться не делать разницы между «твоими и моими детьми», а помнить, что есть лишь «наши дети, дети коммунистической трудовой России» [Коллонтай 1923, с. 173.].

Для реального осуществления равноправия предстояло измениться и самой женщине. Традиционно в ней воспитывались покорность, мягкость, отзывчивость, умение приспособиться и уступить. Кроме очевидной положительной стороны, российские марксисты подчеркивали негативный аспект этих качеств – они позволяли мужчине манипулировать женщиной, использовать ее поддержку для достижения своих личных целей, укреплять свое главенство в жизни. «Новая женщина» должна была отказаться играть второстепенную роль в обществе, она должна была стать полноценной, самостоятельной личностью, а для этого ей нужно было воспитать в себе новые качества: самодисциплину, умение дорожить своей независимостью, индивидуальностью, требовательность как к себе, так и к мужчине. «Современная женщина, – как считала Коллонтай, – никогда не забудет, не примирится с небрежным отношением к своему духовному «я»» [Коллонтай, Новая мораль и рабочий класс, 1919, с. 20.].

Новые взгляды на роль женщины в семье и обществе стали широко пропагандироваться в Советской России. Образ современной женщины создавался лозунгами и плакатами, публикациями в периодической печати, выступлениями на съездах, конференциях, собраниях разного уровня. При партийных комитетах стали формироваться женотделы, которые помогали женщинам освоить их новые роли в политической и общественной жизни страны. Кардинально меняется вся система воспитания и образования детей от яслей до вузов.

Уходит в прошлое раздельное воспитание мальчиков и девочек. Цели советской школы теперь едины – создать «нового человека», способного построить социалистическое общество. В идеале предполагалось воспитать поколение людей, имеющих материалистическое мировоззрение, активную жизненную позицию, подготовленных к трудовой деятельности. Среди важнейших качеств назывались патриотизм и интернационализм, коллективизм и трудолюбие, ответственность и дисциплинированность. Весь процесс воспитания, должен был быть политизирован, поскольку, как подчеркивал Ленин, «наше дело в области школьной – есть та же борьба за свержение буржуазии..., школа вне жизни, вне политики – это ложь и лицемерие»²¹⁰.

Следует подчеркнуть, что начинать общественное воспитание предполагалось с первых лет жизни ребенка. А.В. Луначарский писал, что «социа-

²⁰⁹ Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства 2-8 февраля 1919 г. М., 1920. С. 12.

²¹⁰ Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. 1969. С. 77.

листическое воспитание может делать гигантские успехи, если оно будет брать детей в раннем дошкольном возрасте и методически правильно, и классово продуманно воздействовать на них для того, чтобы выработать из них коллективно мыслящие и действующие существа» [Луначарский 1976, с. 320.]. Дошкольное воспитание таким образом провозглашалось «первоначальной и главнейшей ступенью в деле народного образования», которая закладывает «фундамент инстинктов, эмоций и навыков сознательного социального человека»²¹¹.

Отмечая особенности воспитания на этой ступени, следует отметить, что гендерных различий было немного. Они, в частности, проявлялись в организации трудового воспитания, которое считалось базовым [Рябинина 2009]. Труд в детском дошкольном учреждении заключался в частичном самообслуживании – дети мыли посуду и игрушки, прибирали помещения, ухаживали за комнатными растениями, работали на огороде. Кроме этого, в детских садах устраивались трудовые уголки. Для мальчиков в них могли быть пилы, топоры²¹² и даже «маленькие столярные станки с необходимыми инструментами»²¹³. Для девочек – «хозяйственные уголки с тряпочками, метелками и фартучками»²¹⁴, «швейный столик, все, что нужно для стирки колхозного белья, для простейшего приготовления пищи»²¹⁵.

Со второй половины 1920-х годов в практику работы дошкольных учреждений стали внедряться новые методы в организации игровой деятельности детей. Решение об этом было принято на Третьем Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию в 1924 г. В частности, запрету подлежала игра в куклы. В резолюциях съезда говорилось, что эта игра культивирует в детях проявления индивидуализма и «материнских инстинктов»²¹⁶. В новом обществе, как уже отмечалось выше, основная роль женщины должна была быть иной. Предлагались другие игры, «отвечающие современности», например, отражающие трудовую деятельность взрослых («в пожарных», «в паровоз»), отдельные бытовые моменты («в больницу», «в ярмарку»). Приветствовались игры, посвященные политической тематике – «в комсомольцев», «в октябрины», «в клуб пионеров»²¹⁷. В этой связи особенно поражает игра «в похороны Ленина», указанная в отчете о воспитательной работе ярославских детских садов²¹⁸. При этом отмечается, что игра проводилась по инициативе самих детей (дошкольного возраста!), которые не смогли побывать на похоронах вождя, но хотели этого. В рамках «игры» дети давали обещания быть послушными и выполнять заветы Ильича.

Но, несмотря на внедрение новых игр, девочки не хотели мириться с отсутствием их любимой игрушки. Как вспоминала А.К. Пяташина – воспита-

²¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 263. Л. 32.

²¹² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

²¹³ Страницы из воспоминаний // Дошкольное воспитание. 1957. № 11. С. 54.

²¹⁴ ГАЯО. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

²¹⁵ Страницы из воспоминаний // Дошкольное воспитание. 1957. № 11. С. 54.

²¹⁶ Резолюции по докладам Третьего Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию. 15-21 октября 1924 г. М., 1924. С. 14.

²¹⁷ ГАЯО. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

²¹⁸ Там же.

тель ярославского детского сада «Зорька», – «дети приносили в кармане из дома маленькую тряпичную куколку и где-нибудь в уголке украдкой играли с нею. Или в свой халатик завернут чурбан строительного материала и качают его, и прижимают его к своему маленькому сердечку, баюкают. Жалко было детей, другой раз будто не видишь, что они играют. Мы, воспитатели, делились мнениями, оказалось, и у всех тоже играют»²¹⁹. Видимо, «материнские инстинкты» неистребимы.

В воспитании детей школьного возраста гендерных особенностей также было немного. Как мальчики, так и девочки должны были усваивать универсальную школьную программу. В начале 1920-х годов разрабатываются и внедряются новые варианты школьных программ, целью которых было «разгрузить» учащихся от «лишней» информации и сделать упор на практические знания и навыки. Весь материал решено было распределить не по предметам, а по трем темам: «природа», «труд» и «общество» – вводится так называемый комплексный принцип. Наиболее значимым считалось формирование правильной «социально-классовой ориентировки», изучение конкретных явлений окружающей жизни, трудовой деятельности взрослых, а также приобщение детей к самостоятельному труду [Салова 2001, с. 86–98.].

В школах и детских домах большое внимание уделялось созданию детских политических организаций (комсомольской, пионерской, октябрятской). К 1925 г. по РСФСР 75% воспитанников детских домов соответствующего возраста являлись пионерами и 60% – комсомольцами²²⁰. В деятельности этих организаций, в том числе в качестве лидеров, могли проявлять себя как мальчики, так и девочки.

Формированию ответственности и активной жизненной позиции способствовало также введение элементов самоуправления. Особенно четко эта система прослеживается в работе детских домов во второй половине 1920-х годов. Во многих учреждениях стали создаваться специальные органы самоуправления: домовый совет, детский комитет, старостат, совет отряда. Они, в свою очередь, руководили различными комиссиями – трудовыми, хозяйственными, санитарными, культурно-просветительными и др.²²¹

Разделение по гендерному принципу прослеживалось в трудовом воспитании. При каждом детском доме должны были работать мастерские. Кроме того, мастерские могли быть общегородскими, в которых получали трудовые навыки и воспитанники детских домов, и беспризорные, и дети из семей. Например, в Иваново-Вознесенске в середине 1920-х годов подобное трудовое обучение проходило от 600 до 800 учащихся ежегодно²²². Подростки таким образом получали специальность, а затем распределялись на фабрики и заводы. Кроме воспитательного значения, данная работа была

²¹⁹ Из воспоминаний К.А. Пятошиной о первом детском саду "Зорька" на фабрике "Красный Перекоп" // "Вглядись в минувшее бесстрастно..." Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг. Документы и материалы. Ярославль, 1995. С. 27.

²²⁰ Детская беспризорность и детский дом (сб. статей и материалов Второго Всероссийского съезда СПОН). М., 1926. С. 192.

²²¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 528. Л. 4 (об.), 29; Д. 533. Л. 38-39; ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 2685. Л. 35, 43, 60; Д. 612. Л. 36.

²²² Климов А. Наши достижения в области трудовой подготовки беспризорных // Вопросы просвещения. (Иваново-Вознесенск), 1927. № 6-9. С. 30-31; Отчет о работе Иваново-Вознесенского горсовета за 1926/1927 г. Иваново-Вознесенск, 1927. С. 37.

очень важна для борьбы с беспризорностью, безнадзорностью и профилактике этих явлений. Она позволяла детям стать самостоятельными, обеспечивать себя и помогать своим семьям. Девочки при этом работали преимущественно в швейных и ткацких мастерских, мальчики – в столярных, слесарных, кузнечных, сапожных. В целом по РСФСР в 1928 г. действовало около 2 тыс. детских мастерских²²³.

Однако, несмотря на преобладание универсальной системы воспитания, в изучаемый период все же были учреждения, которые разделялись по гендерному принципу. Это были детские дома для несовершеннолетних правонарушителей.

Детская преступность являлась естественным продолжением детской беспризорности. Эти социальные аномалии обостряются в постреволюционный период. Вслед за мировой войной в стране развернулась Гражданская война, на период 1921 – 1922 гг. приходится масштабный голод в Поволжье и других хлебородных губерниях страны. Тяжелое материальное положение семей, сиротство – все это в совокупности вынуждало многих детей добывать себе пропитание всеми возможными средствами. По данным Деткомиссии при ВЦИК в 1921 – 1922 гг. в стране насчитывалось примерно 7 млн беспризорных детей²²⁴. Большинство из них – до 80 %, как указывалось в отчетах местных губоно, совершали какое-либо правонарушение²²⁵. Конечно, не все эти преступления раскрывались и даже регистрировались. В 1921 г. через Комиссии по делам несовершеннолетних по РСФСР прошло 54 906 правонарушителей, в 1922 г. – 53 374 [Маро 1925, с. 25.]. Основная доля приходилась на имущественные проступки – разного рода кражи, в 1922 г. они составляли 91,2 %²²⁶. Но кроме этого, несовершеннолетними совершались и более серьезные преступления – грабежи, изнасилования, убийства.

Советские идеологи считали, что детей-правонарушителей нужно не наказывать, а перевоспитывать. Выделялось два основных фактора влияния на развитие детской преступности – личные особенности ребенка (дефекты характера, морального облика) и социальные условия, в которые попадает ребенок [Рябинина 2011, с. 99–101.]. Первоначально более значимым считался первый фактор. Говорилось о том, что в схожих социальных условиях дети тем не менее ведут себя по-разному, и не каждый беспризорный становится преступником. Поэтому вместо дореволюционного термина, который применялся для обозначения таких детей – «малолетние преступники», появляется не менее ужасное определение – «морально-дефективные»²²⁷. Новый термин применялся вплоть до середины 1920-х годов. На Втором Всероссийском съезде СПОН (социально-правовой охраны несовершеннолетних) в 1924 г. педагоги призывали отказаться от принятого ранее определения, и в качестве причины преступности выдвигали на первый план жизненные условия, которые вынуждали ребенка бороться за свое существование²²⁸.

²²³ ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 30; Д. 344. Л. 4.

²²⁴ Там же. Д. 252. Л. 16.

²²⁵ Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 529. Л. 13.

²²⁶ Детская беспризорность и детский дом. С. 13.

²²⁷ Там же. С. 27.

²²⁸ Там же. С. 22, 81.

Учитывая ситуацию, учреждения для таких детей были особыми, их главной целью было искоренение асоциальных наклонностей воспитанников. В инструкциях подчеркивалось, что, несмотря на специфику контингента, это не тюрьмы, дети в них должны полноценно развиваться: учиться в школе, работать в мастерских, формировать творческие навыки. Говорилось о недопустимости физических наказаний. «Нет замков, решеток, нет карцеров, нет оскорбительного унижающего отношения к воспитанникам, но не должны иметь место и халатность, попустительство»²²⁹. В отличие от обычных детских домов, где мальчики и девочки содержались совместно, в данном случае это считалось нецелесообразным. Объяснялось это большой вероятностью «нежелательных контактов» между мальчиками и девочками, предотвратить которые не могли никакие замки. Поэтому данные учреждения становятся исключением из общего правила единого гендерного воспитания.

Уклад жизни в таких учреждениях очень сильно отличался именно в зависимости от половой принадлежности воспитанников. Учреждения для мальчиков, как правило, были крайне неблагополучными. Они представляли собой «очаги преступности» внутри городов. Приведенные выше инструкции были очень далеки от реальности. Наладить процесс перевоспитания в таких учреждениях удавалось крайне редко. Оказавшиеся в них дети как правило уже приспособились к жизни на улице, и там они чувствовали себя комфортней, чем в холодных и голодных детских домах. Они не стремились наладить свой быт в учреждении, считали его временным пристанищем, а существующие материальные проблемы решали путем воровства казенных вещей и продажи их на рынке. Здесь наблюдалась постоянная текучесть контингента за счет большого числа побегов, достигавшего 45%²³⁰ ежемесячно, этот факт также препятствовал налаживанию воспитательной работы. Для «наведения порядка» обычным явлением в данных учреждениях становилось применение таких «мер воздействия», как карцер или физические наказания. В ответ дети вели себя не менее агрессивно – вплоть до «избиений воспитателей, а также посещавших детский дом представителей милиции и юстиции»²³¹.

Иная картина наблюдалась в учреждениях для «морально-дефективных» девочек. В них было значительно проще поддерживать порядок, руководить работой мастерских, проводить школьные занятия. Следует отметить, что сами методы воспитания были другими. В отчетах о педагогической работе говорилось об индивидуальном подходе к воспитанницам, об обсуждении возникающих проблем на еженедельных собраниях педагогического состава детских домов. Конечно, нельзя сказать, что в учреждениях для девочек все было идеально. Здесь также требовались определенные «меры воздействия». Воспитатели совместно решали вопросы о поощрениях и наказаниях для своих подопечных. Но в плане наказаний имелся в виду не карцер, а беседы, выговоры, «лишение удовольствий». Провинившихся воспитанниц могли не взять в театр, в кино, на концерт, самым жестким наказанием было лишение отпуска, возможности поехать к родственникам, если таковые

²²⁹ ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 594. Л. 139.

²³⁰ Детская беспризорность и детский дом. с. 25.

²³¹ ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 1452. Л. 3.

были²³². В качестве примера можно привести решение, принятое на заседании воспитательского совета детского дома для «морально-дефективных» девочек в Иваново-Вознесенске от 14 декабря 1921 г. Рассматривался вопрос об адаптации двух новых воспитанниц. Говорилось о грубом и вызывающем поведении девочек, нежелании заниматься учебой и работой в мастерской. После обсуждения данной проблемы воспитателям было рекомендовано «оставить девочек в покое, как только будет замечено, что они раздражаются, предупреждать их желаяния, давать им работу, которую бы они хотели (по мере возможности)»²³³. Видимо, такие меры были гораздо эффективнее, чем карцер, не давали детям озлобиться и вскоре превращали их из «морально-дефективных» в нормальных детей.

Более человечные меры, безусловно, могли быть применимы и к мальчикам. Психолог, педолог А.Б. Залкинд отмечал, что приобретенные «в уличной борьбе» негативные качества детей-правонарушителей: агрессивность, авантюризм, лживость имеют и обратную сторону – житейский реализм, смелость, активность, требовательность к себе и окружающим, проявление товарищеской солидарности. «Все это представляет собой ценнейший эмоциональный фонд, откуда надо лишь научиться черпать»²³⁴. Очень многое зависело от личности педагога-практика. К сожалению, такие педагоги как А.С. Макаренко, сумевшие добиться ощутимых результатов в работе с трудными подростками, были редкостью. Самоуправление и трудовое воспитание в данных случаях оставались не только на бумаге – в официальных инструкциях, а были реализованы, несмотря на специфику контингента.

В отношении мальчиков-правонарушителей предлагался еще один вариант перевоспитания. Уже в первые постреволюционные годы на съездах специалистов высказывались мнения относительно возможной военной подготовки для трудных детей. Так, например, на Первом Всероссийском съезде по борьбе с детской беспризорностью, дефективностью и преступностью, который состоялся в 1920 г., с подобными взглядами выступил Е. Радин. Он предложил организовать особые военно-врачебные поселки для трудновоспитуемых подростков, в которых в качестве допризывной подготовки «прививалась бы идеология войны, романтизм ее», тем самым направляя антисоциальные наклонности детей в нужное русло²³⁵. В тот период времени данная идея не нашла поддержки, но позднее к ней вернуться. В годы Великой Отечественной войны будут создаваться военные учебные заведения для ребят школьного возраста – Суворовские и Нахимовские училища. Но они будут ориентированы не только на трудных подростков, а на всех желающих мальчиков, подходящих по состоянию здоровья.

В целом, в советской системе воспитания были как свои плюсы, так и минусы. К сильной стороне этой системы можно отнести трудовое воспитание, которое дисциплинировало, формировало самостоятельность и кроме того, позволяло детям приобрести необходимые профессиональные навыки. К тому же, в этой части воспитательной системы учитывался ген-

²³² ГАИО Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 568. Л. 45(об.); Д. 514. Л. 89; Д. 757. Л. 64.

²³³ Там же. Д. 514. Л. 86.

²³⁴ Детская беспризорность и детский дом. С. 81.

²³⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 13. Д. 11. Л. 43.

дерный фактор – физиологические и психологические особенности мальчиков и девочек.

Сама система единого гендерного воспитания была для того времени вполне прогрессивной. В ней были реализованы назревшие идеи равноправия. Дети обоего пола проходили обучение по общей программе, что позволяло впоследствии как мальчикам, так и девочкам, реализовать себя в любой сфере деятельности. В детях формировалась активная жизненная позиция. Система частичного самоуправления позволяла воспитать ответственность, коллективизм и одновременно лидерские качества, которые затем могли быть применимы во взрослой общественной и политической жизни. Кроме того, тесное общение между мальчиками и девочками в учебной, трудовой, культурной деятельности помогало им лучше узнать и понять друг друга, что также способствовало более эффективному дальнейшему взаимодействию во всех областях жизни.

К отрицательной стороне советской системы воспитания, прежде всего, можно отнести ее политизацию. Педагогический процесс предписывалось строить, исходя из задач, «диктуемых классовыми интересами пролетариата, и из учения о ребенке, как продукте социальной среды»²³⁶. Поэтому уже с самого раннего возраста человек в Советской России был лишен свободы политического, мировоззренческого выбора. Активность могла проявляться только в рамках, определенных правящей партией, например, в системе детских политических организаций.

Явным минусом в системе воспитания была также недооценка роли и значимости семьи в новом обществе. Были популярны идеи о разложении старой домостроевской семьи и создании семьи нового типа, основанной на равноправии. Эти правильные и назревшие взгляды получили отражение в законодательстве, но в воспитательном плане они не были реализованы. На ментальном уровне семья оставалась прежней. Новые роли в семье необходимо было воспитывать – не подчинение жены мужу, а взаимоуважение и взаимопомощь, не отрицание значимости семьи, а формирование понимания новых основ, на которых она должна строиться, не воспитание детей в детских домах и запрет играть в куклы, а превращение семьи в полноценную воспитательную ячейку с активным участием в этом процессе обоих родителей.

Согласно новой идеологии, как отмечалось выше, непременным условием привлечения женщин к производительному труду, общественной и политической жизни должна была стать коренная реформа быта, а точнее перестройка семейного хозяйства в общественное. Нельзя сказать, что эта задача совсем не была реализована – формировалась система дошкольных учреждений, действовали общественные столовые. Но в гораздо большей степени бытовые проблемы оставались лежать на плечах женщин. Обеспеченность дошкольными учреждениями даже к концу 1920-х годов не превышала 1 %²³⁷. Введенный декретный отпуск составлял 8 недель до родов и 8 недель после родов.²³⁸ А дальше женщины вынуждены были совмещать прежние обязан-

²³⁶ Резолюции по докладам Третьего Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию. С. 11.

²³⁷ Народное просвещение в РСФСР к 1929/1930 учебному году. М.-Л., 1930. С. 66.

²³⁸ СУ. 1918. № 87/88. Ст. 905.

ности жены, матери и хозяйки с новыми функциями советской женщины. Вместо уравнивания в бытовой сфере роли мужчины и женщины, советская пропаганда и воспитательная система начинают культивировать образы женщин, которые способны успеть все. И если до революции такая ситуация имела название «двойным рабством женщины», то теперь – ее освобождением.

Несмотря на то, что среди марксистских идей о новом быте абсолютно преобладали взгляды об общественных формах его устройства, можно выделить несколько иную точку зрения на этот вопрос А. Бебеля. В работе «Женщина и социализм» он писал о том, что немалую роль в раскрепощении женщины, даже в условиях капитализма, может сыграть механизация домашнего труда [Бебель 1959, с. 543.]. Данное утверждение, несмотря на его жизненность и последующую проверку временем, негативно оценивалось другими социалистами, считалось отступлением от последовательной революционно-классовой позиции. В.И. Ленин, в частности, считал, что технический прогресс при капитализме служит лишь обогащению господствующих классов, только социалистическое общество позволит сделать достижения науки и техники доступными для трудящихся²³⁹.

Но и в условиях Советской России к бытовой механизации относились неоднозначно. Некоторые сторонники обобществленного быта выступали против налаживания производства домашней техники, считая эту тенденцию обуржуазиванием. В связи с медленным формированием необходимых учреждений быта, целый ряд партийных деятелей: А.М. Коллонтай [Коллонтай 1923, с. 169], Н.К. Крупская [Крупская 1959b, с. 175], С.И. Каплун [Каплун 1924, с. 87] и др. предлагали создавать дома-коммуны с коллективным хозяйством. Особенно радикально настроенные реформаторы, например Л.М. Сабсович [Сабсович 1930], считали возможным даже насильственное обобществление семейного быта, строительство новых домов исключительно в форме домов-коммун. В 1930 г. так называемый «левый уклон» в партии был осужден ЦК за «крайне необоснованные, полуфантастические, а потому чрезвычайно вредные попытки переустройства быта»²⁴⁰. Излишний радикализм осудили, но взамен ничего не предложили. Быт оставался рутинным, а производство домашней бытовой техники начнется только в 1950-е годы.

Возвращаясь к процессу воспитания, следует отметить еще один важный момент. Система подготовки «нового человека» практически не учитывала гендерный аспект. Лишь в системе принудительного воспитания наблюдались разные подходы к мальчикам и девочкам и даже разделение учреждений на мужские и женские. Это считалось вынужденной мерой, исключением из единого правила. Но и в общей системе воспитания и образования, несмотря на положительные стороны универсальной программы, о которых говорилось выше, важно было учитывать и гендерные особенности. Равноправие мужчины и женщины в советском обществе нередко воспринималось не только как равенство прав и возможностей, а как одинаковость.

²³⁹ Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской Республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. 1970. С. 198-205.

²⁴⁰ Постановление ЦК ВКП(б) О работе по перестройке быта. 16 мая 1930 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). Т. 5. М., 1984. С. 118.

В конце 1920-х годов А.Б. Залкинд писал о необходимости политического, экономического и даже физиологического приближения женщины к мужчине [Залкинд 1990, с. 345]. Если русская женщина «и коня на скаку оставит и в горящую избу войдет», то советская – и рельсы в тайге проложит, и задания пятилетки выполнит и перевыполнит. Безусловно, новые задачи не должны были перечеркивать гендерные различия. Женщины должны были оставаться женщинами, а мужчины – мужчинами. Стремиться нужно было не к одинаковости, а к взаимному гармоничному дополнению во всех сферах жизни. И этому нужно было учиться и женщинам, и мужчинам. В идеале воспитание должно было содержать три уровня – общую программу подготовки, гендерно-ориентированные подходы и индивидуальные методы. А в реальности осуществлялась только первая часть.

Проблема гендерного равенства не закрыта и сегодня. В поиске гармоничного взаимодействия мужчин и женщин нужно учитывать опыт разных политических и воспитательных систем. Говоря в современном обществе о возвращении к традициям, вряд ли нужно реанимировать домостроевскую семью и женское бесправие, но некоторые аспекты дореволюционного образования, связанные со значимостью семьи и упором на воспитание общечеловеческих нравственных качеств, были бы уместны. К советской системе воспитания и образования тоже нужно подходить осторожно – не отвергая ее полностью, со свойственным нашему народу максимализмом, но и не идеализируя ее. В ней были свои сильные и слабые стороны. Нужно попытаться использовать лучшее с учетом нового витка развития общества – новых целей и задач, которые стоят сегодня перед ним.

ЛИТЕРАТУРА

- Бебель 1959 – *Бебель А.* Женщина и социализм. – М.: Госполитиздат, 1959. – 592 с.
- Залкинд 1990 – *Залкинд А.Б.* 12 половых заповедей революционного пролетариата // *Философия любви. Ч. 2.* – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – С. 338–353.
- Каплун 1924 – *Каплун С.* Современные проблемы женского труда и быта. – М.: Вопросы труда, 1924. – 88 с.
- Коллонтай 1919 – *Коллонтай А.М.* Новая мораль и рабочий класс. – М.: Изд-во Всероссийского центрального исполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих депутатов, 1919. – 62 с.
- Коллонтай 1923 – *Коллонтай А.М.* Положение женщины в эволюции хозяйства. – М. – Пг.: Госиздат, 1923. – 207 с.
- Коллонтай 1919 – *Коллонтай А.М.* Семья и коммунистическое государство. – Киев: Всеукраинское издательство, 1919. – 20 с.
- Крупская 1959а – *Крупская Н.К.* О быте работниц // *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. Т. 6. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1959. – С. 88–91.
- Крупская 1959б – *Крупская Н.К.* О бытовых коммунах // *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения Т. 6. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1959. – С. 174–176.
- Ленин 1970 – *Ленин В.И.* Великий почин // *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч. Т. 39. 1970. – С. 1–29.
- Ленин 1969 – *Ленин В.И.* Задачи пролетариата в нашей революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. 1969. – С. 149–186.

Ленин 1971 – *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. 1971. – 792 с.

Луначарский 1976 – *Луначарский А.В.* К IV Всероссийскому съезду по дошкольному воспитанию // Луначарский А.В. О воспитании и образовании. – М.: Педагогика, 1976. – С. 319–324.

Маркс, Энгельс 1955 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. 1955. – С. 419–447.

Маро 1925 – *Маро (Левитина М.И.).* Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. – М.: Новая Москва, 1925. – 454 с.

Рябина 2009 – *Рябина Н.В.* Воспитание «нового человека» в Советской России (октябрь 1917 – 1920-е годы). Система дошкольных учреждений. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2009. – 108 с.

Рябина 2011 – *Рябина Н.В.* По делам «морально-дефективных» // Родина. 2011. № 11. – С. 99–101.

Сабсович 1930 – *Сабсович Л.М.* Социалистические города. – М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930. – 124 с.

Салова 2001 – *Салова Ю.Г.* Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2001. – 197 с.

Юкина 2007 – *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.

REFERENCES

Bebel, A (1959), *Zhenshchina i sotsializm [Woman and Socialism]*, Gospolitizdat, Moscow, Russia, 592 p.

Zalkind, A.V. (1990), 12 polovykh zapovedey revolyutsionnogo proletariata [*12 of the sexual commandments of the revolutionary proletariat*], in *Filosofiya lyubvi: Sbornik statei [The philosophy of love]*. Part 2. Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, pp. 338–353.

Caplun, S. (1924), *Sovremennyye problemy zhenskogo truda i byta [Modern problems of female labor and life]*, Voprosy truda, Moscow, Russia, 88 p.

Kollontai, A.M. (1919), *Novaya moral' i rabochiy klass [New morality and working class]*, Izdatel'stvo Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolkoma Soveta rabochikh, krest'yanskikh, kazach'ikh deputatov, Moscow, Russia, 62 p.

Kollontai, A.M. (1923), *Polozheniye zhenshchiny v evolyutsii khozyaystva [The situation of a woman in the evolution of the economy]*, Gosizdat, Moscow – Petrograd, Russia, 207 p.

Kollontai, A.M. (1919), *Sem'ya i kommunisticheskoye gosudarstvo [Family and the communist state]*, Vseukrainskoye izdatel'stvo, Kyiv, Russia, 20 p.

Krupskaya, N.K. (1959a), *O byte rabotnits [On the life of workers]*, in *Pedagogicheskiye sochineniya [Pedagogical works]*. vol. 6, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, Moscow, Russia, pp. 88–91.

Krupskaya, N.K. (1959b), *O bytovykh kommunakh [On household communes]*, in *Pedagogicheskiye sochineniya [Pedagogical works]*. vol. 6, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, Moscow, Russia, pp. 174–176.

Lenin, V.I. (1970), *Velikiy pochin [Great undertaking]*, in *Polnoe sobranie sochinenij*, vol. 39. Moscow, Russia, pp. 1–29.

Lenin, V.I. (1969), *Zadachi proletariata v nashey revolyutsii [The tasks of the proletariat in our revolution]*, in *Polnoe sobranie sochinenij*, vol. 31. Moscow, Russia, pp. 149–186.

Lenin, V.I. (1971), *Razvitiye kapitalizma v Rossii* [*The development of capitalism in Russia*], in *Polnoe sobranie sochinenij*, vol. 3. Moscow, Russia, 792 p.

Lunacharsky, A.V. (1976), К IV Vserossiyskomu s"yezdu po doshkol'nomu vospitaniyu [*To the IV All-Russian Congress for Preschool Education*], in *O vospitanii i obrazovanii: Sbornik statei* [*About upbringing and education*]. Pedagogika, Moscow, Russia, pp. 319–324.

Marx, K., Engels, F. (1955), *Manifest Kommunisticheskoy partii* [*Manifesto of the Communist Party*], in *Sobranie sochinenij*, vol. 4. Moscow, Russia, pp. 419–447.

Maro (Levitina, M.I.) (1925), *Besprizornnyye. Sotsiologiya. Byt. Praktika raboty* [*Homeless. Sociology. Life. Work practice*], Novaya Moskva, Moscow, Russia, 454 p.

Ryabinina, N.V. (2009), *Vospitaniye «novogo cheloveka» v Sovetskoj Rossii (oktyabr' 1917 – 1920-ye gody). Sistema doshkol'nykh uchrezhdenij* [*Education of a "new man" in Soviet Russia (October 1917–1920s). System of preschool institutions*]. Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet im. P.G. Demidova, Yaroslavl, Russia, 108 p.

Ryabinina, N.V. (2011), *Po delam «moral'no-defektivnykh»* [*In issues of "immoral-defective"*], *Rodina*, no. 11, pp. 99–101.

Sabsovich, L.M. (1930), *Sotsialisticheskiye goroda* [*Socialist cities*], Gosizdat RSFSR «Moskovskiy rabochiy», Moscow, Russia, 124 p.

Salova, Yu.G. (2001), *Politicheskoye vospitaniye detey v Sovetskoj Rossii v 1920-ye gody* [*Political education of children in Soviet Russia in the 1920s*], Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet im. P.G. Demidova, Yaroslavl, Russia, 197 p.

Yukina, I.I. (2007), *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [*Russian feminism as a challenge of modernity*], Aletheya, St. Petersburg, Russia, 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Наталья В. Рябинина, кандидат исторических наук, доцент.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д.10.
yarnatal2010@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Natalia V. Ryabinina, Cand. of Sci. (History) associate professor
P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
bld. 10, Sovetskaya st., Yaroslavl, Russia, 150003
yarnatal2010@yandex.ru.

СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

DOI 10.25986/ISN.2023.78.50.007

А.Я. Вышинский: первые шаги сталинского дипломата, сентябрь 1940–22 июня 1941 гг.

Владимир А. Невежин

Институт российской истории РАН, Москва,

nevva@mail.ru

ORCID 0009-0004-2762-2464

Аннотация. В статье рассматривается мало изученный эпизод биографии А.Я. Вышинского (1883–1954) – обстоятельства его включения в советскую номенклатуру и первые практические шаги как сталинского дипломата. Вышинский стал хорошо известен в СССР и за границей после того, как выступил государственным обвинителем на трех Московских политических процессах 1936–1938 гг.

В 1939 г. благодаря сталинскому покровительству он был назначен заместителем главы Советского правительства В.М. Молотова; в том же году избран членом ЦК ВКП(б), стал академиком АН СССР.

Коренные изменения в карьере и в жизни Вышинского произошли в начале сентября 1940 г. Он получил назначение на должность первого заместителя В.М. Молотова как Народного комиссара иностранных дел.

В предвоенный период (до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г.) повседневная политическая жизнь Вышинского была довольно активной. Он вел переговоры с представителями ряда государств (Англии, Германии, Турции, Японии и других), в ходе которых обсуждались важные международные проблемы. По роду своей деятельности Вышинский участвовал в дипломатических приемах, которые устраивали Молотов и иностранные послы. В последнем случае он тщательно фиксировал и пересылал Сталину и Молотову отчеты о своих беседах с зарубежными дипломатами.

Вышинский выполнял ряд специальных заданий, в частности, являлся одним из руководителей операции по освобождению из французских лагерей бывших бойцов интернациональных бригад, которые участвовали в Гражданской войне в Испании.

Период 1940–1941 гг. являлся важным этапом в карьере А.Я. Вышинского как сталинского дипломата. Данный этап предопределил ее дальнейший рост во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенный период (1945–1954).

Ключевые слова: А.Я. Вышинский, В.М. Молотов, Народный комиссариат иностранных дел, внешняя политика, дипломатия СССР 1940–1941, политическая повседневность.

Для цитирования: Невежин В.А. А.Я. Вышинский: первые шаги сталинского дипломата, сентябрь 1940–22 июня 1941 гг. // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 176–195. DOI: 10.25986/ISN.2023.78.50.007

A.Ya. Vyshinsky: The first steps of a Stalinist diplomat, September 1940 – June 22, 1941

Vladimir A. Nevezhin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
nevva@mail.ru

ORCID 0009-0004-2762-2464

Abstract. *This paper deals with a little-studied episode in the biography of A.Ya. Vyshinsky (1883–1954), viz., the circumstances around his inclusion in the Soviet nomenklatura and his first practical steps as a Stalin's diplomat. Vyshinsky became well known in the USSR and abroad after he acted as a state prosecutor at three Moscow political trials in 1936–1938.*

In 1939, thanks to Stalin's patronage, he was appointed the deputy of V.M. Molotov who was the head of the Soviet government at the time. In the same year, he was elected a member of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and an academician of the USSR Academy of Sciences.

Fundamental changes in Vyshinsky's career and life took place in early September 1940. He was made the first deputy of V.M. Molotov, who was then People's Commissar for Foreign Affairs.

In the prewar period (before the German invasion of the USSR on June 22, 1941), Vyshinsky's everyday political life was quite active. He conducted talks with representatives of several states (England, Germany, Turkey, Japan and others) during which important international problems were discussed. By the nature of his work, Vyshinsky participated in diplomatic receptions arranged by Molotov and foreign ambassadors. In the latter case, he carefully compiled accounts of his conversations with foreign diplomats and sent them to Stalin and Molotov.

Vyshinsky performed a number of special tasks; in particular, he was one of those charged with liberating former soldiers of the international brigades who participated in the Spanish Civil War from the French camps.

The period 1940–1941 was an important stage in the career of A.Ya. Vyshinsky as a Stalin's diplomat. It determined his rise in importance during the Great Patriotic War 1941–1945 and in the post-war period (1945–1954).

Key words: *A.Ya. Vyshinsky, V.M. Molotov, People's Commissariat of Foreign Affairs, foreign policy, diplomacy of the USSR 1940–1941, political everyday life.*

For citation: *Nevezhin, V.A. (2023), "A. Ya. Vyshinsky: the first steps of a Stalinist diplomat, September 1940 – June 22, 1941", Istoricheskie zapiski, No. 22 (140), pp. 176–195. DOI: 10.25986/ISN.2023.78.50.007*

Проблема становления и развития партийно-государственной номенклатуры постоянно находится в центре внимания историков [Коржихина, Фигатнер 1993; Мохов 2005]. Одним из перспективных исследовательских направлений, связанных с данной проблематикой, является изучение политической повседневности представителей номенклатуры [Мохов 2013].

В данной статье предпринята попытка ее рассмотрения на примере повседневной жизни и деятельности А.Я. Вышинского в период от назначения первым заместителем народного комиссара иностранных дел и до на-

чала Великой Отечественной войны. Автор сосредоточил внимание лишь на некоторых, преимущественно мало известных эпизодах из политической повседневности Вышинского, которые дают возможность создать более объективное представление о специфике его деятельности как одного из руководящих сотрудников НКВД, сыгравших весомую роль в поддержании дипломатических отношений СССР с зарубежными странами.

При написании данной статьи были использованы опубликованные, а также ранее не известные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (подлинники протоколов Политбюро) и Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) (материалы секретариата В.М. Молотова).

Биография Андрея Януарьевича Вышинского (1883–1954), казалось бы, «не располагала» к тому, что он может занять собственное место в советской номенклатуре. Этому, в первую очередь, не способствовало его «непролетарское» социальное происхождение, а также то, что он после многих лет пребывания в партии меньшевиков лишь в 1920 г., в конце Гражданской войны вступил в большевистскую партию.

А.Я. Вышинский родился в Одессе. Версия о принадлежности его отца, Я.Ф. Вышинского, фармацевта, поляка по национальности, католика по вероисповеданию, к польскому шляхетскому роду не доказана. Мать А.Я. Вышинского, Ф.С. Шапкина, была по профессии преподавателем музыки (пианисткой).

В 1888 г. семья Вышинских переехала в Баку. В 1900 г. А.Я. Вышинский окончил частную гимназию А.И. Победоносцева. В 1901 г. он поступил на юридический факультете Университета Святого Владимира в Киеве. Казалось, что уже в начале жизненного пути всё складывалось вполне благоприятно... Однако дальнейшие события, в первую очередь, вовлеченность в антиправительственную деятельность, имели нежелательные последствия: исключение из университета, высылка из Киева в Баку.

В 1903–1919 гг. А.Я. Вышинский являлся членом РСДРП (меньшевики)²⁴¹. Проводил нелегальную подпольную работу в Баку; участвовал в организации стачки на железнодорожном узле, за что был арестован и после суда приговорен к тюремному заключению. Существует версия, согласно которой во время годичного пребывания в Баилловской тюрьме в Баку он познакомился с содержавшимся в ней И.В. Джугашвили (Сталиным).

Лишь в 1909 г. Вышинский отошел от антиправительственной деятельности. Благодаря своей настойчивости он сумел не только восстановиться в Киевском университете Святого Владимира, но и закончить его в 1913 г. Однако, скорее всего, по причине «политической благонадежности» А.Я. Вышинский так и не получил разрешения продолжить обучение в магистратуре, где он намеревался пройти подготовку к присвоению звания профессора по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства.

В 1915 г. А.Я. Вышинский с женой и малолетней дочерью переехал на постоянное место жительства в Москву, где получил место присяжного поверенного.

²⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 810. Л. 139.

Октябрь 1917 г. Вышинский встретил в качестве назначенного при Временном правительстве комиссара 1-го участка милиции Якиманского района и выборного председателя Якиманской районной управы.

При новой, большевистской власти, А.Я. Вышинский занял должность начальника распределительного отдела Народного комиссариата продовольствия (1918–1923 гг.). В дальнейшем он совмещал преподавательскую деятельность с юридической: прокурор судебной коллегии Верховного суда РСФСР (1923–1925 гг.); ректор 1-го Московского университета (1925–1928 гг.); член коллегии, заместитель народного комиссара просвещения РСФСР (1928–1931 гг.).

В начале 1930-х гг., казалось, определилось то поприще, на котором А.Я. Вышинский смог проявить свои способности как профессиональный юрист. Он последовательно являлся заместителем народного комиссара юстиции РСФСР, заместителя Прокурора СССР (1931–1933 гг.). В 1933 г. Вышинский был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Н.В. Крыленко (в 1931–1936 гг. – народный комиссар юстиции РСФСР), арестованный органами НКВД, находясь под следствием, следующим образом сообщал о деловых качествах своего бывшего подчиненного: «исключительная работоспособность, точность и исполнительность и поразительное умение владеть собой и такая же исключительная мягкость, и культурность [sic – В.Н.] во внешнем обхождении». В то же время Крыленко отмечал одно негативное, но, по его свидетельству, крайне редко наблюдавшееся качество Вышинского. Порой выдержка изменяла ему, что проявлялось, по словам Н.В. Крыленко, «в очень резких и грубых формах (вскакивание с места, крик, немотивированный уход с заседания и проч.)»²⁴².

15 февраля 1934 г. А.Я. Вышинский вошел в состав Комиссии ЦК ВКП(б) по политическим (судебным) делам, созданной в 1926 г.²⁴³. В задачу этой Комиссии входили рассмотрение и подготовка для утверждения на Политбюро судебных приговоров, в том числе – смертных; контроль за организацией деятельности Верховного суда, решений внесудебных «троек»²⁴⁴.

В марте 1935 г. А.Я. Вышинский занял высокий номенклатурный пост общесоюзного масштаба. 3 марта опросом членов Политбюро он был назначен Прокурором СССР. Судя по документам подлинника протокола высшего партийного органа, за данное решение проголосовали, т. е. оставили свои подписи на проекте документа: И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.И. Калинин. Данное назначение также поддержали А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Г.К. Орджоникидзе и В.Я. Чубарь. Никаких дополнительных материалов по данному вопросу в Политбюро представлено не было²⁴⁵, т. е. отсутствовали представление руководителя ведомства, которое рекомендовало Вышинского на столь высокий пост, и необходимая в таких случаях анкета. Это означало следующее: назначение В.Я. Вышинского на высокую должность, входившую в номенклатуру Политбюро, было проведено с согласия И.В. Сталина и В.М. Молотова без

²⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 113.

²⁴³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 58, прим. 1.

²⁴⁴ Там же. С. 19.

²⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1055. Л. 96.

предварительного обсуждения на заседании Секретариата либо Оргбюро ЦК ВКП(б).

20 июля 1937 г. по постановлению ЦИК СССР Вышинский был награжден орденом Ленина с формулировкой «За успешную работу по укреплению революционной законности и органов прокуратуры»²⁴⁶. 1937–1950 гг. он избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Параллельно с успехами в своей прокурорской карьере А.Я. Вышинский далеко продвинулся и в научной сфере. В 1936 г. он стал доктором юридических наук. 20 октября 1937 г. по представлению президента АН СССР М.И. Губкина Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило А.Я. Вышинского директором академического Института государства и права (по совместительству)²⁴⁷. Эту должность он занимал до 1941 г. 28 января 1939 г., минуя звание члена-корреспондента, Вышинский был избран академиком АН СССР по отделению общественных наук (право)²⁴⁸.

Громкую (но, по мнению большинства его биографов, дурную) славу А.Я. Вышинский получил после того, как выступил в качестве государственного обвинителя на Московских политических процессах 1936–1938 гг. Этот эпизод его жизни освещен в документальных изданиях²⁴⁹, а также в исследовательской литературе и публицистике [Артамонова 2011, Ваксберг 1992, Звягинцев, Орлов 2001, Инквизитор 1992, Iwanow 2023].

Между тем ни один из авторов, писавших о жизненном пути и составлявших политическую биографию А.Я. Вышинского, не уделил внимания довольно важному сюжету, связанному с его деятельностью на поприще прокурора СССР.

С одной стороны, хорошо известно, что на пике политических репрессий 1936–1938 гг. имя Вышинского стало знакомо многим не только в СССР, но и за границей. В качестве государственного обвинителя он произносил пламенные обличительные речи против «врагов народа», требуя для них суровой кары, и даже стал своеобразным «медийным персонажем», поскольку всё происходившее в зале судебных заседаний фиксировалось фотоаппаратами и кинодокументалистами.

С другой стороны, железная «логика» репрессий состояла в том, что трагическую участь осужденных и приговоренных к высшей мере наказания «врагов народа» разделили многие из тех, кто стоял у руля силовых и судебных структур. В частности, к исходу 1938 г. были подвергнуты арестам (а впоследствии – приговорены к высшей мере наказания) те функционеры, в подчинении которых работал, либо просто общался по роду своей деятельности А.Я. Вышинский. Помимо Н.В. Крыленко, органами НКВД были арестованы И.А. Акулов (Прокурор СССР в 1933–1935 гг.); наркомы вну-

²⁴⁶ Известия. 1937. 21 июля.

²⁴⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. 1922—1991 / 1922—1952. М., 2000. Док. № 231. С. 262.

²⁴⁸ Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 2. 1917—1974. М., 1974. С. 23.

²⁴⁹ Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 23 – 30 января 1937 года, по обвинению Пятакова Ю.Л., Радека К.Б., Сокольников Г.Я., Серебрякова Л.П., Муралова Н.И., Лившица Я.А., Дробинца Я.Н., Богуславского М.С., Князева И.А., Ратайчака С.А., Норкина Б.О., Шестова А.А., Строилова М.С., Турока И.Д., Граше А.А., Пушина Г.Е. и Арнольда В.В. Процесс Бухарина. 1938 г. Сборник документов. М., 2013.

тренних дел БССР и УССР И.М. Леплевский и А.А. Наседкин; прокурор Западной области М.Н. Ерёмин и другие.

Во время допросов, которые проводились органами НКВД на стадии предварительного следствия, от них были получены показания, согласно которым А.Я. Вышинский якобы примыкал к «правым» оппозиционерам и даже входил в состав троцкистской контрреволюционной организации; попутно упоминалось о его «меньшевистском прошлом»²⁵⁰. Согласно утверждениям Леплевского, Вышинский после ареста Крыленко, с которым по роду службы общался в течение ряда лет, обнаружил «большое волнение» и «неоднократно высказывал опасения, как бы против него [Вышинского] не было дано неблагоприятных показаний арестованными крупными работниками» Прокуратуры, Верховного Суда и Народного комиссариата юстиции СССР²⁵¹.

Подобного рода «компромат» на А.Я. Вышинского содержался также в ряде доносов, которые оказались в распоряжении народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова²⁵². Ситуация усугублялась тем, что в 1936–1938 гг. Прокурор СССР Вышинский как непосредственный проводник политических репрессий, имел с ним самые тесные «деловые» контакты [Петров, Янсен 2020; Хаустов, Самуэльсон 2009].

8 октября 1938 г. была создана специальная комиссия во главе с Н.И. Ежовым (в нее входили также Л.П. Берия, заведующий Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, народный комиссар юстиции СССР Н.М. Рычков и А.Я. Вышинский), перед членами которой стояла задача подготовить проект постановления о новом порядке проведения арестов, прокурорском надзоре и ведении следствия. К середине ноября текст документа был готов. Он лег в основу совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [Петров, Янсен 2020, с. 386, 394].

Неделю спустя Ежов по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был освобожден от должности главы силового ведомства, а на его место назначен Л.П. Берия. После этого карьера Н.И. Ежова резко пошла на спад.

С отставкой Ежова оказалась под вопросом дальнейшая судьба Вышинского. В архиве бывшего наркома внутренних дел, как уже отмечалось, отложились собственноручные показания его бывших коллег и доносы, в которых прокурор СССР объявлялся «правым», «троцкистом», обвинялся в связях с «врагами народа» и т. д. и т. п. Польское происхождение Вышинского в атмосфере шпиономании послужит лишним аргументом не в его пользу.

В сопроводительном письме Л.П. Берии, секретаря ЦК ВКП(б), члена Политбюро А.А. Андреева и Г.М. Маленкова, к акту приема-сдачи дел в НКВД (29 января 1939 г.), адресованном И.В. Сталину, отмечались многочисленные «безобразия, извращения и перегибы в деле арестов и ведения следствия». Особо подчеркивалось, что все они «проводились с санкции и ведома органов Прокуратуры СССР». При этом авторы документа называли фамилии А.Я. Вышинского и Г.К. Рогинского (второго заместителя Прокурора СССР в 1935–1939 гг.) [Петров, Янсен 2020, приложение. док. № 3, с. 553].

²⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 105-123.

²⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 376. Л. 122.

²⁵² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 196. Л. 106, 124-124 об., 126-128; 131-131 об.

Однако Сталин и Молотов, неизменно поддерживавшие Вышинского, вовсе не желали превращать его в «подельника» свергнутого Ежова. На них не оказал особого действия «компромат» против Прокурора СССР. В данном случае можно говорить о подтверждении встречающейся в историографии версии о том, что вождь «предпочитал опираться на людей, имевших “пятна” в политической биографии», в частности, на «бывшего меньшевика А.Я. Вышинского» [Хлевнюк 2010, с. 215].

Так или иначе, Вышинский, в отличие от Ежова, фактически был выведен из-под удара, в результате чего значительно усилил свои позиции в партийно-государственной элите.

На XVIII съезде ВКП(б), не являясь кандидатом в члены ЦК ВКП(б), Вышинский был избран членом этого высокого партийного органа, в состав которого входил с 22 марта 1939 по 15 октября 1946 гг.

По существу, это был его первый шаг на пути к полноправному вхождению в состав партийно-государственной номенклатуры. Принадлежность к ней предполагала, помимо разнообразных привилегий материального порядка, которые были положены А.Я. Вышинскому (высокие оклады замнаркома, академика и директора академического института, спецпайки, государственная дача, оплачиваемый санаторный отдых и т. д. и т. п.), участие в репрезентациях сталинской власти. В частности, А.Я. Вышинский, находясь (вместе с И.В. Сталиным, членами Политбюро, Центрального Комитета ВКП(б), руководителями важнейших ведомств) на трибуне Мавзолея Ленина во время Первомайских праздничных торжеств 1939 г., присутствовал на военном параде и на демонстрации трудящихся²⁵³.

10 апреля 1939 г. был арестован Н.И. Ежов. Между тем в карьере А.Я. Вышинского произошло важное событие, предопределившее окончательное закрепление в звене советской партийно-государственной номенклатуры.

Еще 19 января 1938 г. на Первой Сессии Верховного Совета СССР А.Я. Вышинский был назначен Прокурором СССР²⁵⁴, согласно Конституции СССР 1936 г., на срок в семь лет. Однако на сей раз Вышинский занимал эту должность лишь год с небольшим.

29 мая 1939 г., с 15.25 до 16.10, он находился (одновременно с Молотовым) в служебном кабинете Сталина в Кремле²⁵⁵. В архиве сохранился черновой текст решения Политбюро от 31 мая (проведенного опросом) об освобождении А.Я. Вышинского от обязанностей Прокурора СССР и о назначении его заместителем Председателя СНК СССР, написанный рукой В.М. Молотова. Скорее всего, данное назначение и обсуждалось в сталинском служебном кабинете за день до этого. Оно было проведено без предварительного обсуждения на Секретариате или на Оргбюро ЦК ВКП(б), о чем может свидетельствовать помета А.Н. Поскребышева об отсутствии материалов по данному вопросу²⁵⁶.

²⁵³ Известия. 1939. 4 мая.

²⁵⁴ Известия. 1939. 20 января.

²⁵⁵ На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924-1953). М., 2010. С. 260.

²⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1227. Л. 170.

Новое назначение А.Я. Вышинского было утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР²⁵⁷. Вышинский занимал пост заместителя Председателя СНК СССР вплоть до 15 мая 1944 г.

Будучи заместителем главы Советского правительства, Вышинский курировал главным образом сферы науки, культуры и образования. 22 августа 1940 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) он был включен в состав Комиссии по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых кинофильмов²⁵⁸.

Между тем 19 июня 1939 г. Вышинского заменил в Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам новый Прокурор СССР М.И. Панкратьев²⁵⁹. Казалось бы, деятельность Вышинского как юриста оказалась не востребованной.

Однако это не так. Наряду с вопросами науки, культуры и образования он осуществлял также надзор над судебными и следственными органами. Именно А.Я. Вышинский, «согласно договоренности», 5 июля 1939 г. направил первому заместителю народного комиссара иностранных дел В.П. Потёмкину проект приговора Верховного Суда СССР по делу Ф.Ф. Раскольникова, который, будучи советским полпредом в Болгарии и получив сообщение о вызове в Москву, проигнорировал сигнал своего руководства и таким образом оказался невозвращенцем. Раскольников был объявлен вне закона, что означало, в случае поимки советскими властями, немедленный расстрел²⁶⁰. Приговор Верховного Суда СССР в отношении Ф.Ф. Раскольникова был утвержден решением Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1939 г.²⁶¹ На следующий день сообщение об этом приговоре появилось в советской прессе²⁶².

Данный случай свидетельствует об особо доверительном отношении руководства Народного комиссариата иностранных дел к персоне А.Я. Вышинского. В то же время он может служить подтверждением востребованности его как юриста в области советского уголовного судопроизводства.

Когда в начале октября 1939 г. скончался известный артист Б.В. Щукин, А.Я. Вышинский направил докладную записку на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, в которой подробно изложил порядок предстоящих похорон одного из известнейших исполнителей роли Ленина в советском кинематографе. Согласившись в целом с предложениями Вышинского, Сталин начертил на его докладной записке: «...Я хотел бы знать, кто лечил Щукина, почему не сообщили нам об его болезни, о характере болезни и т. п.? Предлагаю расследовать это дело *без шума* [выделено при публикации – *В.Н.*], поручив расследование лично Вышинскому и Берия»²⁶³.

Высокий пост заместителя главы Советского правительства не только предоставил А.Я. Вышинскому возможность участвовать в репрезентациях сталинской власти, о чем уже упоминалось выше, но и присутствовать на

²⁵⁷ Известия. 1939. 1 июня.

²⁵⁸ Сталинское Политбюро в 30-е годы... Док. № 71. С. 73.

²⁵⁹ Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 58, прим. 1.

²⁶⁰ Ф.Ф. Раскольников скончался в Ницце 12 сентября 1939 г. – *В.Н.*

²⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1232. Л. 13-15.

²⁶² Правда. 1939. 20 июля; Известия. 1939. 20 июля.

²⁶³ Кремлевский кинотеатр. 1928—1953: Документы. М., 2005. Док. № 299. С. 564; С. 565, прим. 1.

дипломатических приемах (банкетах), которые устраивал В.М. Молотов. Например, Вышинский присутствовал на приеме дипломатического корпуса 7 ноября 1939 г. по случаю очередной годовщины Октябрьской революции²⁶⁴.

Между тем арестованный 10 апреля 1939 г. Н.И. Ежов, во время предварительного следствия вопрошал (употребляя нецензурные выражения): где теперь находится А.Я. Вышинский, которого он обвинял во всех смертных грехах. Однако к этому времени бывший Прокурор СССР оказался на не досягаемой высоте. На заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу Н.И. Ежова (3 февраля 1940 г.) председательствовавший В.В. Ульрих (очевидно, получивший указание «сверху»), вообще запретил подсудимому упоминать имя А.Я. Вышинского [Петров, Янсен 2020, с. 512], уже являвшегося к тому времени заместителем главы Советского правительства.

Летом 1940 г. А.Я. Вышинский впервые был привлечен к решению важных практических вопросов внешнеполитического характера, связанных с вхождением Прибалтийских стран (Литвы, Латвии и Эстонии) в состав СССР. Он был направлен в качестве специального эмиссара в Латвию (в Эстонию выехал секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро А.А. Жданов, а в Литву – заместитель народного комиссара иностранных дел В.Г. Деканозов). В результате этой «командировки» произошла смена власти во всех трех Прибалтийских странах, причем, хотя и в присутствии введенных на территорию Литвы, Латвии и Эстонии частей Красной армии, но в целом без кровопролития [Мельныхов 2014, с. 396–586]. В результате возникли три новые Советские Социалистические Республики: Латвийская, Литовская и Эстонская.

На Седьмой Сессии Верховного Совета СССР (5–7 августа 1940 г.) Латвийская ССР, Литовская ССР и Эстонская ССР были приняты в состав Советского Союза²⁶⁵.

Именно А.Я. Вышинский составил проект постановления ЦК ВКП(б), касавшегося перспектив их дальнейшего экономического развития, которые обсуждались на приеме И.В. Сталиным и В.М. Молотовым делегаций Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Документ был утвержден решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1940 г.²⁶⁶

С первых дней после установления советской власти в республиках Прибалтики остро встал вопрос о контроле над средствами массовой информации. Ситуация усугубилась тем, что издававшаяся в Риге популярная латвийская газета «Jaunākās Ziņas» («Последние новости») (ее тираж достигал 200000 экз.) опубликовала заметку, в которой утверждалось, что немецкие коммунисты выступают против Компьенского перемирия, заключенного 22 июня 1940 г. между Германией и побежденной Францией. Более того, в этой заметке утверждалось: германская компартия «распространяет воззвание о том, что подписанное в Компьене соглашение является неслыханным диктатом».

Упомянутая публикация побудила министра иностранных дел Й. фон Риббентропа заявить 6 августа 1940 г. официальный протест полномочному представителю СССР в Берлине А.А. Шкварцеву. Она была расценена как статья, направленная «против Германии». В данной связи Риббентроп напо-

²⁶⁴ Известия. 1939. 10 ноября.

²⁶⁵ Известия. 1940. 6, 7, 8 августа.

²⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1213. Л. 136-142.

мнил о соглашениях, подписанных им в Москве (имелись ввиду пакт о ненападении от 23 августа и договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. между СССР и Германией), а также о выступлениях глав правительств обеих стран, в которых давались положительные оценки факту советско-германского сближения.

Содержание этого демарша германского министра иностранных дел было доложено Шкварцевым наркому иностранных дел. Ознакомившись с документом, Молотов оставил следующую резолюцию: «Скажите латышам (ЦК), что нельзя этого допускать. Держаться надо по "Правде"»²⁶⁷. Таким образом, В.М. Молотов рекомендовал А.Я. Вышинскому проследить за тем, чтобы впредь латвийская пресса не допускала антигерманских выпадов, противоречивших духу и букве договоренностей, достигнутых в 1939 г., и ориентировал на подачу материалов о политике Германии, исходя из публикаций центрального печатного органа большевистской партии.

16 августа 1940 А.А. Шкварцев сообщил Й. фон Риббентропу, что газетная статья, вызвавшая недовольство германской стороны, появилась в результате «недоразумения»²⁶⁸.

Вероятно, данный инцидент побудил А.Я. Вышинского выступить с инициативой об установлении контроля над печатью Прибалтийских республик. 15 августа 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по вопросам печати в Латвии, Литве и Эстонии». В основу документа была положена докладная записка А.Я. Вышинского, который, в частности, предлагал: 1) отозвать из-за границы всех представителей латвийской печати; 2) командировать для организации работы в Латвии представителей Отдела печати НКВД, ТАСС и Главлита; 3) указать руководству ТАСС на необходимость полного обслуживания редакций газет, издающихся в новой союзной республике.

Аналогичные меры Вышинский предлагал провести в Эстонии и Литве²⁶⁹.

В дальнейшем А.Я. Вышинский многое сделал для совершенствования законодательной базы советских Прибалтийских республик.

22 августа Политбюро утвердило проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Вопросы Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Союзных Республик», текст которого был представлен Вышинским²⁷⁰. В тот же день высший партийный орган принял (с поправкой) проекты Конституций Латвийской ССР, Литовской ССР и Эстонской ССР, представленные А.А. Ждановым, А.Я. Вышинским и В.Г. Деканозовым²⁷¹.

6 сентября Политбюро приняло решение утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета Союза СССР «О порядке приобретения гражданства СССР гражданами Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик», представленный А.Я. Вышинским и В.Г. Деканозовым²⁷².

²⁶⁷ Документы внешней политики (далее – ДВП). 1940—22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 1. Январь–октябрь 1940. М., 1995. Док. № 308. С. 482.

²⁶⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). 2 марта 1941 – 22 июня 1941 г.). М., 1998. С. 809, прим. 156.

²⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1274. Л. 31.

²⁷⁰ Там же. Д. 1275. Л. 70-71.

²⁷¹ Там же. Л. 85—88.

²⁷² Там же. Д. 1276. Л. 255; Известия. 1940. 8 сентября.

Буквально в тот же день в карьере Вышинского произошел новый неожиданный поворот, предопределивший до конца его дней новую сферу государственной деятельности.

Поздним вечером 6 сентября, с 23.00 по 23.50, А.Я. Вышинский и Л.З. Мехлис находились в кремлевском служебном кабинете И.В. Сталина. В этот промежуток времени в нем присутствовали также члены Политбюро А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, В.М. Молотов, кандидат в члены Политбюро Л.П. Берия и начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков²⁷³. В материалах Политбюро сохранился написанный Молотовым от руки проект решения о назначении Вышинского первым заместителем Народного комиссара иностранных дел СССР, а Мехлиса – главой вновь учрежденного общесоюзного Народного комиссариата государственного контроля²⁷⁴.

В исследовательской литературе можно встретить следующее суждение относительно тех мотивов, которыми руководствовались И.В. Сталин и В.М. Молотов при назначении А.Я. Вышинского на должность первого заместителя народного комиссара иностранных дел, которая была единственной в своем роде в советском внешнеполитическом ведомстве. В Кремле, по мнению А.М. Филитова, осенью 1940 г. решили «несколько подкорректировать проводившуюся до того политику нейтралитета» в ходе уже ведущейся Второй мировой войны. Советское руководство с недоверием встретило инициативу британского посла Ст. Криппса по вовлечению СССР в русло британской политики. Следовало наглядно показать несостоятельность уловок Лондона, несколько принизив уровень советско-английских контактов и, напротив, активизировать диалог с Германией. В то же время, продолжал свою мысль А.М. Филитов, «нельзя было и отталкивать Криппса демонстративным отказом от общения с ним на достаточно высоком уровне». Назначение А.Я. Вышинского первым заместителем народного комиссара иностранных дел, заключал историк, решало возникшие проблемы. Принимать британского посла должен был первый заместитель главы советского внешнеполитического ведомства, к тому же – юрист по профессии, как и сам Ст. Криппс [Филитов 2007, с. 333–334]²⁷⁵.

Аргументы, приведенные А.М. Филитовым, несомненно, заслуживают внимания. В какой-то степени подтверждением их могут служить мнения некоторых представителей иностранных государств, распространявшиеся в дипломатических кругах в Москве осенью 1940 г. Так, посол Болгарии в СССР И. Стаменов сообщал в Софию, что, по его мнению, А.Я. Вышинский вошел в руководство Народного комиссариата иностранных дел, чтобы вести успешные переговоры с англичанами и американцами. Данное суждение (косвенным образом) подтвердил британский посол Ст. Криппс, который утверждал, что Вышинский – единственный в Москве, с кем можно вести беседы и дискутировать²⁷⁶.

²⁷³ На приеме у Сталина... С. 310.

²⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1276. Л. 24.

²⁷⁵ Ст. Криппс происходил из семьи адвоката; по образованию – юрист и химик. – В.Н.

²⁷⁶ Димитрова П., Веков М. Докладва «Наследник?» Донесенията на българския пълномощен министър в СССР Иван Стаменов (1940—1944). В 2-х т. Т. 2. София, 2010. Док. № 31. С. 50.

В данной связи возникает закономерный вопрос: следовало ли давать А.Я. Вышинскому столь высокую должность лишь для того, чтобы всего-навсего попытаться решить с его помощью назревшие вопросы текущих советско-британских отношений. Как представляется, за этим назначением стояло нечто большее: намерение Сталина путем сдержек и противовесов не дать возможности Молотову монополизировать решение внешнеполитических вопросов.

Между тем в дипломатической среде после назначения А.Я. Вышинского первым заместителем народного комиссара иностранных дел СССР циркулировали и другие объяснения этого неожиданного шага Кремля. Так, итальянский посол А. Росо доносил в Рим 16 сентября 1940 г., что в германских кругах фигура Вышинского воспринимается как «неблагоприятный элемент». Возникло даже подозрение, что данное назначение знаменовало перемену курса советской внешней политики в отношении Германии²⁷⁷.

Новое назначение А.Я. Вышинского привлекло внимание немецкого журналиста Г.В. Пёрцгена²⁷⁸, специализировавшегося на анализе советской внутренней и внешней политики²⁷⁹. 9 февраля 1941 г. Пёрцген, в частности, писал в статье «Двенадцать помощников Молотова», опубликованной в газете «Франкфуртер Цайтунг»: «Весьма интересно разрешило советское правительство вопрос об особом положении Вышинского, который одновременно является заместителем наркома внутренних дел и заместителем главы правительства. Таким образом, он замещает Молотова на его обоих постах — наркома иностранных дел и главы правительства. Хотя действительное руководство внешней политикой и находится в других руках, Вышинский всё же принадлежит к узкому совещательному кругу правительства. Роль этого (так сказать) статс-секретаря, переменившего недавно свою юридическую на внешнеполитическую, ясно знаменует его растущее значение»²⁸⁰.

4 июня 1941 г. из посольства СССР в Германии (по указанию В.Г. Деканозова, который с ноября 1940 г. являлся советским послом в Берлине) помощнику народного комиссара иностранных дел С.П. Козыреву была прислана статья (в переводе на русский язык), опубликованная в швейцарской газете «Ди Вельтвохе» еще 16 мая 1941 г. Она имела характерный заголовок «Кремль 1941 года». В свою очередь, Козырев переправил этот материал для ознакомления В.М. Молотову.

Автор упомянутой статьи пытался представить новую конфигурацию высших эшелонов власти в Москве после того, как Сталин сменил Молотова на посту главы советского правительства (официально это произошло 6 мая 1941 г.). Он, в частности, отмечал, что В.М. Молотов теперь целиком сосредоточился на внешнеполитическом ведомстве, «где большим влиянием обладает бывший прокурор Вышинский»²⁸¹.

²⁷⁷ I Documenti diplomatici Italiani. Serie IX: 1939-1943. Vol. V. (11 giugno – 28 ottobre 1940). Roma, 1965. Doc. № 592. P. 577.

²⁷⁸ Пёрцген Герман Вильгельм (1905—1976), немецкий дипломат и журналист. Корреспондент газеты «Франкфуртер Цайтунг» (июнь 1937—июнь 1941).

²⁷⁹ См., напр., в переводе на русский язык статьи Г.В. Пёрцгена, опубликованные в газете «Франкфуртер Цайтунг» (1937—1939): Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий и полицейские атташе в советском плену. Документы следственных дел. 1944—1955. М., 2011. Док. № 95-105. С. 403-415.

²⁸⁰ АВРП РФ. Ф. 06. Оп. ЗАВТО. П. 6. Д. 57. Л. 44.

²⁸¹ Там же. П. 13. Д. 149. Л. 165.

На мой взгляд, важным фактором, повлиявшим в конечном счете на занятие А.Я. Вышинским высокого поста во внешнеполитическом ведомстве, был дефицит в НКВД квалифицированных кадров, в первую очередь, – имевших высшее юридическое образование.

К этому времени В.М. Молотов имел всего двух заместителей: В.Г. Деканозова (3 мая 1939 – март 1946 гг.; в ноябре 1940 – 22 июня 1941 гг. он одновременно являлся послом СССР в Германии) и С.А. Лозовского (15 мая 1939 – март 1946). Первым заместителем наркома иностранных дел в апреле 1937 г. – феврале 1940 гг. являлся В.П. Потёмкин. Занятие А.Я. Вышинским этой остававшейся в течение полугода вакантной высокой должности, несомненно, позволило несколько «разгрузить» В.М. Молотова от решения рутинных вопросов.

Вышинский был включен в руководящий состав НКВД в тот период, когда советско-германское сближение находилось в зените. Берлин и Москва отметили годовщину известных договоренностей, подписанных Риббентропом и Молотовым от 23 августа и 28 сентября 1939 г. В ознаменование данного события в газете «Правда» была помещена передовая статья²⁸², которую предварительно редактировал И.В. Сталин²⁸³.

СССР и Германия к этому времени осуществили территориальные приращения, которые были предварительно оговорены в Секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении. В октябре 1940 г. возникла идея продолжения переговорного процесса. С этой целью в большой тайне велась подготовка к официальному визиту главы Советского правительства В.М. Молотова в Берлин.

Свою деятельность на посту первого заместителя наркома иностранных дел Вышинский начал с установления личных контактов с иностранными дипломатами. 10 сентября он имел беседу с послом Германии Ф. Шуленбургом²⁸⁴; 11 сентября – с И. Стаменовым²⁸⁵; 14 сентября – со Ст. Криппсом²⁸⁶.

Шуленбургу, приглашенному на «ознакомительную» аудиенцию к Вышинскому, пришлось выслушать от него резкое по форме заявление, сводившееся к тому, что «Советский Союз, будучи придунайским государством, не может относиться безразлично к режиму судоходства на Дунае и не может не участвовать в решении вопросов, касающихся Дуная». Этот демарш был вызван попыткой Берлина без участия Москвы изменить на международном совещании экспертов существующий международно-правовой режим Дуная²⁸⁷.

Между тем Вышинский, несомненно, умел не только быть резким в общении, но произвести положительное впечатление на иностранных дипломатов обходительными манерами, которыми он обладал. 11 сентября 1940 г.

²⁸² Годовщина советско-германского пакта // Правда. 1940. 23 августа.

²⁸³ Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия 1932–1941 (далее – СССР – Германия 1932–1941). Изд. доп. и расш. М., 2019. Док. № 243. С. 413–415.

²⁸⁴ Известия. 1940. 13 сентября; Documents on German foreign policy 1918–1945 (далее – DGFP). Series D (1937–1945). Vol. XI. The war years. September 1, 1940–January 31, 1941. L., 1961. Doc. № 50. P. 64–65.

²⁸⁵ Димитрова П., Веков М. Указ. соч. Док. № 21. С. 33.

²⁸⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. № 379. С. 598–600.

²⁸⁷ Известия. 1940. 13 сентября; DGFP. Vol. XI. Doc. № 50. P. 64–65.

И. Стаменов сообщал в Софию о первой встрече с ним. По свидетельству Стаменова, он представился Вышинскому и поздравил его с новым назначением. Болгарский посол отметил интеллигентность и культурность первого заместителя главы советского внешнеполитического ведомства, который, хотя и в общих фразах, сумел продемонстрировать хорошее отношение к дипломатическому представителю Болгарии. В ходе краткой беседы с И. Стаменовым А.Я. Вышинский пояснил, что еще не совсем вошел в курс своей новой работы²⁸⁸.

Как уже отмечалось, 14 сентября на аудиенцию к А.Я. Вышинскому был приглашен Ст. Криппс. В служебном дневнике Вышинский, в частности, отмечал: «Криппс начал с комплиментов мне, сказав, что рад встретиться и поговорить с крупным юристом Советского Союза. Я ответил также любезностью, указав, что тоже рад встретиться с крупным юристом Англии, особенно зная его неоднократные выступления в пользу Советского Союза»²⁸⁹.

Между тем за границей сообщение ТАСС о заявлении А.Я. Вышинского, сделанное Ф. Шуленбургу, расценивалось неоднозначно. Так, поверенный в делах СССР в Турции С.А. Виноградов 14 сентября 1940 г. сообщал, что оно было оценено в Стамбуле «некоторыми журналистами и дипломатами как начало ухудшения в отношениях между СССР и Германией»²⁹⁰.

Спустя чуть более месяца, 22 октября 1940 г. английская разведка выпустила сообщение, основанное на телеграмме не названного источника, который якобы получил ее от своего друга, «близко стоящего к Политбюро», имевшего «хорошие возможности для получения информации от ближайшего окружения Микояна». Согласно этому сообщению, В.М. Молотов в октябре 1940 г., примерно второго числа, «собрал чрезвычайное заседание Политбюро для обсуждения внешней политики». В данном сообщении далее подчеркивалось, что ввиду своей болезни Сталин присутствовал на этом заседании совсем недолго. Также среди присутствовавших назывались фамилии Микояна, некоего Степанова и Вышинского.

В сообщении английской разведки далее говорилось, в частности, что на заседании Политбюро было принято решение тщательно анализировать «любые попытки сближения» с СССР со стороны США; проявлять бдительность относительно Германии, не меняя при этом характера самих отношений с ней²⁹¹.

Данная разведывательная информация оказалась весьма сомнительной (во всяком случае, впоследствии в архиве ЦК КССС никаких материалов о чрезвычайном заседании Политбюро по вопросам внешней политики обнаружено не было)²⁹². Однако примечателен сам факт упоминания фамилии Вышинского как одного из участников процесса принятия решений по внешнеполитическим вопросам, который может свидетельствовать о том, что его значимость, как одного из сталинских дипломатов, уже в предвоенный период оценивалась на западе довольно высоко.

²⁸⁸ Димитрова П., Веков М. Указ. соч. Док. № 31. С. 33.

²⁸⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. № 379. С. 598.

²⁹⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. № 382. С. 603.

²⁹¹ СССР—Германия 1932—1941. Приложение. С. 487.

²⁹² Там же. С. 489.

С первых месяцев пребывания в новой для него должности А.Я. Вышинский проявил большую активность. Достаточно отметить, что с 21 сентября 1940 по 20 июня 1941 гг. А.Я. Вышинский 12 раз приглашался в служебный кабинет И.В. Сталина²⁹³, где, собственно, и принималось подавляющее большинство решений по текущим проблемам советской политики и дипломатии.

1 ноября 1940 г., согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б), А.Я. Вышинский (наряду с заместителями Народного комиссара иностранных дел В.Г. Деканозовым и С.А. Лозовским, а также генеральным секретарем НКВД А.А. Соболевым) был включен в состав Коллегии наркоминдела, действовавшей под руководством В.М. Молотова²⁹⁴.

Одной из основных составляющих политической повседневности А.Я. Вышинского являлись периодические беседы с иностранными дипломатами. На аудиенцию к нему приглашались дипломатические представители Болгарии, Великобритании, Германии, Китая, США, Турции, Финляндии, Югославии, Японии и других государств, с которыми он обсуждал важнейшие вопросы международной политики, попутно разъясняя особенности внешнеполитического курса СССР²⁹⁵.

При этом, как можно судить на основании имеющихся документальных материалов, он неизменно, отбрасывая всяческие «любезности» при необходимости демонстрировал жесткую позицию в ходе общения с иностранными представителями. Так, 25 мая 1941 г. А.Я. Вышинский имел 25-минутную беседу с Ф. Шуленбургом, в ходе которой среди прочего был затронут вопрос о возможных переговорах относительно находящегося на территории СССР имущества, на которое претендовала германская сторона. Немцы, в частности, выдвигали требование о передаче им научного архива российского академика Э. фон Берга; коллекций профессора Тартуского ветеринарного института Розенберга; полотен профессора Российской академии художеств и хранителя собрания Эрмитажа Т.А. Неффа: материалов, связанных с именем Героя обороны Севастополя 1854–1855 гг. генерала Э.И. Тотлебена. В советском меморандуме, врученном Вышинским Шуленбургу, подчеркивалось необоснованность подобных требований Берлина [Голубев, Невежин 2016, с. 152].

А.Я. Вышинский присутствовал при подписании важных дипломатических соглашений, которые были заключены СССР перед началом Великой Отечественной войны: Договора о дружбе и ненападении с Югославией (5 апреля) и Пакта о нейтралитете с Японией (13 апреля 1941 г.)²⁹⁶.

Принадлежность к руководящему составу НКВД предопределило участие А.Я. Вышинского в дипломатических приемах, которые устраивала как советская сторона, так и представители иностранных государств в Москве.

7 ноября 1940 г. центральные советские газеты сообщили о приеме дипломатического корпуса по случаю очередной годовщины Великой Ок-

²⁹³ На приеме у Сталина... С. 312, 316, 322, 325, 327, 328-330, 332, 333, 335, 337.

²⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1284. Л. 112.

²⁹⁵ Содержание бесед А.Я. Вышинского с иностранными дипломатами, имевших место до начала Великой Отечественной войны, см., в частности: – ДВП. Т. XXIII. Кн. 1; Кн. 2 (1); Кн. 2(2). 2 марта 1941—22 июня 1941. М., 1998.

²⁹⁶ Известия. 1941. 15 апреля.

тябрьской социалистической революции²⁹⁷. По традиции этот многолюдный банкет был устроен в Доме приемов НКВД.

Некоторые подробности, связанные с особенностями советского протокола, сообщал И. Стаменов в Софию. Согласно его информации, за главным столом вместе с Молотовым в банкетном зале сидели Ф. Шуленбург, итальянский и китайский посланники. За вторым столом расположились А.Я. Вышинский, английский, американский, румынский послы, а также сам Стаменов. Остальные главы дипломатических представительств иностранных государств разместились, соответственно, за третьим и четвертым гостевыми столами, во главе которых находились В.П. Потемкин и В.Г. Деканозов. И. Стаменов подчеркивал в своем сообщении, что с учетом советского дипломатического протокола, «эта градация имеет значение»²⁹⁸.

9 апреля 1941 г. Молотов дал обед в честь министра иностранных дел Японии Ё. Мацуока, прибывшего с официальным визитом в Москву. В числе приглашенных были А.И. Микоян, А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский, «ответственные работники НКВД» и наркомата внешней торговли, а также японский посол И. Татекава и сопровождавшие Мацуоку лица.

Сообщение об этом приеме было опубликовано²⁹⁹ после предварительного согласования текста с А.Я. Вышинским и С.А. Лозовским.³⁰⁰

Советский дипломатический протокол также предполагал присутствие представителей руководства НКВД на приемах (банкетах), которые периодически устраивали в Москве главы дипломатических представительств иностранных государств. Большой резонанс имел, в частности, прием в итальянском посольстве (в здании бывшего особняка С.П. Берга), который А. Росо устроил 14 декабря 1940 г. в честь В.М. Молотова. На нем присутствовали послы Германии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии и Дании.

Учитывая большое политическое значение данного события, Молотов прибыл на банкет в сопровождении А.И. Микояна и представителей руководства НКВД А.Я. Вышинского, С.А. Лозовского, Н.Г. Пальгунова, В.Н. Баркова, а также С.П. Козырева и Г.Ф. Саксина [Алонци 2022, с. 203].

Помимо этого приема, А.Я. Вышинский (по статусу) присутствовал и на других застольях, которые периодически устраивали послы иностранных государств, пребывавшие в Москве. Так, И. Стаменов сообщал в Софию 10 ноября 1940 г., что на состоявшемся в тот день приеме в японском посольстве «были Вышинский, Лозовский и всякие маршалы»³⁰¹.

23 января 1941 г. сам Вышинский отметил в служебном дневнике, что был приглашен на обед к Ф. Шуленбургу, на котором также присутствовали послы Греции, Финляндии, США «и еще несколько второстепенных представителей разных [иностраных] миссий». Он подробно изложил содержание своей беседы с американским послом Штейнгардтом, которая состоялась по окончании обеда.

²⁹⁷ Известия. 1940. 10 ноября.

²⁹⁸ Димитрова П., Веков М. Указ. соч. Док. № 50. С. 65.

²⁹⁹ Известия. 1941. 10 апреля.

³⁰⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. Д. 60. Л. 28.

³⁰¹ АВП РФ. Ф. Оп. 06. Оп. 3 АВТО. П. 3. Д. 28. Л. 90-91.

В отчете об этом приеме, копии которого Вышинский переслал Сталину, членам Политбюро (Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, а также в секретариат НКВД), он подчеркнул, что «поддерживал разговор незначительными замечаниями, естественно, не желая углубляться в затронутые Ш[тейгардтом] темы».

Особое внимание Вышинский обратил на следующий эпизод: «[...] В конце вечера Шуленбург отозвал в сторону Штейгардта и с ним вел какой-то таинственный и очень серьезный, судя по выражению их лиц, разговор в течение 15–20 минут»³⁰².

8 апреля А.Я. Вышинский присутствовал на приеме у румынского посла Г. Гафенку, о чем также направил письменный отчет И.В. Сталину и В.М. Молотову³⁰³.

Таким образом, еще в канун Великой Отечественной войны установился такой порядок, согласно которому заместитель главы Советского правительства периодически направлял Сталину и Молотову (для сведения) копии письменных отчетов о своих беседах с иностранными дипломатами на приемах в иностранных посольствах с кратким изложением своих бесед. В военный период, в 1941–1943 гг., когда дипломатический корпус пребывал в Куйбышеве, А.Я. Вышинский продолжал направлять им такого рода отчеты [Невежин 2021].

Данные факты свидетельствуют, что повседневная жизнь Вышинского как сталинского дипломата высокого ранга характеризовалась причастностью к важным политическим событиям. Помимо этого, можно привести и другие примеры его участия в процессе принятия внешнеполитических решений.

Так, в период официального визита В.М. Молотова в Берлин 12–14 ноября 1940 г. именно через А.Я. Вышинского по дипломатическим каналам осуществлялась связь главы Советского правительства с И.В. Сталиным. 12 ноября Вышинский направил из Москвы в Берлин (на имя посла Мерекалова) телеграмму от Сталина с инструкциями по ходу переговоров с германским руководством. В свою очередь, глава Советского правительства получил ответное послание через Мерекалова и Вышинского³⁰⁴.

В 1940–1941 гг. А.Я. Вышинский являлся одним из кураторов уникальной операции по поиску, выявлению и отправке в СССР «интеровцев» – бывших бойцов интербригад, участников Гражданской войны в Испании, воевавших в рядах антифашистов против диктатора Ф. Франко и поддерживавших его войск Германии и Италии. В большинстве своем «интеровцы» содержались в лагерях на территории профашистского марионеточного режима Виши. К задаче их освобождения были подключены, помимо НКВД, Коминтерн, а также Народный комиссариат внутренних дел и Главное управление государственной безопасности.

В середине марта 1941 г. границу с Венгрией пересек железнодорожный состав, который доставил в СССР около 200 бывших «интеровцев», ранее содержавшихся в лагерях на территории Виши [Невежин 2022, с. 105–106].

³⁰² АВП РФ. Ф. Оп. 06. Оп. 3 АВТО. П. 3. Д. 27. Л. 35–36.

³⁰³ АВП РФ. Ф. Оп. 06. Оп. 3 АВТО. П. 3. Д. 28. Л. 90–91.

³⁰⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (1). Док. № 501. С. 48.

Помимо прочего, А.Я. Вышинский участвовал в подготовке одного из первых советских фундаментальных изданий, посвященных международной политике и дипломатии. Политбюро признало необходимым «издание дипломатического словаря по вопросам международных отношений и международного права» общим объемом в 80–90 печатных листов, куда должны были войти толкования 2500–3000 терминов и понятий. В редакционный совет будущего фундаментального издания были включены историки и дипломаты (А.С. Ерусалимский, А.М. Панкратова, А.А. Трояновский, Б.Н. Штейн и другие). Общая редакция возлагалась на С.А. Лозовского и А.Я. Вышинского. Решение Политбюро ВКП(б) по данному вопросу было принято 19 ноября 1940 г.:

Ваксберг отмечал одну отличительную черту Вышинского: ни одним делом он «не занимался формально – для “галочки”, для представительства» [Ваксберг 1992, с. 239].

Это и другие качества, которые А.Я. Вышинский ярко продемонстрировал уже на начальном этапе своей дипломатической карьеры (в первую очередь, его квалификация как профессионального юриста), отстаивание своей позиции, даже в жесткой форме, проявились во всей полноте и в дальнейшем, во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

Алонци 2022 – *Алонци А.И.* Советско-итальянские отношения в 1939–1941 гг. // *Российская история.* 2022. № 5. – С. 196–205.

Артамонова 2011 – *Артамонова Ж.В.* Московский открытый процесс 1936 г.: механизм организации и политико-идеологического обеспечения. Автореферат дис...к. и. н. – М.: МГУ, 2011.

Ваксберг 1992 – *Ваксберг А.И.* Царица доказательств. Вышинский и его жертвы – М.: АО «Книга и бизнес», 1992.

Голубев, Невежин 2016 – *Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. – М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Звягинцев, Орлов 2001 – *Звягинцев А., Орлов Ю.* Прокуроры двух эпох: Андрей Вышинский и Роман Руденко. – М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

Инквизитор 1992 – *Инквизитор.* Сталинский прокурор Вышинский / Сост. и общ. ред. О. Е. Кутафина. – М.: Республика, 1992.

Коржихина, Фигатнер 1993 – *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // *Вопросы истории.* 1993. № 7. – С. 25–38.

Мельтюхов 2014 – *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм (1930–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. – М.: Изд-во «Алгоритм», 2014.

Мохов 2005 – *Мохов В.П.* Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века // *Управленческое конструирование.* 2005. № 1(98). – С. 94–110.

Мохов 2013 – *Мохов В.П.* Политическая повседневность номенклатуры как научная проблема // *Повседневность номенклатуры. Сборник статей.* – Пермь: Изд-во Пермского нац. исследовательского политехнического ун-та, 2013. – С. 4–17.

Невежин 2020 – *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приемы 1939–1945 гг. – М.: АИРО-XXI, 2020.

Невежин 2021 – *Невежин В.А.* «Банкетная хроника» А. Я. Вышинского: из повседневной жизни советских дипломатов в Куйбышеве (1941–1942 гг.) // *История: факты и символы.* 2021. № 3. – С. 34–44.

Невежин 2022 – *Невежин В.А.* Комментарии к статье А. Либины «Гитлер vs Сталин: между двумя “пророчествами”» // *Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии.* – М. Квадрига, 2022. – С. 103–118.

Петров, Янсен 2020 – *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Филитов 2007 – *Филитов А.М.* А.Я. Вышинский: министр-прокурор // *Известные дипломаты России. Министры иностранных дел – XX век / Отв. ред. А.В. Торкунов; сост. А.В. Ревякин.* – М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2007.

Хаустов, Самуэльсон 2010 – *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.

Хлевнюк 2010 – *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010.

REFERENCES

Iwanow, N. (2023), *Ludzie Kremla nad Wisłą. Ideowcy czy zdrajcy?* Literackie, Kraków.
Polska Alonci, A.I. (2022), *Sovetsko-ital'yanskie otnosheniya v 1939–1941 gg.* [Soviet-Italian relations in 1939–1941], *Rossijskaya istoriya*, no 5, pp. 196–205.

Artamonova, J.V. (2011), *Moskovskij otkrytyj process 1936 g.: mekhanizm organizacii i politiko-ideologicheskogo obespecheniya. Avtoreferat dis...k.i.n.* [The Moscow Open Process of 1936: the mechanism of organization and political and ideological support. Abstract of the dissertation of the Candidate of I.N.], Moscow State, University, Moscow, Russia.

Vaksberg, A.I. (1992), *Carica dokazatel'stv. Vyshinskij i ego zhertvy* [The queen of evidence. Vyshinsky and his victims], JSC «Book and Business», Moscow, Russia.

Golubev, A.V. and Nevezhin, V.A. (2016), *Formirovanie obraza Sovetskoj Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoj diplomatii, 1920-e – pervaya polovina 1940-h gg.* [Formation of the image of Soviet Russia in the surrounding world by means of cultural diplomacy, 1920s – the first half of the 1940s.], IRI RAN; Centr gumanitarnich iniciativ, Moscow, Russia.

Zvyaginцев, A. and Orlov, U. (2001), *Prokurory dvuh epoh: Andrej Vyshinskij i Roman Rudenko* [Prosecutors of two eras: Andrej Vyshinsky and Roman Rudenko], OLMA-Press, Moscow, Russia.

Inkvizitor (1992), *Inkvizitor. Stalinskij prokuror Vyshinskij / Sost. i obshch. red. O.E. Kutafina* [The Inquisitor. Stalin's prosecutor Vyshinsky / Comp. and the general ed. of O. E. Kutafin], Respublika, Moscow, Russia.

Korzhihina, T.P. and Figatner, U.U. (1993), *Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy dejstviya* [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action], *Voprosy istorii*, no 7, pp. 25–38.

Mel'tyuhov, M.I. (2014), *Pribaltiiskij placdarm (1930–1940 gg.). Vozvrashchenie Sovetskogo Soyuza na berega Baltijskogo moray* [The Baltic bridgehead (1930–1940). The return of the Soviet Union to the shores of the Baltic Sea], Algoritm, Moscow, Russia.

Mohov, V.P. (2005), *Nomenklatura kak politicheskij institut v istorii sovetskogo obshchestva vtoroj poloviny XX veka* [Nomenclature as a Political Institution in the History of Soviet Society of the Second Half of the XX century], *Upravlencheskoe konstruirovaniye*, no 1(98), pp. 94–110.

Mohov, V.P. (2013), *Politicheskaya povsednevnost' nomenklatury kak nauchnaya problema // Povsednevnost' nomenklatury. Sbornik statej* [Nomenclature as a political institution in the history of Soviet society in the second half of the 20th century], *Izd-vo Permskogo nac. issledovatel'skogo politekhnicheskogo un-ta, Perm', Russia*, pp. 4–17.

Nevezhin, V.A. (2020), *Zastol'ya Iosifa Stalina. Kniga tret'ya. Diplomaticheskie priemy 1939–1945 gg.* [Feasts of Joseph Stalin. Book three. Diplomatic receptions 1939–1945], AIRO-XXI, Moscow, Russia.

Nevezhin, V.A. (2021), «Banketnaya hronika» A. YA. Vyshinskogo: iz povsednevnoj zhizni sovetskih diplomatov v Kujbysheve (1941–1942 gg.) [«Banquet Chronicle» by A.Ya. Vyshinsky: From the Daily Life of Soviet Diplomats in Kuibyshev (1941–1942)], *Istoriya: fakty i simvoly*, no 3, pp. 34–44.

Nevezhin, V.A. (2022), *Kommentarii k stat'e A. Libina «Gitler vs Stalin: mezhdvu dvumya "prorochestvami"»* [Comments on A. Libin's article «Hitler vs Stalin: Between Two 'Prophecies'»], *Sovetskaya politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii* [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions], Kvadriga, Moscow, Russia, pp. 103–118.

Petrov, N. and Yansen, M. (2020), «Stalinskij pitomec» – Nikolaj Ezhov [«Stalin's pet» – Nikolai Yezhov], *Politicheskaya enciklopediya*, Moscow, Russia.

Filitov, A.M. (2007), *And. I. Vyshinskij: ministr-prokuror* [Vyshinsky: Minister-Prosecutor], *Ivestnye diplomaty Rossii. Ministry inostrannyh del – XX vek / Otv. red. A.V. Torkunov; sost. A.V. Revyakin* [Famous diplomats of Russia. Ministers of Foreign Affairs – XX century / Ed. ed. A.V. Torkunov; comp. A.V. Revyakin.], *Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya*, Moscow, Russia.

Haustov, V. and Samuel'son, L. (2010), *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* [Stalin, the NKVD and the repressions of 1936–1938], *Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina*, Moscow, Russia.

Hlevnyuk, O.V. (2010), *Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship], *Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), Fond pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina* Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир А. Невежин, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; nevva@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Nevezhin, Doct. of Sci. (History), Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld.19, Dm. Ulianova av., Moscow, Russia, 117292; nevva@mail.ru.

Городская повседневность в годы Великой Отечественной войны

Михаил Ю. Мухин

Институт Российской истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
mukhin@mail.ru
ORCID ID 0000-0001-6003-3769

Аннотация. *Статья посвящена анализу важнейших аспектов повседневности советских горожан времён Великой Отечественной войны. В фокусе внимания данной работы находятся ключевые вопросы жизни рядовых тружеников промышленности – как менялась зарплата? Как функционировала карточная система? Каковы были функции ОРСов? Каковы были возможности приобрести продовольствие и товары широкого потребления вне карточной системы? Как в итоге взаимодействия карточной торговли и колхозной торговли питались советские горожане в период военного лихолетья? Каковы были жилищные условия советских горожан и как эти условия менялись на протяжении 1941–1945 годов? Рассмотрев эти вопросы, удалось установить, что, хотя среди городского населения наблюдался определённый слой людей, располагавших существенными финансовыми сбережениями, подавляющее большинство горожан жили практически «от полочки до полочки». Не смотря на то, что основная масса продуктовых товаров поступала горожанам по линии системы карточного снабжения по сравнительно низким «нормированным» ценам, наличных средств едва хватало для отоваривания карточек. Поэтому ради приобретения на рынке чего-либо сверх нормированного рациона горожанам приходилось продавать на том же рынке те или иные фабрикаты, получаемые по карточкам. В этой ситуации горожане поневоле были вынуждены разрабатывать те или иные стратегии выживания. Кто-то стремился устроиться на предприятие «хлебного» ведомства, где можно было рассчитывать на снабжение по повышенным нормам, второе горячее питание, прикрепление к «богатому» ОРСу. Кто-то, надеясь только на себя, сосредотачивал усилия на своём индивидуальном огороде. Так или иначе, в среднем по СССР уровень калорийности питания советских горожан не вышел на довоенные значения даже к 1945 году.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, история повседневности, история сталинизма, история экономики, стратегии выживания, советский город в годы войны.*

Для цитирования: *Мухин М.Ю. Городская повседневность в годы Великой Отечественной войны // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 196–235. DOI: 10.25986/ISN.2023.13.44.008.*

Urban everyday life during the Great Patriotic War

Michail Yu. Mukhin

Institute of Russian History RAS, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mukhin@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6003-3769

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the most important aspects of everyday life of Soviet citizens during the Great Patriotic War. The focus of this work is on the key issues in the life of ordinary industrial workers – how did the salary change? How did the card system work? What were the functions of the ORSs? What were the opportunities to purchase food and consumer goods outside the rationing system? How, as a result of the interaction of card trading and collective farm trading, did Soviet citizens eat during the war’s hard times? What are the immediate living conditions of Soviet citizens and how did these conditions change during 1941–1945? Having considered these issues, it was possible to establish that, although among the urban population there was a certain layer of people who had significant financial savings, the vast majority of the townspeople lived practically “from pay to pay”. Despite the fact that the bulk of food products came to the townspeople through the system of card supply at relatively low “normalized” prices, there was barely enough cash to redeem the cards. Therefore, in order to purchase something on the market in excess of the rationed diet, the townspeople had to sell on the same market certain manufactured products received on cards. In this situation, the townspeople were involuntarily forced to develop certain survival strategies. Someone sought to get a job at the enterprise of the “bread” department, where one could count on supplies at higher rates, a second hot meal, attachment to the “rich” ORS. Someone, relying only on himself, concentrated his efforts on his individual garden. One way or another, on average in the USSR, the level of caloric content in the diet of Soviet citizens did not reach pre-war values even by 1945.*

Key words: *the Great Patriotic War, the history of everyday life, the history of Stalinism, the history of the economy, survival strategies, the Soviet city during the war.*

For citation: *Mukhin, M. Yu. (2023), “Urban everyday life during the Great Patriotic War”, *Istoricheskie zapiski*, no. 22 (140), pp. 196–235. DOI: 10.25986/ISN.2023.13.44.008.*

В данной работе, посвящённой перестройке экономики на военные рельсы и обеспечению экономического фундамента коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны [Мухин 2022], мы рассматривали основные векторы развития индустриальной сферы Советского Союза. Однако не менее важным для понимания как экономических, так и социальных процессов, протекавших в СССР тех лет, представляется анализ истории повседневности советских горожан в годы войны. Как жили, с какими проблемами сталкивались, и как эти трудности преодолевали те самые люди, которые ковали победу в тылу – эти вопросы будут рассмотрены в данной главе.

Историография данной проблематики весьма обширна, поэтому в данной статье мы опишем её лишь самыми крупными и грубыми мазками. Собственно говоря, первые работы на эту тему были опубликованы уже в годы войны [Демидов 1943, Опацкий 1942, Данилов 1942, Трипольский 1943, и

др.]. Хотя эти публикации нельзя назвать историческими в полном смысле этого слова (они, скорее, относились к сфере рекомендаций и инструкций), тем не менее, они составили исходный базис историографии рассматриваемой проблематики и хотя бы в первом приближении очертили основной круг сюжетов, ставших предметом исследования позднейших изысканий. Уже в первое послевоенное десятилетие в СССР было опубликовано несколько исследований, посвящённых отдельным сторонам жизни населения (или отдельных групп населения) тыловых районов в годы войны [Кафтанов 1946, Воскобойников 1947, Егоров 1954, и др.]. В результате был собран, проанализирован, и введён в научный оборот значительный комплекс исторических источников. С другой стороны, нельзя не отметить, что для работ той поры была характерна определённая лакировка действительности. Такие проблемы, как ухудшение обеспеченности продовольствием и товарами широкого потребления если и освещались в этих исследованиях, то очень скупо и бегло. После того, как на XX съезде КПСС был провозглашён курс на «развенчание “культы личности”», объективное рассмотрение этих (как и многих других) сюжетов истории Великой Отечественной войны существенно упростилось. Не случайно в 1960–1980-е годы вышел целый ряд работ, посвящённых тем или иным аспектам жизни советского городского населения в годы Великой Отечественной войны [Чернявский 1964, Любимов 1968, Митрофанова 1971, Евланова 1984, Зинич 1984, Синецын 1985, и др.]. Помимо этого вопросы повседневности горожан СССР в годы военного лихолетья нередко рассматривались и в крупных монографических исследованиях, посвящённых истории советской экономики в целом [Чадаев 1985, Советская экономика 1970, и др.] или всей Великой Отечественной войны в совокупности. В постсоветский период ракурс рассмотрения этой проблематики изменился в очередной раз. Ввиду распада СССР и утраты КПСС господствующих позиций, историки окончательно избавились от необходимости обязательно-комплиментарного по отношению к советскому руководству описания событий и тенденций, характерных для городской повседневности военных лет. С одной стороны, это открыло дорогу к подлинно объективному историческому исследованию этих сюжетов. С другой стороны (особенно это было характерно для 1990-х годов), страну захлестнул вал работ «разоблачительского» характера, в которых, как правило – даже не историки, а околоисторические публицисты – пытались добиться популярности, смакуя и выпячивая различные негативные аспекты городского быта времён Великой Отечественной войны. К чести отечественной науки следует отметить, что тон в ней всё же задавали серьёзные научные изыскания, ориентированные на поиск объективной научной истины на основе вновь вводимых в научный оборот источников [Загвоздкин 1990, Парамонов 1999, и мн. др.]. Таким образом, можно сказать, что историография данной тематики весьма обширна. В данной статье мы представим взгляды на повседневную жизнь советских горожан в годы Великой Отечественной войны, характерные для текущего состояния отечественной исторической науки.

Ситуация в экономике и её влияние на снабжение товарами народного потребления. Надо отдавать себе отчёт, что повседневная жизнь со-

ветских горожан в годы войны характеризовалась практически постоянным преодолением различных бытовых проблем и неурядиц, причём синхронно с нарастанием этих затруднений многократно выросла и нагрузка на каждого работника. Собственно говоря, крайне тяжёлое положение, сложившееся в тылу, признавало (и не боялось официально это озвучивать) и советское руководство тех лет. Скажем, председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в одном из своих выступлений в октябре 1942 г. отмечал: «Время, которое мы переживаем, очень суровое. Люди... выполняют огромную работу, которая поглощает все их силы. А вместе с тем жизненные условия, бытовая обстановка людей понизились» [Калинин 1942, с. 26]. Советский официоз настаивал на повышении внимания к решению бытовых вопросов и снабжения населения товарами первой необходимости. В частности, 5 января 1942 г. «Правда» в одной из своих статей подчёркивала: «...было бы глупо думать, что военная обстановка оправдывает отказ от обслуживания бытовых нужд населения, что это дело можно «отложить» до другой поры... Наоборот, военные условия и неизбежные с этим ограничения как раз требуют, чтобы все организации, занятые бытовым обслуживанием населения, работали с исключительной четкостью, добросовестностью и аккуратностью» [Зинич 1984, с. 142]. Однако следует признать, что материальных ресурсов для решения этой задачи в руках у руководства Советского Союза было немного. В годы Великой Отечественной войны основные силы советской экономики были сосредоточены на обеспечении всем необходимым вооружённых сил. Однако это означало, в том числе, что сфера потребления обеспечивалась ресурсами (как материальными, так и трудовыми) по остаточному принципу. В качестве примера можно отметить, что в 1943 г. военные расходы (не считая личного потребления военнослужащих) составили 33% в структуре национального дохода Советского Союза [История СССР 1966, с. 108]. Это было максимальное значение удельного веса военных расходов в совокупном доходе СССР, но и в другие годы военные расходы составляли очень весомую часть в национальном доходе страны. Причём следовало учитывать, что, разумеется, в период войны доля ресурсов, направляемых на потребление гражданских лиц сократилась, но резко сократился и объём товаров первой необходимости, производившихся в СССР в целом. По сравнению с 1940 г. заготовка зерна в 1942 и 1943 годах составила всего треть, скота и птицы – приблизительно две трети, молока, соответственно – 37 и 45%, а сахарной свёклы – 6 и 9% [Советская экономика 1970, с. 263–264]. Не менее тяжёлый удар обрушился и на сферу переработки сельхозпродукции. Из 10,4 тыс. предприятий, подведомственных Наркомату пищевой промышленности, 5,5 тыс. остались в оккупированных неприятелем регионах. В результате в 1942 г. производство в пищевой индустрии составило 42%, и даже в 1945 г. – только 51% к уровню 1940 года. Не лучше обстояли дела и в легкой промышленности – тут объём производства в 1942 и 1945 годах составил соответственно 48 и 62% от довоенного уровня [История Великой Отечественной войны 1965, с. 63]. В результате рыночные фонды для личного потребления населения сократились по сравнению с 1940 г. в 1942 г. по следующим важнейшим товарам: сахар – в 6,6 раза, кондитерские изделия – в 4,8, жиры – в 2, мясные продукты – в 2,8,

хлопчатобумажные ткани – в 12 раз, льняные ткани – в 11,6 раза, кожаная обувь – в 11 раз, мыло хозяйственное – в 4,4 раза, спички – в 8 раз [Любимов 1968, с. 53–55; Зинич, 1984 с. 143]. Наиболее наглядно данная ситуация описывается нижеследующей таблицей.

Таблица 1

Рыночные фонды важнейших продовольственных и промышленных товаров (в % к 1940 г.) [История Великой Отечественной войны 1965, с. 75]

	1942	1943	1944	1945
Мука	57	46	43	50
Крупа	32	30	48	61
Мясо	50	58	63	80
Масло животное	55	46	57	59
Масло растительное	45	72	126	99
Сахар	15	8	11	25
Ткани	14	14	19	29
Швейные изделия	10	10	11	18
Обувь кожаная и резиновая	8	7	10	15

Таким образом, очевидно, что даже к 1945 г. практически по всем важнейшим группам товаров (за исключением, разве что, растительного масла и мяса) рыночные фонды, находившиеся в распоряжении советского правительства, уступали довоенным значениям приблизительно вдвое-втрое. Это, естественным образом, не могло не отразиться на уровне потребления советских горожан военных лет.

Карточная система. Разумеется, для решения возникавших проблем в деле обеспечения населения всем необходимым, применялись различные методы и решения, однако едва ли не ведущим инструментом в этом комплексе мер стало введение карточной системы распределения. Важно отметить три обстоятельства.

Во-первых, карточная система распространялась только на горожан – сельские жители должны были выживать за счёт приусадебных участков.

Во-вторых, карточная система распределения не означала, что товары предоставлялись потребителям просто по предъявлению карточки. Карточка обеспечивала юридическое право на покупку по фиксированной государственной цене, но не более. То есть денежное обращение в сфере обеспечения городского населения товарами и продуктами сохранялось в полном объёме.

В-третьих, карточная система имела территориальную дифференциацию. Скажем, в некоторых городах нормированного снабжения мясом, жирами и крупой не было – по карточкам продавался только хлеб.

Формирование карточной системы было проведено в июле-декабре 1941 г., важнейшим её элементом было создание сети карточных бюро [Советский Союз 1976, с. 118–119]. Хотя начало формированию этой системы было положено постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные

товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей», распространение нормированной системы снабжения на другие территории СССР и остальные группы товаров заняло определённое время. Наконец, 10 декабря 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предписало сформировать в составе всех ЦК компартий союзных республик, в крайкомах, обкомах и в 66 горкомах партии отделы по торговле и общественному питанию. В целом, к этому моменту карточная система снабжения важнейшими продуктами питания и непродовольственными товарами широкого потребления охватила уже практически все города и рабочие посёлки СССР. Собственно говоря, карточная система распространялась не только на рабочих и служащих. Всего снабжением по карточкам было охвачено 4 группы населения:

- Рабочие (и приравненные к ним).
- Служащие (и приравненные к ним).
- Иждивенцы (и приравненные к ним).
- Дети до 12 лет включительно.

При этом нормы снабжения для рабочих и служащих, в свою очередь, подразделялись на 2 категории. Наибольшие объёмы продовольствия полагались первой категории, к которой были отнесены рабочие, инженерно-технические работники и служащие оборонной, топливной, металлургической, электротехнической отраслей индустрии, тяжелого и среднего машиностроения, станкостроения, транспорта, строек оборонной промышленности, железнодорожного строительства, строительства шахт, предприятий и строек «Главвоенстроя», а также рабочие и инженерно-технические работники лесной, торфяной и рыбной промышленности, занятые на производстве в период сезонных работ. Вторую категорию составили рабочие, ИТР, служащие подсобных и обслуживающих предприятий этих же отраслей и оставшееся городское население, не отнесённые к первой категории [Митрофанова 1971, с. 226]. В отдельных случаях на первую категорию снабжения специальным решением правительства переводился персонал отдельных предприятий других отраслей [Чернявский 1964, с. 74]. Снабжение хлебом по карточкам, в отличие от других нормированных товаров, исчислялось не помесечно, а посуточно. По первой категории снабжения рабочим и служащим полагалось в среднем от 600 до 1000 гр. хлеба в день, персоналу второй категории снабжения – около 500 гр. в день. В конце 1944 г. по нормам первой категории снабжалось около 60% советских рабочих и служащих.

Следует учитывать, что введение карточной системы не означало, что решительно все товары продавались только и исключительно по карточкам. Рядом с государственными магазинами, торговавшими по карточкам и по нормированным ценам, с первых дней войны продолжалась торговля на колхозных рынках, а с 1944 г. – в коммерческих магазинах. Разумеется, цены там были существенно выше, но, как будет показано далее, такая форма снабжения также имела немаловажное значение.

Помимо вышеупомянутых двух категорий для рабочих и служащих в ряде случаев были предусмотрены и другие нормы снабжения. Скажем, ряд

особо важных с точки зрения обеспечения вооружённых сил предприятий было отнесено к т. н. особому списку, персонал этих заводов и фабрик пользовался повышенным снабжением. Кроме того, для некоторых категорий рабочих вводились особые нормы снабжения – повышенные и особо повышенные.

Таблица 2

Нормы снабжения по карточкам (кг/мес.) [Чернявский 1974, с. 74]

Продукт	Обычная рабочая карточка первой категории	Особый список	Повышенные нормы	Особо повышенные нормы
Мясные и рыбные продукты	1,8	2,2	3,2	4,5
жиры	0,4	0,6	0,9	1,0
Крупа и макаронные изделия	1,2	1,5	2,0	3,0

Очевидно, что нормы снабжения мясом, жирами и крупой по особо повышенным нормам были в 2,5 раза выше, чем по обычной рабочей карточке. Обычно повышенные и особо повышенные нормы снабжения распространялись на подземных рабочих в угольной промышленности, литейщиков и стекловаров. В результате роста численности горожан, получавших карточки по повышенным и особо повышенным нормам, нормированное снабжение на душу населения в 1944 г., по сравнению с прошлым годом возросло по мясу и рыбным продуктам на 29%, по жирам – на 41%, по сахару и кондитерским изделиям – на 9% [Денежное обращение 2008, с. 66].

Таким образом, если сравнить калорийность нормированного снабжения различных групп городского населения, становится очевидной достаточно высокая степень дифференциации по уровню снабжения продовольствием.

Таблица 3

Калорийность набора продуктов горожан по некоторым нормам снабжения в годы Великой Отечественной войны [Чернявский 1964, с. 77]

Категория снабжаемых	Калорий в сутки
Иждивенцы	780
Служащие, получавшие 400 гр. хлеба	1074
Служащие, получавшие 450 гр. хлеба	1176
Рабочие, получавшие 500 гр. хлеба	1387
Рабочие, получавшие 600 гр. хлеба	1592
Рабочие, снабжаемые по нормам особого списка, получавшие 500 гр. хлеба	1503
Рабочие, снабжаемые по нормам особого списка, получавшие 700 гр. хлеба	1913
Рабочие, снабжаемые по повышенным нормам	3181
Рабочие, снабжаемые по особо повышенным нормам	3460
Угольщики-забойщики, снабжаемые по особо повышенным нормам и получавшие холодные завтраки	4114
Угольщики-забойщики, получавшие, кроме этого, второе горячее питание	4418

Как видно из таблицы 2, с одной стороны, снабжение по нормам особого списка не только кардинально уступало снабжению по повышенным нормам, но и в некоторых случаях было менее калорийным, чем обычная

рабочая карточка (рабочий, получавший 600 г. хлеба, питался более сытно); с другой стороны, очевидно, что разница в снабжении между иждивенцем и забойщиком со вторым горячим питанием составляла более, чем 5,5 раз. Разрыв в калорийности питания между наиболее и наименее приоритетными группами рабочих составлял более, чем 3 раза.

Очевидно, что в СССР времён Великой Отечественной войны все наркоматы экономического блока находились в разных условиях в смысле обеспечения их сотрудников продуктами питания по карточкам. В этом плане можно говорить о своеобразной иерархии таких наркоматов, выстроенной в соответствии с приоритетами советского руководства тех лет. Судя по всему, наименее калорийное нормированное³⁰⁵ питание было предусмотрено в наркомате текстильной промышленности. Далее, если взять Наркомтекстиль за 100%, остальные наркоматы экономического блока имели следующую калорийность нормированного питания:

Наркомлегпром – 104%

Наркомсудопром – 123%

Наркомбумпром – 124%

Наркомтяжмаш – 124%

Наркомстрой – 126%

Наркомсредмаш – 127%

Наркомчермет – 139%

Наркомнефть – 139%

Наркомтанкпром – 150%

Наркомуголь – 160% [Чернявский 1964, с. 78.].

Как видим, калорийность питания советских горожан в годы войны более чем существенно зависела от места их работы. К сожалению, в нашем распоряжении есть материалы о средней калорийности нормированного снабжения далеко не по всем наркоматам экономического блока. Однако можно предположить, что положение дел на предприятиях наркоматов вооружений, боеприпасов, авиапромышленности и миномётного вооружения было приблизительно эквивалентно ситуации на заводах и фабриках танкостроительной отрасли. Между тем, в танкостроении 66% всех рабочих получало второе горячее питание, 20% пользовались усиленным питанием и ещё 20% получали дополнительно к норме ещё 100 гр. хлеба. Для сравнения – второе горячее питание полагалось только 40% рабочих в лёгкой и 25% – в текстильной отраслях.

Так как для ряда отраслей советской промышленности было характерно концентрирование производств в определённых регионах, это явочным порядком вело к определённой территориальной градации снабжения по карточкам. Скажем, в годы войны государственное снабжение городов Урала мясом, рыбой и жирами превышало средний уровень СССР в среднем на 25–30% [Чернявский 1964, с. 87]. Помимо этого следует учитывать, что важ-

³⁰⁵ Ещё раз подчеркнём – в данном случае речь идёт только и исключительно об официально назначенном нормированном питании в рамках карточной системы. Ситуация на практике могла существенно отличаться от деклараций и предписанных норм снабжения как в большую сторону (за счёт подсобных хозяйств и самостоятельных закупок на колхозных рынках), так и в меньшую (ввиду неотоаривания карточек из-за дефицита фондируемых товаров).

нейшие промышленные центры пользовались определённым приоритетом в вопросах обеспечения товарных фондов для карточного снабжения. Своёобразным индикатором выделения таких городов «на особом положении» стал рост численности городов республиканского подчинения, рыночные фонды которым выделялись отдельно от области, на территории которой они находились. Если до войны в РСФСР насчитывалось только два таких города (Москва и Ленинград), то к концу Великой Отечественной войны их число возросло до 9, в эту группу были отнесены Свердловск, Челябинск, Куйбышев и ещё несколько городов [Чернявский 1964, с. 95.].

Следует отметить, что нормы снабжения по карточкам в годы войны отличались стабильностью. Скажем, нормы, установленные в первые дни существования карточной системы на мясо, рыбу, крупу, макаронные изделия и жиры, в дальнейшем уже не менялись. После утраты ведущих свекловодческих районов в СССР весной 1942 г. были снижены нормы снабжения сахаром и кондитерскими изделиями, и более уже не менялись. Осенью 1943 г. были несколько (на 50 гр.) снижены нормы карточного снабжения хлебом [Митрофанова 1971, с. 504], и опять-таки, в дальнейшем они более не менялись. Вероятно, это обстоятельство косвенным образом способствовало складыванию систем повышенного и особо повышенного снабжения – будучи не в состоянии обеспечить за счёт повышения норм гарантированный высокий калораж питания всем горожанам, советское руководство пыталось сохранить высокую калорийность хотя бы рабочим особо приоритетных отраслей, от функционирования которых зависела работа всей экономики в целом. С другой стороны, следует учитывать и ещё одну тенденцию. Как уже говорилось, осенью 1943 г. нормы карточного снабжения хлебом были, в целом, снижены. Но синхронно начался процесс распространения повышенных норм снабжения в зависимости от категории на всё более широкие слои населения. Скажем, в 1942 г. 40% горожан получали карточки по нормам рабочих и служащих, остальные – по нормам иждивенцев и детей. Однако к концу 1944 г. уже половина советских горожан получала карточки рабочих и служащих. Поэтому, по мнению советской историографии, в 1944 г. нормированное снабжение хлебом в целом улучшилось [Митрофанова 1971, с. 505].

Однако следует учитывать, что далеко не всегда вышеуказанные нормы снабжения удавалось соблюсти на практике. Утрата значительной части ведущих сельскохозяйственных регионов и мобилизация в РККА как значимого количества колхозников, так и огромного количества тракторов и автомобилей, как уже говорилось выше, резко снизило производство в СССР продуктов питания. Естественным образом снижение производства продуктов питания вело к сокращению товарных фондов продовольствия, находившихся в распоряжении правительства СССР. В результате уже во втором полугодии 1941 г. рыночные фонды муки составили только 70% по сравнению с аналогичным показателем второго полугодия 1940 г., крупы – 67% а сахара и вовсе – 34%. Ещё хуже положение дел было в 1942 году: по сравнению с 1940 г. фонды муки составили только 56%, крупы 32, а сахара – 15% [Чернявский 1964, с. 67]. Неудивительно, что у советского правительства хронически не хватало товарных фондов для обеспечения воз-

возможности для граждан СССР приобрести по карточкам пищевые продукты. Особенно тяжёлая ситуация с обеспечением продовольственных карточек товарными фондами сложилась в 1942 году. На авиационном заводе № 1 им. Сталина (г. Куйбышев) работникам в январе 1942 г. было недодано по карточкам 50,4% хлебобулочных изделий, 11,5% макарон и крупы, 16% мяса и рыбы, 6,2% жиров, 3,2% сахара. На авиазаводе № 24 (г. Куйбышев) в январе-феврале 1942 г. карточки на питание вообще не отоваривались [Мухин 2011, с. 268]. И даже год спустя, в феврале 1943 г., в деловой переписке авиазавода № 24 отмечалось: «Отоваривание продуктовых карточек в магазинах ОРСа производится несвоевременно, и зачастую часть продуктов по карточкам остается неотоваренной» [Парамонов 1999, с. 331]. Если столь бедственное положение со снабжением продовольствием складывалась на авиазаводах, входивших в приоритетную отрасль советской оборонной промышленности, можно лишь догадываться, насколько скверно обстояли дела на прочих предприятиях советской индустрии.

Как правило, при рассмотрении карточной системы в первую очередь разговор заходит о снабжении продовольственными продуктами. Однако следует отметить, что точно так же – по предъявлению карточек – продавались и товары широкого потребления и в первую очередь – одежда и обувь. К сожалению, надо признать, что снабжение населения такими товарами по карточкам в 1942 – начале 1943 годов также сталкивалось с весьма существенными затруднениями. Ограниченные ресурсы, находившиеся в распоряжении государственных фондов, шли, в первую очередь, на изготовление спецодежды (кожаной, валяной и резиновой обуви, полушубков, брезентовых плащей, ватников, брюк, различного белья и т. п.), а также постельного белья для общежитий, больниц и детских учреждений. Мыло, спички, нитки и прочие товары первой необходимости также направлялись в первую очередь для обеспечения производственных нужд предприятий общественного питания, детских и лечебных учреждений, а также различных школ и училищ. Скучные фонды товаров широкого потребления, оставшиеся после обеспечения вышеперечисленных категорий учреждений, выделялись в первую очередь для отоваривания сотрудников угольной, металлургической, химической и нефтяной промышленности, а также – оборонных заводов [Митрофанова 1971, с. 514]. Так как поставок по карточной системе хронически не хватало, местное руководство, как правило, старалось наладить выпуск ширпотреба собственными силами. ОРСы³⁰⁶ и артели промкооперации организовывали производство валенок, парусиновой обуви на деревянной подошве, глиняной посуды, производство мыла, и т. п. Но кардинально это ситуацию не меняло.

К сожалению, следует признать, что не только в конце 1941 – начале 1942 гг., но и на рубеже 1942–1943 гг. ситуация со снабжением советских горожан необходимыми товарами широкого потребления продолжала оставаться крайне тяжёлой. В 1942 г. на авиазаводе № 18 карточки на одежду не отоваривались вообще, в результате чего рабочие начали стремительно приобретать вид оборванцев [Мухин 2011, с. 270]. В феврале 1943 г. на

³⁰⁶ О системе отделов рабочего снабжения (ОРС) – см. ниже.

авиазаводе № 24 положение дел со снабжением промтоварами складывалось следующим образом: «Промтоварные карточки у большинства рабочих совершенно не отоварены, и рабочие не имеют возможности купить себе одежду, и поэтому многие рабочие ходят на работу совершенно оборванные и разутые, что вызывает невыходы на работу. На протяжении 3–5 месяцев в магазинах ОРСа совершенно отсутствует хозяйственное мыло, и рабочие не ходят в баню, и как результат – вшивость и кожные заболевания» [Парамонов 1999, с. 331]. Как уже говорилось выше, оборонные предприятия находились в плане обеспечения в привилегированном положении. Если дела складывались столь безрадостно на авиазаводах, входивших в комплекс оборонных производств, остается только догадываться, насколько бедственным было положение советских горожан, не связанных по роду деятельности с ведущими отраслями индустрии. Особенно тяжёлой на заключительном этапе войны была ситуация с обувью. В этой связи широкое распространение получили т. н. «бурки» – самодельная обувь, которую тачали из старых стёганных одеял, ватников, полушубков и т. п. Первоначально «бурки» были именно самоделками, изготавливаемыми советскими гражданами для собственного употребления. Однако затем на многочисленных рынках и «толкучках» появились самодеятельные «специалисты» по пошиву «бурок». Помимо этого, на таких рынках был достаточно широк товарооборот ботинок на деревянной подошве, и, особенно – галош. Так как галоши, одетые поверх обуви, позволяли использовать практически вкопец износившиеся ботинки или туфли, спрос на галоши был очень велик, а цены на эти изделия на колхозных рынках советская историография называла «баснословными» [Митрофанова 1971, с. 515].

Всего к концу войны численность гражданского населения, охваченного карточной системой, составила 76,8 млн человек [Вознесенский 1948, с. 121]. С учётом того, что на 1 января 1945 г. в СССР проживало 170,6 млн чел. [Исупов, Корнилов 2017, с. 49], можно сказать, что карточная система охватывала около 45% населения Советского Союза в целом, и городское населения – полностью.

Подсобные хозяйства предприятий и учреждений. Ввиду вышеописанных проблем с обеспечением карточек необходимым товарным фондом, параллельно с системой карточного снабжения в СССР времён военного лихолетья проводился курс на «самоснабжение» – то есть создание при каждом крупном предприятии подсобных хозяйств, позволявших обеспечить снабжение тружеников данного предприятия минимумом продовольственных товаров даже в случае затруднений при отоваривании продуктовых карточек. Строго говоря, курс на создание подсобных хозяйств при промышленных и торговых организациях был принят ещё в предвоенные годы – в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) издал директиву о создании картофельно-овощных и животноводческих баз вокруг крупных городов, а 10 января 1941 г. было издано совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья», в котором прямо предписывалось создавать подсобные хозяйства для обеспечения заводских столовых

продуктами питания [Чернявский 1964, с. 131]. Таким образом, развитие в годы войны системы «самоснабжения» опиралось на достаточно мощный организационный базис, созданный ещё в довоенный период. Уже 7 апреля 1942 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» [Решения 1968, с. 65]. Согласно этому постановлению местные исполкомы были обязаны выявить все пустующие земельные участки, а также свободные земли государственного фонда на подведомственных этим органам власти территориях, и предоставить эти земли предприятиям, учреждениям и воинским частям для организации подсобных хозяйств и огородов для рабочих и служащих. Помимо этого, в 1941–1943 гг. в распоряжение ОРСов было передано свыше 550 совхозов и ферм из других ведомственных систем – трестов пригородных совхозов, наркомата совхозов и т. д. [Чернявский 1964, с. 133]. При этом половина мяса, зерна и рыбы, а также полностью – картофель, яйца, молоко и другие продукты питания, произведённые в таких подсобных хозяйствах, использовались для обеспечения питания рабочих сверх карточных норм. В результате принятых мер число подсобных хозяйств за первые 9 месяцев 1942 г. почти утроилось.

Как правило, подсобные хозяйства были ориентированы в первую очередь на огородничество, однако здесь требуется уточнить несколько важных моментов. Огородные подсобные хозяйства превалировали среди подсобных хозяйств учебных заведений, где они составляли 95%. Это объяснялось тем, что все остальные формы сельского хозяйства были малодоступны для контингента учащихся. Подсобные хозяйства, относящиеся к ОРСам или входящие в систему Наркомторга, как правило, или являлись полномасштабными совхозами, или располагали двумя или более отраслями сельского хозяйства. Примечательно, что во всесоюзных масштабах только около 8% подсобных хозяйств располагали в своём составе свиноводческими фермами и откормочными пунктами; однако в число таких, ориентированных на свиноводство, подсобных хозяйств входило примерно четверть подсобных хозяйств при столовых [Чернявский 1964, с. 134]. Очевидно, остающиеся после приготовления пищи очистки и прочие кулинарные отходы обеспечивали достаточную кормовую базу для свиноводства.

Примером сравнительно успешного разрешения продовольственных затруднений за счёт местных ресурсов является новосибирский завод № 153. Весь Правобережный трест столовых горсовета Новосибирска был передан в ведение отдела рабочего снабжения (ОРС) завода³⁰⁷. Ради создания на заводе собственной продовольственной базы, исполком Новосибирского облсовета передал предприятию в качестве подсобного хозяйства совхоз, завод получил право на отстрел дичи в лесах и на ловлю рыбы на закреплённом за ним водоёме [Савицкий 2005, с. 361]. Уже в 1942 г. завод № 153 обеспечивал себя продовольствием на 75% за счёт подсобного хозяйства [Савицкий 2005, с. 372]. На откорме находилось 500 голов свиней, строился птичник на 1000 голов, содержалось стадо в 230 дойных коров, была организована

³⁰⁷ О системе ОРСов – см. ниже.

бригада в 50 чел. по отстрелу водоплавающей дичи и 2 бригады по 12 человек по отлову рыбы. В общем-то, такой подход к формированию многопрофильного подсобного хозяйства был, по крайней мере, для авиапредприятий тех лет, характерным. В 1945 г. на авиазаводе № 381, дислоцированном в Москве, подсобное хозяйство включало в себя рыболовную бригаду, теплицы, и обширные огороды, на которых возделывалась морковь и капуста [Мухин 2019, с. 184]. И такие примеры можно множить и множить. Думается, что приблизительно схожим образом были организованы и подсобные хозяйства других крупных предприятий.

Постепенно масштабы производства в подсобных хозяйствах росли. Скажем, в 1944 г. подсобные хозяйства заводов и фабрик Наркомстанкопрома произвели 1467 т. молока и 2496 т. мяса; в том же году сбор картофеля и овощей в перерасчёте на одного сотрудника составил в Наркомстанкопроме 129, а в Наркомтяжмаше – 137 кг [Зинич 1984, с. 145]. Всего за 1942–1945 гг. производство картофеля в подсобных хозяйствах выросло в 3,7 раза, овощей – в 5,4 раза, молока – в 2,5 раза [Чернявский 1964, с. 137]. К концу войны своими подсобными хозяйствами обзавелись уже практически все крупные предприятия. Только в системе ОРСов в конце 1944 г. числилось 30 тыс. подсобных хозяйств [Митрофанова 1971, с. 506]. К этому моменту продукция подсобных хозяйств стала составлять уже достаточно весомую долю в совокупном гражданском потреблении продовольственных товаров во всесоюзном масштабе. На 1945 г. подсобные хозяйства заводов и фабрик, обеспечили треть всего собранного в СССР картофеля, причём 38% картофеля и 59% овощей, поступивших на снабжение сотрудников советской промышленности, приходилось именно на поставки от подсобных хозяйств. Таким образом, совокупное значение подсобных хозяйств для продовольственного баланса Советского Союза к этому моменту стало очевидным и несомненным [Советская экономика 1970, с. 387].

Система ОРСов. Помимо обычных магазинов, входивших в структуру Наркомата торговли, снабжение сотрудников крупных предприятий шло через систему отделов рабочего снабжения (ОРС). ОРСы, как правило, получали товары и продукты из разных источников: в порядке централизованного снабжения из государственных фондов, за счёт продукции, поступавшей из подсобных хозяйств, а также – за счёт децентрализованных заготовок. Обычно помимо заводских столовых и магазинов, в ведение ОРСов входили также и подсобные хозяйства. Надо отметить, что система ОРСов была достаточно широкой, и охватывала десятки и сотни заводов. С другой стороны, нельзя забывать, что система этих учреждений сложилась далеко не сразу. Вообще говоря, первые ОРСы были созданы только в феврале 1942 г. на важнейших предприятиях оборонной, угольной, химической и металлургической отраслей индустрии. В качестве примера можно привести положение дел в машиностроении. На протяжении 1942 г. в Наркомсредмаше было создано 79 ОРСов, в Наркомтяжмаше – 55, в Наркомстанкопроме – 68. В целом следует учитывать, что складывание системы ОРСов заняло определённое время, и началось в различных ведомствах не одновременно. Скажем, в наркомате станкостроения приказ об учреждении на заводах и фабриках

отделов рабочего снабжения был подписан в марте 1942 г., а в наркоматах тяжёлого и среднего машиностроения – только в апреле и июне того же года соответственно [Зинич 1984, с. 144–145]. В дальнейшем система ОРСов была распространена на другие сферы производства, на транспорт и учебные заведения. В результате, если в 1942 г. было создано 2 тыс. ОРСов, то к началу 1945 г. их численность возросла до 7 тыс., а на 1 июля 1945 г. в СССР числилось уже 7700 ОРСов [Чернявский 1964, с. 100]. С другой стороны, следует учитывать, что, при всей своей значимости, система ОРСов была сравнительно невелика по сравнению с численностью обычных магазинов, входивших в структуры наркомторга. Для сравнения – в январе 1940 г. в СССР насчитывалось 407,2 тыс. магазинов и палаток, и 87,6 тыс. предприятий общественного питания. К январю 1943 г. их число снизилось до, соответственно, 163 тыс. и 51,4 тысячи [Митрофанова 1971, с. 502]. Разумеется, тут следует учитывать потери в результате оккупации части территории СССР противником. Но очевидно, что общедоступная сеть магазинов по-прежнему на несколько порядков превосходила по численности систему ОРСов.

Важно учитывать, что нередко хозяйственные объекты, подчинявшиеся ОРСам, не создавались заново, а сугубо административно передавались в ведение ОРСов. Например, в 1942 г. созданным в течение года 68 ОРСам Наркомстанкопрома из системы Наркомторга было передано 60 магазинов, 23 ларька, 65 столовых и 11 буфетов. Поэтому общее количество объектов общественного питания и распределения мало изменилось. С другой стороны, теперь за работу переданных в ОРСы объектов отвечало заводское руководство, которое было жизненно заинтересовано в качественном обслуживании персонала «своего» предприятия, так как уровень этого обслуживания непосредственно влиял на эффективность труда в цехах.

При этом следует отметить, что вышеприведённые нормы снабжения карточной системы носили именно «среднестатистический» характер. В первую очередь (и с наилучшим качеством) продовольственные фонды направлялись в распоряжение ОРСов ведущих отраслей промышленности, ОРСы прочих отраслей обеспечивались по остаточному принципу, а уж на долю магазинов, открытых для всех жителей города оставалось совсем мало [Чернявский 1964, с. 73]. Разумеется, новая система распределения улучшала положение персонала ведущих предприятий, имевших ключевое значение для работы экономики в целом, но одновременно такая система ухудшала снабжение прочих кругов горожан, не охваченных системой ОРСов. Следует отметить, что к концу Великой Отечественной войны только 48% всех советских граждан, находившихся на нормированном снабжении, обслуживались тем или иным ОРСом [Чернявский 1964, с. 100]. Таким образом, удельный вес горожан, вынужденных отоваривать свои карточки только в общедоступных магазинах, был весьма велик.

Индивидуальные подсобные хозяйства. Наряду с подсобными хозяйствами заводских масштабов, находившихся в оперативном управлении фабрично-заводских ОРСов, значительную роль в снабжении рабочих и служащих играли также индивидуальные огороды советских горожан.

Строго говоря, индивидуальное огородничество было достаточно широко распространено в СССР и в довоенные годы. Продукция таких огородов покрывала приблизительно четверть потребления картофеля и около 10% – потребления овощей [Чернявский 1964, с. 138]. Поэтому в годы войны курс на крупномасштабное развитие индивидуального огородничества мог опираться в организационном плане на существенный довоенный задел. Создание таких огородов на предприятиях ряда наркоматов началось уже в 1942 г., и в дальнейшем шло по нарастающей. В ноябре 1942 г. СНК СССР издал постановление, вносившее в дело организации индивидуальных огородов очень важные новшества. Согласно этому постановлению, огородные участки закреплялись за конкретным пользователем на 5–7 лет, причём предприятия и учреждения не имели права на протяжении этого срока перераспределять участки между своими сотрудниками. С другой стороны, при уходе сотрудника с предприятия, он автоматически лишался как права пользования данным участком, так и права собрать уже выращенный им урожай, или хотя бы получить за упущенный урожай какую-либо компенсацию. Исключением из этого правила являлись только три уважительные причины: призыв в ряды РККА, инвалидность или перевод на другую работу [Чернявский 1964, с. 140].

Таблица 4

Развитие огородничества по отраслям промышленности [Митрофанова 1971, с. 511]

Отрасль	Всего огородников (чел.)			Общая площадь посевов (га)		
	1942	1943	1944	1942	1943	1944
Авиапромышленность	114000	329000	511266	6000	10690	19637
Автопромышленность	30733	7663	105128	910	2614	2950
Промышленность боеприпасов	74200	162576	280461	3362	6478	11908
Промышленность вооружений	153000	233386	301736	Н. д.	Н. д.	Н. д.
Тракторная и танковая промышленность ³⁰⁸	36370	127297	182244	1509	4528	7633
Станкостроение	Н. д.	34054	45893	Н. д.	1041	1823
Тяжёлого машиностроения	5963	41498	80348	708	1265	3693
Каменноугольная промышленность Восточных районов	105032	179156	244666	11158	16145	22352
Нефтяная промышленность Восточных районов	37615	69662	86600	235,6	5471,8	Н. д.
Железнодорожная промышленность Восточных районов	20628	29984	35650	1593	2626	3070
Медная промышленность	27449	43302	44855	Н. д.	2575,7	3059,5
Полиметаллическая промышленность	36119	74681	81190	1974	5030	7394
Промышленное строительство Урала и Западной Сибири	109201	207659	225873	6330	Н. д.	13904
Промышленное строительство Дальнего Востока	22760	25998	32453	2065	2379	13904

³⁰⁸ Строго говоря, это разные отрасли производства, да и входили они в разные наркоматы. Однако данная таблица составлялась по отчётным данным профсоюзов, что предопределило именно такую группировку материалов.

Отрасль	Всего огородников (чел.)			Общая площадь посевов (га)		
	1942	1943	1944	1942	1943	1944
Железные дороги Восточных районов и Дальнего Востока	329279	456966	481585	41635	70413	80644
Железные дороги Южных районов	Н. д.	136643	399630	Н. д.	20797	94853

Как видно из вышеприведённой таблицы 4, подсобное огородничество было характерно практически для всех отраслей советской индустрии – как оборонного, так и гражданского секторов. Причём лидирующие позиции в отношении численности огородников удерживали авиапромышленность и железнодорожный транспорт. Основной культурой, возделывание которой в индивидуальном огородничестве превалировало, стал картофель. Овощные культуры проигрывали картофелю по трудоёмкости, и нуждались в более частой обработке, что было далеко не всегда возможно для советских горожан, очень интенсивно трудившихся в рабочее время. Кроме того, цены на картофель за 1942–1943 годы выросли почти в 2 раза больше, чем на овощи, продолжая оставаться высокими даже в 1944 году. Это делало картофель, который рассматривался советскими горожанами как «второй хлеб», особенно привлекательным для возделывания на своих огородах.

В ряде случаев работа на таких огородах была сопряжена с риском для жизни. Скажем, в блокадном Ленинграде³⁰⁹ из-за непрерывных артобстрелов и бомбёжек горожане были вынуждены собирать урожай на своих подсобных огородах по ночам, пробираясь на поля ползком, и перебегая от воронки к воронке [Зинич 1984, с. 147]. Однако не следует забывать, что даже в тыловых регионах страны, где работа на подсобном огороде не осложнялась неприятельским противодействием, это были именно подсобные огороды, на которых сельхозоперации (посадка, прополка, полив, сбор урожая, и т. п.) выполнялись рабочими и служащими в свободное от основной работы время. С учётом тяжёлой нагрузки, характерной для советских горожан тех лет, необходимости ежедневно преодолевать значительные расстояния от места проживания до места работы, даже если подсобный огород находился недалеко от места проживания, работа на нём сама по себе представляла дополнительную физическую нагрузку, преодолевать которую было непросто.

Как видим, уже в 1942 г. вопросу подсобного огородничества на всесоюзном уровне уделялось достаточно много внимания, однако в 1943–44 годах СНК СССР принял дополнительно несколько специальных постановлений, посвящённых проблематике организации индивидуальных огородов, наибольшее значение среди которых имело изданное в феврале 1944 г. постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 г.». Данное постановление предписывало обеспечить рост посевных площадей огородов не менее, чем на 20% по сравнению с предыдущим годом [Решения 1968, с. 188–190]. Как следует из нижеследующей таблицы, это задание было значительно перевыполнено.

³⁰⁹ Здесь и далее мы не будем специально акцентироваться на повседневности блокадного Ленинграда и прифронтовых регионов вообще. Не вызывает сомнений, что страдания, которые переносили ленинградцы, были экстраординарны. Мы же в данной статье пытаемся представить именно типичную картину городской повседневности СССР военных лет.

Таблица 5

Основные показатели развития огородничества несельскохозяйственного населения СССР в годы Великой Отечественной войны [Чернявский 1964, с. 141]

	Число хозяйств (млн)	Посевная площадь всех хозяйств (тыс. га)	Урожай	
			Всего (тыс. т.)	На 1 хозяйство (кг)
1942	5,0	500	2000	400
1943	11,8	796	5492	465
1944	16,5	1415	9836	596

В результате, если в 1942 г. почти треть горожан была вовлечена в движение огородников, то в 1943 г. огородничеством занималось уже около 40% жителей городов.

Столь интенсивное развитие индивидуального огородничества, разумеется, было бы невозможно без энергичного содействия руководства на местах. Как правило, такая помощь оказывалась по трём линиям. Отраслевые профсоюзы старались наладить агротехническую консультацию, организовать выделение земельных участков, снабжение семенами и инвентарём. ОРСы, в свою очередь, были нацелены на сохранение уже выращенного урожая. Для этого сооружались простейшие овощехранилища. Наконец, местное руководство организовало ремонт и выпуск на предприятиях местной промышленности различных бочек и кадок, которые продавались исключительно огородникам. Кроме того, огородникам продавали соль сверх карточных норм снабжения.

Всего к концу Великой Отечественной войны огородничеством занималось 18,5 млн советских рабочих и служащих, а суммарная площадь посевов на таких огородах достигала 1,6 млн гектар [Митрофанова 1971, с. 510].

Следует отметить, что потребление горожанами картофеля, овощей и бахчевых за счёт индивидуальных огородов в годы войны существенно возросло. Если в 1941 г., в год, когда сев осуществлялся ещё в условиях мирного времени, потребление за счёт огородничества горожан составляло 28 кг картофеля и 5 кг овощей и бахчевых на душу, то в 1944 г. эти показатели возросли, соответственно, до 79 и 15 килограмм [Чернявский 1964, с. 144]. При этом, если в потреблении овощей горожанами преобладали поставки из подсобных хозяйств предприятий и учреждений, то картофель поступал на стол горожан преимущественно именно с индивидуальных огородов.

Таблица 6

Среднедушевое потребление городскими жителями СССР продукции подсобных хозяйств и огородничества [Чернявский 1964, с. 145]

	1942			1945		
	картофель	овощи и бахчевые	всего	картофель	овощи и бахчевые	всего
Подсобные хозяйства	13	19	32	22	31	53
Огородничество	36	9	45	79	15	94
Итого	49	28	77	101	46	147

Разумеется, следует учитывать, что вышеприведённая таблица 6 приводит усреднённые данные по всему Советскому Союзу. В отдельных регионах ситуация с потреблением продукции огородов и подсобных

хозяйств могла складываться по-иному. Например, до войны москвичи огородничеством практически не занимались, в то время, как в Кемеровской области огородничество среди горожан было очень широко распространено. В результате в 1942 г. площадь под индивидуальными огородами москвичей выросла в 36 раз, а количество хозяйств, вовлечённых в движение огородников – в 49 раз. Но даже столь впечатляющий рост не смог компенсировать эффект малого распространения огородничества в регионе в довоенный период. Если по СССР в целом огородничеством занималось приблизительно треть городского населения, то в Москве – только 14–15%, при этом средний размер огородного участка составлял в Москве только 170 м², то есть приблизительно втрое меньше, чем в среднем по СССР. Соответственно, если на каждого советского горожанина в среднем в тот год пришлось 45 кг картофеля с индивидуальных огородов, то на москвича – только 11 килограмм. Напротив, в Кемеровской области рост был куда менее впечатляющим: совокупная площадь индивидуальных огородов возросла лишь на 15%, а численность огородников – меньше, чем на 10%. И, тем не менее, огородничеством занималось приблизительно половина горожан области, а средний размер огорода составлял 1040 м². В результате на каждого горожанина области пришлось в том году 194 кг картофеля и овощей. Даже в 1943 г., не смотря на продолжающийся бурный рост огородничества в Москве, жители столицы так и не смогли догнать горожан Кемеровской области по среднему урожаю картофеля и овощей – 38 кг в Москве, 64 в среднем по СССР и 230 кг в Кемеровской области. Таким образом, существование инфраструктуры огородничества в довоенный период было очень важным фактором, облегчавшим рост огородничества в годы военного лихолетья.

В целом, можно считать, что размер среднедушевого потребления картофеля горожанами с индивидуальных огородов был прямо пропорционален доле городского населения, участвовавшего в движении огородников. Единственным значимым исключением из этого правила была Москва, где по очевидным причинам изыскать в черте города значительные свободные земельные угодья было затруднительно, что предопределило сравнительно небольшие размеры среднестатистического огорода москвича.

Как уже говорилось выше, именно огороды преобладали в индивидуальных подсобных хозяйствах горожан времён Великой Отечественной войны. Однако надо отметить, что в таких подсобных хозяйствах (особенно на заключительном этапе Великой Отечественной войны) определённое распространение получили и иные формы сельскохозяйственной деятельности. Скажем, в 1944 г. личные подсобные хозяйства обеспечили горожанам в среднем по 38 кг молока на душу населения. Особенно важно, что три четверти годового удоя приходилось на второй-третий кварталы, что позволяло относительно безбедно дотянуть до сбора урожая картофеля и овощей [Чернявский 1964, с. 150].

Организация питания на производстве. Как правило, на предприятиях организовывалось централизованное снабжение рабочих, служащих, и инженерно-технических работников горячей пищей в заводских столовых. Это

был весьма важный фактор повседневности, так как столовыми предприятий пользовались 85–90% работающих [Митрофанова 1971, с. 512]. Надо отметить, что такое питание учитывалось в числе продуктов, положенных тому или иному сотруднику по карточкам – то есть за обед в заводской столовой следовало не только заплатить, но и сдать определённое количество карточек. Проблема была в том, что, как мы уже говорили выше, обеспечить товарное покрытие карточек удавалось далеко не всегда, особенно – в начальный период войны. Так как горячие обеды в заводских столовых «шли в зачёт» карточного снабжения и базировались на тех же товарных фондах, что и магазины ОРСов, проблемы с обеспечением продуктами питания касались и питания на производстве в полной мере.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию на нескольких авиастроительных предприятиях. На авиазаводе № 24 в январе-феврале 1942 г. из-за нехватки мест в столовой обеды доставлялись прямо в цеха. Обед здесь состоял из рассольника, в котором почти не было жиров, а вторых блюд не хватало, из-за чего при дележе пищи в цехах возникала очевидная напряженность. На авиазаводе № 39 за сентябрь 1942 г. было недодано мяса и рыбы в рабочих столовых – 15%, жиров – 15%, крупы – 18% [Парамонов 1994, с. 326]. Нарком авиапромышленности Шахурин в своих мемуарах по этому поводу отмечал: «Вспоминаю, как директор завода М.С. Жезлов, осмотрев бараки и общежития, зашел в столовую и оказался свидетелем такого разговора. Один рабочий сказал другому:

– Сегодня на первое опять «жезловка».

Речь шла о первом блюде, какой-то баланде. В столовой часто бывали блюда, которым рабочие в шутку давали различные названия, например, «голубая ночь» (суп из ботвы), «осень» (вода с горохом), «карие глазки» (суп с воблой) и т. д.» [Шахурин 1984, с. 138]. Приведённая цитата из мемуаров может создать впечатление, что проблемы с питанием в заводских столовых воспринимались советскими тружениками с юмором и не представляли сколько-нибудь существенных затруднений для выполнения производственных заданий. К сожалению, это не так. Уже в феврале 1943 года, то есть тогда, когда все затруднения периода перестройки промышленности на военные рельсы должны были уже завершиться, один из начальников цехов авиазавода № 24, объясняя причины низкой трудовой дисциплины рабочих из этого цеха, в докладной записке на имя заместителя директора завода свидетельствовал: «самовольное оставление работы и невыходы на работу рабочими цеха № 18 вызываются следующими обстоятельствами: ...Питание рабочих, в особенности одиночек, поставлено очень плохо. Рабочие-одиночки, как правило, приходят на работу без завтрака и, находясь в общежитии, не всегда имеют возможность получить хотя бы кипяток. Калорийность обедов, отпускаемых в центральной раздаточной, низкая, меню однообразное, норма продуктов, отпускаемых на обед, не удовлетворяет потребность рабочих. По причине систематического недоедания в цехе имеется ряд случаев, когда лучшие кадровые рабочие периодически болеют авитаминозом (Скачков, Афиногенов, Спасов, Чернецов и др.)» [Парамонов 1999, с. 331]. Примерно тогда же рабочие завода № 153 жаловались в письмах родственникам: «... работаем по 12 часов в сутки, работа очень тя-

жела, а кормят плохо, мёрзлая капуста, чай и 800 гр. хлеба» [Савицкий 2005, с. 321–322]. Отмечались случаи, когда воспользоваться услугами заводской столовой было крайне затруднительно из-за отсутствия даже не собственно еды, а необходимых столовых приборов и посуды. На заводе № 18 в 1942 г. горячее питание предоставлялось лишь раз в сутки и только в посуду посетителя, поэтому сотрудники завода были вынуждены приносить с собой в роли суповых тарелок разнообразные жестяные банки, черепки, или использовать в качестве тарелок собственные фуражки [Мухин 2011, с. 270]. На заводе № 153 в столовых постоянно выстраивались огромные очереди, вызванные нехваткой как посадочных мест, так и столовых приборов. Приходилось ждать ложку 30 мин., первое блюдо – 20, и второе блюдо – 40 минут [Савицкий 2005, с. 373].

Постепенно ситуация с питанием на предприятиях начала улучшаться, причём основной прирост поступления продуктов в заводские столовые был обеспечен за счёт находившихся в распоряжении ОРСов подсобных хозяйств. Широкое распространение получила практика предоставления дополнительного (сверх карточек) горячего питания рабочим, выполнявшим и перевыполнявшим норму выработки. В конце 1943 г. второе горячее питание выдавалось почти 3 млн человек, а в начале 1945 г. – уже 6 млн рабочих и служащих. Разумеется, в разных ведомствах такое питание получало различное количество сотрудников. На заводах и фабриках Наркомата станкостроения в первом полугодии 1943 г. им пользовались 34,5 тыс. труженников, в январе 1944 г. в системе Наркомтяжмаша – 60,5 тыс. человек [Любимов 1968, с. 34]. По сути, возможность обеспечения работников того или иного наркомата дополнительным питанием определялась в первую очередь потенциалом системы ОРСов данного ведомства. Однако в ряде случаев, когда от улучшения питания персонала зависела работа критически важного предприятия, а возможности заводского ОРСа не позволяли надеяться на решение этой проблемы за счёт внутренних резервов, государство вмешивалось в развитие событий собственными ресурсами. Скажем, в феврале 1943 г. Московский горком инициировал решение об укреплении комбината общественного питания Московского автозавода «ЗиС» квалифицированными кадрами и выделении заводу дополнительных продуктовых фондов [История московского автозавода 1966, с. 373].

В целом, завершающий период войны характеризовался резким ростом числа горожан, пользовавшихся на производстве различным дополнительным питанием. К концу войны по сравнению с 1942 г. их число выросло в 10 раз. Если в I квартале 1943 г. им пользовалось 12% всех рабочих, то в I квартале 1945 г. такое питание полагалось уже приблизительно половине всех промышленных рабочих страны [Чернявский 1964, с. 84].

Надо отметить, что, строго говоря, заводские столовые были не единственным объектом общественного питания, доступным советским горожанам в годы войны. Часть столовых и ресторанов, существовавших в довоенный период, продолжили свою работу. Как уже отмечалось в предыдущих главах, дефицит рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны покрывался в значительной мере за счёт привлечения к решению производственных задач женщин-домохозяек. Синхронно

возросли трудности с обеспечением частных домохозяйств топливом для домашнего приготовления пищи. Всё это, в свою очередь, привело к естественному росту числа горожан, вынужденных пользоваться услугами предприятий общественного питания. В результате удельный вес общественного питания в розничном товарообороте СССР в 1940 г. составлявший всего 13%, уже в 1942 г. вырос до 23%, а в 1943 г. достиг отметки 25%; снижение доли общепита до 24% было зафиксировано только в 1944 году. Если до войны на систему предприятий общественного питания приходилось около 20% общей торговли продовольствием, то в 1943 г. – уже около трети. Характерно, что уже 20 января 1942 г. в переписке «Правды» отмечалось, что «Директор столовой, повар, официант, дающие возможность рабочему быстро и вкусно пообедать, тем самым помогают производству, а значит, и фронту. Руководители столовой, терпимо относящиеся к очередям, наоборот, мешают производству и должны нести за это строжайшую ответственность» [Зинич 1984, с. 147]. Вплоть до 1943 г. включительно отмечались многочисленные случаи возникновения в столовых огромных очередей, а также факты необеспеченности посудой [Чернявский 1964, с. 110]. С другой стороны, именно с 1943 г. начался процесс восстановления изрядно сократившейся сети предприятий общепита. Впрочем, восстановить довоенные масштабы так и не удалось. Если накануне Великой Отечественной войны в городах СССР функционировало 59,2 тыс. столовых, чайных и ресторанов, то к концу 1945 г. – только 51,6 тысяч [Митрофанова 1971, с. 512]. Советская историография традиционно отмечала, что в 1943–45 годах рост государственных рыночных фондов мяса, рыбы, жиров и круп привёл к росту питания населения, а производство блюд в системе общественного питания в 1945 г. на 84% превышало довоенный уровень [Чернявский 1964, с. 178–185; Советская экономика 1970, с. 403–405]. Однако в то же время советские исследователи отмечали, что этот рост был скорее количественным, нежели качественным – синхронно с ростом объёма продуктов, используемых для приготовления блюд в системе общепита, изменялась их структура. Удельный вес мяса, рыбы и сахара снижался, а овощей и муки – возрастал. Собственно, косвенно это обстоятельство признавалось и советским руководством, которое на 1945 год планировало увеличить рыночные фонды мясопродуктов на 15,1%, жиров – на 37,4%, сахара – в 2,2 раза. Очевидно, что наличный уровень снабжения населения ведущими продовольственными продуктами считался недостаточным, и именно поэтому его намеревались резко нарастить. Тем не менее, следует отметить объективный факт – на заключительном этапе войны в ряде советских городов начали открываться столовые повышенного типа, предназначенные для обслуживания всех горожан, без прикрепления к данной столовой по любой обеденной или продовольственной карточке по ценам нормированной продажи с незначительной надбавкой [Чернявский 1964, с. 73].

Колхозная торговля. Выше мы говорили о карточном снабжении. Однако, это был не единственный путь приобретения товаров (в первую очередь – продовольственных) для советских горожан времён Великой Оте-

чественной войны. Теоретически, у горожан сохранялась возможность покупать продукты вне системы карточного снабжения – в коммерческих магазинах и на колхозных рынках. Однако масштабы торговли в коммерческих магазинах были малозначительны, да и открылись они только в апреле 1944 года [Митрофанова 1971, с. 512]. Тем не менее, вопрос о колхозной торговле требует более внимательного рассмотрения. Надо отметить, что по определённым продуктам роль торговли на колхозных рынках была достаточно велика ещё в довоенные годы. На такую форму торговли накануне войны в крупных городах СССР приходилось примерно половина потребляемого горожанами молока, треть картофеля, овощей и мяса и около 20% муки.

Важно отметить, что в то время, как большинство воюющих стран Европы в той или иной форме прибегли к запрету продажи на рынке нормируемых продуктов (что естественным образом вело к формированию «чёрного рынка»), руководство СССР сочло возможным сохранить в годы войны прежний порядок работы колхозных рынков [Чернявский 1964, с. 151].

Следует отметить, что, хотя, разумеется, основная масса продавцов аграрной продукции на колхозном рынке была представлена именно жителями села, нередко такие товары продавали и горожане. По данным переписи скота, на 1 января 1943 г. советские горожане владели приблизительно миллионом коров и полумиллионом коз. Приблизительно 10% всех продавцов сельскохозяйственных продуктов на колхозных рынках СССР в годы войны являлись именно горожанами. Причём следует учитывать, что такие «городские аграрии» встречались на рынках далеко не каждого города, поэтому там, где они наблюдались, на продавцов такого типа приходилось в среднем около четверти всех продавцов на рынке [Денежное обращение 2008, с. 91].

Начальный период Великой Отечественной войны характеризовался резким ростом цен на колхозных рынках. Фактически, существенный рост средних цен в колхозной торговле отмечался уже с осени 1941 года. В среднем, по оценкам Госбанка СССР, в конце 1941 – начале 1942 годов цены на колхозных рынках были в 8–10 раз выше цен государственной торговли [Денежное обращение 2008, с. 8]. При этом цены в колхозной торговле росли практически ежедневно. Например, в Горьком за декаду (с 25 марта по 5 апреля 1942 г.) цена килограмма картофеля выросла с 35 до 40 руб., говядины – с 202 до 243 руб., литра молока – с 36 до 41 руб. В Иваново цена килограмма картофеля выросла с 35 до 50 руб., говядины – со 180 до 220 руб., литра молока – с 55 до 65 рублей [Арутюнян 1970, с. 353]. Эта ситуация объяснялась сразу несколькими причинами. Во-первых, государство резко нарастило объём обязательных поставок по целому ряду сельскохозяйственных продуктов. Во-вторых, по очевидным причинам (мобилизация в действующую армию колхозников, передача в распоряжение РККА тракторов, автомобилей и тяглового скота, резкое сокращение отпуска топлива на нужды сельского хозяйства) производительность труда в аграрном секторе СССР и, в конечном итоге, производство сельхозпродукции в натуральном исчислении, резко снизились. В-третьих, даже при наличии необходимых продуктов в сложившихся условиях колхозы зачастую не располагали ни необходимым транспортом, ни свободными рабочими руками, чтобы доста-

вить на рынок продовольственные товары. Наконец, в-четвёртых, нельзя упускать из вида то обстоятельство, что резкое сокращение государственной торговли товарами широкого потребления в значительной степени снизило привлекательность колхозной торговли для продавцов вообще – теперь вырученные деньги совершенно не гарантировали возможности приобрести необходимый ширпотреб. Дело дошло до того, что значительная часть сделок на колхозных рынках вообще проводилась не в монетарной форме, а бартером. В 1942 г. на такие операции приходилось 21,5% всего оборота колхозной торговли, и даже в 1943 г., когда такая форма торговли пошла на убыль, на неё всё ещё приходилось 15% колхозного рыночного товарооборота. Даже во второй половине 1943 г. всё ещё фиксировались факты обмена хлеба на молоко, картофеля на овощи, и сельхозпродуктов – на соль и водку [Денежное обращение 2008, с. 21].

Все эти обстоятельства объективно вели к снижению предложения на колхозном рынке. При этом синхронно спрос на товары на этом рынке возрастал. Эвакуация предприятий и населения в восточные регионы СССР привёл к перетоку сюда значительных финансовых сумм, причём ввиду сокращения объёмов государственной и кооперативной торговли эти денежные массы преимущественно давили именно на колхозный рынок. Дополнительно ситуацию осложняла эмиссия значительного количества денег для финансирования военных расходов, предпринятая советским правительством – «Денежное обращение возросло за три года Отечественной войны в 2,4 раза» [Вознесенский 1948, с. 138]. Таким образом, рост цен на колхозном рынке был практически неизбежен. К середине 1942 г. период постоянного бурного нарастания цен на колхозных рынках завершился, к этому моменту рыночные цены по сравнению с 1940 г. возросли в среднем в 7 раз [Денежное обращение 2008, с. 55]. При этом цены и далее продолжали расти, но уже не столь стремительно.

Советская историография отмечала значительный рост цен колхозной торговли, отмечая в то же время, что «Большим достижением Советского государства явился перелом в динамике цен колхозного рынка в середине 1943 г.» [Чернявский 1964, с. 91]. Действительно, с января по август 1943 г. цены на колхозных рынках постепенно снижались [Денежное обращение 2008, с. 55]. В результате улучшения снабжения горожан продовольственными продуктами через систему государственной торговли соотношение спроса и предложения изменилось, что и привело к определённом снижению цен на колхозных рынках. Правда, урожай 1943 г. был ниже среднего, поэтому в ноябре нормы карточного снабжения хлебом были понижены, что моментально привело к росту цен на муку на колхозных рынках. В результате с августа 1943 по январь 1944 г. средние цены на колхозных рынках вновь росли. Но с марта 1944 г. цена на муку вновь пошла вниз, и к августу 1944 г. вышла на уровень ноября 1943 года [Чернявский 1964, с. 155–156]. Кроме того, тенденцию на снижение цен на колхозных рынках поддерживал рост огородничества – за счёт роста потребления картофеля и овощей с личных огородов заинтересованность горожан в продовольствии с колхозного рынка снижалась, что также вело к изменению соотношения спроса и предложения. Во второй половине 1944 – начале 1945 гг. цены на колхозных

рынках колебались волнообразно – от незначительного спада к столь же незначительному росту [Денежное обращение 2008, с. 56].

Следует учитывать, что в течение года цены на колхозном рынке обычно менялись циклически. Анализ среднемесячных цен колхозных рынков 43 крупнейших городов СССР, в которых совокупно проживало около четверти всех советских горожан, позволяет сделать вывод о постепенном снижении цен на картофель и капусту (как ещё один типичный товар из категории «овощи») в течение года по сравнению с июльскими ценами, начиная с 1943 года. То есть, как правило, цены достигали пиковых значений (в течение года) к июлю, а затем шли на спад). Исключением из этого правила стал только 1942 год.

Таблица 7

Среднемесячные цены колхозной торговли в 43 крупных городах СССР (в % к июльской цене соответствующего года) [Денежное обращение 2008, с. 157]

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	декабрь
Картофель						
1941	100	100	62	40	38	36
1942	100	125	95	112	137	142
1943	100	86	51	39	42	50
1944	100	89	50	38	36	39
Капуста						
1941	100	83	61	60	61	78
1942	100	120	84	103	119	140
1943	100	97	63	51	74	77
1944	100	107	59	42	36	56

В то же время следует учитывать, что официальная статистика объёмов торговли на колхозных рынках требует достаточно осторожного подхода. Дело в том, что следует различать «колхозный рынок» в значении «официально установленное место торговли» и в значении «частная торговля, дополняющая торговлю государственную». Во-первых, в значительной степени товарообменные операции в советском городе времён Великой Отечественной войны протекали вне городского базара – на различных стихийно возникших «толкучках» или на дому у знакомого продавца. Во-вторых, широкое распространение приобрела практика кратковременного выезда горожан за покупками в деревню. Разумеется, цены на собственном колхозном рынке (городском базаре) и в таких внебазарных формах торговли коррелировали (никто не стал бы в здравом уме покупать картофель вдвое дороже на базаре, зная что «за углом» можно тот же товар купить куда дешевле). Однако внебазарная торговля существенно снижала объёмы торговли на городском базаре в абсолютных цифрах. Например, официальные данные по колхозной торговле в 43 крупнейших городах демонстрируют снижение в 1942 г. объёмов продажи картофеля (по сравнению с 1940 г.) вдвое. С другой стороны, оценка советских статистиков, сделанная на основании балансовых расчётов, свидетельствует, что продажа картофеля в негосударственной торговле в 1942 г. по сравнению с 1940 г., наоборот – существенно возросла

[Чернявский 1964, с. 162]. Это заставляет относиться к официальной статистике колхозной торговли, опирающейся, как правило, на отчётность городских базаров, с известным скепсисом.

Тем не менее, даже такая оценка «по нижнему краю», без учёта внебазарного оборота, позволяет утверждать, что начиная с 1943 г. объёмы колхозной торговли начали существенно расти. В частности, в 1940 г. торговая выручка, поступившая в Госбанк, составила 142,6 млрд руб., а весь объём колхозной торговли исчислялся в 28,0 млрд руб. – то есть оборот государственной и кооперативной торговли превышал оборот торговли колхозной примерно в пять раз. Однако уже в 1943 г. розничный оборот торговли составил 82,0 млрд руб., а оборот колхозных рынков – 179,6 млрд руб., то есть теперь уже колхозная торговля более чем вдвое превышала торговлю государственную [Денежное обращение 2008, с. 20–21]. Разумеется, надо давать себе отчёт, что такое превалирование колхозной торговли объяснялось не столько объёмом торговли (основная масса продуктов по-прежнему реализовывалась через сеть государственных магазинов), сколько ценами, которые на колхозных рынках были стабильно в 1942–43 годах в десятки раз выше, чем в государственной торговле. Впрочем, нельзя в то же время и отрицать существенного роста продаж на колхозных рынках определённых групп продуктов. Наиболее высокие темпы роста демонстрировали продажи таких продуктов, как растительное масло, картофель, ржаная мука, животное масло. Скажем, если продажи молока на базарах 43 крупнейших городов по сравнению с 1942 г., в 1945 г. возросли на 37% (что считалось сравнительно скромным ростом и объяснялось, в первую очередь, скоропортящимся характером этого продукта), то продажи животного масла – в 5 раз [Чернявский 1964, с. 163].

В среднем, на 1943 год цены на колхозном рынке превышали пайковые цены (то есть цены, по которым реализовывались товары по карточкам) в 20 раз. Однако эти данные относятся к 43 крупнейшим городам СССР. Есть основания полагать, что рост цен на колхозных рынках в малых городах был существенно ниже. Дело в том, что транспортные проблемы препятствовали перетеканию продовольственных товаров в регионы с повышенным спросом, поэтому даже внутри одной области могла существовать значительная разница между ценами колхозной торговли в разных районах. В дальнейшем цены колхозных рынков начали снижаться, и в 1945 г. сократились по сравнению с 1943 г. в среднем в 2,3 раза. Однако, следует учитывать, что масштабы снижения цен на колхозных рынках также могли существенно варьироваться в зависимости от региона. Например, в среднем по 43 рассмотренным выше городам цены на картофель на колхозных рынках в 1944 г. по сравнению с прошлым годом снизились в 2,5 раза. Однако в то же время цены на картофель в Казани, Горьком, Йошкар-Оле, Уфе и Челябинске снизились в 5 раз; в Тюмени, Перми, Хабаровске, Ульяновске и Красноярске – в 6; в Свердловске и Томске – в 7; в Котельниче и Минусинске – в 8; в Чебоксарах и Ирбите – в 9; в Кемерово – в 10 раз. Характерно, что наибольшее снижение цен на картофель на колхозных рынках было характерно именно для тех регионов, где огородничество было развито в наибольшей степени.

Кроме того, отмечалось, что наивысшие темпы роста продаж продуктов питания на колхозных рынках были характерны для крупных городов с населением более 200 тыс. человек. До войны именно в таких городах население ориентировалось в первую очередь на государственную торговлю. Поэтому введение карточного снабжения, и связанное с этим ограничение потребления, естественным образом повысили заинтересованность жителей таких городов в покупках на колхозном рынке [Чернявский 1964, с. 159, 164–165]. По состоянию дел на январь 1945 г. средние цены колхозной торговли по-прежнему были существенно выше цен торговли по карточкам.

Таблица 8

Соотношение цен колхозной и нормированной торговли на январь 1945 г. (руб.) [Денежное обращение 2008, с. 56]

	Средневзвешенные цены по РСФСР	Нормированные цены	Коэффициент разрыва
Мука ржаная, кг	47,98	1,8	26,7
Молоко, л	28,64	1,76	16,2
Лук, кг	45,06	3,0	15,0
Картофель, кг	11,24	0,9	12,5
Масло топленое, кг	344,19	28,0	12,3
Мясо говядина, кг	108,21	14,0	7,7

Если же отвлечься от сугубо монетарного подхода, то придётся признать, что значение колхозной торговли для обеспечения горожан продовольствием было хотя и не решающим, то, тем не менее, достаточно весомым. В 1944 г. без внутригородского оборота (т. е. без учёта продажи продуктов горожанами со своих индивидуальных подсобных хозяйств) через колхозную торговлю советскими горожанами было приобретено по 40% всего потреблённого ими животного масла и картофеля, треть мясопродуктов и по 20% молока и овощей. Всего колхозный рынок в 1944 г. обеспечил 14,5% калорийности всего питания городского населения Советского Союза.

Выше мы говорили почти исключительно о значении колхозной торговли в вопросах обеспечения советских горожан продовольствием. Безусловно, этот сюжет действительно имел для советских граждан тех лет исключительно важное значение. Однако не следует забывать и ещё об одном немаловажном аспекте колхозной торговли. Как уже говорилось в разделе о карточной системе, карточки на право приобретения в государственных магазинах как продовольственных товаров, так и товаров широкого потребления, распространялись только и исключительно среди горожан – жителям села предстояло решать свои проблемы самостоятельно. И если в отношении продовольствия это действительно была решаемая проблема, то вырастить на огороде спички или ботинки было явно невозможно. Поэтому для жителей сельской местности едва ли не единственным источником товаров широкого потребления в годы войны стал всё тот же колхозный рынок. В результате горожане высту-

пали на рынке и как покупатели аграрной продукции, и как продавцы фабрикатов – торгуя либо своей одеждой, обувью и прочим имуществом из довоенных запасов, либо товарами, приобретёнными по карточкам (то есть – по нормированным ценам). Кроме того, горожане достаточно часто выступали продавцами услуг, так как в условиях дефицита одежды и обуви услуги по ремонту были весьма востребованы. Причём совокупные масштабы такой торговли были достаточно велики.

Таблица 9

Торговля городского населения на рынке (по данным Госбанка СССР) [Денежное обращение 2008, с. 73, 91]

	Общий объём колхозной торговли (млрд руб.)	Доходы городского населения от колхозных рынков (млрд руб.)	Удельный вес рыночных доходов в общих денежных доходах городского населения (%)
1942	82,4	34,6	22
1943	179,6	111,4	43

В результате такого двойственного положения по отношению к колхозной торговле, городское население в годы войны с одной стороны, около 65% расходуемых им денег оставляло именно на рынке, а с другой стороны – более 40% денежных доходов именно на рынке и получало.

Начиная с 1944 г. дальнейшее снижение цен на колхозных рынках получило дополнительный стимул ввиду организации государственной коммерческой торговли. С одной стороны, охват такой торговли был, с формальной точки зрения, невелик. На начало III квартала 1945 г. предприятия такой торговли работали только в 30 городах СССР [Чернявский 1964, с. 161]. В 1944 г. общий оборот коммерческих магазинов составил 5,7 млрд руб., а за 11 месяцев 1945 г. – 11,3 млрд рублей [Денежное обращение 2008, с. 67]. С учётом того, что в те же годы обороты рыночной торговли составили, соответственно, 303,3 и 212,2 млрд руб. [Денежное обращение 2008, с. 86], очевидно, что удельный вес коммерческих магазинов в советской торговле тех лет был весьма скромным. С другой стороны, те 30 городов, в которых располагались коммерческие магазины, представляли собой крупнейшие центры Советского Союза, поэтому недооценивать значение коммерческой торговли также не следует.

Зарплата и денежные доходы. Как уже говорилось выше, внедрение карточной системы распределения товаров совершенно не означало отмену денежного обращения. Помимо этого, как также уже отмечалось выше, в СССР продолжали функционировать колхозные рынки, а с 1944 г. – коммерческие магазины. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов сферу «серой» торговли – различных «мешочников», спекулянтов, самодельных торговцев, занимавшихся куплей-продажей вне официально утверждённых форм торговли. Всё это делало вопрос оплаты труда достаточно важным для советских горожан времён Великой Отечественной войны. В целом, можно сказать, что за годы войны среднемесячная зарплата советских рабочих и служащих несколько возросла [Зинич 1984, с. 149]. В частности, если в

1940 г. среднемесячная заработная плата рабочих в СССР составляла 375 руб., то в 1944 г. она увеличилась уже до 573 рублей [Вознесенский 1948, с. 116–117], то есть выросла приблизительно в полтора раза. Однако при этом следует учитывать, что этот рост в значительной степени был обусловлен широким распространением сверхурочных работ, а также повышением интенсивности труда в рамках движения стахановцев, «двухсотников», «фронтowych бригад» и т. д. В качестве иллюстрации можно привести соотношение зарплат и выработки на предприятиях авиапромышленности в 1940–1943 годах.

Таблица 10

Рост выработки и средней зарплаты на авиазаводах СССР (руб.) [Мухин 2011, с. 279]

	1940	1941	1942	1943
Выработка на 1 рабочего	23377	24105 (3) ³¹⁰	31331 (30)	36323 (16)
Среднемесячная зарплата рабочего	473	508 (7,4)	593 (16,7)	618 (4)
Среднемесячная зарплата ИТР	892	977 (9,5)	1123 (15)	1185 (5,5)

Таким образом, основной рост и выработки, и зарплат в авиаиндустрии пришёлся на 1942 г. Причём, если в 1941 г. темпы прироста выработки существенно отставали от аналогичного показателя зарплат, то с 1942 г. тенденция кардинально меняется. Вероятно, в других отраслях промышленности эти процессы протекали сходным образом.

Рост тарифных ставок действительно фиксировался на некоторых предприятиях, но эта тенденция не превалировала. Более того, преобладала обратная тенденция – снижения тарифных ставок при одновременном росте норм выработки. Так, например, в апреле 1943 г. на всех предприятиях авиапромышленности одновременно были снижены на 13% расценки и подняты на 15% нормы выработки. Эта тенденция получила продолжение, в мае 1944 г. нормы выработки были вновь в среднем подняты, на этот раз – на 10%, а расценки – снижены на 9,1% [Самолётостроение 1994, с. 223, 232]. Пересмотр норм выработки (практически всегда – в сторону увеличения) в 1943–44 годах, помимо авиапромышленности, был характерен для танковой промышленности, предприятий наркоматов вооружения, боеприпасов, судостроения, станкостроения, машиностроения, электропромышленности, чёрной металлургии, и ряда других отраслей [Митрофанова 1971, с. 497]. Так или иначе, как уже было показано в вышеприведённой таблице, среднемесячные заработки рабочих в авиапромышленности росли и в условиях снижения тарифных расценок. Причём материалы авиазавода № 153 позволяют предположить, что и в 1944 г. положение дел не изменилось – расценки снижались, но за счёт роста производительности фактические заработки рабочих продолжали расти.

³¹⁰ Для наглядности в скобках приводится рост (в %) по отношению к предыдущему году.

Таблица 11

Среднегодовая зарплата рабочих на авиазаводе № 153 (руб.) [Савицкий 2005, с. 358]

1941	1942	1943	1944	1945
6923	7985 (15,3) ³	8230 (3,1)	9460 (14,9)	8251 (-12,8)

Как правило, сотрудники оборонных предприятий имели в отношении зарплаты определённые преимущества перед персоналом отраслей гражданского сектора. Скажем, в мае 1945 г. в Наркомате танковой промышленности по сравнению со средней зарплатой рабочих машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий, не входивших в оборонную промышленность, зарплата была выше на четверть, в Наркомате вооружения – на 12, в Наркомате авиационной промышленности – на 17% [История Великой Отечественной войны 1965, с. 73–74]. С другой стороны, не следует придавать этой разнице преувеличенного значения. При сопоставлении других отраслей оборонной и гражданской сфер производства (не только машиностроения) соотношение средних зарплат могло носить другой характер. Например, на 1944 г. среднемесячная зарплата рабочего в промышленности союзного подчинения составила в среднем 573 рубля (в угольной промышленности – 729 руб., а в чёрной металлургии – 697 руб.), а в авиапромышленности – 686 рублей. Для ИТР это соотношение имело следующий вид: в промышленности союзного значения в среднем – 1209 руб. (соответственно в угольной промышленности и чёрной металлургии – 1502 и 1725 руб.), а в авиапромышленности – 1286 рублей [Вознесенский 1948, с. 117–118; Мухин 2011, с. 288]. Таким образом, оклады инженеров и рабочих авиапромышленности хотя и были выше, чем в среднем по СССР, однако не составляли ничего исключительного, уступая при этом зарплатам в угольной промышленности и чёрной металлургии.

Достаточно важное значение придавалось в годы войны стимулированию трудовой активности за счёт использования различных сдельно-прогрессивных и повременно-премиальных систем оплаты труда. Ввиду крайней напряжённости работы советских предприятий были нередки случаи, когда инженерно-технический персонал получал премии не только за перевыполнение плана, но и в случае полного выполнения плановых заданий – видимо, даже и такой результат считался существенным достижением, заслуживающим поощрения. В частности, такой порядок был введён с мая 1943 г. на заводах и фабриках наркоматов тяжёлого и среднего машиностроения. Так как с 1943 года значительные масштабы приобрели работы по восстановлению разрушенных индустриальных объектов на освобождённых от оккупантов территориях СССР, в 1943–44 годах была разработана специальная система поощрений рабочих и инженеров, задействованных на восстановлении и пуске как разрушенных, так и вновь возводимых предприятий. В начале 1945 г. в авиапромышленности большинство сотрудников оплачивались по различным формам сдельной оплаты труда.

³¹¹ Для наглядности в скобках приводится рост (в %) по отношению к предыдущему году.

Таблица 12

Распространение сдельной и сдельно-прогрессивной оплаты труда в НКАП на 01.01.1945. [Мухин 2011, с. 293]

	Всего по НКАП, в т. ч.:	В основных цехах	Во вспомогательных цехах
Сдельщики (% ко всем рабочим)	68,2	75,3	54,6
Сдельщики на прогрессивке (% ко всем сдельщикам)	28,3	35,7	8,7

Думается, в первом приближении, эту ситуацию можно экстраполировать на всю советскую промышленность в целом. В отчёте Госбанка за 1943 г. отмечалось, что отдельные категории рабочих, ИТР и руководящих сотрудников, особенно в металлургической и авиастроительной отраслях, за счёт широкого распространения премиальных, аккордных и прогрессивных систем оплаты ежемесячно получали на руки суммы, в несколько раз превышавшие их официальные ставки [Денежное обращение 2008, с. 25], что позволяло этим сотрудникам вести относительно обеспеченный образ жизни. Однако удельный вес таких «счастливиц» был сравнительно невелик.

В целом, общий рост среднемесячной зарплаты советских горожан в годы войны не вызывает сомнений.

Таблица 13

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР по основным сегментам экономики (руб., по курсу 1941 г.) [Митрофанова 1971, с. 498]

	1940 г.	1945 г.	Прирост в рублях
Всего по народному хозяйству	330	434	+104
Промышленность	340	470	+130
Строительство	339	413	+74
Транспорт	374	482	+135
Торговля и общественное питание	250	269	+19

На первый взгляд, существенный рост зарплаты должен был бы свидетельствовать об эквивалентном приросте и потребления. Однако фактически ситуация было намного сложнее. Уже к началу Великой Отечественной войны в результате развёрнутой кампании по мобилизации финансовых средств населения, коснувшейся в первую очередь горожан, и существенно меньше – колхозного крестьянства, денежные запасы рабочих и служащих начали стремительно снижаться. Руководство Наркомфина и Госбанка отмечали рост очередей в ломбардах, массовую сдачу вещей в скупочные магазины (в том числе – меховых вещей зимой), снижение объёмов вкладов горожан в сберкассах [Денежное обращение 2008, с. 54]. В дальнейшем эти тенденции проявились ещё более явно. В отчёте Госбанка за 1943 г. отмечалось: «Если из выплаченной за год зарплаты исключить ту её часть, которая израсходована в госторговле и на услуги, полученные от госпредприятий и кооперации, то окажется, что закупка сельхозпродуктов на колхозном рынке производилась городским населением не столько за счёт зарплаты, сколько за счёт осевших у него в предшествующие годы средств, за счёт выручки от продажи вещей и товаров, полученных по карточкам, и за счёт предоставле-

ния сельскому населению услуг. Выручка от продажи имущества, продажи и перепродажи товаров городским населением составила столько же, сколько и выплаченная из касс Госбанка зарплата: выплачено зарплаты, включая выплаты по вкладам военнослужащих, в 1943 г. 108,4 млрд руб., выручка городского населения от продажи и перепродажи товаров и вещей за этот год оценивается ЦСУ в 110,8 млрд рублей» [Денежное обращение 2008, с. 24–25]. Таким образом, по сути, после выплаты налогов и обязательных вычетов, после добровольно-обязательной подписки на государственный заём, зарплаты среднестатистического советского горожанина в середине войны едва хватало для того, чтобы отоварить карточки. Все закупки на рынке финансировались или за счёт проедания запасов (финансовых или вещевых), или за счёт каких-то дополнительных приработков, в том числе – перепродажи продуктов, купленных по карточкам.

Хотя этот сюжет не относится напрямую к тематике именно зарплат, он всё же касается проблемы доходов советских горожан времён военного лихолетья. В отчёте Госбанка СССР за 1943 год, наряду с сотрудниками ведущих отраслей промышленности, в числе наиболее высокообеспеченных в финансовом плане упоминались ещё и горожане, систематически занимавшиеся различными аспектами сельского хозяйства. Доходы от пчеловодства, содержания молочного скота, тепличного и обычного огородничества (если огородом заниматься не «после работы», а на постоянной основе) были «весьма велики» [Денежное обращение 2008, с. 24–25]. Кроме того, значительные суммы накапливались в распоряжении горожан, занимавшихся на дому различными кустарными промыслами и бытовым ремонтом (пошив и ремонт одежды и обуви, ремонт электроприборов и домашней утвари, и т. п.). В условиях постоянной нехватки товаров широкого потребления спрос на услуги подобного ремонта резко возрос.

Наконец, следует учитывать, что советское государство выделяло значительные финансовые средства на обеспечение инвалидов и членов семей фронтовиков. Всего на различные пособия и пенсии семьям военнослужащих и инвалидов войн ежемесячно ассигновалось свыше миллиарда рублей. Кроме того, эти категории советских граждан получали определённые налоговые льготы. Нередко семьи высшего комсостава и военнослужащие тыловых частей так же располагали достаточно солидными накоплениями.

Таким образом, даже если абстрагироваться от малозначительного по своей численности слоя работников искусств, изобретателей, крупных литераторов и ученых, надо признать, что в советском городе военных лет, наряду с большинством населения, практически не имевшим свободных финансов, существовал достаточно значительный слой горожан, не стеснённых в средствах. По данным милиции, у отдельных спекулянтов в городах изымались при аресте суммы около миллиона рублей. Однако превалировало именно находящееся в весьма стеснённых условиях большинство. В отчётных материалах Госбанка весной 1945 г. признавалось, что «в городе очень значителен процент семей, денежные остатки которых ничтожны. Это семьи, где на несколько иждивенцев работает один человек, где по тем или иным причинам не был своевременно создан запас вещей, где иссякли фонды вещей для продажи и где нет никаких приработков, кроме зарплаты» [Денежное обращение 2008, с. 58].

Питание. Подытоживая материалы вышеприведённых разделов, следует признать, что советские горожане времён Великой Отечественной войны могли получать продовольственные продукты из 4 основных источников:

- государственная торговля, представленная ОРСами, общедоступными магазинами системы Наркомторга, и с 1944 г. – коммерческими магазинами;
- подсобные хозяйства предприятий и учреждений (которые могли осуществлять, помимо основной деятельности, ещё и децентрализованные заготовки на селе);
- огородническое движение;
- колхозная торговля.

Таблица 14

Источники поступления продуктов питания городскому населению СССР (в % к калорийности всего питания) [Чернявский 1964, с. 186]

	1942	1943	1944
Государственные рыночные фонды	78,5	73,0	68,0
Подсобные хозяйства при предприятиях и учреждениях (с учётом децентрализованных заготовок)	4,4	5,0	5,1
Личное хозяйство горожан	8,0	9,4	12,4
Колхозная торговля	9,1	12,6	14,5

Очевидно, что на протяжении всего периода Великой Отечественной войны львиная доля продовольственных товаров поступала советским горожанам именно через государственную торговлю. Однако, чем ближе было к окончанию войны, тем меньше был удельный вес такой формы снабжения, а удельный вес остальных 3 источников, соответственно, возрастал. Важно отметить, что удельный вес этих 3 источников питания рос, преимущественно за счёт таких групп товаров, как картофель, овощи и животное масло. В то же время базовым продуктом питания (хлебом) на всём протяжении войны городское население снабжалось практически исключительно через государственные рыночные фонды.

С точки зрения понимания основных тенденций советской повседневности тех лет, важно адекватно оценить совокупный средний уровень обеспечения питанием советских горожан из всех источников в целом. Надо признать, что период Великой Отечественной войны характеризовался очень резким снижением уровня питания горожан.

Таблица 15

Калорийность питания городского населения СССР (в расчете на взрослого едока в сутки) [Чернявский 1964, с. 179]

	калорий	В % к	
		1939 г.	1942 г.
1939	3370	100	-
1942	2555	76	100
1943	2751	82	108
1944	2810	83	110

Из таблицы наглядно видно, что в 1942 г. калорийность среднесуточного питания в советском городе снизилась приблизительно на четверть, и хотя в дальнейшем калорийность питания стала нарастать, на уровень 1939 г. она не поднялась даже в 1944 году. Основное падение пришлось на продукты животноводства – резко сократилось потребление белков животного происхождения и жиров. Белки растительного происхождения и углеводы в среднем суточном рационе советских горожан также сократились, но в меньшей степени. Наиболее сильно (в несколько раз) в этой группе товаров снизилось потребление сахара. В то же время в отношении потребления хлеба спад был невелик, а поставки картофеля и овощей удалось достаточно быстро восстановить за счёт подсобных хозяйств и огородов горожан. Судя по всему, советское руководство хорошо понимало проблему ухудшения качества питания советских горожан, поэтому в 1943–44 годах потребление жиров и белков (преимущественно – животного происхождения) возросло существенно быстрее, чем углеводов.

Таблица 16

Калорийность питания городского населения СССР в расчёте на взрослого едока (% к 1942 г. в группировке по продуктам) [Чернявский 1964, с. 182]

	1943	1944
Растительного происхождения – всего	106	105
Животного происхождения – всего	117	142
Все продукты – всего	108	110
В том числе:		
Хлеб и мука	101	86
Бобовые, крупа и макаронные изделия	123	150
Картофель, овощи, плоды и зелень	136	190
Сахар и кондитерские изделия	59	47
Жиры	138	200
Молоко и молочные продукты (кроме масла)	113	128
Мясопродукты, рыбные продукты, яйца	119	142

Как видно из таблицы 16, рост калорийности в целом вполне мог сопровождаться продолжающимся спадом по отдельным группам товаров. Скажем, потеря основных свекловодческих районов закономерно привела к постоянному снижению потребления сахара и кондитерских товаров не только в 1942 г., но и на заключительном этапе Великой Отечественной войны. В результате потребления этой группы товаров в 1944 г. упало по сравнению с довоенным уровнем приблизительно в 8 раз. С другой стороны, потребление картофеля и овощей за этот же период возросло в 3 раза, что позволило компенсировать снижение в 1944 г. потребления хлеба.

В целом, основными продуктами питания советских горожан в годы войны являлись хлеб, картофель, овощи и, в меньшей степени – мясные продукты. Во второй половине военного периода (с 1943 года) потребление хлеба несколько сократилось, зато выросло потребление круп, картофеля, бобовых, овощей, мяса и мясных продуктов [Митрофанова 1971, с. 513].

С учётом того, что интенсивность труда советских горожан в год войны существенно возросла, а бытовые условия (обеспеченность жильём и то-

варами широкого потребления, необходимость добираться до работы изда- лека на фоне проблем с общественным транспортом, и т. п.) – ухудшились, такое снижение питательности ежесуточного набора продовольственных продуктов играло крайне негативную роль. Называя вещи своими именами, советские горожане трудились в невыносимо тяжёлых условиях.

Жилищный вопрос. Надо признать, что жилищный вопрос оставался достаточно напряжённым в тыловых районах СССР практически на про- тяжении всей Великой Отечественной войны. Помимо проблемы расселения эвакуированных сотрудников, следует учитывать, что численность заводов в восточных областях Советского Союза также росла, что ставило на повестку дня обеспечение крышей над головой свеженабранных на предприятия рабочих и служащих. К началу 1942 г. ситуация с обеспечением горожан жильём приобрела крайне острый характер. Скажем, наркомат авиапромышленности располагал на конец 1941 г. 197260 м² жилой площади, пригодной для размещения рабочей силы. При этом по плану I квартала 1942 г. ожидалось (только ожидалось – реализуемость этого плана вызывала определённые сомнения) ещё 149860 м² жилой площади, притом, что для размещения всей рабочей силы авиапромышленности, согласно санитарным нормам в том же квартале требовалось дополнительно 539750 м², – то есть даже в случае полного выполнения плана ввода в строй нового жилья потребность НКАПа в жилой площади была бы удовлетворена только на 47% [Мухин 2011, с. 257–258]. Приблизительно такая же ситуация была и в других отраслях промышленности. Так, в 1942 г. на одного работника Наркомтяжпрома приходилось всего 1,7 кв. м жилой площади [Зинич 1984, с. 155].

Первоначально эту проблему пытались решить за счёт уплотнения, но такое решение имело естественные границы. Волей-неволей советскому руководству пришлось перейти к практике аврального возведения нового жилья – барачков, а нередко и вовсе землянок. Некоторые мемуаристы отмечают попытки как-то облагородить проживание в землянках, и приспособить их к сколько-нибудь комфортному жилью. Скажем, сотрудник завода «ЗиЛ» П. И. Смирнов, эвакуированный в Ульяновск, позднее вспоминал: «Идешь, бывало, и видишь, как откуда-то из-под земли идет дым. Смотришь: то тут, то там из земли железные трубы. Подходишь, глядишь: огороженные снару- жи ступени ведут в землянку. В ней тепло, сухо и даже уютно. Некоторые умудрились устроить аккумуляторное освещение и вытяжку для вентиляции воздуха...» [История Московского автозавода 1966, с. 345]. Впрочем, столь комфортные условия, тем более в землянках, если и встречались, то явно составляли незначительное меньшинство. Как правило, бытовые условия проживания в землянках были неудовлетворительными, поэтому по мере возможностей горожан стремились переселять в более комфортное жильё.

Магистральным путём улучшения жилищных условий советских тру- жеников, разумеется, было строительство различных общежитий барачно- го типа. Безусловно, такое жильё было лучше землянок, но следует учи- тывать, что, как правило, условия в таких общежитиях были также очень тяжёлыми. В феврале 1943 г. цеховое руководство жаловалось дирекции

завода № 24: «Вновь прибываемых рабочих размещают в исключительно стесненных условиях вдали от завода (5–7 километров). Зачастую целыми месяцами спят на голых нарах без матрацев, бараки плохо отапливаются и не всегда освещаются» [Парамонов 1999, с. 331]. Приблизительно в том же духе в письмах родным отзывались о жилищных условиях и сотрудники завода № 153: «Спим на голых кроватях, очень холодно, барак большой и нет ни одной печи» [Савицкий 2005, с. 321–322]. С другой стороны, не следует считать, что вышеописанные примеры характеризуют решительно все общежития, созданные в тыловых регионах СССР. В декабре 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) обследовал жилищный фонд, находившийся в распоряжении завода № 153. Всего на тот момент предприятие располагало 28 общежитиями, в которых проживало 5,4 тыс. чел. При этом 11 общежитий были максимально уплотнены, на одного жильца в них приходилось приблизительно 2,5 м² жилплощади. В общежитиях № № 20 и 32 было чисто и уютно, в комнатах проживало по 3–4 человека. Постельное бельё менялось 3 раза в месяц. С точки зрения подавляющего большинства эвакуированных, условия были бесподобными³¹². Но общежития № № 12 и 18 представляли собой уже кардинально иную картину. Это были помещения казарменного типа с двухярусными нарами. Данные общежития совершенно не отапливались и отличались грязью и плохим освещением. У многих жильцов постельное бельё отсутствовало вообще, а у остальных оно менялось очень редко. Очевидно, что дирекция завода сознательно проводило политику концентрации всех доступных ресурсов на нескольких общежитиях, выделенных для рабочих и служащих наиболее востребованных профессиональных групп. Все остальные сотрудники предприятия были вынуждены ютиться в общежитиях, снабжавшихся по остаточному принципу. Как показывают материалы завода, такая практика продолжалась, как минимум, до 1943 г. включительно [Мухин 2011, с. 272]. Ситуацию удалось переломить только в 1944 г., когда перед руководством НКАП была поставлена задача не только радикально улучшить условия проживания в отраслевых общежитиях, но и перевести всех сотрудников авиапредприятий именно в общежития, покончив с практикой подселения и уплотнения [Самолётостроение 1994, с. 232].

Видимо, советское руководство достаточно адекватно себе представляло основные проблемы обеспечения советских горожан жильём, поэтому расходы государственного бюджета на жилищно-коммунальное хозяйство в 1943–1945 годах увеличились более, чем в 2,5 раза. В определённом смысле переломным в этом отношении стало постановление ГКО, принятое 23 мая 1944 года. Этим постановлением предписывалось резко интенсифицировать строительство заводов по производству сборных домов, а также форсировать возведение жилых зданий на базе использования гипса и шлакобетона. Одновременно проводился курс на восстановление индивидуального жилого фонда (на освобожденных от противника территориях) и усиление индивидуального жилого строительства (на территориях, избежавших оккупации) силами заинтересованных ведомств, которые получали для решения

³¹² Справедливости ради, и в этих общежитиях «улучшенного обслуживания» рабочие жаловались на холод и невозможность из-за отсутствия топлива приготовить пищу или хотя бы нагреть кипяток.

этих вопросов целевое финансирование. Скажем, в 1945 г. Наркомсредмашу на возведение индивидуальных домов для сотрудников его предприятий было выделено 45 млн руб., а Наркомстанкопрому – 50,5 млн рублей [Зинич 1984, с. 155]. По отчётам профсоюзов, только за 1943–44 годы Наркомтяжмаш ввёл в строй 168 тыс. м² жилья, а Наркомэлектропром – 60 тысяч [Митрофанова 1971, с. 517].

Подводя итог, следует признать, что повседневность советского горожанина времён военного лихолетья в целом была достаточно трудна и сурова. Хотя среди городского населения наблюдался определённый слой людей, располагавших существенными финансовыми сбережениями, подавляющее большинство горожан жили практически «от полочки до полочки». Не смотря на то, что основная масса продуктовых товаров поступала горожанам по линии системы карточного снабжения по сравнительно низким «нормированным» ценам, наличных средств едва хватало для отоваривания карточек. Поэтому ради приобретения на рынке чего-либо сверх нормированного рациона горожанам приходилось продавать на том же рынке те или иные фабрикаты, получаемые по карточкам. Кроме того, следует учитывать, что в 1942 г. даже официально назначенные нормы карточного снабжения далеко не всегда обеспечивались товарными фондами. В этой ситуации горожане поневоле были вынуждены разрабатывать те или иные стратегии выживания. Кто-то стремился устроиться на предприятие «хлебного» ведомства, где можно было рассчитывать на снабжение по повышенным нормам, второе горячее питание, прикрепление к «богатому» ОРСу. Кто-то, надеясь только на себя, сосредотачивал усилия на своём индивидуальном огороде. На заключительном этапе Великой Отечественной войны в СССР открылась сеть коммерческих магазинов, которые предлагали расширенный ассортимент продуктов лучшего качества по повышенным ценам, однако воспользоваться услугами таких магазинов могли немногие – и сами магазины существовали лишь в нескольких городах, и цены в них были для большинства советских горожан неподъёмные. Так или иначе, в среднем по СССР уровень калорийности питания советских горожан не вышел на довоенные значения даже к 1945 году. Помимо этого, следует учитывать, что в годы войны резко ухудшилось снабжение товарами широкого потребления и, в первую очередь – одеждой и обувью. Фактически, такие товары распространялись исключительно по карточкам, поэтому жители села их официально купить не могли. Это привело к тому, что значительная часть таких товаров, приобретенных горожанами, затем была перепродана сельскому населению. С учётом того, что общий объём одежды и обуви, реализуемой через государственную торговлю, в годы войны существенно сократился, это привело к тому, что к 1945 г. советские горожане тривиально обносились. Наконец, нельзя забывать, что резкий рост городского населения в советском тылу моментально обострил жилищную проблему. В 1942–1944 годах значительная часть горожан была вынуждена жить в неотапливаемых бараках, а то и вовсе – в землянках. Некоторое улучшение ситуации с жильём наступило только в 1945 году, но преувеличивать масштабы этого улуч-

шения также не стоит. В целом, следует признать, что победа в экономическом состязании с гитлеровской Германией, сплотившей под своей эгидой едва ли не всю континентальную Европу, досталась советским гражданам очень тяжёлой ценой.

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян 1970 – *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны – М.: «Наука», 1970.
- Вознесенский 1948 – *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1948.
- Воскобойников 1947 – *Воскобойников Э.А.* Узбекский народ в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1947.
- Война и общество 2004 – *Война и общество. 1941–1945. Ч. 2.* – М.: «Наука», 2004.
- Данилов 1942 – *Данилов Д.В.* Исчисление и взимание налогов с рабочих и служащих. – М.: Госфиниздат, 1942.
- Демидов 1943 – *Демидов С.* Развитие пригородного сельского хозяйства. – М.: Госпланиздат, 1943.
- Денежное обращение 2008 – *Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах.* – М.: [б. и.], 2008.
- Евланова 1984 – *Евланова М.Н.* Рабочий класс – фронту. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1984.
- Егоров 1947 – *Егоров И.В.* Учёные Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Новосибгиз, 1947.
- Загвоздкин 1990 – *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы: социальная политика военных лет. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1990.
- Зинич 1984 – *Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). – М.: «Наука», 1984.
- История Великой Отечественной войны 1965 – *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945, Т. 6.* – М.: «Воениздат», 1965.
- История Московского автозавода 1966 – *История Московского автозавода имени И. А. Лихачева.* – М.: «Мысль», 1966.
- История СССР 1966 – *История СССР с древнейших времен до наших дней, Т. 10.* – М.: [б. и.], 1966.
- Исупов, Корнилов 2017 – *Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4(57). – С. 46–53.
- Калинин 1942 – *Калинин М.И.* О некоторых вопросах агитации и пропаганды. // Спутник агитатора, 1942, № 20, с. 26.
- Кафтанов 1946 – *Кафтанов С.* Советская интеллигенция верно служит своей Родине. – Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1946.
- Любимов 1968 – *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М.: «Экономика», 1968.

Митрофанова 1971 – *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: «Наука», 1971.

Мухин 2011 – *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. – М.: «Вече», 2011

Мухин 2022 – *Мухин М.Ю.* Экономическое обеспечение перелома в Великой Отечественной войне. // Исторические записки. 2022. – С. 124–169.

Опацкий 1942 – *Опацкий Л.В.* Мобилизуем местные продовольственные ресурсы. – М.: Профиздат, 1942.

Парамонов 1999 – *Парамонов В.* Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. – Самара: Самарский университет, 1999.

Решения 1968 – Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1968.

Савицкий 2005 – *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

Самолётостроение 1994 – Самолётостроение в СССР. 1917–1945. Кн.2. – М.: ЦАГИ, 1994.

Синицын 1985 – *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. – М.: «Воениздат», 1985.

Советская экономика 1970 – Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: «Наука», 1970.

Советский Союз 1976 – Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М.: «Наука», 1976.

Трипольский 1943 – *Трипольский В.И.* Жилищное строительство в условиях военного времени. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1943.

Чадаев 1985 – *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – М.: «Мысль», 1985.

Чернявский 1964 – *Чернявский У.Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945). – М.: «Наука», 1964.

Шахурин 1984 – *Шахурин А.* Крылья победы. – М: Политиздат, 1984.

REFERENCES

Narutyunyan, Yu.V. (1970), *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet peasantry during the Great Patriotic War], “Nauka”, Moscow, Russia.

Voznesenskij, N. (1948), *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny* [The military economy of the USSR during the Patriotic War], Gospolitizdat, Moscow, Russia.

Voskoboynikov, E.A. (1947), *Uzbekskij narod v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Uzbek people during the Great Patriotic War], Gos. izd-vo UzSSR, Tashkent, Russia.

Vojna i obshchestvo (2004), *Vojna i obshchestvo. 1941–1945. CH. 2.* [War and Society. 1941–1945 Part 2] «Nauka», Moscow, Russia.

Danilov, D.V. (1942), *Ischislenie i vziimanie nalogov s rabochih i sluzhashchih* [Calculation and collection of taxes from workers and employees], Gosfinizdat, Moscow, Russia.

Demidov, S. (1943), *Razvitie prigorodnogo sel'skogo hozyajstva* [Development of suburban agriculture], Gosplanizdat, Moscow, Russia.

Denezhnoe obrashchenie (2008), *Denezhnoe obrashchenie v SSSR perioda Velikoj Otechestvennoj vojny v dokumentah* [Money circulation in the USSR during the Great Patriotic War in documents], Moscow, Russia.

Evlanova, M.N. (1984), *Rabochij klass – frontu* [Working class to the front], YUzh.-Ural. kn. izd-vo., Chelyabinsk, Russia.

Egorov, I.V. (1947), *Uchènnye Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Scientists of Siberia during the Great Patriotic War], Novosibgiz, Novosibirsk, Russia.

Zagvozdkin, G.G. (1990), *Cena Pobedy: social'naya politika voennykh let* [The Price of Victory: Social Policy of the War Years], Volgo-Vyat. kn. izd-vo, Kirov, Russia.

Zinich, M.S. (1984), *Trudovoj podvig rabocheho klassa v 1941–1945 gg. (po materialam otraslej mashinostroeniya)* [Labor feat of the working class in 1941–1945 (according to the materials of engineering industries)], «Nauka», Moscow, Russia.

Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny (1965), *Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz, 1941–1945* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945, vol. 6.], T. 6. «Voenizdat», Moscow, Russia.

Istoriya Moskovskogo avtozavoda (1966), *Istoriya Moskovskogo avtozavoda imeni I. A. Lihacheva* [History of the Moscow Automobile Plant named after I. A. Likhachev], «Mysl'», Moscow, Russia.

Istoriya SSSR (1966), *Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei*, T. 10 [History of the USSR from ancient times to the present day, vol. 10], Moscow, Russia.

Ispov, V.A., Kornilov, G.E. (2017), “CHislennost' naseleniya Ros-sii v gody Vtoroj mirovoj vojny (1939–1945 gg.)” [The population of Russia during the Second World War (1939–1945)], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 4(57), pp. 46–53.

Kalinin, M.I. (1942), “O nekotorykh voprosakh agitacii i propagandy” [On some questions of agitation and propaganda], *Sputnik agitatora*, no. 20, p. 26.

Kaftanov, S. (1946), *Sovetskaya intelligenciya verno sluzhit svoej Rodine* [The Soviet intelligentsia faithfully serves their Motherland], Gos. izd-vo polit. lit., Leningrad, Russia.

Lyubimov, A.V. (1968), *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Trade and supply during the Great Patriotic War], «Ekonomika», Moscow, Russia.

Mitrofanova, A.V. (1971), *Rabochij klass SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. [The working class of the USSR during the Great Patriotic War], «Nauka», Moscow, Russia.

Muhin, M.YU. (2011), *Sovetskaya aviapromyshlennost' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet aircraft industry during the Great Patriotic War], «Veche», Moscow, Russia.

Muhin, M.YU. (2022), “Ekonomicheskoe obespechenie pereloma v Velikoj Otechestvennoj vojne” [Economic support for a turning point in the Great Patriotic War], *Istoricheskie zapiski*. no. 21(139), pp.124–169.

Opackij, L.V. (1942), *Mobilizuem mestnye prodovol'stvennye resursy* [Mobilizing local food resources], Profizdat, Moscow, Russia.

Paramonov, V. (1999), *Rossiya v 1941–1945 gg.: problemy industrial'nogo razvitiya* [Russia in 1941–1945: problems of industrial development], Samarskij universitet, Samara, Russia.

Resheniya (1968), *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam*. V 5 t. T. 3 [Decisions of the party and government on economic issues. In 5 vols. Vol. 3], Politizdat, Moscow, Russia.

Savickij, I.M. (2005), *Vazhnejshij arsenal Sibiri* [The most important arsenal of Siberia], Izd-vo SO RAN, Novosibirsk, Russia.

Samolyotostroenie (1994), *Samolyotostroenie v SSSR. 1917–1945. Kn.2.* [Aircraft building in the USSR. 1917–1945. Book 2], CAGI, Moscow, Russia.

Sinicyan, A.M. (1985), *Vsenarodnaya pomoshch' frontu* [All-People's Aid to the Front], «Voenizdat», Moscow, Russia.

Sovetskaya ekonomika (1970), *Sovetskaya ekonomika v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Soviet economy during the Great Patriotic War of 1941–1945], «Nauka», Moscow, Russia.

Sovetskij Soyuz (1976), *Sovetskij Soyuz v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945* [The Soviet Union during the Great Patriotic War, 1941–1945], «Nauka», Moscow, Russia.

Tripol'skij, V.I. (1943), *Zhilishchnoe stroitel'stvo v usloviyah voennogo vremeni* [Housing construction in wartime], Novosibgiz, Novosibirsk, Russia.

Shahurin, A. (1984), *Kryl'ya pobedy* [Wings of Victory], Politizdat, Moscow, Russia.

Chadaev, YA.E. (1985), *Ekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)], Mysl', Moscow, Russia.

Chernyavskij, U.G. (1964), *Vojna i prodovol'stvie. Snabzhenie gorodskogo naseleniya v Velikuyu Otechestvennuyu vojnu (1941–1945)* [War and food. Supply of the urban population in the Great Patriotic War (1941–1945)], «Nauka», Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Ю. Мухин, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125093, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; Институт российской истории РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; *mukhin@mail.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michail Yu. Mukhin, Doct. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125093; Institute of Russian History of Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld.19, Dm. Ulianova av., Moscow, Russia, 117292; *mukhin@mail.ru*.

Проблемы культуры производства и условий труда на заводах авиационной промышленности СССР в период Великой Отечественной войны

Иван А. Калмыков

Корпоративный университет Правительства Нижегородской области,
Нижний Новгород, Россия,
i-kalmykov@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-6877-3216

Аннотация. *В статье анализируются мероприятия по повышению культуры производства, охране труда, технике безопасности и здравоохранению работников заводов Наркомата авиационной промышленности СССР (НКАП) в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено предприятиям, расположенным на территории Приволжья. Условия труда непосредственно влияли на качество выпускаемой авиационной продукцией. Как правило, лучшие выглядели старые производственные площадки, где не произошло взрывного роста численности персонала. На эвакуированных же заводах в 1941–1942 гг. проблемы с продовольствием, жильем, состоянием рабочих мест, транспортом, медицинским и бытовым обслуживанием приобретали критические масштабы, служили поводом для нарушения дисциплины. В решение указанных вопросов были вовлечены не только руководители предприятий, но и партийные организации, заводские комитеты профсоюза, увеличивавшие ассигнования и усиливавшие профилактическую и пропагандистскую работу. Отдельные инициативы трудовых коллективов (например, по профилактике инфекционных заболеваний или пошиву обуви) находили поддержку и тиражирование на уровне ВЦСПС и наркомата авиационной промышленности. Большинство мероприятий по повышению культуры производства, охране труда и технике безопасности пришлось на 1943–1945 гг.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, оборонная промышленность, история экономики, история авиационной промышленности, охрана здоровья, культура производства, техника безопасности.*

Для цитирования: *Калмыков И.А. Проблемы культуры производства и условий труда на заводах авиационной промышленности СССР в период Великой Отечественной войны // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 236–246. DOI: 10.25986/ISN.2023.83.69.009*

Problems of production culture and working conditions at the factories of the aviation industry of the USSR during the Great Patriotic War

Ivan A. Kalmykov

Corporate University of the Government of the Nizhny Novgorod Region,
Nizhny Novgorod, Russia,
i-kalmykov@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-6877-3216

Abstract. *The article analyze measures to improve the culture of production, labor protection, safety and health of workers of the factories of the People's Commissariat of Aviation Industry of the USSR during the Great Patriotic War. Special attention is paid to the enterprise located on the territory of the Volga region. Working conditions directly affected the quality of products manufactured by aircraft manufacturers. As a rule, the old production sites looked better, where there was no explosive growth in the number of personnel. In the evacuated factories in 1941–1942, problems with food, housing, the condition of workplaces, transport, medical and household services acquired critical proportions, served as a reason for violation of discipline. The author comes to the conclusion that not only the heads of enterprises were involved in solving these issues, but also party organizations, factory committees of the trade union, which increased allocations and strengthened preventive and propaganda work. Some successful initiatives of labor collectives (for example, on the prevention of infectious diseases or sewing shoes) were supported and replicated at the level of the Central Council of the Trade Union and People's Commissariat of Aviation Industry. Due to limited resources, most of the measures to improve the culture of production, occupational safety and health were taken in 1943–1945.*

Key words: *The Great Patriotic War, the defense industry, the history of the economy, the history of the aviation industry, health protection, production culture, safety.*

For citation: *Kalmykov, I.A. (2023), "Problems of production culture and working conditions at the factories of the aviation industry of the USSR during the Great Patriotic War", Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 236–246. DOI: 10.25986/ISN.2023.83.69.009.*

С началом Великой Отечественной войны на авиационных заводах СССР, среди других проблем, обострилась и проблема культуры производства. Особенно это было характерно для эвакуированных предприятий. Так, на авиазаводе № 387 НКАП, вывезенном из Ленинграда в Казань, осенью 1941 г. была на 20% снижена освещенность [Морошек 1990, с. 45]. На агрегатном заводе № 119 им. Г.М. Маленкова, эвакуированном из Москвы в Горький, зимой 1941–1942 гг. порой в цехах царил такой холод, что замерзала эмульсия в металлообрабатывающих станках [Карпенко 2005, с. 124]. Та же картина наблюдалась на моторном заводе № 24 им. Фрунзе, переведенном из Москвы в Куйбышев: в цехах было угарно, гуляли сквозняки [Завод 2007, с. 38]. На казанском мото-

ростроительном заводе № 16 один из цехов – «термичка» – назывался «трудо-вой колонией». Работа была грязная, вредная, и желающих там трудиться было мало. На заводе так и говорили: «Будешь работать плохо – пошлем в термичку» [Фролова 2001, с. 37]. Рабочим казанского завода НКАП № 22 им. С.П. Горбунова зимой 1941 г. на работу приходилось за 10–14 километров добираться пешком. Поэтому не редкими были случаи обморожений. Из-за массовых опозданий, плохо организованной работы столовой (несколько часов можно было простоять в очереди, чтобы за несколько минут пообедать) велики были потери рабочего времени [Крылья 2015, с. 200]. Куйбышевский завод № 18 в 1942 г. предоставлял молодым рабочим горячее питание один раз в сутки «в посуду посетителя» – в ход шли жестяные банки, черепки и даже фуражки [Мухин 2011, с. 270].

Незавидные условия для рабочих были на металлургическом заводе НКАП в Верхней Салде, где при производстве штамповок в качестве смазки применялась смесь масел и графита – все это сгорало, чадило при полном отсутствии вентиляции [Постигающая суть 2005, с. 94].

Документы свидетельствуют о взаимосвязи условий труда и качества выпускаемой продукции. В марте 1942 г. на авиазаводе № 21 в Горьком работала комиссия Наркомата Госконтроля СССР, отметившая, что «в основном сборочном цехе завода отсутствует элементарная культура в работе и организация производства. Во время проверки состояния этого цеха было следующее: в ночное время цех освещен слабо, переносных электроламп на рабочих местах недостаточно. ...Лакокрасочная пыль осаждается на ... самолеты, ф[юзеля]жи и на готовые детали»³¹³. Имело место и небрежное отношение к работе. В мае 1942 г. начальник производства 21-го завода Б.В. Куприянов на заседании парткома говорил: «В цехах очень много брака, который часть идет за счет руководителей цехов... благодаря неряшливости в работе, можно наблюдать и обнаруживать гайки в моторах и т. д.»³¹⁴. Партбюро горьковского авиадвигательного завода № 466 в январе 1942 г., обсуждая вопрос о качестве продукции, сделало вывод, что «причины брака кроются в низкой квалификации и культуре рабочих»³¹⁵. На партийном собрании того же завода 14 марта 1942 г. говорилось, что «каждый четвертый мотор имеет грязные подшипники»³¹⁶. 26 мая 1942 г. партком завода констатировал, что основной бич дисциплины не прогул, и не опоздания, а отношение к труду³¹⁷. В июне 1942 г. секретарь Горьковского обкома ВКП(б) по авиационной промышленности Лукин заявил: «Я должен сказать, что ни на одном авиационном заводе Горьковской области нет такой распушенности, как на 466-м заводе. Там в любое время, где угодно, вы найдете сотни людей в очереди, найдете людей, болтающихся по цеху, сидящих на скамейках, но не находящихся там, где они должны быть в рабочее время»³¹⁸. Таким образом, на объективные обстоятельства наслаивались и субъективный, человече-

³¹³ ЦАНО. Ф. 2066. Оп. 6. Д. 706. Л. 11.

³¹⁴ ГОПАНО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 315а. Л. 162.

³¹⁵ ГОПАНО. Ф. 2410. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.

³¹⁶ Там же. Л. 43.

³¹⁷ Там же. Л. 99.

³¹⁸ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2925. Л. 17.

ский фактор – отсутствие должной организации труда. По этой же причине выходило из строя оборудование. Например, директор завода НКАП № 469 им. М.М. Громова (г. Горький) в приказе № 2 от 3 января 1942 г. отмечал, что по небрежности рабочего цеха № 80 Пыпина 29 декабря 1941 г. оказался сломанным фрезерный станок³¹⁹.

Для ликвидации данной проблемы администрация заводов и партийные организации принимали меры. Одной из таких мер было промышленное строительство, которое велось даже в условиях военного времени. Примером может служить авиазавод № 99 в Улан-Удэ [Тихоновец 1989, с. 65]. Завод № 22 им. С.П. Горбунова постепенно брал в свои руки обслуживание трамвая и трамвайных путей в Казани [Завод 2007, с. 83]. Большим тормозом в работе агрегатного завода НКАП имени Лепсе в Кирове было отсутствие хорошей дороги, связывающей завод с городом. Было решено в кратчайший срок проложить новую дорогу протяженностью более двух километров. Партком, профсоюзный и комсомольский комитеты мобилизовали на выполнение этой задачи весь коллектив завода. Каждый должен был отработать на строительстве по 50 часов. Работали днем и ночью. Открытие новой дороги стало для коллектива завода настоящим праздником [Мы – лепсенцы 1987, с. 117]. Отметим, что большинство этих мероприятий удалось осуществить во второй половине войны. На горьковском заводе № 119 им. Г.М. Маленкова в 1943 г. полностью заменили электросети-временки, проложенные в 1941–1942 гг. и часто приводившие к длительным простоям оборудования [Карпенко 2005, с. 129].

В конце войны в термическом цехе казанского завода № 16 была введена в эксплуатацию методическая печь для цементации коленчатых валов и электрическая толкательная печь для закалки гильз блоков, что позволило ликвидировать узкие места в термичке, механизировать труд, поднять производительность труда и, как следствие, снять остроту вопроса по условиям труда [Фролова 2001, с. 37].

Острой была проблема техники безопасности. Этому вопросу постоянно уделяла внимание заводская печать. Так, 1 марта 1942 г. газета «Ворошиловец», издававшаяся на заводе № 21, поместила заметку о том, что с охраной труда на предприятии не все благополучно. Хотя травматизм в 1941 году по сравнению с 1940-м значительно снизился, имелись факты пренебрежительного отношения к технике безопасности и охране труда. В термичке одного из цехов отсутствовала вытяжная вентиляция, рабочим приходилось дышать загрязненным воздухом. Плохо было и с устройством пылеприемников к станкам³²⁰. Проблема с охраной труда на заводе № 21 сохранялась до конца войны³²¹, несмотря на то, что работа по технике безопасности велась активно. В 1942 г. капитальные затраты на оздоровительные мероприятия составили 1951,4 тыс. рублей. Динамика несчастных случаев и профзаболеваний на заводе № 21 в 1941–1942 годах показана ниже.

³¹⁹ ЦАНО. Ф. 2069. Оп. 5. Д. 8. Л. 2.

³²⁰ Батушкин А. За дальнейшее улучшение условий труда // Ворошиловец. 1942. № 10 (920). 11 марта. – С. 02.

³²¹ Дурандин. «А воз и ныне там» // Ворошиловец. 1945. № 9 (1077). 2 марта. – С.02; Инспектор, мастер, 66. Нарушается техника безопасности // Ворошиловец. 1945. № 9 (1077). 2 марта. – С.02; Никифорова А. Обещаний много, а вентиляции нет // Ворошиловец. 1945. № 9 (1077). – С. 02; Юрзов И. В плохих условиях // Ворошиловец. – 1945. № 9 (1077). 2 марта. – С. 02.

Таблица 1

Динамика несчастных случаев на заводе № 21 им. С. Орджоникидзе³²²

	1941 год	1942 год
Количество несчастных случаев	478	424
Потери дней на лечение	4398	5674
Коэффициент средней тяжести	9	13
Коэффициент средней частоты	7, 3	5, 6
Профзаболевания	1199	237

Повышение коэффициента тяжести в 1942 г. объяснялось грубым нарушением элементарных правил техники безопасности самими пострадавшими: произошло несколько случаев с длительной потерей трудоспособности. Потеря дней на лечение по профзаболеваниям составила 2320 дней против 1090 дней в 1941 году. В целях сокращения травматизма в 1943 г. были приняты меры к усилению технического надзора за соблюдением правильных и безопасных приемов работы и обеспечение рабочих мест инструктажем (памятками) по технике безопасности³²³.

Только по соглашению профсоюзной организации с администрацией на оздоровление условий труда в 1943 г. было направлено 142 тыс. руб., кроме того, за счет средств на эксплуатацию и цеховых расходов было затрачено 52 тыс. руб. Таким образом, на оздоровительные мероприятия на заводе № 21 в 1943 г. было израсходовано 194 тыс. рублей. В 1943 г. завком добился открытия дома отдыха на реке Керженец, был инициатором организации пошивочных мастерских и мастерских по ремонту обуви, парикмахерских, санитарно-бытовых помещений непосредственно в цехах [НАЗ «Сокол» 2022, 117].

Наиболее крупными работами в 1943 г. явились: монтаж 5 вентиляционных установок, монтаж и механизация 2 монорельсов. Кроме того, была проделана большая воспитательная работа. Было проведено более 260 групповых и индивидуальных бесед по вопросам безопасной организации труда, 12 полных периодических осмотров и проверено состояние оборудования, ограждений, инструментов, приспособлений, вентиляционных установок, грузоподъемных механизмов, аппаратов и приборов, работающих под давлением, газосварочного и электромеханического оборудования.

В 1943 г. прошли курс техминимума со сдачей зачетов по технике безопасности более 856 человек инженерно-технических работников производства. В результате проведенных мероприятий завод добился снижения травматизма:

Таблица 2

Динамика несчастных случаев на заводе № 21 в 1943 г.³²⁴

№ п/п	Показатели	1942 г.	1943 г.	1943 г. в % к 1942 году
1.	Количество несчастных случаев	424	263	62, 0
2.	Потеря рабочих дней на лечение	5 674	3 610	63, 6
3.	Коэффициент средней частоты	5, 7	4, 0	72, 0
4.	Коэффициент средней тяжести	13, 3	13, 7	103, 0

³²² Государственное казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2066. Оп. 7. Д. 3. Л. 46.

³²³ ЦАНО. Ф. 2066. Оп. 7. Д. 3. Л. 46.

³²⁴ ЦАНО. Ф. 2066. Оп. 7. Д. 3. Л. 121.

Количество несчастных случаев на горьковском заводе № 21 им. С. Орджоникидзе за 1943 г. по сравнению с 1942 г. было снижено на 38 %, потеря рабочего времени на лечение – на 36,4%. 500 человек рабочих вредных профессий получали молоко по нормам трудового законодательства³²⁵. Аналогичные мероприятия проводились на заводе воздушных винтов № 467 в Павлове-на-Оке Горьковской области. Ветеран павловского предприятия М. Тарабакин вспоминал, как полученные заводом две бочки смазки для станков, изготовленные из отходов животных жиров, стали настоящим гастрономическим праздником [Горький 2020, 146].

Таблица 3

Ассигнования оздоровительных мероприятий на заводе № 467 в 1943 г., рублей³²⁶

№ п/п	Наименование оздоровительных мероприятий	Освоение средств		Всего
		За счет ассигнований на капитальные затраты	За счет средств по эксплуатации	
1.	Техника безопасности	6 750	17 350	24 100
2.	Вентиляция	40 500	-	40 500
3.	Производственная санитария	23 600	8 400	32 00
4.	Санитарно-бытовые устройства	6 700	18 300	25 00
5.	Спецодежда и обувь	Нет сведений		
6.	Спецжиры	-	42 000	42 000
Итого:		77 550	416 430	494 000

В 1944 г. на заводе № 467 было произведено обследование оборудования и составлен календарный график по установке ограждений. Были установлены подъемники для облегчения тяжелых работ, например, в котельной сделан транспортер для подачи топлива к топкам. Вместо 18 человек на этой операции стало трудиться всего два человека. Ко всем станкам, где это требовалось, было подведено местное освещение, производилась по графику чистка окон и светильников³²⁷.

Большое внимание уделялось регистрации несчастных случаев для принятия по ним срочных мер и недопущения повторения в будущем. Так, 15 февраля 1942 г. директор горьковского завода № 469 В. Смирнов издал приказ, в соответствии с которым о каждом несчастном случае, происшедшем в цехе, отделе, на строительстве или во дворе завода, начальникам цехов или их заместителям вменялось в обязанность немедленно сообщать по телефону лично директору³²⁸.

Тем не менее, проблема производственного травматизма не была изжита полностью. Например, на заводе № 519 в Верхней Салде на погрузочно-разгрузочных работах отсутствовали самые элементарные условия труда, цехи были загромождены, и это являлось причиной высокого травматизма, особенно среди подростков. Переломы пальцев рук, ног, стопы и голени не были редкостью [Постигающая суть 2005, с. 103]. Имело место игнорирование правил техники безопасности администрацией

³²⁵ ЦАНО. Ф. 2066. Оп. 7. Д. 3. Л. 121-122.

³²⁶ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 1. Д. 29. Л. 221.

³²⁷ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 36. Л. 46-50.

³²⁸ ЦАНО. Ф. 2069. Оп. 5. Д. 8. Л. 77.

цехов и отделов предприятий. Так, в приказе директора завода № 467 от 3 августа 1944 г. отмечалось нарушение правил и норм техники безопасности в цехах и отделах, невыполнение плана мероприятий по данному направлению (десятки станков не имели ограждения, вследствие чего имелись случаи травматизма рабочих). Начальники цехов были предупреждены об ответственности³²⁹. В 1944 году смертельных случаев, отравлений, взрывов и профзаболеваний на заводе № 467 не было. Единственный тяжелый несчастный случай (перелом руки у станочника) произошел по вине самого рабочего, нарушившего правила по технике безопасности³³⁰.

Как правило, рабочие вовремя обеспечивались спецодеждой и обувью³³¹. Руководителям цехов и служб завода № 26 выдали темно-синие гимнастёрки, бриджи, кожаные сапоги и ремень. Как вспоминали ветераны-моторостроители, это не только подчеркивало статус комсостава, но и позволяло обезопасить их от уличных нападений [Павлов 2012, с. 89].

Отметим, что вопросы производственной культуры и техники безопасности регулярно поднимались на партбюро и парткомах предприятий³³².

Выделим несколько направления работы по сохранению здоровья авиастроителей. Во-первых, это предотвращение эпидемических заболеваний. Так, на заводе № 469 им. М.М. Громова в мае 1942 г. была проведена кампания по борьбе с малярией³³³. Проводились регулярные прививки. 27 января 1943 г. директором завода № 467 в целях предотвращения заболеваемости брюшным тифом был издан приказ о проведении профилактических прививок всем работникам предприятия. Прививки проводились под личную ответственность начальников цехов³³⁴. Аналогичные приказы издавались на заводе № 467 3 декабря 1944 г.³³⁵ и 11 марта 1945 года³³⁶.

Проводились мероприятия по улучшению гигиены рабочих. 6 марта 1942 г. директор завода № 469 им. М.М. Громова В. Смирнов издал приказ закончить душевую установку и пустить ее в эксплуатацию³³⁷.

3 августа 1942 г. директор завода № 467 А.Ф. Авербах издал приказ, которым предусматривался комплекс мероприятий по очистке территории завода и поселка, ликвидация незаконных свалок, проведение хлорирования воды и т. д.³³⁸. В 1944 г. на заводе в Павлове-на-Оке был оборудован обще-заводской душ. Во всех цехах имелись бочки для питьевой воды. Систематически 1–2 раза в месяц проводилось санитарное обследование рабочих³³⁹. На заводе № 21 в феврале 1945 г. в ряде цехов были организованы женские

³²⁹ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 8. Л. 14.

³³⁰ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 36. Л. 52.

³³¹ Там же. Л. 50.

³³² 3. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3383. Л. 15; ГОПАНО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 310; ГОПАНО. Ф. 1947. Оп. 1. Д. 315а. Л. 49; ГОПАНО. Ф. 2410. Оп. 1. Д. 33. Л. 18; ГОПАНО. Ф. 2410. Оп. 1. Д. 34. Л. 46; ГОПАНО. Ф. 3321. Оп. 1. Д. 2. Л. 68; ГОПАНО. Ф. 4471. Оп. 1. Д. 1а. Л. 33.

³³³ ЦАНО. Ф. 2069. Оп. 5. Д. 8. Л. 248.

³³⁴ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 5. Л. 27.

³³⁵ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 8. Л. 115.

³³⁶ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 10. Л. 61.

³³⁷ ЦАНО. Ф. 2069. Оп. 5. Д. 8. Л. 109.

³³⁸ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 4. Л. 27.

³³⁹ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 36. Л. 50.

гигиенические комнаты. В них велся прием врача, пациенток обслуживала опытная медсестра³⁴⁰.

На предприятиях было организовано лечебное питание. Так, на заводе № 467 в 1944 г. имелась лечебная диетическая столовая на 97 человек. Рабочие вредных и тяжелых профессий получали усиленное дополнительное питание (127 человек)³⁴¹.

Огромную работу по оздоровлению труженников авиапрома вели медицинские работники. Медицинские подразделения были созданы на всех авиационных заводах.

На казанском моторостроительном заводе № 16 в 1941 г. после приезда коллектива воронежцев была организована медико-санитарная часть, которая располагалась на территории завода в двух комнатах, первым ее руководителем была врач Т. Трофимова. В 1944 г. был открыт ночной противотуберкулезный санаторий. В 1945 г. завод имел уже 7 лечебно-профилактических точек [Фролова 2001, с. 45]. В 1942 г. на заводе в Верхней Салде была организована санитарная часть, состоявшая из поликлиники, стационара на 70 мест и медпунктов в цехах, и другие учреждения социальной инфраструктуры [Постигаая суть 2005, с. 76].

О напряженном характере деятельности медиков можно судить по работе медсанчасти авиазавода № 22. В начале войны завод располагал только поликлиникой, размещавшейся на первом этаже жилого дома в Соцгороде, и здравпунктом на территории предприятия.

С целью профилактики массовых эпидемиологических заболеваний в конце 1942 г. в Соцгороде были построены санпропускники, в которых осматривались все прибывающие на завод рабочие. Работники медсанчасти систематически проводили осмотры рабочих и служащих, особенно тех, кто жил в общежитиях, с целью своевременного выявления педикулеза. В середине 1942 г. заводским медикам много хлопот доставила вспышка малярии – это было вызвано тем, что вокруг завода оставалось много заболоченных мест. Незамедлительно были приняты меры по локализации очага заболевания, проведена химическая обработка болот.

У завода не было стационара, зато был прекрасный дом отдыха «Голубое озеро» на 80 мест, санаторий «Здравница» на 70 мест в живописном месте на Волге. В одном из двухэтажных домов поселка имени Урицкого начал работать ночной санаторий на 60 мест. В эти оздоровительные учреждения по заключению медсанчасти направлялись физически ослабленные люди, нуждавшиеся в кратковременном отдыхе. Рабочим, которые трудились на вредных для здоровья участках, полагалось пол-литра молока или 22 грамма сливочного масла в сутки. Эти так называемые «спецжиры» выдавались под контролем работников ОТК.

Руководство завода и работники медсанчасти считали своей главной задачей охрану здоровья рабочих и служащих, поэтому профилактические и оздоровительные мероприятия на заводе носили целенаправленный, систематический характер. И это, безусловно, помогло предприятию в годы войны работать ритмично и бесперебойно [Завод 2007, с. 109].

³⁴⁰ Сидорова Г. О женских гигиенических комнатах // Ворошиловец. 1945. № 17 (978). 2 февраля. С. 02.

³⁴¹ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 36. Л. 51.

На заключительном этапе войны стали больше уделять внимания здоровью подростков. Так, согласно приказу директора завода № 467, во исполнение постановления СНК СССР от 5 марта 1944 г. за № 138 для рабочих подростков, не достигших 16-летнего возраста, был установлен 6-часовой рабочий день и только в дневную смену с обязательным предоставлением еженедельного для отдыха. Сверхурочные работы для подростков запрещались³⁴².

Заводы освобождались от мусора, отходов производства [Живая история 1999, с. 40]. В апреле 1944 г. директор завода № 467 издал ряд приказов о поддержании чистоты и порядка на территории предприятия. Вся территория была разбита на участки, закрепленные за цехами³⁴³. Приказом директора от 19 апреля 1944 г. согласно распоряжению заместителя наркома авиационной промышленности Гургена Визиряна и председателя ЦК Союза рабочих Авиапрома Александра Вассермана был объявлен «месячник озеленения завода и жилых объектов». В соответствии с приказом надлежало высадить 250 деревьев и 600 кустов кустарника, посеять многолетние травы и цветы. К работам привлекалась вся свободная рабочая сила. Придавая «исключительное значение» озеленению завода и жилых объектов, директор распорядился провести все работы «на основе массового охвата социалистическим соревнованием всех работающих по озеленению»³⁴⁴.

В октябре 1944 г. за проявленную энергию по проведению 1-й очереди озеленения территории завода начальник административно-хозяйственного отдела завода В.А. Шахов был премирован директором премией в размере 500 рублей и протоварным орденом³⁴⁵.

Таким образом, в 1941–1945 гг. на авиазаводах СССР проводилась значительная работа по сохранению здоровья трудящихся. Однако большинство мероприятий по повышению культуры производства, охране труда и технике безопасности приходится на второй и третий периоды войны. В качестве причин этого явления можно назвать напряженные производственные задания, а также человеческий фактор – недооценку этого направления работы на первых порах со стороны ряда администраторов предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

Горький 2020 – Горький. Символ Победы: о вкладе предприятий Горьковской области в победу в Великой Отечественной войне / Сост. М.В. Оладышкина и др. – Н. Новгород: ООО «Коммерсантъ Приволжье», 2020.

Живая история 1999 – Живая история «Моторостроителя» / Под общ. ред. И.Л. Шитарева. – Самара: ОАО «Моторостроитель», 1999.

Завод 2007 – Завод стратегического назначения, издание 2-е, переработанное и дополненное (книга посвящается 80-летию КАПО им. С.П. Горбунова). – Казань: Издательство «Вертолет», 2007.

³⁴² ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 8. Л. 8.

³⁴³ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 7. Л. 100.

³⁴⁴ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 7. Л. 104-105.

³⁴⁵ ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2. Д. 8. Л. 86.

Карпенко 2005 – *Карпенко В.Ф., Козлова Л.Е., Нелидов Г.Л., Харламов В.А.* От кареты до ракеты: Очерки истории Нижегородского открытого акционерного общества «Гидромаш» (1805–2005) /Под ред. В.И. Лузянина. – Н. Новгород, 2005.

Крылья 2015 – Крылья Великой Победы. Подвиг авиастроителей СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: ОАО «Авиапром», 2015.

Морошек 1990 – *Морошек Е.М.* На вертикальном взлете. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1990.

Мухин 2010 – *Мухин М.Ю.* Авиастроители в эвакуации: бытовые условия работников эвакуированных заводов в 1941–1945 гг. // Вестник РУДН, сер. История России. 2010. № 3. – С. 68 – 85.

Мухин 2011 – *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. – М.: Вече, 2011.

Мы – лепсенцы 1987 – Мы – лепсенцы: Очерки истории объединения имени Лепсе. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987.

НАЗ «Сокол» 2022 – НАЗ «Сокол». Люди и самолеты. Под общ. ред. В.М. Семенова. – Н. Новгород, 2022.

Павлов 2012 – *Павлов А.К.* Уфимские страницы. – Рыбинск: «МедиаРост», 2012.

Постигая суть 2005 – Постигая суть титана. 1933–1956. – Верхняя Салда: ОАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», 2005.

Тихоновец 1989 – *Тихоновец А.И.* Авиастроители. Очерк трудовой и боевой истории Улан-Удэнского ордена Трудового Красного Знамени авиационного завода. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989.

Фролова 2001 – *Фролова Л.* Казанскому моторостроительному – 70 лет. – Казань: «Идел-Пресс», 2001.

REFERENCES

Gor'kij (2022) *Gor'kij. Simvol Pobedy: o vklade predpriyatij Gor'kovskoj oblasti v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Gorky city. Symbol of Victory: about the contribution of enterprises of the Gorky region to the victory in the Great Patriotic War]. ООО Kommersant Privolzh'e, Nizhny Novgorod, Russia.

Zhivaya istoriya (1999), *Zhivaya istoriya «Motorostroitel'ya»* [The living history of the «Motor Builder»] ОАО Motorostroitel', Samara, Russia.

Zavod (2007), *Zavod strategicheskogo naznacheniya* [Strategic Purpose Plant] Izdatelstvo Vertolet, Kazan, Russia.

Karpenko, V.F., Kozlova, L.E., Nelidov, G.L. and Harlamov V.A. (2005), *Ot karety do rakety: Oчерки istorii Nizhegorodskogo otkrytogo akcionernogo obshchestva «Gidromash» (1805–2005)* [From carriage to rocket: Essays on the History of Nizhny Novgorod Open Joint Stock Company «Gidromash» (1805–2005)] Nizhny Novgorod, Russia.

Kryl'ya (2015), *Kryl'ya Velikoj Pobedy. Podvig aviaostroitelej SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Wings of the Great Victory. The feat of aircraft builders of the USSR during the Great Patriotic War]. ОАО Aviaprom, Moscow, Russia.

Moroshek, E.M. (1990), *Na vertikal'nom vzlete* [On vertical takeoff], Tatarskoe kn. izd-vo, Kazan, Russia.

Mukhin, M.Yu. (2010), *Aviaostroiteli v evakuacii: bytovye usloviya rabotnikov evakuirovannykh zavodov v 1941–1945 gg.* [Aircraft builders in evacuation: living conditions of workers of evacuated factories in 1941–1945.], *Vestnik RUDN, ser. Istoriya Rossii*, no 3, pp. 68 – 85.

Mukhin, M. Yu. (2011), *Sovetskaya aviapromyshlennost' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet aviation industry during the Great Patriotic War], Veche, Moscow, Russia.

Мы – lepsency (1987), *Мы – lepsency: Ocherki istorii ob"edineniya imeni Lapse* [We are the Lapse People: Essays on the History of the Lapse Association], Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo, Gorky, Russia.

NAZ «Sokol» (2022) *NAZ «Sokol». Lyudi i samolety* [NAZ «Sokol». People and planes]. Nizhny Novgorod, Russia.

Pavlov, A.K. (2012), *Ufmskie stranicy* [Ufa pages], «MediaRost», Rybinsk, Russia.

Postigaya sut' (2005), *Postigaya sut' titana. 1933–1956* [Comprehending the essence of titan. 1933–1956], ОАО «Корпорация VSMPO-AVISMA», Verhnyaya Salda, Russia.

Tihonovets, A.I. (1989), *Aviastroiteli. Ocherk trudovoj i boevoj istorii Ulan-Udenskogo ordena Trudovogo Krasnogo Znameni aviacionnogo zavoda* [An essay on the labor and combat history of the Ulan-Ude Aviation Plant, awarded the Order of the Red Banner of Labor], Buryat. kn. izd-vo, Ulan-Ude, Russia.

Frolova, L. (2001), *Kazanskomu motorostroitel'nomu – 70 let* [Kazan engine-building – 70 years old], «Idel-Press», Kazan', Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Иван А. Калмыков, кандидат исторических наук,

Корпоративный университет Правительства Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия; 603001, Нижний Новгород, Почаинская улица, 17К, *i-kalmykov@yandex.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Ivan A.Kalmykov, Cand. of Sci. (History) Corporate University of the Government of the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia; 17 K, Pochainskaya street, Nizhny Novgorod, 603001, *i-kalmykov@yandex.ru*.

К 300-ЛЕТИЮ РАН

DOI 10.25986/ISN.2023.21.51.010

К истории первых академических печатей

Ирина В. ТункинаСанкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, tunkina@bk.ru
ORCID ID 0000-0001-5793-3977

Аннотация. В статье реконструируется история эскизов и официальных печатей Петербургской Академии наук и художеств-Императорской Академии наук за два века пребывания высшего научного учреждения России в северной столице. При императрице Екатерине I Академия наук использовала печать с государственным гербом, аналогичную печатям других государственных коллегий и канцелярий послепетровской эпохи. «Главный командир» Петербургской АН барон И.А. Корф добился утверждения императрицей Анной Иоанновной в 1735 г. эскиза печати, согласованной Конференцией (Общим собранием) Академии наук. Эта печать использовалась Академией вплоть до воцарения Павла I. В 1908 г. Общее собрание Императорской АН единогласно постановило ходатайствовать перед исполнительной властью о возобновлении использования печати 1735 г., что было поддержано Советом министров и утверждено императором Николаем II. Таким образом, печать 1735 г. использовалась Академией наук с 1735 по 1799 и с 1908 по 1917 гг.

Ключевые слова: Академия наук и художеств, 18 век, печати, Конференция АН, Императорская Академия наук, начало 20 века.

Для цитирования: Тункина И.В. К истории первых академических печатей // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 247–260. DOI: 10.25986/ISN.2023.21.51.010.

On the History of the First Academic Official Stamps

Irina V. TunkinaSt. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, tunkina@bk.ru
ORCID ID 0000-0001-5793-3977

Abstract. The article reconstructs the history of the sketches and official stamps of the St. Petersburg Academy of Sciences and Arts – the Imperial Academy of Sciences for two centuries, while it was in the northern capital of Russia. Under Catherine I, the Academy of Sciences used a seal with the state emblem, like the stamps of other state departments and offices of the post-Petrine era. In 1735, the «Chief Commander» of the St. Petersburg Academy of Sciences Baron J.A. von Korff managed to meet the approval of Anna Ioannovna of Russia to the print stamp that had been agreed upon by the Conference (General Meeting) of the Academy of Sciences. This seal was used by the Academy until the accession of Paul I. In 1908, the General Assembly of the Imperial

Academy of Sciences unanimously decided to petition the executive to resume the use of the seal of 1735, which was supported by the Council of Ministers and approved by Nicholas II. Thus, the seal of 1735 was used by the Academy of Sciences from 1735 to 1799 and then from 1908 to 1917 again.

For citation: Tunkina, I.V. (2023), “On the history of the first academic official stamps”, *Istoricheskie zapiski*, no. 22 (140), pp. 247–260. DOI: 10.25986/ISN.2023.21.51.010.

После двух путешествий Петра Великого в Европу царь решил ввести геральдическую эмблематику в русскую традицию. Государственный герб России со времен Ивана III (1472) включал двуглавого орла, увенчанного коронами, причем облик русского геральдического орла окончательно оформился именно при Петре I в 1699 г., когда в лапы орла были вложены символы царской власти – скипетр и держава, а на голове появилась третья корона.

В 1720 г. в рамках новой (с 1717 г. коллегиальной) системы государственного управления царь Петр Великий утвердил Генеральный регламент, который подчинил системе жестких правил деятельность коллегий, канцелярий, организацию в них делопроизводства и правила оформления документов. Нормативный документ впервые ввел понятие “архив”, которым ведал отдельный “архивариус”, и правила его комплектования³⁴⁶ [Емышева 2003]. Официальная печать каждой коллегии должна была содержать изображение государственного герба с названием коллегии. Все предыдущие печати органов власти и управления аннулировались.

С момента основания в 1724–1725 гг. новое учреждение – Академия наук и художеств³⁴⁷, подчинявшаяся напрямую императору вплоть до 1803 г., использовала стандартную печать коллегий с двуглавым государственным орлом и надписью вокруг “Печать Академии наук” [Модзалевский 1914]. Сохранились ее сургучные оттиски на официальных документах академии 1729 г. (рис. 1) и 1731 г. (рис. 2)³⁴⁸. Однако первые петербургские академики сразу же начали работу над составлением прообраза собственной печати. 27 декабря 1725 г. состоялось первое публичное заседание Академии наук, где с речью на латинском языке выступил математик, физик и философ Георг Бернгард Бюльфингер (Bülfinger Georg Bernhard; 1693–1750), вскоре издавший ее текст в Ревеле. Специалисты в области геральдики предполагают, что в этом издании [[Bülfinger] 1725, p. 1] на заставочном фронтисписе (виньетке) изображен проект аллегорической гербовой печати Ака-

³⁴⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. 1830. Т. 6: 1720–1722. С. 141–160 № 3534: «1720 Февраля 28. Генеральный Регламент или Устав, – по которому Государственные Коллегии, також и все оных принадлежащих к ним Канцелярий и Контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют».

³⁴⁷ Академия наук в официальных документах (включая императорские указы и регламенты (уставы) АН) именовалась по-разному: Академия художеств и наук (28.01 (8.02).1724–1725), Академия наук (1725–1747) — 20.11 (1.12). В 1725 г. был издан указ Екатерины I «О заведении Академии наук и о назначении Президентом оной лейб-медика Л.Л. Блюментроста», Петербургская АН, Императорская академия наук и художеств (ИАНХ, 24.07(4.08).1747–1803), Императорская Академия наук (ИАН, 25.07(7.08).1803–8 (20).01.1836), Императорская Санкт-Петербургская академия наук (ИАН, 25.07 (7.08).1836–1914), Императорская Академия наук (ИАН, 18(31).08.1914–1917 — в связи с переименованием Санкт-Петербурга в Петроград топоним стали опускать), Российская академия наук (РАН, 11(24).07.1917–1925), Академия наук СССР (27.07.1925–1991), Российская академия наук (РАН, с 18.12.1991).

³⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 700. Л. 35, 41 об.

демии наук с изображением двуглавого орла с Большой и двумя Малыми императорскими коронами. На круглом большом грудном щите помещены три фигуры – первая просеивает зерна, вторая их сеет, третья ссыпает зерна в мельницу. По борту щита латинская надпись-девиз «*Secernit Falsum, Verum Auget et Usibus Aptat*» («Ложное отделяет, истинное преумножает и к употреблению приспособляет»). По бокам орла – фигуры Минервы (Афины Паллады) и Цереры (Деметры) с соответствующими атрибутами (рис. 3). Хотя в выходных данных книги указан Санкт-Петербург, историограф Академии наук академик Г.Ф. Миллер утверждал, что в Ревель специально был послан академик-философ Х.Ф. Гросс для «держания корректуры» этой книги, а виньетка (фронтиспис) была награвирована в Лейпциге. Но эскиз печати посчитали неудачным из-за «насмешек и шуток» современников, поэтому он не представлялся на утверждение императрице и не был официально утвержден [Пекарский 1870, с. 85].

В сентябре 1730 г. Конференция (Общее собрание) АН высказала оставшееся без ответа пожелание иметь профессорскую печать³⁴⁹. 25 ноября 1734 г. президент («главный командир») Иоганн Альбрехт Корф (Korff Johann Albrecht von; 1697–1766) поручил знатоку геральдики профессору-правоведу Иоганну Симону Бекенштейну (Beckenstein Johann Simon; 1684–1742) подготовить эскиз академической печати³⁵⁰. 13, 16, 17, 21 декабря 1734 г. Конференция рассматривала варианты эскизов и остановилась на одном из них, изменив в проекте девиза печати одно слово: вместо “*Sic tuta perennat*” на “*Nic tuta perennat*”³⁵¹ [Пекарский 1870, с. 210].

4 февраля 1735 г. президент И.А. Корф подал на высочайшее рассмотрение Анны Иоанновны доклад с просьбой утвердить специальную академическую печать, т. к. Академия «никакой особливо императорским указом подтвержденной печати на подобие прочих Академий не имела, которая бы ее дело и намерение чрез некоторой знак изъясняла». Печать имела следующее изображение: «Государственный орел в золотом поле, на грудях красной щит имеющий, в котором Палляда, на камне сидящая, в правой руке копьё держит, а левою опирается на щит с следующей надписью *NIC TVTA PERENNAT*, то есть здесь безопасно пребывает, показывая чрез то, что Академия или науки под Всемилостивейшим защищением Вашего Императорского Величества безпрестанно продолжатися и процветати будут...»³⁵². К докладу прилагался рисунок красками на пергамене (рис. 4), выполненный, по мнению Б.Л. Модзалевского, академическим живописцем и антикваром, швейцарцем Георгом Гзелем (Gsell, Gesell или Xsell; 1673–1740) или его женой Доротеей Марией Гзель (Dorothea Maria Henriette Gsell; 1678–1743). Супруги были приглашены на службу в Петербург еще Петром Великим, Г. Гзель стал хранителем императорского собрания живописи, а после смерти императора Гзели служили художниками в Академии наук. Благодаря родству со знаменитой художницей-натуралисткой М.С. Мериан (1647–1917) во

³⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 1. С. 25. Протоколы 1897, с. 25.

³⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 1. С. 518. Протоколы 1897, с. 25; Материалы 1886, с. 518.

³⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 1. С. 126, 127, 129, 130. Протоколы 1897, с. 126, 127, 129, 130.

³⁵² СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1. Л. 3–3 об. Оpubл.: Материалы 1886, с. 593.

время посещения Амстердама в 1717 г. антиквар Г. Гзель помог царю в приобретении ее уникальных акварелей для Кабинета императора (сегодня рисунки хранятся в Санкт-Петербургском академическом архиве и Отделе рукописей Библиотеки АН) [Тункина 2018].

Барон И.А. Корф просил Анну Иоанновну подтвердить печать «и Академии к употреблению впредь оные позволение дать» (рис. 5). На подлинном докладе рукою императрицы положена резолюция «опробудца» («Опробуется») и сделана помета: «Sb февраля 19 дня № 167» (рис. 6). Высочайше утвержденный указ по докладу Академии наук «О форме печати оной Академии» с датой доклада И.А. Корфа императрице 4 февраля 1735 г. позднее был опубликован в Полном Собрании Законов Российской империи³⁵³.

Императрица Анна Иоанновна утвердила доклад президента Академии наук 13 февраля нового стиля, о чем И.А. Корф уведомил Конференцию 17 февраля 1735 г.³⁵⁴, приказав академическому словолитцу Купи вырезать большую и малую печати на стали по утвержденному рисунку (рис. 7). Подлинный доклад «главного командира» императрице с ее резолюцией, в переплете темнозеленого бархата³⁵⁵, большая академическая печать на стали 1735 г. и ее сургучный оттиск (рис. 8) сохранились в академическом архиве.

О значении, которое президент И.А. Корф придавал Конференц-архиву (архивохранилищу рукописей академиков, академических протоколов, учетной корреспонденции и других научных документов), свидетельствует тот факт, что при выезде из Петербурга по делам он сдавал на хранение академическую печать именно в архив Ученого собрания, а не в Канцелярию АН³⁵⁶. Позднее это правило нашло отражение в регламенте 1803 г. и уставе 1836 г., но касалось уже невременного секретаря, который в XIX– начале XX вв. распоряжался большой и малой академическими печатями³⁵⁷.

Печать 1735 г. использовалась вплоть до конца царствования Екатерины Великой. В 1790-х гг., когда была изготовлена печать с орлом второго руководящего органа Академии наук, ведавшего научно-административным устройством и кадровым составом, – «Императорской Академии наук Канцелярии печать»³⁵⁸.

С воцарением Павла I 10³⁵⁹ и 19³⁶⁰ августа 1799 г. новым императором были изданы указы об изображениях на печати российского императорского герба с мальтийским крестом под грудным щитком с московским

³⁵³ ПСЗ. Собр. 1-е. 1830. Т. 9: 1733–1736. С. 478 № 6684: «Доклад. Понеже Академия наук особой печати на подобие прочих Академий не имела, а ныне следующее себе изображение избрала, а именно: Государственный орел в золотом поле, на грудях красный щит имеющий, в котором паллада, на камне сидящая, в правой руке копие держит, а левою опирается на щит, с следующею надписью: *Nis tuta reppnat*, т. е. здесь безопасно пребывает, и требовано, чтоб подтвердить указом. Резолюция: Апробуется».

³⁵⁴ Первый секретарь Ученого собрания (Конференции АН), блестящий латинист, математик Христиан Гольдбах (Goldbach Christian; 1690–1764) вел протоколы заседаний Конференции на латинском языке, причем принципиально по новому стилю.

³⁵⁵ СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1.

³⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 1. С. 323. Протоколы 1897, с. 323.

³⁵⁷ Уставы 2009, с. 90 (§ 42), 124 (§ 52).

³⁵⁸ Извлечения 1908, с. 923.

³⁵⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. 1830. Т. 25. С. 755 № 19074: Именной, объявленный Сенату генерал-прокурором «О новом российском гербе».

³⁶⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. 1830. Т. 25. С. 764 № 19089: Именной, объявленный Сенату генерал-прокурором «О изображении утвержденного российского герба на печатях».

гербом, согласно которым все коллегии обязаны были переделать печати. Императорская Академия наук была вынуждена переделать печать на обычную казенную. Сенат разослал указы во все коллегии и губернские правления, а также в Академию наук. Рапортом от 1 сентября 1799 г. административное руководство АН донесло Сенату, что указ «с приложением 20 экземпляров российского герба, который Высочайше повелено, вместо нынешнего, поставить во всех местах, где должно, и изображать на печатях, кои сообразно сему и переделать, – в Академии наук получен, по которому в издаваемых от Академии Российской Ведомостях № 69 и пропечатан»³⁶¹. По мнению герольдмейстера Правительствующего Сената Федора Илларионовича Шамрая (1848–1915), «Сенат, при рассылке своих указов, слишком обобщил Высочайшие повеления, включив наше высшее ученое учреждение в число присутственных мест. Приходится весьма пожалеть, что Академия наук, в свое время, не обратила на это должного внимания, даже не возбуждала вопроса по настоящему предмету и так легко рассталась с своею старою печатью, – прекрасною и геральдически правильною, как по идее, так и по исполнению»³⁶². 16 сентября 1799 г. Конференции был зачитан указ об изменении печатей всех коллегий России в соответствии с приложенными рисунками: большая печать предназначалась для дипломов, малая – для переписки, поэтому было приказано изготовить новые печати с латинской надписью «SIGILLVM ACADEMIAE SCIENTIARVM» (Печать Академии наук)³⁶³. 18 ноября 1799 г. архивариус Конференции, коллежский асессор Г.В. Корц представил Ученому собранию «новую капсулу, серебряную с позолотой, для академических дипломов (как он должен будет выглядеть после изменения герба России) и государственную печать»³⁶⁴. Эти печати использовались и в царствование Александра I. Позднее на печатях Академии наук стал использоваться обычный государственный герб.

Спустя 109 лет непреходящий секретарь Императорской АН академик С.Ф. Ольденбург поставил на Общем собрании 5 апреля 1908 г. вопрос о необходимости ходатайствовать «о возвращении... печати, высочайше дарованной... в 1735 г. и не отмененной равносильным Высочайшим указом», взамен печати, которой Академия наук пользовалась с 1799 по 1908 г. [Извлечения 1908, с. 921, 924]. С.Ф. Ольденбург доложил коллегам результаты своей переписки с герольдмейстером Правительствующего Сената Ф.И. Шамраем, которому были представлены оттиски академических печатей 1735 и 1796 гг. Ф.И. Шамрай ответил, что «хотя и не было прямого Высочайшего повеления об отмене печати Академии, Высочайше дарованной ей в 1735 году, но, в виду того, что свыше ста лет Академия не пользовалась этою печатью, ныне, для возвращения к этой печати, надлежало бы испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение»³⁶⁵.

³⁶¹ Извлечение 1908, с. 925.

³⁶² Извлечение 1908, с. 926.

³⁶³ Протоколы 1911, с. 769–770 (§ 253).

³⁶⁴ Протоколы 1911, с. 785 (§ 324).

³⁶⁵ Извлечения 1908, с. 921.

Конференция Императорской АН единогласно постановила обратиться к министру народного просвещения А.Н. Шварцу с просьбой «испросить разрешения» императора Николая II на использование печати 1735 г. (рис. 9) «с тем, чтобы на печати, вокруг герба, дозволено было изображать, кроме имени Академии, название тех академических учреждений, которые, согласно Высочайше утвержденной 22 апреля 1906 года почтовой привилегии Академии³⁶⁶, пользуются правом бесплатной пересылки по почте пакетов и посылок»³⁶⁷.

Видимо, благодаря лоббированию вопроса августейшим президентом Императорской АН великим князем Константином Константиновичем (двоюродным дядей Николая II) уже 7 октября 1908 г. вопрос «о присвоении Императорской Академии наук печати старого образца» рассматривался Советом министров под председательством П.А. Столыпина, а 3 ноября 1908 г. особый журнал Совета министров вместе с образцом печати 19 февраля 1735 г. (рис. 10) был представлен на «высочайшее благоволение» Николая II, утвердившего решение правительства³⁶⁸.

Таким образом, печать 1735 г. была возвращена Императорской Академии наук в ноябре 1908 г.³⁶⁹ Восстановленная печать использовалась академией вплоть до революционных событий 1917 г.³⁷⁰

Сегодня в несколько измененном виде эмблема академической печати является гербом Санкт-Петербургского государственного университета.

³⁶⁶ 22 апреля 1906 г. император утвердил и «повелел исполнить» мнение Государственного Совета (Собр. Узак. 1906 июня 9, отд. I, ст. 842) по представлению министра внутренних дел о расширении льгот Императорской АН по бесплатной почтовой пересылке: 1) сверх ранее установленных льгот «право пересылки, без оплаты весовым сбором, посылок в закрытой — мягкой или твердой — упаковке, со всякого рода вложением, весом до одного пуда; 2) такие же «посылки и закрытые письма весом до одного фунта, адресованные на имя Академии наук, принимаются на почту без оплаты весовым сбором»; 3) льготы распространяются также на следующие подведомственные АН учреждения: а) Канцелярию Конференции; б) Канцелярию Правления Академии; в) Архив Конференции; г) Библиотеку; д) Музей имени императора Петра Великого [Галерею Петра Великого. — И.Т.], Геологический и Антропологии и Этнографии; е) Музеи Зоологический, Ботанический, Азиатский; ж) Кабинеты Русский нумизматический и Физический; з) Лаборатории: Химическую, по анатомии и физиологии растений, Особую зоологическую и Физиологическую; и) Николаевскую главную физическую обсерваторию. См.: ПСЗ. Собр. 3-е. 1909. Т. 26. Отд. 1. С. 438 № 27770.

³⁶⁷ Извлечения 1908, с. 922.

³⁶⁸ Извлечения 1908, с. 925–926; Извлечения 1909, с. 87, 91–92.

³⁶⁹ ПСЗ. Собр. 3-е. 1911. Т. 28, отд. I. С. 795 № 31120: ноября 3: Высочайше утвержденное положение Совета Министров (Собр. Узак. 1908 декабря 23, отд. I, ст. 1679) — О присвоении Императорской Академии наук печати старого образца.

Совет Министров полагал: Испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на присвоение Императорской Академии наук права пользоваться печатью Высочайше утвержденного 19 февраля 1735 года образца с изображением вокруг начертанного на означенной печати герба названия Академии наук или наименования подлежащих академических учреждений, имеющих на основании Высочайше утвержденного 22 апреля 1906 года (27770) мнения Государственного Совета, права бесплатной пересылки по почте пакетов и посылок. Государь Император, в 3-й день ноября 1908 года, на положение сие Высочайше соизволил (рисунок см. в конце тома)». «Рисунок печати, дарованной Академии наук императрицей Анной в 1735 г.» и Высочайше утвержденной 7 октября 1908 г. см.: ПСЗ. Собр. 3-е. 1911. Т. 28, отд. II. Л. 36 (к № 31120); Извлечения 1909, с. 91–92.

³⁷⁰ Оцифрованная архивная опись академических металлических печатей, хранящихся в СПбФ АРАН, доступна в интернете: <https://test.aran.kaisa.ru/srv/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsvMx8rHyMfMx9mei4uNwsnOxsvZm12Qio/Cy8jMzdmMmo2WnpPCy8nLyMbOzMnJ2ZqHi8LRlRY+Y>.

ЛИТЕРАТУРА

Емышева 2003 – *Емышева Е.М.* Генеральный регламент – начало законодательного регулирования системы организации управления и делопроизводства // *Делопроизводство*. 2003. № 1. – С. 103–110.

Извлечения 1908 – Извлечения из протоколов заседаний Академии // *Известия Императорской Академии наук*. VI серия. 1908. Т. 2, № 11. – С. 919–938.

Извлечения 1909 – Извлечения из протоколов заседаний Академии // *Известия Императорской Академии наук*. VI серия. 1909. Т. 3, № 2. – С. 85–122.

Материалы 1886 – Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. и ред. М.И. Сухомлинов: В 10 т. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1886. Т. 2: 1731–1735. II. – 886, [2] с.

Модзалевский 2014 – *Модзалевский Б.Л.* Гербовая печать Императорской Академии наук // *Гербовед*. 1914. № 3 (Март). – СПб.: Типография «Сириус», 1914. – С. 37–42.

Пекарский 1870 – *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге: В 2-х т. – СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН, 1870. Т. 1. LXVIII, 774 с.

Протоколы 1897 – Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. В 4-х т. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1897. Т. 1: 1725–1743. [4], 879 с.

Протоколы 1911 – Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. В 4-х т. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1911. Т. 4: 1786–1803; Регламент Имп. Академии наук 1803 г. [2], 1185 с.

Тункина 2018 – *Тункина И.В.* “Хранить как величайшую драгоценность”: О приобретении Петром I акварелей Марии Сибиллы Мериан // *Secreta Artis*. 2018. № 3 с. 76–81.

Уставы 2009 – Уставы Российской академии наук. 1724–2009. – М.: Наука, 2009. – 367 с.

[Bülffinger G.B.] 1725 – [Bülffinger G.B.] *Sermones in primo solenni Academiae Scientiarum Imperialis conventu die 27 decembris anni MDCCXXV. Publice recitati*. Saint Pétersbourg, 1725. 120 p.

REFERENCES

Emysheva, E.M. (2003), *General’nyi reglament – nachalo zakonodatel’nogo regulirovaniya sistemy organizatsii upravleniya i deloproizvodstva* [General Regulations – the beginning of legislative regulation of the management and office paperwork], *Deloproizvodstvo*, no. 1, pp. 103–110.

Izvlecheniya iz protokolov zasedanii Akademii (1908), [Extracts from the minutes of the meetings of the Academy], *Izvestiya Imperatorskoi Akademii nauk*, VI seriya, vol. 2, no. 11, pp. 919–938.

Izvlecheniya iz protokolov zasedanii Akademii (1909), [Extracts from the minutes of the meetings of the Academy], *Izvestiya Imperatorskoi Akademii nauk*, VI seriya, vol. 3, no. 2, pp. 85–122.

Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk (1886), [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences]. Sost. i red. M.I. Sukhomlinov: V 10 t. SPb.: Tip. Imp. AN, 1886, Vol. 2: 1731–1735. II, 886, [2] p.

Modzalevskii, B.L. (1914), *Gerbovaya pechat’ Imperatorskoi Akademii nauk* [Official stamp of the Imperial Academy of Sciences], *Gerboved*, no. 3 (Marh). SPb.: Tipografiya «Sirius», pp. 37–42.

Pekarskii, P.P. (1870), *Istoriya Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]: V 2-kh t. SPb.: Izd. Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imp. AN, Vol. 1, LXVIII, 774 p.

Protokoly zasedanii Konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 god (1897) [Minutes of the Conference of the Imperial Academy of Sciences from 1725 to 1803], V 4-kh t. SPb.: Tip. Imp. AN, Vol. 1: 1725–1743. [4], 879 p.

Protokoly zasedanii Konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 god (1911) [Minutes of the Conference of the Imperial Academy of Sciences from 1725 to 1803], V 4-kh t. SPb.: Tip. Imp. AN, Vol. 4: 1786–1803, [2], 1185 p.

Tunkina, I.V. (2018), “Khranit’ kak velichaishuyu dragotsennost’”: O priobrenenii Petrom I akvarelei Marii Sibilly Merian [“Keep it as the greatest jewel”: About Peter I’s acquisition of watercolors by Maria Sibylla Merian], *Secreta Artis*, no. 3, pp. 76–81.

Ustavy Rossiiskoi akademii nauk. 1724–2009 (2009), [Statutes of the Russian Academy of Sciences], Nauka, Moscow, Russia.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е; Собр. 3-е.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

LIST OF ABBREVIATIONS

ПСЗ – The Complete collection of laws of the Russian Empire.

СПбФ АРАН – St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина В. Тункина, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 196084 Санкт-Петербург, Киевская ул., д. 5, корпус 9, стр. 1, archive@spbrc.nw.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Tunkina, D. of Sci. (History), corresponding member of the RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; bld. 5–9-1, Kievskaya str., St. Petersburg, Russia, 196084; archive@spbrc.nw.ru.

Список иллюстраций

Рис. 1. Сургучный оттиск печати Академии наук на документе 1729 г. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 700. Л. 35

Рис. 2. Сургучный оттиск печати Академии наук на документе 1731 г. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 700. Л. 41 об.

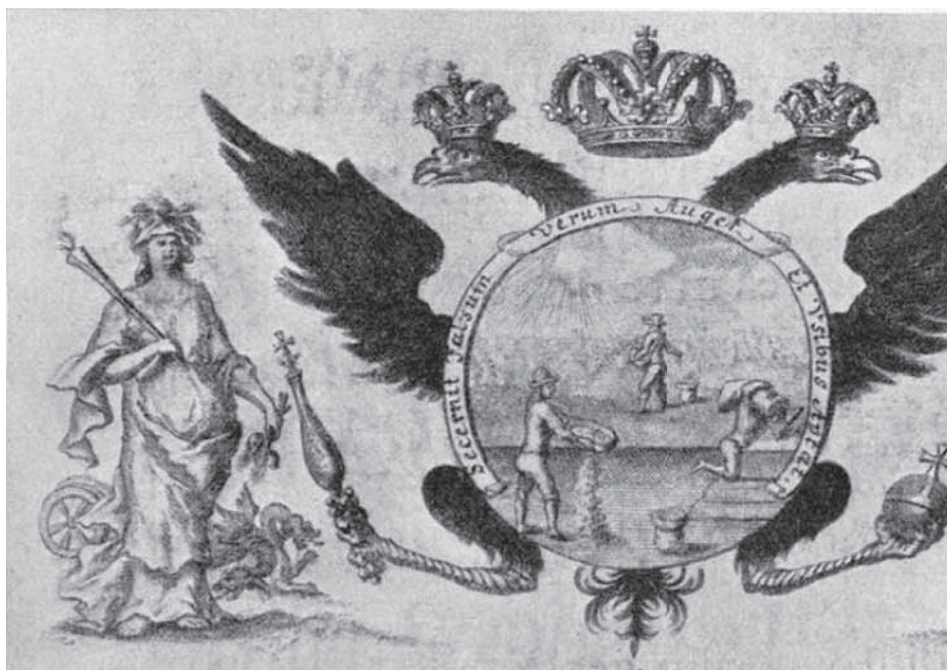

Рис. 3. Заставочный фронтиспис (виньетка) в кн.: [Büllfingier G.B.] 1725, р. 1

Рис. 4. Эскиз академической печати 1735 г. Кроющиеся краски. Пергамен. СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1. Л. 6

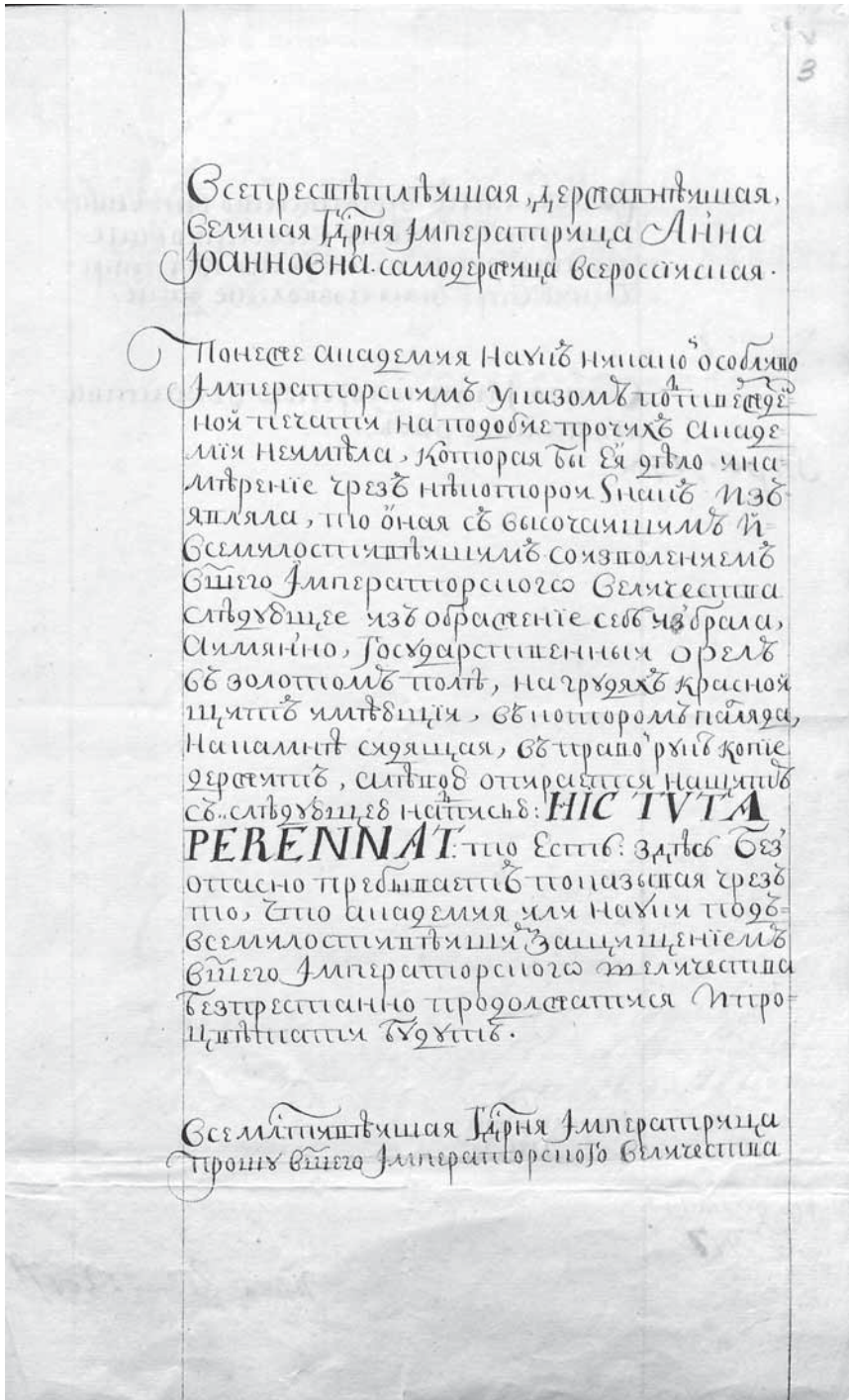

Рис. 5. Доклад «главного командира» Петербургской АН И.А. Корфа императрице Анне Иоанновне с просьбой утвердить специальную академическую печать. Первый лист. 4 февраля 1735 г. Рукой писца. СПбФ РАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1. Л. 3

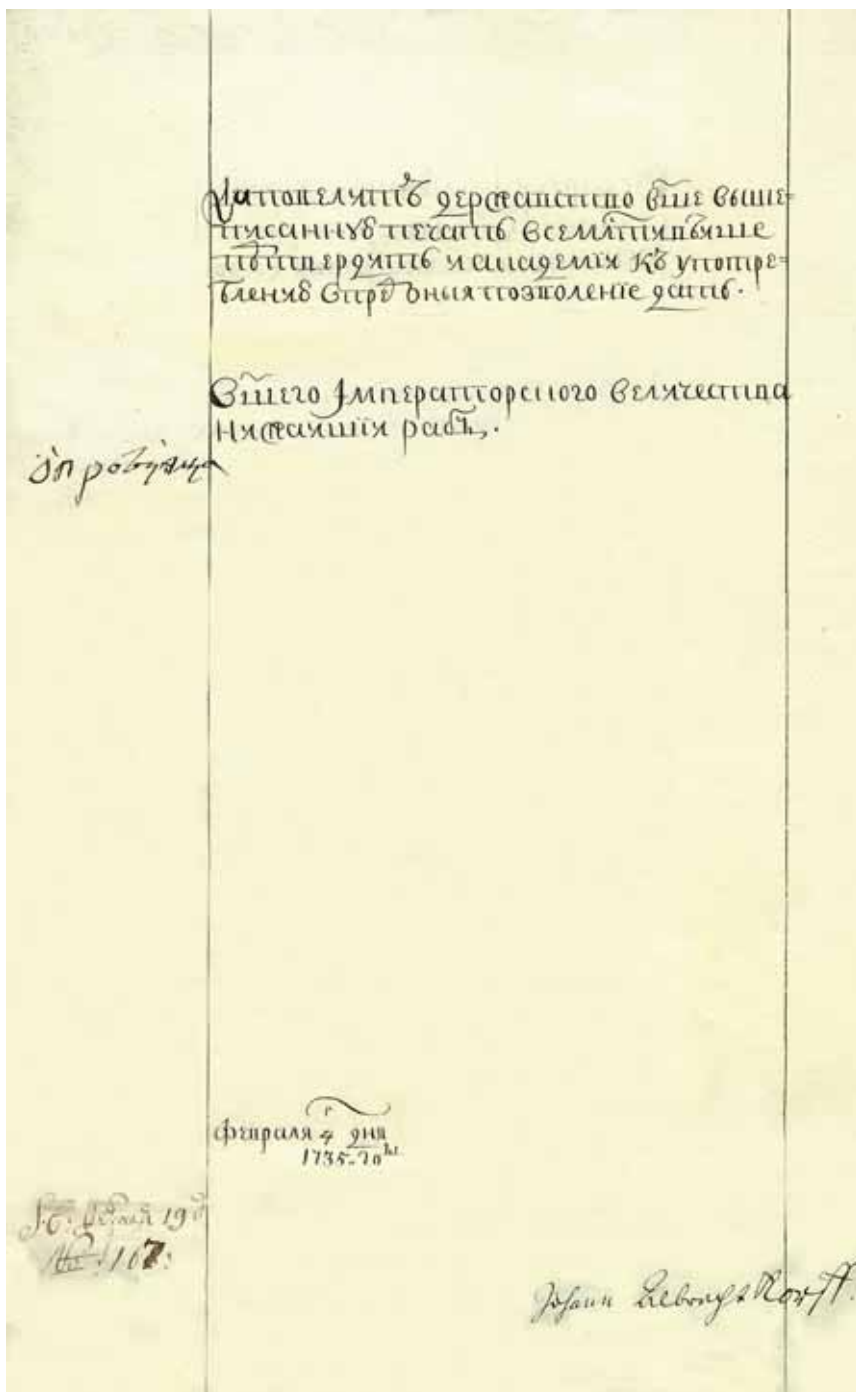

Рис. 6. Доклад «главного командира» Петербургской АН И.А. Корфа императрице Анне Иоанновне с просьбой утвердить специальную академическую печать. Первый лист. 4 февраля 1735 г. Ручкой писца. Подпись-авторграф И.А. Корфа. Резолюция рукой Анны Иоанновны. СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1. Л. 3 об.

Рис. 7. Большая академическая печать 1735 г., вырезанная академическим словолитцем Купи на стали. СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 6

Рис. 8. Сургучный оттиск Большой академической печати 1735 г. СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 6

Рис. 9. Эскиз Большой академической печати 1735 г., поданный на утверждение в Совет Министров в 1908 г. Цветная литография. СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1. Л. 8

Рис. 10. Гравюры с изображением большой и малой академических печатей 1735 г., утвержденные императором Николаем II 7 октября 1908 г. По: ПСЗ. Собр. 3-е. 1911. Т. 28, отд. II. Л. 36 (к № 31120)

DOI 10.25986/ISN.2023.83.55.011

**«Близость Академии наук к правительству окажет
огромное влияние на развитие науки».
Перевод АН СССР в Москву в 1935 г. в контексте
академических реформ**

Виталий Ю. Афиани

Российский государственный гуманитарный университет, Архив РАН.

Россия, г. Москва, academ_archive@mail.ru

ORCID 0000-0002-6585-5566

Аннотация. После революции 1917 г. партийно-государственные власти разрабатывали проекты управления наукой и создания научного центра, координирующего и направляющего научные исследования в интересах социалистического строительства. Академия наук не приняла Октябрьскую революцию, но искала формы отношений с большевистской властью. В советском руководстве также были ее противники. 200-летний юбилей АН в 1925 г., получивший международный резонанс, стал определенным рубежом в отношениях власти и науки. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР роль всесоюзного научного центра отвели АН СССР. Начался процесс «завоевания», «социализации» АН с использованием разных форм давления: от изменения устава и продвижения в ее состав коммунистов, до политических репрессий («Академическое дело»). Одновременно шло последовательное реформирование АН и масштабное ее развитие. Академические исследования не без сопротивления включались в систему планирования народного хозяйства, обеспечения пятилетних планов. Другим рубежом в истории АН стало ее подчинение непосредственно правительству и организация переезда в Москву. Грандиозные планы по переводу АН в новую столицу государства не были полностью реализованы. Часть академической науки сохранилась в Ленинграде. Идеологическое, административное и политическое давление на АН в этот период нанесло немалый ущерб развитию академической науки. В то же время, благодаря в т. ч. усилиям государства, АН СССР стала одним из крупнейших в мире центров научных исследований.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, управление наукой, академические реформы, политические репрессии, переезд Академии в Москву.

Для цитирования: Афиани В.Ю. «Близость Академии наук к правительству окажет огромное влияние на развитие науки». Перевод АН СССР в Москву в 1935 г. в контексте академических реформ // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 261–291. DOI: 10.25986/ISN.2023.83.55.011.

**“The proximity of the Academy of Sciences to the government will have a huge impact on the development of science”.
Relocation of the USSR Academy of Sciences to Moscow in in
1935 in the context of academic reforms**

Vitaly Yu. Afiani

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

academ_archive@mail.ru

ORCID 0000-0002-6585-5566

Abstract. *After the Revolution 1917, the party and state authorities developed projects for the management of science and the creation of a scientific center coordinating and directing scientific research in the interests of socialist construction. The Academy of Sciences did not accept the October Revolution, but was looking for forms of relations with the Bolshevik government. There were also her opponents in the Soviet leadership. The 200th anniversary of the Academy of Sciences in 1925, which received international resonance, became a definite milestone in the relations between government and science. The Politburo of the CC of the CPSU (b) and the SNK of the USSR assigned the role of the All-Union scientific center to the Academy of Sciences of the USSR. The process of “conquest” and “socialization” of the Academy began with the use of various forms of pressure: from changing the charter and promoting communists to political repression (“The Academic Trial”). At the same time, there was a consistent reform of the Academy and its large-scale development. Academic research was not without resistance included in the system of planning the national economy, providing five-year plans. Another milestone in the history of the Academy was its subordination directly to the government and the organization of relocation to Moscow. Grandiose plans to transfer the Academy to the new capital of the state were not fully implemented. Part of the academic science has been preserved in Leningrad. Ideological, administrative and political pressure on the Academy during this period caused considerable damage to the development of academic science. At the same time, thanks, among other things, to the efforts of the state to develop it, the USSR Academy of Sciences has become one of the world’s largest centers of scientific research.*

Keywords: *Academy of Sciences of the USSR, Politburo of the Central Committee of the CPSU (b), SNK of the USSR, management of science, academic reforms, political repression, relocation of the Academy to Moscow.*

For citation: *Afiani, V.Yu. (2023), “The proximity of the Academy of Sciences to the government will have a huge impact on the development of science”. Relocation of the USSR Academy of Sciences to Moscow in 1935 in the context of academic reforms // Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 261–291. DOI: 10.25986/ISN.2023.83.55.011.*

27 июня 1934 года в газете «Правда» было опубликовано постановление СНК СССР о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву³⁷¹. Проект этого постановления предварительно был утвержден

³⁷¹ Правда. 1934. 27 июня.

секретным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 141]. Переезд Академии наук стал не просто ее перемещением из одного географического пункта в другой, из старой столицы Российской империи в новую столицу Советского Союза. Это событие имело и политическое, и символическое значение, далеко идущие последствия и для самой Академии, и для отечественной науки.

К этому времени Академия наук более двухсот лет своей деятельности, с момента своего основания, располагалась в столице Российской империи. Она была привилегированным государственным учреждением, «под особым высочайшим покровительством». Императоры, члены императорской фамилии, становились почетными ее членами. Многие самые знаменитые государственные деятели России и зарубежных стран, также были ее почетными членами. Президент Академии избирался «непосредственно его императорским величеством» из нескольких представленных ему кандидатур, в большинстве случаев крупных государственных деятелей. Более 25 лет, вплоть до своей смерти в 1915 году, ее возглавлял великий князь Константин Константинович. Февральская революция 1917 г., которую Академия приветствовала, принесла первые заметные изменения в деятельность Академии. Временное правительство по предложению Академии утвердило поправки в академическом Уставе в части избрания президента и вице-президентов. Академия смогла, наконец, сама избрать нового президента из числа ученых, ее членов, и изменила свое название на Российскую академию наук, в соответствии с провозглашенным новым названием государства – «Российская республика».

Свое местопребывание Академии наук сохранила в Петрограде и после Октябрьской революции и переезда правительства в Москву – новую столицу советского государства. Академии пришлось бороться за свое выживание в новых общественно-политических условиях, после слома государственности и всех старых государственных институтов. Пришлось доказывать свою полезность новой власти, которая воспринимала Академию, скорее, как «обломок империи» и подумывала о ее замене организациями большевистской ориентации.

Высший научный центр страны

Но перед новой властью в связи грандиозными планами переустройства страны, встала проблема управления наукой. Проблемы управления наукой осложнялись еще невиданным ранее феноменом – массово возникшими научно-исследовательскими институтами, – новой формой организации науки. В императорской России институты только еще начали создаваться. А кроме новых институтов, лабораторий, стали возникать многочисленные научные организации, комитеты, комиссии, советы, ассоциации, общества. Инфраструктура науки чрезвычайно усложнялась. Все эти динамично возникающие новые элементы инфраструктуры были к тому же самого разного подчинения – Академии наук, КЕПСу, Наркомпросу РСФСР, НТО ВСНХ...

Проблемы управления наукой вполне осознавалась новой властью. Наркомпрос РСФСР с первых дней своего существования ставил задачу «моби-

лизации научных сил». В его структуре был создан Особый отдел мобилизации науки. В отчете Главнауки Наркомпроса за 1917–1919 гг. говорилось о необходимости создания в стране «высшего научного центра, объединяющего и направляющего научную работу в стране». Академия наук, по мнению Главнауки, роль такого центра выполняла «лишь отчасти». Надежды возлагались на активность самих ученых, новый центр «должен быть создан из рядов самих ученых и деятелей в области науки», это должны были быть общественные организации, создаваемые при помощи власти. Планировалось создание ассоциаций по отдельным наукам. А общий совет ассоциаций и должен стать таким «всеобъемлющим, представительным и организационным центром» и забрать этого рода функции у Академии наук [Организация науки 1968, с. 35]. На роль такого центра претендовали разные органы власти, в т. ч. Научно-технический отдел (НТО) ВСНХ. В 1918 г. по представлению секретаря СНК РСФСР и личного секретаря В.И. Ленина, Н.П. Горбунова, новое правительство приняло постановление: «в целях централизации всего научно-технического опыта» в стране и «сближения науки и техники с практикой производства», НТО будет стоять «во главе всех научных учреждений, обществ, лабораторий и т. д., находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской республики, в целях их объединения и распределения между ними всех заданий Советской власти». Н.П. Горбунову и было поручено руководить НТО ВСНХ. Против широких полномочий НТО, хотя и тщетно, пытался возражать Наркомпрос, считая, что «первенствующее положение в вопросах науки» должно оставаться за ним [Организация науки 1968, с. 78, 81]. Соперничество между ВСНХ и Наркомпросом развивалось и дальше, но определенное размежевание сфер влияния произошло. НТО в большей степени занимался научно-техническими вопросами, отраслевой наукой. В том же году была создана Социалистическая академия общественных наук, высшее учебное и научно-исследовательское учреждение при ВЦИК РСФСР (Коммунистическая академия). Она не ограничивалась только общественными науками, постепенно расширяя круг своих интересов и стремилась, по словам А.В. Луначарского, «венчать все здание науки»³⁷².

В 1920-е годы активно обсуждались планы создания такого научного центра. Однозначного решения долго не находилось. Реформировать организацию науки в стране и руководить научными учреждениями стремились все ветви власти, и законодательная, и исполнительная, и партийная, и правительственная. Обсуждался проект создания, сначала временного, а затем постоянного общесоюзного Комитета по науке при СНК. Академия поддерживала создание Общесоюзного комитета при Совнарком или Всесоюзного комитета науки. Очередная правительственная комиссия также «пришла к заключению о необходимости создания особого органа по общим вопросам науки при Совнарком СССР» [Организация науки 1968, с. 75, 292]. С образованием Советского Союза, в процесс реформирования науки включился и формально высший орган государственной власти – ЦИК СССР. Он тоже стремился к управлению наукой. В 1925–1926 гг. был создан Ко-

³⁷² 2-я сессия ЦИК СССР 4-го созыва. Стенографический отчет. Л., 1927. С. 37.

митет по заведыванию учеными и учебными заведениями при ЦИК СССР. Практически одновременно действовали Комиссия по содействию работам Академии наук, созданная Политбюро ЦК под руководством А.С. Енукидзе и Отдел научных учреждений при СНК СССР, как исполнительный орган ЦК ВКП(б). 23 апреля 1928 г. создана еще одна комиссия ЦК ВКП(б) «для проработки и планирования деятельности научных учреждений всесоюзного и республиканского значения» под председательством М.Н. Покровского. Как гласит поговорка: «У семи няnek дитя без присмотра». И вот уже Д.Б. Рязанов призывал «покончить с существующим ...двоецентрием, пора объединить Ученый Комитет СНК и ЦИК в один», выделив учебные учреждения [Глухарев 2010]. Очередная комиссия ЦК ВКП(б) (Н.П. Горбунов, А.И. Криницкий, Е.Б. Пашуканис) в 1929 г. предложила проект постановления ЦИК и СНК СССР о создании единого органа на правах наркомата как административного и планового органа – Всесоюзного комитета науки [Глухарев 2010]³⁷³. Участники этих дискуссий недостаточно четко разграничивали два разных, хотя и взаимосвязанных вопроса: организации научных исследований и административного управления научными учреждениями. Место Академии наук среди новых советских учреждений науки, ее роль в организации науки, также оставались неясным для всех участников этого процесса, и для Академии, и для власти. Академию тоже рассматривали в качестве возможного научного центра «великих процессов преобразования всей нашей страны» (В.В. Куйбышев)³⁷⁴. Очевидно, все эти организационные поиски были связаны со сложными проблемами управления наукой в разоренной революциями и войнами стране. Амбициям новой власти стремившейся централизовать под своим управлением науку, мешали противоречивые процессы становления самой советской государственности, в т. ч. неясности и нечеткости в распределении полномочий между разными ветвями власти, властными органами, соперничество между ними. Все это позволяло до конца 1920-х гг. Академии наук лавировать, сохраняя определенную самостоятельность во внутриакадемической деятельности.

Академия искала формы и методы сотрудничества с новой властью. Но последовательно стремилась сохранить свое особое положение. В 1922 г. в записке вице-президент АН В.А. Стеклов, возражая против подчинения Главнауке Наркомпроса, утверждал, что Академия «по существу и задачам своей деятельности» всегда была «учреждением общегосударственным и даже международным». Еще Петром I была поставлена «в совершенно исключительное положение», «приписана» к Министерству народного просвещения, «но в ведении его не состояла», имея право «непосредственного сношения с высшей властью», «с Сенатом, Государственным Советом и императорской властью» [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 34]. Аргументы о «совершенно исключительном положении» Академии наук с момента ее создания, что она находилась «под особым покровительством» высшей власти в России, приводились и в записке Академии в СНК СССР 20 февраля 1925 г., подписанной вице-президентом В.А. Стекловым и непременным секретарем С.Ф. Ольденбургом. Повторялись аргументы в

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ ГАРФ. Ф. 4а. Оп. Р5446. Д. 123. Л. 43.

пользу такого ее положения. Деятельность Академии, теперь уже после революции, приобрела «общемировой характер», поэтому она должна быть признана «всесоюзным» учреждением, лишь «формально связанным с каким-либо высшим государственным всесоюзным органом». Высказывалось мнение, что «целесообразно» присоединение к СНК СССР, а не к ЦИКу СССР, т. к. последний занят вопросами общего характера, работает не постоянно, а сессионно. Наркомпрос, разумеется, возражал против изъятия из его подчинения Академии «по соображениям идеологическим, плановым и организационным» [Организация наук 1968, с. 203]. Но, тем не менее, подтвердил всесоюзный уровень деятельности Академии.

Неюбилейный юбилей

Признание Академии всесоюзной научной организацией было прямо связано с подготовкой к ее 200-летию юбилею. 27 июля 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение о признании ее «высшим всесоюзным ученым учреждением», состоящим при СНК, с изменением ее названия на «Академию наук СССР» [Организация наук 1968, с. 205]. В приветствии ЦИК и СНК СССР от 5 сентября 1925 г. отмечались «громкие достижения Академии наук, выдвинувшие ее в некоторых областях знания в первые ряды научных учреждений всего мира» и выражалась «полная уверенность» в том, что она «во всей силе и в полном блеске» сможет работать «в предстоящем столетии»³⁷⁵.

Предстоящее празднование стало событием международного значения. Но и в стране, и за рубежом, отношение к этому празднованию юбилея было далеко не однозначным. Участие в нем некоторыми авторитетными зарубежными научными организациями и крупными учеными рассматривалось как поддержка советского режима. Но, тем не менее, внимание было большое. Учитывая это, власти решили, по выражению председателя СНК СССР А.И. Рыкова, «с большой выгодой для себя использовать этот случай» [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 36]. Была создана юбилейная комиссия под руководством председателя советского правительства. Для Академии это празднование было жизненно необходимо, она была крайне заинтересована в международной поддержке. Е.Г. Ольденбург, жена неперменного секретаря Академии, записала в дневнике: «если не будет или мало будет иностранных гостей на академическом празднике, то правительство может подумать, что РАН никому за границей не нужна и не интересна; тогда пойдут различные осложнения и Главнаука окончательно восторжествует и вмешается в жизнь РАН и с ней может произойти та же история, что и с университетами, т. е. она развалится и погибнет». Отмечая возникавшие сложности в подготовке юбилея, автор дневника записала дискуссии в юбилейной правительственной комиссии по поводу финансирования. С.Ф. Ольденбург вынужден был заявить, что юбилей имеет не только научное, но и политическое значение, в чем был поддержан А.И. Рыковым [Сорокина 1999]. Политическое значение юбилея, таким образом, хорошо понимали и в Академии. Вопреки опасениям, представительно зарубежной

³⁷⁵ Правда. 1925. 8 сентября. № 204; Организация науки в первые годы Советской власти. С. 204-205.

науки было впечатляющим. На празднование приехали представители научного мира из десятков государств Европы, Азии и Америки. Свыше 2 тысяч ученых прислали свои поздравления [Июффе 1974].

Успех академических юбилейных празднеств спровоцировал более пристальное внимание партийно-государственной власти к Академии. Академия была выведена из подчинения Главнауки Наркомпроса, но это не облегчило, а усложнило ее положение. Академия получила особый статус, право сношения с СНК СССР и ЦК ВКП(б). Но эти права повлекли за собой систематическое, полноценное вмешательство власти во все сферы жизни и деятельности Академии. На заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) стали регулярно рассматриваться вопросы, связанные с деятельностью Академии, начиная от финансирования, подготовки и проведения юбилея, ее переименования во «всесоюзную», нового устава, выборов, поездок за границу и др.

Вскоре после юбилея, в 1927 г. на Политбюро обсуждался новый устав АН СССР. Формально и после 1917 г. она жила по уставу императорской Академии наук 1836 г., с некоторыми поправками сделанными Временным правительством! По новому уставу Академия признавалась «высшим учебным учреждением Союза СССР» при СНК СССР. Планы и отчеты Академия должна ежегодно представлять СНК. Среди главных задач Академии появился пункт-требование «приспособлять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР». Ей впервые было разрешено учреждать в составе отделений научно-исследовательские институты, музеи, лаборатории, кабинеты и постоянные комиссии типа исследовательских институтов, хотя и с разрешения правительства, право созывать съезды и совещания. Академия получила самостоятельную смету для финансирования ее деятельности. Упразднилась существовавшая с 1893 г. Правление Академии. По-существу, ограничивались права президента, вице-президентов и неперменного секретаря. Вводилось коллегиальное руководство. Заметно расширялись права Президиума АН, отделений АН. В уставе не отмечалось, сколько отделений действует в Академии. Но в этот период вместо двух гуманитарных отделений: Отделения исторических наук и филологии и Отделения русского языка и словесности было образовано единое Отделение гуманитарных наук, что показывало заинтересованность власти в развитии преимущественно естественнонаучного направления в деятельности Академии, что и показало дальнейшее изменение академической структуры. Расписывались права и обязанности президента, вице-президентов и неперменного секретаря АН, что свидетельствовало об их ограничении. Общее собрание АН теперь созывалось не президентом, а Президиумом, который руководил Академией между Общими собраниями. Создавался еще один коллегиальный орган – Секретариат. Ему и Управлению делами посвящались специальные разделы, как и также впервые – вопросы управления академическими учреждениями. Появилась норма избрания их директоров на 3 года отделениями Академии. В специальном разделе описывались особые права Академии, в т. ч. издание без цензуры своих трудов (просуществовавшее до устава 1959 г.). Подробно прописывалась процедура выборов в Академию. Определялось общее число академиков –

70, увеличение их числа требовало решения СНК. «Демократизировалось» право выдвижения кандидатов, оно предоставлялось «ученым учреждениям, общественным организациям, отдельным ученым и их группам». Появился и «карательный» пункт о том, что действительный член Академии лишается своего звания, «если он не выполняет обязанностей, налагаемых этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред Союза ССР»³⁷⁶. Устав давал основания для исключения из состава Академии эмигрировавших академиков, «невозвращенцев», и др., от чего долгое время Академия уклонялась. Так было «сбалансировано» предоставление Академии новых прав и обязанностей. Вопреки сопротивлению Академии, из ее состава в 1928 г. были исключены и ученые-эмигранты, такие как философ П.Б. Струве, историки А.А. Кизеветтер, М.И. Ростовцев, и почетные академики, в т. ч. представители королевских домов Европы [Грудзинская В.С. 2020].

Академические выборы 1928 г., в соответствии с новым уставом, стали рубежом в отношениях Академии наук и власти. Псевдodemократические правила участия в этом процессе общественных организаций, которые в большинстве своем были под контролем власти, позволяли ей оказывать влияние на выборы. Кандидатуры на выборах обсуждались в средствах массовой информации. Политбюро ЦК решило активнее вмешаться в выборный процесс. Оно рассматривало проекты решений, подготовленные партгруппой Академии, и принимало постановления по кандидатурам президента, вице-президентов, кандидатов в действительные члены Академии. Для внедрения в Академию своих кандидатов, коммунистов или близких к ним, власти пошли на беспрецедентное увеличение числа вакансий. С 1917 по 1927 гг. было избрано 28 академиков. В 1928 г. предлагалось избрать 85 человек. К выборам было принято постановление СНК от 15 марта 1928 г. об утверждении списка научных учреждений, состоящих при АН СССР: всего 37 учреждений, из них 8 институтов, 7 музеев, лаборатории, комитеты, комиссии, кабинеты, архив, библиотека и издательство³⁷⁷. Управляющий делами СНК Н.П. Горбунов специально встречался с неперменным секретарем АН С.Ф. Ольденбургом и прямо заявлял, кого власть желает видеть «избранниками» в Академию, требовал заменить неугодного управляющего делами Правления Академии Д.Н. Халтурина членом партии³⁷⁸. В результате выборов прошли такие «одиозные» кандидатуры как Н.И. Бухарин, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов. Но не избраны философ-марксист А.М. Деборин, историк-марксист Н.М. Лукин и литературовед-марксист В.М. Фриче. Власть рассматривала свои рекомендации как руководство к действию для Академии. И скромная (по существу компромиссная) ее попытка отстоять свои права в этой области, вызвали просто взрыв негодования в партийно-государственных органах. Академия «переголосовала» и избрала ранее отвергнутых кандидатов. Но началась всеобъемлющая кампания против Академии, которая велась в самых разнообразных формах. В газетах «Правда»

³⁷⁶ Устав Российской Академии наук. 1724–2009. М. 2009. С. 143–153.

³⁷⁷ Известия ЦИК. 1928. 8 апреля.

³⁷⁸ Архив РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 50. Л. 21.

и «Ленинградская правда» 25 января 1929 г. публикацией статьи Ю. Ларина началась кампания. Ее поддерживали «собрания трудящихся», в газетах публиковались их резолюции, в них появилась рубрика «Советская общественность требует коренной реорганизации Академии наук» [Тугаринов 1990, с. 98]. А.В. Луначарский заявлял: «Академия должна была понимать, что она держит экзамен на то, ... насколько способна выдержать довольно трудную операцию ее советизации»³⁷⁹. Ю. Ларин: «результаты выборов заставляют присмотреться внимательно и проверить, в чьих руках находится до сих пор этот громадный, важный аппарат»³⁸⁰. С радикальных позиций выступала Всесоюзная ассоциация для содействия работников науки и техники социалистическому строительству (ВАРНИТСО), не случайно созданная именно в 1927 г., одной из главных задач которой были «полная реорганизация» Академии наук и разработка методов борьбы против Академии и ученых, не разделявших коммунистической идеологии. В центральных газетах была опубликована специальная резолюция ВАРНИТСО: «Академия наук в настоящее время еще находится во власти реакционных традиций и кастовой ограниченности. Благодаря этому она не сумела связать свою работу с нуждами и потребностями социалистического строительства и не является организацией, руководящей научной жизнью Союза. Творческая научно-исследовательская работа после Октября пошла в значительной мере мимо Академии наук. ВАРНИТСО считает необходимым настаивать на полной реорганизации Академии наук»³⁸¹. На заседании ВАРНИТСО от 3 февраля 1929 А.Я. Вышинский предложил записать в решении: «Академия наук в настоящем своем составе не удовлетворяет требованиям социалистического строительства, необходима коренная реорганизация ее в соответствии с принципами и задачами СССР», «попытка правительства изменить лицо Академии, пополнив ее новыми силами, оказалась неудачной и не дала того, что надо Союзу» [Тугаринов 2015].

1 ноября 1929 г. академик М.Н. Покровский направил в Политбюро ЦК обширный отчет об октябрьской сессии Академии. В нем он подробно изложил планы «партийной фракции» в Академии, в котором сообщал, что академическая партгруппа считала необходимым «радикальное изменение в руководстве», замену президента Карпинского и неперменного секретаря Ольденбурга более удобными для власти кандидатами, и это они рассматривали не как «простой акт расправы, но первый шаг к радикальному изменению всего характера и всей структуры Академии наук» [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 78]. 30 октября глава советского правительства А.И. Рыков прислал телеграмму президенту Академии А.П. Карпинскому с требованием «немедленно отстранить Ольденбурга от обязанностей неперменного секретаря» [Есаков 1971, с. 197]. Идеологические кампании против Академии и ее «чистка» не закончились в 1929 г., и продолжались в следующем году. Раздавались

³⁷⁹ Луначарский А.В. «Неувязка» в Академии наук // Известия ЦИК. 1929. 5 февраля.

³⁸⁰ Ларин Ю. Академики и политика // Правда. 1929. 25 января.

³⁸¹ Известия ЦИК. 1929. 4 сентября.

требования к Академии определиться, по какую сторону баррикад она находится, ее «реконструкции»³⁸².

Во власти были сторонники радикальных решений, вплоть до закрытия Академии, или, как выразился В.В. Куйбышев на заседании Совнаркома 5 февраля 1929 г., в Академию «придется нести с собой не мир, но меч»³⁸³. Были забыты недавние юбилейные словословия о значении деятельности Академии. Новоиспеченному академику Н.И. Бухарину, пытавшемуся выстроить более гибкий подход к проблемам академии, пришлось защищать ее: «Крайним преувеличением является утверждение, будто Академия является пустым местом. Тогда нечего было распинаться на 200-летнем юбилее, тогда нечего было подымать общественность на борьбу за трех проваленных академиков и т. д., и т. п. Идти туда имело смысл только для того, чтобы завоевать Академию, работая в ней, и работать, завоевывая ее» [Орел, Кривоносов 2002].

По оценке В.И. Вернадского в не подцензурных письмах сыну Г.В. Вернадскому: В.И. Вернадский писал сыну: «правительственные власти, сочувствующие АН, заявляли, что Академия может быть раскассирована, что против нее большое недовольство в партийных кругах – научная работа академиков не пострадает, но Академия как учреждение перестанет быть». В другом письме: «В партийных кругах влиятельная группа против Академии и искала предлога к ее закрытию», «несколько раз положение было почти катастрофическим», «Положение было совершенно неустойчиво: быть или не быть Академии». Но было достигнут определенный компромисс: «вышло совсем не то, что предполагали все три действующие стороны – руководство АН, государственная часть коммунистов – правительство и партия», «в жизни нашей страны и для нашей культуры значение работы АН в эту эпоху огромного брожения ... так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы» [Яншина 1993].

Своего рода символами нового этапа в истории Академии наук стало и отстранение по решению правительства С.Ф. Ольденбурга от должности неперменного секретаря Академии и вынужденная отставка вице президента А.Е. Ферсмана. Нужно сказать, что их компромиссная позиция в отношениях с властью для сохранения особого статуса Академии не находила поддержки и у части академиков. Можно говорить о личной трагедии С.Ф. Ольденбурга, крупного ученого, отдавшего многие годы своей жизни сохранению Академии в послереволюционный период. В литературе высказывается мнение, что эта его политика ученого и одного из реальных руководителей Академии потерпела крах [Каганович 1992, с. 143]. Но это не отменяет его заслуг. С.Ф. Ольденбург сыграл свою историческую роль в деле сохранения Академии в один из сложнейших периодов ее послереволюционной истории.

Но во власти победила более «умеренная», более прагматичная точка зрения. Академию требовалось не только идеологически подчинить. От нее ожидали большой практической отдачи в рамках первого пятилетне-

³⁸² Радек К. По ту или другую сторону баррикады// ВАРНИТСО. 1930. № 7-8 С. 5-11; Зеленко В.А. Реконструкция Всесоюзной академии наук// Научный работник. 1930. № 11-12. С. 56-57.

³⁸³ ГАРФ. Ф. 4а. Оп. Р 5446. Д. 123. Л. 45.

го плана развития народного хозяйства СССР (1928–1932), превращения СССР из аграрной страны в индустриальную, под лозунгом «догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Для окончательной «советизации» Академии, решено было ее показательно наказать, сфабриковав «Академическое дело» 1929–1931-х гг. Правда, публичный процесс над академиками и работниками Академии в конце концов решили не проводить, решения были приняты во внесудебном порядке. Многие ученые-гуманитарии были репрессированы, часть академических работников была расстреляна. Но наиболее известных ученых отправили не в лагерь, а в ссылку [Брачев 1990; Перченко 1995; «Академическое дело» 1995, 1998; Ананьев, Бухарин 2021].

Политбюро ЦК и в дальнейшем продолжало жестко контролировать выборы в Академию наук. Но нужно сказать, что в Академию наук, наряду с «партийными выдвиженцами», избирались и такие крупные ученые как Н.М. Губкин, Г.М. Кржижановский, Л.И. Мандельштам, Д.С. Рождественский, С.А. Чаплыгин, А.Е. Чичибабин, и др. Наверное поэтому В.И. Вернадский высказал мнение, что на выборах в целом «принцип – научное значение кандидатов на первом и исключительном месте в общем победил. Включив в себя огромную часть выдающихся людей страны, связанных фактически всей *государственной машиной*, Академия приобрела такой реальный вес, какого никто не ожидал и которого она сама еще не учитывает» [Яншина 1993, с. 826]. На новых выборах 1932 г. в состав Академии вошли: Н.И. Вавилов, Н.Н. Семенов, И.Г. Александров, И.П. Бардин, А.А. Байков и другие крупные ученые.

26 марта 1930 г. Академия постановлением ЦИК и СНК была передана в ведение Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК. 4 апреля Общее собрание утвердило новый устав АН [Документы 1998, с. 129–130]. Комитет ЦИК СССР в 1930–1933 гг. осуществлял руководство Академией, и, как и новый устав, стал еще одним из инструментов ее «советизации» науки [Глухарев 2011]. В новом уставе среди основных целей и задач появились положения: о необходимости выработки «единого научного метода на основе материалистического мировоззрения», «планомерно направлять» «всю систему научного знания к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны и дальнейшего роста социалистического общественного строя», «приспособлять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза СССР». Сохранился и был расширен пункт о том, что «действительные члены, почетные члены и члены-корреспонденты Академии наук лишаются своего звания постановлением Общего собрания, если их деятельность направлена во вред Союзу СССР»³⁸⁴. Было убрано понятие «явного вреда», оставлявшее Академии некоторые лазейки.

Опыт подчинения Академии наук ЦИКу СССР властями, тем не менее, был вскоре признан неудовлетворительным, хотя публично об этом и не заявлялось.

³⁸⁴ Устав Российской Академии наук. 1724–2009. М. 2009. С. 155–158.

Переезд Академии в «мировой научный центр»

В руководстве Академии наук сложилось впечатление, что период острой конфронтации завершился, как и ее реорганизация. В 1933 г., выступая на торжественном годовом собрании АН, новый непреременный секретарь Академии В.П. Волгин, ранее успешно руководивший «советизацией» МГУ, заявил: «В течение последних лет Академией наук была проведена большая работа по внутренней перестройке», хотя и «не без сопротивления», она «разрушила стены, отделявшие Академию от окружающей революционной жизни, она дала возможность Академии наук занять подобающее ей место в нашей советской системе. Всякая перестройка, как бы она ни назрела, всегда сопровождается некоторыми неудобствами, всегда грозит временными перебоями в жизни переустраивающихся учреждений... Эту задачу удалось решить со значительным успехом»³⁸⁵.

Позиция академика-коммуниста В.П. Волгина, присланного властями на «укрепление» Академии, должна была отражать мнение власти. Для этого были определенные основания. В частности, осужденный по «Академическому делу» и исключенный из состава Академии Е.В. Тарле, в 1932 г. был возвращен из ссылки в Москву. Но перестройка Академии далеко еще не закончилась, наступал ее новый этап. Политбюро ЦК 25 ноября 1933 г. «отчислить» Академию наук от ЦИК и «подчинить ее во всех отношениях Совнаркому СССР» [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 139]. Во исполнение его 14 декабря 1933 г. ЦИК СССР выпустило постановление о передаче АН СССР в ведение СНК СССР «в целях достижения более полной связи работы Академии наук с практикой социалистического строительства и установление планомерного и тесного сотрудничества Академии наук с народными комиссариатами и Государственной плановой комиссией СССР» [Документы 1988, с. 238–239]. В СНК СССР было создано Управление научными учреждениями во главе с управляющим делами СНК Н.П. Горбуновым. Вероятно, это решение связано и с позицией В.М. Молотова, сменившим на посту главы правительства А.И. Рыкова.

25 апреля 1934 г. Политбюро приняло скупое протокольное постановление об утверждении проекта постановления СНК СССР о переводе Академии наук из Ленинграда в Москву [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 141]. 27 июня постановление правительства было опубликовано. В нем повторялись формулировки постановления ЦИК СССР. Некоторые детали подготовки и принятия партийных постановлений стали известными только после рассекречивания этих документов [Есаков 1997а; Есаков 1997б].

Чем было продиктовано это решение? Почему оно не было принято сразу, после переподчинения Академии правительству? Очевидно, оно было продиктовано не только практическими соображениями, удобством управления Академией, территориальной близостью с правительством, наркоматами (и ЦК ВКП(б)). 10 сентября 1934 г. в передовой статье газеты «Правда», посвященной открытию Международного съезда к 100-летию со дня рождения Д.И. Менделеева, которая завершалась словами: «Мировой на-

³⁸⁵ Волгин В.П. Наши задачи и перспективы // Вестник АН СССР. 1934. № 11-12. Стб. 13-31.

учный центр все более перемещается в СССР, где навсегда сорваны око-вы эксплуатации, рабства, и открыт широкий простор науки и техники»³⁸⁶. Академия наук – главный научный центр СССР обязан был находиться в мировом центре науки.

Обоснованию необходимости решения о переводе Академии была посвящена целая полоса газеты «Правда» в 1934 г. одновременно с публикацией постановления СНК. В статьях известных ученых – президента АН СССР А.П. Карпинского, вице-президента и будущего президента В.Л. Комарова, ученого секретаря АН СССР В.П. Волгина, академиков А.Л. Архангельского, А.А. Рихтера, поддерживалось и разъяснялось это решение. Там же были опубликованы заметка «Первое заседание Президиума Академии в Москве» и статья знаменитого партийного журналиста и публициста Михаила Кольцова «Академия едет».

В своем интервью А.П. Карпинский назвал перевод Академии в Москву, в «мировой центр революционной мысли, техники, науки, культуры», – «логически правильным», «последовательным», «знаменательным» и «из ряда вон выходящим». Более того, вытекающим «из самого существа советской власти, относящейся к науке как к своему непосредственному помощнику и сотруднику в строительстве новой жизни». А.П. Карпинский обосновывал важность этого решения необходимостью сделать Академию ближе к «правительственному аппарату, к народным комиссариатам, к их научно-исследовательским учреждениям, начиная от институтов тяжелой промышленности и кончая сельским хозяйством». И выражал уверенность, что это событие для Академии станет «блестящей страницей» в ее истории и в науке. Президент АН СССР утверждал, что все академики «восприняли этот переход как призыв отдать все свои силы хозяйственной и культурной стройке» страны. Тем не менее, в заключении статьи была затронута и непарадная тема – о сомнениях руководства Академии и академической общественности в необходимости переезда. А.П. Карпинский заявил, что те планы, та территория, которая была ему и академикам показана, превзошли, по его словам, все их ожидания. Под Академию отводилась «прекраснейшая в климатическом отношении территория, густо покрытая зеленью, можно сказать – полный зеленый массив». Он отмечал, что планировалось в одном месте сосредоточить все научные учреждения и квартиры «для академиков и постоянных научных работников Академии»³⁸⁷.

В статье академика А.А. Архангельского в качестве одного из обоснований переезда Академии говорилось о существующих проблемах с научными кадрами в Ленинграде, и он выражал уверенность, что тесная связь с институтами наркоматов и промышленностью в Москве позволит самой Академии «стать в центре планирования и постановки всей научно-исследовательской работы в промышленности, теснее связаться с предприятиями и строительством»³⁸⁸.

³⁸⁶ Юбилейный Менделеевский съезд // Правда. 1934. 10 сентября. С. 1.

³⁸⁷ Карпинский А.П. Академия переводится в мировой центр революционной мысли // Правда. 1934. 27 июня. № 175. С. 2.

³⁸⁸ Архангельский А.А. Теснее связаться с предприятиями // Правда. 1934. 27 июня. № 175. С. 2.

Академик А.А. Рихтер в краткой заметке приветствовал переезд Академии в Москву и выражал уверенность в том, что работа Академии будет только плодотворнее³⁸⁹. А непременный секретарь АН СССР В.П. Волгин сообщал, какие академические институты планируется перевести в Москву, а какие оставить в Ленинграде³⁹⁰. Свою ленинградскую «прописку» сохраняли большинство учреждений Отделения общественных наук АН СССР, Ботанический, Зоологический институты, Институт физиологии и некоторые биологические лаборатории, Библиотека и Архив АН.

Тема переезда затрагивалась и в заметке о первом заседании Президиума АН СССР в Москве в Доме ученых. И в ней признавалось, что в связи с тем, что среди академиков много ученых «почтенного возраста, привыкших к усидчивой кабинетной работе, срощихся со своими институтами, библиотекой в Ленинграде», – «островитян» с Васильевского острова, «неизбежные хлопоты» переезда пугали их. Они колебались, стоит ли переезжать? Но когда увидели отношение власти, когда увидели «красоту и простор» мест, отведенных для строительства, их сомнения, якобы, отпали³⁹¹.

О том, насколько тематика переезда непросто воспринималась академической общественностью, косвенно свидетельствовала и статья в фельетонном стиле М.Е. Кольцова. В ней рекламировались все прелести будущего расположения Академии в Москве. Автор писал, что Академией предоставлен «один из самых красивых, самых живописных и спокойных уголков. Вокруг старого Нескучного дворца выстраются новые дворцы науки, укитанные парковой зеленью, овеянные воздухом Воробьевых гор и свежестию реки». А место выбрали сами «главные москвичи» – Каганович и Булганин, «выбрали от души, щедро, самое спокойное, самое просторное, самое красивое место». Автор задавал вопрос «лучшим ученым», разве «не может быть не радостно при виде молодой, полной сил, встречающей Москвы, ее стен, ее улиц, ее людей?!»³⁹².

Власти публично демонстрировали свое внимание к Академии наук. Об уровне этого внимания говорил и тот факт, что 28 июня А.П. Карпинского принял в Кремле формальный глава государства – Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин. После возвращения в Ленинград президента АН СССР, в газете «Правда» был помещена заметка о беседе с ним журналиста. А.П. Карпинский сказал, что его убедил М.И. Калинин, что «близость Академии наук к Правительству окажет огромное влияние на развитие науки»³⁹³.

Городок Академии науки у Калужской заставы

Калужская улица в Москве должна была стать «проспектом науки». Высказывались пожелания, чтобы переименовать ее в «Проспект Академии наук»³⁹⁴. Политбюро ЦК приняло решение об отводе земельных участков для строительства и обустройства Академии, поражающее свои размахом.

³⁸⁹ Рихтер А.А. Работа, несомненно, будет плодотворнее // Правда. 1934. 27 июня. № 175. С. 2.

³⁹⁰ Волгин В.П. Что мы переводим в Москву // Правда. 1934. 27 июня. № 175. С. 2.

³⁹¹ Первое заседание Президиума Академии в Москве // Правда. 1934. 27 июня. № 175. С. 2.

³⁹² Кольцов М.Е. Академия едет // Правда. 1934. 27 июня. № 175. С. 2.

³⁹³ «Близость Академии наук к Правительству окажет огромное влияние на развитие науки» // Правда. 1934. 29 июня. С. 6.

³⁹⁴ Флаум А.Я. Академия наук в Москве // Вестник АН СССР. 1934. № 11-12. С. 54.

17 августа 1935 г. им был утвержден проект постановления СНК, подготовленный комиссией из представителей Академии и Моссовета под председательством В.И. Межлаука, о выделении Академии трех участков земли.

Вся Большая Калужская улица и берег Москва-реки, с просторами полей и пустырей за линией Окружной железной дороги в направлении к Мамонтовской даче, должны были стать грандиозной строительной площадкой в 60 – 100 га. А запланированный новый центральный Ботанический сад должен был занимать площадь в 200 гектар.

Участок для здания Президиума Академии наук выходил главным фасадом на северо-запад, а с юго-запада ограничивался улицей Крымский вал. Третья сторона участка отделялась Мароновским переулком, расширяясь в прямоугольную площадь перед фасадом будущей Библиотеки Академии наук. Четвертую сторону участка ограничивала улица, выходящая на набережную Москвы-реки.

Для жилых академических домов выделялся участок по Б. Калужской ул. от Ризоположенской площади по Выставочному переулку и до Донской улицы.

Для институтов выделялся участок от Ризоположенской площади по М. Калужской улице до 1, 3 и 5 Донских проездов, до Б. Калужской улице и по ней – до площади.

Также резервировались другие участки. Например, огромный участок в Замоскворечье ограниченный Крымским валом, Мароновским переулком, Большой Якиманкой и 1-м Голутвинским, Старо-Монетным, Пыжевским переулками, улицей Большой Ордынкой и Казачьим переулком [Академия наук в решении Политбюро 2000, с. 189].

В 1935 г. был проведен конкурс на проектирование зданий Академии наук. В конкурсе принимали участие крупные советские архитекторы, кроме А.В. Щусева: П.В. Абросимов, А.П. Великанов, В.С. Андреев, А.К. Барутчев, Б.Р. Рубаненко, И.В. Ткаченко, И.А. Фомин, Д.А. Фридман, Н.А. Троицкий и проектная мастерская Гипрогора и даже французский архитектор А. Люрса. На первом этапе конкурса было выбрано два наиболее удачных проекта, один – в общей планировке, другой – по архитектурному решению³⁹⁵. На базе двух работ был создан окончательный проект знаменитого архитектора – действительного члена Императорской Академии художеств (1908), академика архитектуры (1910), а в дальнейшем и академика АН СССР (1943) – А.В. Щусева. После победы на конкурсе А.В. Щусев до самой смерти возглавлял проектирование академических зданий в Москве. В 1938 г. он основал архитектурно-проектную мастерскую Академпроект. В мастерской создавались проекты планировки Юго-Запада Москвы, около деревни Черемушки, проекты строительства около 40 зданий академических институтов, музеев, библиотек, дачных поселков для академиков, проект реставрации дворца в Нескучном саду и др. До войны был построен Институт генетики (ныне – НИИ по удобрениям и фунгицидам им. Я.В. Самойлова РАН) по проекту самого А.В. Щусева (1937–1939). Подготовленные его мастерской проекты зданий институтов были реализованы уже после войны:

³⁹⁵ Отчет о деятельности Академии Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.: Л. 1935. С. 7.

Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского (1945–1951) – авторы А.В. Щусев, А.В. Снигарев, Н.М. Морозов, Б.М. Тарелкин.

Ансамбль зданий Института металлургии (Институт металлургии и материаловедения им. А.А. Байкова) (1950) – авторы А.В. Щусев, А.В. Снигарев, Н.М. Морозов, Б.М. Тарелкин.

Здание Института механики (Институт точной механики и вычислительной техники им. С.А. Лебедева РАН) (1941–1951) – авторы А.В. Щусев, А.В. Снигарев, Н.М. Морозов, Б.М. Тарелкин.

Здание Физического института (Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН) (1946–1951) – авторы А.В. Щусев, А.В. Снигарев, Н.М. Морозов, Б.М. Тарелкин.

Проект здания Президиума Академии наук поражал своей грандиозностью, особенно в первых вариантах проекта. Оно планировалось общим объемом в 1 145 970 кв. метров и должно было вмещать, кроме Президиума АН, библиотеку, два музея, лаборатории, типографию и др. Величественный портик с 22-метровыми колоннами образовывал главный вход в здание. Центральный корпус в 12 этажей, должен был иметь высоту в 45 м. Главный вестибюль был рассчитан на 4 000 мест, зал заседаний – на 2000 мест, 4 аудитории по 500 мест.

Академические здания проектировались в стиле, получившего широкое распространение в 1930-х гг. и поддержку власти классического монументализма – неоклассицизма. Фасад здания выходил на Москва-реку и украшался двумя колоссальными скульптурами высотой в 6 м Ленина и Сталина. Скульптуры и бюсты Ленина размещались и в других частях здания. В здании помещались кроме Президиума Совет по изучению производительных сил страны, Комитет по филиалам и базам, Музей Истории природы, Музей Истории земли, административные помещения, кабинеты академиков, библиотека на 15 000 000 томов, радио, почта, телеграф, справочное бюро. Не забыты были буфеты, курительные... В Музее Истории земли – залы имени Ленина, Ломоносова, Менделеева и Карпинского. В Ленинском зале – красные стены с черными панелями на стенах, белые мраморные колонны³⁹⁶.

Специалисты считают, что в советской архитектуре неизвестны другой проект или сооружение, «которое могло бы поспорить по монументальности, композиционному богатству и скульптурной пластичности хотя бы с проектным вариантом здания Академии наук, созданным в 1938 г.», в то же время отмечается, что этот «предварительный эскиз» «с точки зрения гармонической завершенности, стилистической чистоты архитектурных форм» был еще далек от совершенства³⁹⁷.

Временно, а как позднее оказалось, – постоянно, Президиум АН размещался в Александринском дворце в Нескучном саду. Дворец этот имел славную историю, имел и отношение к науке. Главное здание усадьбы было построено в 1756 г. П.А. Демидовым, сыном знаменитого уральского заводчика и поклонником садоводства. Академик П.С. Паллас месяц прожил в

³⁹⁶ Щусев А.В. Проект главного здания Академии наук СССР в Москве // Вестник АН СССР. 1938. № 7-8. С. 7-19; Он же. Гигантский комплекс зданий Академии наук // Архитектурная газета. 1936. 31/ХП. № 72.

³⁹⁷ Афанасьев К.Н. А.В. Щусев. М., Стройиздат. 1978. С. 161.

этом доме, составляя «Каталог растениям, находящимся в Москве в саду его превосходительства, действительного статского советника и Императорскаго Воспитательнаго дома знаменитаго благодетеля, Прокопия Акинфиевича Демидова» (1781). К усадьбе был присоединен дом известного навигатора и картографа Ф.И. Соймонова. Владельцами усадьбы были Вяземские, Орловы. Название «Нескучного сада» и «Александринского дворца» усадьба приобрела после продажи Дворцовому ведомству для жены императора Николая I – Александры Федоровны.

Переезд? Переезд!

Но публикации в «Правде» были лишь слабой тенью тех сомнений, которые возникли у ученых по поводу перевода Академии в Москву. Вопрос о переводе Академии в Москву решался не так гладко, как это могло показаться из газетных публикаций. Хотя официально Общее собрание Академии наук приветствовало это постановление власти: «Академия наук не сомневается, что могучая поддержка и партии и правительства обеспечит возможность быстрого и плодотворного развертывания работы Академии наук на новой материальной базе». Академия заверяла правительство, что «примет все меры к новой и срочной мобилизации своих сил в интересах дальнейшего приближения своей научной работы к обслуживанию великих задач социалистической стройки» [Комков, Левшин, Семенов 1974, с. 311].

В сентябре 1934 г. председатель Правительственной комиссии по переводу Академии наук в Москву З.М. Беленький писал И.В. Сталину и В.М. Молотову о том, что «встречается ряд трудностей» с организацией переезда, из-за нежелания со стороны ряда московских научных учреждений, предназначенных к переводу в Ленинград, для освобождения места для академических учреждений, выполнять постановление об этом. А «некоторые руководители учреждений оказывают прямое сопротивление», и в их отношении «приняты меры воздействия через Комиссию Советского Контроля» [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 158].

Со своей стороны, многие ленинградские ученые, и, в первую очередь, сам президент АН СССР, не стремились в Москву. 26 октября 1934 г. заместитель наркома Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР З.М. Беленький направил записку секретарю ЦК Л.М. Кагановичу и председателю СНК СССР В.М. Молотову о том, что «КАРПИНСКИЙ под различными предлогами упорно уклоняется от дачи определенного ответа о переезде», хотя переговоры об этом с ним вел неперменный секретарь А.П. Волгин. З.М. Беленький называл вопрос о переезде президента АН СССР «политически важным» и подчеркивал, что «переезд КАРПИНСКОГО очень важен в связи с тем, что у ряда академиков и профессоров проявляется стремление уклониться от переезда в Москву». На основании этой записки было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б), Н.И. Бухарину поручалось поехать в Ленинград «для переговоров с президентом Академии Карпинским о его переезде в Москву» [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 162]. Подробности переговоров Н.И. Бухарина с президентом АН СССР неизвестны, но, по-видимому, они не были успешными. Президент АН СССР переехал в Москву только в августе 1935 г. Возможно, «уклонение» А.П. Карпинского связано и с возрастом, – в 1934 г.

ему исполнилось 88 лет, и с обстоятельствами, в т. ч. медицинскими. 10 ноября 1934 г. в письме вице-президенту АН, будущему его преемнику В.Л. Комарову, возможно, (для распространения этой информации) писал, что он не сможет приехать в Москву. Он, несмотря на свое нездоровье «непременно хотел ехать», но родные и доктор «нашли это невыполнимым», к тому же, он оказался на карантине из-за того, что внучка заболела дифтеритом. Правда, в апреле 1935 г. он возглавил академическую делегацию на праздновании юбилеев Саратовского государственного университета и Саратовского медицинского института. Но в мае 1935 г. ему предстояла глазная операция, а он соглашался ее делать только в ленинградской клинике. Президент АН СССР, кажется, впервые не принял участия в сессии Академии наук в мае 1935 года [Романовский 1981, с. 436–438]. Но в августе А.П. Карпинский все же переехал в Москву. Правда, еще ранее, 16 мая Политбюро ЦК посчитало этот вопрос решенным и приняло постановление о перевыборах в Академии и персональном составе руководства Академии во главе с А.П. Карпинским [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 168]. В Политбюро уже знали, что А.П. Карпинский в принципе согласился с необходимостью переезда, и считали вопрос решенным.

Почему власть вновь утвердила кандидатуру пожилого и больного человека на пост президента Академии в такой сложный период переезда и последовавшей за ним реорганизации Академии? Хотя планы замены Карпинского обсуждались. 1930 г. Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский предлагали заменить его В.Л. Комаровым [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 92]. Но однозначно утверждать это трудно. Сам президент АН СССР при обсуждении устава Академии предлагал внести в него положение о предельном возрасте должностных лиц Академии [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 77]. Тем не менее для власти имел значение научный авторитет Карпинского как ученого в стране и за границей. Он был одним из основателей русской геологической школы и его называли «отцом русской геологии». Возможно, определенное значение имело и то обстоятельство, что он был первым, демократически избранным президентом Академии наук в 1917 г. и оставался на этом посту в самый сложный период истории страны уже более 15 лет.

Но было известно и то, что Октябрьскую революцию А.П. Карпинский встретил враждебно. Протестовал против политических репрессий, хотя занимал позицию профессионального сотрудничества с властью [Соболев 2021, с. 23]. Показательно признание президента Академии в записке к С.Ф. Ольденбургу в 1926 г.: «Я теперь часто забываю о том, что необходимо помнить... Несмотря на то, что я переспросил Вас, никак теперь не могу вспомнить» [Каганович 1992, с. 128].

С середины 1920-х гг. многие вопросы управления решали вице-президенты Академии В.А. Стеклов, А.Е. Ферсман и непреходящий секретарь В.Ф. Ольденбург. А.П. Карпинский стал своего рода символом Академии наук, советской науки в целом. И Академия проголосовала за переизбрание А.П. Карпинского 5 ноября 1935 г.

Нельзя не отметить, что параллельно с яркими планами «светлого будущего» Академии наук, ОГПУ разрабатывало «дело» о национал-фашистской Российской национальной партии, якобы ставившей своей задачей

свержение советской власти и установление фашистской диктатуры. Руководителями и участниками которой назначались многие академики, включая В.И. Вернадского. Заговор рисовался ОГПУ обширным, охватывавшим многие города СССР, с десятками участников, в большинстве своем, ученых разных специальностей. Но в последний момент высшее руководство страны решило отказаться от такого процесса, видимо, в связи с уже разрекламированными планами переезда Академии в Москву. 17 июня Политбюро по предложению ОГПУ приняло значительно более «мягкое» решение – «только» об исключении академиков М.Н. Сперанского и В.Н. Перетца из состава Академии наук и ссылке их на три года [Ашнин, Алпатов 1994].

Планы и реальность

В постановлении СНК СССР говорилось, что Академия должна была переехать в Москву к 1 июля, т. е. через два месяца! Фактически Академия переехала несколько позднее – в октябре 1934 г. [Комков, Левшин, Семенов 1974, с. 311]. Но все равно сроки были чрезвычайно сжатыми. Трудно сказать, чем определялись эти сроки, и чем была вызвана такая спешка. Ведь в постановлении СНК поручалось Моссовету за 10 дней разработать и утвердить в правительстве план размещения академических учреждений в Москве. 25 мая Политбюро поручило члену Политбюро ЦК ВКП(б), секретарю ЦК, будущему руководителю работ по составлению генерального плана реконструкции Москвы Л.М. Кагановичу вместе с другим членом Политбюро ЦК первым заместителем председателя СНК и Совета Труда и Оборона В.В. Куйбышевым, рассмотреть вопрос о строительстве здания в Москве для Академии [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 141].

Академия наук обращалась в Правительственную комиссию о закреплении за Академией участков земли в районе Крымской набережной «площадью 25 га для размещения Главного здания Академии, трех музеев и, по возможности, учреждений общественных наук», «участок, ограниченный Окружной железной дорогой и Б. Калужским шоссе, площадью около 400 га для размещения на нем Биологической группы со всеми вспомогательными сооружениями и Ботанического сада, а также постоянных вспомогательных учреждений Академии» [Летопись 2020, с. 44].

И только 13 июня Политбюро ЦК утвердило план размещения учреждений Академии наук и Всесоюзного экспериментального медицинского института им. А.М. Горького при СМ СССР в Москве [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 143–147]. Очевидно, что принимая решение о переезде Академии наук, руководство СССР в полной мере не представляло масштабов предстоящего события, и его реализация не была подготовлена [Есаков 1997а, с. 457]. Нужно было не только уговорить переехать президента Академии и ведущих ученых, предстояла огромная работа. Академии предстояло в кратчайшие сроки свернуть свою работу, освободить занимаемые помещения, перевести и разместить на новых, часто неподготовленных площадях, оборудование, научных сотрудников, расселить их семьи. Более того, эти решения затрагивали и многие учреждения и их сотрудников в Москве, которые должны были освободить занимаемые площади для Академии и переехать в другие города страны.

В постановлении Политбюро 13 июня 1934 г. «О размещении в г. Москва учреждений Академии наук и ВИЭМ», подготовленном в сжатые сроки, в котором «предreshалось» развертывание строительства в районе Калужской улицы, содержался детальный перечень распределения академических учреждений:

Для Президиума АН выделялся дом 32/34 по Б. Калужской улице (б. дворец в Нескучном саду).

Для Химической ассоциации – выделялись помещения Научно-исследовательского нефтяного института (ГИНИ) и Научно-исследовательского торфяного института. Указывалось, что Нефтяной институт следует перевести в Баку. А в отношении Торфяного института поручить НКП перевести его либо в район Редкинских болот (в близ г. Клина), либо в пределах Москвы, но за счет своих ведомственных площадей.

Для Геологической ассоциации – выделялись помещения Научно-исследовательского института асбеста (Старо-монетный пер., д. 29). Сам институт переводился в Ленинград, а также Научно-исследовательского института удобрений (Пыжевский пер., д. 7), освобождаемых в связи с переездом института в новое помещение, Научно-исследовательского института местных стройматериалов (Пыжевский, д. 5). Его объединяли с Институтом сооружений в Москве. Кроме того, выделялись помещения Научно-исследовательского горно-разведочного института, находившегося в здании Нефтяного института (Б. Калужская, 73).

Для Биологической ассоциации – помещения Медико-биологического института (Б. Калужская, 67). Ставился и вопрос о возможном объединении его с аналогичными институтами Наркомздрава. Решение этого вопроса передавалось на рассмотрение комиссии в составе А.И. Стецкого, Г.Н. Каминского, Л.Н. Федорова и В.П. Волгина. Выделялось также помещение Научно-исследовательского института огнеупоров (Пыжевский, д. 7) с переводом этого института (по усмотрению НКТП) в Харьков или в Ленинград.

Для Физико-математической ассоциации – выделялись помещения Лазаревского института (3-я Миусская, д. 3.), Научно-исследовательского цементного института (Старо-монетный, д. 33/35) с переводом последнего в Ленинград.

Московским организациям и НКТП поручалось проработать вопрос о передаче Академии здания Научно-исследовательского текстильного института (Б. Калужская) и переезде последнего в другое помещение г. Москвы.

Устанавливался порядок переезда учреждений Академии в Москву. В первую очередь переводились Президиум Академии, Химическая ассоциация, Геологическая ассоциация, часть Биологической и Физико-математической ассоциации. Самой Академии наук было предложено подготовить и представить в СНК СССР план развертывания строительства, рассчитанный на 5 лет, с тем, чтобы ежегодно вводить в эксплуатацию определенную часть помещений. В целом, Академии наук предоставлялось 52 тыс. кв. метров, намного больше, чем она занимала в Ленинграде. [Митрякова 1974, с. 115].

Вопрос о выделении конкретных земельных участков для строительства академических учреждений – затянулся. Только 17 августа 1935 г. Политбюро ЦК утвердило проект постановления СНК СССР об этом. На проектиро-

вание и освоение участков выделялось 4,5 млн руб., которые ранее были выделены на новое строительство в Ленинграде [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 189–190, 143–147]. Это, кстати говоря, еще раз показывало, что решение о переводе Академии принималось без предварительной глубокой проработки вопроса.

За ходом перевода Академии наук в Москву должна была наблюдать специальная Постоянная правительственная комиссия в составе заместителя наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР – члена Президиума Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) З.М. Беленького (председатель), заведующего Агитпропом ЦК ВКП(б) А.И. Стецкого, председателя Моссовета Н.А. Булганина, председателя Ленинградского исполкома И.Ф. Коцацкого, постоянного секретаря АН СССР В.П. Волгина и директора ВИЭМ Л.Н. Федорова. Без разрешения этой комиссии не допускалось использование освобождаемых в Ленинграде помещений Академии наук.

Но при проектировании зданий для Академии наук выявились свои препятствия. А.В. Щусев неожиданно попал в опалу. 30 августа 1937 г. в газете «Правда» в разделе «Письма в редакцию» была опубликована статья двух молодых коллег – архитекторов под названием «Жизнь и деятельность архитектора Щусева», в которой они обвиняли А.В. Щусева во всех грехах: в «моральной нечистоплотности», в том, что он живет «чуждыми социализму интересами», поэтому «не может участвовать в создании величайших памятников истории»³⁹⁸. Так была начата кампания против архитектора. Его обвиняли в «халтуре», в «творческой беспринципности» и «безыдейности», и в том, что у Щусева «антисоветская физиономия». В результате кампании он был исключен из состава правления Союза советских архитекторов, снят с должности руководителя 2-ой мастерской³⁹⁹, и целый год оставался без работы. Причины гонений на А.В. Щусева до конца неясны. Высказываются разные предположения⁴⁰⁰. Но эта кампания не могла состояться без поддержки каких-то высоких представителей власти. Предполагают, что в возвращении архитектора к практической деятельности свою позитивную роль сыграла Академия наук, обратившаяся в СНК СССР с запросом о перспективах проектирования академических зданий⁴⁰¹.

В результате в 1939 г. в печати появились публикации о Щусеве уже иного содержания. В них отмечалось «мастерство и богатый опыт строительства академика архитектуры А.В. Щусева, что должно «обеспечить создание незаурядного художественного образа Академии наук, создание одного из крупнейших архитектурных ансамблей Москвы недалекого будущего». Вместе с тем высказывались и отдельные критические замечания о ряде

³⁹⁸ Савельев Л.И., Стопан О.А. Жизнь и деятельность архитектора Щусева // Правда. 1937. 30 августа. С. 4.

³⁹⁹ Васькин А.А. Алексей Щусев. Главы из книги // Новый мир. 2014. № 8; Васькин А.А. Алексей Щусев. Журнальный зал. ЖЗ. Русский толстый журнал. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/8/aleksej-shhusev.html.

⁴⁰⁰ Синева И.А. Академик. Воспоминания об А.В. Щусеве // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 12. С. 14–17; Az Nevtelen. Щусев в 1937 году. 18 декабря 2016. Живой журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-history.livejournal.com/4696514.html>.

⁴⁰¹ Васькин А.А. Указ. соч.

«дефектов» проекта, о необходимости дальнейшей его переработки⁴⁰². Проектом Академии наук А.В. Щусев занимался непрерывно, на протяжении 14 лет до самой смерти. Он несколько раз рассматривался на заседании Президиума АН СССР, где высказывались замечания и пожелания [Летопись 2020, с. 79, 182]. Проект несколько раз переделывался и решался «в более сдержанных архитектурных формах»⁴⁰³.

Но задуманный Академией и А.В. Щусевым архитектурный ансамбль, создание целостной научной градостроительной зоны, не были реализованы. По его планам и планам его коллег были построены только отдельные здания институтов и жилых домов. Проект главного здания Академии так и остался в многочисленных вариантах чертежей. Сначала вмешалась Великая Отечественная война, а затем, и новые веяния после смерти Сталина, когда постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» была стремительно закрыта эпоха советского монументального классицизма – «большого стиля»⁴⁰⁴. В 1956 г. участок, предназначенный под застройку Президиума АН у Крымского моста, был передан под строительство нового здания Третьяковской галереи.

Мы знаем по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», что квартирный вопрос испортил москвичей. Это не касалось переезжавших в Москву руководителей Академии. Президенту Академии А.П. Карпинскому был предоставлен б. особняк Коробковых на Пятницкой улице. Еще раньше в Москву переехали многие ведущие ученые, – более 300 человек, академики А.А. Борисяк, С.И. Вавилов, В.И. Вернадский, И.М. Виноградов, В.А. Кистяковский, Н.С. Курнаков, Г.А. Надсон, В.А. Обручев, А.А. Рихтер, А.Е. Ферсман. Им были предоставлены просторные квартиры в старинных особняках и в недавно построенных домах. В новом академическом доме на Б. Калужской улице в 1939 г. поселился и сам А.В. Щусев.

Сложнее было с сотрудниками академических учреждений. Но этот вопрос также рассматривался и решался во второй части уже известного постановления Политбюро ЦК. Москвичам пришлось потесниться. Для расселения ленинградцев изымалась площадь у наркоматов и учреждений в новостройках или в домах, которые должны были покинуть их жители в связи с переездом их институтов в Ленинград и в другие города СССР. В постановлении Политбюро ЦК содержался длинный, детальный список с адресами домов, количеством квартир, которые предстояло изъять, и объемом квадратных метров. Изъятие квартир не обошло и властные органы. У Управления делами СНК СССР в доме на Спиридоновке номер 24, у Наркомфина, Наркомвода, Наркомснаба СССР, Госбанка СССР, Наркомтяжпрома, Института связи НКПС изымались квартиры в домах, строительство которых было закончено или должно быть закончено к концу года. Всего – 11 тыс. кв. метров или 58 квартир. И еще 25 525 кв. м должны были освободить сотрудники переезжавших учреждений и институтов: Институт

⁴⁰² Кокорин В.Д. Главное здание Академии наук СССР // *Строительство Москвы. 1939. № 7-8. Апрель. С. 3-6.*

⁴⁰³ Афанасьев К.Н. Указ. соч. С. 166.

⁴⁰⁴ Хмельницкий Д.С. Конец стиля. К пятидесятилетию гибели сталинской архитектуры. 27.03.2005. Проект «Классика». 2005. XIII – MMV. [Электронный ресурс]. URL: http://www.projectclassica.ru/school/13_2005/school2004_13_01a.htm.

повышения квалификации педагогов и Институт новых языков Наркомпроса, Финансово-экономический институт, НИИ гигиены и санитарии Наркомздрава, Рыбный институт и Институт океанографии, Институт внешней торговли и Институт монополии внешней торговли Наркомвнешторга, Госпроект Наркомснаба СССР, Гипрогор Наркомхоза, Промстройпроект НКТП, Гипродрев, Горстройпроект НКТП, Сантехпроект НКТП, Цемпроект, Союзводстрой НКТП, Союзстройстроммашина, Союзлесбуммашина, НИИ геодезии, аэросъемки и картографии, Водоканалпроект [Академия наук в решениях Политбюро 2000, с. 145–146].

28 ноября 1934 г. постановлением Политбюро ЦК Правительственная комиссия по переводу Академии наук была ликвидирована, как выполнившая свои задачи.

Последняя предвоенная стройка Академии – автобазы архитектора П.Д. Моргунова и инженера Ю.С. Фельзера в стиле Ар-деко, была почти закончена в 1941 г. по адресу с неблагозвучным названием – Свалочное шоссе. В 1950-х гг. оно было переименовано в 1-ый Академический проект, а затем уже в улицу С.И. Вавилова. Интересно, что в конкурсе на проектирование гаража участвовал выдающийся архитектор-авангардист К.С. Мельников, но его проект не был принят.

«Длительный и сложный период перестройки Академии»

Итогам переезда Академии наук были посвящены статья в официальном органе – «Вестнике АН СССР» в конце 1934 г. и выступление неперменного секретаря В.П. Волгина на годичном заседании Академии 25 марта 1935 г. В своем выступлении он назвал переезд Академии «исторически необходимым» и «событием исключительного значения». Они «завершают длительный и сложный период перестройки Академии», который начался в 1929 г., чтобы связать теснейшим образом ее работу «с основными задачами нашей великой эпохи социалистического строительства»⁴⁰⁵. В статье академика В.П. Волгина говорилось, что этот перевод «должен начать собою новую эпоху в жизни Академии, дать толчок росту ее научной работы, служить поворотным пунктом в истории взаимоотношений между высшим научным учреждением Союза ССР и органами, непосредственно руководящими нашим хозяйственным и культурным строительством»⁴⁰⁶.

В статье и в выступлениях подробно говорилось о том, какие учреждения и организации к тому времени уже переехали в Москву. Кроме Президиума Академии и его аппарата, это был Совет по изучению природных ресурсов (СОПС), Комитет по подготовке кадров и «почти все научные комиссии». По линии Химической ассоциации: Институт органической химии, Институт общей и неорганической химии, Институт горючих ископаемых, Коллоидно-электрохимическая и Биогеохимическая лаборатории. По линии Геологической ассоциации: Геологический, Ломоносовский геохимический, Почвенный, Петрографический, Геоморфологический институты. По линии Физико-математической ассоциации переехали Физический, Энергетический, Математиче-

⁴⁰⁵ Отчет о деятельности Академии Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.; Л. 1935. С. 5.

⁴⁰⁶ Волгин В.П. Наши задачи и перспективы // Вестник АН СССР. 1934. № 11-12. Стб. 15.

ский, Сейсмологический институты. От Биологической ассоциации – Институт генетики, Институт эволюционной морфологии, микробиологии и физиологии растений. В Ленинграде временно, до весны 1935 г. оставалась Лаборатория экспериментальной зоологии и морфологии животных академика Н.В. Насонова. Планировалось также перевести Лабораторию фотографии, организовать в Москве пост Библиотеки Академии, отделение Издательства АН.

Сообщались и некоторые подробности организации этой масштабной работы. На переезд института давалось только 10–15 дней. Для перевозки научного и лабораторного оборудования потребовалось 250 вагонов. В статье отмечалось также, что еще предстояла большая работа по освоению предоставленных зданий, и подготовка к строительству новых. На 1935 г. планировалась достройка здания Энергетического института, институтов Химической и Биологической ассоциации. В конце статьи вскользь упоминалось, что во время переезда были и «отдельные недочеты», которые «были неизбежны в результате сложной операции перевода, а также и как следствие значительного роста Академии наук в Москве»⁴⁰⁷. На деле работа по переводу Академии в Москву продолжилась.

В официальной истории переезд Академии наук в Москву описывался только в позитивных тонах: правительственные решения о переподчинении Академии наук СНК СССР и ее переезде «имели исключительное историческое значение не только для народного хозяйства, но и для развития всей советской науки», «открыли новую страницу» в ее истории, «способствовали ее превращению в подлинный центр передовой советской науки», «необычайно возрос авторитет Академии наук», «ее ответственность за общее состояние науки в стране». Необходимость этих решений объяснялась «отсутствием непосредственной связи с Советом Народных Комиссаров» и «территориальной удаленностью от руководящих центров политической и хозяйственной жизни страны», что затрудняло «интенсивное использование разработок научных учреждений» [Комков, Левшин, Семенов 1974, с. 311–312]. Это была единственная концепция в советский период.

В первые постсоветские годы были предложены другие объяснения причин переезда. Это «соответствовало тенденции к жесточайшей централизации, которая проводилась сталинским руководством во всех сферах государственной, хозяйственной и культурной жизни страны» [Есаков 1997b, с. 840]. Перевод Академии расценивался как одно «из наиболее ярких вторжений власти в развитие науки», которое было «проведено Сталиным и Молотовым без согласия Академии и без какой-либо предварительной подготовки. Научные учреждения были переведены в тесные помещения, мало приспособленные для научной работы». При этом давалась ссылка на письмо заведующего Отделом науки ЦК Ю.А. Жданова И.В. Сталину в декабре 1952 г. о том, что «академические учреждения до сего время ютятся в малоприспособленных для научной работы помещениях» [Есаков 2000].

Вместе с тем за предвоенный и послевоенный периоды значительно выросло и количество научных учреждений АН, и численность научных сотрудников. Было построено несколько комплексов зданий для академических институтов.

⁴⁰⁷ Флаум А.А. Академия наук в Москве // Вестник АН СССР. 1934. № 11–12. С. 57.

Поднимались и другие темы, связанные с переездом Академии: «Нет ответа на многие вопросы, в частности, почему академия лишь приветствовала правительственный акт, а не принимала участие в его разработке и реализации, по чьей инициативе принимались столь ответственные вопросы, почему переводом академии в Москву руководила не академическая комиссия, а правительственная, были ли подготовлены условия для перевода академических учреждений и как они были размещены и т. п.» [Есаков 1997b, с. 840]. Эти вопросы сформулировал известный историк науки В.Д. Есаков, много сделавший для поиска ответов на них. Из опубликованных им рассекреченных документов видно, что Академия наук, в лице академика В.П. Волгина, все-таки принимала участие в работе правительственной комиссии. Академии поручалось разработать план развертывания нового строительства в Москве. Но только власти могли решать вопросы о выделении земельных участков, финансировании переезда и строительства, предоставлении помещений для институтов и квартир для научных сотрудников.

А какие в целом планы существовали у власти в связи с переводом Академии в Москву? Первоначально об этом говорилось открыто. В конце 1934 г. В.П. Волгин в «Вестнике АН СССР» писал о том, что переехала часть академических учреждений, «перевод остальных учреждений связан в постановлении Совета Народных Комиссаров со строительством специальных зданий для Академии наук. Они должны быть построены с таким расчетом, чтобы к концу пятилетнего срока Академия целиком находилась в Москве»⁴⁰⁸. В выступлении В.П. Волгина на Общем собрании в начале 1935 г. говорилось о трудностях перевода Академии. Особенно это касалось музеев, требующих больших площадей, да и библиотек. «Все учреждения Ассоциации общественных наук мы были вынуждены оставить в Ленинграде». «В Ленинграде оставлены за неимением помещений Ботанический институт, Зоологический институт и Физиологический институт». «До весны» оставалось также несколько биологических лабораторий. Решение оставить там часть академических учреждений «было вызвано невозможностью в краткий срок обеспечить в Москве соответственным помещением все учреждения Академии». И то, что: «Перевод остальных учреждений в Москву зависит от темпов развертывания нового строительства», которое планировалось закончить за 5 лет⁴⁰⁹. Таким образом, первоначальный план власти был значительно грандиознее. В Москву должна была переехать вся Академия наук.

На каком этапе власти отказались от этой идеи? Что повлияло на это решение? Вероятно, можно найти несколько причин. Это и ограниченность финансирования в связи с подготовкой к войне, и сильное запаздывание с проектированием и строительством здания Президиума АН и институтов, не уложившееся в пять лет. Грандиозные планы власти по перемещению всей Академии наук в Москву грозили оставить Ленинград без академической науки. И для города, где возникла когда-то Академия, это был бы тяжелый удар. С другой стороны, нельзя не заметить и о непредусмотренных последствиях. Переезд большей части акаде-

⁴⁰⁸ Волгин В.П. Наши задачи и перспективы // Вестник АН СССР. 1934. № 11-12. Стб. 14.

⁴⁰⁹ Волгин В.П. Речь неперменного секретаря акад. В.П. Волгина на торжественном годовом заседании Академии наук СССР 25 марта 1935 г. // Отчет о деятельности Академии Союза Советских Социалистических Республик в 1934 году. М.; Л. 1935. С. 6.

мических институтов и ученых в Москву несколькими годами позднее сыграл свою роль во время блокады Ленинград. Хотя в городе погибло немало научных сотрудников, которых не успели эвакуировать, но жертв могло быть еще больше.

Переезд академических учреждений из Ленинграда в Москву продолжался и после Великой Отечественной войны, правда, в более скромных масштабах. Президиум АН СССР в соответствии с постановлением СМ СССР от 19 апреля 1947 г. «О размещении научно-исследовательских институтов Академии наук СССР в Ленинграде» дал распоряжение о переводе к 1 марта 1948 г. в Ленинград учреждений Академии первой очереди: Института кристаллографии, Московского отделения Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, Геологического музея, Института русского языка, Института истории естествознания и Лаборатории аэрометодов⁴¹⁰.

Мы по-прежнему не располагаем полным комплексом документальных свидетельств о реальных причинах этого решения советских властей. Инициатива приписывается И.В. Сталину [Есаков 1997b, с. 841], но документальных подтверждений этого до сих пор нет. А главное, почему они были приняты так торопливо, и переезд осуществлялся в такие сжатые, «ударные» сроки? Конкретные детали переезда, размещения институтов могут быть изучены при дальнейшем выявлении и изучении архивных документов.

«Новая эпоха существования»

Перевод Академии наук в Москву актуализировал обсуждения главного вопроса – перспектив развития Академии в будущем. Он действительно открывал новую страницу в ее истории. Это понимало руководство Академии и ведущие ученые. В.П. Волгин писал, что решение правительства об этом «не есть только решение о пространственном ее перемещении. ... Для всех работников Академии ясно, что перевод Академии в Москву должен начать новую эпоху в жизни Академии, дать новый толчок росту ее научной работы», взаимоотношения с правительственными органами. Переезд поставил «с небывалой остротой» вопрос о перспективах дальнейшего развития Академии наук, она «вступает в новую эпоху своего существования». Он призывал продумать и о пополнении академической сети учреждений недостающими научными организациями⁴¹¹.

Такой настрой разделяли и многие (хотя и не все) ведущие академические ученые. Академик В.И. Вернадский подчеркивал в своей записке в Президиум АН: «Перенос Академии наук в Москву должен таким образом явиться не простым переселением Академии наук из одной столицы в другую, а развертыванием по новому и широкому плану научной организации Академии, концентрирующей научную мысль и научную мощь Союза. Вопрос идет о создании новой, небывалой еще в истории человечества формы научной государственной организации, используя для этого исторически сложившуюся Всесоюзную Академию наук... Самые глубокие интересы человечества настойчиво заставляют стремиться к осуществлению этой открывшейся возможности» [Митряков 1974, с. 117]. Во многом эти мысли ученого совпадали и с планами властей. Но не во всем.

⁴¹⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 67. Л. 2-3.

⁴¹¹ Волгин В.П. Наши задачи и перспективы ... Стб. 14-31.

Обсуждение перспектив развития Академии состоялось на проводившейся в Москве сессии Общего собрания АН 15–22 декабря 1934 г. Обсуждался очередной новый Устав и планы работы Академии наук. В обсуждении проектов приняли участие ведущие ученые: академики А.Д. Архангельский, А.А. Борисьяк, Э.В. Брицке, С.И. Вавилов, Б.Е. Веденеев, В.П. Волгин, И.М. Губкин, А.Ф. Иоффе, В.Л. Комаров, Г.М. Кржижановский, Н.Н. Семенов и др. Дискуссия фактически вышла за рамки повестки сессии. Кажется, все и власть, и Академия, сходились на том, что Академия должна заниматься вопросами науки во всесоюзном масштабе.

В новом уставе (1935) подтверждалось, что Академия наук является «высшим научным учреждением СССР», «объединяющим выдающихся ученых страны». Основной задачей Академии являлось «всемерное содействие общему подъему теоретических, а также прикладных наук в СССР, изучение и развитие достижений мировой научной мысли». В основу своей работы Академия должна была положить «планомерное использование научных достижений для содействия строительству нового социалистического бесклассового общества». Интересно, что положение о выработке «единого научного метода на основе материалистического мировоззрения», было снято.

Академия становилась центром, обеспечивающим «общее направление всей научной работы» в стране. Новыми пунктами Устава и дополнительными обязанностями Академии стало «содействие повышению квалификации научных работников СССР», подготовка научных кадров, в т. ч. в специальной аспирантуре, право присуждения ученых степеней. В специальном разделе подробно рассматривал права и обязанности академических учреждений, институтов, филиалов Академии⁴¹². Расширялись права самой Академии, которая теперь могла самостоятельно создавать новые академические институты.

Хотя Устав Академии наук в основных своих положениях в дальнейшем не менялся почти 30 лет, в истории Академии во второй половине 1930-х гг. произошло немало изменений. В 1935 г. было создано Техническое отделение Академии, включавшее группы по энергетике, технической механике, технической химии, технической физики, горного дела. А в 1938 г. в связи с дальнейшим быстрым ростом академической инфраструктуры было создано вместо трех, восемь отделений: физико-математических наук, химических наук, геолого-географических наук, биологических наук, технических наук, экономики и права, истории и философии, литературы и языка. Активно развивались в регионах РСФСР и союзных республик филиалы и базы АН.

Неизменным осталось «карательное» положение Устава о лишении званий академика и члена-корреспондента. В 1937 г. СНК упразднило должность неперменного секретаря, которую занимал переведенный в Академию Н.П. Горбунов, который вскоре был репрессирован.

Оценки и характеристики деятельности Академии наук в этот период в литературе, посвященной академической истории, были однозначны: «В годы, когда страна работала над выполнением своих народнохозяйственных задач, Академия наук активно включилась в обслуживание нужд социалистического строительства. Переход страны на систему многолетних планов означал для Академии

⁴¹² Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М. 2009. С. 168–177.

начало новой эпохи. Эти годы отмечены процессом глубокой методологической перестройки работы Академии – процессом применения в научных исследованиях методологии марксизма-ленинизма. ... Академия становилась штабом советской науки. ... Благодаря повседневному вниманию партии и правительства, Академия наук стала неотъемлемой частью Советского государства, крупнейшим научным учреждением мира» [Комков, Левшин, Семенов 1974, с. 338–340].

В постсоветский период стало возможным писать о трагических страницах истории науки и Академии наук СССР, стали рассекречиваться архивные документы и оценки коренным образом поменялись. Все детальнее выясняется тот идеологический и административный пресс власти, вплоть до фальсификаций и провокаций, конструирования «заговоров» спецслужбами. С другой стороны, становились известными факты оппозиционных настроений в отстаивании автономии со стороны академического сообщества и т. п.

1930-е годы несомненно стали периодом тяжелых испытаний Академии наук. Но нельзя отрицать, одновременно, что это был период ее роста и развития. Итогом реформирования АН СССР «огнем и мечом», стало создание не только «штаба советской науки», но и одного из крупнейших в мире комплексов научных учреждений. В сложном переплетении различных интересов создавалась новая Академия – Академия наук СССР. Многие методы, использованные партийно-государственной властью для реформирования науки и Академии наук сегодня вызывают справедливую критику, а то и отторжение. Но так или иначе, власти удалось достигнуть значительных результатов в процессе реформирования Академии в конце 1920–1930-х гг. Трагические события затрудняли развитие Академии, но все же не помешали ей стать одним из ведущих мировых научно-исследовательских центров. На счету академических ученых в предвоенный период появилось немало значительных научных открытий и достижений. Академия внесла свой вклад в индустриализацию страны, в развитие науки, техники и культуры [Козлов 2003]. Стало возможным проведение исследований фактически по всему фронту научных проблем. Реформы, при всех их издержках, помогли Академии наук выдержать тяжелые испытания в период Великой Отечественной войны, внести свой вклад в Победу и в послевоенное развитие СССР.

ЛИТЕРАТУРА

Академическое дело – Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб. 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1, 2. – СПб., 1998.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК – Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. [Т. 1.] 1922–1952. – М. РОССПЭН, 2000.

Ананьев, Бухарин 2021 – *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Академическая наука и власть на выборах в АН СССР 1928–1929 гг. // Вестник РАН. 2021. № 4. – С. 380–386.

Ашнин, Алпатов 1994 – *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Российская национальная партия» – зловещая выдумка советских чекистов // Вестник РАН. 1994. № 10. – С. 920–930.

Брачев 1990 – *Брачев В.С.* Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. – С. 120–127;

Глухарев 2010 – *Глухарев Н.Н.* Поиск форм общегосударственного управления наукой в СССР во второй половине 1920-х гг // Наука и школа. 2010. № 6. – С. 149–151.

Глухарев 2011 – *Глухарев Н.Н.* Ученый комитет при ЦИК СССР как орган управления наукой и образованием. АКД. – М., 2011.

Грудзинская 2020 – *Грудзинская В.С.* Исключение из состава Академии наук в зеркале документальных свидетельств (1928 год) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. – С. 548–551.

Документы 1988 – Документы по истории Академии наук СССР. 1926–1934. – Л., 1988.

Есаков 2000 – *Есаков В.Д.* О некоторых вопросах истории Академии наук. (К 275-летию юбилею РАН) // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. / Отв. ред. А.Н.Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2000. Вып. 2. – С. 258–285.

Есаков 1997а – *Есаков В.Д.* Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. – М. 1997. – С. 452–467.

Есаков 1971 – *Есаков В.Д.* Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой – М., 1971.

Есаков 1997б – *Есаков В.Д.* Штаб советской науки меняет адрес // Вестник РАН. 1997. Т.67. № 9. – С. 840–848.

Иоффе 1974 – *Иоффе А.Е.* Зарубежные ученые на праздновании 200-летия Академии наук // Вопросы истории. 1974. № 5. – С. 200–203.

Каганович 1992 – *Каганович Б.С.* Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материал архива С.Ф. Ольденбурга) // Звезда 1992. № 12.

Козлов 2003 Академия наук СССР и индустриализация России : Очерк соц. истории 1925–1963 / Б.И. Козлов ; Рос. акад. наук. Архив РАН. – Москва : Academia, 2003. – 269 с.

Комков, Левшин, Семенов 1974 – *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. – М. 1974.

Летопись 2020 – Летопись Российской академии наук (1935–1940). – М. 2020. Т.V.

Мейсен 1990 – *Мейсен С.В.* Академическая наука ?... // Вопросы философии. 1990. № 9.

Митрякова 1974 – *Митрякова Н.М.* Переезд в Москву // Вестник Академии наук СССР. 1974. № 2. – С. 115–117.

Сорокина 1999 – Мы не нищие...”: к истории 200-летнего юбилея Российской Академии наук (из дневника Е. Г. Ольденбурга). Публ. М.Ю. Сорокиной // Источник. 1999. № 6. – С. 28–41.

Организация науки 1968 – Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сб. док. – Л. Наука. 1968.

Орел, Кривоносов 2002 – *Орел В.М., Кривоносов Ю.И.* Академик Н.И. Бухарин – роль в преобразовании Академии наук (1929–1936) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2002. – М. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/orekr02i.htm>.

Перченко 1995 – Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – М.: Наука, 1995. – С. 201–235;

Романовский 2004 – *Романовский С.И.* «Притащенная наука» – СПб.: Из-во СПбГУ. 2004.

Романовский 1981 – *Романовский С.И.* Александр Петрович Карпинский. (1847–1936). – Л. 1981.

Романовский 1999 – *Романовский С.И.* Наука под гнетом российской истории. – СПб., 1999.

Соболев 2021 – *Соболев В.С.* А.П. Карпинский – президент Российской академии наук (К 175-летию со дня рождения) // Наука и техника: вопросы истории и теории. Материалы XLII Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук (25–29 октября 2021 г.). – СПб. 2021. Вып. XXVII.

Тугаринов 2015 – *Тугаринов И.А.* ВАРНИТСО: забытая левая организация для интеллигенции? (1927–1936). Ч.2 // Риск. Пром. РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://riskprom.ru/publ/30-1-0-361>.

Тугаринов 1990 – *Тугаринов И.А.* История ВАРНИТСО или как ломали Академию в год «великого перелома»// Природа. 1990. № 7. – С. 98.

Яншина 1993 – *Яншина Ф.Т.* Неизвестный Вернадский// Вестник РАН. 1993. № 9. – С. 825–826.

REFERENCE:

Akademicheskoye delo (1993, 1998), 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela. sfabrikovannogo OGPU. Вып. 1. Delo po obvineniyu akademika S.F.Platonona. SPb. 1993; Вып. 2. Delo po obvineniyu akademika E.V.Tarle. Ch.1. 2. SPb. 1998.

Akademiya nauk (2000) v resheniyakh Politbyuro TsK RKP(b)-VKP(b)-KPSS. 1922–1991. [T.1.] 1922–1952. M. ROSSPEN. 2000.

Ananyev, V.G., Bukharin, M.D. (2021), Akademicheskaya nauka i vlast na vyborah v AN SSSR 1928–1929 gg. // Vestnik RAN. 2021. № 4. S. 380–386.

Ashnin, F.D., Alpatov, V.M. (1994), «Rossiyskaya natsionalnaya partiya» – zloveshchaya vydumka sovetskikh chekistov // Vestnik RAN. 1994. № 10. S. 920–930.

Brachev, V. S. (1990), Ukroshcheniye stroptivoy. ili Kak AN SSSR uchili poslushaniyu // Vestnik AN SSSR. 1990. № 4. S. 120?127.

Glukharev, N.N. (2010), Poisk form obshchegosudarstvennogo upravleniya naukoy v SSSR vo vtoroy polovine 1920-kh gg// Nauka i shkola. 2010. № 6. S. 149–151.

Glukharev, N.N. (2011), Uchenyy komitet pri TsIK SSSR kak organ upravleniya naukoy i obrazovaniyem. AKD. M. 2011.

Grudzinskaya, V.S. (2020), Isklyucheniye iz sostava Akademii nauk v zerkale dokumentalnykh svidetelstv (1928 god)// Noveyshaya istoriya Rossii. 2020. T. 10. № 2. S. 548- 551.

Dokumenty (1988), po istorii Akademii nauk SSSR. 1926–1934. L. 1988.

Esakov, V.D. (2000), O nekotorykh voprosakh istorii Akademii nauk. (K 275-letnemu yubileyu RAN) // Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. 1997–1998 gg. / Otv. red. A.N.Sakharov. M.: IRI RAN. 2000. Вып. 2. S. 258–285.

Esakov, V.D. (1997), Pereyezd Akademii nauk v Moskvu // Moskva nauchnaya. M. 1997, pp. 452–467.

Esakov, V.D. (1971), Sovetskaya nauka v gody pervoy pyatiletki: Osnovnye napravleniya gosudarstvennogo rukovodstva naukoy. M., 1971.

Esakov, V.D. (1997) № 9, Shtab sovetskoy nauki menyaet adres // Vestnik RAN. 1997. T.67. № 9. S. 840–848.

Ioffe, A.E. (1974), Zarubezhnye uchenye na prazdnovanii 200-letiya Akademii nauk// Voprosy istorii. 1974. № 5. S. 200–203.

Kaganovich, B.S. (1992), Nachalo tragedii (Akademiya nauk v 1920-e gody po material arhiva S.F. Ol'denburga) // Zvezda 1992. № 12.

Komkov, G.D., Levshin, B.V., Semenov, L.K. (1974), Akademiya nauk SSSR. Kratkij istoricheskij ocherk. M. 1974.

Letopis' (2020) Rossijskoj akademii nauk (1935–1940). M. 2020. T.V.

Mejsen, S.V. (1990), *Akademicheskaya nauka ?...// Voprosy filosofii*. 1990. № 9. S. Mitryakova, N.M. (1974), *Pereezd v Moskvu // Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1974. № 2. S. 115–117.

Sorokina, M.Yu. (1999), *My ne nishchie...”: k istorii 200-letnego yubileya Rossijskoj Akademii nauk (iz dnevnika E. G. Ol’denburg)*. Publ. M.Yu. Sorokinoj//Istochnik. 1999. № 6. S. 28–41.

Organizaciya nauki (1968) v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1925). Sb. dok. L. Nauka. 1968.

Orel, V.M., Krivonosov, Yu. (2002), *Akademik N.I. Buharin – rol’ v preobrazovanii Akademii nauk (1929–1936)// ИИЕТ РАН. Godichnaya nauchnaya konferenciya 2002. M. 2002. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/orekr02i.htm>.*

Perchenok, F. F.(1995), «Delo Akademii nauk» i «velikij perelom» v sovetskoj nauke // *Tragicheskie sud’by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR*. M.: Nauka, 1995. S. 201–235.

Romanovskij, S.I. (2004), «Pritashchennaya nauka» SPb, Iz-vo SPbGU. 2004.

Romanovskij, S.I. (1981), *Aleksandr Petrovich Karpinskij. (1847–1936)*. L. 1981.

Romanovskij, S.I. (1999), *Nauka pod gnetom rossijskoj istorii*. SPb., 1999.

Sobolev, V.S. (2021), *A.P. Karpinskij – prezident Rossijskoj akademii nauk (K 175-letiyu so dnya rozhdeniya) // Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii. Materialy XLII Mezhdunarodnoj godichnoj konferencii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossijskogo nacional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki Rossijskoj akademii nauk (25–29 oktyabrya 2021 g.)*. SPb. 2021. Vyp. XXVII.

Tugarinov, I.A. (2015), *VARNITSO: zabytaya levaya organizaciya dlya intelligencii? (1927–1936)*. CH. 2 // *Risk. Prom. RF. [Elektronnyj resurs]*. URL: <http://riskprom.ru/publ/30–1–0–361>.

Tugarinov, I.A. (1990), *Istoriya VARNITSO ili kak lomali Akademiyu v god «velikogo pereloma»// Priroda*. 1990. № 7. S. 98.

Yanshina, F.T. (1993), *Neizvestnyj Vernadskij// Vestnik RAN*. 1993. № . 9. S. 825–826.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афиани Виталий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. Заместитель главного редактора журнала «Исторический архив», Москва, Россия; 119049, 1-й Спасоналивковский пер., д. 19, кв. 40, academ_archive@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly Yu. Afiani, Cand. of Sci. (History) associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 19, 40. 1 Spasonalivkovsky All, Moscow, Russia, 119049, academ_archive@mail.ru.

**«Советские ученые хорошо знают и ценят
Ваши исследования»: из писем советских историков
венгерскому византинисту Дюле Моравчику**

Михаил В. Ковалев

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,

kovalevmv@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4722-818X

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению контактов известного венгерского византиниста Дюля Моравчика (1892–1972) с советскими коллегами во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. В основу статьи положено изучение писем советских историков к своему коллеге, которые сохранились в Отделе рукописей и редких книг Библиотеки Венгерской академии наук. Сохранившиеся эпистолярные источники позволяют проследить систему интеллектуальных контактов Д. Моравчика, особенности развития советско-венгерских научных связей, узловые проблемы истории византийских исследований и др. Они показывают, что Д. Моравчик выступал сторонником развития и укрепления международных научных контактов, вне которых ему не мыслилось развитие византийских исследований. Идеологические барьеры не воспринимались им как препятствия, наука стояла для него на первом месте. В приложении публикуются избранные письма к Д. Моравчику от А.В. Банк, Б.Т. Горянова, Е.А. Косминского, В.Н. Лазарева, Г.Г. Литаврина, З.В. Удальцовой, В.С. Шандровской и др.*

Ключевые слова: *Д. Моравчик, историография, советско-венгерские научные связи, история византистики, эпистолярное наследие.*

Для цитирования: *Ковалев М.В. «Советские ученые хорошо знают и ценят Ваши исследования»: из писем советских историков венгерскому византинисту Дюле Моравчику // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 292–00. DOI: 10.25986/ISN.2023.91.56.012.*

**«Soviet scientists know and appreciate your research well»:
from the letters of Soviet historians to the Hungarian Byzantine
scholar Gyula Moravcsik**

Mikhail V. Kovalev

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

kovalevmv@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4722-818X

Abstract. *The article is devoted to analyze the contacts of the famous Hungarian Byzantine scholar Gyula Moravcsik (1892–1972) with his Soviet colleagues in the*

second half of the 1960s – early 1970s. The article is based on the study of letters from Soviet historians to Hungarian colleague, which are preserved in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Library of the Hungarian Academy of Sciences. The surviving epistolary sources make it possible to trace the system of intellectual contacts of Gy. Moravcsik, the peculiarities of the development of Soviet-Hungarian scientific ties, the key problems of the history of Byzantine studies, etc. These documents show that Gy. Moravcsik was a supporter of the development and strengthening of international scientific contacts, without which he could not imagine development Byzantine studies. Ideological barriers were not perceived by him as obstacles, science was in the first place for him. In the appendix were published selected letters to Gy. Moravcsik from A.V. Bank, B.T. Goryanov, E.A. Kosminsky, V.N. Lazarev, G.G. Litavrin, Z.V. Udaltsova, V.S. Shandrovskaya and others.

Key words: *Gy. Moravchik, historiography, Soviet-Hungarian scientific relations, history of Byzantine studies, block of correspondence.*

For citation: *Kovalev, M.V. (2023), «Soviet scientists know and appreciate your research well»: from the letters of Soviet historians to the Hungarian Byzantine scholar Gyula Moravcsik, Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 292–00. DOI: 10.25986/ISN.2023.91.56.012.*

Венгерский византист Дюла Моравчик (Moravcsik Gyula; 1892–1972) принадлежал к числу тех европейских ученых, кто на протяжении всей научной карьеры был связан многочисленными узлами с российской наукой. Интерес к России проявился у него еще в пору учебы в Будапештском университете в 1910–1914 гг.⁴¹³ Моравчик занялся изучением сведений о древних венграх в византийских источниках и естественно не мог обойти стороной российскую византиноведческую литературу. Однако живому знакомству с Россией способствовала, как ни парадоксально, Первая мировая война. Моравчик был призван в австро-венгерскую армию и в 1915 г. в Галиции попал в русский плен. Оттуда он был интернирован далеко на восток – в Красноярск.

Режим содержания военнопленных в Сибири был относительно мягким. Моравчик получил возможность использовать свободное время для изучения русского языка, чтения художественной и профессиональной литературы. Пребывание в сибирском плену не только не озлобило его, но превратило в горячего поклонника русской культуры и ее последовательного пропагандиста. Верным этой линии Моравчик будет оставаться всю свою жизнь, причем даже в самые мрачные и тяжелые исторические периоды. Труды российских ученых всегда были для Моравчика одним из главнейших источников вдохновения и новых идей. В письме к своему коллеге Александру Петровичу Калитинскому (1879–1946), археологу-эмигранту и главе Археологического института имени Н.П. Кондакова в Праге, в июне 1930 г. он признавался: «Так как я работаю на той области, на которой знание исследований русских ученых больше всего нужно, и

⁴¹³ О научной биографии Д. Моравчика и его вкладе в венгерскую историческую науку см. подробнее [Harmatta 1973; 1994; Olajos 2011; Ковалев 2021a; 2021b].

так как я во время моего пребывания в России в качестве военнопленного имел случай ознакомиться с трудами русского византиноведения, я связан узко с русской наукой»⁴¹⁴. Со своими российскими коллегами Моравчик общался и переписывался исключительно по-русски, лишь изредка переходя в письмах на французский или немецкий.

Свидетельства об обширных контактах Моравчика с российскими учеными сохранились в его личном фонде в Отделе рукописей и редких книг Библиотеки Венгерской академии наук. В основном речь идет о деловой переписке с коллегами, охватывающей период с 1920-х гг. по начало 1970-х гг. Если в межвоенный период корреспондентами Д. Моравчика были почти исключительно ученые-эмигранты, то после Второй мировой войны его контакты расширяются за счет советских коллег. Обзор связей венгерского ученого с советскими историками, отраженными в переписке, является целью настоящей публикации.

Сразу после окончания Второй мировой войны Моравчик активно включается в возобновление контактов со старыми коллегами, в том числе и с русскими. Так восстановилось его интенсивное общение с эмигрантом Георгием Александровичем Острогорским (1902–1976), которому в послевоенные годы предстояло стать одной из ключевых фигур югославского византиноведения. В одном из писем к Д. Моравчику Г.А. Острогорский написал: «Слышали ли Вы, что “Византийский Временник” снова начинает выходить в Москве?»⁴¹⁵ Упоминание «Византийского временника» не случайно. Вероятно, не без влияния Г.А. Острогорского, Д. Моравчик 1 марта 1946 г. отправил письмо в Москву на имя академика Евгения Алексеевича Косминского (1886–1959)⁴¹⁶, в котором предложил научное сотрудничество и запросил несколько советских изданий, давно интересовавших его. Косминский как раз возглавил группу по истории Византии при Институте истории АН СССР. Именно с этого эпизода начался новый этап развития научных контактов Моравчика, ориентированных на советских ученых.

Косминский ответил 12 июня 1946 г., высказав пожелание развивать связи и наладить обмен литературой. Одновременно он попросил Моравчика или кого-нибудь из его коллег написать для «Византийского временника» отчет о развитии византиноведения в Венгрии за последние 10 лет⁴¹⁷. Моравчик с энтузиазмом взялся за составление обзора и направил его в Москву. По мысли советского академика, подобные литературные обзоры должны содействовать развитию связей между учеными разных стран.

Пути взаимодействия с советскими учеными обсуждались в переписке Д. Моравчика с востоковедом Владимиром Федоровичем Минорским, жив-

⁴¹⁴ Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR. Fond «Archeologický institut N. P. Kondakova». KI-14, Moravcsik Gy., 1927–1943, 68, II.

⁴¹⁵ Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye, Gy. Moravcsik (далее – МТАК). Ms. 1233/704.

⁴¹⁶ К сожалению, в личном фонде Косминского в Архиве РАН писем от Моравчика не сохранилось. Об указанном письме мы узнаем из ответа советского академика от 12 июня 1946 г. (МТАК. Ms. 1233/536).

⁴¹⁷ МТАК. Ms. 1233/536.

шим и работавшим в Кембридже. В феврале 1948 г. В.Ф. Минорский предложил венгерскому коллеге свести его с Косминским, «очень любезным человеком», который трудился над продолжением печатания «Византийского временника»⁴¹⁸. Моравчик же сообщил, что уже находится в контакте с советским историком: «С профессором Косминским я уже в сношении, и я получил из Москвы новый том (XXVI) “Византийского временника”, о котором я и писал рецензию в наших журналах (по-венгерски и по-французски). Они скоро выйдут. Как мне писали, уже печатается XXVII том, в котором появится мой подробный обзор трудов венгерских византистов. Другой обзор должен появиться по-английски в IX.2 т. *Byzantinoslavica*, который выйдет в Праге через несколько месяцев»⁴¹⁹. Однако, если чехословацкий журнал «*Byzantinoslavica*» работу венгерского ученого напечатал, то «Византийский временник» нет. Византиноведение в СССР, едва начав возрождаться, получило серьезный идеологический удар [Иванов, с. 244–254, Тихонов 2016, с. 147–156]. В период «борьбы с космополитизмом» возобладал курс на национализацию науки. В этой системе координат международное научное сотрудничество было отгеснено на задворки. Вплоть до середины 1950-х годов в «Византийском временнике» не будет напечатано ни одной статьи зарубежного ученого, включая даже представителей социалистических стран. Оттого Острогорский писал Моравчику 26 января 1949 г.: «О “Византийском Временнике” и я не знаю ничего, кроме того, что его I т. подвергается в советских журналах жестокой критике»⁴²⁰.

Хотя Венгрия попала в сферу советского влияния, активные контакты Моравчика с советскими учеными смогут возобновиться лишь в годы Оттепели. 19 ноября 1955 г. после нескольких лет молчания в Будапешт будет направлено письмо от имени редакции «Византийского временника» и за подписью Косминского. В нем Моравчику вновь предложат публиковать свои работы в советском журнале. В письме был упомянут визит в Москву венгерского академика Эрика Мольнара в 1955 г., который рассказал советским коллегам об исследованиях по истории борьбы венгров с турками. По всей видимости, именно этот визит послужил стимулом к возобновлению связей с Моравчиком. Косминский написал ему: «Советские ученые хорошо знают и ценят Ваши исследования в области византиноведения и хотят установить с Вами непосредственный научный контакт в области обмена научной информацией и научными трудами. Будем весьма признательны, если Вы, кроме того, выясните, кто из других венгерских византистов, Ваших коллег и учеников, может прислать в ближайшее время статьи в “Византийский Временник” и сообщить нам о тематике их работ»⁴²¹.

Возвращение советского византиноведения на международную арену послужило важным сигналом для Моравчика. В конце 1955 г. он отправил в Институт истории АН СССР письмо и оттиски своих работ. В ответ он получил благодарственное сообщение от Зинаиды Владимировны Удальцовой (1918–1987), заверившей в необходимости развития научных

⁴¹⁸ МТАК. Ms. 1233/670.

⁴¹⁹ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 702. Л. 3.

⁴²⁰ МТАК. Ms. 1233/714.

⁴²¹ МТАК. Ms. 1233/535.

связей⁴²². У Д. Моравчика и Удальцовой установилась регулярная переписка. К 1950-м гг. относится и несколько сохранившихся в архиве писем от Александра Петровича Каждана (1922–1997), считавшего Д. Моравчика «одним из крупнейших современных византинистов» [Каждан 1959, с. 217].

В 1950-е гг. труды Моравчика начали рецензировать в советских изданиях. Так, в 1956 г. на немецком языке вышла небольшая по объему, но глубокая по содержанию брошюра Моравчика «Византийская культура и средневековая Венгрия» [Moravcsik 1956]. Автор вскоре послал ее Борису Тимофеевичу Горянову (1897–1977), с которым был знаком по переписке с конца 1940-х годов⁴²³. Советский ученый ответил на нее позитивной рецензией [Горянов 1957, с. 326–329].

Первая личная встреча Моравчика с советскими историками состоялась в Мюнхене, где 15–20 сентября 1958 г. проходил XI Международный конгресс византинистов. Советскую науку представляли З.В. Удальцова и Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970). К трудам последней он всегда относился с большим уважением, отмечая высокий профессионализм и оригинальность исследовательской тематики. Эпистолярное общение между ними установилось, вероятно, в начале 1955 г., свидетельством чего является благодарственная записка Моравчика за присылку научных трудов⁴²⁴, положившая начало книгообмену⁴²⁵. Обмен информацией будет усиливаться близостью научной проблематики, сконцентрированной вокруг взаимоотношений Византии с Востоком. Личное знакомство в Мюнхене эти контакты однозначно усилило. В конце декабря 1958 г. Пигулевская отправила в Будапешт две посылки со своими трудами⁴²⁶. Она откликнулась прекрасной рецензией на второе издание «Vuzantinoturcsica», которое назвала выдающимся событием в научной жизни.

Для советских ученых Моравчик был важным звеном в узнавании венгерской исторической науки. Нередко к нему обращались за библиографическими консультациями, как, например, гебраист Иосиф Давидович Амусин (1910–1984) в феврале 1956 г., интересовавшийся изучением в Венгрии Ветхого Завета и легенды об Аврааме⁴²⁷. Осенью 1965 г. Елена Чеславовна Скржинская (1868–1932) консультировалась у Моравчика относительно этимологии слова «половцы», в частности, можно ли ассоциировать с ними «Falones» из хроники Оттона Фрейзингенского⁴²⁸. Одновременно советские ученые стремились познакомить Д. Моравчика со своими исследованиями, присылали ему свои книги и статьи. Например, в мае 1968 г. Зинаида Гавриловна Самодурова (1931–2001) отправила в Будапешт автореферат своей кандидатской диссертации «Малые византийские хроники и их культурно-историческое значение»⁴²⁹.

⁴²² МТАК. Ms. 1233/852.

⁴²³ МТАК. Ms. 1233/274.

⁴²⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

⁴²⁵ МТАК. Ms. 1233/738.

⁴²⁶ ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 3, 5.

⁴²⁷ МТАК. Ms. 1233/16.

⁴²⁸ МТАК. Ms. 1233/820.

⁴²⁹ МТАК. Ms. 2456/25.

В августе 1960 г. Д. Моравчик посетил Москву, где принял участие в заседаниях 25-го Международного конгресса востоковедов. Он воспользовался представленной возможностью и поехал также Ленинград. Поездка в СССР дала Моравчику возможность завести новые личные знакомства, как, например, с сотрудницами Государственного Эрмитажа Алисой Владимировной Банк (1906–1986)⁴³⁰ и Валентиной Самойловной Шандровской (1922–2017).

Моравчик не только встречался с советскими и русскими коллегами на международных конгрессах и конференциях, но и принимал их в Будапеште. Летом 1959 г. туда приезжал Геннадий Григорьевич Литаврин (1935–2009) с целью изучения греческих рукописей: «До сих пор с удовольствием вспоминаю (и буду вспоминать всегда) о встречах с Вами в Будапеште. Те издания, который я имел возможность прочесть благодаря Вам, оказались мне очень полезными – лишь теперь, когда я вернулся к своей работе, мне стало это понятно в полной мере. Еще раз большое спасибо за Вашу помощь»⁴³¹. Теплые воспоминания о встрече сохранил Виктор Никитич Лазарев (1897–1976), посетивший Венгрию осенью 1962 г. Вернувшись в Москву, он написал Моравчику и его семье благодарность за теплый прием: «Мне было очень приятно тот вечер, который я провел в Вашем гостеприимном доме»⁴³².

На протяжении жизни Моравчик сформировал обширную сеть международных научных контактов, в которых российский и советским ученым было отведено особое и чрезвычайно важное место. Отношение венгерского византиста к русской и советской науке всегда определялось глубоким вниманием, интересом и уважением, невзирая на политические перипетии. Послевоенный период был отмечен высокой плотностью контактов Моравчика с советскими коллегами, что отчасти было связано с конструированием официальных советско-венгерских научных связей. Моравчик выступал горячим поборником международных научных контактов, вне которых ему не мыслилось развитие византийских исследований. Идеологические барьеры не воспринимались им как препятствия, наука стояла для него на первом месте. Сохранившаяся переписка Д. Моравчика с советскими историками во многом подтверждает этот тезис.

Многочисленные письма к Д. Моравчику из СССР выявлены в его личном фонде в Отделе рукописей и редких книг Библиотеки Венгерской академии наук. Среди корреспондентов ученого – А.В. Банк, Б.Т. Горянов, А.П. Каздан, Е.А. Косминский, В.Н. Лазарев, Г.Г. Литаврин, К.А. Осипова, В.Т. Пашуто, Н.В. Пигулевская, З.Г. Самодурова, З.В. Удальцова, Е.Ч. Скржинская, Б.Л. Фонкич, В.С. Шандровская и др. Содержание писем и характер обсуждаемых в них вопросов показывает, что далеко не все послания от советских корреспондентов сохранились. Вся известная переписка Д. Моравчика с советскими коллегами носит сугубо деловой характер, хотя иногда в ней проскальзывают сюжеты из частной жизни.

⁴³⁰ МТАК. Ms. 1233/31.

⁴³¹ МТАК. Ms. 1233/632.

⁴³² МТАК. Ms. 1233/613.

В приложении к статье публикуются избранные письма к Д. Моравчику от советских коллег, хронологически охватывающие период со второй половины 1940-х гг. по конец 1960-х гг. Представленные документы демонстрируют широту контактов Д. Моравчика с коллегами и одновременно их научную глубину. Это лишь первый шаг на пути публикации богатого эпистолярного наследия венгерского ученого, который, несомненно, будет продолжен. Введение в научный оборот новых архивных материалов позволит расширить представления не только об истории российско-венгерских научных связей, но и о развитии византистики, о международных интеллектуальных связях в условиях глубоких общественно-политических трансформаций.

Все письма публикуются с сохранением авторской стилистики и орфографии. Сохраняются и специально не оговариваются подчеркивания в тексте, а также выделения слов строчными буквами. Письма снабжены научными комментариями, сокращения отдельных слов расшифрованы в квадратных скобках.

Автор выражает сердечную благодарность за помощь в сборе материала и неизменно доброе отношение заведующему Отделом редких книг и рукописей Библиотеки Венгерской академии наук доктору Анталу Бабушу. Без его дружеского участия представленная статья не могла бы быть написана.

Е.А. Косминский – Д. Моравчику, 12 июня 1946 г.

12 июня 1946 г.

Институт греческой филологии Университета в Будапеште
Профессору Д. Моравчику

Многоуважаемый профессор!

Мы получили Ваше письмо от 1 марта с[его] г[ода]. Очень благодарны Вам за высылку изданных Вашим Институтом «Венгро-греческих исследований». Когда мы их получим, мы сможем дать об этом издании реферат в «Византийском Временнике».

Из просимых Вами книг одновременно с этим посылаем Вам работу проф[ессора] М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону»⁴³³. Другие две книги, которые Вы просили⁴³⁴, будут Вам высланы, как только наша библиотека достанет дублиеты по сделанному нами заказу. Сообщите нам, какие тома старой серии «Византийского Временника» Вас интересуют. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы прислали для опубликования в «Византийском Временнике» составленный Вами или

⁴³³ Имеется в виду работа: [Артамонов 1935]. Интересно, что еще в мае 1939 г. Д. Моравчик осведомлялся у русского историка-эмигранта Д.А. Расовского: нет ли в библиотеке Археологического института имени Н.П. Кондакова этой книги (Oddělení dokumentace, Ústav dějin umění Akademie věd České republiky. Fond «Archeologický institut N.P. Kondakova». KI-14. Moravcsik Gy.

⁴³⁴ Как уже было сказано, в личном фонде Е.А. Косминского писем от Д. Моравчика обнаружить не удалось. Потому осталось неясным, какие именно книги он запрашивал в Москве.

кем-либо из Ваших сотрудников обзор публикаций и исследований по всем отраслям византиноведения, изданных в Венгрии за последние 10 лет.

Мы надеемся и впредь получать от Вас издания в области византиноведения.

Пишите нам по адресу: Москва, Волхонка, 14, Институт Истории Академии Наук СССР, Редакции «Византийского Временника».

С совершенным почтением,

Отв[етственный] редактор «Византийского Временника», член-корреспондент АН СССР Е.А. Косминский

P.S. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы могли прислать нам недошедшую до нас книгу: Stein, Untersuchungen zur spätbyzantinischen Wirtschaftsgeschichte, напечатанную в Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, 2 (1925–1927)⁴³⁵.

Ms. 1223/536. Машинопись на бланке Института истории АН СССР.

Е.А. Косминский – Д. Моравчику, 22 сентября 1946 г.

22 сентября 1947 г.

Будапешт

Институту греческой филологии при Будапештском университете
Члену Венгерской Академии Наук, проф[ессору] Г. Моравчику⁴³⁶

Многоуважаемый профессор,

Не получая от Вас ответа в течение длительного времени, мы предполагаем, что Вы не получили нашего письма, которое мы Вам отправили уже очень давно. Поэтому мы решили снова написать Вам и повторить содержание предыдущего письма.

Мы получили Ваш большой обзор трудов венгерских византинистов по истории, языкознанию и археологии за что выражаем Вам глубокую признательность. Этот обзор представляет для нас большой интерес, так как дает нам представление о большой научно-исследовательской работе, которую ведут венгерские ученые в области византиноведения. Подобные обзоры содействуют установлению взаимных связей между византинистами различных стран и содействует дальнейшему развитию византиноведения, имеющего такое большое значение для изучения истории Вашей и нашей стран. О работе венгерских ученых в этой области свидетельствуют также присланные Вами книги, в том числе Ваш большой двухтомный труд «Byzantinoturcica»⁴³⁷, являющийся большим вкладом в науку.

⁴³⁵ Имеется в виду исследование: [Stein 1925, p. 1–62].

⁴³⁶ В некоторых письмах Е.А. Косминский сокращал инициалы профессора Моравчика до «Г. Моравчик», хотя это явная ошибка. Причиной, вероятно, могло быть оригинальное написание имени ученого – Gyula. У не знающего венгерского языка Косминского могло возникнуть ощущение, что первая буква имени зарубежного коллеги может транслитерироваться на русский язык как «Г». Между тем по правилам, венгерская буква «Gu» должна передаваться на русский как мягкая «Д».

⁴³⁷ Первое издание этого труда вышло в 1942–1943 гг. в Будапеште [Moravcsik 1942; 1943].

Мы Вам отправили «Византийский сборник», вышедший в 1945 году. Одновременно с этим высылаем Вам I (XXVI) том восстановленного «Византийского Временника». Мы охотно в дальнейшем будем высылать Вам наши издания по византиноведению.

Присланный Вами обзор будет напечатан во II (XXVI) томе «Византийского Временника», который выйдет в свет в первой половине 1948 года.

Мы выражаем надежду, что и в дальнейшем мы будем обмениваться информацией о работах наших ученых в области византиноведения.

Примите уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Руководитель группы истории

Византии Института Истории

Академии Наук СССР, академик Е.А. Косминский

Ms. 1233/537. Машинопись.

Е.А. Косминский – Д. Моравчику, 12 ноября 1947 г.

12 ноября 1947 г.

БУДАПЕШТ

ИНСТИТУТ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПРОФЕССОРУ ДЮЛА МОРАВЧИК⁴³⁸

Многоуважаемый профессор,

мы получили Ваше письмо от 5 октября с[его] г[ода] и очень рады, что у нас возобновилась связь, временно прерванная из-за неполучения Вами нашего письма. Надеюсь, что Вы уже получили I (XXVI) том восстановленного «Византийского Временника», и что он получит отзывы на страницах венгерской научной печати.

Корректурные листы нам вряд ли удастся послать Вам, потому что почта обращается довольно медленно, и такая посылка корректуры сильно задержала бы производственные процессы по изданию II (XXVII) тома. Кроме того, вставлять новый материал в гранки мы не можем по правилам нашего издательства. Если у Вас имеются новые издания в области византиноведения, Вы можете дать о них новый обзор, и мы с удовольствием напечатаем его в III (XXVIII) томе. Материал для 'того тома мы должны получить не позднее первой половины декабря с[его] г[ода].

Все Ваши рецензии на «Византийский Сборник» мы получили и очень Вас благодарим за то, что Вы знакомите венгерских ученых и ученых Запада вообще с работами советских византинистов. «История Византии» проф[ессора] М.В. Левченко⁴³⁹ уже давно разошлась, и купить ее сейчас невозможно. Мы снова запросили Фундаментальную Библиотеку Академии

⁴³⁸ Так в тексте, вместо «профессору Дюле Моравчику».

⁴³⁹ Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955) – советский византинист, профессор, доктор исторических наук. Имеется в виду его книга «История Византии: Краткий очерк» [Левченко 1940].

Наук СССР, и если они найдут лишний экземпляр этой книги в своих фондах, мы Вам его с удовольствием вышлем.

Мы также выражаем надежду на то, что обмен информацией между нашими Институтами о состоянии научной работы в области византиноведения будет и дальше расширяться и будет содействовать дальнейшим успехам византиноведения.

Примите уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Руководитель Группы по истории Византии

Института Истории Академии наук СССР,

отв[етственный] редактор

«Византийского Временника», Е.А. Косминский

академик

Ms. 1233/538. Машинопись на бланке Института истории АН СССР

Е.А. Косминский – Д. Моравчику, 19 ноября 1955 г.

ВЕНГЕРСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

АКАДЕМИЯ НАУК

Профессору Г. МОРАВЧИКУ

Глубокоуважаемый профессор!

Редакционная коллегия «Византийского Временника» обращается к Вам с предложением публиковать Ваши статьи и исследования в этом журнале.

Особый интерес для нас имеют статьи по социально-экономической истории Византии и сопредельных с ней стран. Однако, весьма охотно мы будем публиковать и работы по политической истории Византии, по вопросам идеологии, культуры и искусству византийского общества, по греческой филологии, палеографии, нумизматике, сфрагистике и др. вопросам. Значительный интерес для нас представляют также работы по истории международных связей Византии со странами Юго-Восточной Европы, в частности, с Венгрией. Из разговоров с академиком Мольнаром⁴⁴⁰, посетившим нашу страну, мы узнали, что венгерские ученые занимаются также и вопросом борьбы венгерского народа против турецкого завоевания и готовят работы на эту тему. Для нас было бы весьма желательна публикация в «Византийском Временнике» статей, посвященных этой тематике.

Советские ученые хорошо знают и ценят Ваши исследования в области византиноведения и хотят установить с Вами непосредственный научный контакт в области обмена научной информацией и научными трудами. Будем Вам весьма признательны, если Вы, кроме того, выясните кто из других венгерских византинистов, Ваших коллег и учеников, может прислать в ближайшее время статьи в «Византийский Временник» и сообщить нам о тематике их работ.

⁴⁴⁰ Мольнар Эрик (венг. Molnár Erik; 1894–1966) – венгерский историк, общественный и политический деятель, министр иностранных дел в 1947–1948 гг. и в 1952–1953 гг., академик Венгерской академии наук.

Если Вы сочтете возможным сотрудничать в нашем журнале, то просим скорее об этом сообщить и присылать Ваши работы для опубликования в ближайших томах «Византийского Временника».

С глубоким уважением и дружеским приветом,
Ответственный редактор «Византийского Временника»

Академик Е.А. Косминский

19/XI – [19]55 г.

Ms. 1233/535. Машинопись.

З.В. Удальцова – Д. Моравчику, 25 января 1956 г.

Глубокоуважаемый академик МОРАВЧИК!

Ваше любезное письмо и оттиски Ваших работ получила и очень Вам за них благодарна. Мы, советские византилисты, от души желаем установить с венгерскими учеными тесный научный контакт и самые дружеские отношения. Мы были бы очень рады, если бы Вы посетили нашу страну. Личное знакомство с Вами, с крупнейшим венгерским византистом, конечно, содействовало бы дальнейшему укреплению научных связей между учеными наших стран.

Желаю Вам успешного завершения Вашего большого труда, который мы высоко ценим. Надеюсь, что после окончания работы над ним Вы сможете написать какую-либо статью для «Византийского Временника».

Передайте мой сердечный привет и наилучшие желания всем венгерским византистам.

Все мои коллеги шлют Вам свой привет.

С глубоким уважением

З. Удальцова

25.1.1956 г.

Ms. 1233/852. Машинопись.

З.В. Удальцова – Д. Моравчику, 14 февраля 1956 г.

Глубокоуважаемый академик Моравчик!

Ваше письмо и оттиски Ваших работ я получила и очень Вам за них благодарна. Очень сожалею о том, что Вы сейчас не можете написать для нас статью. Однако мы не теряем надежды установить с Вами и другими венгерскими византистами самый тесный научный контакт. Мы с большим удовольствием могли бы поместить рецензию в нашем журнале на 2-ое издание Вашей книги «Византиногуркика». Наши крупнейшие специалисты очень заинтересованы этой книгой и с нетерпением ждут ее выхода в свет. Надеюсь, мы ее получим вскоре после напечатания и сможем откликнуться на ее появление в нашем журнале.

По окончании этой большой работы, надеюсь, Вы будете столь любезны, что не откажетесь написать статью для «Византийского Временника».

Шлю Вам самые наилучшие пожелания успеха в Вашей работе.

Прошу передать мой привет всем венгерским византистам.

С искренним уважением

З.Удальцова.

14/II–[19]56 г.

Ms. 1233/853. Машинопись.

А.Д. Амусин – Д. Моравчику, 15 февраля 1956 г.

Профессору Г. Моравчику

Будапешт 62, Postafiók 440

Глубокоуважаемый профессор!

Из Вашей интересной статьи Dix Années de Philologie classique Hongroise (1945–1954) в Acta Antiqua, t. III (1955)⁴⁴¹ я узнал о ведущихся у Вас исследованиях, касающихся «...les bases sociales des mythes de l’Ancien Testament et de la légende d’Abraham»⁴⁴² (стр. 196).

Я буду Вам очень признателен за сообщение, напечатаны ли эти исследования и где именно напечатаны.

С глубоким уважением и сердечным приветом заранее благодарный

Доцент И.Д. Амусин.

15/II – 1956.

Ленинград, 53

В[асильевский] О[стров], Тучков пер., II/5, кв. 25а.

Ms. 1233/16. Машинопись.

З.В. Удальцова – Д. Моравчику, 15 марта 1956 г.

Москва, 15 марта 1956 г.

Глубокоуважаемый академик МОРАВЧИК!

Вчера получила Ваше любезное письмо от 5 марта и очень Вам за него благодарна. Очень рада, что некоторое мои наблюдения о византиноведческом конгрессе и его тематике, высказанные в моем отчете о поездке в Стамбул, нашли у Вас положительный отклик.

Посылаю Вам свой доклад на конгрессе и буду счастлива, если он принесет какую-либо пользу в отношении ознакомления венгерских ученых с трудами советских византинистов. Буду Вам весьма признательна, если Вы пришлете мне свой ценный труд – новое издание Константина Багрянородного. В свою очередь я пришло Вам новые тома «Византийского Временника» (VIII и IX), которые в ближайшее время должны выйти в свет.

С нетерпением будем ждать появления Вашего чрезвычайно интересно и ценного труда «Byzantinoturcica» и надеемся на Ваше сотрудничество в «Византийском Временнике».

Шлю Вам самые наилучшие пожелания и прежде всего пожелания здоровья и успехов в Вашей плодотворной научной работе.

⁴⁴¹ Имеется в виду статья: [Moravcsik 1955, p. 191–209].

⁴⁴² «Социальные основы ветхозаветных мифов и легенды об Аврааме» (франц.). Моравчик, действительно, не указывает в своем обзоре, какие конкретно работы имеются в виду.

С искренним уважением
З. Удальцова
Ms. 1233/854. Машинопись.

З.В. Удальцова – Д. Моравчику, 7 октября 1956 г.

Москва, 7 октября, 1956 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Дьюла Дьюлович!

Ваше любезное письмо получила и сердечно благодарю Вас за дружеские чувства и внимание.

Надеюсь, что Вы скоро закончите свой большой труд и тогда напишите статью для нашего «Византийского Временника». Мне так хотелось бы опубликовать ее в очередном томе нашего журнала! Но, увы, я понимаю, что Вы сейчас заняты и буду терпеливо ждать, когда у Вас найдется время написать для нас.

Перевод «De adm[inistrando] imp[erio]» Константина Багрянородного сейчас окончательно проверяется, и мы надеемся после завершения проверки прислать его Вам.

С академиком Э. Мольнаром мы вели переписку относительно совместного издания хроники Туроца⁴⁴³. Я думаю, что издание перевода этой хроники будет очень полезным⁴⁴⁴. Я сама немного занималась этим периодом и знакома с хроникой Туроца и считаю ее ценным источником. Надеюсь, что наша работа по совместному изданию серии памятников будет весьма плодотворна и будет способствовать дальнейшему развитию и укреплению дружбы между венгерскими и советскими учеными.

Я сейчас много работаю. Надеюсь в начале будущего года закончить свою монографию, о которой я Вам писала.

Подготовка очередных томов «Византийского Временника» тоже, конечно, требует много сил и внимания.

Недавно мы решили для расширения наших научных связей публиковать в нашем журнале краткое резюме на французском языке всех статей в нем публикуемых.

Я думаю, что это поможет зарубежным ученым, которые не знают русского языка, лучше познакомиться с «Византийским Временником». Нас очень интересуют хроникальные заметки о научной жизни в странах народной демократии, и особенно в Вашей стране. Я была бы Вам очень признательна, если бы Вы поручили кому-либо из Ваших коллег написать обзор новейших работ венгерских ученых по византиноведению, и кроме того, краткую заметку о научных докладах, дискуссиях, сессиях, которые происходили у Вас за последние годы (конечно, в области византиноведения или средневековой истории Венгрии). Буду Вам крайне признательна.

Шлю Вам и всем Вашим коллегам мои наилучшие пожелания.

⁴⁴³ З.В. Удальцова неверно передает имя венгерского хрониста. Правильно: Туроци Янош (венг.: Turóczy János; 1435–1489). Он являлся автором «Хроники венгров» (Chronica Hungarorum), которая была создана в 1486–1488 гг. и представляла собой изложение венгерской истории от древности до современной автору эпохи.

⁴⁴⁴ Советско-венгерский проект по изданию указанной хроники в итоге не состоялся.

С глубоким уважением
З. Удальцова
Ms. 1233/855. I–II. Машинопись.

З.В. Удальцова – Д. Моравчику, 1 февраля 1957 г.

Москва, 1 февраля 1957 г.
Глубокоуважаемый профессор!

У нас случился некоторый перерыв в переписке, но теперь я надеюсь, что наш научные связи возобновятся. Обращаюсь к Вам с просьбой сообщить нам точно срок, когда Вы могли бы приступить к редактированию перевода Константина Порфирородного, о чем мы с Вами раньше договаривались. Нам очень хотелось бы приступить к этой работе.

Сейчас мы готовим к печати XIV том «Византийского Временника» и будем Вам признательны, если Вы пришлете нам статью для этого тома. Мы его думаем сдать в печать в марте этого года.

Как Вы себя чувствуете? Как Ваша работа? Прощу передать мой сердечный привет Вашей супруге и всем Вашим коллегам.

С глубоким уважением
З. Удальцова
Ms. 1233/856. Машинопись.

Б.Т. Горянов – Д. Моравчику, конец 1957 г.⁴⁴⁵
Академику, профессору
Дьюле Моравчику

Глубокоуважаемый коллега,

Имею честь послать Вам напечатанную в 12-ом томе «Византийского Временника» мою рецензию на Вашу работу⁴⁴⁶, которую Вы мне в свое время любезно прислали.

Мы все не оставили мысли о том, что мне с Вами удастся издать на русском перевод «De administrando imperio». В основу издания мы хотим положить текст Вашего критического издания. Русский перевод я уже давно закончил и много сделал для комментария, но без Вашей помощи я не мыслю себе этой публикации, хотя и понимаю, что Вы сейчас не можете вплотную заняться этим изданием, пока не подготовите 2-го издания «Byzantinoturcica»⁴⁴⁷.

Меня также задерживала в этой работе подготовка к печати моей монографии «Поздневизантийский феодализм (XIII–XV вв.)»⁴⁴⁸. Но сейчас я уже сдал эту книгу в издательство и могу заняться и другими делами.

Я буду очень рад, если Вы откликнитесь на мое письмо.

⁴⁴⁵ Датировано по содержанию.

⁴⁴⁶ Речь идет о рецензии: [Горянов 1957, с. 326–329].

⁴⁴⁷ Второе издание вышло в 1958 г. в Берлине [Moravcsik 1958].

⁴⁴⁸ Имеется в виду книга: [Горянов 1962].

Пользуясь случаем, я от всей души поздравляю Вас с наступающим Новым Годом, желаю сил, здоровья и многих творческих успехов.

εἰς πολλὰ ἔτη⁴⁴⁹

Искренне Ваш

Б. Горянов

Горянов Борис Тимофеевич,

Москва, Г-34

Померанцев пер., 5, кв. 1

Ms. 1233/274. Автограф.

Б.Т. Горянов – Д. Моравчику, 24 февраля 1958 г.

Москва, 24 февраля 1958

Академику Дьюле Моравчику

Глубокоуважаемый коллега,
я получил Ваше письмо от 1-го февраля и очень Вам благодарен за проявленное Вами внимание.

Новый XIII том «Византийского Временника» в ближайшие дни поступит в продажу, и тогда мы вышлем Вам экземпляр.

Поскольку Вашими сотрудниками под Вашим руководством готовится комментарий к трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей» конечно, было бы весьма целесообразно использовать его в аппарате к моему переводу, который готовится мною совместно с другими научными сотрудниками.

Мы все понимаем, какой большой труд должен быть вложен Вами в подготовку нового издания «Byzantinoturcica» и ждем с нетерпением появления его в свет.

Московские византилисты благодарят Вас за Ваш привет и вместе со мною шлют Вам самые сердечные приветы и пожелания новых больших успехов в Вашей научной деятельности.

Искренно Ваш Б.Т. Горянов

Ms. 1233/275. Машинопись.

*Г.Г. Литаврин – Д. Моравчику, август 1959 г.*⁴⁵⁰

Дорогой профессор,

Извините за долгое молчание, но только теперь мне удалось сделать заказанные Вами фото двух листов (recto) Летовника (Издания Об[щест]ва

⁴⁴⁹ «Многие лета», «даруй долгую жизнь» (греч.) – слова из православного песнопения, восходящего к традиции византийских аккламаций (приветствий в честь императора и патриарха). «Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα» (Ис полла эти, дэспота) – то есть, «Многие лета, владыко!»

⁴⁵⁰ Датировано по содержанию.

любителей древней письменности), которые и высылаю одновременно с этим письмом.

До сих пор с удовольствием вспоминаю (и буду вспоминать всегда) о встречах с Вами в Будапеште. Те издания, которые я имел возможность прочесть благодаря Вам, оказались мне очень полезными – лишь теперь, когда я вернулся к своей работе, мне стало это понятно в полной мере. Еще раз большое спасибо за Вашу помощь.

В настоящее время заканчиваю обработку материалов, привезенных мною из Венгрии, и надеюсь, что моя работа о Болгарии XI–XII вв. выйдет во второй половине следующего года. Со дня на день ожидаем появления в продаже XV т. «Византийского временника». Как только это случится, будем рады немедленно переслать его Вам. Одновременно идет корректура XVI т., выход которого ожидается в ноябре.

Как Вы, очевидно, уже знаете, нас постигла тяжелая утрата. Скоропостижно, в разгаре работы над второй крупной монографией по истории Англии, 24 июля скончался Евгений Алексеевич Косминский. Это неожиданная для всех смерть нашего руководителя и учителя выбила нас на некоторое время из колеи.

Сейчас сотрудники сектора, в своем большинстве, в отпуске (З.В. Удальцова, А.П. Каждан, К.А. Осипова⁴⁵¹, Р.А. Наследова⁴⁵²), так что если у Вас будет какая-либо необходимость, пишите на мое имя.

Еще раз напоминаю Вам об обещании прислать статью для «Византийского временника».

Передайте мой привет и самые наилучшие пожелания Вашей жене и дочери за тот дружеский прием, который они мне оказали. Привет также моему любезному гиду Сепешши Тибору.

С глубоким уважением и признательностью,

Ваш Литаврин

Ms. 1233/632. Машинопись.

Н.В. Пигулевская – Д. Моравчику, 25 сентября 1960 г.

25.9.1960.

Глубокоуважаемый и дорогой академик Моравчик,

Сердечно благодарю Вас за внимание, Ваше доброе письмо, за чудесный подарок – Ваше издание «De administrando imperio» Константина Порфирогенита⁴⁵³.

С чувством большой радости я вспоминаю Ваше пребывание в Москве, заседания секции, наши беседы.

Прошу Вас передать мой сердечный привет Вашей милой дочери, которая меня совершенно очаровала.

⁴⁵¹ Осипова Кира Александровна (1925–1988) – специалист в области аграрной истории Византии, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, затем – Института всеобщей истории АН СССР.

⁴⁵² Наследова Раиса Анатольевна – научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, секретарь редколлегии «Византийского временника» в 1962–1987 гг.

⁴⁵³ Речь идет о первом издании 1949 г. [Constantine Porphyrogenitus 1949].

Примите мои лучшие пожелания.
Ваша Н. Пигулевская
Ms. 1233/739. Автограф.

Б.Т. Горянов – Д. Моравчику, 25 июня 1962 г.

25 июня 1962
Ленинград, Д-194
улица Чайковского,
д. 38/9, кв. 20
Борис ГОРЯНОВ

Глубокоуважаемый коллега,
профессор Дьюла Моравчик,

я вернулся на днях из Москвы, куда на мой прежний адрес Вы любезно прислали список Ваших трудов, составленный проф[ессором] Р. Бенедикти и напечатанный в «Acta Antiqua A[cademiae] S[cientiarum] H[ungaricae]», t. X, fasc. 1–3 [Benedicty 1962, p. 295–313], а также оттиск Вашей статьи «Византийские императоры и их послы в г. Буда», из «Acta Historica», vol. VIII, No. 3–4 [Моравчик 1961, с. 239–256].

Мне очень приятно, что Вы вспомнили обо мне. Глубоко сожалею, что я только *post-factum* узнал о Вашем юбилее, сожалею о том, что, таким образом, не мог принять участие в посвященном Вам сборнике статей, о выходе в свет которого я узнал только тогда, когда вернувшись из Москвы, я получил от Н.В. Пигулевской оттиск ее статьи из этого сборника.

Если Вы не забыли, я писал Вам в 1948–1949 годах что я перевел на русский язык трактат «De administrando imperio» Константина Багрянородного. Тогда же между Вами и покойным академиком Е.А. Косминским велась переписка по вопросу о моем участии в совместной подготовке комментария к моему переводу, первому полному переводу этого трактата на русский язык. Впоследствии эта переписка прекратилась по независящим от меня обстоятельствам. Тем не менее я не оставлял мысли о подготовке издания моего перевода. Конечно, после выхода в свет в Лондоне комментария к трактату «De adm[inistrando] imperio»⁴⁵⁴, составленному Вами, Ф. Дворником⁴⁵⁵, Г. Дженкинсом⁴⁵⁶, Б. Льюис⁴⁵⁷, Д. Оболенским⁴⁵⁸ и С. Ренсименом⁴⁵⁹, харак-

⁴⁵⁴ Комментарий был издан в Лондоне в 1962 г. [Constantine Porphyrogenitus 1962].

⁴⁵⁵ Дворник Франтишек (Френсис) (чеш.: František Dvorník; англ.: Francis Dvornik; 1893 – 1975) – чехословацкий и американский византист и славист, профессор Карлова университета в Праге и Гарвардского университета.

⁴⁵⁶ Дженкинс Ромилли (англ.: Romilly James Heald Jenkins; 1907–1969) – британский византист, профессор Королевского колледжа Лондона.

⁴⁵⁷ Льюис Бернард (англ.: Bernard Lewis; 1916–2018) – британский и американский историк, специалист по истории Ближнего Востока, исламовед, профессор Принстонского университета.

⁴⁵⁸ Сэр Оболенский Дмитрий Дмитриевич (англ.: Sir Dimitri Dimitrievich Obolensky; 1918–2001) – британский историк русского происхождения, автор многочисленных исследований по истории Византии, член Британской академии, иностранный член РАН.

⁴⁵⁹ Сэр Джеймс Кокран Стивенсон Рансимен (англ.: James Cochran Stevenson Runciman; 1903–2000) – британский византист и балканист.

тер моей работы над этим трактатом должен резко измениться. Я намерен теперь издать мой перевод вместе со вступительной статьей и обширными примечаниями, как учебное пособие для студентов и аспирантов исторических факультетов. Но я не имею Вашего комментария и был бы Вам очень благодарен, если бы Вы его прислали мне.

Когда я был в Москве, я подписал к печати корректурные листы уже сверстанной в типографии моей книги «Поздневизантийский феодализм». Книга эта выйдет в свет в сентябре–октябре этого года и, конечно, я пришлю ее Вам в первую очередь. Я надеюсь, что Вы найдете время прочесть эту книгу и откликнетесь на нее рецензией в каком-либо международном византиноведческом журнале. Рецензии на эту мою книгу обещали также написать профессора Йоганнес Ирмшер⁴⁶⁰ (ГДР), А.В. Соловьев⁴⁶¹ (Швейцария), Димитр Ангелов⁴⁶² (Болгария) и другие византинисты.

Книга «Поздневизантийский феодализм» была мною закончена в 1954 году. За последующие годы я написал другую монографию, которую я называю «Поздневизантийский гуманизм». Эту книгу я рассчитываю подготовить к печати к концу 1962 года⁴⁶³.

Я живу теперь в Ленинграде, работаю в Ленинградском Отделении Института истории АН СССР⁴⁶⁴. Поэтому я прошу Вас в дальнейшем писать мне по адресу, указанному в заголовке письма. Я надеюсь, что наша переписка возобновится и будет способствовать взаимному ознакомлению с планами наших научно-исследовательских работ и публикаторской деятельности.

С искренним уважением и лучшими пожеланиями

Ваш Б. Горянов

Ms. 1233/276. I–II. Машинопись.

В.Н. Лазарев – Д. Моравчику, 15 октября 1962 г.

15/X – [19]62

Глубокоуважаемый коллега,

Вернувшись в Москву, я хотел бы принести мою глубокую благодарность Вам и всей Вашей семье за дружеский прием.

Мне был очень приятен тот вечер, который я провел в Вашем гостеприимном доме.

⁴⁶⁰ Ирмшер Йоганнес (нем.: Johannes Irmscher; 1920–2000) – немецкий филолог-классик, директор Института греко-римских древностей Германской академии наук, академик Германской академии наук.

⁴⁶¹ Соловьев Александр Васильевич (1890–1971) – русский историк-эмигрант, византинист и слаvist, работавший в Югославии и Швейцарии.

⁴⁶² Ангелов Димитр (болг.: Димитър Симеонов Ангелов; 1917–1996) – болгарский историк, специалист по средневековой истории Болгарии и истории Византии.

⁴⁶³ Книга не была опубликована.

⁴⁶⁴ В апреле 1960 г. по собственной просьбе Б.Т. Горянов был переведен в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, где приступил к работе с 1 июня. Однако проработал он не долго: 1 июля 1963 г. в связи с Постановлением Президиума АН СССР о сокращении штатной численности ЛОИИ он был уволен из института [Румынская б.д.].

Прошу Вас передать Dr. Benedicty, что его первая статья о Прокопии Цезарейском напечатана в XX томе «Виз[антийского] Временника»⁴⁶⁵ (это он конечно знает и сам, так как ему уже давно высланы оттиски), а вторая статья принята к печати и появится в свет в XXIV томе⁴⁶⁶.

Шлю горячий привет Вашей семье,

Искренне Ваш

В. Лазарев

Ms. 1233/613. Автограф.

А.В. Банк – Д. Моравчику, 18 октября 1963 г.

Ленинград. 18/X.1963

Дорогой и глубокоуважаемый проф[ессор] Моравчик,

Я давно Вам не писала и поэтому может быть особенно неловко обращаться к Вам с просьбой. Меня очень заинтересовала статья S. Mihalik'a *Problematik der Rekonstruktion der Monomachos Krone*, кот[орая] напечатана в *Acta Historicae Artium t. IX* за этот год⁴⁶⁷. Я не знаю, бывают ли отдельные оттиски из этого журнала и, хотя я лично с автором не знакома, очень бы просила Вас о посредстве, чтобы получить эту статью.

Немножко завидовала В.Н. Лазареву, что он держал в руках эти вещи. Как Вы поживаете, как здоровье?

У меня последний год очень нерезультативный: перед отпуском плохо себя чувствовала. Потом немного поправилась после санатория, но по возвращении опять так много дел, далеких от науки, что включиться в нее очень трудно. Наконец познакомилась лично с А.Н. Грабаром⁴⁶⁸, который пробыл в Л[енингра]де 13 дней. Жаль, что так эпизодически встречаешься с коллегами, близкими по специальности. Очень прошу Вас извинить за беспокойство! Примите выражение моего искреннего уважения.

Привет Вашей дочери.

Ваша А. Банк

Ms. 1233/33. Автограф.

З.Г. Самодурова – Д. Моравчику, 7 мая 1968 г.

Глубокоуважаемый Дьюла Дьюлович,

Посылаю Вам автореферат своей диссертации [Самодурова 1968]. Он очень краток, и, конечно, не отражает полностью содержание работы. Ведь очень трудно изложить в краткой форме текстологическое исследование. Как Вы себя чувствуете? Над чем работаете? Как себя чувствует Эдит?

⁴⁶⁵ Имеется в виду статья: [Бенедикти 1961, с. 23–31].

⁴⁶⁶ Имеется в виду статья: [Бенедикти 1964, с. 49–57].

⁴⁶⁷ Имеется в виду статья: [Mihalik 1963, s. 199–243].

⁴⁶⁸ Грабар Андрей Николаевич (франц.: André Grabar; 1896–1990) – французский историк искусства русского происхождения.

Желаю Вам всего самого наилучшего. Привет и наилучшие пожелания Вашим близким.

С глубоким уважением,

Зина

7/V – [19]68 г.

Ms. 2456/25. Автограф.

В.С. Шандровская – Д. Моравчику, конец 1971 г.⁴⁶⁹

Дорогой проф[ессор] Моравчик!

Примите мои сердечные поздравления с Новым Годом и самые добрые пожелания: крепкого здоровья на многие годы, душевной бодрости и новых творческих удач! Желаю Вам и Вашим близким всяческого благополучия!

Всегда Вас вспоминаю с глубоким уважением. Надеюсь встретиться с Вами в Бухаресте⁴⁷⁰, но увы! Очень хочется получить от Вас письмо, узнать о Вашей жизни. Я посылаю Вам выпуск «Палестинского сборника» со своей статьей⁴⁷¹ и буду рада, если возможно для Вас, получить Ваши замечания. Работаю сейчас над моливдовулами⁴⁷² эрмитажного собрания. Не все идет гладко, иногда даже с трудом, но многое для меня интересного открывается, и я делаю все с удовольствием. Как Вы себя чувствуете? Где работает Едит, довольна ли своими делами.

С сердечным приветом

Ваша В. Шандровская

Ms. 2456/4. Открытка, автограф.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов 1935 – *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону: по материалам Северо-Кавказской экспедиции. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение, 1935. – 118 с.

Бенедикти 1961 – *Бенедикти Р.* Взятие Рима Аларихом: (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского) // *Византийский временник*. 1961. Т. XX. с. 23–31.

Бенедикти 1964 – *Бенедикти Р.* Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского: (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе) // *Византийский временник*. 1964. Т. XXIV. с. 49–57.

Горянов 1957 – *Горянов Б.Т.* Gyula Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und

⁴⁶⁹ Датировано по году выпуска новогодней открытки и содержанию письма.

⁴⁷⁰ Имеется в виду XIV Международный конгресс византинистов, состоявшийся в Бухаресте 2–12 сентября 1971 г.

⁴⁷¹ Имеется в виду: [Шандровская 1971].

⁴⁷² Моливдовул – двусторонняя подвесная свинцовая печать, закреплявшаяся на привешенном к документу шнуре.

Wirtschaftswissenschaften. Jg. 1955. № 4. Akademie-Verlag, Berlin, 1956 // Византийский временник. 1957. Т. XII. с. 326–329.

Горянов 1962 – *Горянов Б.Т.* Поздневизантийский феодализм. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 502 с.

Иванов 1995 – *Иванов С.А.* Византиноведение и власть в СССР (1928–1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. – М.: Институт славяноведения РАН, 1995. – С. 244–254.

Каждан 1959 – *Каждан А.П.* Byzantinoslavica – международный византиноведческий журнал (1947–1956) // Византийский временник. 1959. Т. XV. – С. 216–237.

Ковалев 2021a – *Ковалев М.В.* Венгерский византинист Дюла Моравчик и советская историческая наука // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13). – С. 56–90.

Ковалев 2021b – *Ковалев М.В.* Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге и его связи с венгерскими учеными // Археология евразийских степей. 2021. № 5. – С. 57–67.

Левченко 1940 – *Левченко М.В.* История Византии: Краткий очерк. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1940. – 273 с.

Моравчик 1961 – *Моравчик Д.* Византийские императоры и их послы в г. Буда. // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1961. Т. VIII. P. 239–256.

Румынская б.д. – *Румынская М.Н.* Горянов Борис Тимофеевич // Санкт-Петербургский институт истории РАН. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/gorianov_b_t/ (дата обращения: 15.03.2023).

Самодурова 1968 – *Самодурова З.Г.* Малые византийские хроники и их культурно-историческое значение: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: Институт истории АН СССР, 1968. – 36 с.

Тихонов 2016 – *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х–1953 г.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 424 с.

Шандровская 1971 – *Шандровская В.С.* Некоторые исторические деятели «Алексиады» и их печати // Палестинский сборник. Выпуск 23 (86). Византия и Восток. – Л.: Наука, 1971. – С. 28–45.

Benedicty 1962 – *Benedicty R.* Die literarische Tätigkeit von Gy. Moravcsik // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. Т. X. № 1–3. P. 295–313.

Constantine Porphyrogenitus 1949 – Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Ed. by Gy. Moravcsik and R.J.H. Jenkins. Budapest: Pázmány Péter Tudományegyetemi Görög Filológiai Intézet, 1949. 348 p.

Constantine Porphyrogenitus 1962 – Constantine Porphyrogenitus. De Administrando imperio. Vol. II: Commentary / Ed. by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. London, 1962. 221 p.

Harmatta 1973 – *Harmatta J.* Moravcsik Gyula. 1892–1972 // Magyar Tudomány. 1973. 10. sz. 683–686. old.

Harmatta 1994 – *Harmatta J.* Byzantium and the Ancient Hungarians: The Life-Work of Gyula Moravcsik // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance (Acta Universitatis de Attila József nominatae opuscula Byzantina, IX). Szeged: Generalia, 1994. P. 7–10.

Mihalik 1963 – *Mihalik S.* Problematik der Rekonstruktion der Monomachos-Krone // Acta Historiae Artium. 1963. Т. IX. S. 199–243.

Moravcsik 1942 – *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Budapest: Magyar Királyi Pázmány Péter Tudományegyetem, 1942. Т. 1. 378 s.

Moravcsik 1943 – *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Budapest: Magyar Királyi Pázmány Péter Tudományegyetem, 1943. Т. 2. 326 s.

Moravcsik 1955 – *Moravcsik Gy.* Dix années de philologie classique hongroise (1945–1954) // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1955. T. III. Fasc. 3. P. 191–209.

Moravcsik 1956 – *Moravcsik Gy.* Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. 29 s.

Moravcsik 1958 – *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. 609 s.; II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. 376 s.

Olajos 2011 – *Olajos T.* A magyar bizantinológia a 20/21. század fordulóján // *Antik Tanulmányok*. 2011. T. 55. № 1. 5–22. old.

Stein 1925 – *Stein E.* Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte // *Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte*. 1925. T. 2. Fasc. 1–2. S. 1–62.

REFERENCES

Artamonov, M.I. (1935), *Srednevekovye poseleniya na Nizhnem Donu: po materialam Severo-Kavkazskoj ekspedicii* [Medieval settlements on the Lower Don: based on the materials of the North Caucasian expedition. Leningrad: State socio-economic publishing house], The Leningrad branch.

Benedicty, R. (1961), “Capture of Rome by Alaric: (On the question of the historiographical method of Procopius of Caesarea)”, *Byzantine Journal*, vol. XX, pp. 23–31.

Benedicty, R. (1962), “Die literarische Tätigkeit von Gy. Moravcsik”, *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. X, no. 1–3, pp. 295–313.

Benedicty, R. (1964), “Excursus about Fula by Procopius of Caesarea: (On the issue of archaization in ethnographic descriptions in Byzantine literature)”, *Byzantine Journal*, vol. XXIV, pp. 49–57.

Constantine Porphyrogenitus (1949). *De Administrando Imperio* / Ed. by Gy. Moravcsik and R.J.H. Jenkins. Budapest: Pázmány Péter Tudományegyetemi Görög Filológiai Intézet.

Constantine Porphyrogenitus (1962). *De Administrando imperio*. Vol. II: Commentary / Ed. by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. London.

Goryanov, B.T. (1957) “Gyula Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften. Jg. 1955. No. 4. Akademie-Verlag, Berlin, 1956 “, *Byzantine Journal*, vol. XII, pp. 326–329.

Goryanov, B.T. (1962), *Pozdnevizantijskij feodalizm* [The Late Byzantine feudalism], Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Russia.

Harmatta, J. (1973), *Moravcsik Gyula. 1892–1972*, Magyar Tudomány.

Harmatta, J. (1994), *Byzantium and the Ancient Hungarians: The Life-Work of Gyula Moravcsik // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance* (Acta Universitatis de Attila József nominatae opuscula Byzantina, IX), Szeged: Generalia, pp. 7–10.

Ivanov, S.A. (1995), “Byzantine studies and power in the USSR (1928–1948)”, *Totalitarianism. A Historical experience of Eastern Europe*, Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, p. 244–254.

Kazhdan, A.P. (1959), “Byzantinoslavica – International Byzantine Studies Journal (1947–1956)”, *Byzantine Journal*, vol. XV, pp. 216–237.

Kovalev, M.V. (2021a), “Hungarian Byzantin Scholar Gyula Moravcsik and Soviet Historical Science”, *Central European Studies*, Issue 4(13), pp. 56–90.

Kovalev, M.V. (2021b), Kondakov, N.P., “Archaeological Institute in Prague and his connections with Hungarian scientists”, *Archeology of the Eurasian steppes*, no. 5, pp. 57–67.

Levchenko, M.V. (1940), *History of Byzantium: A Brief Essay*. Moscow –Leningrad: Sotsekiz.

Mihalik, S. (1963), *Problematik der Rekonstruktion der Monomachos-Krone*, *Acta Historiae Artium*, vol. IX, pp. 199–243.

Moravcsik, Gy. (1942), *Byzantinoturcica, Budapest: Magyar Királyi Pázmány Péter Tudományegyetem*, vol. 1.

Moravcsik, Gy. (1943), *Byzantinoturcica, Budapest: Magyar Királyi Pázmány Péter Tudományegyetem*, vol. 2.

Moravcsik, Gy. (1955), *Dix années de philologie classique hongroise (1945–1954)*, *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. III, pp. 191–209.

Moravcsik, Gy. (1956), *Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn*. Berlin: Akademie-Verlag.

Moravcsik, Gy. (1958), *Byzantinoturcica. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*, Akademie-Verlag, Berlin.

Moravcsik, Gy. (1961), “Byzantine emperors and their ambassadors in Buda”, *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. VIII, pp. 239–256.

Olajos, T. A. (2011), “magyar bizantinológia a 20/21. század fordulóján”, *Antik Tanulmányok*, vol. 55, no. 1. pp. 5–22.

Rumynskaya, M.N. *Goryanov Boris Timofeevich*, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, available at: http://www.spbiiran.nw.ru/gorianov_b_t/ (accessed: 03/15/2023).

Samodurova, Z.G. (1968), “Small Byzantine Chronicles and Their Cultural and Historical Significance”, Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow.

Shandrovskaya, V.S. (1971), “Some historical figures of the «Alexiad» and their press”, *The Palestine Collection Papers*, issue 23 (86), Byzantium and the East. Leningrad: Nauka, pp. 28–45.

Stein, E. (1925), “Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassung- und Wirtschaftsgeschichte”, *Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte*, vol. 2, pp. 1–62.

Tikhonov, V.V. (2016), *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h–1953 g.)* [Ideological Campaigns of «Late Stalinism» and Soviet Historical Science (mid-1940s–1953)], St. Petersburg: Nestor-Istoriya, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Михаил В. Ковалев, кандидат исторических наук, доцент, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32 а, kovalevmv@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Mikhail V. Kovalev, Cand. of Sci. (History) associate professor, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334, kovalevmv@yandex.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.25986/ISN.2023.48.35.013

Докторская диссертация И.И. Иоффе в отзывах официальных оппонентов и рецензентов ВАК (по материалам ГА РФ)

Виталий Г. Ананьев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, v.g.ananiev@gmail.com
ORCID 0000-0001-7413-6339

Михаил Д. Бухарин

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия, michabucha@gmail.com
ORCID 0000-0002-3590-016X

Аннотация. *История защиты диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Иеремией Исаевичем Иоффе – одна из драматичных страниц советской гуманитарной науки довоенного периода. Путь от ходатайства о присвоении искомой степени без защиты до самой защиты и утверждения доктором наук занял долгие восемь лет. Настоящая публикация кратко прослеживает хронологию событий и вводит в научный оборот ряд документов, имеющих прямое отношение к данному процессу: вступительное и заключительное слова на защите диссертации самого И.И. Иоффе, отзывы официальных оппонентов – О.М. Фрейденберг, Б.М. Эйхенбаума и В.А. Десницкого (1940), дополнительные отзывы рецензентов ВАК И.М. Нусинова (1942), В.Н. Лазарева и С.А. Бугославского (1943). Эти документы важны для реконструкции понимания не только сути истории культуры в интерпретации И.И. Иоффе, сторонников и противников его синтетической теории искусств; они маркируют важнейшие элементы культуры истории советской довоенной науки – культуры исторического исследования, научной среды, в которой творил И.И. Иоффе. «Нелинейность» исследовательского метода И.И. Иоффе, его полное несоответствие современному ему направлению в культуроведении и филологии, выделяют труды И.И. Иоффе в ряду работ его современников, с другой стороны демонстрируют, что советская научная среда являлась многослойной, движение в ней могло быть разнонаправленным.*

Ключевые слова: *история науки, история культуры, филология, И.И. Иоффе, гуманитарное знание, синтетическая теория искусств.*

Для цитирования: Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Докторская диссертация И.И. Иоффе в отзывах официальных оппонентов и рецензентов ВАК (по материалам ГА РФ) // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 315–364. DOI: 10.25986/ISN.2023.48.35.013.

Doctoral dissertation of I.I. Ioffe in the reviews of official opponents and reviewers of the Higher Attestation Commission (according to the materials of the State Archives of the Russian Federation)

Vitaly G. Ananiev

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia, v.g.ananiev@gmail.com
ORCID 0000–0001–7413–6339

Mikhail D. Bukharin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, michabucha@gmail.com
ORCID 0000–0002–3590–016X

Abstract. *The history of defending a D.Litt dissertation in philology by Jeremiah Isaevich Ioffe is one of the dramatic pages of Soviet human sciences of the pre-war period. It took long eight years from the application for the assignment of the degree without defense to the very defense and approval in the academic title of Doctor of Science. This publication briefly traces the chronology of events and introduces into scientific circulation a number of documents which are directly related to this process: the opening and closing words of I.I. Ioffe himself, reviews of opponents – O.M. Freidenberg, B.M. Eikhenbaum and V.A. Desnitsky (1940), additional reviews by I.M. Nusinov (1942), V.N. Lazarev and S. A. Bugoslavsky (1943). These documents are important for reconstructing the understanding of not only the essence of cultural history as interpreted by I.I. Ioffe, the supporters and opponents of his synthetic theory of arts; they mark out the most important elements of the culture of the history of Soviet pre-war science – the culture of historical research, the scientific environment in which I.I. Ioffe created. The “nonlinearity” of the research method of I.I. Ioffe, his complete inconsistency with his direction in cultural studies and philology of the 1930-s, distinguish the works of I.I. Ioffe among those of his contemporaries, on the other hand, they demonstrate that the Soviet scientific environment was multi-layered, the evolution in which could be multidirectional.*

Key words: *history of science, history of culture, philology, I.I. Ioffe, human sciences, synthetic theory of arts.*

For citation: Ananiev, V.G., Buharin, M.D. (2023), “Doctoral dissertation of I.I. Ioffe in the reviews of official opponents and reviewers of the Higher Attestation Commission (according to the materials of the State Archives of the Russian Federation)”, *Istoricheskie zapiski*, no. 22 (140), pp. 315–364. DOI: 10.25986/ISN.2023.48.35.013.

В СССР 1930-х гг. системы ученых степеней и званий, упраздненных в 1918 г. [Козлова 2001], практика защиты диссертаций играли важную роль не только в формировании научной корпорации и алгоритма гратификации, но и в определении границ дисциплинарных полей. Особенно актуальным последнее обстоятельство было для области гуманитарного знания, где междисциплинарные и полидисциплинарные эксперименты зачастую оказывались диссонантным элементом, не встраиваемым с легкостью в имеющиеся матрицы знания. Одним из сюжетов, потенциально чреватых трудностями в этой области, была история культуры, отнюдь не всегда совпадавшая по своим контурам с формирующимся советским курсом культуры истории.

В последнее время в научный оборот начинают вводиться архивные материалы, связанные с такими диссертационными защитами (М.М. Бахтина, Ю.В. Кнорозова) [Ершова, Долгова 2018, Бахтин 2008а, Бахтин 2008b], являющиеся важным источником по истории отечественной гуманитаристики. В данной публикации представлены материалы, связанные с защитой и рассмотрением в ВАК диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук видным советским историком и теоретиком искусства, культуроведом Иеремией Исаевичем Иоффе (1888–1947).

История присуждения И.И. Иоффе докторской степени была долгой и драматичной. Вкратце ее можно изложить следующим образом [Ананьев, Бухарин 2022]: в 1935 г. ходатайство о присуждении ему степени доктора искусствоведения без защиты диссертации было впервые направлено в ВАК ленинградскими научно-исследовательскими и научно-учебными организациями, в которых он служил⁴⁷³. Судя по всему, предметное обсуждение возможности такого в ВАК состоялось лишь в 1940 г. Работы И.И. Иоффе, написанные в русле «синтетического изучения истории искусства», не получили поддержки со стороны членов ВАК. Так, например, искусствовед И.Э. Грабарь констатировал: «Его работа “Синтетическая история искусства” – совершенный бред. Это абсолютно неприемлемая работа. Там имеется так много чепухи и абсолютное непонимание самих основ искусства и вообще всего марксистского искусствознания. Тов. Иоффе – один из главных вульгаризаторов искусства, гораздо больший, чем покойный Фриче»⁴⁷⁴. Было решено ходатайство о присуждении степени без защиты отклонить, а И.И. Иоффе предложить защищать диссертацию.

Местом защиты стал Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, который И.И. Иоффе окончил, в котором преподавал с 1923 г. и по ходатайству которого еще в 1935 г. был утвержден в звании и. о. профессора по кафедре истории литературы. Педагогический институт был, вероятно, более «безопасным» местом для защиты бывшего выпускника, чем два других учреждения, в которых служил И.И. Иоффе – Государственный научно-исследовательский институт театра и музыки (где

⁴⁷³ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 3. Д. 71. Л. 16.

⁴⁷⁴ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 150.

общеискусствоведческие идеи И.И. Иоффе подвергались разгромной критике в 1936 г. [Ананьев, Бухарин, Сапанжа 2021], а его взгляды на место звукового кино в системе синтетического искусства пусть и менее резко, но все же оспаривались в 1938 г. [Ананьев 2020]) или Ленинградский государственный университет с его все еще сохраняющимися классическими традициями филологических штудий где И.И. Иоффе возглавлял кафедру искусствоведения.

В Педагогическом институте не было крупных ученых, которые могли бы резко выступить против синтетической методологии И.И. Иоффе, с ним он был связан на протяжении почти 20 лет, наконец, здесь по-прежнему существенным административным ресурсом обладал институтский учитель И.И. Иоффе, сыгравший, вероятно, важную роль на начальном этапе его научной карьеры, В.А. Десницкий. Тот еще в 1934 г. (т. е. сразу же после возрождения системы ученых степеней) был утвержден в степени доктора филологических наук без защиты диссертации. Как декан факультета языка и литературы он возглавлял и факультетский ученый совет, на котором должна была проходить защита. Он же стал и одним из оппонентов. Двумя другими были выбраны коллеги И.И. Иоффе по филологическому факультету ЛГУ – филолог-классик, доктор филологических наук О.М. Фрейденберг и филолог-русист, один из столпов формального метода, автор работ по поэтике кинематографа Б.М. Эйхенбаум.

О.М. Фрейденберг также в 1935 г. защищала докторскую диссертацию, а Б.М. Эйхенбаум получил степень доктора филологических наук в 1936 г. без защиты. В отличие от В.А. Десницкого, два других оппонента неоднократно подвергались публичной критике и проработкам за свои научные труды и с позиций ортодоксального марксизма выглядели довольно сомнительно. Но для них характерны были методологические поиски за пределами господствующего дискурса классических историко-филологических штудий, определенный дрейф в сторону культурологического подхода, пафос исканий диссертанта мог быть им понятен, к тому же с ним самим они были не просто давними коллегами, но и довольно близкими товарищами.

Относительно О.М. Фрейденберг это можно сказать с полной уверенностью. В ее все еще неопубликованных мемуарах имя И.И. Иоффе встречается неоднократно. И уже первое упоминание достаточно показательно: «В тот год [1930] мы познакомились с Иоффе. Я сразу же удивилась оптимистической экспансивности этого человека с типичной “марксистской” внешностью, несколько под Бетховена. Иоффе был выдающимся мыслителем, которого постоянно преследовали, обливали грязью и – обкрадывали его же “критики”. Десницкий, позже Гр. Гуковский цинично крали его идеи, и в то же время травили. Но сердце у Иоффе было детское, доброе, широкое. Это был своеобразнейший ум, необыкновенно синтетичный, охватывавший всю мировую культуру; и человек он был редчайший по высоте духа и чистоте. Я имела счастье жить при нем и иметь в нем глубокого друга; наши связи, наше понимание, наши научные темпераменты, наша совместная борьба – это осмысляло и озаряло мою жизнь и нас обоих поддержива-

ло в нашем научном одиночестве. В Иоффе жила монументальность духа при детской незлобивости»⁴⁷⁵.

Вероятно, менее темпераментные, но также уважительные отношения связывали И.И. Иоффе и с Б.М. Эйхенбаумом. В дневнике последнего за 4 мая 1947 г. есть следующая запись: «Вчера после [И.И.] Иоффе (на ночь) посмотрел книгу Д. Обломиевского “Французский романтизм” (М. 1947). Какое убожество мысли и какая рутинность!» [Дружинин 2012]. Упоминание И.И. Иоффе в данном контексте можно, конечно, интерпретировать и как отсылку к чтению его работы, посвященной французскому искусству, и как фиксацию факта личной беседы. Обращение к дневникам Б.М. Эйхенбаума в дальнейшем позволит уточнить конкретные факты взаимоотношения ученых⁴⁷⁶.

Итак, место защиты и оппоненты были определены. Выбор темы также не представлял трудностей. Было решено защищать последнюю к данному моменту крупную работу – монографию И.И. Иоффе «Синтетическое изучение искусства и звуковое кино», изданную Государственным музыкальным научно-исследовательским институтом в 1937 г. Хотя отдельная глава в ней и была посвящена литературе, все же большая часть книги отводилась под холистическое рассмотрение искусства как такового через призму авторского синтетического подхода И.И. Иоффе, и защита ее в филологическом совете едва ли могла бы состояться без действенной поддержки председателя совета В.А. Десницкого⁴⁷⁷.

Кроме того, стоит отметить, что близкая по содержанию к собственно кинематографической части этой обстоятельной монографии (417 с.) работа И.И. Иоффе «Музыка советского кино. Основы музыкальной драматургии» (168 с.), опубликованная в 1938 г., в январе 1939 г. подверглась в центральной печати разгромной критике. В газете «Советское искусство» была опубликована заметка молодого, но уже набиравшего влияние критика И. Нестьева под недвусмысленным заголовком «Псевдонаучная стряпня» [Нестьев 1939], пересыпанная такими характеристиками как «чахлые теоретические выводы», «вульгарность», «надуманность», «вздорные определения», «грубые искажения истины» и т. п. [Нестьев 1939] Таким образом, и с содержательной точки зрения в свете требований утвердившейся ортодоксии представленная работа оказывалась продуктом достаточно проблемным.

Возможно, и с этим было связано то, что защита несколько раз переносилась. Б.М. Эйхенбаум, выступая, отметил, что «прочитал эту книгу раза три или четыре, воспользовавшись тем, что диссертация была назначена

⁴⁷⁵ Фрейденберг О.М. Пробег жизни. Тетр. 7 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 8. [Л. 209-209 об.]. Мы искренне признательны Н.Ю. Костенко (РГГУ), приславшей нам выдержки из мемуаров О.М. Фрейденберг, касающиеся И.И. Иоффе. Ссылки на воспоминания даны по месту их хранения в Стэнфорде, листы – по нумерации, принятой по месту хранения электронной копии в РГГУ.

⁴⁷⁶ Единственное сохранившееся в архиве Б.М. Эйхенбаума письмо от И.И. Иоффе связано именно с защитой диссертации. Оно сопровождало переданную автором книгу, по которой должна была проходить защита, в нем оговаривались сроки представления отзывов оппонента: предварительного о возможности защиты текста как диссертации и итогового с разбором работы. См.: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 445.

⁴⁷⁷ Список научных работ И.И. Иоффе, составленный к защите, см.: ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 58. Монография, вероятно, была приложена к делу. Там же. Л. 59.

на весну, а потом перешла на лето»⁴⁷⁸. Можно предположить, что весной 1940 г. защита не состоялась, т. к. слишком поздно пришло разрешение из ВАК (датированное 4 июня). А с лета была перенесена из-за несчастного случая, произошедшего 14 июня 1940 г. с О.М. Фрейденберг (она неудачно упала и получила тяжелую черепно-мозговую травму) [Пастернак 2000, с. 222]⁴⁷⁹. По ее воспоминаниям, первоначально защита должна была состояться 23 июня: «На 23-е была назначена защита Иоффе у Герцена (у нас его так и не допустили), при оппонентах Десницком и Эйхенбауме; третьим была я. Из-за меня диспут отложили; но Иоффе торопился сдать отзывы (рецензии) до каникул, а потому настойчиво домогался, чтоб я написала свой отзыв. Не помогли никакие отказы. Он и его жена⁴⁸⁰ заезжали ежедневно, настаивали, посылали мне кур для бульонов и фрукты. Утомленная просьбами и lamentациями, я писала карандашом лежа, не поднимая головы и не видя, что пишу. Уже через несколько минут я почти теряла сознание; голова и руки падали. Потом снова набиралась сил – и снова никла в обморочном состоянии. Каких сил мне это стоило, не передать; душа кипела от суровости этих двух сердец, не щадивших больную ради своих интересов. Я дала себе слово доделать это дело – и порвать с ними. Но Иоффе не удовлетворила эта рецензия, и он потребовал другой, более положительной, почти диктуя мне ее. Жена и он долбили меня, пока их насилие не дало им желаемого»⁴⁸¹.

В своих мемуарах О.М. Фрейденберг так писала об обстоятельствах подготовки защиты: «Иоффе мучился со своей докторской защитой, так как никто не хотел быть его оппонентом, и он просил меня, а я возмущалась, что он может меня просить сделать судьей книги о кино и западно-русской литературе. Однако мне хотелось помочь моему научному другу, большому мыслителю. Б.⁴⁸² уговаривал меня взяться; его глаза изливали на меня потоки чудной, чистой нежности. Я колебалась, отказывалась. Иоффе поносил филологию, прыгал по вершинам. Когда он, до появления моей Поэтики⁴⁸³, сильно “слизал” меня в 1933 г. в своей “Синтетической истории искусств”, я была совершенно убита. В ответ на мои укоры он сказал: “Что же делать, я нахожусь под сильным вашим влиянием!” – Но вы могли сослаться! – “Я не могу отделить себя от вас!”

Теперь он прилип ко мне, как банный лист: помогите! ведь кто же может по теории литературы, как не вы! Но материал не мой! Пустяки, отвечает. Спасите меня»⁴⁸⁴.

⁴⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 104 об.

⁴⁷⁹ Указано Н.Ю. Костенко.

⁴⁸⁰ Ольга Ефимовна Иванова (1898–1991) – историк, специалист по средневековой польской истории и методике преподавания истории, доцент Исторического факультета ЛГУ.

⁴⁸¹ Фрейденберг О.М. Пробег жизни. Тетр. 12 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 4. [Л. 6-6 об.]. Эта дата указана и на приглашении на защиту, сохранившемся в архиве О.М. Фрейденберг. За возможность ознакомиться с ним мы также искренне признательны Н.Ю. Костенко.

⁴⁸² Степан Григорьевич Бархударов (1894–1983) – лингвист, коллега О.М. Фрейденберг и И.И. Иоффе по филологическому факультету ЛГУ, в 1939–1940 гг. декан факультета.

⁴⁸³ Имеются в виду единственная опубликованная при жизни монография О.М. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы» (1936 г.) и центральная для концепции И.И. Иоффе книга «Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления», вышедшая в 1933 г.

⁴⁸⁴ Фрейденберг О.М. Пробег жизни. Тетр. 12 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 4. [Л. 3 об-4].

В итоге защита состоялась 29 октября 1940 г. Краткое описание атмосферы защиты содержится в воспоминаниях О.М. Фрейденберг: «Я первый раз была – (с Соней⁴⁸⁵) у Герцена. Обстановка будничная. Первым оппонентом оказалась я, вторым Эйхенбаум (о кино), третьим, язвительным, Десницкий <...> Голосование прошло дружно. У Герцена все проходило не так напыщенно, как у нас, но зато с пригласительными красивыми билетами, с товарищеской обстановкой, с дружескими приветствиями. Я вспоминала хамство моего диспута, со Смирновым и Шубом.

На вечер к Иоффе я не поехала. У него мирно бражничал Десницкий, его притеснитель и плагиатор. Иоффе прислал мне конфеты»⁴⁸⁶.

Защита прошла без неожиданностей и бурного обсуждения. Судя по стенограмме, диссертанту был задан лишь один вопрос о соотношении его стадиальной теории с теорией О. Конта⁴⁸⁷, которую И.И. Иоффе отверг, подчеркнув: «Позитивизм ведет к идеализму и биологическим извращениям, которые мы имеем в буржуазном мышлении. Наоборот, в концепции книги стадиальность стоит в прямой связи с марксистским учением о формациях и стадиях истории»⁴⁸⁸. Впрочем, если взглянуть на список присутствовавших членов совета (было 14 из 16 человек)⁴⁸⁹, это не покажется таким уж удивительным. Среди них практически никто не был сколько-нибудь близок научным устремлениям синтетика И.И. Иоффе. Большинство сами еще не имели докторской степени (кроме В.А. Десницкого, докторами, судя по всему, были лишь фольклорист Н.П. Андреев и литературовед М.П. Алексеев), некоторые (как, например, А.П. Евгеньева или А.И. Груздев) не защитили еще и кандидатской диссертации. Практически все они вошли в науку после Октябрьской революции, кто-то (как Ф.П. Филин) был близок к марризму. Широкие холистические построения диссертанта, с одной стороны, не вторгались в их непосредственную область научных интересов (методика преподавания у Л.С. Троицкого или история русского языка у Б.А. Ларина), а с другой стороны, не вызывали того отторжения, которое могло возникнуть у представителей дореволюционной традиции историко-филологической науки, гораздо более ориентированной на детальную работу с конкретным материалом. Из числа членов совета лишь С.А. Адрианов начал свою активную деятельность еще до революции, но он был скорее литературным критиком и переводчиком, чем академическим ученым.

Счетная комиссия во главе со старейшим членом совета С.А. Адриановым при вскрытии опечатанной урны обнаружила там 14 бюллетеней, содержащих ровно столько же голосов «за»⁴⁹⁰. Защита прошла вполне успешно. 24 декабря 1940 г. на Ученом совете всего Педагогического института

⁴⁸⁵ Ученица О.М. Фрейденберг, впоследствии крупный византист и филолог-классик С.В. Полякова (1914–1994).

⁴⁸⁶ *Фрейденберг О.М.* Пробег жизни. Тетр. 12 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 4. [Л. 14 об.-15].

⁴⁸⁷ ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 116–116 об. В стенограмме спрашивавший обозначен фамилией «Владиславлев». Рядом с ней синим карандашом сделано отчеркивание. Среди членов совета человека с такой фамилией не было.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 136.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 137.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 138, 119.

утверждение результатов защиты также прошло единогласно. Однако далее ситуация значительно осложнилась.

В апреле 1941 г. диссертационное дело было получено в ВАК⁴⁹¹ и 14 мая на заседании экспертной комиссии по филологии было принято решение отправить его на дополнительную экспертизу специалистам-предметникам – литературоведу и искусствоведу. Начавшаяся Великая Отечественная война внесла в эти планы свои коррективы и вновь к рассмотрению дела И.И. Иоффе в ВАК вернулись лишь в январе 1942 г. Первоначальное положительное решение предметной комиссии было пересмотрено президиумом и в итоге работа вновь оказалась направленной на дополнительную экспертизу. Руководство ЛГУ, сотрудником которого был И.И. Иоффе, как и сам диссертант торопили ВАК, указывая на ненормальность для соискателя сложившегося положения, когда отсутствие докторской степени мешало ему полноценно выполнять обязанности заведующего университетской кафедрой искусствоведения (бывшей в тот период частью филологического факультета).

Эти обстоятельства и вызвали к жизни еще три отзыва на диссертацию И.И. Иоффе, составленные по поручению ВАК искусствоведом В.Н. Лазаревым, литературоведом И.М. Нусиновым, а затем и литературоведом и искусствоведом С.А. Бугославским. Все они были сугубо отрицательными, но, несмотря на это, благодаря поддержке ректора Ленинградского государственного университета А.А. Вознесенского 27 марта 1943 г. И.И. Иоффе все же был утвержден в искомой степени доктора филологических наук.

Для верной трактовки «диссертационной одиссеи» И.И. Иоффе уместным, кажется, задаться следующими вопросами: как сам соискатель ученой степени понимал цель и задачи своего исследования и каким он видел его соотношение с формирующейся дисциплинарной картой марксистской гуманитарной науки советского образца? Что в качестве сильных и слабых сторон диссертации отмечали его оппоненты? Наконец, почему назначенные ВАК рецензенты отказывались признавать представленную работу, заслуживающей присуждения ученой степени? Иными словами, как история культуры, которой фактически и была посвящена работа И.И. Иоффе, совпадала с закрепляющейся в господствующем дискурсе культурой истории?

Важнейшим источником для ответа на эти вопросы являются публикуемые ниже материалы: речь на защите самого И.И. Иоффе, отзывы его официальных оппонентов и рецензии, подготовленные экспертами ВАК в ходе длительного обсуждения диссертации. Все материалы публикуются по архивному делу, сохранившемуся в фонде ВАК: ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Орфографические и пунктуационные ошибки исправляются. Сокращения (за исключением инициалов, сопровождаемых фамилией) раскрываются.

⁴⁹¹ ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 46.

№ 1

Вступительное слово И. Иоффе

Работа, представленная мной на соискание ученой степени доктора филологических наук, является необычной. Во-первых, само название: «Синтетическое изучение искусства». У нас так крепко усвоили, что есть искусство и есть литература, что забыли о том, что литература тоже есть искусство, что литература есть искусство слова и может и должна рассматриваться в ряду искусств.

При этом я отнюдь не нарушаю традиций филологических наук. Начиная с Ренессанса, поэзия, живопись и музыка рассматривались как различные цвета единого спектра творческого духа человека. Эта традиция держалась до конца XIX века, когда возникли антигуманистические тенденции, когда материал искусства, технология и инженерия оттеснили человеческое начало; искусства тогда ушли в свои материалы, технические средства и единство искусств было отвергнуто во имя специфик. Для марксизма, с его социалистическим гуманизмом, единство литературы и искусства и всех прочих областей идеологии является исходным при изучении надстроечных явлений.

В сущности, я занимаюсь, кроме литературы, ее двумя крылами – живописью и музыкой. Уже старая эстетика говорила, что эпос – это живопись, а лирика – это музыка. Действительно, описание в литературе, описание внешнего, видимого предмета или действия примыкает к живописи, живописанию. «Очерк – живопись жизни», говорил Гоголь. Сравнительное изучение литературного и живописного изображения, описания помогает уяснению метода описания в различные эпохи. Что касается лирики, то это общеизвестно, что она – музыкальное начало поэзии, что поэзия в своих ритмах и интонациях теснейшим образом связана с современной ей музыкальной лирикой, а в интонациях песен и романсов можно уловить живые стиховые интонации. Можно утверждать, что изучение стиха как чисто словесного явления, связало и ограничило его понимание.

Что касается звукового кино, которое я включил в книгу, то это искусство непосредственно примыкает своими сценариями, драматургией, наконец, звучащими диалогами к литературе. Звуковое кино – это практика синтеза литературы и искусства, который раньше существовал только теоретически. Ведь общественное мышление можно рассматривать как сценарий, по которому более или менее дружно работают писатели, художники, музыканты одной эпохи.

Теория художественного мышления, сюжета, жанра и составила первую часть книги, в то время как вторую – теория литературы и смежных искусств.

С самого начала своей научной работы, я, еще черноголовый, под руководством Василия Алексеевича⁴⁹², начал заниматься поисками закономерностей теории литературы и искусства; на первых порах нашел их в категории стиля. Однако дальнейшая работа над стилем показала мне, что,

⁴⁹² В.А. Десницкий.

рассматриваемый как наиболее общая категория литературы и искусства, стиль неизбежно приводит либо к идеалистическому, либо к вульгарно-социологическому пониманию истории литературы и искусства. Достаточно указать на ту путаницу хронологических и морфологических определений стиля, которая, к сожалению, свойственна еще некоторым нашим видным литературоведам.

Необходимость более широкой базы, чем стиль, необходимость стадильности для понимания литературного и художественного процесса стала мне совершенно ясна уже после работы «Синтетическая история искусства». Для европейской истории общественного мышления я пытаюсь определить эти стадии, как спиритуалистическую, гуманистическую, позитивистическую и социалистическую. Каждая из стадий имеет свое понимание пространства и времени, свои сюжеты, жанры и стили. И изучать сюжеты, жанры и стили вне этих стадий мышления – невозможно, не впадая в метафизику или вульгарный социологизм, потому что они принимают каждый раз совершенно новый вид и характер: таковы: мистерия, трагедия и драма; таковы: житие и биографический роман, ода и субъективная лирика.

Однако рассматривая последовательность и связь стадий, мы видим, что при всей напряженности переворотов и революций, сопровождающих переход из одной в другую, все стадии мышления, досоциалистические, имеют между собой общее: метафизику и идеализм. Материализм и диалектика, без которых невозможно никакое познание мира и поступательное движение, связаны либо метафизикой, либо идеализмом. Досоциалистическое эксплуататорское мышление не допускало сочетания материализма и диалектики, не знало диалектического материализма, а только – метафизический идеализм, метафизический материализм и диалектический идеализм. В то же время метафизика и идеализм были тормозящими развитие силами.

Откуда они взялись, эти иррациональные, противоречивые и такие устойчивые принципы мышления?

Марксизм на это ответил: в религии. Какова их палеонтология и почему они удержали свою мистическую власть над умами на всем протяжении досоциалистического мышления? Потому что они восходят к основному космическому представлению о круговращении времен и природы.

Я употребил слово «эсхатология» может быть не совсем удачно. В позднейшем осмыслении оно определилось только как светопреставление. Но в первобытном мышлении ничего мистического здесь не было. Это был первый естественнонаучный мировой закон первобытного человека. Это было поочередное умирание и воскресение природы, уход светил, смерть растений, уход животных и новый их приход, оживление и возвращение. Однако в этом круговом движении, в этих фазах религиозное мышление устроило неподвижные планы.

Бог не умирает, он вечный свет, жизнь, любовь, умирает его сын, земное воплощение, который спускается в мир и уходит из него. Не умирает и смерть, зло, дьявол. Так образовались три яруса – небесный идеальный мир, подземный, адский и средний человеческий земной. Эти три яруса сохранились благодаря метафизике и идеализму во всех досоциалистических стадиях мышления, сюжетах и жанрах.

При всех своих трансформациях они действуют как исходные принципы, с которыми смог справиться только пролетариат. Они выступали во всех обобщениях, во всех категориях, которыми оперировало досоциалистическое мышление. Они искажали, связывали могучее и неудержимое развитие реализма и диалектики. Конечно, в спиритуализме эти принципы иные, чем в гуманизме, и в гуманизме иные, чем в позитивизме. В спиритуализме они космические, три яруса реальные – небо, земля и ад; в гуманизме они человеческие, психические – разум, чувство и чувственность; но как принципы врезающиеся в восприятие и осмысление действительности они имеются в литературе и искусстве всех досоциалистических стадий.

Особенно это наглядно в жанрах. Если бы литература просто воспроизводила бы действительность, не было бы жанров; были бы сюжеты, единичные и неповторные, как сама протекающая действительность. Откуда эти жанровые категории, заставляющие брать действительность под определенным углом зрения, рассматривать ее в плане то космическом, то трагическом, то лирическом? Как сюжетные роды, жанры в категоричности своих норм восходят к тем же начальным метафизическим и идеалистическим принципам досоциалистического мышления.

С первого взгляда это кажется невозможным, немислимым. Как? В стадиях, в движении – константы – неподвижные принципы. Да, в досоциалистическом мышлении эти константы были. О них говорят Маркс и Энгельс. (Зачитывает). Об этом говорил Ленин, говорит Сталин (Зачитывает).

Так рассматривать историю дает нам силу социалистическая революция и социализм. С его высот вся прежняя история только предыстория, преддверье подлинной истории человечества. Только эволюционисты рассматривают историю стадию за стадией и социализм как одну из равноценных стадий в длинном пути человечества. Но с высот социализма, с высот марксистской науки досоциалистические стадии оказываются близкими между собой и полными общих предрассудков.

Так, в любом досоциалистическом сюжете, в том, как писатель, художник рассматривает и осмысливает действительность выступают принципы стадии мышления, а за ними и то общее, что связывает стадии единым историческим развитием. Анализировать произведение литературы и искусства значит вскрыть его как момент истории мышления, т. е. вскрыть принципы осмысливания действительности. Это и значит определить его семантику. В этом плане семантическим оказывается все: и материал, и средства литературы и искусства, – тембр и интонации, ритм и динамика, эпитеты, метафоры, цвет, линии. И смысл, и значение этих элементов меняется от стадии к стадии вместе с мышлением и миропониманием. Вместе с тем эта тематика роднит такие разнородные элементы как тембр речи и музыки, ритм стиховой, музыкальный и живописный.

В теории литературы я рассматриваю два плана поэтического искусства – изобразительный и звуковой. В первом я стремлюсь установить семантические значения элементов литературы, эпитета, сравнения, троп, вообще так называемых изобразительных средств, которые служат не только наглядности, но и принципиальным мировоззрительным системам. Они выполняют различные функции в различные стадии мышления, например,

спиритуализме и гуманизме. В звуковой стороне я стремлюсь найти семантику ритма, метра, интонации, долгот и акцента, элементов стихотворной речи, которые выполняют также функцию мышления. Рассматривая литературные жанры как функцию сюжета, я здесь уже ставлю проблему исполнения, чтения литературных произведений. Глава о живописи рассматривает семантику линий, композиции, цвета, как живописных эпитетов и метафор. Глава о музыке ставит проблемы интонации, ритма, мелодии и речитатива-декламации в музыке. Глава о кино синтезирует изложенное в главах о литературе (сценарий, диалоги и монологи), живописи (изобразительность кино) и музыке. Заканчивая звуковым кино, я хотел показать, что все мои теоретические построения имеют практический смысл, имеют практическое приложение в том новом искусстве – кино, которое синтезирует в себе литературу, живопись и музыку. Живопись делается движущейся, речь, главным образом, звучащей. И это поворачивает искусства друг к другу и показывает те скрытые общие начала, которые при профессиональном разделении труда исчезли. Так что кино является демонстрацией того, что теоретические положения являются выводом из практического творчества.

И здесь, конечно, еще очень много не разработано. Мало разработана теория литературы и теория смежных искусств, еще меньше разработана теория кино. Так что опираться на особые достижения я не могу. Но связь с практикой поддерживала меня в том, что я делал в теоретическом плане.

ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 120–128. Машинопись.

№ 2

ДИССЕРТАЦИЯ И.И. ИОФФЕ «СИНТЕТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСКУССТВА И ЗВУКОВОЕ КИНО» НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Диссертация И.И. Иоффе, представляемая сегодня на соискание ученой степени доктора филологических наук, носит название «Синтетическое изучение искусства и звуковое кино» (Ленинград, 1937 год издания, Государственный музыкальный научно-исследовательский институт). Это не первая крупная работа диссертанта. Профессор Иоффе широко известен нашей научной общественности целым рядом книг по теории и истории искусства, каковы «Культура и стиль», «Синтетическая история искусства» (ОГИЗ-Ленизогиз, 1933), «Мистерия и опера» (Государственный музыкальный научно-исследовательский институт, 1937) и многие другие. Основная позиция Иоффе тоже хорошо известна: он рассматривает все виды искусства, как одно нераздельное целое, как единую, хотя и многообразную, функцию классового мышления. Профессор Иоффе – теоретик по преимуществу, ставящий на материале искусства наиболее основные и крупные проблемы советского искусствоведения, и в том числе литературоведения. С этой точки зрения его диссертация есть логически необходимое продолжение тех книг, где Иоффе доказывает органическую увязку искусства и мышления.

«Синтетическое изучение искусства и звуковое кино» – обширная, около 26 печатных листов, книга, обнимающая громадный материал, написанная чрезвычайно сжатым языком. Что бросается сразу в глаза – ее целостный, общий (в хорошем смысле) характер. Если монографий по всем видам искусства чрезвычайно много в научной мировой литературе, то таких широко-проблемных книг, охватывающих всю теорию синтеза искусства, очень мало или почти нет. Естественно, поэтому, что книге приходится заниматься и общей проблемой связи искусства с мышлением, и специальными вопросами каждого вида искусства в отдельности. Иоффе так и делает. Его диссертация распадается на две части. В первой даны основные принципиальные установки автора: понимание им мышления и семантики мышления и сюжета, сюжета и материала (стр. 151–203). Во второй, специальной части, диссертант рассматривает теорию отдельных видов искусства – литературы, музыки, живописи, кино (стр. 203–340). Книга открывается предисловием, в котором автор формулирует все свои принципиальные положения (стр. 5–15) и заканчивается резюмирующим заключением (стр. 406–410). Таким образом, структура диссертации носит очень законченный характер и отличается обычной для Иоффе монолитностью замысла и разработки.

Две основные мысли движут «Синтетическое изучение искусства»: первая – об искусстве, как системе общественного мышления, и вторая о литературе, музыке, живописи (а также и кино), как видах единого искусства. Из всего обширного комплекса проблем, поднимаемых диссертацией, лично я, в силу доступных мне возможностей, остановлюсь только на проблеме семантической сущности литературы. Эти положения развиты профессором Иоффе в двух отделах: в общем – «Мышление и семантика», «Сюжет и мышление» (стр. 15–101) и в специальном – «Теория искусства – литература» (стр. 203–250).

Основная концепция Иоффе вытекает из его взглядов на мышление. Две тенденции вскрывает Иоффе в истории общественного человека: прогрессивную силу мышления, «могучее поступательное развитие познания человеком природы» – и силу реакционную, направленную назад, в сторону иллюзий и предрассудков. Реальной историей мышления Иоффе считает именно эту борьбу двух тенденций, познавательной и иллюзорной (стр. 15–16). Говоря кратко, вся книга Иоффе представляет собой развернутый показ, как мышление, с его внутренними противоречиями, организует противоречивое до-социалистическое искусство; этапы классовой борьбы, определяющие сознание, то усиливают, то ослабляют одну из этих двух тенденций за счет другой. Все досоциалистическое мышление, по Иоффе, характеризуется известными константами, то есть такими формами, которые создаются классово-эксплуататорской ограниченностью сознания и не покидают своей сущности до тех пор, пока не уничтожается эксплуатация человека человеком и не появляется новое мышление, социалистическое. Прогрессивные познавательные тенденции досоциалистического мышления борются с этими константами, и от успеха борьбы зависит качество искусства. Диссертант на протяжении своей книги рассматривает движение внутри искусства, поступательный ход прогрессивных сил и стремление их пробиться через ограниченность классовых возможностей. Только в социа-

листическом сознании Иоффе находит, наконец, полное освобождение от классово-эксплуаторских пут и начала настоящего, полноценного, всеобъемлющего и глубокого искусства. Этим пафосом и проникнута книга Иоффе, пафосом, для которого Иоффе находит мощный, необычайного умственного подъема и напряжения язык.

Борьба двух основных тенденций общественного сознания исторически оформляется в материализм и идеализм. «Весь путь идеализма», говорит Иоффе на стр. 27 и следующих, «остается путем утверждения религиозной власти, божества, духа над землей, материей, власти господствующих классов над эксплуатируемыми производителями материальной жизни, над людьми юдоли, скорби и страданий. Весь путь материализма есть борьба снизу, от земли против неба-духа, неба-бога и против господства надматериальных, надземных сил над природой и материальным бытием, есть отрицание этих сил вместе с классами, их создавшими». Материализм и идеализм, диалектика и метафизика определяют, по Иоффе, все развитие искусства. В идеализме и материализме – различные разрешения проблемы бытия; в диалектике и метафизике – проблема конструктивная, говорящая о статике или динамике мира. Метафизика, говорит Иоффе (стр. 29 и следующие) означала неизменность и замкнутость форм бытия, надматериальность. Диалектика утверждала борьбу, изменчивость, движение (стр. 31). Исходя из этих четырех способов мышления, Иоффе конструирует три основных этапа досоциалистического сознания. Это метафизический идеализм, метафизический материализм и диалектический идеализм (стр. 33, следующие). Тот или иной способ мышления создает свою особую систему осмыслений действительности, систему, называемую диссертантом «семантикой», термином Марра. Учение о семантике играет в книге Иоффе особо важную роль, потому что семантика – непосредственный фактор, организующий искусство. В отличие от Марра, Иоффе толкует семантику расширительно, распространяя ее законы на все досоциалистическое мышление. Он говорит, что существует двоякое явление: с одной стороны, известные принципы мышления, с другой – эмпирические представления и понятия. Но семантику не образует ни то, ни другое в отдельности, а только «единство принципов и эмпирического в акте мышления» (стр. 42). «Установить семантику образа, представления, понятия», говорит он там же, «значит найти за единичным эмпирическим значением движущий ими принцип мышления, установить систему, к которой эмпирическое значение отнесено. ...Семантика вскрывает борьбу эмпирического значения с системой, куда оно отнесено, борьбу единичного значения с принципами мышления данного класса данной эпохи». Семантический анализ, по Иоффе, вскрывает не только конкретное содержание образа, но и неподвижные формы досоциалистического сознания. «Семантические ряды следует искать, исходя не только из простого сопоставления значений, но и из принципов системы» (стр. 43). Эмпирическое содержание борется с отнесенностью к системе, которой противоречит; это противоречие движет развитие мышления и способствует образованию новых представлений (стр. 44). Иоффе считает, в отличие от Марра, что «семантические пучки существуют не только в первобытном мышлении, но и в классовом, во всех его стадиях, и каждая система мыш-

ления перестраивает и создает новые связи» (стр. 44–45). К марровскому учению о функциональном переходе значений Иоффе прибавляет «обогащение старого названия новым эмпирическим содержанием и возможность включения названия в новую систему» (стр. 45). Новое содержание, говорит Иоффе тут же, расширяет старое название и «разводит по несоизмеримым рядам». Так, например, лошадь получила название по собаке, но впоследствии конь боевой колесницы становится носителем красоты, а лошадь, участница тяжелого труда – символом забитости и уродства. Конь и лошадь равновесны⁴⁹³ по различным рядам неба и земли, жизни и смерти (там же).

Учение о семантике, как я уже сказала, занимает у Иоффе центральное теоретическое место. Все остальное – приложение к материалу искусства его теории трех стадий досоциалистического мышления и созданных ими семантических систем.

В разделе «Сюжет и мышление» Иоффе рассматривает образ и понятие, как результат общественного мышления. «Образ, говорит он (стр. 52), есть комплекс качеств объективного мира объединенных мышлением в систему. Сюжет есть система этих образов». Сюжет он определяет так: «Сюжет – это осмысленная (классовым) мышлением художника действительность, это кусок действительности, включенный в систему мышления, подчиненный определенным принципам мышления; никакая действительность сама по себе без мышления не является сюжетом, и никакое мышление невозможно само по себе без действительности. Сюжет показывает борьбу, поражение и победу идей, норм и принципов в реальном мире. Силы, которые приводят в сюжете людей и вещи в движение, причины, связывающие в сюжете действия, необходимо предполагают теоретические принципы общественного и мировоззренческого порядка» (там же). Таким образом, Иоффе понимает сюжет очень широко: это сюжет всех литератур, всего в целом искусства, но также и сюжет философии, науки, естествознания. Все сюжеты, по Иоффе, поддаются интеграции. В основе – это единый первобытный сюжет о борьбе стихий света и тьмы, сюжет космологический, двуплановый, говорящий о борьбе неба и земли, жизни и смерти. Иоффе называет его эсхатологическим (собственно, «светопреставленческим» сюжетом). Далее Иоффе различает три плана, в которых этот сюжет воспринимается мировым искусством, в зависимости от трех способов мышления. Итак, в досоциалистическом мышлении сюжетных принципов только три: метафизико-идеалистический, диалектико-идеалистический, метафизико-реалистический. Иоффе видит три сюжетных плана во всем мировом досоциалистическом искусстве, – три мира, верхний, средний и нижний. К первому сюжету, к верхнему миру, относятся темы любви, света, весны, гармонии, добра и т. д. Ко второму – борьба верхнего и нижнего миров с победой одного из них, т. е. либо оптимистическая тональность (темы восхождения, героика), либо пессимистическая (темы нисхождения, скорби, бессилия). К третьему сюжету, к нижнему миру, относятся темы печали, разлуки, оплакивания и т. д. (стр. 68). «Так мы получаем», говорит Иоффе, «три тематических яруса, каждый со своим узлом смыслов, со своими эпитетами, метафорами, красками, звуками, ритмами, тяготеющими к одному содержа-

⁴⁹³ Так в стенограмме. В книге И.И. Иоффе: разнесены.

нию. Любой эмпирический образ, любое чувство укладывались в один из тематических секторов, получали его эпитеты, его метафоры, краски, интонации, осмыслялись его семантикой. Эти тематические ярусы выступают во всех искусствах ... и т. д.» (стр. 68–69).

Три сюжета меняются в различные стадии мышления; соответственно изменяются образы и концепции времени и пространства. До марксизма эти три основные изначальные планы не могут быть преодолены сознанием.

Соответственно трем принципам мышления и трем сюжетным планам досоциалистического сознания Иоффе устанавливает и три типа жанров. «Жанры», говорит он, – «это нормативные тематические категории, предписывающие иерархию темам и сюжетам, предписывающие каждой теме угол зрения и принципы построения. И эти нормативные категории совпадают в своих основных тематических разделах с тремя мировыми и социальными ярусами» (стр. 82). Такими тремя жанрами являются лирика, трагедия и комедия в широком смысле, как три плана подачи, как три категории досоциалистического искусства – литературы, музыки, живописи и прочее, – лирический, трагический и комический жанры.

Все три жанра семантически восходят к одному и тому же пучку эсхатологического круга. Лирика – это пастораль и элегия, то есть либо верхний мир с фазой рождения, гармонией, любовью, либо средний, печаль, гибель, скорбь. В нормативной поэтике трагедия мужественна, активно-волевая; лирика женственна, созерцательна, пассивна. Трагический и комический жанры «восходят к противоположности высокого и низкого, духовного и материального» (стр. 85).

Жанры тяготеют к определенным стилям. Иоффе определяет стиль как «способ мышления в искусстве» (стр. 90). «Стили», говорит Иоффе дальше, «способ мышления класса на определенной исторической ступени развития, – подчинялись закономерностям реальной истории. Жанры и стили были только функцией истории классовой борьбы» (стр. 90–91). Жанры меняли свою сущность и содержание; новые стали рождаться с каждым новым этапом классовой борьбы. Однако, говорит Иоффе, досоциалистические сюжеты, жанры и стили имели свое устойчивое, постоянное содержание, вокруг которого вращались (стр. 91). В метафизическом мышлении это три эсхатологических яруса, три стиля – высокий, средний и низкий, слитые с тремя жанрами-ярусами. Для диалектико-идеалистического мышления стиль – это способ мышления эпохи. В метафизико-материалистической эстетике – стиль – это «способ чувствования и мышления индивида» (стр. 90).

Все эти три плана выступают в каждую эпоху в тесной связи. В системе эксплуататорского мышления космогонический сюжет сохраняет свое былое единство. Его разделение на три цикла, на три плана – внешняя черта; внутренне он един. Верхний план – это темы любви, красоты, согласия. Средний план – омрачение светлой темы с победным концом или гибелью после горестей. Нижний план, план поражения, в классовом мышлении обратился в комический, веселый план (стр. 92–93). Всякий факт реальной жизни, говорит Иоффе, – становясь сюжетом, вовлекается в борьбу основных стилей и осмысляется ими: «Сюжеты различаются не эмпирическим материалом, не темой, а силами, вскрытыми в ... теме. Наблюдение дей-

ствительности художником и заключается в отыскивании скрытых сил, пружин, действия, т. е. в мышлении определенными принципами. И каждый способ мышления по-своему устанавливал эти силы и связи, тяготел к иному сюжетному построению» (стр. 94).

Книга И.И. Иоффе, прежде всего – огромный синтез материала мировых литератур, окруженного материалом однокачественных мировых искусств. Чтобы доказать, что литература есть способ мышления, Иеремии Исаевичу приходится брать все искусство в целом и в частности и показывать полный параллелизм форм речевой культуры с формами культур звука, света, красок и т. д. Но синтезом мало назвать обработку автором материала. Это интеграция, это возведение всего многообразия досоциалистического искусства к нескольким исходным принципам. Следовательно, первая заслуга Иоффе в том, что работа, им сделанная, является настоящей прямой наукой: он ищет закономерностей в великом океане хаотических фактов, он охватывает этот хаос краткой формулой, он дает громадное обобщение и системность тому, что до сих пор казалось грудой разрозненных случайностей. Вторая его заслуга в том, что он рассматривает литературу, как разновидность общественной идеологии, а следовательно и всех видов искусства, а следовательно и систем общественного мышления. Семантическое изучение литературы – явление редкое, новое и очень актуальное для марксистского литературоведения, явление, во всяком случае, подлинно-научное. Нельзя закрывать глаза на то, что литературоведение, как наука, еще только начинает создаваться, что то, что у нас называют литературоведением, пока очень мало похоже на науку. Формалисты занимались изучением статических литературных форм без проблемы их семантического содержания. Вульгарный социологизм совершенно игнорировал и литературную форму, и литературное содержание. Сейчас растерявшиеся литературоведы занимаются изложением сюжетов и психологией действующих лиц. Не только нет теории литературы, но нет и ее истории, потому что из биографий и сюжетов марксистская история получиться не может. Вот почему попытка построения теории литературы, разрывающая с формализмом, отметающая вульгарный социологизм, основанная целиком на семантологии, должна встретить внимание и признание.

Основная мысль диссертации верна. Безусловно правилен центр ее тяжести. Литература, как часть искусства, есть художественная система известных смыслов, конструируемых общественным, исторически складываемым, сознанием. Литература, как часть искусства, материальна; она говорит языком форм, взятых во всей совокупности художественной системы, но не фабулой, не психологией персонажа, не биографией автора, не его социальным портретом. Литература говорит формами, как человек говорит звуками. Но эти формы – язык смыслов. Художественная система насквозь и полностью семантична.

Иоффе прав, когда исходит из реальной истории мышления и устанавливает принципы образования семантических систем. Интересна, совершенно нова его попытка расширительного толкования семантики и распространения семантического анализа на все классовое искусство.

Далее, очень ценной является основная идея Иоффе о литературе, как искусстве. Она открывает замечательную общность между формами слова, звука, цвета, между поэтикой и теорией музыки и живописи. Замечательна попытка Иоффе найти интеграл всего искусства в нескольких принципах мышления. Стадии, устанавливаемые им, конструируются не по хронологическим признакам, а по качественной разнородности движущих причин. Таким образом Иоффе совершенно чужд вульгарному эволюционизму.

Что касается до конкретного проведения этой основной концепции в книге Иоффе, то я согласна с ним не во всем. У меня с диссертацией два основных расхождения. Первое – теоретическое, в части трактования диссертантом трансформации сюжетов и жанров; второе – технологическое, которое относится к принципам построения научного технологического процесса.

Иоффе считает, что все досоциалистическое искусство имеет только один сюжет, эсхатологический, который трансформируется, проходя через стадии сознания. Уже не говоря о том, что возможности этих трансформаций слишком сужены Иоффе и возведены в стандарт, самая устойчивость первобытного сюжета представляется мне вполне спорной. Эсхатология уже в античности теряет функцию содержания и сильна только своей прошедшей ролью; в идеологии капиталистического общества об ее ведущем значении не может быть и речи. Но дело даже не в этом. Никакой сюжет, с теоретической точки зрения, не может служить конкретным первоисточником сотен последующих сюжетов. Мы можем говорить о тысяче вариаций сюжета с одной определенной структурой (отсюда – и пресловутая теория бродячих сюжетов), но нельзя предполагать, что вся европейская сюжетика имеет только один смысловой костяк в трех аспектах мышления. Здесь Иоффе противоречит самому себе. Он хочет под всеми европейскими сюжетами найти не семантическую причинность, а сюжетный архетип, не принцип, а пра-факт.

Мне также не вполне понятно отношение Иоффе к литературным жанрам. Лирику, драму, роман и так далее он берет не в обычном эмпирическом понимании, а конструирует их по-своему, в качестве родовых понятий, абстрагированных от конкретных жанров. Так, он может лирику находить там, где мы привыкли видеть роман (стр. 235); один жанр обращается у него в другой. Жанр – понятие условное и без того; его единственная оправданность, как термина, исчерпывается давностью. Следует ли создавать новые жанровые условности? Убедительно ли для науки называть лирикой мотивы, созданные семантикой верхнего или нижнего мира, трагедией – верхнего, комедией – нижнего? Пастораль или элегия для Иоффе всегда лирика, героика для него – трагедия, обыденность – комедия. Это может быть в реальности роман, поэзия, драма, эпос. Иоффе было бы труднее, если бы он имел под рукой материал античной литературы. По непонятной для меня причине, именно этот решающий для теории литературы материал Иоффе исключает из мирового обзора.

Греческая литература переворачивает представления о жанрах, не только формалистические, но и те новые, какие устанавливает Иоффе. Я возьму

только один пример. Иоффе говорит о жанрах лирики. Но в греческой литературе, где лирика на наших глазах рождается, как жанр, именно лирических элементов и нет, хотя она лирика. Например, у Алкмана:

Вот семь столов и столько же сидений
На тех столах – все маковые хлебцы,
Льняное и сезамовое семя,
И для детей в горшочках – хрисокола.

Какая здесь тональность? Элегическая или радостная? Или, может быть, это идиллия? Нет, это простое описание без лирических эмоций. По Иоффе, это комедия, потому что здесь обыденность.

Или другое стихотворение того же Алкмана:

Три времени в году, – зима,
И лето, осень – третье,
Четвертое ж – весна, когда
Цветов немало, досыта ж
Поесть не думай.

Из Гибрия:

Вот мое богатство лучшее: меч с копьем,
Также прекрасный щит, хранитель верный тела.
Я этим пашу, и этим жну я,
Давлю из ягод этим вино я сладкое,
Этим я владыкой рабов зовуся.

Лирика это или не лирика? Здесь нет ни пасторали, ни элегии. Да ведь и элегия-то тоже никаких элегических элементов первоначально в себе не включает. Вот пример греческой элегии, приписываемой Мимнерму:

В юности ночь проводить с молодой подругой или другом,
Всею отдавшись душой пылу любовных утех,
Или же песни на пиршестве петь беззаботно под флейту, –
Радостней этого нет в жизни людской ничего
Ни для мужчин, ни для женщин. На что мне
почет и богатство?
Лишь наслажденье одно важно и радостный дух!

Мне думается, что вся теоретическая суть в истории литературного процесса в том и заключается, что каждый жанр, стиль, сюжет всегда представляют собой не то, что он же являл на предшествующей стадии своей истории. Ни один жанр, даже гипотетический, даже в виде родового понятия, не был одним и тем же от античности и до капитализма. Суть в том, что он принимал противоположные формы и границы. На стр. 220 Иоффе в разделе «Проза» говорит: «Проза (до-гуманистическая – О.Ф.)

составила низший план литературы. Проза не знает музыки, правильности, упорядоченности; проза идет за частным, случайным движением мысли и обращена к миру случайного, частного, к миру практики, труда, будней, суеты житейской». На это я отвечаю Иеремии Исаевичу, что в Греции проза пелась и имела аккомпанемент в музыке и телодвижениях, что греческая проза есть носитель всех функций поэзии, что она имеет ритмы и рифмы, строфы и все поэтические фигуры, что Аристотель и Цицерон создают целые трактаты о метрических системах античного прозаического языка, что античная проза включает в себе все те же самые жанры, что и поэзия – например, торжественную оду, славословие, и самые высокие жанры во всей античной литературе, намного уступающие простой греческой трагедии и маленькой, бесцветной лирике. Неправ Иоффе, когда он (на стр. 226) считает основными видами прозы описание, повествование и рассуждение. Все эти виды рождаются, как показывает античность, в поэзии, а не прозе; в том-то и суть, что первоначально поэзия является прозой, а проза поэзией. Все формы временны и кратки; они подвергаются вечному переходу в новые системы смыслов и содержания, а содержания – в новые системы формообразований. Иоффе бьет по идее неподвижных и замкнутых форм. Но он не показывает диалектики их перехода в содержание, а содержания в формы. Иоффе дает только семантическое объяснение жанровых форм, их семантическую трансформацию.

Второе мое расхождение с Иоффе – в принципе построения научной работы. У него принцип работы таков и такова его личная исследовательская техника, что он держит весь грандиозный материал искусства в голове, но не в книге; этот материал он синтезирует, и синтез, в очень сжатой, почти императивной форме, излагает на бумаге. Просинтезировав известный раздел материала, он дает примеры к только что изложенным мыслям. Таким образом, самого материала Иоффе на наших глазах не рассортировывает, не передвигает, не лепит из него новых фигур. Он только меняет освещение. Мы все время находимся в мастерской режиссера, рассказывающего нам о новом понимании вещей и показывающего нам снимки со своих постановок; но сцены с игрой актеров мы не видим. У Иоффе много замечательных мыслей; особенно сильная сторона Иоффе – это его характеристики. Он мастерски определяет литературные факты и их закономерность. Большие знания, большая научная интуиция движут его определениями и мыслями об искусстве. Его отдельные синтезы замечательны – например, о трагедии, о личном мире героя, о реализме – и десятки других.

Рядом с этим в диссертации Иоффе – описательность качеств, множество определений, ослабляющих друг друга своим обилием и вскоре перестающих воздействовать на утомленную мысль, засыпанность книги терминами, характеристиками, определениями. Язык сжат и переобременен терминологией и формулами, почти сбиваясь на изречения и максимы. Вся теория одета в форму итоговых определений и примеров к ним. Страсть к обобщению закрывает Иоффе глаза на нюансы и детали, на подголоски и задний фон. Научная мысль Иоффе монументальна и монолитна. Он видит

одни большие линии. Он баталист, пишущий огромные полотна, и ему нет дела до частностей и правдоподобия масштабов. Чрезмерная типологизация неизбежно переходит в схематизацию.

Иоффе синтезирует не только литературу и искусство, но и науку о них. Читая его, нужно хорошо знать и материал искусства, и литературоведение, и искусствоведение, и философию. Никаких ссылок или упоминаний научных имен у него нет. Конечно, история науки легко отделит Иоффе от его предшественников и смежностей. Понятно и то, что это тоже принцип технологии. Однако, если это принцип, с ним позволительно и не соглашаться. Наука есть лепка не одного материала исследования, но и науки о материале. Читая Иоффе, встречаешь у него знакомых ученых и, естественно, использование препарированного другими материала; между тем, Иоффе пренебрегает ссылками, считая это, по-видимому, устаревшим филологическим приемом. Иногда он дает цитаты, но преимущественно из классиков марксизма. Действительность мстит Иоффе. Масса тем, вырастающих из его книги – его определения, его объяснения и научная разгадка множества литературных явлений расходятся по рукам без имени автора. От Иоффе молчаливо принимаются многие концепции и внедряются в наше литературоведение. С другой стороны, попытка строить теорию литературы вне-эволюционно и находить единство многообразия литературных фактов – в советском литературоведении не новинка. И это хорошо.

Иоффе – типично советский литературовед, воспитанный марксизмом-ленинизмом, с широкими интересами и горизонтами, смело ставящий крупные теоретические вопросы. Его оригинальность и значение в том, что он берет литературу в комплексе всех видов искусства, раздвигая границы поэтики и показывая здесь изумительные просторы. Минувя античность и Восток, он изучает всю литературу культурных народов от феодализма до социализма. Огромный, широко растянутый фронт его научной теории охватывает 20 веков мирового искусства, но не на всех участках он заходит в тыл достаточно глубоко. Заслуга и оригинальность Иоффе еще и в том, что он распространяет семантический анализ на всю литературу в ее целом, чего никто до него еще не делал, и хочет провести единство литературы, как системы художественного сознания, через всю историю ее существования. Эта проблема широка, величественна и очень актуальна для марксистского литературоведения. Не следует, поэтому, преувеличивать у Иоффе недоделок, сопутствующих чересчур большой и сложной задаче.

Оценивая в целом диссертацию Иоффе, как оригинальный научный труд, обогащающий советскую теорию литературы, считаю, что профессор И.И. Иоффе вполне заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук.

Профессор О. Фрейденберг.

29 октября 1940 г.

ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 63–81. Машинопись.

ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ И.И. ИОФФЕ:
«Синтетическое изучение искусства и звуковое кино»

Книга И.И. Иоффе – замечательное явление в нашей искусствоведческой литературе. Она – плод не только громадной эрудиции и колоссального труда по усвоению самого материала искусства, но и результат напряженной творческой мысли. От этой книги можно идти дальше по разным направлениям – как по линии общих проблем литературоведения и искусствоведения, так и по линии изучения отдельных искусств; но делать возражения на такую книгу трудно – настолько она органична и цельна. Основную тенденцию книги – рассматривать искусство в целом как одну из форм или один из способов выражения общественного мышления – следует, мне кажется, признать правильной и плодотворной. Следует признать правильной и другую тенденцию, логически связанную с первой: в истории искусства отражается *стадиальность* общественного мышления и культуры.

При таком положении мне приходится ограничиться только некоторыми соображениями или сомнениями. Я не буду останавливаться подробно на мелочах, а укажу только, что не все приведенные в книге примеры достаточно убедительны – кое-где автор слишком увлекается приложением своей общей теории к отдельным фактам и становится на путь аналогий. Так, например, переход от полифонической музыки к гармонической, отражающий общий переход от стадии спиритуализма к стадии гуманизма, интерпретирован автором так, что то не вызывает возражений; но когда автор находит, что то же самое сказывается в переходе от силлабического стихосложения к тоническому, то это кажется натяжкой – неверно выбранным примером, хотя бы уже по одному тому, что, например, французская поэзия не знала этого перехода. С точки зрения И.И. Иоффе пришлось бы, значит, утверждать, что переход от спиритуализма к гуманизму прошел мимо французской поэзии, что гуманизм никак не отразился в ней. Это, очевидно, не так – значит, неудачно выбран пример.

Но важнее говорить не об этих отдельных неудачах или ошибках, а об основных вопросах. В книге есть одна принципиальная опасность. Если искусства выражают «одно общественное мышление» и отражают общую стадиальность его развития, то не оказываются ли они в положении параллелизма? Книга И.И. Иоффе может навести на эту мысль, а эта мысль влечет за собой вопрос о смысле и ценности синтетического изучения. Все искусства отражают одно и то же мышление и проходят через те же фазы: что же нового и важного приобретаем мы от изучения всех искусств в их стадиальности по сравнению с изучением отдельного искусства? Это остается не совсем ясным или, вернее, не вполне осознанным. Для общей теории искусства такое «синтетическое изучение», конечно, очень важно, потому что при его помощи устанавливаются общие категории и методы художественного мышления; но для изучения отдельных искусств это уже не так ясно. По крайней мере на практике оказывается, что в главах книги, посвященных отдельным искусствам, дело принимает иногда характер простых сопоставлений и аналогий. Сам автор вовсе не стоит на точке зрения параллелизма, но мысль об этом является у читателя.

Происходит это потому, что в книге есть некоторый чрезмерный схематизм, подсказанный желанием доказать на примерах правильность общих теоретических положений. Не приняты во внимание конкретные особенности развития отдельных искусств в определенных и все-таки (независимо от стадий) разнообразных исторических и национальных условиях. Недостаточно отмечено, что каждая стадия (как и все в мире) содержит в себе внутренние противоречия и что законы диалектики по-разному действуют в разных искусствах; не отмечено и то, что каждое искусство не только отражает в себе ту или другую стадию, но и выходит за ее пределы. Этим ведь объясняется живучесть и доступность произведений искусства, относящихся к давно прошедшим и изжитыми эпохам и стадиям (ср. слова К. Маркса о древнегреческом искусстве). Если бы искусство было отражением определенной стадии общественного мышления и только, такого факта не могло бы быть.

Я думаю, что И.И. Иоффе делает чрезмерное ударение на том, что искусство – форма *мышления*, и чрезмерно поэтому сближает искусство с философией. На практике известно, что самая большая трудность в конкретном анализе художественного произведения – переход к обобщениям, к теоретическому осмыслению. Тут обычно получается скачок – или ощущение насилия над материалом. Это происходит потому, что искусство не столько близко к философии, сколько противостоит ей и борется с ней как с системой. И.И. Иоффе несколько раз возвращается к вопросу о соотношении искусства и философии (стр. 51, 53, 55), но все его определения и формулировки, связанные с этим вопросом, кажутся неубедительными и недостаточными. Это взаимоотношение кажется мне более сложным, чем показано в книге. Философия, стремясь к выработке твердой системы, более или менее давит на действительность, между тем как для искусства действительность – основа. Поэтому искусство в отношении к философии представляет до некоторой степени враждебную, взрывчатую силу. Это, мне кажется, не учтено автором книги.

Мне кажется даже, что в отношении к искусству правильнее пользоваться термином «сознание», чем «мышление». Если искусство порождается тем же процессом мышления, как философия, то не совсем понятно их одновременное существование и их взаимоотношения. «Сознание» шире, конкретнее и противоречивее, чем «мышление». И.И. Иоффе говорит: «Теория искусства есть часть общей теории мышления» (стр. 7). Это не совсем ясно и, я думаю, не совсем верно. Там же, в предисловии, Иоффе говорит: «Всякие попытки восходить от музыкальных форм прямо к идейно-философскому содержанию минуя сюжеты, стили и жанры других искусств, оказывались тщетными, потому что между музыкой и теоретическим мышлением лежали сюжеты и жанры художественной культуры, частью которой являлась музыка». Это и неясно и как будто противоречит другим принципам и утверждениям автора. Почему привлечение других искусств должно помочь этому «восхождению»? Если искусство так близко к философии, как об этом говорится в книге, то «восхождение» это должно было бы совершаться и без помощи других искусств, а если это оказывается трудным или даже невозможным, то не совсем понятно (и принципиально, и фактически), почему это оказывается возмож-

ным при помощи других искусств. То, что делает сам автор, добиваясь уяснения идейно-философского содержания, подчиняет искусство историческим стадиям мышления до такой степени, что искусство теряет при этом некоторые существенные и специфические свои особенности. Искусство в книге И.И. Иоффе становится зачастую только «памятником» эпохи – наряду, положим, с языком; в этой «палеонтологии» искусства много важного и интересного, но этим не исчерпываются ни цели искусства, ни его фактологическая роль. Я думаю, что если искусство может и должно быть сближено и с языком и с философией («мышлением»), то с учетом того своеобразия, которое породило искусство и которое отличает его и от языка и от мышления.

Таковы мои принципиальные сомнения и соображения. Скажу еще несколько слов о главе, посвященной литературе. Здесь сказано много нового – в особенности о жанрах. Самое понятие «жанра» не совпадает в книге И.И. Иоффе с общепринятым. Он признает три жанра (не только в литературе, но и во всех искусствах): лирика, комедия и трагедия. Это очень интересно, но, конечно, спорно. Стадиальность мышления в этом отношении, оказывается, не влияет на жанры – они оказываются неизменными. Возможно, что автор напрасно применяет термин «жанр» к таким делениям, как лирика, комедия и трагедия. Это нечто вроде ломоносовских «штилей» – и я не уверен, что применение в данном случае термина «жанр» правильно.

Очень важно и интересно все, что говорит И.И. Иоффе о романе и о прозаической природе словесного искусства. Жаль только, что он и в этом случае (как и во всех других) совсем не говорит о традиции. Хорошо было бы, например, если бы в книге была оценена так называемая «слуховая филология» – вся эта громадная литература (немецкая, английская и русская) о звучащем стихе, интонации, мелодии и прочем.

Вопрос о звуковом кино выходит за пределы моей компетенции, хотя я и написал много лет назад статью «Поэтика кино»⁴⁹⁴. Тогда речь шла о немом кино – и с тех пор многое переменялось. Я не убежден, что звуковое кино – первое и настоящее синтетическое искусство; мне кажется, что таким искусством был и останется театр. И.И. Иоффе говорит о движущейся живописи, но отчего не говорит о коренной связи кино с фотографией, а мне эта сторона дела кажется существенной. В кино искусство впервые вошло в теснейшую связь с техникой – настолько, что без сложной техники и аппаратуры оно немислимо. Представьте себе, что в один прекрасный (т. е. печальный) день мы оказались бы лишенными всех изобретений, связанных с электричеством, фотографией и прочим. Все искусства продолжили бы свое существование, но кино не могло бы существовать. Мне кажется, что кино представляет собой не синтез искусств, а синтез искусства и техники. В этом и плюс, и минус кино. Звуковое кино оказалось ближе к театру, чем было немое, – и поэтому перспективы звукового кино сложны и неясны. Мне кажется, что специфическая для кино связь с техникой должна быть учтена.

В целом, я повторяю, книга И.И. Иоффе – замечательное, открывающее громадные горизонты в искусствоведении и в частности – в литературоведении, явление.

⁴⁹⁴ «Поэтика кино» – название сборника статей, опубликованного под редакцией Б.М. Эйхенбаума в 1927 г. Его статья в этом сборнике называлась «Проблемы киностилистики».

Считаю, что автор этой книги вполне заслуживает ученой степени доктора филологических наук.

Доктор филологических наук, профессор: Б. Эйхенбаум.
ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 82–87. Машинопись.

№ 4

Отзыв о работе профессора И.И. Иоффе
«Синтетическое изучение искусства и звуковое кино» (Ленинград),
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Настоящее исследование И.И. Иоффе, как и все его основные работы («Культура и стиль» и др.), не ставит своей задачей проблемы истории литературы или историко-литературного процесса. Рамки работы И.И. Иоффе гораздо шире: его задачей является исследование взаимосвязей, взаимопроникновения, общего типического, единства закономерностей целого ряда искусств (литературы, живописи и скульптуры, музыки, кино) как в их возникновении, так и в процессе исторического развития и в практике социального воздействия.

Такая задача синтетического, обобщающего «социологического» изучения искусства, при господстве в настоящее время исключительно исторического изучения отдельных искусств в их, в известной степени, условной разорванности и замкнутости, является исключительно сложной и трудной, но в то же время и исключительно плодотворной, практически чрезвычайно значимой для исследователя-марксиста. Практике освоения массами культурного наследия прошлого, делу строительства социалистической культуры в нашей стране даже малые достижения в области синтетического изучения искусств могут оказать значительное содействие. И это тем более, если сама научная работа исследователя, как это имеет место в книгах профессора Иоффе, организована устремлениями практического порядка – оказать максимальное содействие культурному росту народных масс. Научные устремления И.И. Иоффе к «синтезированию» как раз и возникли и окрепли в его громадной практической работе эстетического образования и воспитания советской интеллигенции (в Комвузе, Эрмитаже, Педвузе и т. д.).

Для литературной науки исследование Иоффе имеют большое стимулирующее и нередко уже и прямо практическое значение, поскольку постановка и разрешение теоретических проблем не пользуются среди литературоведов широкими симпатиями. «Достижения» школы формалистов не оценены в их исторической обусловленности, не освоено полностью и критическое теоретическое наследие А.Н. Веселовского, малое применение в области литературной науки нашли богатые творческими импульсами работы Н.Я. Марра. И смелые дерзания И.И. Иоффе могут иметь в данной обстановке только положительное значение при всей условности, спорности и даже и ошибочности разрешения поставленных им задач.

К постановке и разрешению поставленных в исследовании задач в качестве литературоведа, поскольку книга Иоффе представлена на соискание ученой степени по филологическим наукам, диссертант подготовлен

и своим образованием (высшая школа и аспирантура по русской литературе), и многолетней работой в специальных исследовательских институтах (ИЛЯЗВ и ИРК)⁴⁹⁵, и долговременной практической работой в вузах по русской литературе (курсы лекций по современной литературе в Педвузе им. Герцена и Ленинградском университете и там же – специальные семинары по теории и истории литературы). Как искусствовед, работающий на материале разных искусств, И.И. Иоффе доказал свою широкую осведомленность и работой в специальных исследовательских учреждениях (Эрмитаж, Музыкальный научно-исследовательский институт и т. д.), и многолетним весьма успешным чтением обобщающих курсов по истории искусства в Педвузе и Университете, и многочисленными печатными работами.

Являясь, таким образом, ученым редкого типа – в области ряда смежных дисциплин, – И.И. Иоффе выполняет свои работы на высоком уровне общей теоретической подготовки (философия, марксизм-ленинизм).

И многие из положений работ И.И. Иоффе вышли уже в широкий научный оборот. В частности, для литературной науки имеют громадное стимулирующее значение постановки и опыты разрешения им таких перво-степенной важности для литературоведа проблем, как проблемы сюжета, жанра, стиля и т. д. Постановка этих проблем на основе принципов марксизма-ленинизма с привлечением достижений Н.Я. Марра придает даже и не всегда убедительным разрешениям поставленных вопросов особую принципиальную заостренность и значимость.

При всей громадной теоретической и практической значимости, как этой, так и других работ И.И. Иоффе им присущ ряд недостатков, подчас весьма существенных, которые отметить я считаю необходимым.

Прежде всего, недостатки, связанные с самой постановкой вопросов на материале разных искусств. При всей широте знаний диссертанта в оперировании им конкретным материалом разных дисциплин можно и следует указать большое количество и нечетких, и ошибочных суждений и констатаций фактов. Это относится и к литературе, и к живописи, и к другим отраслям. А если учесть «бессмысленность» работы И.И. Иоффе, то дело и еще более осложняется. Для иллюстрации укажу один пример, охватывающий большое количество сомнительных утверждений – в области оперирования фактами из области живописи. Автор уверенно (категорически) говорит о колорите, композиции, «впечатлении» от художественных комплексов (Сикстинская капелла, например), никогда их не видавши (он не был в Западной Европе и в европейских музеях). Следовательно, свои выводы он делает с чужих слов – чьих? Правильно ли они (кто), с точки зрения наших принципов, видели и описали эти вещи, о которых так категорически судит И.И. Иоффе. Отсюда и ряд курьезов и серьезных недоразумений, на которых я остановлюсь в устной беседе с диссертантом (Аккерман, «Леда» Л. да Винчи и т. п.). Автор непринужденно пользуется традиционной терминологией, вкладывая в старые термины новое свое содержание, и в то же время не устанавливая своего отношения к их

⁴⁹⁵ Имеются в виду Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, действовавший при ЛГУ в 1919–1930 гг., и Государственный институт речевой культуры, в который и был преобразован ИЛЯЗВ.

обычной трактовке. Отсюда ряд недоразумений и просто ошибок (термины – «эсхатологический», «икона», «доперспективная живопись», «первопечатная книга» и т. п.).

Одним из достоинств книги является сжатость и экономия изложения, почти «афористичность» стиля, почти неизбежная в работе такого типа. Но сплошь и рядом получается так, что эта афористичность становится источником пустоты и бессодержательности (в лучшем случае!) многих выводов и обобщений, важных для общей концепции автора. Ну, что, например, дают нам такие «афоризмы»? «Эсхатологическая семантика воскресающего и умирающего бога пронизывает все искусство, музыку, литературу от первобытного до империалистического включительно» (46 стр). «За воинственными портретами королей скрывается схема Георгия, поражающего чудовище» (70–71) – а не наоборот?

«Космогоническая семантика давит на тему и разворачивает сюжет», пример – Пушкин в «Полтаве»! (75). У Толстого, Маяковского действует «изначальное эсхатологическое понимание сюжета войны» (78). Классовое искусство «знало глубокое страданье, глуповатый смех и беспредметную радость» (110). «Храм – дом бога – всегда строился по образу мироздания» (121) – где? когда? и т. д., и т. п.

Благодаря «афористичности» и, в известной мере, самой сущности метода изучения явлений И.И. Иоффе у него нередко (в данной работе) исчезает вещь искусства, вес конкретности, исторической наполненности и значимости, а между тем именно эта конкретность ее и значима для нас, а не то, что она несет на себе родимые пятна доклассового общества («Полтава» Пушкина и др.).

Самым серьезным недостатком и данной работы, и большинства других работ И.И. Иоффе я и считаю его недостаточное внимание к истории, к единичному, конкретному в искусстве, связанное с его огульным и некритическим перенесением некоторых положений новой теории языка Н.Я. Марра в область искусствоведения (отсюда – «космогоническая семантика», «палеонтологический» анализ понятий теории искусств и т. д.). Чрезмерность этого увлечения ложится опасной грозной тенью на многие выводы И.И. Иоффе по вопросам теории литературы (сюжет, стиль и т. д. – в плане стадияльного мышления); в рассуждении же И.И. Иоффе о «вечных темах» доводит его и до комического положения (например, о теме «тощих и толстых», которая «выводит к борьбе масленицы и поста, обжорливой масленицы и скромного, тощего поста» – 96).

В вопросах «звукового кино» я не считаю себя достаточно компетентным, но полагаю, что эта часть работы И.И. Иоффе наиболее сложная и наименее убедительная. И в ней с наибольшей четкостью, по моему мнению, сказалась опасность возрождения И.И. Иоффе формализма на «космогонической» и «палеонтологической» подкладке. Укажу на опасные советы автора работникам кино на стр. 212 («колорит создания семантики основных цветовых отношений, создание их сюжетного значения») или на стр. 329, прямо ведущий к штампу: «Цвет – теплые тона, светлые интенсивные краски уместны в мифическом пейзаже и холодные, темные тона – в драматическом» и так далее, и тому подобное.

Указание сомнительных формулировок, ошибочных констатаций, недоказанных обобщений можно было бы и продолжить. Но все это не снимает основного положительного значения – теоретического и практического, и данной работы, и всех работ И.И. Иоффе, богатых и содержанием, и творческой мыслью. При всех ошибочных суждениях, работа И.И. Иоффе пролагает новые пути исследования теории искусств и литературы, в частности, пути марксистского искусствоведения, понимаемого как живая теория живого строительства социалистического искусства, искусства народных масс. Осведомленность диссертанта в области искусствоведения (литературы – прежде всего и в области музыки – в частности) обширная. Целенаправленность всех работ И.И. Иоффе – в высокой мере положительна.

Считаю допущение работы И.И. Иоффе к защите на степень доктора филологических наук вполне обоснованным, а присуждение степени доктора – вполне им заслуженным.

Доктор филологических наук
профессор В. Десницкий.

ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 89–99. Автограф.

№ 5

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ИОФФЕ

Тут было высказано много и общих и частных положений. Вряд ли я сумею на все ответить. Я, прежде всего, обращусь к своим оппонентам. Каждый из них представляет из себя очень крупную и своеобразную фигуру советского ученого в литературоведении. И как подлинные ученые они сознают, сколько трудностей на их пути и сколько новых задач и проблем еще предстоит поставить. И критиковали они меня каждый со своего пути – с пути постановки и решения интересующих их задач. Для меня это очень ценно. Слушать от таких крупных представителей своей науки замечания, с позиции их последних достижений, конечно, полезно для такой работы, которая тоже представляется этапной работой, которая не является окончательным достижением, а движением к целому ряду новых работ.

Я начну с О.М. ФРЕЙДЕНБЕРГ. Я прекрасно понимаю ее выпад против абстракции и категорий жанров и ее требование конкретности. Действительно, это самая сложная проблема – отношение абстрактного к конкретному и на конкретном решать теоретические проблемы.

Совершенно верно, что жанры имеют бесконечное множество оттенков и жанры более конкретны, чем те категории, которые я излагал. Но в то же время нужно быть последовательным до конца. Если говорить о конкретности, то конкретно только единичное произведение искусства. Есть «Гамлет» и есть «Борис Годунов», есть «Мертвые души», но нет трагедий, комедий и тому подобного. Но если мы откажемся от всяких теоретических обобщений, то мы откажемся и от науки. Жанры – это обобщения, имеющие свою историческую ценность, и классификация жанров очень путанна. В самом деле, что такое трагедия, комедия и роман? Трагедия трактует о героических, исторических сюжетах; комедия, наоборот, – это повседневное, требующее смеха, исключаящее всякое героическое содержание; а ро-

ман – это, очевидно, совершенно другое, это форма бытования литературы, это книга, которая может быть и трагической и комической. Но, во всяком случае, никакой речи о тематике в определении жанра помина нет. Следовательно, мы имеем несколько принципов классификации, а поэтому не может быть научного обобщения.

Теперь – другое возражение – относительно того, что проза у греков была поэзией и поэзия была прозой. У меня речь идет о другом, у меня речь идет о том, что всякое стремление к упорядоченности, к закономерности, правильности, к гармонии есть признак высокого плана. Я опирался при этом на европейские поэтики с их категориями прозы и поэзии.

В данной теоретической работе я не занимался конкретными историческими процессами, я привлекаю только примеры, но те, которым знакомы мои другие работы, знают, что я те же принципы проводил и в историческом плане, и, насколько мне известны мнения специалистов, небезуспешно.

Борис Михайлович поднял два очень важных вопроса: во-первых, сотрудничество и параллелизм литературы и искусства и, во-вторых, отношение философии и искусства.

Параллелизм я категорически отвергаю. Есть вещи, которые слово не может выразить, их выражает музыка. Таким образом, каждое искусство выполняет такие функции, которые другое искусство выполнить не может. Что касается этого сотрудничества в историческом плане, то я в предшествующих работах не раз это указывал. Почему немцы оказались, как будто бы, очень философическим, поэтическим и музыкальным народом, и мало художественным? А очень просто. В той конкретной исторической борьбе, которую немцы вели в период реформации, музыка была гораздо важнее икон. В протестантизме музыка выдвинулась в первый план. И каждый раз история определяет это соотношение, а не одаренность народов.

История искусства показала, что нет народа, который бы не имел одаренных поэтов, музыкантов, живописцев, а есть исторические условия, требующие преимущественно данное искусство. В отношении одной страны я это показал – в отношении Германии (См. мою работу «Мистерия и опера»).

В отношении философии – еще более трудный вопрос. Я не претендую на то, что я его решил до конца. Но то, что вы говорите, что искусство является взрывающей силой, а философия – сдерживающей, – это опять-таки, как складываются исторические условия. Нельзя сказать, что философия Гегеля является сдерживающей силой. Бывает так, что искусство является сдерживающей силой, а философия идет впереди. Кроме того – даже живопись есть умозрение в красках и нередко весьма отвлеченное. Например, византийские иконы – это образы довольно отвлеченные и *искусство кубистов и конструктивистов – это искусство, дающее схемы и абстракции, а не чувственно-конкретный мир*⁴⁹⁶.

Теперь относительно противоположности философии и искусства, о том, что они будто борются между собою; но борются между собою и искусства, с другой стороны есть и сотрудничество между ними. И получается это в одном произведении, например, у Данте – ад очень конкретен, очень

⁴⁹⁶ Подчеркнуто красным карандашом, на полях проставлено отчеркивание.

эмоционален и даже реалистичен, а рай является символическим, религиозно-философским. Это не потому, что Данте потерял дар изображать, а потому что нужно было излагать догму веры католицизма. То же самое с «Фаустом» – первая часть очень реальна, а последняя часть – философская. Таково сотрудничество философии и литературы; нужно было Гете изложить теоретические принципы, свое мировоззрение, а не давать конкретную действительность. То же самое происходит у Гоголя, у Толстого. Даже в «Анне Карениной» Толстой переходит в конце к философии, оставляя конкретные изображения жизни. Философия дает принципы действительности, в то время как искусство дает самую действительность, но через эти философские принципы.

Относительно того, почему я употребляю не слово «сознание», а «мышление». Это для меня очень существенный момент. Сознание – это нечто такое, что может быть оторвано от мира, по крайней мере, в изложении буржуазных философов. Мышление же есть активный процесс; в акте мышления всегда есть действительность; мышление есть мышление о действительности.

Я согласен с тем, что вопрос о семантике ритма и метра в стихосложении не получил у меня должной полноты и разрешения. Но вопрос о смысловом значении тех или иных размеров – вопрос чрезвычайно существенный и далеко не разрешенный.

Меня очень радует, что проблема исполнения литературного произведения получила одобрение Бориса Михайловича, но вряд ли надо объяснять мое отношение к Сиверсу и слуховой филологии. Ведь я исхожу от звучания как функции сюжета, а не от акустического понимания эвфонии.

Относительно кино. Кино – это не первое синтетическое искусство. Это первое фиксированное синтетическое искусство. Я все-таки на кино смотрю более оптимистически, чем Борис Михайлович. Я в кино вижу не только новое техническое средство, которое породило новый вид искусства. Наоборот, новое мышление породило новое искусство и кино дало могучее средство для этого. И поэтому, чем богаче будет кино, тем более оно сможет передать человеческое мышление. Перед кино – колоссальные возможности. И различие его театра заключается в том, что оно может дать как литература свободное сочетание пространственных образов, в звуковом кино можно увидеть целый ряд таких вещей, которые театру никак не доступны и не доступны даже литературе с ее универсализмом. Взять хотя бы первые кадры «Щорса»: светлые подсолнухи и среди них черные взрывы: Украина в огне гражданской войны; как этот кадр дать в театре? И наше, советское кино (я это подчеркиваю в своей работе), в таких произведениях как «Чапаев», «Броненосец “Потемкин”», «Щорс», фильмы о Ленине, поднимается на такую высоту, на которое американское кино при всей своей технической оснащенности подняться не может. Поэтому я к возможностям киноискусства отношусь чрезвычайно оптимистически.

Теперь я перехожу к замечаниям Василия Алексеевича. Василий Алексеевич своим очень острым глазом отметил много частных вещей, но его возражения не всегда справедливы. Вы говорите, что я занимаюсь цветовой композицией вещей, которых не видел, но для Микеланджело цветовая композиция не играла роли, ибо он пластик. То же о мадонне Рафаэля. Не о

цвете там идет речь, а о пирамидальной композиции, о чем можно судить и по репродукции, а репродукция – это не вторые руки. Если строго держаться вашего требования, то нельзя судить о литературных произведениях по переводам, но вряд ли есть литературоведы, знающие все языки мира.

О книге Аккермана⁴⁹⁷ – Зачем мои константы? Я действительно пользовался репродукцией⁴⁹⁸. Что дают эти общие категории для всех времен? А что дают философии «вечные» категории метафизики и идеализма... Что общего между Платоном и Кантом и Бергсоном. Это совершенно различные философские системы далеких друг от друга эпох. Но общее между ним то, что это идеализм. Уясняет этот общий термин содержание их философских концепций? Бесспорно. Без него в истории философии нельзя шагу ступить. Почему же это возможно в литературе – обходиться без общих категорий мышления?

Теперь вопрос о конкретности и единичности. Всякая схема, абстракция, игнорирующая или упрощающая конкретное, антинаучна по самому существу своему. Но утверждать конкретное, единичное, как нечто стоящее вне общего и закономерного, это значит отказаться от науки, идти к агностицизму в литературе и искусстве, что и имеется в буржуазной науке. Индивидуальное потому индивидуально, что в нем своеобразно, особо проявляется общее, закономерное. И задача теоретика вскрыть это закономерное в конкретном, то есть связать единичное произведение с общей историей мышления и его законами.

Теперь вопрос о цвете, о семантике цвета. Этот вопрос имеет огромное значение не только для живописи, но и для литературы. Краска, цвет, свет как эпитеты, метафоры, как изобразительные и эмоциональные средства широко применяются писателями. Достаточно сравнить преобладающие теплые, густые, яркие цвета у Горького и холодные, синие, фиолетовые у Блока. Но семантика цвета одна у спиритуалистов – это символика цвета, его сверхчувственное значение; другая она у гуманистов – это чувственное, эстетическое понимание цвета. Но цвет всегда сюжетен и то, что вы, Василий Алексеевич, цитировали – это сюжетное понимание цвета в гуманистической литературе и искусстве. Только формалисты полагали, что цвет – это свободная комбинация цветовых пятен вне всяких сюжетных смыслов.

Наконец, вопрос о стадильности. Теорий стадий было много от Вико до Конта. Позитивизм является той отрицательной системой, против которого я направил всю силу своей книги. Позитивизм ведет к идеализму и к биологическим извращениям, которые мы имеем в буржуазном мышлении. Наоборот, в концепции книги стадильность стоит в прямой связи с марксистским учением о формациях и стадиях истории.

Я ответил не на все вопросы, поднятые сегодня. Я имел возможность слушать критику на книгу, которая является этапом моей работы, этапом, за которым должны идти дальнейшее углубление и уточнение многих трудных и нерешенных проблем. За критику, которая предостерегает меня от опасностей и ошибок, выражаю благодарность моим оппонентам.

Иоффе

ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 129–136. Машинопись с рукописной правкой.

⁴⁹⁷ Вычеркнуто.

⁴⁹⁸ Вычеркнуто.

СИНТЕТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСКУССТВА И ЗВУКОВОЕ КИНО
(Ленинград 1937 г.)

По замыслу труд И.И. Иоффе претендует быть введением в социалистическую эстетику. Автор стремится дать систему философии социалистического искусства в ее противопоставлении философии досоциалистического искусства. В соответствии с этой задачей автор в первой части «Искусство и мышление» дает критику метафизики и диалектики идеализма в их противопоставлении материализму и диалектике и стремится выяснить в какой мере метафизика и идеализм отрицательным образом отражались в искусстве. С другой стороны он ставит себе задачей показать какие перспективы для развития искусства таятся в диалектико-материалистическом социалистическом мышлении.

Установив свои основные философски-эстетические позиции, автор в главах «Сюжет и мышление», «Сюжет и материал», «Пространство и время в мышлении и искусстве», «Свет и звук», и, наконец, в главе «Единство искусств» пытается утвердить их на анализе конкретных проблем художественной практики в различных областях искусств.

Автор предполагает, что он таким образом построил «синтетическое искусствоведение», которое позволяет ему найти путь к синтетическому искусству. Отсюда основной вывод первой части книги:

«Синтетическое искусствоведение, вскрывая единство художественного мышления в отдельных искусствах, их отнесенность к одной семантике и сюжету, устанавливая законы и средства этой отнесенности, этого семантического родства, тем самым становится базой теории синтеза искусств, теории нового, на основе новой техники создаваемого искусства – звукового кино» (200).

Во второй части автор дает свою «теорию искусства» в ее применении к основным видам искусства – литературе, музыке, живописи, кино. Основной вывод второй части – утверждение кино, звукового кино, как высшей формы синтетического искусства.

Работа поражает кричащим противоречием между ее формальными качествами и сущностью:

Буквально на любой странице автор книги прославляет диалектический материализм, социалистическое мышление, марксизм и занят разоблачением пороков метафизики и идеализма.

Дальше автор все время неустанно стремится охватить все виды искусства, внутри отдельных искусств рассмотреть все жанры, все основные категории данного искусства. Но в действительности вся история искусства превращается в собрание надуманных схем. Живая душа искусства улечивается. Ибо искусство имеет своим основным объектом человека, человека в его конкретной исторической и классовой практике, человека с его сложнейшими конфликтами и страстями. А этот человек по существу выпал из книги.

И все это является результатом основного порока книги, схематизма и техницизма, бесконечного логизирования, которым по существу подменяется марксизм.

Пафос книги в последнем счете не в утверждении социалистического искусства, а в прославлении кинотехники, которая способна создать синтез всех искусств. Синтетическое искусство – не в техническом слиянии литературы, живописи, музыки, архитектуры на экране цветового и звукового кино. Синтетическое искусство – в способности любого вида искусства, в том числе и кино, дать художественный синтез исторического прошлого и современности. Эта основная проблема синтетического искусства подменена кинотехницизмом.

К сожалению, данная работа И.И. Иоффе при всех добрых намерениях автора страдает основными пороками трудов этого ученого – формализмом и схематизмом.

30.XII.1942. И. Нусинов.

ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 14–13. Машинопись.

№ 7

Отзыв на книгу Иоффе И.И. «Синтетическое изучение искусства
и звуковое кино» (Л. 1937)

В своей книге И.И. Иоффе ставит себе задачей дать синтетическое изучение искусств и показать, что звуковое кино является как бы логическим завершением всех творческих исканий человечества. Не будучи специалистом в области кино, я хотел бы остановиться лишь на некоторых основных теоретических предпосылках автора и подвергнуть более подробной критике его главу о живописи, которая представляет для меня наибольший интерес.

Товарищ Иоффе неоднократно определяет искусство (см. стр. 7, 409 и др.) как «искусство мыслить», «искусство есть мышление, фиксированное различными световыми, звуковыми, материальными средствами». Тем самым стирается грань между наукой и искусством. *Эмоциональное* начало искусства совершенно игнорируется, игнорируются и его *эмоциональные* средства воздействия, то есть как раз то, что отличает научное произведение от художественного. Всякое важное произведение искусства есть результат сложного взаимодействия разума и чувства. Для товарища Иоффе оно не более как «мышление, фиксированное различными световыми, звуковыми, материальными средствами». Из этой основной установки автора вытекает доведенный до гипертрофии интеллектуализм. Он обращается с искусством и с произведениями искусства так, как будто бы он экспериментирует с кроликами. Он членит и рассекает живой художественный организм, разносит все по полочкам, классифицирует отдельные элементы художественного выражения как естествоиспытатель классифицирует виды, искусственно отрывает сюжет от линии, линию от цвета, цвет от света и так далее. Результатом всего этого является необычайный *схематизм* мышления. Восходя своими корнями к вульгарно-социологическому методу, этот схематизм мышления приводит к тому, что книгу товарища Иоффе почти невозможно читать. На всякого человека, любящего искусство, она способна подействовать, как красная материя на быка. Изложенная к тому же крайне сумбурно, книга эта вряд ли найдет себе круг не только широких читателей, но и уз-

ких специалистов. Постоянно перескакивая с одного предмета на другой, нисколько не заботясь о ясности и точности выражения своей мысли, не соблюдая красных строк, перегружая русский язык иностранными терминами, которые легко можно было бы заменить распространенными русскими словами, товарищ Иоффе настолько затемнил ход своего изложения, что бедный читатель лишен возможности выбиться из этого лабиринта, который затягивает его как тряпина и внушает ему чувство беспомощности перед сумбурностью мысли автора.

В поисках синтеза искусств товарищ Иоффе правильно заострил внимание на взаимосвязанности искусств. Эту далеко не новую мысль он пытается развить и уточнить. Но развивая и уточняя ее, он, как обычно, впадает в схематизм. Он настолько стирает грани между отдельными искусствами, что каждое из них, и в частности живопись, утрачивает у него свою специфику. «Живопись для своего понимания», говорит автор, «требует той же связи с другими речевыми искусствами, с живым действием, как и литература и музыка» (стр. 336). Такой связи требует только плохая живопись. Хорошая же живопись создает такой совершенный *зрительный образ*, который не нуждается в помощи смежных искусств. Надо было только показать, в чем заключается своеобразие этого зрительного образа. И если бы это автор сделал, то для него стало бы ясным, что говорящее кино никогда не заменит живопись (см. стр. 339). Стала бы ему ясной и возможность преодоления гениальным живописцем вневременности живописного образа (как, например, у Рембрандта). Стала бы ему очевидной и гораздо более сложная диалектика художественного процесса нежели та, которую он дает и в которой он все сводит к семантике линий, света, цвета, пространства, композиции, сюжета.

Беря отдельные элементы живописного выражения, товарищ Иоффе наделяет их субстанциальными свойствами. Для него «вертикаль – это восхождение, высота, сила, легкость, юность, горизонталь – это распластанность, поверженность, тяжесть, покой» (стр. 304). Так мог бы рассуждать заправский формалист Вельфлиновской школы. В искусстве вертикаль сама по себе ничего не выражает. Все дело в том, в какой индивидуальной связи, в каких индивидуальных сочетаниях она дается в данном *конкретном* произведении. Только тогда она приобретает определенное смысловое, идейное значение. Этого основного факта эстетики товарищ Иоффе никак не может понять. Поэтому он берет, с таким легким сердцем, отдельные элементы художественного выражения и поэтому он так беззаботно вырывает их из контекста целостного и единого в своей основе художественного замысла (ср. также стр. 305, 306, 320, 328, 331 и др.).

Слишком схематично и прямолинейно решает товарищ Иоффе также вопрос о взаимоотношении театра и живописи. Он пишет: «что рама является рампой, а картина – изображением сюжетного театрального действия, что картина – театральный акт, доказывает само словоупотребление: на картине происходит такое-то действие, представлена такая-то сцена; с другой стороны, и в драме подразделение акта называется картиной» (стр. 316). Если бы это было так просто, то живопись мало бы чем отличалась от театра. Между тем мышление живописца столь же специфично, как и мышление актера и театрального режиссера. То, что хотел выразить Суриков, он мог выразить

только на языке красок, равно как и то, что хотел выразить Мочалов, он мог выразить *только* на языке актера. Понять это, значит понять своеобразный язык каждого искусства в отдельности. А этого как раз товарищ Иоффе понять не хочет и не может. Не может он также понять, что «переход от многофокусной, многомоментной картины к перспективной» отнюдь не совпадает «с переходом театра к закрытой, иллюзионистической, перспективной сцене» (стр. 317). Первая реформа совпадает с деятельностью Джотто (начало XIV в.), а вторая реформа падает на XVI век (перспективная декорация Браманте, Перуцци и мастеров их круга).

Помимо возражений теоретического порядка книга Иоффе вызывает и множество возражений фактического характера. Она кишит фактическими ошибками, которые придают изложению весьма неряшливый отпечаток. Особенно много таких фактических ошибок в подписях к иллюстрациям. Приписываемый Лоренцетти «Триумф смерти» является произведением не XIV века (Лоренцетти умер в 1348 г.), а XV века; в «Весне» Боттичелли изображен не «райский сад», а простая роща (райский сад не может быть представлен на картине мифологического содержания), византийская икона «Умиления» принадлежит не к XIV веку, а к XVI столетию; Мадонна Рафаэля называется не «Мадонной на лугу», а «Мадонной среди зелени»; фреска Рафаэля называется не «Бегство Петра», а «Освобождение Петра». Не меньше грубых ошибок встречается и в самом тексте. В левой части Рафаэлевской фрески «Освобождение Петра» ангел не «уводит Петра на простор», так как здесь отсутствует как фигура Петра, так и фигура ангела (стр. 321). Росписи виллы Фарнезины изображают не «Пигмалиона и Гилитею» (sic, стр. 323), а сцены из жизни Амура и Психеи (по роману Апулея). На картине Пуссена надпись гласит «И я был в Аркадии», а не «И я в Аркадии» (стр. 324). На Мадонне Коннестабиле Рафаэля представлена не «спокойная речка», а горное озеро (стр. 329). Совершенно абсурдно приравнивание «Благовещения» к такой античной теме, как «Леда» (стр. 333). Сходство между этими сюжетами только то, что крылья ангела имели перья и лебедь имеет перья!

На основе всего изложенного считаю совершенно невозможным присуждение И.И. Иоффе степени доктора искусства.

Доктор искусства профессор

В. Лазарев.

20/1 43.

ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 11–14. Автограф.

№ 8

К вопросу о докторской диссертации профессора Ленинградского государственного университета И.И. Иоффе члена филологической экспертной комиссии ВАК доктора филологических наук С.А. Бугославского

I

«Вот уже восьмой год тянется дело о присуждении мне докторской степени» – пишет профессор И.И. Иоффе председателю комитета по делам

высшей школы товарищу Кафтанову (1 – VIII – 1942 г.). Переписка по вопросу о докторской степени профессора Иоффе выросла в большое личное дело на 193 страницах.

В 1935 г. Государственная академия искусствознания ходатайствовала о присуждении профессору И.И. Иоффе степени доктора искусствоведческих наук без защиты диссертации, но ввиду несогласия экспертной комиссии ВАК профессор И.И. Иоффе защищал диссертацию на этот раз на звание доктора филологических наук в Ученом совете Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена 29 октября 1940 года. В качестве диссертации представлена была печатная работа И.И. Иоффе «*Синтетическое изучение искусства и звуковое кино*» (412 страниц), изданная в 1937 году Ленинградским государственным музыкальным научно-исследовательским институтом.

Официальными оппонентами на диспуте выступали доктора филологических наук О.М. Фрейденберг, Б.М. Эйхенбаум и В.А. Десницкий. На основании их отзывов Ученый совет единогласно присудил профессору И.И. Иоффе ученую степень доктора филологических наук.

Высшая аттестационная комиссия до сих пор в этом звании И.И. Иоффе не утвердила. Филологическая экспертная комиссия ВАК поручила (23-II-1943 г.) мне высказать свои соображения о диссертации профессора И.И. Иоффе. Перечитав диссертацию И.И. Иоффе, а также и непосредственно примыкающую к ней предыдущую его работу «Синтетическая история искусства» (Огиз, Ленизогиз, 1933), ознакомившись со всеми материалами, собранными в «Личное дело» по вопросу о диссертации профессора И.И. Иоффе, я убедился, что задержка в утверждении профессора И.И. Иоффе в степени доктора искусствоведения или филологических наук объясняется исключительно тем, что как о его диссертации, так и о предшествующих ей научных работах И.И. Иоффе авторитетными специалистами высказывались резко противоречивые суждения. Да и официальные оппоненты, считая диссертацию достойной докторской степени, указали на ряд очень существенных ее недостатков. Указывалось и на то, что среди оппонентов диссертации профессора И.И. Иоффе не было ни одного специалиста-искусствоведа.

Приведем несколько отзывов о научной работе профессора И.И. Иоффе.

Академик А.И. Белецкий (по стенограмме заседания ВАК 18 апреля 1942 г.) говорил: «Я все предыдущие работы Иоффе читал и лично всегда не соглашался, а с другой стороны передо мной был целый ряд положительных отзывов. Прежние работы Иоффе всегда поражали с одной стороны обилием фактов из разных областей, а с другой стороны искусственным построением... Работу 1937 г. я оценивал *отрицательно*».

Заслуженный деятель искусств И.Э. Грабарь (по стенограмме ВАК от 23.IV.1940, с. 46) сказал: «Его работа “Синтетическая история искусства” – совершенный бред. Это абсолютно неприемлемая работа. Там имеется так много чепухи и абсолютное непонимание самых основ искусства и вообще всего марксистского искусствознания. Товарищ Иоффе один из главных вульгаризаторов искусства».

Профессор М.А. Лившиц (отзыв в личном деле профессора И.И. Иоффе) писал: «Его “Синтетическая история искусств” представляет собой образец невероятной и совершенно устаревшей социологической схематики». В то же время М.А. Лившиц отмечает и «большую специальную эрудицию» Иоффе, его «стремление к всестороннему рассмотрению предмета». М. Лившиц указывает на «всякого рода “семантические” выкладки вместо конкретного сопоставления с объективной исторической реальностью, вместо подлинной истории художественного мышления», на «идейную путаницу и неразбериху» в диссертации.

Профессор А.М. Еголин (стенограмма заседания ВАК от 23 апреля 1940 г.) сказал: «Я знаю работы Иоффе, относящиеся к 1927 г. Это – грубейший вульгаризатор».

Заслуженный деятель искусств Тиссе (та же стенограмма) считает, что в работе «Синтетическая история искусств» «есть много спорного, но в этой работе имеется и много ценного».

Кинорежиссер С. Васильев (отзыв 1935 г.) находит, что «анализ исторической семантики сюжетных форм в работах Иоффе дает ценнейший материал для критической работы в области искусства».

Противоречивость суждений о диссертации профессора Иоффе наблюдается и в отзывах его официальных оппонентов.

Профессор О.М. Фрейденберг в своем письменном отзыве (в личном деле) отмечает целостный характер диссертации, ее монолитность и законченный характер. Оппонент останавливается, по ее словам, «только на проблеме семантической сущности литературы» (с. 2 отзыва). Учение о семантике «занимает у Иоффе центральное теоретическое место. Все остальное – приложение к материалу искусства его теории трех стадий досоциалистического мышления и созданных ими семантических систем» (с. 6).

Профессор доктор филологических наук *О.М. Фрейденберг* считает книгу Иоффе «огромным синтезом материала мировых литератур» (10). Это «настоящая прямая наука», «громадное обобщение» (10). В заслугу И.И. Иоффе оппонент ставит и то, «что он рассматривает литературу, как разновидность общественной идеологии» (10). Возможности трансформаций сюжета, говорит товарищ Фрейденберг, «слишком сужены Иоффе и возведены в стандарт». «Нельзя предполагать, что вся европейская сюжетика имеет только один смысловой костяк в трех аспектах мышления» (12–13). Литературные жанры у Иоффе «абстрагированы от конкретных жанров» (13). Античную литературу – «Этот решающий для теории литературы материал, Иоффе выключает из мирового обзора» (13). Не согласна О.М. Фрейденберг и с «принципом построения научной работы» (16). «Он держит весь грандиозный материал искусства в голове, но не в книге», «в очень сжатой, почти императивной форме, излагает на бумаге». «Просинтезировав известный раздел материала, он дает примеры только что изложенным мыслям» (16). «Он только меняет освещение материала» (16). «Вся теория одета в форму итоговых определений, ослабляющих друг друга своим обилием и вскоре перестающих воздействовать на утомленную мысль, засыпанность книги терминами, характеристиками, определениями» (17). «Никаких ссылок или упоминаний научных имен у него нет».

Тем не менее, профессор О.М. Фрейденберг оценивает диссертацию Иоффе «как оригинальный научный труд, обогащающий советскую теорию литературы».

Профессор доктор филологических наук *Б.М. Эйхенбаум* (письменный отзыв и стенограмма речи на диспуте) считает «книгу Иоффе замечательным явлением в нашей искусствоведческой литературе» (с. 1). Он отмечает громадную эрудицию, колоссальный труд профессора Иоффе. Книга органична и цельна.

Б.М. Эйхенбаум отмечает недочеты и свои расхождения с профессором Иоффе. «Кое-где автор увлекается приложением своей общей теории к отдельным фактам и становится на путь аналогии» (с. 1). Если (по Иоффе) «Искусства выражают одно общественное мышление и отражают общую стадиальность его развития, то не оказываются ли они в положении параллелизма, то есть разное искусство выражает то же самое, что и соседнее искусство» (стенограмма, с. 11), что «влечет за собой вопрос о смысле и ценности *синтетического* изучения» (2). «В главах книги, посвященных отдельным искусствам, дело принимает иногда характер простых сопоставлений и аналогий» (2). «В книге есть некоторый чрезмерный схематизм, подсказанный желанием доказать на примерах правильность общих теоретических положений. Не приняты во внимание конкретные особенности развития отдельных искусств в определенных и все-таки (независимо от стадии) разнообразных исторических и национальных условиях» (3). Иоффе «чрезмерно сближает искусство с философией» (3). Автор диссертации «подчиняет искусство историческим стадиям мышления до такой степени, что искусство теряет при этом некоторые существенные и специфические свои особенности» (5). Б.М. Эйхенбаум отмечает, что принята Иоффе «стадиальность мышления... не влияет на жанры – они оказываются неизменными». «Это нечто вроде ломоносовских “штилей”».

В речи на диспуте Б.М. Эйхенбаум (она дополняет письменный его отзыв) говорил: «Если все искусства выражают, в сущности, каждую стадию одно и то же, то тогда появляется опасность настоящего формализма, т. е. изучения различных форм искусства, неизвестно, в сущности, с какой целью... Можно на одном искусстве показать все эти стадии» (12).

«По книге Иеремии Исаевича получается, что все досоциалистическое искусство должно восприниматься на практике, как отошедшее в прошлое, имеющее для нас значение как памятник этого прошлого, как иллюстрация» (с. 16).

«Мы привыкли думать совсем иначе о жанрах, гораздо более конкретно, более исторично, без установления раз и навсегда во всей литературе досоциологического периода каких-то единых жанров» (стенограмма с. 19).

Литературно-теоретические концепции И.И. Иоффе в большинстве неприемлемы для Б.М. Эйхенбаума. Б.М. Эйхенбаум указывает, что И.И. Иоффе игнорирует традиции в постановке и решении ряда проблем (например, о «слуховой филологии»).

Остановившись на главе о кино, Б.М. Эйхенбаум говорит о неубедительности «чрезвычайной теоретизации Иеремией Исаевичем некоторых вопросов, связанных с искусством, сказывающихся и в других областях»

(стенограмма, с. 22). Профессор Иоффе «не отметил специфическую сторону кино, своеобразие природы кино» (стенограмма, с. 22).

Третий официальный оппонент профессор, доктор филологических наук В.А. Десницкий (письменный отзыв и речь на диспуте – по стенограмме) согласен с предыдущими оппонентами, указывавшими на «громадную ценность книги» (стенограмма, 22). Высоко оценивая диссертацию И.И. Иоффе, В.А. Десницкий отмечает и ее недостатки и свои несогласия с взглядами автора.

В.А. Десницкий указывает у И.И. Иоффе на «недостаток внимания к истории, к единичному, конкретному», на «отсутствие интереса к конкретности» (26). Работа «сплошь и рядом не историчная; она теряет и задевает интерес к конкретным вещам» (с. 27 и еще на с. 28). «Исчезают вещи искусства и конкретности». В работе отсутствует «связь и указание на традиции» (28).

Неоднократно указывает профессор В.А. Десницкий на черты формализма в диссертации.

«Нет ли здесь формалистической установки на космогонической подкладке», спрашивает В.А. Десницкий (28). Далее оппонент уже утвердительно говорит об «элементах действительно формалистического порядка» (30), об «опасности ската к формалистическим положениям на новой основе» (31).

«Термины сплошь и рядом употребляются традиционные без раскрытия в данном случае их конкретного содержания» (26). «Художественный опыт кое-где заменяется литературщиной, но без указания источников».

На двух страницах отзыва В.А. Десницкого процитированы «афоризмы» диссертации И.И. Иоффе с недоуменными вопросами оппонента: «Где? Когда? Что это дает?». «Благодаря отсутствию интересов, конкретности явлений в их историческом измерении, эти афоризмы становятся не очень научными и подчас даже просто спорными» (28). «Как афоризмы, – все это хорошо, но если подойдем конкретно к процессу человеческой борьбы, что мы с этим будем делать?» (с. 29).

Ответственный редактор книги (диссертации) И.И. Иоффе товарищ Б.А. Фингерт полагает, что работы И.И. Иоффе «имеют огромное методологическое значение не только для историков и теоретиков искусства, но и для практических работников искусства вообще...» (Отзыв – в личном деле).

Приведенные отзывы дают возможность сделать некоторые обобщения.

В работах И.И. Иоффе имеются новые, ломающие традиции общие философско-эстетические точки зрения, попытка широкого охвата явлений искусства. Все критики сходятся на стимулирующем и новом в постановке проблем, поставленных в диссертации И.И. Иоффе.

Все критики сходятся на спорном проблематичном характере основных теоретических положений диссертации, общих, схематических построений.

Критики указывают на наличие схематизма, а многие и на элементы вульгарного социологизма в работах И.И. Иоффе, в том числе и в диссертации. К теории стадиальности и расширенной «семантической» теории Н.Я Марра автор «прилагает» примеры из различных областей искусства (догматичность построения).

Отмечаются черты формалистического мышления в диссертации Иоффе.

Отмечается критиками в диссертации игнорирование автором ее исторического процесса, развития конкретных элементов искусства.

Метод изложения абстрактный, афористический, догматически-императивный; формулировки его часто неясны, неопределенны, при их отличии от общепринятых в науке.

В синтезе искусств совершенно отсутствует искусство народов Востока, искусство античных греков и римлян. Добавим:

И.И. Иоффе игнорирует скульптуру, танец, очень редко обращается к архитектуре. В поле его зрения – литература (исключительно безразличен И.И. Иоффе к фольклору, где синтез искусств уже дан был в синтетических действиях), музыка и живопись. Сам Иоффе (во вступительном слове к диспуту) говорит: «Я занимаюсь, кроме литературы, ее двумя крыльями – живописью и музыкой».

Официальные оппоненты диссертации И.И. Иоффе – все доктора филологических наук, остановились на критике литературоведческой части (по существу одной-двух глав диссертации). Область музыки, живописи, звукового кино, а главное, основное, наиболее оригинальное, пронизывающее всю диссертацию, придающее ей единство и целостность – философско-эстетическая концепция диссертации И.И. Иоффе не подверглась разбору оппонентов.

Философской концепции коснулся только краткий (на двух страницах) отзыв профессора Лившица, давшего ей отрицательный отзыв.

II

Некоторое право на разбор книги-диссертации профессора И.И. Иоффе «Синтетическое изучение искусства и звуковое кино» дает мне мой круг работы: филология, музыковедческие и композиторские работы, теоретическая и практическая работа в области звукового кино (см. мой литографированный курс «Организация звука в кино», 1930–31 и др.).

Перечитав диссертацию И.И. Иоффе, я счел необходимым привлечь в поле своего критического разбора предыдущий крупный труд Иоффе «Синтетическая история искусств» (1933), дополняющий и разъясняющий общие теоретические установки и научный метод автора. К тому же сам И.И. Иоффе в своем заключительном слове (стенограмма диспута, с. 33), возражая на упрек в антиисторичности диссертации, говорил: «В данной теоретической работе я не занимался историческими процессами, но те, которые знают мои другие работы, знают, что я могу те же принципы проводить в историческом плане. Так что это не недостаток мой вообще, а свойство моей работы».

Рассмотрение работы «Синтетическая история искусств» своевременно и потому, что, по свидетельству заслуженного деятеля искусств Тиссе, эта книга используется как учебное пособие в Институте кинематографии (стенограмма заседания ВАК от 23.IV.1940 г.).

Философски-теоретическая концепция работы Иоффе «Синтетическое искусство и звуковое кино» имеет свои давние традиции в концепциях стадий, кругов Джамбаттиста Вико, Огюста Конта, Освальда Шпенглера.

У Иоффе эта концепция опирается на стадии общественного развития, но они поданы так абстрактно и так обобщенно-внеисторически, с таким предельным удалением хронологии исторической конкретности, притом в форме вещающих афоризмов и императивных заключений, что невольно вспоминаются теоретические громоздкие книги русских теоретиков символизма, кое-где «пророческий» тон Освальда Шпенглера (при всем несходстве с его идеологией).

Прочитав следующее место из вступительной речи И.И. Иоффе на диспуте. Определяя свое понимание термина «эсхатология», профессор Иоффе говорит: «Это было поочередное умирание и воскресение природы, уход светил, смерть растений, уход животных и новый их приход, оживление и возвращение. Однако в этом круговом движении, в этих фазах религиозное мышление устроило неподвижные планы. Бог не умирает, он вечный свет, жизнь, любовь, умирает его сын, земное воплощение, который спускается в мир и уходит из него. Не умирает и смерть, зло, дьявол. Эти три яруса сохранились как метафизика и идеализм во всех до-социологических стадиях мышления. При всех своих трансформациях они действуют, как исходные принципы, с которыми смог справиться только пролетариат».

«Константы» сюжета (в понимании Иоффе), и неподвижных жанров, вся его космогония в различном освещении, его эсхатологические ярусы и тому подобное – все это в лучшем случае «формалистические установки на космогонической подкладке» (В.А. Десницкий), а в худшем – нечто от перевернутой метафизики с дуалистическим «колоритом».

Устанавливаемые И.И. Иоффе стадии спиритуалистического, гуманистического, позитивистического и социалистического мышления (если предположить, что исторически и верно это установление стадий) настолько общи, что дают право находить «синтез» между любыми проявлениями человеческой деятельности, между любыми науками и искусством, и между государственной деятельностью и любой разновидностью искусства. В такие примерно обобщения и лишённые исторической опоры в работах И.И. Иоффе категории попадают любые проявления творческой деятельности человека; можно говорить о «синтезе» скульптуры, химии и судопроизводства.

Я не берусь критиковать самое основное (и количественно, и по содержанию) в диссертации И.И. Иоффе – ее теоретическо-философскую концепцию. Без критики этой основной части диссертации философом-марксистом суждение о ней нельзя вынести. Отрицательная рецензия М. Лившица слишком обща и кратка.

Остановлюсь только на знакомых мне областях, затронутых в диссертации профессора И.И. Иоффе, в первую очередь на методе его исследования в отношении к филологической науке.

В своем вступительном слове профессор И.И. Иоффе сказал: «Я отнюдь не нарушаю традиции филологических наук». Диссертация профессора Иоффе – книга теоретическая («теоретический пыл меня увлекает», говорил диссертант в своем заключительном слове), ее объект – философски-эстетический. Можно полагать, что это результат огромной работы по анализу конкретных исторических процессов в области отдельных искусств. Сам профессор Иоффе ссылается на свои занятия историческими процессами (заклю-

чительное слово). «Я те же принципы проводил в историческом плане». Стало быть, еще раз подчеркиваем, диссертацию, как работу, представленную на соискание степени доктора *филологических наук*, нельзя рассматривать в отрыве от работы И.И. Иоффе «Синтетическая история искусств» (1932).

Из заглавий обеих работ («Синтетическая история», «Синтетическое изучение») мы вправе сделать вывод, что автор применяет синтетический метод в изучении истории искусства. Эту мысль поддерживает и утверждение И.И. Иоффе: «Синтетическое изучение старых искусств, возможное только на основе изучения истории художественного мышления...» («Синтетическое изучение ...», с. 149).

Однако в диссертации помимо изучения общих «семантических пучков» («совокупность разнородных эмпирических значений», с. 44), то есть кроме синтетического метода автора говорится (глава III далее) и о первоначальной синтетической смежности (недифференцированности) искусств – по А.Н. Веселовскому, и о последующем после дифференциации сочетании (тоже синтез) искусств. «Синтез может осуществляться только через мышление, которое имеет исторический характер» («Синтетическое изучение ...», с. 179). О синтезе можно говорить и в применении к химическим реакциям. Наконец, говоря о «методах синтеза в кино», «синтезе музыки, слова и предметного образа» («Синтетическое изучение ...», с. 341), профессор Иоффе разумеет чисто практическое и техническое «сотрудничество искусств» (там же). Профессор Фрейденберг говорит, что профессор Иоффе «синтезирует не только литературу и искусство, но и науку о них» (с. 17 стенограммы).

Таким образом, понятие «синтеза», «синтетического» в диссертации различно (метод, объект, практика монтажа звуковых и световых элементов, «синтезированных» чрез технику фотографии, чего профессор Иоффе не упоминает). «Звуковое кино – это практика синтеза», говорит автор диссертации в своем заключительном слове.

Синтетическое изучение искусства в диссертации не может дать исчерпывающих и полноценных выводов уже по одному тому, что профессор Иоффе совсем удаляет из поля своего изучения античное искусство, фольклор, танец, очень мало касается скульптуры и архитектуры.

«Синтетическое изучение» искусства у профессора Иоффе не является полноценным, не может привести его к научно-ценным выводам и потому, что профессор Иоффе резко нарушает основные принципы исследовательской (в частности и филологической) работы.

Синтез – ведь это вторая стадия научно-познавательной работы; это обобщение элементов, закономерных процессов, происходивших в действительности, в искусстве, стало быть, в процессах исторических, где субъекты и объекты действительно вступали между собой в реальные взаимоотношения. «Мышление, если оно не желает делать промахов, может собирать в единство лишь те элементы сознания, в которых уже раньше существовало это единство» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, кн. XIV, с. 43). К. Маркс подчеркивает при этом, что единственно научным методом будет тот, который, используя научные понятия и абстракции, *добытые путем анализа*, создает затем представление о конкретном явлении или о процессе с помощью синтеза. (подчеркнуто мной – С.Б.). «Без анализа нет синтеза» (Энгельс).

Обе работы профессора И.И. Иоффе построены на совершенно ином методе работы. Неслучайно в его диссертации сначала идет «общая часть» – установление априорных стадий мышления, «синтетических пучков», незыблемых категорий жанра и так далее, а затем «специальная часть», в которой излагаются элементы музыки, литературы, живописи, звукового кино, – в большинстве случаев все то, что мы найдем в любых общих курсах. Аналитической самостоятельной работы И.И. Иоффе в области одного из этих искусств мы не нашли; *зато немало оплошностей о которых ниже*⁴⁹⁹.

В заключительном слове на диспуте профессор Иоффе говорил: «В данной теоретической работе я не занимался историческими процессами, я привлекал только примеры» (подчеркнуто мной). И ответственный редактор книги «Синтетическое изучение...» Б.А. Фингерт пишет: «Автор, широко дополняя теоретические положения конкретным анализом...».

Такой метод иллюстрации заранее построенных, чрезмерно обобщенных стадий, не поставленных даже в приблизительные грани исторических эпох без хронологии с подбором примеров (при том из «вершин» некоторых искусств) осудил сам автор диссертации, и мы не можем не согласиться с такими его высказываниями. а) «Всякая схема, абстракция, игнорирующая или упрощающая конкретное, антинаучна по самому существу своему» (заключительное слово на диспуте); б) «Задача теоретика вскрыть это закономерное в конкретном, то есть связать единичное произведение в общей истории мышления с его законами» (там же, с. 14); в) «Подлинный историзм, требующий изучения всякого явления как элемента движения в изменчивой общественной системе, в которой оно действует, не допускает такого механистического рассечения классовой идеологии и формалистического изучения ее различных явлений по внешним материальным или технологическим принципам» («Синтетическая история...», XVII–XVIII); г) «Стили и жанры образуют непрерывное движение и переходы...» (там же, с. XVIII).

Все эти положения резко нарушаются «иллюстрациями» («Синтетическая история...», XVIII) из «основных мировых имен, исторически ставших вершинами стилей и существенными явлениями мировой художественной культуры» (там же).

Достаточно привести несколько образцов «синтеза» таких явлений из области различных искусств («Синтетическая история искусств»).

В категорию «Классицизм, метафизический идеализм» (с. 99 и далее), где классицизм определяется обще как «философия видимостей, абстрагированных пространственных форм, философия зрительных образов, наглядных представлений» (с. 101), – попадают с полным презрением к историческим процессам и национальным проявлениям в искусстве Рафаэль, Леонардо да Винчи, Левицкий, Брюллов, Моцарт, Пушкин, Тургенев. Все это классики (конечно, не в обыденно-бытовом оценочном суждении).

В раздел «Барокко и романтизм, диалектический идеализм» (с. 163 и далее) в одной стилистической, идеологической категории поставлены: Микеланджело, Тициан, Рубенс, Лермонтов, Лев Толстой, Шекспир (в такой именно последовательности), Бетховен, Шуберт, Берлиоз.

⁴⁹⁹ Вычеркнуто.

В «семантических» рядах профессора Иоффе Пушкин, Моцарт, Брюллов, Лермонтов, Бетховен, Тициан в своем творчестве ближе друг к другу, чем Пушкин и Лермонтов, Моцарт и Бетховен.

Можно ли в любом смысле говорить здесь о таком «синтезе» как «Синтетической истории», можно ли верить заявлению профессора Иоффе, что он «не нарушает традиций филологических наук»?

Аналогично построены и все последующие разделы «Синтетической истории...», где Даргомыжский и Мусоргский разделены; Мусоргский, оказывается, ближе к Рембрандту, чем к своему непосредственному учителю Даргомыжскому, а Даргомыжский – к голландцу Гальсу и Некрасову. Композитор Р. Вагнер попадает то в категорию натуралистов (с. 364), то это великий продолжатель романтического движения (с. 379).

И.И. Иоффе говорил на диспуте, что его увлекли слова товарища Сталина о создании «новых традиций; новых норм, новых установок». Но ведь в начале этого предложения И.В. Сталин говорил, что он поднимает тост – «За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций, и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций...» (Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., с. 4).

Обе работы профессора Иоффе беспощадно ломают установившиеся в науке ценные традиции, причем его новые классификации, определения, его «синтез» не получают ясного и понятного читателю определенного значения.

Основная традиция, которую ломает профессор Иоффе, – это изучение истории искусств, что отметили решительно все критики его работ, подменяя историю схемой то – формалистического, то – вульгарно-социологического характера, то – как нечто окрашенное в тона туманного вещания (афоризмы, императивные суждения, по определению профессоров Десницкого и Фрейденберг).

Приведу примеры определений профессора Иоффе (основные понятия в двух его работах).

Определение искусства – «Искусство есть, прежде всего, искусство мыслить» («Синтетическое изучение...»), не проводит, стало быть, грани между искусством, философией, наукой. Правда, на с. 51, очевидно вспомнив традицию (от Белинского), профессор Иоффе поправляется: «Искусство есть мышление готовыми образами». В дальнейшем понятие образа, близкое к философской идее, выпадает из эстетической системы и синтеза профессора Иоффе.

Историки литературы до сих пор никогда не спорили о смысле термина «эсхатология». Все энциклопедические словари согласны, что эсхатология это – «совокупность религиозных представлений о “последних” днях, о конце мира» (Большая Советская энциклопедия, 64), «учение о конечной судьбе мира и человека» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона), «теологическое определение... назначения человека после смерти и конца мира» (французская «Большая Энциклопедия», т. 16, с. 242), «учение о “последних вещах”» (немецкий словарь Мейера, т. 6).

Совсем иное значение приобретает этот хорошо знакомый филологам термин в трудах профессора Иоффе. Сравним ряд контекстов из «Синтети-

ческого изучения...»: 1) «Диалектика... в эсхатологическом кругу... акцентировала именно борьбу света и тьмы, жизни-смерти» (31), 2) «Диалектика и материализм, соединившись, взрывают эсхатологический круг, открывают сюжету мистические дали борьбы и побед...» (10), 3) «Три основных жанра – лирика, трагедия, комедия, выросшие из трех фаз эсхатологического сюжета...» (90), 4) «Эсхатологическая борьба света и тьмы» (62), 5) «эсхатология о небе-отце и земле-матери» (87), 6) «эсхатологическая религиозная сущность идеалистической диалектики» (35). Иоффе в его заключительной речи на диспуте, где он сознается, что употребил термин «эсхатология» – «не совсем удачно». «В первобытном мышлении ничего мистического ... не было», поправляется он. «Это был первый естественно-научный мировой закон первобытного человека». Такая «поправка» не лучше ошибки, проходящей красной нитью через всю диссертацию.

Так же обстоит дело и с термином «сюжет». Приведем цитаты. 1) «Сюжет это так называемое содержание, это акт мышления, закрепленный в определенном материале» (119), 2) «Все искусства... в одном способе мышления относятся к одному сюжету, взаимно поддерживают и дополняют друг друга» (118), 3) «Совершенно очевидно, что над делением искусства по материалам господствовал сюжет, из которого они выпали, закреплением которого они стали» (117), 4) «Сюжет имеется и в философии» (52).

Где же здесь «традиции филологических наук»? Ведь ученые все же нашли общий язык и в понимании сложного понятия сюжета.

Еще больше неясности внес профессор Иоффе в понимание жанра, отчасти и семантики. «Фазы эсхатологического космического сюжета превратились в ярусы, и ярусы стали извечными сюжетами, жанрами» (222), и много подобного.

В заключительной речи на диспуте профессор Иоффе неожиданно признается: «Жанры более конкретны, чем те, которые я излагал» (стенограмма, с. 9). Как же быть с читателем книги Иоффе, который не знает, что автор отказывается от своего путанного антиисторического определения жанров? Не напрасно Б.М. Эйхенбаум сравнил их со «штилями» Ломоносова; мы сравнили бы с категориями средневековых «пиитик».

Итак, профессор Иоффе на протяжении всей диссертации оперирует терминами эсхатология, сюжет, жанр в неопределенном расплывчатом «новом» понимании, от которого он (за исключением сюжета) сам отказывается после выступлений оппонентов на диспуте. Стало быть, профессор Иоффе нарушает ценные традиции филологической науки – ее историзм, диалектическое мышление (анализ-синтез), определение искусства и историческое изучение процессов в национальных искусствах, изучение не только вершин, но и второстепенных деятелей искусства.

После работ академика А.Н. Веселовского, заложившего основы исторической поэтики на основе грандиозного труда по анализу отдельных произведений, жанров мировой литературы и фольклора, мы ожидали бы, что профессор Иоффе пойдет по такому же пути. Но он сделал более смелые обобщения на основе чужих общих работ.

Оппоненты профессора Иоффе говорят об огромной его эрудиции, о том, что его труды – это итог огромной, скрытой от читателя работы в области анализа произведений художественной литературы, музыки, живописи.

Аналитическая работа профессора Иоффе не совсем скрыта от наблюдательного и знающего историю отдельных искусств читателя, именно в «специальной части» диссертации, где автор посвящает отдельные главы литературе, музыке, живописи, звуковому кино.

Беру на себя смелость рассмотреть и эти разделы за вычетом живописи.

Оппоненты отмечали, что в этом разделе «синтез» часто заменяется аналогиями, описанием.

Материал и данные специальных глав полностью покрывается популярными общими обзорами по истории литературы, музыки, популярными работами в области звукового кино. Профессор Иоффе цитирует даже полностью давно устаревшую брошюру Д. Блока и автора этих строк о музыке в *немом* кино.

В специальных отделах диссертации «новая» только точка зрения общего характера; зато здесь немало свидетельствующих о далеко не совершенной и глубокой эрудиции профессора Иоффе в области науки о литературе и о музыке.

Приведу несколько высказываний профессора Иоффе в области истории литературы. «Пушкин в мировом искусстве» – читаем в «Синтетической истории искусства» (140) – «стоит рядом с Моцартом и Рафаэлем. Для русской литературы его произведения такая же вершинная точка классического стиля, как Моцарт в музыке и Рафаэль в живописи. Стихотворения и поэмы Пушкина являются выражением метафизического идеализма, идеалистической организацией разговорной речи. Он уже не знает ни духовных стихов, ни од, ни парадных трагедий». (Кстати, не понимает ли Иоффе и «духовные стихи» – фольклорный жанр, как религиозные стихи поэтов, переложение псалмов, а классический – здесь как «совершенство»). Тургенев, по Иоффе, (там же, с. 147) «расширил охват классицизма...». Романы Тургенева «лишены времени». Я убежден, что любой филолог поправил бы такие суждения в любом студенческом реферате.

В том же роде высказываний о литературе немало в диссертации профессора Иоффе. Многие из них приводит в своем отзыве профессор В.А. Десницкий.

Нельзя согласиться с профессором Иоффе в основном, что «материалом литературы является артикулированная речь, членораздельные звуки». Это – предмет лингвистики. При таком определении из истории литературы выпадут все произведения, не читавшиеся (как проповеди или стихи вслух). И в музыке ведь самое произведение и его исполнение – различные объекты. Если же литература – «звучит», то чем же объяснить, что всегда звучащие произведения народного творчества – сказки, легенды, песни, пословицы – полностью выпали из круга исследований и из диссертации профессора Иоффе.

Глава о музыке в диссертации профессора Иоффе, по мнению Б.М. Эйхенбаума, «самая удачная и замечательная».

С этой оценкой не согласится ни один музыковед.

Приведу из диссертации и «Синтетической истории...» ряд мест, не требующих комментариев и возражений.

Профессор Иоффе в обывательском смысле говорит о «музыке и пении» (т. е. об инструментальной и вокальной музыке, с. 130 «Синтетической истории...»). Он называет музыкальной формой сонаты, квартеты, симфонии («Синтетическая история...», 132); каждый теоретик знает, что соната – это схема формы, в которой пишутся и квартеты, и симфонии (эта ошибка несколько раз повторяется у профессора Иоффе, например: «Симфонии имеют характер сонат»).

«Сонаты Моцарта носят характер арий, соединенных кадансами» (там же, 132). Очевидно, имеются в виду медленные части сонат. Кадансами называются аккордовые формы конца предложения.

Наукообразна, но без конкретно-исторического значения, фраза в «Синтетической истории...» (с. 228): «Шуберт строит свое линейное мелодическое движение из звуковых элементов, противоречиво дает им различные функции, различные свойства и не подчиняет все элементы одному качеству, как это было в классической музыке; высота, сила, тембр, ритм создают неуравновешенную систему, где основную роль движения выполняет то тот, то иной элемент».

Того же типа высказывание в «Синтетическом изучении...» (136): «В музыке спиритуалистическое миропонимание дает полифонию с ее высокими, средними и низкими голосами, движущимися друг над другом, тяготеющим вверх или вниз, к просветлению, небу, или к омрачению, к земле».

«Деление музыки на вокальную и инструментальную есть по существу деление сюжетное и тематическое» («Синтетическое изучение...», 236).

Неверно утверждение, что «радостная лирика тяготеет к квадратному строю мелодии» (вероятно, понимается «квадратный ритм»), так как радостная лирика в русской северной народной песне, в песенном фольклоре народов Средней Азии и Кавказа часто создается в несимметрических ритмических формах.

Ни на чем не основаны и неверны утверждения профессора Иоффе, что «пасторальные стихи нельзя излагать речитативом» (169), что речитатив только серьезен (270, а речитативы комических персонажей в операх Моцарта, Россини?), что «песенно-танцевальная музыка связана с пасторалью, драматический речитатив – с трагедией» (270), что «диалог говорит о борьбе, враждующей силы» (а любовные дуэты?), что «деревянные инструменты – носители пасторального смысла» (сравни трагические мелодии кларнетов в «Пиковой Даме» Чайковского), что «мелодическая интонация струнных... утрачивает свой речитативный, человечески-интонационный характер» (струнные в оркестре – выполняют чаще всего функции движений или кантилены, а не речитатива). Курьезно утверждение профессора Иоффе, что «у Чайковского преобладают виолончели и фаготы». Элементарно ошибочно высказывание: «Быстрый ритм в восходящих интонациях» (278, понимать надо: «быстрый темп»).

Что означает у Иоффе «негармонические повышения и понижения» (279).

Таких высказываний много, они явно свидетельствуют о том, что профессор Иоффе недостаточно знаком с элементарной формой музыки, с различными отделами музыкальной композиции.

Нельзя согласиться с профессором Иоффе, что «Слушать музыку – значит понимать язык сюжетно-закрепленных форм» (282). Музыка Баха, Брамса, Брукнера, Шенберга, да и сонаты Моцарта, Гайдна, Бетховена, Метнера нельзя слушать по такому рецепту, верному для программной музыки или ее сочетанию с кино-кадрами.

Неверно, необоснованно суждение профессора Иоффе о том, что «борьба “чистой” и программной музыки – это борьба в музыке идеалистической и натуралистической тенденций» (291). Неудачно вся оперная литература классифицируется по трем «сюжетным планам»: пасторальная, драматическая, комическая. А куда же отнести оперы-сказки Римского-Корсакова, его же опера-легенда «Сказание о граде Китеже»?

Глава диссертации, посвященная звуковому кино, повторяет мысли, знакомые по ряду теоретических статей, брошюр советских авторов. В этой главе профессор Иоффе сразу спускается в «нижний ярус» своих стадий.

В итоге всего сказанного прихожу к следующим выводам.

Согласно высказываниям оппонентов диссертации профессора Иоффе, работа его нарушает основы филологического метода – исторически-конкретного и возможно более полного исследования объектов искусства.

В работах профессора Иоффе налицо черты схематизма, формализма и вульгарного социологизма.

Синтетическое изучение искусства у профессора Иоффе не базируется на его исследованиях, а дает лишь аналогии или наблюдение обобщенных элементов искусств, без учета исторических, национальных форм искусства, опуская целые разделы (античное искусство, фольклор, танец).

В работах профессора Иоффе, особенно в области литературы и музыки, много элементарных ошибок и явно ошибочных высказываний.

Оппоненты диссертации профессора Иоффе не подвергли анализу его философски-эстетической концепции и не дали анализа его метода, а целые разделы (музыка, живопись; звуковое кино) остались не рассмотренными, так как среди оппонентов профессора Иоффе не было специалистов в области философии и искусствоведов.

Исходя из этих положений, считаю, что профессор И.И. Иоффе не может быть утвержден в степени *доктора филологических наук*. Необходимо новое рассмотрение его диссертации – с привлечением в качестве оппонентов – философа, музыковеда, специалистов в области живописи, звукового кино.

Доктор филологических
наук Сергей Бугославский
4 марта
1943 г.

ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 12. Д. 177. Л. 27–35. Автограф.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев 2020 – *Ананьев В.Г.* «И.И. является автором очень интересных концепций, но...»: из научной биографии И.И. Иоффе конца 30-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 1. – С. 146–157.

Ананьев, Бухарин 2022 – *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Давайте отложим. Ошибиться всегда успеем»: Докторская одиссея Иеремии Иоффе (1935–1943) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2022. Vol. 15. P. 102–136.

Ананьев, Бухарин, Сапанжа 2021 – *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д., Сапанжа О.С.* «Нам надо строить заново весь мир истории искусств»: ленинградское историческое искусствоведение в дискуссиях 1930-х годов. – М., 2021.

Бахтин 2008a – *Бахтин М.М.* Материалы к защите диссертации М.М. Бахтина «Франсуа Рабле в истории реализма» (15 ноября 1946 г.) // *Собрание сочинений в 7-ми томах*. – М., 2008. Т. 4 (1). – С. 985–1068.

Бахтин 2008b – *Бахтин М.М.* Материалы к рассмотрению диссертации М.М. Бахтина в ВАК (1947–1952 гг.) // *Собрание сочинений в 7-ми томах*. – М., 2008. Т. 4 (1). – С. 1069–1119.

Дружинин 2012 – *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. – М., 2012. Т. 2.

Ершова, Долгова 2018 – *Ершова Г.Г., Долгова Е.А.* «Все, что я могу сказать о предлагаемой работе». Диссертационный диспут Ю.В. Кнорозова. 1955 г. // *Исторический архив*. 2018. № 5. – С. 29–53.

Козлова 2001 – *Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы // *Социологический журнал*. 2001. № 2. – С. 145–158.

Нестьев 1939 – *Нестьев И.* Псевдонаучная стряпня: О книге И. Иоффе «Музыка советского кино» // *Советское искусство*. 1939. 18 января. № 9 (589).

Пастернак 2000 – *Пастернак Б.* Пожизненная привязанность: переписка с О.М. Фрейденберг. – М., 2000.

REFERENCES

Ananiev, V.G. (2020), “I.I. is the author of very interesting concepts, but...”: from the scientific biography of I.I. Ioffe in the late 1930s”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol.162, book 1, pp.146–157.

Ananiev, V.G. and Bukharin, M.D. (2022), “Let’s postpone. We can always make mistakes”: Jeremiah Ioffe’s Doctoral Odyssey (1935–1943)”, *Journal of Modern Russian History and Historiography*, vol.15. P. 102–136.

Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. and Sapanzha, O.S. (2021), *Nam nado stroit’ zanovo ves’ mir istorii iskusstv’: leningradskoe istoricheskoe iskusstvoznanie v diskussiyakh 1930-kh godov* [We need to rebuild the whole world of art history”: Leningrad Historical Art Studies in the Discussions of the 1930s], Moscow, Russia.

Bakhtin, M.M. (2008a), “Materials for the defense of the thesis of M.M. Bakhtin “Francois Rabelais in the history of realism” (November 15, 1946)”, *Sobranie sochinenii v 7-mi tomakh* [Collected works in 7 volumes], vol. 4(1), Moscow, pp. 985–1068.

Bakhtin, M.M. (2008b), “Materials for consideration of the thesis by M.M. Bakhtin in VAK (1947–1952)”, *Sobranie sochinenii v 7-mi tomakh* [Collected works in 7 volumes], vol. 4(1), Moscow, pp. 1069–1119.

Druzhinin, P.A. (2012), *Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie* [Ideology and Philology. Leningrad, 1940s: Documentary research], vol.2, Moscow, Russia.

Ershova, G.G., Dolgova, E.A. (2018), ““All I can say about the proposed work.” Dissertation dispute Yu.V. Knorozov. 1955”, *Istoricheskii arkhiv*, no.5, pp. 29–53.

Kozlova, L.A. (2001), “Without defending a dissertation...”: Status organization of social sciences in the USSR, 1933–1935”, *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 145–158.

Nest'ev, I. (1939), “Pseudo-scientific concoction: About the book by I. Ioffe “The Music of Soviet Cinema””, *Sovetskoe iskusstvo*, no. 9 (589).

Pasternak, B. (2000), *Pozhiznennaya privyazannost': perepiska s O.M. Freidenberg* [Lifelong attachment: correspondence with O.M. Freudenberg], Moscow.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виталий Г. Ананьев, доктор культурологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48, v.g.ananiev@gmail.com.

Михаил Д. Бухарин, академик РАН, профессор, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, michabucha@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly G. Ananiev, Doctor of Cultural Studies, the Herzen State Pedagogical University of Russia, bld. 48, Moika Embankment, Saint-Petersburg, Russia, 191186, v.g.ananiev@gmail.com.

Mikhail D. Bukharin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, bld. 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, Russia, 119991, michabucha@gmail.com.

DOI 10.25986/ISN.2023.93.40.014

Из истории российского зарубежья дореволюционной эпохи: российские коллекционеры в интеллектуально-культурном пространстве Европы XIX – начала XX веков

Мария В. Катагощина

Российская академия образования, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

marya.katagoshina@yandex.ru

ORCID 0009–0005–5531–7739

Аннотация. *Статья посвящена отражению социально-культурного феномена частного коллекционирования в истории российских сообществ за рубежом в дореволюционную эпоху, его роли и месту в культурном диалоге России и Европы XIX – начала XX вв. и на современном этапе. На примере ряда наиболее значительных частных собраний, созданных за рубежом представителями интеллектуальной российской элиты, автор раскрывает социально-ментальную мотивацию и специфику коллекционерской деятельности россиян за границей. В статье отмечается свойственное многим российским собирателям памятников исторического и современного искусства Европы, стран Востока и Азии, осознание просветительской миссии частного коллекционирования, выразившееся в открытости коллекций для общества, включая круг постоянно проживавших за границей соотечественников и русских путешественников во Франции, Италии, Швейцарии. Кульминацией этой миссии являлось перемещение по возможности коллекций в Россию. Цель работы заключается в обосновании авторской гипотезы о том, что мир частных коллекционеров выступал значимым институциональным компонентом российского зарубежья XIX – начала XX вв. Автор также уделяет внимание преломлению судеб частных собраний и их создателей в современном культурном диалоге России и стран Европы в рамках международных научно-исследовательских и выставочных проектов.*

Ключевые слова: *российское зарубежье, российская эмиграция, частное коллекционирование, европейская цивилизация, международный диалог культур, Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ) им. А.С. Пушкина, Государственный Эрмитаж, Фонд Louis Vuitton.*

Для цитирования: *Катагощина М.В. Из истории российского зарубежья дореволюционной эпохи: российские коллекционеры в интеллектуально-культурном пространстве Европы XIX – начала XX веков // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 365–384. DOI: 10.25986/ISN.2023.93.40.014.*

From the history of the Russian abroad in the pre-revolutionary era: Russian collectors in the intellectual and cultural space of Europe in the 19th – early 20th centuries

Maria V. Katagoshchina

Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

marya.katagoshina@yandex.ru

ORCID 0009–0005–5531–7739

Abstract. *From the history of the Russian abroad in the pre-revolutionary era: Russian collectors in the intellectual and cultural space of Europe in the 19th – early 20th centuries. The paper is devoted to the reflection of the socio-cultural phenomenon of private collecting in the history of Russian communities abroad in the pre-revolutionary era, its role and place in the cultural dialogue between Russia and Europe in the 19th – early 20th centuries and at the present stage. On the example of a number of the most significant private collections created abroad by representatives of the Russian intellectual elite, the author reveals the social and mental motivation and specifics of the collecting activity of Russians abroad. The article notes the awareness of the enlightening mission of private collecting, which is characteristic of many Russian collectors of historical and contemporary art in Europe, countries of the East and Asia, expressed in the openness of collections to society, including the circle of compatriots permanently residing abroad and Russian travelers in France, Italy, Switzerland. The culmination of this mission was the relocation of collections to Russia if possible. The purpose of the work is to substantiate the author's hypothesis that the world of private collectors was a significant institutional component of the Russian diaspora in the 19th – early 20th centuries. The author also pays attention to the refraction of the fate of private collections and their creators in the modern cultural dialogue between Russia and European countries within the framework of international research and exhibition projects.*

Keywords: *Russia abroad, Russian emigration, private collecting, European civilization, international dialogue of cultures, The Pushkin State Museum of Fine Arts, The State Hermitage Museum, Louis Vuitton Foundation.*

For citation: *Katagoshchina, M.V. (2023), "From the history of the Russian abroad in the pre-revolutionary era: Russian collectors in the intellectual and cultural space of Europe in the 19th – early 20th centuries", Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 365–384. DOI: 10.25986/ISN.2023.93.40.014.*

Изучение социо-культурного феномена российского зарубежья неизменно входит в круг актуальных задач гуманитарной науки благодаря взаимосвязи с широким кругом проблем российской и мировой историографии. «История российского зарубежья, – отмечает академик РАН Е.И. Пивовар, – включает ряд аспектов, научный анализ и обобщение которых способствует продвижению конкретно-исторических знаний и теоретико-познавательных концепций в сфере изучения таких явлений и процессов, как международные миграции, диалог культур, проблема соотношения традиций и новаций в истории культуры, история повседневности, интеллектуальная история и т. п.» [Пивовар 2019b, с. 228].

Малоизученный компонент социально-культурного пространства российского зарубежья XIX – начала XX веков представляет собой частное коллекционирование, отражающее, с одной стороны, своеобразие этого этапа в истории феномена зарубежной России, с другой – его неразрывную связь с общеевропейским и отечественным культурным контекстом. Фундаментальные работы Е.И. Пивовара [Пивовар 2008, Пивовар 2019a], Н.Л. Пушкаревой [Пушкарева 1996, с. 53–60], В.М. Кабузана [Кабузан 1998], В.Я. Гросула [Гросул 2008], создали прочную теоретическую и фактологическую основу для историографического освоения темы истории и культуры российского зарубежья дореволюционной эпохи. Имеется также целый ряд исследований, посвященных повседневной культуре русских общин за границей, образовательным и творческим путешествиям, персоналиям известных россиян, постоянно проживавших за границей [Туманов 2012, с. 25–39, Файбисович 1995, с. 21–23]. Во многих из них затрагивается тема частного собирательства, которое начиная с Петровской эпохи, постоянно присутствует в культуре русского образованного общества, первоначально в дворянской, а затем и в разночинской и купеческой среде⁵⁰⁰.

В настоящей статье автор предпринимает попытку рассмотрения в целом роли и места данного явления в сообществе российского зарубежья XIX – начала XX веков.

Частное собирательство как форма самореализации и создания определенного социального имиджа утвердилось в России в эпоху абсолютизма вместе с другими элементами западной повседневной культуры, мировоззрения, образования и науки [Век 2006, Игнатъева 2014, Селиверстова 2020]. В этот же период складывается практика длительного пребывания российских любителей искусства и древностей за границей, как правило, сопровождавшееся их интеграцией в высшее общество Франции, Италии, Великобритании и др., личным знакомством с ведущими учеными, библиофилами и нумизматами Европы, а также с поставщиками редкостей [Андронов 2011, Стефко 2012]. Коллекционерские интересы отечественной интеллектуальной элиты изначально были обращены к европейскому искусству и книге. Антикварные рынки, аукционы и художественные галереи Европы были главными источниками художественных коллекций и библиотек российской дворянской аристократии и наиболее состоятельных коллекционеров из других слоев общества.

Одним из главных факторов адаптации и интеграции в общества стран Европы и США российских эмигрантов дореволюционного времени и беженцев «первой волны» была укорененность отечественного образования и культуры в европейской традиции, нередко дополнявшаяся опытом пребывания за границей, знанием французского и других европейских языков, новейшей литературы, моды, искусства и т. п. В то же время для большинства представителей российского зарубежья было свойственно стремление создавать свое внутреннее пространство, «маленькую Россию», воплощавшуюся, в зависимости от материальных возможностей,

⁵⁰⁰ [Неверов 2000], Полунина Н.М. Коллекционеры России, XVII – начало XX вв. Энциклопедический словарь. Москва: РИПОЛ классик, 2005; и др.

в обстановке жилья или отдельных памятных предметах, домашней библиотеке, образе жизни, круге общения. Для представителей знати и европеизированного купечества, в особенности до 1917 г., подобная практика была обычным явлением: имея собственные или арендуемые особняки и квартиры в Европе, они обустроивали свою повседневную жизнь в стиле страны проживания, дополняя его привычными деталями из российского обихода. В XIX – начала XX веков для состоятельных россиян жизнь в столичных городах, будь то в России или Европе, не имела особых отличий. Так, М.К. Тенишева, вспоминая о своем пребывании вместе с мужем в Париже, отмечала, что супруги «зажили совсем по-петербургскому» [Тенишева 1991]. При этом, российская аристократия, находясь за границей, почти ничего не меняла в привычном для себя укладе жизни. Во дворцах и виллах во Франции, Швейцарии. Италии в значительной степени воспроизводился европеизированный и, в то же время, самобытный мир петербургских особняков и загородных имений Центральной России с собственными слугами, самоварами и т. д. [Калякина 2017, с. 179]. Роскошные дачи россиян вблизи Женевского озера, располагались по соседству, образуя небольшую аристократическую колонию, которая сохраняла «всю прелесть и непринужденность провинциального усадебного быта» [Калякина 2017, с. 180].

Именно в этой среде россиян, постоянно или подолгу проживавших по тем или иным соображениям за границей, образованных, не обремененных материальными проблемами, наиболее ярко было представлено коллекционирование предметов искусства и старины, различных раритетов, книг, нумизматики и т. п. Это увлечение могло быть как данью моде, так и неотъемлемой чертой личности собирателя, отражением его научных интересов, интеллектуальных и духовных потребностей. Иностранцы резиденции Л.И. Барятинской-Витгенштейн, З.А. Волконской, А.Н. Демидова Сан-Дonato, Л.Е. Лазарева и др., наполненные шедеврами древнего и нового искусства, убедительно подчеркивали высокий социальный статус владельцев, их принадлежность к европейской элите. Коллекционерами являлись многие российские дипломаты, традиционно, еще с Петровских времен, выполнявшие роль эмиссаров императорского двора на антикварных рынках Европы и вовлекавшиеся тем самым в культуру частного собирательства эпохи позднего Просвещения [Савинская 2006]. В XX в. судьбы и наследие ряда выдающихся российских коллекционеров и меценатов дореволюционного времени, постоянно проживавших в Европе, стали предметом научных исследований британских и французских ученых [Haskel, Wenley 1994, Trofimoff 1966, Blakesley 2008].

Хотя, начиная примерно с Екатерининской эпохи, в России зарождается собирание памятников отечественной истории и культуры, прежде всего, рукописей, создание коллекций европейской и восточной тематики остается неизменно популярным в аристократических кругах, а также среди художников и ученых, проводивших много времени в заграничных путешествиях. В период историзма 1880-х – 1890-х гг. формирование большого числа коллекций русской тематики не перечеркивало интерес отечественного собирательского сообщества к европейскому искусству

XVIII – XIX вв., памятникам истории и культуры античности, средневековой Европы, Византии, а также Ближнего Востока, Индии, Китая, Японии, что соответствовало общеевропейским тенденциям в развитии исторических наук и археологии [Российские 2017]. В 1870 – 1880-е гг. в связи с Балканскими войнами значительно возрос интерес российских коллекционеров к изобразительному искусству, книжности, этнографическим памятникам славянских стран. Позднее собиратели новой западной живописи С.И. Щукин и И.А. Морозов приобретали работы Альфонса Мухи и других чешских художников. Российские путешественники, собиратели старинных вещей, посещали антикварные лавочки, художественные и книжные магазины Праги.

В 1860 – 1880-е гг. в России сложился собственный антикварный рынок, на котором постоянно появлялись ценные, порой уникальные, памятники искусства и культуры из распродававшихся частных собраний. Это способствовало активизации международных деловых и научно-информационных контактов между сообществами российских и европейских коллекционеров, антикваров, музейных деятелей. Феноменом российского коллекционирования, имевшим (как показало будущее) международное значение, стало создание Д.П. Боткиным, С.И. Щукиным, И.А. Морозовым коллекций новой европейской живописи, в состав которых вошли всемирно известные в наши дни образцы импрессионизма, модернизма и авангарда.

В интересе ведущих российских коллекционеров к памятникам различных эпох и цивилизаций и в стремлении обогатить ими не только свои личные собрания, но и общественные хранилища, проявлялась широта восприятия культуры, ее ценностных ориентиров, благодаря которым Эрмитаж, Музей изобразительных искусств (ГМИИ) им. А.С. Пушкина и многие другие отечественные музеи приобрели мировое значение. «Хранящиеся в наших музеях произведения итальянцев, французов, немцев, китайцев, африканцев также являются российскими ценностями. За редкими исключениями они вошли в ткань русской культуры, стали ее неотъемлемой составной частью», – подчеркивал Д.С. Лихачев [Лихачев 1994, с. 722].

Некоторые ценные художественные коллекции, формировавшиеся за рубежом, сосредотачивались в России, другие, напротив, вывозились полностью или частично в Европу, где продолжали пополняться новыми предметами. В 1904 – 1905 гг. наблюдалось временное перемещение некоторых ценных частных собраний из России за границу из соображений безопасности. В качестве примера можно назвать А.В. Хитрово, который вывез из Петербурга во Францию свою прекрасную коллекцию английской портретной живописи, уже предназначенную в дар Эрмитажу, поскольку был сильно напуган беспорядками в дни Первой русской революции. Этот же фактор оказал влияние на М.К. Тенишеву, которая сообщала в письме Н.К. Рериху от 25 августа (6 сентября) 1906 г.: «У меня действительно, здесь в Париже находятся как лучшие вещи моего музея, так и коллекция моих любимых русских акварелей Поленовой и проч., тоже и Ваши масляные картины и акварели. Боясь, чтобы в разгромах и поджогах не погубили бы столь дорогие

мне предметы, я всё привезла сюда»⁵⁰¹. Обе коллекции впоследствии вернулись в Россию и были переданы владельцами в общественное пользование, войдя, соответственно в собрания Эрмитажа и основанного М.К. Тенишевой Музея «Русская старина» в Смоленске.

За границей в разные годы завершилась история многих выдающихся художественных и историко-культурных собраний, созданных россиянами, но распроданных с молотка в Париже, Риме и других центрах аукционной торговли. Нередко находившиеся в их составе ценные произведения живописи и прикладного искусства переходили к ведущим западным коллекционерам, государственным музеям и библиотекам. Распад ряда коллекций происходил на протяжении нескольких поколений, причем к их судьбе порой оказывались причастны российские эмигранты. В качестве примера можно напомнить о коллекциях и архиве З.А. Волконской, часть художественного собрания которой в 1920-х гг. перешла в руки российского антиквара Василия Леммермана [Бочаров, Глушакова 2000]. Значительно позднее разбором архива княгини занимался французский искусствовед российского происхождения А.А. Трофимов, издавший по итогам своих изысканий работу «La princesse Zénaïde Wolkonsky. De la Russie imperiale à la Rome des Papes» (Rome, 1966).

Яркими и в то же время типичными примерами частных коллекций, воспринимавшихся современниками как часть европейского, в данном случае, французского культурного пространства, являются выдающиеся по своей историко-культурной, художественной и материальной ценности собрания П.Д. Салтыкова (1804–1889) и А.П. Базилевского (1830–1899). Оба коллекционера обладали крупными семейными состояниями, которые были растрачены на роскошную жизнь за границей и приобретение редкостей. На определенном этапе и тот, и другой вынуждены были расстаться со своими коллекциями по материальным причинам. В огромной коллекции П.Д. Салтыкова, которая занимала в Париже два особняка, были представлены редкие средневековые изделия из драгоценных металлов, стекла и слоновой кости, европейское и восточное оружие, часы, старинные рукописи [Файбисович 1995]. Распроданная в 1861 г.⁵⁰², она перешла в разделенном виде в музейные (дворцовые и государственные) фонды Франции, Англии и России. Комплекс европейского оружия приобрел Наполеон III. Многие ценные памятники прикладного искусства были куплены для создававшегося в Лондоне Южно-Кенсингтонского музея (с 1899 г. – Музей Виктории и Альберта). Восточное оружие, включая образцы, собранные в свое время братьями Петра Дмитриевича, при посредничестве французского банкира Сельера, было куплено Александром II для Царскосельского Арсенала (в настоящее время в основном в Эрмитаже) [Малозёмова 2016]. Целый ряд предметов был приобретен А.П. Базилевским, что обусловило впоследствии их переход уже в составе его коллекции также в собрание Эрмитажа.

Коллекция дипломата в отставке А.П. Базилевского, включавшая памятники европейского и византийского прикладного искусства эпохи Средне-

⁵⁰¹ ОР ГТГ. Ф. 44. Ед. хр. 1365. Л.1.

⁵⁰² Objets d'art et de haute curiosité composant la célèbre collection du Prince Soltykoff 1861 Apr. 8-May 1. Hôtel Drouot. NAL Pressmark: 23 p.

вековья и Ренессанса⁵⁰³, а также восточное оружие [Шелковникова, Ефремов 2010], была типологически близка к собранию П.Д. Салтыкова. Часть экспонатов Базилевский приобрел на иностранных аукционах, часть была собрана им самим во время пребывания во Флоренции и других исторических центрах Италии и Франции, восточные древности – в дни поездки в Ост-Индию, и т. п. Ценность и красота коллекции, размещавшейся в личной галерее владельца на Rue du Faubourg Saint-Honoré и доступной для публики один день в неделю, сделала ее одной из достопримечательностей французской столицы и, в то же время центром притяжения для русских парижан. «По понедельникам он приглашал самых близких друзей, а по пятницам его открытые вечера собирали всех русских, попавших в Париж, и всех местных любителей искусства»⁵⁰⁴. 150 экспонатов из коллекции Базилевского были представлены в историческом отделе на Всемирной выставке в Париже 1865 г.⁵⁰⁵ Будущий император Александр III осматривал галерею Базилевского во время поездки во Францию в 1867 г., что, безусловно, повлияло на его последующее решение о покупке собрания.

А.П. Базилевский поддерживал контакты с Петербургом и Москвой, являясь «вольным общником» Императорской Академии художеств и действительным членом Московского Археологического общества. Его заслугой является приобретение части доспеха, выполненного в мастерской итальянского оружейника Помпео делла Кьеза для Лжедмитрия I. Набедренники и оплечья с великолепной художественной отделкой обнаружил в одном из антикварных магазинов Парижа хранитель Царскосельского арсенала Е.А. Кеммерер. Вероятно, по совету последнего, А.П. Базилевский приобрел доспехи и преподнес их в 1870 г. в дар императору Александру II, находившемуся в Эмсе на водах [Ефимов 2012]. (В настоящее время уникальные предметы хранятся в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге). В этот период о коллекции Базилевского появились упоминания в российской прессе тех лет, причем корреспондент журнала «Всемирная иллюстрация», задавался вопросом: «Какая судьба ожидает собрание Базилевского? Может быть, и на него повлияет обеднение золотоносных россыпей Урала и конкуренция других золотых приисков, ну хоть бы вновь являющихся финляндских».⁵⁰⁶ Эта сентенция была обусловлена уже состоявшимися на тот момент распродажами ряда крупных российских собраний, владельцы которых не смогли сохранить свое прежнее финансовое положение в пореформенный период, причем одними из первых были выставлены на аукционы коллекции, находившиеся за границей.

В последующие годы коллекция А.П. Базилевского получила широкую известность во Франции и во всей Европе, благодаря изданию в 1874 г. ее

⁵⁰³ Западноевропейское прикладное искусство средних веков и эпохи Возрождения из коллекции А. П. Базилевского. Каталог выставки. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1986; [Kryžanovskaja 1990, Залеская 1991].

⁵⁰⁴ Сенсационное приобретение Александра III в Париже // Государственный Эрмитаж. № 3. Зима 2004–2005.

⁵⁰⁵ Бапанчеева И. Собиратель чудес [Электронный ресурс] // Столетие. 09.07.2013. URL: https://www.stoletie.ru/kultura/sobiratel_chudes_885.htm (дата обращения 05 окт. 2022).

⁵⁰⁶ Всемирная иллюстрация. 1870. № 63. С. 208.

каталога, подготовленного одним из хранителей Лувра, будущим директором музея Клюни, Альфредом Дарселем [Darsel 1874], и новой, более полной демонстрации шедевров коллекции на Всемирной выставке 1878 г.⁵⁰⁷ (Очевидно, они были представлены в одном из французских павильонов, поскольку в источниках о российской экспозиции собрание Базилевского не упоминается [Алексеев 1877]⁵⁰⁸). Сенсацией в кругах французских любителей старины стало сообщение о запланированном на весну 1885 года аукционе собрания Базилевского. Когда в 1884 г. стало известно о его приобретении Александром III, множество парижан посетило галерею, чтобы увидеть раритеты, отправлявшиеся в далекую Россию⁵⁰⁹. Цена собрания составила 5448125 французских франков. Парижский аукцион, согласно оценкам экспертов, позволил бы выручить более значительную сумму. Однако стремление Базилевского, свойственное большинству отечественных собирателей, сохранить свои коллекции для России, обусловило его выбор в пользу августейшего покупателя. (Следует отметить, что подобные приобретения совершались представителями дома Романовых из личных средств и затем передавались в Эрмитаж и другие хранилища). Имеются и примеры выкупа отечественными меценатами и научными учреждениями российских зарубежных коллекций, уже перешедших в руки профессиональных торговцев. Так, преимущественно за границей была создана и затем там же продана первая коллекция А.В. Звенигородского, включавшая рейнские эмали, античную керамику, средневековые изделия из драгоценных металлов и слоновой кости. Это собрание в количестве 662 предметов, приобретенное в 1885 г. Музеем Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица, было, по данным Т.В. Раппе, выкуплено у парижского антиквара Левенгардта [Раппе 2006]. Примечательно, что в 1884 г. А.В. Звенигородский предпринял выставку своего собрания за рубежом. Речь идет о его второй коллекции – уникальном собрании византийских эмалей, которую он разместил в музее немецкого города Ахена. Выставка получила несколько «солидных и в высшей степени симпатичных» отзывов⁵¹⁰. В том же году было начато научное описание коллекции эмалей А.В. Звенигородского. В 1884 и 1890 гг. были представлены два посвященных ей иллюстрированных издания на немецком языке, подготовленные Иоганном Шульцем. В 1892 г. на русском, немецком и французском языках одновременно в Петербурге и Франкфурте-на-Майне выходит в свет знаменитая среди библиофилов роскошная книга-альбом Н.П. Кондакова «История и памятники Византийской эмали из собрания А.В. Звенигородского». Эта книга, не предназначенная для продажи, была передана коллекционером в дар Александру III, великим князьям Константину Константиновичу и Георгию Михайловичу,

⁵⁰⁷ Приобретение коллекции Базилевского. 1884 год. [Электронный ресурс] // Сайт Государственного Эрмитажа. URL: <http://academy.hermitagemuseum.org/materials/priobretenie-kollekcii-bazilevskogo.-1884-god> (дата обращения 05 окт. 2022).

⁵⁰⁸ Всемирная выставка. Русский отдел (1878; Париж). Положение о Русском отделе на Всемирной выставке 1878 г. в Париже. СПб, 1877. 55 с.

⁵⁰⁹ Приобретение коллекции Базилевского. 1884 год. [Электронный ресурс] // Сайт Государственного Эрмитажа. URL: <http://academy.hermitagemuseum.org/materials/priobretenie-kollekcii-bazilevskogo.-1884-god> (дата обращения 05 окт. 2022).

⁵¹⁰ История и памятники Византийской эмали: Из собрания А.В. Звенигородского. СПб, 1892. С. III.

Императорской публичной библиотеке в Петербурге и некоторым другим российским библиотекам и ценителям искусств. Основная часть тиража на иностранных языках была распределена по национальным библиотекам, музеям и частным книжным собраниям 18 стран, включая Францию, Бельгию, Испанию, Турцию и др., а также подарена королевским особам Европы, турецкому султану и эмиру Бухары. «Перегородчатые эмали» Н.П. Кондакова восхищали современников, прежде всего, как уникальный образец искусства книги, но в целом этот издательский проект явился манифестацией за рубежом российского коллекционирования и меценатства, а также свидетельством высокого уровня отечественной исторической науки и искусствознания. Посвященная истории издания «Перегородчатых эмалей» книга В.В. Стасова (СПб, 1898) также была опубликована на русском, немецком и французском языках⁵¹¹.

Как видно из приведенных выше фактов, лучшие российские частные коллекции во второй половине XIX века стали органичным компонентом интеллектуально-культурной жизни европейских городов. В значительной степени это было заслугой самих коллекционеров, открывавших свои собрания для публики, печатавших каталоги, принимавших активное участие в светской жизни Парижа, Рима, Женевы, где коллекционерские увлечения становились их визитной карточкой. При этом, как и основная масса представителей российской дореволюционной зарубежья, они сохраняли разнообразные связи с Россией; имена коллекционеров, фотографии лучших вещей из их собраний, объявления об аукционах появлялись на страницах российской прессы, в том числе в специализированных журналах для любителей искусства и старины, что позволяло им принимать участие в торгах⁵¹².

Зарубежный мир российской интеллектуальной элиты за рубежом включал ученых, студентов, русских путешественников из богемной среды – художников и литераторов, порой получавших за границей приют и поддержку «своих» меценатов, политических эмигрантов и других представителей разночинских кругов России. В XIX – начале XX вв. в этой среде было популярно частное коллекционирование, относительно скромное по финансовым затратам: библиофильство, собирание гравюр, миниатюр и других мелочей, которые за небольшую цену предлагали старьевщики и мелкие антиквары. Посещение «блошинных рынков», антикварных магазинов, мастерских художников, частных галерей стало в этот период популярной формой досуга российской интеллигенции, как на родине⁵¹³, так и во время заграничных поездок [Бахрушин 1994, с. 179–180]. Приобретение образцов старинной живописи и графики было одним из компонентов творческого саморазвития русских художников в период их проживания во Франции, Германии, Италии. Историк искусства Н.Н. Врангель в феврале 1909 г. писал отцу из-за границы «Здесь в Париже встретил Браза и целый день ходил с ним по маленьким антикварам. Он купил несколько превосходных голландцев, которые здесь в большом количестве и очень дешевы» [Банников 1998, с. 444]. Мстислав Добужинский вспоминал об известной в Париже

⁵¹¹ Подробнее см.: [Илларионова 2012, Беручашвили 2015].

⁵¹² Русский библиофил. 1911. № 5. С. 90, 110; и др.

⁵¹³ Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. XII. М., 1909. С. 8.

владелице антикварно-художественной лавки m-me Prouté («Прутихе»), у которой он, Бенуа, Яремич и др. рассматривали и покупали множество рисунков старых мастеров [Добужинский 1976, с. 305].

Неоднократные упоминания о частных коллекциях и картинных галереях Европы содержатся в письмах Д.И. Щукина к С.И. Щукину периода конца 1880-х – 1900-х гг.⁵¹⁴ и во многих других архивных и опубликованных источниках эпистолярного и мемуарного жанра.

Художник и меценат А.П. Боголюбов, длительное время живший во Франции, выступал в качестве экскурсовода по антикварно-художественному Парижу для знатных персон из России, включая представителей императорского дома. Именно он в свое время сопровождал цесаревича Александра Александровича при посещении галереи А.П. Базилевского. По поводу пребывания в Париже в 1883 г. нескольких представителей дома Романовых художник сообщал: «Великие князья Алексей и Павел Александрович приехали сюда со своим воспитателем контр-адмиралом Дмитрием Сергеевичем Арсеньевым и гувернёром м-е Лакостом... Оба воспитателя были мои хорошие приятели, а потому я часто ходил с великими князьями по музеям и художникам» [Боголюбов 1996]. Здесь же мемуарист упоминает, что в. к. Сергей Александрович, как любитель «старины и художества» покупавший в Париже картины, посетивший по рекомендации Боголюбова мастерскую Ж.-Л. Жерома, приобрел его работу «Продажа невольницы» (ныне в Эрмитаже). Французский живописец в знак благодарности подарил А.П. Боголюбову один из своих рисунков к этой картине, который тот позднее передал Саратовскому Радищевскому музею [Боголюбов 1996]. Подобные эпизоды, составлявшие в рассматриваемый период неотъемлемую часть художественной жизни российского зарубежья в Европе, наглядно показывают его связь с миром отечественного коллекционирования и меценатства в эпоху его расцвета. Установление личных контактов между коллекционерами и библиофилами в России и за рубежом находило продолжение в международной переписке, обмене коллекционными предметами, взаимных экспертных консультациях.

В автобиографической книге А.П. Боголюбова содержатся также некоторые сведения о коллекционерских увлечениях ныне забытых русских парижан последней четверти XIX века. В частности, мемуарист упоминает о бывшем петербургском банкире Ю.Л. Гауфе, собравшем коллекцию работ французских художников 1830-х гг. – Э. Мейссонье, К. Коро, А.-Г. Декана, П. Добиньи и др. [Боголюбов 1996]. (По всей вероятности, речь идет о представителе немецко-русской семьи Гауфов, возможно, о сыне купца 1-й гильдии, биржевика и владельца сахарного завода барона Л.А. Гауфа, проживавшего в Петербурге в конце 1860-х гг.⁵¹⁵).

Ценные собрания восточных артефактов и нумизматики были созданы русскими путешественниками – учеными, паломниками, дипломатами в Палестине, Турции и других странах Ближнего Востока. Свой вклад в институционализацию культурного пространства российского

⁵¹⁴ ОПИ ГИМ, Ф. 37. Ед. хр. 209-212.

⁵¹⁵ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отделениях. СПб: Изд. Гоппе и Корнфельда, 1867-1868. С. 107.

зарубежья конца XIX – начала XX века внес российский агент в Турции, археолог и коллекционер Г.П. Беглери, который передал свое собрание предметов византийского искусства Русскому археологическому институту в Константинополе (РАИК) 26 февраля 1895 г., в день его открытия. Коллекция Беглери стала основой Музея (Кабинета) древностей РАИК и ценным материалом для научных исследований Ф.И. Успенского и других сотрудников Института [Гурулева 2001, с. 165–166]. Дарителями музея РАИК стали многие любители редкостей, в том числе некоторые европейские чиновники и дипломаты, служившие на Ближнем Востоке. В 1903 г. служащий Азиатского департамента МИД России А.Е. Лаговский пожертвовал в музей РАИК коллекцию римских и византийских монет, собранную им за годы службы в Персии, Греции и Турции [Гурулева 2001, с. 168]. Тогда же директор железнодорожной линии Смирна – Касабо Поль Годен подарил РАИК амулеты IV–VI вв. и печать Соломона⁵¹⁶; и т. п. Благодаря Институту, сотрудники которого неустанно разыскивали у антикваров, собирателей, случайных владельцев старинные рукописи и археологические артефакты, в российские хранилища в конце 1890-х – 1900-е гг. поступил ряд ценных предметов эпохи античности⁵¹⁷. Когда в 1930 г. Турция передала СССР основные коллекции РАИК, хранившиеся в Оттоманском музее, фонды Эрмитажа и нескольких академических библиотек пополнились комплексом ценных античных, пальмирских, византийских и русских памятников, поступивших в разные годы в собрание института из личных коллекций. Археологические предметы, рукописи и книги были сосредоточены в РАИК «стараниями многих людей, участвовавших в формировании его библиотеки и музея», в том числе частных коллекционеров.⁵¹⁸ В.В. Гурулева в статье, посвященной нумизматическим коллекциям, особо выделяет собирательские и меценатские заслуги начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), создавшего несколько коллекций античных, византийских, малоазийских и др. монет, которые он передал в дар Палестинскому обществу и Русскому археологическому обществу (РАО). Архимандритом Антонином была составлена также коллекция древних рукописей на нескольких языках [Фонкич 1983, с. 368–379]. Свое основное собрание (музей) греческих и восточных древностей он завещал Русской Духовной миссии в Иерусалиме [Гурулева 1998]. Личные собрания аналогичной тематики создавались российскими дипломатами, служившими в Турции, Греции и южнославянских областях Европы. Особое место среди восточных коллекций российских дипломатов занимает нумизматическое и археологическое собрание кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, составление которого началось на рубеже 1850-х – 1860-х гг. в Константинополе и продолжалось многие годы. Коллекционированием древностей увлекались, в частности, российский посол в Константинополе А.И. Нелидов, генеральный консул в Смирне Ф.И. Иванов и др. [Гурулева 1994, Гурулева 2001, Саверкина, Пятницкий 1996].

⁵¹⁶ Шандровская В.С. [Предисловие] // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже: Каталог выставки. С. 8.

⁵¹⁷ Там же. С. 8–10.

⁵¹⁸ Там же.

Парижские и римские салоны отечественных богачей-интеллектуалов, покровителей искусств, были центром притяжения для соотечественников, находившихся за границей, что превращало их в зарубежные очаги русской культуры, институциональные компоненты российского зарубежья XIX – начала XX веков. Хрестоматийным примером данного явления стал римский салон З.А. Волконской, постоянными посетителями которого были русские художники и писатели, в том числе К.П. Брюллов, С.Ф. Щедрин, Н.В. Гоголь и др. [Бочаров, Глушакова 2000].

Пространство интеллектуально-эстетического сближения российской и французской творческой интеллигенции во второй половине 1890-х – начале 1890-го гг. представляли собой «Щукинские вторники» в апартаментах И.И. Щукина на авеню Ваграм в Париже. Коллекционера посещали во время пребывания во Франции К.К. Бальмонт, М.А. Волошин, Д.С. Мережковский, Вас. И. Немирович-Данченко, А.Н. Бенуа, И.Э. Грабарь, А.В. Луначарский и др., а также французские деятели искусства и литературы – Эдгар Дега, Пьер Огюст Ренуар, Огюст Роден, Поль Дюран-Рюэль, Жорис Карл Гюисманс. При посредничестве И.И. Щукина в коллекции его брата Сергея Ивановича, И.С. Остроухова и других российских коллекционеров появились работы ряда выдающихся французских художников-импрессионистов [Семёнова 2010].

Вкладом И.И. Щукина в российско-французский культурный диалог и опосредованно – в интеллектуальную жизнь Русского Парижа XX века – является его уникальная по содержанию и объему библиотека по русской истории, философии и религиозной мысли, переданная в дар парижской Школе восточных языков (Ecole des Langues Orientales⁵¹⁹). О значимости этого шага свидетельствует награждение русского мецената орденом Почетного Легиона. Позднее племянник коллекционера Г.С. Щукин перевел по просьбе директора Школы восточных языков 10 тысяч франков для выкупа оставшейся части библиотеки, которая после трагического ухода из жизни (самоубийства) И.И. Щукина выставлялась на аукцион [Ашешова 2017]. В 1920-е – 1930-е гг. в Ecole des Langues Orientales преподавали и учились представители российской послереволюционной эмиграции⁵²⁰, которые, посещая библиотеку Школы, работали в том числе с книгами из собрания И.И. Щукина.

Таким образом, российские коллекционеры и антиквары, проживавшие подолгу или постоянно за границей, внесли весьма заметный вклад в формирование международных интеллектуальных, художественных и деловых связей дореволюционной России, что сыграло существенную роль в последующей социальной адаптации и культурной жизни российских эмигрантов в Европе, США и других регионах мира.

Созданные россиянами за границей в XIX – начале XX вв. частные музеи и картинные галереи получили широкую известность на Западе. Кроме того, они

⁵¹⁹ В настоящее время фонды Школы восточных языков находятся в составе Университетской библиотеки языков и цивилизаций – BULAC (Франция).

⁵²⁰ Кочегина Н. Юрий Рерих в годы учебы. Учителя // Восход: Журнал Сибирского Рериховского общества. 2017. Сентябрь. № 8 (281). [Электронный ресурс]. URL: <https://rossasia.sibro.ru/voshod/article/51742> (дата обращения 05 окт. 2022).

нередко играли роль островков России, притягивая представителей и российского сообщества за рубежом, и в то же время деятелей культуры и искусства во Франции, Италии, Швейцарии, Англии и других странах Европы, выступая тем самым как центры публичной дипломатии и культурного диалога.

В наши дни наследие российских коллекционеров дореволюционной эпохи остается частью культурного диалога России и Европы. Так, в 1991 г. в небольшом итальянском городе Пратолино в салоне бывшей виллы Демидовых Сан Донато был организован итальянско-российский коллоквиум «Демидовы во Флоренции и в Тоскане», посвященный благотворительной и собирательской деятельности Демидовых в Италии [Глушакова 1993]. Летом 2013 г. также в Италии, в Турине, состоялась выставка «Коллекционер чудес. Эрмитаж Базилевского», представившая итальянскому зрителю уникальные предметы христианского искусства I – XVI вв.⁵²¹

Художественные выставки традиционно играют заметную роль в культурной дипломатии России, в том числе в российско-французских информационно-культурных коммуникациях [Стефко 2019].

Отдельную тему составляет сотрудничество историков искусства и музейных деятелей России и Франции, связанное с экспонированием и изучением коллекций Щукиных и Морозовых, а также с проектами по взаимному ознакомлению с национальным художественным наследием двух стран, созвучным эпохе великих коллекционеров. Хотя имена Щукиных и Морозовых в большей степени связаны с российским зарубежьем XX века, их уникальные коллекции создавались до Первой мировой войны, являясь частью российско-французского диалога культур конца XIX – XX века. В наши дни центральную роль в данном круге художественного взаимодействия играют международные выставочные проекты, в которых принимают участие и представители современного мира частного коллекционирования и меценатства. Так, французским культурным Фондом Louis Vuitton в рамках проекта Icons of Modern Art в октябре 2016 – феврале 2017 г. в Париже была организована выставка картин из собрания С.И. Щукина «Шедевры нового искусства. Коллекция Щукина», которую посетило более миллиона человек. Проект был осуществлен по инициативе внука Сергея Щукина – французского искусствоведа и деятеля кино Андре-Марка Делок-Фурко при поддержке директора Эрмитажа М.Б. Пиотровского. Примечательно, что А.-М. Делок-Фурко в интервью российскому электронному изданию «The Art Newspaper Russia» выразил свое одобрение участию Фонда Louis Vuitton в устройстве выставки, воспринимая это событие как восстановление традиции францужско-российского художественного диалога в мире деловых людей, коллекционеров и меценатов: «Великий французский купец, крупный меценат XXI века Бернар Арно⁵²² приглашает в Париж своего кол-

⁵²¹ Бапанчеева И. Собиратель чудес [Электронный ресурс] // Столетие. 09.07.2013. URL: https://www.stoletie.ru/kultura/sobirate_l_chudes_885.htm (дата обращения 05 окт. 2022).

⁵²² Бернар Арно – французский миллиардер, президент компании «Moët Hennessy – Louis Vuitton» (LVMH), производящей предметы роскоши, меценат, учредитель Фонда Louis Vuitton. По его инициативе в 2014 г. в Париже было выстроено здание Фонда Louis Vuitton – многофункционального искусства, где, в частности, экспонируются выставки Фонда, преимущественно из коллекций группы LVMH и семьи Арно. Здание Фонда, выстроенное в ультрасовременном стиле, является одной из достопримечательностей Парижа (прим. авт.).

легу – великого московского купца и мецената начала XX века Сергея Щукина. Это логично, и здесь заложена идея преемственности. В Фонде Louis Vuitton вы будете как у Щукина дома на Знаменке!»⁵²³.

В июне 2019 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина открылись выставки «Коллекция Fondation Louis Vuitton. Избранное» и «Щукин. Биография коллекции». В сентябре 2021 г. – марте 2022 г. Фонд Louis Vuitton показал выставку «Коллекция Морозовых» (*La Collection Morozov. Icônes de l'art moderne*), объединившую более 150 шедевров французского и русского современного искусства из собраний М.А. Морозова (1870–1903) и И.А. Морозова (1871–1921). Впервые с момента своего создания в конце XIX – начале XX века Морозовская коллекция покинула пределы России. Почётным гостем церемонии открытия выставки стал президент Франции Эммануэль Макрон. Следует отметить, что данное выставочное мероприятие явилось площадкой демонстрации экспонатов из музейных коллекций трех постсоветских стран. Картины прибыли в Париж из Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина и Русского музея (Россия), Национального художественного музея в Минске (Республика Беларусь), Днепропетровского художественного музея (Украина), а также из нескольких российских частных собраний – Фонда Екатерины и Владимира Семеновых, Музея искусства авангарда в Москве, личных коллекций П. Авена и М. Золотарева⁵²⁴. Из всех выставок проекта Морозовская коллекция имела особый успех: несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, ее посетило около 1,3 млн человек.

С историей частного коллекционирования дореволюционной России была связана выставка, действовавшая осенью 2021 – весной 2022 г. в Итальянских галереях (*Gallerie d'Italia*) в Милане «Гран Тур. Мечта об Италии от Венеции до Помпей». Проект был посвящен культурному феномену путешествий интеллектуальной элиты Европы в Италию, совершавшихся с тем, чтобы приобщиться «к истокам европейской цивилизации: посетить античные раскопки в Геркулануме и Помпее, увидеть и приобрести лучшие произведения живописи и прикладного искусства именитых итальянских мастеров».⁵²⁵ Участниками выставки выступили ведущие музеи Италии, Великобритании, Испании, США, Франции и России. Примечательно, что на обложку каталога выставки была помещена репродукция картины Джулио Карлини «Семейство Толстых в Венеции», написанной итальянским мастером в 1855 г. по заказу графа И.М. Толстого в дни его путешествия по Италии. Заметим в скобках, что младший сын заказчика Д.И. Толстой (1860–1941) стал выдающимся знатоком и коллекционером европейского искусства, а также последним директором Императорского Эрмитажа, куда и поступила из семейного собрания Толстых вышеупомянутая картина.

⁵²³ Сидельникова М. Андре-Марк Делок-Фурко рассказал о своем великом деде, коллекционере Сергее Щукине [Электронный ресурс] // *The Art Newspaper Russia/ Новости искусства*. 20.10.2016. № 47 URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/3584/>.

⁵²⁴ Савельева Ю. Фонд Louis Vuitton показал «Коллекцию Морозовых» [Электронный ресурс] // *Ведомости*. 25.10.2021. URL: <https://kp.vedomosti.ru/artguide/article/2021/10/20/892060-ot-schukina-do-morozovih> (дата обращения 05 окт. 2022).

⁵²⁵ Гран-тур в Милан // Сайт Государственного музея-заповедника «Павловск». [Электронный ресурс]. URL: <https://pavlovskmuseum.ru/news/calendar/2811/> (дата обращения 05 окт. 2022).

Таким образом, судьбы российских частных коллекций и их создателей, ставшие ярким свидетельством единства цивилизационного пространства России и Европы нового времени, продолжают выполнять свою миссию и в наши дни. Их участие в репрезентациях исторического времени, которое может охватывать период от эпохи античности или раннего средневековья, отраженных в экспонатах коллекций, до современных научных исследований, международных выставок и альбомов по искусству, вносит важный вклад в современный культурный диалог, в том числе во взаимодействие России с миром российских соотечественников в дальнем зарубежье.

ЛИТЕРАТУРА

- Андросов 2011 – *Андросов С.О.* Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. – Санкт-Петербург: Наука, 2011.
- Алексеев 1877 – *Алексеев П.П.* Заметки о Парижской выставке 1878 года. – Киев, 1878. – 20 с.
- Ашешова 2017 – *Ашешова А.А.* Новое о биографии И.И. Щукина по французским архивам // Исторические Боткинские чтения. – СПб: СПбГМИСР, 2017. Т. 1. Вып. I. – С. 168–169.
- Банников 1998 – *Банников А.Н.* Неопубликованные автографы Н.Н. Врангеля // Памятники культуры. Ежегодник. 1998.
- Бахрушин 1994 – *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания. – М., 1994.
- Беручашвили 2015 – *Беручашвили Н.* История монографии о коллекции перегородчатых эмалей А.В. Звенигородского. – Тбилиси, 2015.
- Боголюбов 1996 – *Боголюбов А.П.* Записки моряка-художника. – Саратов: Волга, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.centre.smr.ru/win/books/bogolub_zap/1883.htm (дата обращения 05 окт. 2022).
- Бочаров, Глушакова 2000 – *Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П.* Салон З.А. Волконской как окно в Европу для Пушкина и его друзей // Россия и Италия. Встреча культур / Отв. ред. Н.П. Комолова. Вып. 4. – Москва: Наука, 2000. – С. 109–165.
- Век 2006 – Век Просвещения = *Le Siècle des Lumières*. Вып. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II / Под ред. С.Я. Карпа. Институт всеобщей истории РАН. – Москва: Наука, 2006. – 654 с.
- Глушакова 1993 – *Глушакова Ю.П.* Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории; редкол.: В.А. Кучкин (отв. ред.), О.Н. Бурдина. – М.: ИРИ РАН, 1993 // Электронная библиотека ИРИ РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=serie§ion=9&id=61> (Дата обращения: 05.10.2022).
- Гросул 2008 – *Гросул В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века. – Москва: РОССПЭН). 2008. – 703 с.
- Гурулева 1994 – *Гурулева В. В.* Нумизматика // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже / Каталог выставки / Науч. ред. В.С. Шандровская. – СПб: Государственный Эрмитаж, 1994. – С. 202–223.
- Гурулева 1998 – *Гурулева В.В.* Архимандрит Антонин как нумизмат / Государственный Эрмитаж. Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потина. СПб, 1998. – С. 235–243.

Гурулева 2001 – *Гурулева В.В.* Русские коллекционеры памятников нумизматики на Православном Востоке (Вторая половина XIX – начало XX века) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. К XX Международному конгрессу византинистов. Париж, 19–25 августа 2001 года / Под ред. В.Н. Залеской. – СПб: Государственный Эрмитаж, 2001. – С. 165–178.

Добужинский 1976 – *Добужинский М.* Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1976.

Ефимов 2012 – *Ефимов С.В.* Холодная красота. Доспехи великих европейских оружейников XVI века в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Война и оружие Новые исследования и материалы Третьей Международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 года / Министерство обороны Российской Федерации Российская Академия ракетных и артиллерийских наук Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. – Ч. 1. – СПб: ВИМАИВиВС, 2012. – С. 367–368.

Залеская 1991 – *Залеская В.Н.* Византийские памятники в коллекции А.П. Базилевского // Византиноведение в Эрмитаже. К XVIII Международному конгрессу византинистов. Москва, 8–15 августа 1991 года / Науч. ред. В.С. Шандровская. – Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1991. – С. 10–13.

Игнатъева 2014 – *Игнатъева О.В.* Частное коллекционирование в процессе европеизации России в XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. Вып. 2 (25). – С. 22–27.

Илларионова 2012 – *Илларионова Л. И.* Книга А. В. Звенигородского «Византийские эмали» – пример служения науке и благотворительности // Румянцевские чтения – 2012: материалы Всероссийской научной конференции (17–18 апреля 2012 г.). – Москва: Пашков дом, 2012. – С. 253–259.

Калякина 2017 – *Калякина А.В.* Русский аристократический туризм в Европе (вторая половина XIX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. с. 178–186.

Лихачев 1994 – *Лихачев Д.С.* Культура как целостная динамическая среда: Доклад лауреата Большой золотой медали имени М.В. Ломоносова академика Д.С. Лихачева // Вестник Российской академии наук 1994. № 8. – С. 721–725.

Малозёмова 2016 – *Малозёмова Е.И.* Архив князя И.Д. Салтыкова и собрание восточного оружия Эрмитажа // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18–20 мая 2016 г. / Под науч. ред. с. В Ефимова. – СПб: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2016. – С. 323–332.

Неверов 2000 – *Неверов О.Я.* Собиратели редкостей из окружения Петра Великого // Из истории петровских коллекций: памяти Н.В. Калязиной: Сборник научных трудов. – СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2000. – С. 129–145.

Пивовар 2019а – *Пивовар Е.И.* Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. – Москва: РГГУ, 2019. – 439 с.

Пивовар 2019б – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии // Исторические записки. 2019. № 18(136). – С. 226–258.

Пивовар 2008 – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008.

Раппе 2006 – *Rappe T.* Западноевропейское прикладное искусство в музее Училища барона Штиглица // Наше наследие. 2006. № 77. – С. 29.

Российские 2017 – Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора: монография / ИИМК РАН. Отв. ред. В.А. Горончаровский. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 152 с.

Савинская 2006 – *Савинская Л.Ю.* Коллекционеры-дипломаты Екатерининской эпохи: к истории коллекционирования живописи в России // *Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II*. Вып. 1. 2006. – С. 379–398.

Саверкина, Пятницкий 1996 – *Саверкина И.И., Саверкина И.В., Пятницкий, Ю.А.* Коллекция античных ювелирных изделий дипломата А. И. Нелидова // *Studia Iumanistica* – 1996: Исследования по истории и филологии / Под ред. Ю. Н. Беспярых и др.]. – СПб: Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. – С. 137–144.

Селиверстова 2020 – *Селиверстова Н.М.* О необходимости европейского контекста в изучении истории высшего сословия Российской империи XIX века // *Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т., Казань, 14–16 ноября 2019 года* / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. – Т. 1. – С. 354–357.

Семёнова 2010 – *Семёнова Н. Ю.* Московские коллекционеры. – М.: Молодая Гвардия, 2010.

Стефко 2012 – *Стефко М.С.* Европейское путешествие русских дворян в конце XVIII – первой четверти XIX в.: теория и практика // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия* / Российская академия наук, Институт российской истории. – Москва: Институт Российской истории РАН, 2012. – С. 68–79.

Стефко 2019 – *Стефко М.С.* Выставочные проекты в контексте культурной дипломатии в России и Франции в XXI веке // *Мировые тренды и музейная практика в России: сборник статей международной научной конференции, Москва, 30–31 октября 2018 года* / Отв. ред. Сундиева А.А. – Москва: РГГУ, 2019. – С. 276–290.

Тенишева 1991 – *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. – Л., 1991.

Файбисович 1995 – *Файбисович В. М.* Князя Иван, Пётр и Алексей Салтыковы и судьба их коллекции оружия // *Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. 1703–1917: Тезисы докладов конференции* / Науч. ред. С.О. Андросов. – СПб: Государственный Эрмитаж, 1995. – С. 21–23.

Фонкич 1983 – *Фонкич Б.Л.* Антонин Капустин как собиратель греческих рукописей // *Древнерусское искусство. Рукописная книга*. – М., 1983.

Шелковникова, Ефремов 2010 – *Шелковникова Е.Д., Ефремов С.В.* Старинное оружие в России. – СПб: Русская коллекция, 2010. – С. 111–116.

Haskel, Wenley 1994 – *Haskell F., Wenley R.* Anatole Demidoff, Prince of San Donato (1812–70). London: Trustees of the Wallace Collection, 1994. – 120 p.

Trofimoff 1966 – *Trofimoff André.* La princesse Zénaïde Wolkonsky. De la Russie impériale à la Rome des Papes. Rome: Staderini, 1966. – 149 p.

Blakesley 2008 – *Blakesley Rosalind P.* Art, Nationhood, and Display: Zinaida Volkonskaia and Russia's Quest for a National Museum of Art. In: *Cambridge Slavic Review*, Winter 2008, Vol. 67, Issue 4, pp. 912–933.

Darsel 1874 – *Darsel A.* Basilewsky A. Collection Basilewsky: Catalogue Raisonné, Précédé d'un Essai sur les Arts Industriels du Ier au XVIe Siècle. Paris, 1874. Vol. 1–2.

Kryžanovskaja 1990 – *Kryžanovskaja M. J.* Alexander Petrovich Basilevsky. A great collector of medieval and Renaissance works of art. In: *Journal of the History of Collections* 1990, no 2, pp. 143–155.

REFERENCES

Андросов, С.О. (2011), *Skul'ptory i russkie kolleksionery v Rime vo vtoroi polovine XVIII veka* [Sculptors and Russian collectors in Rome in the second half of the XVIII century], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Alekseev, P.P. (1877), *Zamетки o Parizhskoi vystavke 1878 goda* [Notes on the Paris Exhibition of 1878], Kiev, Ukraine.

Asheshova, A.A. (2017), “New about the biography of I.I. Shchukin on the French archives”, *Istoricheskie Botkinskie chteniya*, vol.1, issue 1.

Bannikov, A.N. (1988), “Unpublished autographs of N.N. Wrangel”, *Pamyatniki kul'tury. Ezhegodnik*.

Bahrushin Yu.A. (1994), *Vospominaniya* [Memories], Moscow.

Blakesley, Rosalind P. (2008), *Art, Nationhood, and Display: Zinaida Volkonskaia and Russia's Quest for a National Museum of Art*. In: *Cambridge Slavic Review*, vol. 67, issue 4.

Beruchashvili, N. (2015), *Istoriya monografii o kolleksii peregorodchatykh emalei A.V. Zvenigorodskogo* [The history of the monograph on the collection of cloisonne enamels by A.V. Zvenigorodsky], Tbilisi.

Bogolyubov, A.P. (1996), *Zapiski moryaka-khudozhnika* [Notes of a sailor-artist], [Online], Volga, Saratov, available at: http://www.centre.smr.ru/win/books/bogolub_zap/1883.htm (Accessed 5 Oct 2022).

Bocharov, I.N. and Glushakova Yu.P. (2000), “Salon of Z.A. Volkonskaya as a window to Europe for Pushkin and his friends”, in Komolova, N.P. (ed.), *Rossiya i Italiya. Vstrecha kul'tur* [Russia and Italy. Meeting of cultures], issue 4, Moscow, Nauka, Russia, pp. 109–165.

Darsel, A. (1874), *Basilewsky A. Collection Basilewsky: Catalogue Raisonné, Précédé d'un Essai sur les Arts Industriels du Ier au XVIe Siècle*, Vol. 1–2, Paris.

Dobuzhinskii, M. (1976), *Vospominaniya* [Memories], vol. 1, New York.

Efimov, S.V. (2012), *Holodnaya krasota. Dospekhi velikih evropejskikh oruzhejnikov XVI veka v sobranii Voенno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi* [Cold beauty. Armor of the great European gunsmiths of the XVI century in the collection of the Military History Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops], *Novye issledovaniya i materialy Trudy Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 16–18 maya 2012 goda*, part 1, Saint Petersburg.

Faibisovich, V. M. (1995), “Princes Ivan, Peter and Alexei Saltykov and the fate of their collection of weapons”, in Androsov, S.O. (ed.), *Kollekcionery i mecenaty v Sankt-Peterburge. 1703–1917: Tezisy dokladov konferencii* [Collectors and patrons in St. Petersburg. 1703–1917: Conference Abstracts], St. Petersburg, Gosudarstvennyj Ermitazh, Russia, pp. 21–23.

Fonkich, B.L. (1983), “Antonin Kapustin as a collector of Greek manuscripts”, *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga*, Moscow.

Glushakova, Yu.P. (1993), “Demidovs in the history of Russian-Italian cultural ties”, in Kuchkin, V.A. and Burdina O.N. (ed.), *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii dooktyabr'skogo perioda: sbornik statej*, [Research on the source study of the history of Russia in the pre-October period: a collection of articles], Moscow, IRI RAN, Russia, [Electronic], available at: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=serie§ion=9&id=61> (Accessed 5 Oct 2022).

Grosul, V.Ya. (2008), *Russkoe zarubezh'e v pervoj polovine XIX veka* [Russian Diaspora in the First Half of the 19th Century], Moscow, ROSSPEN, Russia.

Guruleva, V.V. (1994), “Numismatics // Collection of the RAIK Museum in the Hermitage”, *Exhibition catalog*, in Shandrovskaya V.S. (ed.), The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, pp. 202–223.

Guruleva, V.V. (1998), *Arhimandrit Antonin kak numizmat / Gosudarstvennyi Ermitazh. Numizmaticheskii sbornik 1998. K 80-letiyu V. M. Potina* [Archimandrite Antonin as a numismatist / State Hermitage Museum. Numismatic collection 1998. To the 80th anniversary of V. M. Potin], Saint Petersburg, pp. 235–243.

Guruleva, V.V. (2001), “Russian collectors of numismatic monuments in the Orthodox East (Second half of the 19th – beginning of the 20th century)”, in Zaleskaya V.N. (ed.), *Pilgrimy. Istoriko-kul'turnaya rol' palomnichestva. K XX Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. Parizh, 19–25 avgusta 2001 goda* [Pilgrims. Historical and cultural role of pilgrimage. To the XX International Congress of Byzantinists. Paris, 19–25 August 2001], St. Petersburg, Gosudarstvennyj Ermitazh, Russia, pp. 165–178.

Haskell F. and Wenley R. (1994), *Anatole Demidoff, Prince of San Donato (1812–70)*, London, Trustees of the Wallace Collection, UK.

Illarionova, L.I. (2012), “A.V. Zvenigorodsky's book “Byzantine Enamels” is an example of service to science and charity”, *Rumyantsevskie chteniya – 2012: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Rumyantsev readings – 2012], Moscow, 17–18 April 2012, pp. 253–259.

Ignatieva, O.V. (2014), “Private Collecting in the Process of Europeanization of Russia in the 18th – Early 20th Centuries”, *Perm University Herald. History*, issue 2 (25), pp. 22–27.

Kalyakina, A.V. (2017), “The Russian aristocratic tourism in Europe (second half of the 19th century)”, *Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, Ser. 19, no. 4, pp. 178–186.

Karp, S. Ya (ed.) (2006), *Vek Prosveshcheniya = Le Siècle des Lumières. Vyp. 1: Prostranstvo evropejskoj kul'tury v epohu Ekateriny II* [Age of Enlightenment. Issue 1: The space of European culture in the era of Catherine II], Moscow, Nauka, Russia.

Kryžanovskaja, M. J. (1990), “Alexander Petrovich Basilevsky. A great collector of medieval and Renaissance works of art”, *Journal of the History of Collections*, no 2, pp. 143–155.

Likhachev, D.S. (1994), “Culture as an integral dynamic environment: Report of the laureate of the Big Gold Medal named after M.V. Lomonosov Academician D.S. Likhachev”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, no. 8, pp. 721–725.

Malozjomova, E.I. (2016), “Archive of Prince I.D. Saltykov and the collection of Eastern weapons of the Hermitage”, in Efimova, S.V., *Vojna i oruzhie: novye issledovaniya i materialy. Trudy Sed'moj Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 18–20 maya 2016 g.* [War and weapons: new research and materials. Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, May 18–20, 2016], St. Petersburg, Voenno-istoričeskij muzej artillerii, inženernyh vojsk i vojsk svyazi, Russia, pp. 323–332.

Neverov, O.Ya. (2000), “Collectors of rarities from the entourage of Peter the Great”, *From the history of Peter's collections: in memory of N.V. Kalyazina: Collection of scientific papers*, State Hermitage Publishing House, Saint Petersburg.

Pivovarov, E.I. (2008), *Rossijskoe zarubezh'e. Social'no-istoričeskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoričeskom nasledii* [Russian Abroad. Socio-historical phenomenon, role and place in the cultural and historical heritage], Moscow, RGGU, Russia.

Pivovarov, E.I. (2019a), *Mir rossijskogo zarubezh'ya v konce XX – nachale XXI veka* [The world of Russian abroad in the late XX – early XXI century]. Moscow: RGGU, Russia.

Pivovarov, E.I. (2019b), “Russian Abroad in the Newest Domestic Historiography”, *Istoričeskie zapiski*, no. 18 (136), pp. 226–258.

Saverkina, I.I., Saverkina, I.V. and Pyatnitsky, Yu.A. (1996), “Collection of Antique Jewelry Diplomat A. I. Nelidov”, in Bespyatyh Yu. N. (ed.), *Studia Iumanistica – 1996: Issledovaniya po istorii i filologii* [Studia Iumanistica – 1996: Studies in History and Philology], St. Petersburg, Russko-baltijskij informacionnyj centr “BLIC”, Russia, pp. 137–144.

Seliverstova, N.M. (2020), “On the need for a European context in the study of the history of the upper class of the Russian Empire in the 19th century”, in Myagkov, G.P. and Chiglinev, E.A. (ed.), *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii: v 2 t., Kazan', 14–16 noyabrya 2019 goda* [General History and Historical Science in the 20th – early 21st centuries: Materials of the II International Scientific and Educational Conference: in 2 volumes, Kazan, November 14–16, 2019], Kazan: Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, Russia, vol. 1, pp. 354–357.

Semenova, N. Y. (2010), *Moskovskie kollekcionery* [Moscow Collectors], Molodaya Gvardiya, Moscow.

Stefko, M.S. (2012), “European journey of Russian nobles at the end of the XVIII – first quarter of the XIX century: theory and practice”, *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya*, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 68–79.

Stefko, M.S. (2018), “Exhibition projects in the context of cultural diplomacy in Russia and France in the 21st century”, in Sundieva, A.A. (ed.), *Mirovye trendy i muzejnaya praktika v Rossii: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 30–31 oktyabrya 2018 goda* [World trends and museum practice in Russia: collection of articles of the international scientific conference, Moscow, October 30–31, 2018], Moscow: RGGU, Russia, pp. 276–290.

Trofimoff, A. (1966), *La princesse Zénaïde Wolkonsky. De la Russie imperiale à la Rome des Papes* [Princess Zenaïda Wolkonsky. From Imperial Russia to the Rome of the Popes], Rome, Staderini, Italy.

Zaleskaya, V.N. (1991), “Byzantine monuments in the collection of A.P. Bazilevsky”, in Shandrovskaya, V.S. (ed.), *Vizantinovedenie v Ermitazhe. K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. Moskva, 8–15 avgusta 1991 goda* [Byzantine studies in the Hermitage. To the XVIII International Congress of Byzantinists. Moscow, 8–15 August 1991], St. Petersburg, Gosudarstvennyj Ermitazh, Russia, pp. 10–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария В. Катагощина, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125093, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; Российская академия образования, 119121, Россия, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8; marya.katagoshina@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Katagoshchina, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125093; Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld.8, St. Pogodinskaya, Moscow, Russia, 119121; marya.katagoshina@yandex.ru.

DOI 10.25986/ISN.2023.14.13.015

Археология Великой Отечественной войны: проблемы самоидентификации

Иван В. Анохин

Институт археологии РАН, Москва, Россия,
anokhin@history-center.org
ORCID 0009-0005-7177-6548

Аннотация. Военные события на протяжении всей истории человечества являлись ключевыми точками в развитии государств и народов. События, связанные с конфликтами, оставили значительное количество археологических памятников, которые дают возможность увидеть поворотные пункты мировой истории с неожиданной стороны. Вместе с тем, в привычном понимании, хронологические рамки археологии ограничены периодом от древнейших времен до Нового времени. Как следствие, поля сражений и многие другие виды памятников истории конфликтов Нового и Новейшего времени века долго не рассматривались фундаментальной наукой как объекты археологического исследования и, соответственно, как источники. В статье рассмотрен мировой и отечественный опыт археологических исследований полей сражений, сделаны выводы о необходимости включения полей сражений Новейшего времени, а в особенности полей сражений Великой Отечественной войны, в область академических исследований современной археологии.

Ключевые слова: военная археология, археология полей сражений, археология конфликтов, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, археология Новейшего времени, археология национального периода.

Для цитирования: Анохин И.В. Археология Великой Отечественной войны: проблемы самоидентификации // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 385–400. DOI: 10.25986/ISN.2023.14.13.015.

Archeology of the Great Patriotic War: problems of self-identification

Ivan V. Anohin

Institute of archeology of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
anokhin@history-center.org
ORCID 0009-0005-7177-6548

Abstract. Military events throughout the history of mankind have been key points in the development of States and peoples. The events related to the conflicts have left a significant number of archaeological sites, which make it possible to see the turning points of world history from an unexpected side. At the same time, in the usual sense, the chronological framework of archaeology is limited to the period from ancient times to Modern times. As a result, battlefields and many other types of historical monuments of conflicts of the New and Modern times of the century were not considered by fundamental

science for a long time as objects of archaeological research and, accordingly, as sources. The article examines the world and domestic experience of archaeological research of battlefields, draws conclusions about the need to include the battlefields of Modern times, and especially the battlefields of the Great Patriotic War, in the field of academic research of modern archaeology.

Key words: *military archaeology, battlefield archaeology, archaeology of conflicts, the Great Patriotic War, World War II, archaeology of the national period.*

For citation: *Anokhin, I.V. (2023), "Archeology of the Great Patriotic War: problems of self-identification", Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 385–400. DOI: 10.25986/ISN.2023.14.13.015.*

Предыстория: «археология войны» в России

Одним из направлений археологии является изучение материальных свидетельств военной деятельности человека: полей сражений, оружия, укреплений и т. д. Неразрывно связанные со всеми прочими аспектами существования общества и индивидуума, военные события являются составной частью исторического процесса, а значит и археологии. Рассматривая войны как важный стимул развития материальной культуры человечества, а орудия войны как главную категорию ее представительных памятников, М.Б. Пиотровский полагает, что каждый археолог в той или иной степени является военным историком [Пиотровский 1998, с. 5].

Интерес к воинским древностям, выражавшийся в поиске и собирательстве «антиквитетов», зародился в России еще при Петре Великом. Но, если сопутствующие обычной жизнедеятельности человека орудия войны и следы военных действий изучались отечественной археологией с самых своих истоков, целенаправленное изучение полей сражений как комплексного источника исторической информации началось в России лишь в начале XX века, с созданием Императорского русского военно-исторического общества. К этому же времени относится и одно из первых упоминаний термина «военная археология» как научного направления, имеющего свой собственный объект исследования.

Общество, ставившее одной из своих уставных задач содействие в производстве «военно-археологических раскопок и поездок на поля сражений» [Пожигайло 2011, с. 108], учредило специальный разряд (отделение) военной археологии и археографии. За годы своего существования разрядом был выполнен ряд исследований, среди которых, например, совместное с Императорской археологической комиссией исследование ладьи с ядрами, затонувшей в Чудском озере, отнесенной исследователями к периоду XIV-XV вв. [Веселовский 1911, с. 30]. Уделялось внимание и изучению полей сражений. В 1910 г. разряд провел археологическую разведку местности предполагаемой битвы на Калке 1223 г., а в 1914 г. начал работу по поиску места Шелонской битвы 1471 года [Рудакова 2020, с. 299]. Хотя разряду за время своей работы в области изучения фортификаций удалось сделать больше, чем при изучении полей сражений, им явно закладывалась серьезная основа, которая позволила бы в

будущем вывести археологические исследования полей сражений на качественно новый научный уровень, к которому в целом археология (и отечественная археология в том числе) приблизилась именно во второй половине XX в. Но изыскания Императорского русского военно-исторического общества в области военной археологии прервались с началом Первой мировой войны и уже не были продолжены.

Дореволюционные (XIX – начала XX вв.) исследования полей сражений и памятников конфликтов не назвать системными, но среди них встречаются важные и интересные работы. Заслуживают упоминания работы на Куликовом поле, проводившиеся в XIX в. С.Д. Нечаевым и позже Н.И. Троицким. Благодаря их первым попыткам собрать и опубликовать материальные источники, потенциально имеющие отношения к событиям битвы, заложить фундамент для дальнейших научных исследований региона битвы. Отметим и факт визита в 1911 г. на место Полтавской битвы 1709 г. группы исследователей под руководством офицера шведской армии Карла Беннедиха, готовившего по заказу шведского государства труд о Карле XII. Для реализации задач экспедиции группа вычерчивала схемы местности, фотографировала ландшафты полей сражений, причем на фотографиях, среди прочего, запечатлены останки погибших солдат, что свидетельствует о предпринятых экспедицией попытках раскопок [Nottmann 2013, p.205].

Системные, построенные на научных принципах и подходах, исследования полей сражений начались в Советском Союзе только со второй половины XX в. Широко известны результаты работы по поиску места Ледового побоища в районе Чудского озера научной экспедиции Г.Н. Краева [Кривошеев, Соколов 2014, с. 5]. Комплексные работы были организованы на огромном пространстве Куликова поля (М.И. Гоняный, А.К. Зайцев, О.В. Двуреченский и др.), близ Тарутино (М.И. Гоняный, Д.О. Осипов и др.), в зоне Молодинской битвы (М.И. Гоняный, О.В. Двуреченский и др.), Бородинского сражения, где работы были начаты еще в 1970-х гг. и закончились только в 1978 г. под руководством Е.И. Морева. Отдельные примеры научного подхода к изучению военных памятников продемонстрированы при раскопках массовых захоронений 1812 года близ Бородино (Б.Е. Янишевский, и др.) [Соловьев 2018, с. 347] и в других местах (работах по поиску могилы и эксгумации генерала Ш.Э. Гюдена, которые осуществили А.Н. Хохлов, Т.Ю. Шведчикова и др.) [Сильченко 2020, с. 2047]. Исследования полей сражений продолжают и поныне. Обнаружение в 2021 г. места Судбищенской битвы, где ход сражения документирован с исключительной убедительностью, позволяет говорить о перспективности развития комплексного археологического изучения полей сражений как особого направления.

Зарубежные научные школы разделяют взгляд на необходимость археологического изучения полей сражений и следов военных событий как заслуживающего внимания исторического источника. Вместе с тем, налицо некоторые отличия в подходах. Распространенный в отечественной практике термин «военная археология» (в переводе «military archaeology») за рубежом звучит непосредственно как «археология поля сражения (поля боя)»

(«battlefield archaeology»). Вместе с тем, Т.Л. Сазерленд и М.Р. Холст в рекомендациях для Британского археологического трудового ресурса (British Archaeological Jobs Resource) полагают, что «археология поля боя» – термин, который может вводить в заблуждение, поскольку фокусирует внимание на площадке сражения, а не на том историческом событии, которое на ней развернулось. Поэтому авторы предлагают использовать на их взгляд более точный, но и гораздо более общий термин «conflict archaeology», «археология сражения», что можно понимать и напрямую, как «археология конфликта» [Sutherland, Holst 2005, p. 1]. Соглашается с английскими коллегами член Совета по национальному наследию Польши Я. Врзосек, считающий, что использование термина «археология сражения» позволяет расширить рамки исследования, включив в них объекты и памятники, непосредственно не связанные с местами боестолкновений – лагеря военнопленных, погребения и прочие [Wrzosek 2019, p. 32]. Стоит отметить, что автором высказывается ошибочное мнение о появлении самого термина «археология поля боя» только в 1980-х годах, при том, что как мы видели выше, отечественный синоним термина «военная археология» начали использовать в России намного раньше.

Исследования полей сражений и связанных с ними памятников развивались за рубежом практически синхронно отечественным исследованиям. Начало интереса к полям сражений, появившееся еще в древности, переросло в первые попытки их системного изучения ко второй половине XIX в., когда профессиональные историки и увлеченные исследователи обратили свое внимание на возможность использования полей сражений как источника исторической информации как по эпохе античности (классический пример – осада Алезии), так и для сравнительно поздних эпох. Уже в 1960–1980-х годах в странах Восточной Европы проводили масштабные полевые исследования полей сражений, таких как Грюнвальдская битва 1410 г., битва при Мохаче 1526 г., при Легнице 1241 г. и других. В ходе этих работ впервые масштабно использовали металлодетекторы, которые станут позже обязательным инструментом изучения полей сражений [Nemann 2013, p. 205].

Общепризнанной поворотной точкой, изменившей подход к изучению полей сражений, стала работа группы американских археологов под руководством Дугласа Скотта и Ричарда Фокса, изучавших битву при Литл-Бигхорне 1876 г. Лесной пожар, уничтоживший часть лесного массива, до того покрывавшего поле битвы, позволил в 1984 г. начать полноценное археологическое исследование всего памятника, продолжающееся и по сей день [Douglas 2013, p.35]. Применяемые американскими исследователями и ставшие широко доступными технологии спутникового позиционирования, цифрового картографирования и металлодетекции позволили сделать обобщенные выводы о ходе всей битвы, наложить контекст археологических находок на письменные источники, а самое главное – выработать современные подходы и методики, которые сейчас лежат в основе археологии сражений по всему миру. Кроме того, значимость исследования битвы при Литл-Бигхорне крайне важна для нас потому, что это историческое событие вписано в хронологию позднего этапа Нового времени, для которого ис-

следования подобного уровня и масштаба ранее просто не укладывались в рамки методических подходов.

Проблема хронологического порога в археологии

В отечественной научной школе сложилось и до настоящего времени сохраняется представление об археологии как науке, изучающей ископаемые материалы, связанные с деятельностью человека в глубокой древности, и в основном не позднее конца Средневековья.

Вместе с тем, хронологические рамки, позволяющие отнести тот или иной объект к области деятельности археологической науки, могут являться предметом обсуждения. Утвердившиеся рамки археологии, как науки изучающей порой весьма широко очерченные временные периоды «древности», вполне объяснимы необходимостью реконструкции исторического процесса в условиях недостатка или полного отсутствия письменных источников. Если начало археологического периода истории можно почти однозначно отнести к появлению первых материальных свидетельств деятельности человека, то вопрос завершения такого периода остается открытым. В учебнике под редакцией академика Янина коллектив авторов достаточно свободно трактует пространственно-временные рамки объекта археологического исследования, сводя его к принципу оценки целесообразности получения археологических источников информации для исследуемого исторического периода или события. Однако, далее авторы, вероятно в соответствии со сложившейся традицией, уточняют, что в круг внимания археологии попадают находки до XIV-XVI веков, впрочем, не исключая возможности расширения указанных временных границ [Янин 2006, с. 36].

Зарубежные исследователи, в отличие от отечественных, обычно менее консервативны в определении «верхних» границ археологии. «Британская энциклопедия» утверждает, что к области археологии относятся предметы деятельности человека, от самых ранних каменных орудий до рукотворных предметов, которые зарыты или выброшены в наши дни. Вместе с тем авторами отдельно отмечено, что археологические исследования являются основным источником знаний о доисторической, древней и исчезнувшей культуре.⁵²⁶

Указанные представления влияют и на сложившееся у отечественных исследователей хронологические рамки восприятия военной археологии или археологии сражений как отрасли археологической науки. В 1998 г. в Государственном Эрмитаже прошла Международная конференция «Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе», в одной из установочных статей для которой, подготовленной В.Н. Массоном, военная археология характеризуется как отрасль науки, изучающая материальные древности, связанные с военным делом [Массон 1998, с. 6]. При этом в статье параметры, по которым определяется «древность» не названы. Более конкретны хронологические рамки в статье одного из крупнейших специалистов в области истории оружия и фортифика-

⁵²⁶ Дэнниел Глин Эдмунд. «Археология» [Электронный ресурс] / Encyclopedia Britannica 27.01.2023 г., URL: <https://www.britannica.com/science/archaeology> (дата обращения 06 мар. 2023).

кации, А.Н. Кирпичникова: указано, что конференция ставит задачей рассмотрение, сопоставление и обсуждение различных тем в области военной археологии, ограничиваясь временными рамками развитого средневековья [Кирпичников 1998, с. 10].

В статье «Ратные поля как особый вид памятника археологии» для сборника материалов научного семинара «Военная археология» (ИА РАН) коллектив авторов высказал мнение, что термин военная археология подразумевает изучение воинских древностей и конфликтов, ограниченных временными рамками Нового времени [Двуреченский, Бруснецов, Соловьев, Шевяков 2020, с. 8].

Можно утверждать, что в отечественном научном сообществе устоялось представление о хронологических рамках военной археологии как отрасли, изучающей вооруженные конфликты до начала XX в. Подтверждает указанный тезис и практически полное отсутствие отечественных научных работ о полях сражений XX столетия.

Как уже отмечено, зарубежные исследователи не так консервативны во взглядах на хронологические рамки археологической науки вообще и археологии сражений в частности. Примером фундаментального подхода к изучению проблематики исследований полей сражений может служить создание в 2006 году Университетом Глазго Центра археологии полей сражений, издающего специализированный научный журнал. Журнал посвящен полевой и военной археологии, а также другим областям археологии конфликта, охватывающим все периоды мировой истории, вплоть до современных. В дополнительные области интересов редакция журнала включает археологию промышленных и вообще народных протестов («классовые конфликты»), ландшафты и памятники, проблемы национализма и колониализма, истоки конфликтов, судебную экспертизу в зонах боевых действий и дела о правах человека.

Публикации зарубежных исследователей в упомянутом журнале и других научных изданиях отличаются широким разнообразием тем, в числе которых конфликтами XX в. от боевых ландшафтов Второй мировой войны на западе Франции [Passmore, Harrison, Tunwell 2014, p. 1275] до археологического изучения блиндажей литовских партизан второй половины сороковых годов XX в. [Petrauskas, Ivanovaitė 2019, p. 179].

Очевидно, что отрасль «археологии войны» в последние десятилетия во всем мире активно развивается, не оставляя без внимания поля сражений Первой и Второй мировых войн, признавая их объектами, достойными полевого изучения с привлечением самого широкого спектра дисциплин.

Археология Великой Отечественной войны как «народная археология»

В России обширная история затронувших страну военных конфликтов XX в., без сомнения существенно повлиявших на весь ход отечественной истории и на сознание людей, до настоящего времени практически не охвачена фундаментальными археологическими исследованиями. Отсутствуют

методики и практические наработки для научных исследований полей сражений Гражданской войны, локальных конфликтов и обеих мировых войн. Но это не значит, что раскопок на полях сражений в России не ведется. Даже напротив, они очень активны. Но это полевые исследования иного рода. Ежегодно по всей стране десятки тысяч добровольцев проводят работы, основной целью которых является поиск и перезахоронение останков солдат Великой Отечественной войны. В общественном сознании такая деятельность получила название «поисковая работа», а в последние годы она все чаще отождествляется (и даже приравнивается) к военной археологии.

По данным открытых источников, в 2021 г. в России можно насчитать более полутора тысяч поисковых отрядов, в которых состоит около 45 тысяч человек (Поисковое движение России, официальный сайт). Отряды работают круглогодично, организуя экспедиции во всех затронутых сражениями Великой Отечественной войны регионах страны.

У поискового движения существует своя историография. Согласно ей, движение, как масштабная общественно-государственная инициатива, зародилось в 1980-х гг. по инициативе ЦК ВЛКСМ. Это были первые «Все-союзные вахты памяти». В них участвовали сотни добровольцев, и проводились они при поддержке комсомола и вооруженных сил. В 1993 г. официальный статус поисковому движению придал Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества».

Несмотря на организацию первых крупномасштабных поисковых мероприятий под эгидой партийных организаций, поисковое движение было действительно народной инициативой. В полевых работах принимали участие с целью найти останки своих отцов и дедов в буквальном смысле. Известны и случаи, когда в рядах поисковиков были ветераны Великой Отечественной войны, опознававшие среди найденных останков своих однополчан.

Тяга к поисковой деятельности не угасла, напротив – поисковое движение стало элементом государственной политики по воспитанию молодежи, оно окрепло и определенным образом систематизировалось. Крупнейшим объединением поисковиков стало «Поисковое движение России» (Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества), оформившееся в 2013 г. В своих учредительных документах оно обозначило лишь две главные цели:

- содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении деятельности по сохранению и увековечению памяти погибших в разные годы при защите Отечества и выполнении воинского и служебного долга;
- содействие органам государственной власти в реализации молодежной политики и гражданско-патриотическом, духовно-нравственном воспитании граждан Российской Федерации.

В соответствии со статьей 8 Закона «Об увековечении...» поисковая работа организуется и проводится общественно-государственными объединениями, общественными объединениями, уполномоченными на проведение такой работы, в порядке, предусмотренном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по увековечению памяти погибших при защите Отечества, в целях выявления неизвестных воинских захоронений и

непогребенных останков, установления имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества и увековечения их памяти. В настоящее время уполномоченным органом определено Министерство обороны Российской Федерации.

Целеполагание движения обосновывает и подтверждает уже сложившуюся практику производства поисковыми отрядами полевых работ на полях сражений. Во главу работы ставится задача по поиску, установлению имен и перезахоронению останков солдат и командиров Красной Армии. Руководствуясь внутренними убеждениями, действуя по собственной инициативе, часто за собственный счет, отряды, объединения и группы поисковиков, зачастую обладая уникальной информацией и предметами, не имеют знаний, возможности и мотивации для того, чтобы надлежащим образом сохранять и распространять эту информацию, музеефицировать и вводить в научный оборот обнаруженные потенциальные экспонаты.

Существующие нормативные правовые акты не предъявляют квалификационных требований к организаторам и участникам поисковых работ, не определяют обязательных и единых методов и приемов производства полевых работ. Отчетные документы о работах на полях сражений сводятся к отчетам о количестве найденных и перезахороненных военнослужащих.

Самостоятельно развивающееся поисковое движение России и ряда постсоветских государств не имеет аналогов в мире и существует в соответствии с собственными, автономно сложившимися и самостоятельно определяемыми принципами, моральными нормами и методами работы. Отдельными энтузиастами и объединениями разрабатываются собственные методические рекомендации по полевым работам [Петров, Шкапа 2009], проводятся семинары и конференции, публикуются периодические издания и книги. Сложилась структура самого движения, состоящая помимо ООД «Поисковое движение России» из целого ряда общественных организаций и объединений. Поисковые отряды пополняются молодыми участниками, растет поддержка деятельности поисковиков государством.

Таким образом, в настоящее время на постсоветском пространстве самостоятельно сложился и жизнеспособно существует явление, которое можно обозначить как народная археология Великой Отечественной войны, при этом, безусловно, не проводя параллелей с псевдо-«народной» («альтернативной», паранаучной) археологией, которые, вольно или невольно, служат средством подтасовки исторических фактов и фальсификации исторических источников.

Практический опыт и перспективы научного изучения полей сражений Новейшего времени

Деятельность по поиску и установлению имен пропавших без вести на полях сражений Великой Отечественной войны, помимо своей гуманитарной функции, потенциально представляет собой часть комплексного исторического исследования, которое, будучи выполненным должным образом, становится полноценным источником исторической информации.

Несмотря на недостаточное внимание, уделяемое отечественной археологической наукой вопросам изучения полей сражений Новейшего времени, можно назвать несколько позитивных примеров, свидетельствующих о реальных возможностях научного изучения полей сражений XX в., о результативности таких исследований, формировании с их помощью нового вида историко-археологических источников.

Приведу один из них, связанный с проведением коллективом исследователей работы, направленной на выяснение фронтовой биографии Героя России, советского пилота Петра Васильевича Еремеева, погибшего в 1941 году [Анохин, Субботин 2022, с. 102]. Данные документальных источников: архивных документов, материалов из личного дела Еремеева, публикаций «Военно-исторического журнала», газет «Правда», «Красная звезда» и «Красный воин», упоминавших подвиг Еремеева, а также устных источников – воспоминаний очевидцев событий и современников, вместе с результатами полевых работ позволили коллективу восстановить фронтовую биографию пилота, обнаружить точное место падения его самолетов и найти ранее неизвестное место захоронения пилота. Эта информация, собранная при проведении полевых работ на местах падения самолетов и в ходе связанных с ними архивных исследований, позволила дополнить и уточнить историю воздушных сражений в ходе Битвы за Москву.

Другой пример комплексного подхода – работы сводной группы исследователей из России и Белоруссии в 2022 г. в районе деревни Альховик Витебского района. Согласно архивным данным, в районе деревни Альховик в 1943–1944 гг. располагался Полевой подвижный госпиталь № 467, обеспечивая прием раненых, поступавших с линии фронта. Для захоронения умерших от ран близ госпиталя было организовано воинское кладбище. По результатам проведенного архивного исследования количество захороненных на кладбище составило 209 человек. В послевоенные годы само кладбище было формально перенесено в ближайший населенный пункт, а сохранившиеся могилы запаханы. В 2021 г. часть могил была обнаружена, в силу чего принято решение об их переносе.

Приступив в апреле 2022 г. к полевым работам по изучению выявленных захоронений, группа исследователей, предложив научное руководство сотруднику ИА РАН С.Г. Шуляеву, провела исследование обнаруженных могил с эксгумацией останков. Участники в ходе работ получали консультации по археологической методике и строго им следовали. Исходя из поставленных задач, полевые мероприятия состояли в поиске могил и выборке их заполнения с соответствующими зачистками. Они сопровождались системной фотофиксацией, выполнялись обмеры, чертежи и иная графическая фиксация не только конечного результата, но и самого процесса работ. Извлечение останков проводилось также в соответствии принятой антропологами при раскопках методикой. Все останки прошли первичную антропологическую экспертизу и были распределены по индивидуумам согласно анатомической комплектности. В дальнейшем проведена детальная антропологическая экспертиза, которая составила важную аналитическую часть проведенных работ.

В общей сложности, за время работ полностью обследовали 19 могильных ям, вмещавших 154 определённых отдельных погребения, много разрозненного антропологического материала. В одной могиле могло располагаться от 1 до 18 захороненных. По результатам полевых работ количество фактических обнаруженных военнослужащих оказалось на 26% меньше, чем количество захороненных по архивным данным.

Следует отметить, что местоположение существовавшего до середины 1970-х гг. кладбища в памяти местных жителей не сохранилось, обнаружение могил оказалось возможным только с использованием археологических методов. Кроме того, открывшиеся в ходе полевых работ факты частичного переноса останков захороненных и неточности, обнаруженные в архивных документах, доказали необходимость применения научно обоснованных методов при исследовании памятников Новейшего времени. Качественные результаты полевых работ вместе с результатами комплексных архивных и антропологических исследований позволяют продолжить работу по изучению деятельности Полевого подвижного госпиталя № 467, деталей и обстоятельств боев за освобождение Белоруссии.

Существуют и другие положительные примеры, доказывающие необходимость комплексного и системного изучения полей сражений Великой Отечественной войны. Потребность в этом ощущима не только для области военной истории или истории оружия и т. п., но и практически во всех областях гуманитарного знания. Так, находка в воинском захоронении 1942 г. антимины, принадлежавшего одной из церквей Волоколамского района Московской области, дает материал для работ по исследованию вопросов религии. Исследование образцов так называемого «окопного творчества», самодельных предметов фронтового обихода, часто индивидуализированных – неоценимый источник для специалистов по социальной антропологии, наивному искусству, психологии и многих других [Анохин 2022, с. 37].

Информация, хранящаяся в предметах, обнаруживаемых на бывших полях сражений, открывает сейчас поистине безбрежный простор для исследователя. Эти артефакты, вопросы их сохранения, атрибуции, экспонирования следует изучать с точки зрения современного музееведения, поддерживая уже существующий широкий общественный интерес к отечественной военной истории. Методы проектирования визуально-пространственных практик в русле их применения для интерпретации предметов военной археологии также уже рассматриваются исследователями в качестве самостоятельной отрасли музееведения [Пянкевич 2021, с. 145].

Интерес к обозначенному предмету исследования продемонстрировала конференция «1914–1945 Археология об истории Новейшего времени в России» в ИА РАН (ноябрь 2022 г.). В будущем она должна стать первой академической площадкой для обсуждения научных подходов в изучении полей сражений Новейшего времени.

Заключение

Возвращаясь к терминам и основанном на них понимании целей и задач военной археологии, обратимся к работе одного из основоположников

западной теории археологии сражений, специалиста в области археологии Первой мировой войны Николаса Сондерса (Университет Бристоля). По его мнению, археология сражений наравне с историей самого сражения занимается, в том числе, последствиями самих событий – социальными, культурными и материальными. Исследования «социальной жизни» или «культурной биографии» связанных с конфликтом объектов и ландшафтов являются неотъемлемыми частями этого нового подхода.

В узком же смысле археология полей сражений сконцентрирована на их раскопках, она выступает как «служанка» военной истории, а не как вид самостоятельного археологического исследования. Многие места сражений стали или становятся «местами памяти», политически оспариваемыми и экономически важными объектами культурного наследия и все чаще туризма. Это множество проблем превращает поля сражений в высокочувствительные многослойные ландшафты, требующие надежного междисциплинарного подхода, который лежит далеко за пределами возможностей археологии поля боя, ориентированной на само событие [Saunders 2013].

На Западе ситуацию определяет строгое законодательное регулирование каких бы то ни было раскопочных (археологических или любительских, псевдо-археологических) работ, с одной стороны. С другой же – отсутствие масштабных общественных инициатив по изучению полей сражений XX в. Это диаметрально противоположно ситуации, сложившейся с «народной военной археологией» на территории стран бывшего Советского Союза. Зарубежное научное сообщество постулирует необходимость уйти от археологии полей сражений как слишком узко направленной дисциплины, которая изучает локальные исторические аспекты событий на ограниченном поле боя участке местности, написать его в гораздо более широкий контекст. В российской же действительности перед нами стоит другая задача. Нам требуется трансформировать сложившуюся практику работы на полях сражений XX в. таким образом, чтобы бурно идущий процесс увековечения памяти погибших и решения задач патриотического воспитания молодежи стал в то же время зоной фундаментального научного исследования, верификации социально-культурных обстоятельств и последствий конфликтов, формирования нового пространства историко-археологических источников.

Важно при этом указать, что сегодня невозможно признать деятельность поисковых отрядов в России с их «народной военной археологии» частью современной археологии. Необходимо развить систему комплексного археологического изучения полей сражений XX в. Археологические источники по вооруженным конфликтам Новейшего времени можно и должно вводить в научный оборот и полноценно использовать в исторических исследованиях. Качество таких источников зависит от качества натурных исследований, что делает особенно важным методический аспект исследований.

К числу преимуществ лучших современных «полевых» исследований в области археологии Великой Отечественной войны следует отнести особый уровень сосредоточенности на событиях микро-истории. Вокруг локальных работ, связанных с тем или иным захоронением или более обширным контекстом боестолкновения, обычно возникает пространство усиленного поиска источников иного, не археологического характера: ведется

поиск всех доступных архивных материалов, нарративных свидетельств (их обилие временами просто поражает), экофактов (ландшафтно-исторические и иные исследования). Таким образом, археологическое исследование превращается в своего рода фокусирующий механизм, заставляющий увидеть события в массе совершенно неожиданных подробностей, то есть – верифицировать его.

Попутно вырабатываются механизмы хранения и распространения информации, которые при развитии современных сетей становятся поразительным по эффективности источником. Архивные свидетельства и личные сообщения, воспоминания, ответы при опросах, пресса – собранные вместе, создают научно обоснованную картину событий, способную вносить коррективы в сложившиеся представления как о локальных эпизодах, так и о целых пластах жизни на войне, до сих пор практически закрытых от нашего глаза.

При этом отметим, что, как известно, сами по себе письменные и записанные устные сообщения, воспоминания, письма и даже дневники и документы военной отчетности необъективны и требуют критики. Немногие из тех, кто был вовлечен в конфликт, в состоянии точно описать событие сражения: оно травмирует, сбивает с толку, часто проходит на значительном по площади участке, масштабы которого свидетель не всегда себе представляет, включая сюда представления о понесенных потерях. Общая картина зависит от обзора, который обычно составляет победитель.

Археология – важный инструмент объективизации, верификации данных. При этом история археологии в XX в. показывает значительную зависимость ее направленности (как, разумеется, и истории) от запросов политики и социальной жизни, не говоря уже о субъективных пристрастиях ученых. Взгляды Д. Бру, Д. Форда, М. Мальмера, Л. Клейна и других теоретиков археологии доказывают, что группировка материала и выводы зависят от исследователя, избранных им определений, методов и критериев, фактически от его субъективного подхода [Клейн 2014, с. 129]. Но, используя археологические источники наряду с почти необозримо обширным корпусом свидетельств иного рода, можно избежать произвола в интерпретации или, по крайней мере, сделать ее более многослойной и многозначной, а следовательно – и более объективной.

Таким образом, мнение о том, что археология полей сражений Новейшего времени не может стать направлением современной археологии из-за обилия иных источников – абсурдно. Их наличие и разнообразие требует инструментов отбора, «кураторства» и привлечения все новых, по возможности независимых от прежних данных, источников иного рода. Такие источники обещает дать, при верном применении, археология, и свита все более тесно связанных с ней методов, от естественнонаучных (антропология и ее быстро прогрессирующая часть, генетика) до гуманитарных (история искусства, история предметов и др.).

Нет смысла говорить о том, что не для всех исторических эпизодов ученые располагают традиционными источниками – они практически полностью отсутствуют в отношении ряда сражений периода Гражданской войны в России, событий 1941 года и многих других. Здесь очевидна необходи-

мость использования археологической науки в их изучении, а роль и методы археологии окажутся единственным источником полноценной информации.

Рассмотренные принципы отнесения тех или иных памятников и комплексов к области археологии, научные предпосылки, зарубежный опыт позволяют говорить о целесообразности формирования изучения полей сражений XX в. (особенно полей сражений Великой Отечественной войны), как полноценного направления современной археологии. Она представляет один из форпостов общего развития «поздней археологии», для которой сравнительно недавно найдено удачное определение «археологии национального периода» [Беляев 2014, с. 14].

ЛИТЕРАТУРА

Анохин 2022 – *Анохин И.В.* «Фронтной портсигар» // Вещь: время и место: ежегодник научного семинара по изучению объектов искусства и материальной культуры. Том 2. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. – С. 37.

Анохин, Субботин 2022 – *Анохин И. В., Субботин В. И.* Забытый таран в небе Москвы. Обнаружено место гибели Героя России лётчика Петра Еремеева // Военно-исторический журнал. 2022. № 7.

Беляев 2014 – *Беляев Л. А.* Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях : сборник научных статей / Под ред. Л.В. Татауровой, В.А. Борзунова. Том I. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014.

Веселовский 1911 – *Веселовский Н.И.* ред. // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества. Том I. – Санкт-Петербург, 1911.

Двуреченский, Бруснецов, Соловьев, Шевяков 2020 – *Двуреченский О.В., Бруснецов О.А., Соловьев Д.Б., Шевяков Е.С.* Ратные поля как особый вид памятника археологии // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 6. Отв. ред. О.В. Двуреченский. – М.: ИА РАН, 2020.

Кирпичников 1998 – *Кирпичников А.Н.* Военная археология: ее международная научная и общественная значимость // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции, 2–5 сент. 1998 г. – СПб, 1998.

Клейн 2014 – *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. – СПб.: Евразия, 2014.

Кривошеев, Соколов 2014 – *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* Ледовое побоище 1242 года: исследователи и исследования // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1 (15).

Массон 1998 – *Массон В.Н.* Война как социальное явление и военная археология // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции, 2–5 сент. 1998 г. – СПб, 1998.

Петров, Шкапа 2009 – *Петров В. Н., Шкапа Н. А.* Методические рекомендации по военной археологии (по поисковой работе на местах боев Великой Отечественной войны) / Региональная общественная орг. Ист.-культурный поисковый центр «Обелиск». – Москва: Обелиск, 2009. – 579 с.

Пиотровский 1998 – *Пиотровский М.Б.* Война как археологический источник // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции, 2–5 сент. 1998 г. – СПб, 1998.

Пожигаило 2011 – *Пожигаило П.А.* П.А. Столыпин. Программа реформ: Документы и материалы в 2 т. Т. 2 // Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, Российский гос. исторический архив. 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2011.

Пянкевич 2021 – *Пянкевич А. В.* Находки поисковых отрядов как часть культурного наследия // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6(86).

Рудакова 2020 – *Рудакова Л.П.* Императорское Русское военно-историческое общество и изучение памятников Древней Руси // Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. Вып. 30. – Санкт-Петербург, 2020.

Сильченко 2020 – *Сильченко И.С.* По следам событий Отечественной войны 1812 г. Опыт участия в международных археологических экспедициях в гг. Смоленск и Вязьма // Великий подвиг народа по защите Отечества: веки истории: Сборник научных статей, Екатеринбург, 13 марта 2020 года / Уральский государственный педагогический университет; Под общей редакцией С.А. Миноровой, Ю.И. Биктуганова, М.В. Богинского. Часть 2. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020.

Соловьев 2018 – *Соловьев Д. Б.* История поиска братских могил 1812 г. На Бородинском поле // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXI Международной научной конференции, Бородино, 04–06 сентября 2017 года / Сост. И.В. Корнеев. – Бородино: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник», 2018.

Янин 2006 – *Янин В.Л.* Археология: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.

Douglas 2013 – *Scott Douglas D.* Uncovering History: Archaeological Investigations at the Little Bighorn, University of Oklahoma Press, 2013.

Homann 2013 – *Homann A.* Battlefield Archaeology of Central Europe – With a Focus on Early Modern Battlefields // Historical Archaeology in Central Europe, ed. N. Mehler, Rockville, 2013.

Passmore, Harrison, Tunwell 2014 – *Passmore David G., Stephan Harrison, and David Capps.* Second World War Conflict Archaeology in the Forests of North-West Europe. *Antiquity* 88.342 (2014).

Petrauskas, Ivanovaitė 2019 – *Petrauskas G., Ivanovaitė G.* Investigating Bunkers: Lithuanian Partisans, Archaeology and Excavation in Pagrenda Forest, *Europa Orientalis Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*; 2019; 10.

Saunders 2013 – *Saunders Nicholas.* «The Dawn of Modern Conflict Archaeology». *Current World Archaeology* (2013): n. pag.

Sutherland, Holst 2005 – *Sutherland T.L., Holst M.R.* Battlefield Archaeology -The Archaeology of Ancient and Historical Conflict, Guidelines for the British Archaeological Job Resource (BAJR), 2005.

Wrzosek 2019 – *Wrzosek J.* Od Archeologii Pól Bitewnych Do Archeologii Konfliktów. From Battlefield Archaeology to Archaeology of Conflicts. // H. Mik, W. Węglińska (eds.), *Materialne pozostałości konfliktów i zbrodni XX wieku w świetle najnowszych badań archeologicznych* 2019.

REFERENCES

Anokhin, I.V. (2022), “Front-line cigarette case”, *Veshch’: vremya i mesto : ezhegodnik nauchnogo seminaru po izucheniyu ob’ektov iskusstva i material’noi kul’tury* [Thing:

time and place: yearbook of the scientific seminar on the study of objects of art and material culture], vol. 2, pp. 37–39.

Anokhin, I.V. and Subbotin, V.I. (2022), “A forgotten ram attack in the sky of Moscow. The place of death of the Hero of Russia pilot Pyotr Yeremeyev has been discovered”, *Voенно-istoricheskij zhurnal*, no. 7, pp. 102–109.

Belyaev, L.A. (2014), “Archaeology of the Late Middle Ages and Modern Times in Russia: Notes on Self-determination”, in Tataurova, L.V. and Borzunov V.A. (ed.), *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah: sbornik nauchnyh statej* [Culture of Russians in archaeological research: collection of scientific articles], vol.1, pp.11–18.

Dvurechenskij, O.V., Brusnecov, O.A., Solov'ev, D.B. and, Shevjakov, E.S. (2020), “Military fields as a special type of archaeological monument”, *Voennaja arheologija. Sbornik materialov nauchnogo seminaru* [Military archaeology. Collection of materials of the scientific seminar], vol.6, pp. 6–104.

Homann, A. (2013), Battlefield Archaeology of Central Europe – With a Focus on Early Modern Battlefields, *Historical Archaeology in Central Europe*, in Mehler, N. (ed.), Rockville, pp. 203–231.

Kirpichnikov, A.N. (1998), “Military archaeology: its international scientific and social significance”, *Voennaja arheologija: Oruzhie i voенное дело v istoricheskoi i social'noj perspective*, [Military Archaeology: Arms and Military Affairs in Historical and Social Perspective], Saint-Petersburg, Russia, 2–5 September 1998, pp. 10–12.

Klejn, L.S. (2014), *Istorija rossijskoj arheologii: uchenija, shkoly i lichnosti* [The History of Russian Archaeology: teachings, schools and personalities], Evrazija, Saint-Petersburg, Russia.

Krivosheev, Ju.V. and Sokolov, R.A. (2014), “Battle of the Ice of 1242: researchers and research”, *Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija* [St. Petersburg Slavic and Balkan Studies], 2014, p. 5.

Masson, V.N. (1998), “War as a social phenomenon and military archaeology”, *Voennaja arheologija: Oruzhie i voенное дело v istoricheskoi i social'noj perspective*, [Military Archaeology: Arms and Military Affairs in Historical and Social Perspective], Saint-Petersburg, Russia, 2–5 September 1998, pp. 6–8.

Passmore, D.G., Stephan Harrison, and David Capps (2014), “Second World War Conflict Archaeology in the Forests of North-West Europe”, *Antiquity*, pp.1275–1290.

Petrov, V. N. and Shkapa, N. A. (2009), *Metodicheskie rekomendacii po voенnoj arheologii (po poiskovoj rabote na mestah boev Velikoj Otechestvennoj Vojny)* [Methodological recommendations on military archaeology (on search work at the battlefields of the Great Patriotic War)], Obelisk, Moscow, Russia.

Piotrovsky, M.B. (1998), “War as an archaeological source”, *Voennaja arheologija: Oruzhie i voенное дело v istoricheskoi i social'noj perspective*, [Military Archaeology: Arms and Military Affairs in Historical and Social Perspective], Saint-Petersburg, Russia, 2–5 September 1998, p. 5.

Pozhigailo, P.A. (ed.) (2011), *P.A. Stolypin. Programma reform: Dokumenty i materialy v 2 t.* [P.A. Stolypin. The reform program: Documents and materials in 2 vols. 2], vol.2, ROSSPEN, Moscow, Russia.

Pjankevich, A. V. (2021), “Findings of search groups as part of cultural heritage”, *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], vol. 6(86), pp. 144–153.

Petrauskas, G., Ivanovaitė G. (2019), “Investigating Bunkers: Lithuanian Partisans, Archaeology and Excavation in Pagrenda Forest”, *Europa Orientalis Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*, vol. 10, pp. 179–205.

Rudakova, L.P. (2020), “Imperial Russian Military Historical Society and the Study of Monuments of Ancient Russia”, *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], Institut istorii material’noi kul’tury RAN, vol. 30, pp. 290–300.

Sil’chenko, I. S. (2020), “Following the events of the Patriotic War of 1812 Experience of participation in international archaeological expeditions in Smolensk and Vyazma”, in Minyurova, S.A., Biktuganova, Yu.I. and Boginskij M.V. (ed.), *Velikii podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii: Sbornik nauchnykh statei* [The great feat of the people to defend the Fatherland: milestones of history: Collection of scientific articles], vol. 2, pp. 206–210.

Solov’ev, D. B. (2018), “The history of the search for mass graves In 1812 On The Borodino field”, *Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems: Proceedings of the XXI International Scientific Conference], Borodino, Russia, 4–6 September 2017, pp. 338–354.

Scott, D.D. (2013), “*Uncovering History: Archaeological Investigations at the Little Bighorn*”, University of Oklahoma Press.

Saunders, N. (2013), “The Dawn of Modern Conflict Archaeology”, *Current World Archaeology*, pp. 40–45.

Sutherland, T.L., Holst M.R. (2005), “Battlefield Archaeology-The Archaeology of Ancient and Historical Conflict”, *Guidelines for the British Archaeological Job Resource (BAJR)*.

Veselovskij, N.I. (1911), *Zapiski razrjada voennoj arheologii i arheografii imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshhestva* [Notes of the category of Military Archaeology and Archeography of the Imperial Russian Military Historical Society], vol.1, p. 30.

Wrzosek, J. (2019), “From Battlefield Archaeology to Archaeology of Conflicts”, in Mik, H. and Węglińska, W. (ed.), *Materialne pozostałości konfliktów i zbrodni XX wieku w świetle najnowszych badań archeologicznych* [Material remains of conflicts and crimes of the 20th century in the light of recent archaeological research], pp. 32–42.

Yanin, V.L. (2013), *Arkheologiya: Uchebnik* [Archaeology: textbook], Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван В. Анохин, Институт археологии РАН, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; anokhin@history-center.org.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan V. Anokhin, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, bld.19, Dm. Ulianova av., Moscow, Russia, 117292; anokhin@history-center.org.

DOI 10.25986/ISN.2023.41.33.016

Российское зарубежье XX – XXI веков в современной историографии: актуальные направления и перспективы исследований

Ефим И. Пивовар,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
rggu@rggu.ru
ORCID 0000-0002-4854-4264

Виталий Ф. Ершов,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
ershov_vf@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена особенностям и тенденциям освещения социально-культурного феномена российского зарубежья в отечественной научной литературе. В работе представлен обзор основных этапов развития историографии российского зарубежья в новейший период и рассмотрены наиболее значимые публикации середины 2010-х – 2022 гг., посвященные истории и культуре российского зарубежья. Авторы отмечают, что данное тематическое направление отечественной гуманитарной науки является главным, наиболее теоретически и информационно значимым компонентом международной историографии российской эмиграции XX века и в настоящее время продолжает развиваться в количественном и качественном отношении. В центре внимания исследователей неизменно остается классическая зарубежная Россия 1920 – 1930-х гг., а также творческое наследие «второй» и «третьей» волны. Авторы констатируют, что в рамках данного тематического направления наблюдается преобладание литературоведческой проблематики. Значительная исследовательская активность углубленного освоения истории и современного облика российского дальневосточного зарубежья обусловлена актуальностью евразийского вектора в отечественной науке. В статье сформулирован ряд актуальных научных задач в сфере историографического освоения проблематики российского зарубежья: разработка теоретических подходов к осмыслению роли и места данного явления в системе глобально-региональных миграций XXI века; изучение современного мира российских соотечественников на постсоветском пространстве и в других регионах планеты; создание новых научно-информационных изданий и баз данных по теме российского зарубежья на основе цифровых источников.*

Ключевые слова: *историография истории России, российская историческая наука, теория миграций, диаспоры, российское зарубежье, российская эмиграция, российские соотечественники за рубежом, постсоветское пространство, евразийская интеграция.*

Для цитирования: Пивовар Е.И., Ершов В.Ф. Российское зарубежье XX–XXI веков в современной историографии: актуальные направления и перспективы исследований // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 401–433. DOI: 10.25986/ISN.2023.41.33.016.

Russian Diaspora of the 20th – 21st Centuries in Modern Historiography: Current Directions and Prospects for Research

Efim I. Pivovar

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,
rggu@rggu.ru
ORCID 0000–0002–4854–4264

Vitaly F. Ershov

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia,
ershov_vf@mail.ru

Abstract. *The paper is devoted to the features and trends in the coverage of the socio-cultural phenomenon of the Russian abroad in the domestic scientific literature. It presents an overview of the main stages in the development of the historiography of the Russian diaspora in the recent period and considers the most significant publications of the mid-2010s – 2022 devoted to the history and culture of the Russian abroad. The authors note that this thematic area of Russian humanities is the main, most theoretically and informationally significant component of the international historiography of the Russian emigration of the 20th century and continues to develop quantitatively and qualitatively. Classical Russia abroad of the 1920s-1930s, as well as the creative heritage of the “second” and “third” waves, remains in the focus of researchers’ attention. The authors state that within the framework of this thematic area, there is a predominance of literary problems. Significant research activity of in-depth development of the history and modern appearance of the Russian Far Eastern abroad is due to the relevance of the Eurasian vector in domestic science. The article formulates a number of topical scientific tasks in the field of historiographic development of the problems of the Russian abroad: development of theoretical approaches to understanding the role and place of this phenomenon in the system of global-regional migrations of the 21st century; studying the modern world of Russian compatriots in the post-Soviet space and in other regions of the planet; creation of new scientific and information publications and databases on the subject of the Russian abroad based on digital sources.*

Keywords: *historiography of Russian history, Russian historical science, migration theory, diasporas, Russian abroad, Russian emigration, Russian compatriots abroad, post-Soviet space, Eurasian integration.*

For citation: Pivovar, E.I., Ershov V.F. (2023), “Russian Diaspora of the 20th – 21st Centuries in Modern Historiography: Current Directions and Prospects for Research”, *Istoricheskie zapiski*, no. 22 (140), pp. 401–433. DOI: 10.25986/ISN.2023.41.33.016.

Тема российского зарубежья в течение трех десятилетий находится в тренде гуманитарных научных исследований, благодаря своей непосредственной взаимосвязи с ключевыми проблемами отечественной истории и современной жизни – от революционных событий 1917 г. и огромного творческого наследия российской эмиграции «первой волны» до интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Феномен российского зарубежья XIX – XX вв. представляет собой явление отечественной и мировой истории, непосредственно переходящее в современность. Миграционные процессы, воздействующие, в том числе на социально-культурный облик, территориальное размещение и количественные характеристики центров глобального Русского мира, являются одним из существенных факторов экономической и геополитической динамики на глобальном и региональном уровне, в том числе в наиболее актуальном на сегодняшний день для отечественной научной мысли формате Евразийского континента.

Мир российских соотечественников за рубежом интегрирован в систему международных экономических и культурных связей на постсоветском пространстве, государственной миграционной и социальной политики России и других евразийских стран. В данном контексте изучение новейшей истории и перспектив развития российского зарубежья, его институтов и персоналий, приобретает дополнительную актуальность в качестве компонента научной дипломатии, интеллектуального диалога в формате Большой Евразии. Соответственно, представляется важным мониторинг процесса научного освоения проблематики российского зарубежья как неотъемлемого компонента современной геополитической реальности, глубоко укоренного в истории российской и мировой цивилизации.

В настоящей статье решается задача освещения наиболее значимых результатов и перспектив развития отечественной историографии российского зарубежья. Основное внимание авторы уделяют новейшим публикациям по данной тематике, вышедшим в свет в 2017–2022 гг., стремясь, в то же время, раскрыть их роль и место в рамках общих тенденций историографического процесса.

Историография российского послереволюционного зарубежья как отдельное направление отечественной гуманитарной мысли начинает формироваться примерно сто лет назад. Именно к началу 1920-х гг. относятся первые аналитические обзоры антибольшевистских сил за рубежом, подготовленные советскими военными экспертами, и первые публикации на страницах эмигрантской печати, посвященные исходу за границу и жизни в изгнании. В последующие годы в российском зарубежье на фоне мощного пласта исторической и политической публицистики складывается небольшой, но ценный комплекс научных и научно-справочных изданий, в которых отражен ряд ключевых аспектов феномена российской эмиграции. Среди них классические труды П.Б. Струве, Б.Г. Пио-Ульского, П.Е. Ковалевского и некоторые другие книги, и брошюры, благодаря которым обрели ориентиры многие отечественные авторы, обратившиеся к эмигрантской теме на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

В СССР, несмотря на идеологические табу, в течение нескольких десятилетий препятствовавшие изучению истории и культуры российского зарубежья, данная проблематика все же нашла свое отражение в фундаментальных исследованиях по истории революции и Гражданской войны в России 1917–1922 гг. [Шкаренков 1981, Иоффе 1987 и др.], а также в публикациях искусствоведческого и филологического профиля [Сергей Дягилев 1982]. Трудно переоценить тот научный энтузиазм и вдохновение, с которым российские ученые нескольких поколений, от академиков до аспирантов, изучали в 1990-е гг. интеллектуальное наследие и архивы российского зарубежья [Роль 1993]. Это была эпоха трансформации идеологических и методологических основ всей отечественной гуманитарной науки, и тема российского зарубежья выступала, в силу своей специфики, в качестве одного из магистральных направлений этого процесса. Огромный массив неизученных источников, забытых и неизвестных имен притягивал к себе историков, философов, литературоведов. Проводились научные конференции, круглые столы и выставки, публиковались статьи, книги, документы. Исследовательские группы по изучению российского зарубежья были созданы в Институте российской истории РАН, Институте всеобщей истории РАН, ИНИОН РАН, Российском институте культурологии. Площадкой интересных научных дискуссий по тематике российской эмиграции стал Центр теоретических проблем исторической науки МГУ им. М.В. Ломоносова. Благодаря участию в этом процессе ведущих российских ученых – Ю.А. Полякова, Е.И. Пивовара, Г.Я. Тарле, Е.П. Чельшева и др. изначально была задана высокая планка в работе с историческими источниками и теоретическом осмыслении нового для отечественной исторической науки материала [Поляков 1994, Пивовар, Голотик, Евсеева 1994, Тарле 1994, Чельшев 1998 и др.].

При этом появление в российском культурном пространстве эмигрантской художественной литературы, живописи, философского наследия и т. д. обусловило востребованность результатов проводившихся исследований. В совокупности данные обстоятельства обусловили быстрое наращивание историографического комплекса новой отечественной литературы по широкому кругу проблем истории и культуры российской эмиграции. Следует отметить, что начинания академических институтов и университетов России в сфере изучения российского зарубежья, предпринятые в первые постсоветские годы, получили дальнейшее плодотворное развитие, обусловив утверждение данной темы в качестве неотъемлемого компонента отечественной историографии.

В течение периода 1990-х – начала 2000-х гг. происходит становление научных центров и школ изучения российской эмиграции, формируются основные исследовательские подходы. Утвердились в качестве базовых тематических блоков исследования территориально-структурного плана, в центре которых находились организации или социальные страты российского зарубежья в той или иной стране или городе [Тесемников 1988, Кудрякова 1995, Серапионова 1995, Казнина 1997 и др.]. Так, одной из первых публикаций, раскрывавших феноменологию зарубежных «столиц» российской эмиграции, стала книга Е.П. Таскиной о литературе Русского Харбина, вы-

шедшая в свет в 1991 году [Таскина 1991]. В 1990-е гг. сложились тематические направления по изучению науки и образования зарубежной России [Пашуто 1992, Борисов 1993 и др.], военно-политического зарубежья [Ершов 1993, Ершов, Пивовар 1993, Ершов 2000 и др.], искусства и культуры российской эмиграции [Культурная 1999] и др. Большинство авторов, выступивших в этот период пионерами в разработке эмигрантской проблематики, в последующие годы осуществили ряд фундаментальных исследовательских проектов, утвердившись в статусе ведущих специалистов в области истории и культуры российского зарубежья XX века. Объемы и качественные параметры историографического освоения проблематики российского зарубежья, достигнутые в конце 1990-х – 2000-е гг., позволили выйти на уровень обобщающих исследований, в которых нашли отражение концептуальные представления о культурно-историческом феномене российского зарубежья и его значении в контексте отечественного и мирового исторического процесса [Россия 1999, Чельшев 2002, Сабенникова 2002, Пивовар 2008]. В конце 1990-х – 2010-е гг. были опубликованы книги З.С. Бочаровой, М.Г. Вандалковской, Г.В. Мелихова, М.Н. Мосейкиной, А.Б. Ручкина, Е.П. Серапионовой и многих других ученых, ставшие классикой данного направления отечественной историографии [Аблова 2005, Бочарова 2005, Вандаловская 1997, Мелихов 2003, Мосейкина 2011, Ручкин 2006, Толстой 2005, Ульянкина 2010, Хисамутдинов 2003, Серапионова 2006].

Высокая интенсивность и результативность освоения отечественными авторами проблематики истории и культуры российской эмиграции обусловила становление в конце 1990-х – 2000-е гг. историографии истории российского зарубежья как самостоятельного жанра научных исследований. В этот период были опубликованы работы З.С. Бочаровой [Бочарова 1999], Е.И. Пивовара [Пивовар 2000, Пивовар 2004], И.Л. Беленького [Беленький 2004], В.А. Митрохина [Митрохин 2005, Митрохин 2008] по историографии российского зарубежья, в которых предпринималась попытка показать важнейшие результаты и достижения в освоении данной проблемы как самостоятельного направления научной мысли в рамках отечественной истории и других отраслей гуманитарного знания. Одновременно выходят в свет научные статьи, посвященные историографическим комплексам по истории российского зарубежья в различных регионах и странах [Мосейкина 2004, Говердовская 2004], публикуются аналитические обзоры научной литературы, посвященной общественным движениям и социальным группам, научному наследию российской эмиграции и др. [Гусман 2007, Кувшинов 2005, Пронин 2000, Пронин 2001, Цепилова 2010].

В XXI веке продолжается расширение исследовательского поля и методологических подходов историографии российского зарубежья, возрастает степень ее интегрированности с международным научным сообществом исследователей российского зарубежья, что находит свое выражение в проведении совместных научных конференций и круглых столов по данной теме, прежде всего, со специалистами стран Центральной и Восточной Европы. В 1990-е – 2000-е гг. Чехия, Болгария, Сербия также обратились к закрытым ранее для изучения темам своей национальной истории, включая мир российского зарубежья межвоенной эпохи. Это стало

платформой для целого ряда интересных исследовательских и научно-информационных проектов, среди которых: международный сборник трудов «Русское зарубежье и славянский мир», изданный в Белграде под эгидой фонда «Русский мир» [Русское 2013], научные семинары и круглые столы Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ в Праге [Международный 2017] и др.

Среди новейших проектов такого рода – подготовленная в 2021 г. польскими коллегами международная коллективная монография «Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты». Книга посвящена жизни и творчеству многих знаковых фигур в истории культуры российской эмиграции XX века: Зинаиды Серебряковой, Надежды Тэффи, Ивана Бунина, Бориса Поплавского, Федора Степуна, Марка Алданова, Виктора Некрасова и др. [Другие 2021]. Пространство интеллектуального диалога по широкому кругу тем, связанных с историей и современностью мира российских соотечественников за рубежом, создают многочисленные мероприятия Дома русского зарубежья им. А. Солженицына с участием иностранных ученых, в том числе представителей различных «волн» российской эмиграции и их потомков. Учитывая вышедшие в разные годы работы американских, французских, китайских авторов по тематике российской эмиграции XX века, можно говорить о сложившейся к началу 2010-х гг. международной историографии российского дальнего зарубежья, в развитии которой ведущую роль играют отечественные специалисты [Пивовар 2011].

В XXI веке по мере отражения в научной литературе основных аспектов наиболее популярной у исследователей и широкого читателя истории российского зарубежья «первой волны», наблюдается, с одной стороны, продвижение в глубину уже обозначенных тематических направлений, с другой – выявление новых, крупных пластов неизученного материала. И в том, и в другом случае исследовательская работа обеспечивается разнообразной источниковой базой, которая продолжает пополняться за счет возвращения на родину эмигрантских архивов, оцифровки и традиционной публикации документов, появления новых видов источников, включая сайты организаций и социальные сети российских соотечественников за рубежом. Историками русского зарубежья в 2000–2010-е гг. найдено множество новых тематических ракурсов и сюжетов, внедрены актуальные научные методики. В том числе в рамках истории русского зарубежья XX века можно констатировать рост публикаций историко-биографического жанра, исследований, выполненных в русле гендерного подхода, исторической антропологии [Баркова 2017, Женщины 2019, Демидова 2020] и др. В центре внимания современного исследователя русского зарубежья, как правило, находится человек – его мысли, слова, переживания, эмигрантская судьба. Неслучайно, названия книг, статей и документальных публикаций, посвященных деятельности российских ученых, писателей, общественных деятелей русского зарубежья, включают глубоко личные, эмоциональные цитаты из писем и дневников исследуемых персонажей [Бочарова 2010, Бухерт 2016].

Характерной чертой новейшей историографии российского зарубежья XX века является рост числа публикаций по истории русской зарубежной литературы, которая выступает ключом к пониманию социально-культурно-

го и мировоззренческого облика интеллектуального мира российской эмиграции, повседневного контекста эмигрантской жизни, преломленного в художественном слове. Тематический спектр данных исследований наглядно представлен в изданных ИНИОН РАН сборниках «Литературное зарубежье как культурный феномен», которые включают работы о творчестве писателей и поэтов, литературной критике, периодических изданиях российской эмиграции 1920 – 1930-х гг., так называемого «незамеченного поколения» и авторов «второй волны» [Литературное 2017, Литературное 2019].

Важным аспектом развития историографии российского зарубежья в 2000-е гг. является расширение хронологических рамок его изучения, которое направлено в обе стороны временной шкалы – в XVIII–XIX столетиях и во вторую половину XX – начале XXI века. Так, в трудах В.Я. Гросула убедительно обоснована авторская концепция российской эмиграции дореволюционной эпохи как значимого явления в интеллектуальной и общественно-политической жизни Европы и России [Гросул 2001, Гросул 2008]. При этом наиболее востребованной неизменно остается проблематика послереволюционного русского зарубежья 1920–1930-х гг., во многих случаях – с расширением хронологических рамок исследований на вторую половину XX века и до современности. Данная тенденция прослеживается в содержании сборников научных работ, выходящих в свет под эгидой Института российской истории РАН и ИНИОН РАН [Тарле 2007], «Ежегодников» Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, материалах научных конференций.

Новейшая историография российского дальнего зарубежья включает практически весь спектр исследовательских направлений, сложившихся в предшествующий период. В том числе, продолжается изучение, на основе вновь выявленных источников, темы миграционных потоков с территории России в 1917-м – начале 1920-х гг. Стимулом к ее углубленному освоению явилось 100-летие Великой Российской революции и последующих событий общероссийского и регионального значения: многочисленные научные форумы и рост издательской активности в связи с данным юбилеем, способствовали появлению новых исследовательских проектов и документальных публикаций, в том числе затрагивающих малоизученные аспекты истории российской эмиграции «первой волны». Так, в марте 2017 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова была проведена представительная Международная научная конференция «Революция 1917 года в России», на которой были представлены доклады Л.С. Леоновой, Л.П. Муромцевой, М.Г. Вандалковской и других ученых по истории науки, культуры, философской мысли российского зарубежья [Леонова 2018, Муромцева 2018, Вандалковская 2018, Челнокова 2018]. Под эгидой фонда «История России» и РГГУ состоялась научная конференция «Революция 1917 года и российское зарубежье», в ходе которой, в частности, обсуждались задачи дальнейшей разработки круга научных проблем, связанных с российской послереволюционной эмиграцией [Пивовар 2017а].

Был также подготовлен ряд монографий и статей, посвященных Гражданской войне на Дальнем Востоке и российскому зарубежью 1920–1930-х гг. в Китае [Малышенко 2018, Смирнов 2018]. На площадке Благовещенского государственного педагогического университета состоялась

научная конференция «История гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции» и др. [Буяров, Кузнецов 2021]. Интерес исследователей к истории российской эмиграции на Дальнем Востоке и в Азии находит отражение в выявлении новых источников информации. Так, например, в работах Л.В. Кураса, Б.Д. Цыбенова, В.В. Марковчина тема военно-политической активности российского зарубежья в Китае рассматривается с привлечением материалов советской и японской разведки [Курас 2016, Курас, Цыбенков 2016, Марковчин 2017, Марковчин 2018], не изучавшихся ранее документов Государственного архива Иркутской области и др. [Цыбенков, Курас 2021].

Следует отметить, что тема дальневосточного российского зарубежья находится в настоящее время на волне активного углубленного изучения, активного восполнения пробелов, постановки новых задач, причем работа в данном направлении ведется как непосредственно в дальневосточном регионе, так и в научном сообществе Москвы, Петербурга и других центров изучения феномена зарубежной России. Так, в 2015 г. вышла в свет книга В.Г. Шароновой [Шаронова 2015], ставшая первым монографическим исследованием, посвященным русской эмиграции в Шанхае 1920–1940-х гг. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН, научные центры по изучению российского зарубежья, действующие в Дальневосточном федеральном университете (ДФУ), других академических институтах и ведущих вузах Дальнего Востока и Сибири, демонстрируют высокую активность в историографическом освоении проблематики истории русского Харбина и КВЖД дореволюционного времени и русского зарубежья в Китае в 1920–1950-е гг. [Вопросы 2018, Владивосток 2014, Владивосток 2017]. Здесь также проявляется отмеченная выше популярность сюжетов из истории литературы и искусства российской эмиграции, что находит отражение в трудах Е.О. Кирилловой, С.И. Якимовой, А.А. Хисамудинова и др. [Бузуев 2013, Дивеева 2014, Кириллова 2015, Якимова 2016, Хисамудинов 2017].

Именно на дальневосточном исследовательском направлении существует своего рода конкуренция с иностранными авторами, поскольку проблематика истории, искусства и литературы русского зарубежья активно разрабатывается китайскими учеными-русистами. Данное явление послужило стимулом для научных работ историографического характера, в которых освещается содержание наиболее значимых исследований, опубликованных китайскими историками и литературоведами по теме российского зарубежья [Василенко 2003, Гридина 2011, Черникова 2017].

Завершая обзор основных результатов и тенденций развития историографии русского дальнего зарубежья, следует отметить, что отечественное научное сообщество видит перед собой дальнейшие большие перспективы многоаспектного изучения данной темы. «В задачи исследования истории русского зарубежья входят: оценка достигнутого уровня знаний о зарубежной России; обобщение результатов ведущихся исследований; выявление и обсуждение научных точек зрения о зарубежной России, ее проблем, недостаточно исследованных или не исследованных вовсе, а также анализ

выводов и сложившихся представлений, требующих пересмотра», – пишет А.В. Попов [Попов 2020, с. 17].

Данная цитата адресована главным образом исследователям российской эмиграции XX века – классического дальнего зарубежья, историография которого за редким исключением составляет отдельный научно-аналитический комплекс, не соприкасающийся с проблематикой ближнего зарубежья. Но она, безусловно, применима и к задачам изучения мира российских соотечественников на постсоветском пространстве и в целом – как совокупности центров глобально-регионального Русского мира. Современное дальнее зарубежье в период 1990 – 2000-х гг. подверглось значительным демографическим и социально-ментальным трансформациям, вызванным миграциями с территории России и других постсоветских стран, происходившими на фоне естественного ухода старших поколений российской эмиграции. Соответственно, миграционные процессы в теоретическом и конкретно-историческом плане выдвигаются на первый план как базовый методологический подход к изучению феномена российского зарубежья XXI века.

Современное российское зарубежье, в зависимости от системы координат, можно рассматривать и как единую диаспору и как сеть диаспор разных типов, формирующихся в результате многовекторных и разновременных миграционных потоков. В 2010-е гг. был реализован ряд исследовательских проектов, показавших перспективность изучения российского зарубежья как компонента глобальных миграций – в развитие научных концепций, которые были сформулированы В.А. Тишковым, Г. Шеффером и др. [Тишков 2001, Sheffer 2003]. Появление ближнего зарубежья как совокупности русскоговорящих диспориальных сообществ и развитие миграций на постсоветском пространстве создало множество новых объектов изучения и выступило стимулом для дальнейшего развития теории диаспор и разработок политологического и социологического профиля, посвященных миграционным процессам и диаспорам на постсоветском пространстве и в мире [Kolstø 1999, Танги 2012, Moseykina 2017, р. 187, Рыбаковский, Кожевникова 2019, Pivovarov, Ershov, Katagoshchina 2020].

Постановка крупного комплекса исследовательских задач в области историографии российского зарубежья новейшего времени определяется как тенденциями развития гуманитарных наук, так и геополитическими процессами, которые оказывают свое воздействие непосредственно на объект исследования – глобальный мир российских зарубежных соотечественников. В наши дни здесь, как и в ретроспективных исследованиях, все более заметно проявляется евразийский вектор. Так, во второй половине 2010-х гг. внимание исследователей все чаще привлекают русскоговорящие сообщества Китая и других стран Азии, в состав которых входят выходцы из России и других постсоветских государств. Специфика этого миграционного потока отражена, в частности, в работах С.В. Рязанцева и других специалистов Института социально-политических исследований РАН [Рязанцев, Кузнецов 2015, Рязанцев 2017]. Представляют интерес публикации политологического и экономического профиля, посвященные современной российской диаспоре в Китае и специфике возникшего между Россией и

КНР процесса «социокультурного обмена, в том числе и обмена диаспорами» [Симонян, Кочегарова 2019].

Осмысление роли диаспоральных сообществ как акторов социально-экономических и культурных процессов на постсоветском пространстве приобретает дополнительную актуальность в контексте процессов евразийской интеграции XXI века [Guschin, Levchenkov 2010]. Появление в 1991 г. на месте бывшего СССР независимых государств обусловило появление новых исследовательских направлений в рамках политической науки, социологии, проблематики международных отношений, новейшей истории России и сопредельных стран [Пивовар, Гушин, Левченков 2013, Пивовар 2017b, Пивовар 2022]. Опыт научно-исследовательской и методической работы кафедры истории ближнего зарубежья на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедры стран постсоветского зарубежья в РГГУ свидетельствует о востребованности исторических и междисциплинарных исследований в данной широкой области, в том числе по тематике ближнего российского зарубежья [Пивовар 2019, 30 лет СНГ 2022].

Историографическая ситуация в данной сфере позволяет говорить о большом потенциале актуальной исследовательской работы [Пивовар 2021]. Так, широкое поле изучения представляют собой современные центры Русского мира в постсоветских странах. В период 1990–2000-х гг. социально-правовое положение русскоговорящих общин ближнего зарубежья, миграции на территорию России и в другие регионы мира нашли отражение в исследовании М.С. Савоскула [Савоскул 1998], А.В. Власова [Власов 2006], Н.П. Космарской [Космарская 2006] и др. Довольно большое количество работ по данной тематике было издано в связи с двадцатилетием СНГ, отмечавшимся в 2011 г. [Халлик 2011, Трушкова 2011, Чепиницкая 2011, Хоперская 2012]. Ряд исследовательских проектов, направленных на выявление потенциала российских диаспор как фактора внутренней и внешней политики постсоветских государств, был осуществлен в этот период специалистами Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ) [Интеграция 2010, Российская диаспора 2011].

Периодически выходят статьи, посвященные эволюции Русского мира в ближнем зарубежье в XXI веке в целом и в отдельных странах, причем их количество имеет тенденцию к росту [Маргаров 2015, Баранчик, Гойденко, Грозин 2020]. В частности, активно ведется изучение положения и деятельности русских общин в странах Балтии [Фролов 2019, Симонян 2022]. Комплекс научных работ по проблемам геодемографической динамики русскоязычных общин постсоветских стран опубликован С.Я. Суцим [Суций 2018a, Суций 2018b, Суций 2019] и др. Участие российских диаспор ближнего зарубежья в международном диалоге культур затрагивается в работах А.В. Докучаевой, М.В. Катагощиной и других авторов, посвященных научно-образовательному и культурному сотрудничеству на постсоветском пространстве [Докучаева, Михайлов, Федорченко 2014, Катагощина 2020, Катагощина 2021].

Тем не менее, институциональная и социальная динамика центров российского ближнего зарубежья, ее взаимосвязь с миграционными процессами, политикой евразийской интеграции, двусторонними отношениями Рос-

сии и постсоветских государств представляет широкое поле научных исследований, в особенности, в отношении периода второй половины 2000 – 2010-х гг.

Разработка данной проблематики в настоящий момент приобретает особое значение в контексте евразийского вектора внешней политики России, актуализирующего роль и место российских диаспор в формировании единого информационного и торгово-экономического пространства Евразии, в культурном диалоге постсоветских государств. Современная информационная цивилизация создает принципиально новый социально-культурный, правовой, финансовый контекст развития миграционных потоков и формирования диаспор на постсоветском пространстве и во всем мире. Во втором десятилетии XXI века данная тенденция выступает в качестве значимого фактора международной экономической и культурной интеграции и социального развития Евразии. После того, как в большинстве постсоветских стран была проведена модернизация государственно-правовых систем, включая национальную политику, и в целом завершился процесс адаптации русскоязычного населения к новому статусу и условиям жизни, изменился и характер взаимодействия зарубежных соотечественников с Россией. Наряду с процессом их возвращения на историческую родину, в ходе экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) между Россией и постсоветскими странами – Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Арменией идут встречные потоки трудовых мигрантов квалифицированных специалистов и деятелей бизнеса, развиваются академические обмены и другие формы образовательных миграций [Образовательная 2020]. Их участники, представляющие Россию в странах СНГ, создают филиалы российских банков и фирм, ведут преподавательскую и методическую работу в совместных образовательных структурах, включаясь в той или иной степени в интеллектуальную и общественную жизнь русскоязычных сообществ.

Одной из важнейших особенностей глобального общественного развития XXI века является становление мира научных (академических) диаспор, в институциональную систему которого входят сообщества русскоговорящих ученых и студенческой молодежи в ближнем и дальнем зарубежье. Некоторые из них существуют как транснациональные сетевые структуры, объединяющие выходцев из СССР, России и постсоветских государств. Отличительной чертой постсоветских научных диаспор XXI века является активный интерес к событиям в мире «материнской» науки и высшей школы на исторической родине [Аллахвердян, Агамова 2012]. Более 80% представителей научной диаспоры России и стран СНГ поддерживают контакты с коллегами на родине, участвуют в совместных исследованиях и научных публикациях [Малахов, Смирнова 2019]. Эта тенденция коррелирует с государственной политикой России, Беларуси и других стран СНГ, направленной на развитие сотрудничества с представителями своих научных сообществ за рубежом. Деятели русскоговорящего научного зарубежья выступают организаторами и участниками международных исследовательских проектов, научных форумов, инновационных образовательных программ.

Научно-образовательные миграции с территории России и постсоветских стран в другие регионы мира имеют свою специфику, прежде всего, в сфере языковой адаптации. Так, при трудоустройстве или поступлении в вуз необходимо иметь определенный уровень знания государственного языка страны пребывания, либо языка обучения (английского, китайского и др.). В то же время, оказавшись за пределами постсоветского пространства, мигранты из России и других постсоветских государств нередко создают единые сообщества в рамках одного университета, города, страны, внутри которых главным средством коммуникации является русский язык. Кроме того, в условиях информатизации глобальный мир диаспор (включая евразийское пространство) приобретает ряд новых характеристик и тенденций развития, воздействующих, в том числе на адаптационные процессы. Возможность постоянного, в том числе визуального общения с родственниками, друзьями и коллегами на родине, которая обеспечивается современными цифровыми средствами связи, создает качественно новые социально-психологические условия адаптации мигрантов. Вышеназванные и другие аспекты адаптации современных российских диаспор за рубежом являются в целом малоизученной проблемой, которая может быть поставлена в качестве темы международных научных конференций, круглых столов, статей и монографий, по аналогии с проектами Института истории РАН, посвященными социально-экономической и культурной адаптации российских эмигрантов в дальнем зарубежье XX века [Поляков, Тарле 1999, Адаптация 2006].

Значительный интерес представляет тема этнокультурной и языковой идентичности диаспор на постсоветском пространстве и в мире. Так, для многих представителей русскоговорящих сообществ за рубежом свойственны сложные идентичности, которые определяются сочетанием этнических и языковых параметров с представлениями о стране (регионе) исхода. Так, мигранты старшего поколения, выехавшие из союзных республик СССР на Запад, на протяжении десятилетий сохраняют «советскую» идентичность. Этот феномен находит свое выражение в бытовых традициях, интересе к музыке, театру, СМИ всего постсоветского пространства, включая Россию, а также в ряде ценностных ориентиров, среди которых первостепенную роль играет сохранение памяти о Великой Отечественной войне, полете Юрия Гагарина и других значимых событиях истории СССР. Поводом для манифестации общей идентичности выходцев из России и стран СНГ в дальнем зарубежье становятся также Новый Год, Татьянин день и др. Образ исторической родины в «советской диаспоре» связан не только с Россией, Беларуссией, Киргизией и другими республиками, но и с Советским Союзом в целом. Примечательно, что сходная модель идентичности нередко воспроизводится молодыми поколениями диаспор народов России и других постсоветских стран в государствах Европейского Союза, США, Канаде и других центрах дальнего зарубежья. Соединение фактора исторической памяти и (как правило) русского языка становится основой для формирования новой идентичности – «транснациональной общности» [Тишков 2003, с. 464], которую можно условно назвать «евразийской». Эта идентичность на данном этапе демонстрируется российской, белорусской, казахстанской и иными национальными диаспорами за пределами постсоветской Евразии

на разных уровнях: в небольших русскоговорящих общинах выходцев из стран СНГ она может присутствовать постоянно как их базовая скрепа. Там, где сложились многочисленные диаспоры народов России и постсоветских стран, этот феномен проявляется периодически, в основном в связи с общими праздниками, прежде всего – с Днем Победы.

Концепция глобального Русского мира как многонационального сообщества, связанного своими историческими корнями и судьбами конкретных людей с народами России и бывшего СССР, явилась теоретической основой для включения в орбиту исследований по проблемам российского зарубежья, ряда крупных глобальных диаспор, центры которых существуют во многих регионах мира, в том числе на постсоветском пространстве. Так, история и культура северокавказского зарубежья во взаимосвязи с темой российской эмиграции XX века и современного Русского мира нашла отражение в монографиях и статьях В.Ф. Ершова [Ершов 2016, Ершов 2022], И.Л. Бабич и др. [Бабич 2019, Бабич, Гладкова, Мнухин 2020]. Крупный комплекс научных работ сложился по истории татарских диаспор в мире [Аюпов 2020, Усманова 2018]. В публикациях специалистов Якутского научного центра Сибирского отделения РАН ставится вопрос об изучении истории якутской эмиграции [Савинов, Антонов 2019].

В новейший период сложилась практика участия этнических сообществ, представляющих народы России в регионе Центральной Азии, в хозяйственно-экономическом и культурном сотрудничестве своих стран с национальными республиками Российской Федерации. Наиболее активно эта линия развивается в рамках программ межрегионального сотрудничества Казахстана, Киргизии, Узбекистана с учреждениями культуры и бизнесом в Татарстане, Башкирии, Чувашии, республиках Северного Кавказа. Деятели культуры, театральные и музыкальные коллективы из национальных регионов РФ принимают участие в международных фестивалях искусств и других мероприятиях в странах Центральной Азии, внося свой вклад в межэтнический диалог и развитие культурной дипломатии на постсоветском пространстве.

В настоящий момент существует целый ряд задач в области историографии русскоговорящих сообществ постсоветских государств, которые достойны постановки в качестве самостоятельных научных проблем. Это, прежде всего, создание комплексных представлений, посвященных становлению, эволюции, современной жизни диаспор стран и регионов постсоветского пространства, каждая из которых может стать предметом отдельного монографического исследования. Отдельного внимания заслуживает культурно-просветительная деятельность организаций российского ближнего зарубежья, их участие в проектах общественной дипломатии, в том числе взаимодействие с Ассамблеей народов Евразии и другими международными интеграционными институтами на евразийском пространстве. В научной литературе, посвященной российскому ближнему зарубежью, основной предмет исследования составляют экономические и общественно-политические процессы, нормы законодательства, динамика миграционных потоков. При этом история повседневности и персональная история отступают на второй план. Изучение центров российского зарубежья на постсоветском

пространстве, их участия в научной и культурной жизни, экономике и бизнесе стран проживания, в диалоге с Россией, должно в итоге восполнить этот пробел.

Что касается сообществ российских соотечественников в других регионах планеты, несмотря на возможности, которые предоставляют цифровые источники информации, тема глобального российского зарубежья или его крупных региональных центров в Европе, США, Азии еще ждет своих исследователей. В XXI веке происходит активное развитие информационного пространства российского зарубежья – электронных СМИ, корпоративных сайтов, локальных социальных сетей. Одновременно осуществляется и их интеграция между собой, как благодаря частной инициативе пользователей, так и вследствие целенаправленной деятельности Международного совета российских соотечественников, Фонда «Русский мир» и ряда других российских и международных институтов. Информационное пространство российского зарубежья взаимосвязано с сетевыми ресурсами России, Евросоюза, Израиля, Латинской Америки, США, Китая и других стран мира, включая русскоязычные сети постсоветских государств. Соответственно, имеется огромный массив данных самого разного плана, отражающих общее и особенное в жизни российских диаспор и конкретных людей, которые устраивают детей в русские школы, открывают фирмы, организуют концерты и выставки, празднуют Татьянин день, проводят шествие Бессмертного полка, выступают на международных научных симпозиумах и т. п. Безусловно, опора на сетевые материалы связана с проблемами достоверности информации, корректной передачи данных и др., но существенно продвинулось и современное источниковедение в разработке методов научной критики современных видов и типов исторических источников.

В течение всего периода формирования современной историографии российского зарубежья ведется работа по составлению исторических хроник, биографических словарей, энциклопедий [Русское зарубежье 1997, Литературная энциклопедия 1997–2002, Александров 2005]. Наиболее масштабные проекты, ставшие огромным подспорьем для историков российской эмиграции XX века, были подготовлены по Русской Франции [Русское зарубежье 1995–1997, Русское зарубежье 2000–2002, Российское зарубежье 2008–2010]. Ценным вкладом в формирование научно-информационной базы исследований по проблемам российского зарубежья на Дальнем Востоке явились труд А.А. Хисамутдинова, посвященный российской эмиграции в Китае [Хисамутдинов 2002], и подготовленный В.Г. Шароновой «Некрополь русского Шанхая» [Шаронова 2013]. Между тем, с момента выхода в свет вышеперечисленных изданий прошло от десяти до двадцати и более лет. За эти годы было выявлено большое количество новых имен и фактов, а также новых источников, позволяющих существенно расширить имеющиеся базы данных, в том числе распространить опыт составления хроник научной, культурной и общественной жизни российских диаспор на дальневосточное зарубежье.

Таким образом, историография российского зарубежья, как исторического, так и современного, представляет собой активно развивающийся сегмент современной научной мысли, объединяющий авторов разных по-

колений и специализаций. Классическое русское зарубежье остается неизменным источником вдохновения для отечественных историков, культурологов, литературоведов, философов, что предопределено уникальностью качественных параметров данного явления, его всемирным значением, а также продолжающимся пополнением источниковой базы.

Традиционный тематический спектр научных публикаций по данной тематике в настоящее время характеризуется растущим интересом исследователей к дальневосточной и южно-азиатской тематике. Данная тенденция обусловлена в равной мере как востребованностью евразийского вектора в международных исследованиях в целом, так и современными миграционными процессами. Возникновение на основе большинства исторических центров российской эмиграции XX века современных сообществ зарубежных соотечественников – в странах Европы, Латинской Америке, Китае и др. формирует новый уровень актуализации исследований российского зарубежья, позволяя поставить вопрос о новых научных проектах, посвященных подобным центрам, от их истоков до современности.

Большой потенциал имеет изучение центров Русского мира на постсоветском пространстве в рамках международного сотрудничества историков, политологов, специалистов в области международных отношений (в том числе, представителей мира российских соотечественников).

Тема российского зарубежья, входящая в форме лекционных курсов и семинаров в образовательные программы гуманитарных вузов России по отечественной истории, истории русской литературы, общественной мысли и др., является также перспективным компонентом деятельности Славянских университетов в странах СНГ и других центрах, создающихся в рамках евразийской образовательной и научно-информационной интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

30 лет СНГ 2022 – 30 лет СНГ. Трансформационные процессы на постсоветском пространстве. Москва / Пивовар Е.И., Гущин А.В., Виттенберг Е.Я., Ершов В.Ф., Косован Е.А., Левченко А.С., Мухин М.Ю., Наумов А.О., Ханова И.Е., Шнейдер В.М., Кондрашова И.С. Отв. ред. Е.И. Пивовар. РГГУ, 2022. – 473 с.

Аблова 2005 – *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). – М., 2005.

Адаптация 2006 – *Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): Исторические очерки / Под ред. Ю.А. Полякова.* – Москва: Институт российской истории. 2006. – 344 с.

Александров 2005 – *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке: Биографический словарь. – Хэмден-Сан-Франциско-СПб. 2005.

Аллахвердян, Агамова 2012 – *Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С.* Российская научная диаспора и мобильность ученых мигрантов в США (конец XX – начало XXI века) // *Социология науки и технологий.* 2012. Т. 3 № 3. – С. 38–51.

Аюпов 2020 – *Аюпов Т. М.* Татаро-башкирская эмиграция в странах Северо-Восточной Азии // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета.* 2020. № 1(42). – С. 95–98.

Бабич 2019 – *Бабич И.Л.* Северокавказские эмигранты во Франции. – Москва, Берлин: Директ-Медиа. 2019. – 288 с.

Бабич, Гладкова, Мнухин 2020 – *Бабич И.Л., Гладкова Т.Л., Мнухин Л.А.* Северокавказцы в эмиграции в XX веке. – Москва, Берлин: Директ-Медиа. 2020. – 297 с.

Баранчик, Гойденко, Грозин 2020 – *Баранчик Ю.В., Гойденко В.Г., Грозин А.В.* Политика постсоветских государств в отношении русскоязычного населения // Постсоветский материк. 2020. № 2(26). – С. 5–57.

Баркова 2017 – *Баркова О. Н.* Антропология русского литературного зарубежья 1917–1939 гг.: Вера Лурье и Зинаида Венгерова. Забытые имена и судьбы // Клио. 2017. № 9(129). – С. 165–169.

Беленький 2004 – *Беленький И. Л.* Русское зарубежье крупным планом: «большие» публикации, фундаментальные исследования и справочные издания последних лет // История Российской зарубежья: проблемы историографии (конец XIX – XX в.: сборник статей / Российская Академия наук; Институт Российской истории. – Москва: Институт Российской истории РАН, 2004. – С. 4–29.

Борисов 1993 – *Борисов В.П.* Российские ученые и инженеры в эмиграции. – М., 1993.

Бочарова 1999 – *Бочарова З.С.* Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х гг. // Отечественная история. 1999. № 1. – С. 91–102.

Бочарова 2005 – *Бочарова З.С.* «...Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб, 2005.

Бочарова 2010 – *Бочарова З.С.* «Сердце раздирается на части». Письма председателя Объединения русских воинских союзов А.А. фон Лампе. Июнь-октябрь 1941 г. // Исторический архив. 2010. № 3. – С. 39–55.

Бузуев 2013 – *Бузуев О.А.* Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном культурном процессе XX века. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, 2013.

Бухерт 2016 – *Бухерт В.Г.* «Сколько могу, честно служу родной культуре». Письма А.Ф. Изюмова к А.Л. Сидорову, 1947–1948 гг. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сборник научных трудов / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. – Москва: Институт российской истории РАН, 2016. – С. 427–440.

Буяров, Кузнецов 2021 – *Буяров Д.В., Кузнецов Д.В.* История гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (Благовещенск, 13 мая 2021 г.). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. – 182 с.

Вандалковская 1997 – *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». – М., 1997.

Вандалковская 2018 – *Вандалковская М. Г.* Понятие «революция» в эмигрантской историографии // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. ред. И. И. Тучков. – М., Изд-во АО «РДП», 2018 (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). – С. 714–721.

Василенко 2003 – *Василенко Н.А.* История Российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. – Владивосток: ДВО РАН. 2003.

Владивосток 2014 – Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Международная научная конференция, Владивосток, 6–8 октября 2014 г.: программа и тезисы / Дальневосточный федеральный ун-т (ДВФУ); отв. ред. С.М. Дударёнок. – Владивосток, 2014.

Владивосток 2017 – Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй Международной научной конференции

(Владивосток, 12–14 октября 2016 г.) / отв. ред. С.М. Дударенок, М. А. Тулиглович. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – 432 с.

Власов 2006 – *Власов А.В.* Миграционный тупик для постсоветских стран // ЕвроАзия: Информационно-аналитический бюллетень. Ноябрь 2006 г. – М., 2006.

Вопросы 2018 – Вопросы истории Китайско-Восточной дороги и города Харбина (120-летие строительства): Сборник научных трудов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – С. 75–80.

Говердовская 2004 – *Говердовская Л. Ф.* Современная отечественная историография российской эмиграции в Китае. 1917–1945 гг. / Л. Ф. Говердовская // Россия и АТР. 2004. № 4(46). – С. 62–73.

Гридина 2011 – *Гридина Н. П.* Китайские историки об адаптации российской интеллигенции в Маньчжурии // Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток: Федеральное государственное унитарное предприятие «Издательство Дальнаука». 2011. – С. 162–169.

Гросул 2001 – Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. – М., 2001.

Гросул 2008 – Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. – М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2008. – 703 с.

Гусман 2007 – *Гусман Л.Ю.* Русская либерально – конституционалистская эмиграция 1840–1860-х гг.: обзор отечественной и зарубежной историографии // Проблемы российской истории: Сборник. – Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного университета (МаГУ). 2007. Вып. 8. – С. 27–50.

Демидова 2020 – *Демидова О.Р.* Когда история повторяется: «усадьбы» Михаила Осоргина // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / Составитель, отв. редактор и автор предисловия О.А. Богданова. – Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2020. – С. 210–224.

Дивеева 2014 – *Дивеева Г. А.* Харбинский симфонический оркестр: К проблеме влияния русской эмиграции на историю музыкальной культуры Китая // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 3(32). – С. 68–71.

Докучаева, Михайлов, Федорченко 2014 – *Докучаева А.В., Михайлов В.П., Федорченко Л.В.* Российская культура – связующий фактор на постсоветском пространстве // Россия и современный мир. 2014. № 1(82). – С. 128–140.

Другие 2021 – Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты: коллективная монография. / Ред. Тышковская-Каспшак Э., Мотеюнайт И., Смирнова А. – Вроцлав-Краков: Scriptum, 2021.

Ершов 1993 – *Ершов В.Ф.* Военно-политические доктрины белой эмиграции в 1920–30-х гг. // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940-х гг. Международная научная конференция. – М., 1993.

Ершов 2000 – *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. – М., 2000.

Ершов 2016 – *Ершов В.Ф.* Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века: Монография. – М.:Инфра-М, 2016. – 420 с.

Ершов 2022 – *Ершов В.Ф.* Новые книги о российском зарубежье XX в.: северокавказская диаспора в Европе // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. – С. 121–133.

Ершов, Пивовар 1993 – *Ершов В.Ф., Пивовар Е.И.* Военно-учебные заведения и военно-научная мысль белой эмиграции в 1920–1930 гг. // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. – М., 1993.

Женщины 2019 – Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В 2-х частях. Калининград, 10–13 октября 2019 года / Ответственные редакторы: Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019.

Интеграция 2010 – Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ / Загулин К.Ф. (научный руководитель), Докучаева А.В., Егоров В.Г., Болтовский С.О. и др. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2010.

Иоффе 1987 – *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. – М., 1987.

Казнина 1997 – *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М., 1997.

Катагощина 2020 – *Катагощина М.В.* Музейно-выставочные проекты как инструмент культурной дипломатии стран СНГ: диалог с Россией (1992–2019 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 2. – С. 58–90.

Катагощина 2021 – *Катагощина М.В.* Культурный диалог России и Узбекистана в начале XXI в.: музеи, выставки, частные коллекции // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. IV: Узбекистановедение. – Москва: РГГУ. 2021. – С. 206–227.

Кириллова 2015 – *Кириллова Е.О.* Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015.

Космарская 2006 – *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). – М., 2006.

Кувшинов 2005 – *Кувшинов В.А.* Кадетская эмиграция: историография, организация, политика. Год первый (май 1920- июль 1921) / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Факультет государственного управления. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 2005.

Кудрякова 1995 – *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. – М., 1995.

Культурная 1999 – Культурная миссия российского зарубежья. История и современность. Сборник статей. – М., 1999.

Курас 2016 – *Курас Л. В.* Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. – С. 163–173.

Курас, Цыбенев 2016 – *Курас Л. В., Цыбенев Б. Д.* Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны // Власть. 2016. № 11. – С. 158–163.

Леонова 2018 – *Леонова Л.С.* Российская революция 1917 года в идейном наследии П.Б. Струве // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. ред. И.И. Тучков. – М., Изд-во АО «РДП», 2018 (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). – С. 200–217.

Литературная энциклопедия 1997–2002 – Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 1–3. – М., 1997–2002.

Литературное 2017 – Литературное зарубежье как культурный феномен: Сборник научных трудов. – Москва: ИНИОН РАН, 2017.

Литературное 2019 – Литературное зарубежье как культурный феномен: Сборник научных трудов. Вып. 2. Серия. Теория и история литературоведения. – Москва: ИНИОН РАН, 2019.

Малахов, Смирнова 2019 – *Малахов В.А., Смирнова А.В.* Взгляд из-за рубежа: проблемы и перспективы взаимодействия с русскоязычной научной диаспорой // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. – С. 591–592.

Мальшенко 2018 – *Мальшенко Г. И.* Российские казаки в Северо-Восточном Китае: исход, расселение и политическая борьба (1920–1937). – Москва: КноРус, 2018. – 258 с.

Маргаров 2015 – *Маргаров М.М.* Русская диаспора в странах постсоветского пространства // Политические процессы на постсоветском пространстве: материалы IV международной конференции, Москва, 14 апреля 2015 года. – Москва: Московский государственный областной университет. 2015. – С. 175–179.

Марковчин 2017 – *Марковчин В. В.* Дважды засекреченная: брошюра японских разведчиков о русской эмиграции в Европе и на Дальнем Востоке // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). – С. 145–152.

Марковчин 2018 – *Марковчин В. В.* Русские в Маньчжоу-Дуго: эмиграция в исследованиях японской разведки // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 2 (27). – С. 198–204.

Международный 2017 – Международный сборник статей – материалов Международного Круглого стола в Праге 26 июня 2017 г. / Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: Издательство РГГУ, 2017.

Мелихов 2003 – *Мелихов Г.В.* Белый Харбин. Середина 20-х. – М., 2003.

Митрохин 2005 – *Митрохин В.А.* Современная отечественная историография русской эмиграции «первой волны» (1990-е – начало 2000-х гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Право. Международные отношения. 2005. Т. 5. Вып. 1/2. – С. 93–102.

Митрохин 2008 – *Митрохин В.А.* Отечественная историография Российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 80-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. – С. 1235–1242.

Мосейкина 2004 – *Мосейкина М.Н.* Историография российской эмиграции в странах Латинской Америки (конец XIX–XX век) // История Российского зарубежья: проблемы историографии (конец XIX – XX в.): сборник статей / Ред. Поляков Ю.А., сост. Тарле Г.Я. Российская Академия наук; Институт Российской истории. – Москва: ИРИ РАН, 2004. – С. 229–246.

Мосейкина 2011 – *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. / Российский ун-т дружбы народов. – М.: РУДН, 2011.

Муромцева 2018 – *Муромцева Л.П.* Унесенные ветром революции (формирование культурных центров российской эмиграции) // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. ред. И.И. Тучков. – М., Изд-во АО «РДП», 2018 (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). – С. 243–255.

Образовательная 2020 – Образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности / Э. Ф. Айдынбеков, А. Л. Арефьев, З.С. Бочарова, М.Н. Мосейкина и др. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН). 2020. – 356 с.

Пашуто 1992 – *Пашуто Т.В.* Русские историки-эмигранты и ученые в Европе. – М., 1992.

Пивовар 2000 – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье XIX – первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. – М, 2000. № 3 (121).

Пивовар 2004 – *Пивовар Е.И.* Изучение и преподавание истории российского зарубежья в высшей школе 1990-х гг.: опыт, проблемы, перспективы // Историческая наука и образование на рубеже веков. – М., 2004.

Пивовар 2008 – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М.: РГГУ, 2008. – 546 с.

Пивовар 2011 – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье в мировом интеллектуальном пространстве XX – начала XXI в. // Достоинство историка: к 90-летию со дня рождения академика РАН Юрия Александровича Полякова: (сборник статей) / Сост. В.Б. Жиромская под ред. В.А. Тишкова. Российская академия наук. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 40–63.

Пивовар 2017а – *Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: предпосылки, становление, развитие, (1991–2015 гг.) / Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). – СПб: Алетейя, 2017. – 719 с.

Пивовар 2017б – *Пивовар Е.И.* Революция 1917 года и российское зарубежье: актуальные проблемы изучения // Революция 1917 года и российское зарубежье: материалы научной конференции: сборник статей / Фонд «История Отечества», Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: Мозартика, 2017. – С. 5–11.

Пивовар 2019 – *Пивовар Е.И.* Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М.: РГГУ, 2019. 439 с.

Пивовар 2021 – *Пивовар Е.И.* История постсоветских миграций в отечественной научной мысли XXI в // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 11(109).

Пивовар 2022 – *Пивовар Е.И.* Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2022 – 468 с.

Пивовар, Голотик, Евсеева 1994 – *Пивовар Е.И. (руководитель), Голотик С.И., Евсеева Е.Н. и др.* Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). – Москва: Геттинген, 1994.

Пивовар, Гуцин, Левченков 2013 – *Пивовар Е.И., Гуцин А.В., Левченков А.С.* Интеграция на постсоветском пространстве: новый век – новые горизонты // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). – С. 43–45.

Поляков 1996 – *Поляков Ю.А.* Проблемы изучения истории российского зарубежья. – М., 1996.

Поляков, Тарле 1999 – *Поляков Ю.А., Тарле Г.Я.* Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории. – Москва: Институт Российской истории РАН. 1999. – 269 с.

Попов 2020 – *Попов А.В.* Теоретико-методологические аспекты исследований российского зарубежья и феномена эмиграции // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей / Культурно-просветительский фонд «Dialogorum». – Будапешт: Selmeczi Vt., 2020.

Пронин 2000 – *Пронин А.А.* Пути и судьбы «второй» эмиграции. Историографический очерк. (К 55-й годовщине ялтинских соглашений) // Клио. 2000. № 3(12). 2000. – С. 26–31.

Пронин 2001 – *Пронин А.А.* Российская эмиграция в современной историографии // Международный исторический журнал. 2001. № 16.

Роль 1993 – Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Москва, 13–15 апреля 1993 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Б.С. Борисов. Институт российской истории РАН. – М.: ИРИ, 1993.

Российская диаспора 2011 – Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве / Затулин К.Ф., Грозин А.В., Докучаева А.В. и др. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2011.

Российское зарубежье 2008–2010 – Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – Москва: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой. 2008–2010.

Россия 1999 – Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Пивовар Е.И., Алдуюхова Е.И., Ершов В.Ф. и др. – М., 1999.

Русское 2013 – Русское зарубежье и славянский мир: Сборник трудов / Составитель Петр Буняк. – Белград: Славистическое общество Сербии, 2013. – 595 с.

Русское зарубежье 1995–1997 – Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни во Франции. 1920–1940: В 4 тт. / Общ. ред., вступ. ст. и сост. Л. А. Мнухин. – Париж, Москва. 1995–1997.

Русское зарубежье 1997 – Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997.

Русское зарубежье 2000–2002 – Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни во Франции. 1940–1975: В 4 тт. / Общ. ред. и сост. Л.А. Мнухин. – Париж, Москва. 2000 – 2002.

Ручкин 2006 – *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006.

Рыбаковский, Кожевникова 2019 – *Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И.* Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. – С. 106–116.

Рязанцев 2017 – *Рязанцев С.В.* Эмиграция из России в страны Юго-Восточной Азии: факторы, география, последствия // Интеркарто/Интергис. 2017. № 1. – С. 94–108.

Рязанцев, Кузнецов 2015 – *Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г.* Русскоговорящие общины в Юго-Восточной Азии /// Новые векторы миграции на Евразийском пространстве. Т 1. Сер. Демография. Социология. Экономика. Институт социально-политических исследований РАН. – Москва: Экон-Информ. 2015. – С. 174–195.

Сабенникова 2002 – *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. – Тверь, 2002.

Савинов, Антонов 2019 – *Савинов П.О., Антонов Е. П.* Проблема исследования якутской эмиграции в историографии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 3. – С. 112–120.

Савоскул 1998 – *Савоскул М.С.* Вынужденная миграция русского населения из стран СНГ и Балтии // Население и кризисы. – Москва: Издательство Диалог-МГУ, 1998. – С. 78–100.

Серапионова 1995 – *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.). – М., 1995.

Серапионова 2006 – *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. – М., 2006.

Сергей Дягилев 1982 – Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью: переписка: современники о Дягилеве: в 2-х т. / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.С. Зильберштейн, В. А. Самков. – Москва: Изобразительное искусство, 1982. – 493 с.

Симонян 2022 – *Симонян Р.Х.* Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 2. – С. 144–157.

Симонян, Кочегарова 2019 – *Симонян Р.Х., Кочегарова Т. М.* Российские диаспоры в Китае, китайские диаспоры в России: исторический и политэкономический аспекты // Горизонты экономики. 2019. № 2(48). – С. 94–100.

Смирнов 2018 – *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4 (136). – С. 127–134.

Суций 2018b – *Суций С.Я.* Русские Казахстана – геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8. – С. 22–37.

Суций 2018a – *Суций С.Я.* Русские в Прибалтике – геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Народонаселение. 2018. № 21(3). – С. 21–36.

Суций 2019 – *Суций С.Я.* Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы (геодемографический аспект). – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2019. – 342 с.

Танги 2012 – Танги Анн де. Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса / пер. с фр. М. Майзульса, И. Мироненко-Маренковой. – М.: РОССПЭН, 2012.

Тарле 1994 – *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: сборник материалов Международной научной конференции, Москва, 8–12 сентября 1993 г. / Под ред. Е.П. Чельшева и др. – Кн. 1. – М., 1994. – С. 16–24.

Тарле 2007 – История российского зарубежья: Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг.: Сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории; под редакцией Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле, Будницкого О.В. – Москва: Институт Российской истории РАН, 2007.

Таскина 1991 – *Таскина Е.П.* Литературное наследие русского Харбина. Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991.

Тесемников 1988 – *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии. 1919–1945 гг. // Вопросы истории. 1988. № 10. – С. 128–137.

Тишков 2001 – *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: Институт российской истории РАН. 2001. – С. 9–44.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

Толстой 2005 – *Толстой А.В.* Художники русской эмиграции. – М., 2005.

Трушкова 2011 – *Трушкова И.Ю.* Особенности формирования диаспор русского населения в современных странах ближнего российского зарубежья (к постановке проблемы) // СНГ: Проблемы, поиск, решения: Ежегодник, Москва, 20–21 января 2011 года. – Москва: РУДН. 2011. – С. 348–356.

Ульянкина 2010 – *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...»: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950) / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. – М.: РОССПЭН, 2010.

Усманова 2018 – *Усманова Д. М.* Документы по истории тюрко-татарской эмиграции в архиве университета Васэда (Япония) // Эхо веков. 2018. № 1. – С. 118–132.

Фролов 2019 – *Фролов В. В.* Положение русского и русскоязычного населения в странах Балтии в постсоветский период: современная историография вопроса // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2019. № 1. – С. 118–127.

Халлик 2011 – *Халлик К.С.* Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования. – М.: Наука, 2011. – С. 90–119.

Хисамутдинов 2002 – *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во ДВГУ. 2002. – 360 с.

Хисамутдинов 2003 – *Хисамутдинов А.А.* В Новом Свете или история русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. – Владивосток, 2003.

Хисамутдинов 2017 – *Хисамутдинов А. А.* Театральное и музыкальное искусство русской эмиграции в Шанхае // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (41). – С. 33–40.

Хоперская 2012 – *Хоперская Л.Л.* Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира? // Этнопанорама. 2012. № 3–4. – С. 5–12.

Цепилова 2010 – *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья 1920–1930-х годов в отечественной и зарубежной историографии: Автореферат дисс. ... доктора исторических наук. – Екатеринбург, 2010.

Цыбенков, Курас 2021 – *Цыбенков Б. Д., Курас Л.В.* «Ургинский район определенно прославивший в Харбине как большевистский...»: Байкальский регион и Монголия 1917–1919 гг. В материалах Монголэкса // Иркутский историко-экономический ежегодник 2021. – Иркутск: Байкальский государственный университет. 2021. – С. 382–387.

Челнокова 2018 – *Челнокова А. Ю.* Война и революция в религиозно-философской и политической публицистике С.Л. Франка // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 / Отв. ред. И.И. Тучков. – М., Изд-во АО «РДП», 2018 (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60). – С. 801–806.

Чельшев 1998 – *Чельшев Е.П.* Российская эмиграция: наследие, современные проблемы // Вестник российской академии наук. 1998. Т. 68. № 11.

Чельшев 2002 – *Чельшев Е.П.* Российская эмиграция: 1920 – 1930-е годы. – М., 2002.

Чепиницкая 2011 – *Чепиницкая П.Р.* Категория «соотечественники за рубежом» в модусе этносоциологии и сетевая структура «русского мира» // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. – С. 102–104.

Черникова 2017 – *Черникова Л. П.* Обзор китайской историографии по истории российской эмиграции в Китае // Азия и Африка: наследие и современность: Материалы конгресса, Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 года / Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет. – Санкт-Петербург: НП-Принт. 2017. – С. 129–131.

Шаронова 2013 – *Шаронова В. Г.* Некрополь русского Шанхая. – Москва: Старая Басманная. 2013. – 519 с.

Шаронова 2015 – *Шаронова В.Г.* История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. – Москва: Центр гуманитарных инициатив; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2015. – 510 с.

Шкаренков 1981 – *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. – М., 1981.

Якимова 2016 – *Якимова С.И.* Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2016. – 213 с.

Guschin, Levchenkov 2010 – *Guschin A., Levchenkov A.* Post-Soviet space in contemporary curricula and cooperation projects // Baltic Region. 2010. № 3 (5). pp. 46–48.

Kolstø 1999 – *Kolstø Pål.* “Territorialising Diasporas: The case of Russians in Former Soviet Republics”, *Millennium: Journal of International Studies*, 28, no 3 (December 1999).

Moseykina 2017 – *Moseykina M.* “La experiencia de la adaptación social y la integración de los migrantes en Rusia a la luz de la crisis europea de migración” In *Migración desde la ex URSS. La diáspora veinticinco años después*. Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana, Unidad Xochimilco, 2017.

Pivovar, Ershov, Katagoshchina 2020 – *Pivovar Efim I., Ershov Vitaly F. and Katagoshchina Maria V.* “Post-Soviet diasporas in the age of the internet.” // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. № 3. – С. 437–447.

Sheffer 2003 – *Sheffer G.* *Diaspora politics: At home abroad.* Cambridge, 2003. 208 p.

REFERENCES

Ablova, N.E. (2005), *KVZHD i rossiiskaya eh migratsiya v Kitae. Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX veka)* [CER and Russian emigration in China. International and political aspects of history (first half of the 20th century)], Moscow, Russia.

Aidynbekov, E. F., Arefiev, A. L., Bocharova, Z. S. and Moseikina, M.N.(2020), *Obrazovatel'naya migratsiya v sovremennom mire: sub"ekty, strategii, tsennosti* [Educational migration in the modern world: subjects, strategies, values], RUDN, Moscow.

Aleksandrov, E.A. (2005), *Russkie v Severnoi Amerike: Biograficheskii slovar'* [Russians in North America: A Biographical Dictionary], Hamden-San Francisco-Saint Petersburg.

Allakhverdyan, A.G. and Agamova, N.S. (2012), “The Russian scientific diaspora and the mobility of migrant scientists in the USA (late 20th – early 21st century)”, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 3, no. 3, pp. 38–51.

Ayupov, T. M. (2020), “Tatar-Bashkir emigration in the countries of Northeast Asia”, *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no.1(42), pp. 95–98.

Babich, I.L. (2019), *Severokavkazskie eh migranty vo Frantsii* [North Caucasian emigrants in France], Direkt-Media, Moscow, Berlin.

Babich, I.L., Gladkova, T.L. and Mnukhin, L.A. (2020), *Severokavkaztsy v eh migratsii v XX veke* [North Caucasians in emigration in the 20th century], Direkt-Media, Moscow, Berlin.

Baranchik, YU. V., Goidenko, V. G. and Grozin, A. V. (2020), “The policy of the post-soviet states towards the Russian-speaking population”, *Postsovetskii materik*, no. 2(26), pp. 5–57.

Barkova, O.N. (2017), “Anthropology of the Russian Literary Abroad 1917–1939: Vera Lurie and Zinaida Vengerova. Forgotten names and destinies”, *Klio*, no. 9(129), pp. 165–169.

Belen'kii, I. L. (2004), “Close-up view of the Russian diaspora: “large” publications, fundamental research and reference publications of recent years”, *Istoriya Rossiiskogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (konets XIX – XX v.): sbornik statei*, Institut Rossiiskoi istorii RAN, Moscow, pp. 4–29.

Bocharova, Z.S. (1999), “Modern historiography of the Russian diaspora in the 1920s-1930s.”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 91–102.

Bocharova, Z.S. (2005), «...*Ne prinyavshii inogo poddanstva*»: *Problemy sotsial'no-pravovoi adaptatsii rossiiskoi eh migratsii v 1920–1930-e gody* [“... Who did not accept another citizenship”: Problems of social and legal adaptation of Russian emigration in the 1920–1930s], Moscow, Russia.

Bocharova, Z.S. (2010), ““The heart is torn to pieces.” Letters from the Chairman of the Association of Russian Military Unions A.A. von Lampe. June-October 1941”, *Istoricheskii arkhiv*, no. 3, pp. 39–55.

Borisov, B.S. (1993), *Rol' russkogo zarubezh'ya v sokhranении i razvitiі otechestvennoi kul'tury* [The role of the Russian diaspora in the preservation and development of national culture], in Borisov, B.S. (ed.), IRI RAN, Moscow, Russia.

Borisov, V.P. (1993), *Rossiiskie uchenye i inzhenery v eh migratsii* [Russian scientists and engineers in exile], Moscow, Russia.

Bukhert, V.G. (2006), “As long as I can, I honestly serve my native culture.” Letters to A.F. Izyumov to A.L. Sidorov, 1947–1948”, in Tribunskii, P.A. (ed.), *Rossiiskoe nauchnoe zarubezh'e: lyudi, trudy, institutsii, arkhivy: sbornik nauchnykh trudov* [Russian scientific abroad: people, works, institutions, archives: collection of scientific papers], Institut Rossiiskoi istorii RAN, Moscow, pp. 427–440.

Bunyak, P. (2013), *Russkoe zarubezh'e i slavyanskii mir: Sbornik trudov* [Russian Diaspora and the Slavic World: Collection of Works], Slavisticheskoe obshchestvo Serbii, Belgrad.

Buyarov, D.V. and Kuznetsov, D.V. (2021), *Istoriya grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke i istoriya russkoi eh migratsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu okonchaniya Grazhdanskoi voiny i interventsii na Dal'nem Vostoke (Blagoveshchensk, 13 maya 2021 g.)* [The History of the Civil War in the Far East and the History of Russian Emigration: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the End of the Civil War and Intervention in the Far East (Blagoveshchensk, May 13, 2021)], Pub. BGPU, Blagoveshchensk, Russia.

Buzuev, O.A. (2013), *Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v natsional'nom kul'turnom protsesse XX veka* [Literature of the Russian Diaspora of the Far East in the National Cultural Process of the 20th Century], Izd-vo Amurskogo gumanitarno-pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta, Komsomol'sk-na-Amure, Russia.

Chelnokova, A. Yu. (2018), “War and revolution in the religious-philosophical and political journalism of S. L. Frank”, in Tuchkov, I.I. (ed.), *Stoletie Revolyutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyi sbornik*, -part 1, pub. AO “RDP”, Moscow, Russia, pp. 801–806.

Chelyshev, E.P. (1998), “Russian emigration: heritage, modern problems”, *Vestnik rossiiskoi akademii nauk*, vol. 68, no. 11.

Chelyshev, E.P. (2002), *Rossiiskaya eh migratsiya: 1920 – 1930-e gody* [Russian emigration: 1920 – 1930s], Moscow, Russia.

Chepinitskaya, P. R. (2011), “The category “compatriots abroad” in the modus of ethnosociology and the network structure of the “Russian world”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 8, pp. 102–104.

Chernikova, L. P. (2017), “A review of Chinese historiography on the history of Russian emigration in China”, *Aziya i Afrika: nasledie i sovremennost': Materialy kongressa* [Asia and Africa: Heritage and Modernity: Proceedings of the Congress], Saint Petersburg, Russia, June 21–23, 2017, NP-Print, pp. 129–131.

Demidova, O. R. (2020), “When history repeats itself: “estates” of Mikhail Osorgin”, in Bogdanova, O.A. (ed.), *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: Kollektivnaya monografiya* [Russian estate and Europe: diachrony, nostalgia, universalism: Collective monograph], Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, Moscow, pp. 210–224.

Diveeva, G. A. (2014), “Harbin Symphony Orchestra: On the Problem of the Influence of Russian Emigration on the History of Chinese Musical Culture”, *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 3 (32), pp. 68–71.

Dokuchaeva, A.V., Mikhailov, V.P. and Fedorchenko, L.V. (2014), “Russian culture is a connecting factor in the post-Soviet space”, *Rossiya i sovremenniy mir*, no. 1(82), pp. 128–140.

Drugie (2021), *Drugie berega russkoi literatury i kul'tury: idei, poetika, konteksty: kollektivnaya monografiya* [Other Shores of Russian Literature and Culture: Ideas,

Poetics, Contexts: Collective Monograph], in: Tyshkowska-Kaspshak, E., Moteyunight, I., Smirnova, A. (ed.), Scriptum, Wrocław-Krakow.

Dudarenok, S. M. (2014), “Vladivostok – a point of return: the past and present of Russian emigration: program and theses”, *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Vladivostok, 6–8 oktyabrya 2014 g.* [International scientific conference, Vladivostok, October 6–8, 2014], in Dudarenok, S. M. (ed.), DVFU, Vladivostok, Russia.

Dudarenok, S. M. and Tuliglovich, M.A. (2017), “Vladivostok – the point of return: past and present of Russian emigration: Proceedings of the Second International Scientific Conference (Vladivostok, October 12–14, 2016)”, II *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [The second international scientific conference], RIO DVYUI MVD Rossii, Khabarovsk, Russia.

Ershov, V.F. (1993), “Military-political doctrines of the white emigration in the 1920–30s.”, *Kul’turnoe nasledie rossiiskoi eh migratsii 1917–1940-kh gg.* [Cultural heritage of Russian emigration in 1917–1940s.], Moscow.

Ershov, V.F. (2000), *Rossiiskoe voenno-politicheskoe zarubezh’e v 1918–1945 gg.* [Russian military-political abroad in 1918–1945], Moscow.

Ershov, V.F. (2016), *Russkii mir i severokavkazskoe zarubezh’e v KHKH – nachale XXI veka* [The Russian World and the North Caucasian Abroad in the 20th – Early 21st Century], Infra-M, Moscow.

Ershov, V.F. (2022), “New books about the Russian diaspora in the 20th century: the North Caucasian diaspora in Europe”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 1, pp. 121–123.

Ershov, V.F. and Pivovar, E.I. (1993), “Military Educational Institutions and Military Scientific Thought of the White Emigration in 1920–1930”, *Rol’ russkogo zarubezh’ya v sokhranении i razvítii otechestvennoi kul’tury*, Moscow.

Frolov, V. V. (2019), “The situation of the Russian and Russian-speaking population in the Baltic countries in the post-Soviet period: modern historiography of the issue”, *Nauchno-metodicheskii ehlektronnyi zhurnal Kontsept*, no. 1, pp. 118–127.

Goverdovskaya, L.F. (2004), “Modern domestic historiography of Russian emigration in China. 1917–1945”, *Rossiya i ATR*, no. 4(46), pp. 62–73.

Gridina, N. P. (2011), “Chinese Historians on the Adaptation of the Russian Intelligentsia in Manchuria”, *Problemy istorii Kitaya i mezhdunarodnykh otnoshenii v trudakh kitaiskikh issledovatelei*, Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal’nego Vostoka DVO RAN Dal’nauka, Vladivostok, pp. 162–169.

Grosul, V.Ya. (2001), *Mezhdunarodnye svyazi rossiiskoi politicheskoi eh migratsii vo 2-i polovine XIX veka* [International relations of Russian political emigration in the 2nd half of the 19th century], Moscow, Russia.

Grosul, V.Ya. (2008), *Russkoe zarubezh’e v pervoi polovine XIX veka* [Russian Diaspora in the First Half of the 19th Century], ROSSPEHN, Moscow.

Guschin A., Levchenkov A. (2010), “Post-Soviet space in contemporary curricula and cooperation projects”, *Baltic Region*, no. 3 (5), pp. 46–48.

Gusman, L.Yu. (2007), “Russian liberal-constitutionalist emigration of 1840–1860s: a review of domestic and foreign historiography”, *Problemy rossiiskoi istorii. Sbornik*, vol. 8, pp. 27–50.

Hallick, K.S. (2011), “Russians in Estonia”, *Russkie: ehmosotsiologicheskie issledovaniya*, Nauka, Moscow, pp. 90–119.

Ioffe, G.Z. (1987), *Krakh rossiiskoy monarkhicheskoy kontrrevolyutsii* [The collapse of the Russian monarchist counter-revolution], Moscow, Russia.

Katagoshchina, M.V. (2020), “Museum and Exhibition Projects as a Tool of Cultural Diplomacy of the CIS Countries: Dialogue with Russia (1992–2019)”, *RSUH/*

RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series, no. 2, pp. 58–90.

Katagoshchina, M.V. (2021), "Cultural dialogue between Russia and Uzbekistan at the beginning of the 21st century: museums, exhibitions, private collections", *Trudy Instituta postsovetsskikh i mezhhregional'nykh issledovaniy*, vol. IV: Uzbekistanovedenie, RGGU, pp. 206–227.

Kaznina, O.A. (1997), *Russkiye v Anglii: Russkaya emigratsiya v kontekste russko-angliyskikh literaturnykh svyazey v pervoy polovine XX veka* [Russians in England: Russian Emigration in the Context of Russian-English Literary Relations in the First Half of the 20th Century], Moscow, Russia.

Khisamutdinov, A. A. (2002), *Rossiiskaya eh migratsiya v Kitae: opyt ehntsiklopedii* [Russian emigration in China: the experience of the encyclopedia], Izd-vo DVGU, Vladivostok, Russia.

Khisamutdinov, A. A. (2003), *V Novom Svete ili istoriya russkoi diaspory na Tikhookeanskom poberezh'e Severnoi Ameriki i Gavaiskikh ostrovakh* [In the New World or the history of the Russian diaspora on the Pacific coast of North America and the Hawaiian Islands], Vladivostok, Russia.

Khisamutdinov, A. A. (2017), "Theatrical and musical art of the Russian emigration in Shanghai", *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3(41), pp. 33–40.

Khoperskaya, L.L. (2012), "Russian compatriots in Central Asia – a demographic resource, a cut piece or the guardians of the Russian world?", *Ehtnopanorama*, no. 3–4, pp. 5–12.

Kirillova, E.O. (2015), *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* (B. M. Yul'skii, N. A. Baikov, M. V. Shcherbakov, E. E. Yashnov) [Oriental themes, images, motifs in the literature of the Russian diaspora of the Far East (B. M. Yul'sky, N. A. Baikov, M. V. Shcherbakov, E. E. Yashnov)], *Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet*, Vladivostok, Russia.

Kolstø, Pål. (1999), "Territorialising Diasporas: The case of Russians in Former Soviet Republics", *Millennium: Journal of International Studies*, 28, no 3 (December 1999).

Kosmarskaya, N.P. (2006), «*Deti imperii*» v postsovetsskoi Tsentral'noi Azii: adaptivnye praktiki i mental'nye sdvigi (russkie v Kirgizii, 1992–2002) ["Children of Empire" in Post-Soviet Central Asia: Adaptive Practices and Mental Shifts (Russians in Kyrgyzstan, 1992–2002)], Moscow, Russia.

Kudryakova, E.B. (1995), *Rossiiskaya eh migratsiya v Velikobritanii v period mezhdudvumya voynami* [Russian emigration to Great Britain between the two wars], Moscow, Russia.

Kul'turnaya (1999), *Kul'turnaya missiya rossiiskogo zarubezh'ya. Istoriya i sovremennost'*. *Sbornik statei* [Cultural mission of the Russian abroad. History and modernity. Digest of articles], Moscow, Russia.

Kuras, L. V. (2016), "Russian military-political emigration in Manchukuo (based on the materials of Soviet intelligence)", *Gumanitarnyi vector*, vol. 11, no. 4, pp. 163–173.

Kuras, L. V. and Tsybenov, B. D. (2016), "New data on the intelligence activities of Japan and the USSR in Mongolia and Hulunbuir during the Second World War", *Vlast'*, no. 11, pp. 158–163.

Kuvshinov, V.A. (2005), *Kadetskaya eh migratsiya: istoriografiya, organizatsiya, politika. God pervyi (mai 1920- iyul' 1921)* [Cadet emigration: historiography, organization, politics. Year one (May 1920-July 1921)], Universitetskii gumanitarnyi litsei, Moscow, Russia.

Leonova, L.S. (2018), "The Russian Revolution of 1917 in the ideological heritage of P.B. Struve", in Tuchkov, I.I. (ed.), *Stoletie Revolyutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyi sbornik*, part 1, pub. AO "RDP", pp. 200–217.

Literary encyclopedia (1997–2002), *Literaturnaya ehntsiklopediya russkogo zarubezh'ya* [Literary encyclopedia of Russian abroad. 1918–1940], vol. 1–3, Moscow, Russia.

Literaturnoe (2017), *Literaturnoe zarubezh'e kak kul'turnyi fenomen: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Abroad as a Cultural Phenomenon: Collection of Scientific Papers], INION RAN, Moscow, Russia.

Literaturnoe (2019), *Literaturnoe zarubezh'e kak kul'turnyi fenomen: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Abroad as a Cultural Phenomenon: Collection of Scientific Papers], part 2, INION RAN, Moscow, Russia.

Malakhov, V.A. and Smirnova, A.V. (2019), “View from abroad: problems and prospects of interaction with the Russian-speaking scientific diaspora”, *Upravlenie naukoj i naukometriya*, vol. 14, pp. 591–592.

Malysenko, G. I. (2018), *Rossiiskie kazaki v Severo-Vostochnom Kitae: iskhod, rasselenie i politicheskaya bor'ba (1920–1937)* [Russian Cossacks in Northeast China: exodus, resettlement and political struggle (1920–1937)], KnoRus, Moscow.

Margarov, M.M. (2015), “Russian diaspora in the countries of the post-soviet space”, *Politicheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: materialy IV mezhdunarodnoi konferentsii* [Political Processes in the Post-Soviet Space: Proceedings of the IV International Conference], Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, Moscow.

Markovchin, V. V. (2017), “Twice classified: Japanese intelligence brochure about Russian emigration in Europe and the Far East”, *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 4(54), pp. 145–152.

Markovchin, V. V. (2018), “Russians in Manchukuo Digo: Emigration in Japanese Intelligence Studies”, *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, vol. 8, no. 2(27), pp. 198–204.

Melikhov, G.V. (2003), *Belyi Kharbin. Seredina 20-kh.* [White Harbin. Mid 20s.], Moscow, Russia.

Mezhdunarodnyi sbornik (2017), *Mezhdunarodnyi sbornik statei – materialov Mezhdunarodnogo Kruglogo stola v Prage 26 iyunya 2017 g. / Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet* [International collection of articles – materials of the International Round Table in Prague June 26, 2017 / Russian State University for the Humanities], RGGU, Moscow.

Mhukhin, L. (1995–1997), *Russkoe zarubezh'e. Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni vo Frantsii. 1920–1940: V 4 tt.* [Russian Abroad. Chronicle of scientific, cultural and social life in France. 1920–1940: In 4 vols.], Paris, Moscow.

Mhukhin, L. (2000–2002), *Russkoe zarubezh'e. Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni vo Frantsii. 1940–1975: V 4 tt.* [Russian Abroad. Chronicle of scientific, cultural and social life in France. 1920–1940: In 4 vols.], Paris, Moscow.

Mitrokhin, V.A. (2005), “Modern domestic historiography of the Russian emigration of the “first wave” (1990s – early 2000s)”, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 5, no. 1/2, pp. 93–102.

Mitrokhin, V.A. (2008), “Domestic historiography of the Russian emigration of the “first wave” (1920s – mid-80s)”, *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 10, no. 4, pp. 1235–1242.

Moseykina, M. (2017), “La experiencia de la adaptación social y la integración de los migrantes en Rusia a la luz de la crisis europea de migración”, *Migración desde la ex URSS. La diáspora veinticinco años después*, Mexico: Universidad Autónoma Metropolitana, Unidad Xochimilco.

Moseykina, M.N. (2004), “Historiography of Russian emigration in Latin America (late 19th–20th centuries)”, in Polyakov, Yu.A. and Tarle, G. Ya. (ed.), *Istoriya Rossiiskogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (konets XIX – XX v.)* [History of the Russian Diaspora:

Problems of Historiography (late 19th – 20th centuries)], IRI RAN, Moscow, Russia, pp. 229–246.

Moseykina, M.N. (2011), «*Rasseyany, no ne rastorgnutY*»: *russkaya eh migratsiya v stranakh Latinskoi Ameriki v 1920–1960 gg.* [“Dispersed, but not dissolved”: Russian emigration in Latin America in 1920–1960], RUDN, Moscow.

Muromtseva, L.P. (2018), “Revolutions gone with the wind (formation of cultural centers of Russian emigration)”, in Tuchkov, I.I. (ed.), *Stoletie Revolyutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyi sbornik*, part 1, pub. AO “RDP”, pp. 243–255

Pashuto, T.V. (1992), *Russkie istoriki-eh migranty i uchenye v Evrope* [Russian emigre historians and scientists in Europe], Moscow, Russia.

Pivovarov, E. I. , Golotik, S. I. and Evseeva, E.N. (1994), *Rossiiskaya eh migratsiya v Turtsii, Yugo-Vostochnoi i Tsentral’noi Evrope 20-kh godov: (grazhdanskije bezhentsy, armiya, uchebnye zavedeniya)* [Russian emigration in Turkey, South-Eastern and Central Europe in the 20s: (civilian refugees, army, educational institutions)], Gettingen, Moscow.

Pivovarov, E.I. (2000), “Russian Diaspora of the 19th – First Half of the 20th Centuries: Some Results of the Study of the Problem”, *Istoricheskie zapiski*, no. 3 (121).

Pivovarov, E.I. (2004), “Studying and teaching the history of Russian abroad in higher education in the 1990s: experience, problems, prospects”, *Istoricheskaya nauka i obrazovanie na rubezhe vekov*, Moscow.

Pivovarov, E.I. (2008), *Rossiiskoe zarubezh’e: sotsial’no-istoricheskii fenomen, rol’ i mesto v kul’turno-istoricheskom nasledii* [Russian Diaspora: Social and Historical Phenomenon, Role and Place in the Cultural and Historical Heritage], RGGU, Russia, Moscow.

Pivovarov, E.I. (2011), “Russian Diaspora in the World Intellectual Space of the 20th – Early 21st Centuries”, in Tishkov, V.A. (ed.), *Dostoinstvo istorika: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAN Yuriya Aleksandrovicha Polyakova* [The Dignity of a Historian: On the 90th Anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences Yuri Alexandrovich Polyakov], ROSSPEHN, Moscow, Russia, pp. 40–63.

Pivovarov, E.I. (2017a), *Evraziiskii integratsionnyi proekt na postsovetskom prostranstve: predposylki, stanovlenie, razvitie, (1991–2015 gg.)* [Eurasian integration project in the post-Soviet space: background, formation, development, (1991–2015)], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

Pivovarov, E.I. (2017b), “The Revolution of 1917 and the Russian Diaspora: Actual Problems of Study”, *Revolutsiya 1917 goda i rossiiskoe zarubezh’e: materialy nauchnoi konferentsii: sbornik stat’ei*, Mozartika, Moscow, pp. 5–11.

Pivovarov, E.I. (2019), *Mir rossiiskogo zarubezh’ya v kontse XX – nachale XXI veka* [The world of Russian abroad in the late XX – early XXI century], RGGU, Moscow.

Pivovarov, E.I. (2021), “The history of post-soviet migrations in Russian scientific thought of the 21st century”, *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal «Istoriya»*, vol. 12, no. 11(109).

Pivovarov, E.I. (2022), *Prostranstvo Bol’shoi Evrazii XXI veka. Integratsionnye protsessy: instituty, napravleniya, vyzovy* [The space of Greater Eurasia of the XXI century. Integration processes: institutions, directions, challenges], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

Pivovarov, E.I., Aldyukhova, E.I. and Ershov, V.F. (1999), *Rossiya v izgnanii. Sud’by rossiiskikh eh migrantov za rubezhom* [Russia in exile. The fate of Russian emigrants abroad], Moscow, Russia.

Pivovarov, E.I., Gushchin, A.V. and Levchenkov, A.S. (2013), “Integration in the post-Soviet space: new century – new horizons”, *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 2(36), pp. 43–45.

Pivovarov, E.I., Gushchin, A.V., Vittenberg, E.YA., Ershov, V.F., Kosovan, E.A., Levchenkov, A.S., Mukhin, M.YU., Naumov, A.O., Khanova, I.E., Shneider, V.M. and

Kondrashova, I.S. (2022), *30 let SNG. Transformatsionnye protsessy na postsovetskom prostranstve* [30 years of the CIS. Transformational processes in the post-soviet space], in Pivovarov, E.I. (ed.), RGGU, Moscow, Russia.

Pivovarov, Efim I., Ershov, Vitaly F. and Katagoshchina, Maria V. (2020), “Post-Soviet diasporas in the age of the internet”, *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 3, pp. 437–447.

Polyakov, Yu.A. (1996), *Problemy izucheniya istorii rossiiskogo zarubezh'ya* [Problems of studying the history of Russian abroad], Moscow, Russia.

Polyakov, Yu.A. (2006), *Adaptatsiya rossiiskikh eh migrantov (konets XIX-XX v.): Istoricheskie ocherki* [Adaptation of Russian emigrants (late 19th-20th centuries): Historical essays], in Polyakov, Yu.A. (ed.), Institut rossiiskoi istorii, Moscow, Russia.

Polyakov, Yu.A. and Tarle, G.Ya. (1999), *Sotsial'no-ehkonomicheskaya adaptatsiya rossiiskikh eh migrantov (konets XIX-XX v.): sbornik statei* [Socio-economic adaptation of Russian emigrants (late XIX-XX centuries): collection of articles], Rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia.

Polyakov, Yu.A., Tarle, G.Ya. and Budnitskii, O. V. (2007), *Istoriya rossiiskogo zarubezh'ya: Ehmigratsiya iz SSSR – Rossii 1941–2001 gg.* [History of the Russian Abroad: Emigration from the USSR – Russia 1941–2001], in Polyakov, Yu.A., Tarle, G.Ya. and Budnitskii, O. V. (ed.), Institut Rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia.

Popov, A. V. (2020), “Theoretical and methodological aspects of the research of Russian abroad and the phenomenon of emigration”, *Ehmigratsiya kak tekst kul'tury: istoricheskoe nasledie i sovremennost': sbornik nauchnykh statei* [Emigration as a text of culture: historical heritage and modernity: collection of scientific articles], Selmecei Bt., Budapest.

Pronin, A.A. (2000), “Ways and fates of the “second” emigration. Historiographical essay. (To the 55th anniversary of the Yalta agreements)”, *Klio*, no. 3(12), pp. 26–31.

Pronin, A.A. (2001), “Russian emigration in modern historiography”, *Mezhdunarodnyi istoricheskii zhurnal*, no.16.

Pushkareva, N.L., Dementiev, I.O. and Shenderyuk, M.G. (2019), *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego: Materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoi istorii i Instituta ehtnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN* [Women and men in migration processes of the past and present: Proceedings of the XII International Scientific Conference of the Russian Association of Researchers of Women's History and the Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklukho-Maclay RAS], in Pushkareva, N.L., Dementiev, I.O. and Shenderyuk, M.G. (ed.), Baltiiskii federal'nyi universitet imeni Immanuila Kanta, Kaliningrad.

Rossiiskoe zarubezh'e (2008–2010), *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii, 1919–2000: biograficheskii slovar': v 3 t.* [Russian Diaspora in France, 1919–2000: Biographical Dictionary: in 3 vols.], in Mhukhina, L., Avril, M., Losskoi, V. (ed.), Nauka: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, Moscow, Russia.

Ruchkin, A.B. (2006), *Russkaya diaspora v Soedinennykh Shtatakh Ameriki v pervoi polovine XX veka* [The Russian Diaspora in the United States of America in the First Half of the 20th Century], Moscow, Russia.

Russkoe zarubezh'e (1997), *Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga eh migrantsii. Pervaya tret' XX veka: Ehntsiklopedicheskii biograficheskii slovar'* [Russian Abroad. Golden book of emigration. First third of the 20th century: Encyclopedic biographical dictionary], Moscow, Russia.

Ryazantsev, S. V. (2017), “Emigration from Russia to the countries of Southeast Asia: factors, geography, consequences”, *Interkarto/InterGIS*, no. 1, pp. 94–108.

Ryazantsev, S. V. and Kuznetsov, N. G. (2015), “Russian-speaking communities in Southeast Asia”, *Novye vektory migratsii na Evraziiskom prostranstve. T. I. Ser. Demografiya. Sotsiologiya. Ehkonomika, Ehkon-Inform*, Moscow, pp. 174–195.

Rybakovsky, L.L. and Kozhevnikova, N.I. (2019), “International migration of the population of Russia: exchange of population with the countries of the new abroad”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 106–116.

Sabennikova, I.V. (2002), *Rossiiskaya eh migratsiya (1917–1939): Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian emigration (1917–1939): A comparative typological study], Tver', Russia.

Savoskul, M. S. (1998), “Forced migration of the Russian population from the CIS and Baltic countries”, *Naselenie i krizisy*, Dialog-MGU, Moscow, Russia, pp. 78–100.

Savvinov, P.O. and Antonov, E.P. (2019), “The problem of studying the Yakut emigration in historiography”, *Gumanitarnyi vector*, vol. 14, no. 3, pp. 112–120.

Serapionova, E.P. (1995), *Rossiiskaya eh migratsiya v Chekhoslovatskoi respublike (20–30-e gg.)* [Russian emigration in the Czechoslovak Republic (20–30s)], Moscow, Russia.

Serapionova, E.P. (2006), *Karel Kramarzh i Rossiya. 1890–1937 gody: Ideinye vozzreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatel'nyami* [Karel Kramarž and Russia. 1890–1937: Ideological views, political activity, connections with Russian statesmen and public figures], Moscow, Russia.

Sharonova, V. G. (2013), *Nekropol' russkogo Shankhaya* [Necropolis of Russian Shanghai], Staraya Basmannaya, Mopscow, Russia.

Sharonova, V.G. (2015), *Istoriya russkoi eh migratsii v Vostochnom Kitae v pervoi polovine XX veka* [History of Russian emigration in East China in the first half of the 20th century], Tsentr humanitarnykh initsiativ, Moscow, Universitetskaya kniga, Saint Petersburg, Russia.

Sheffer, G. (2003), *Diaspora politics: At home abroad*, Cambridge, UK.

Shkarenkov, L.K. (1981), *Agoniya beloi eh migratsii* [The agony of white emigration], Moscow, Russia.

Simonyan, R. Kh. (2022), “Russian-speaking diaspora in the Baltic countries: current state and prospects”, *Baltiiskii region*, vol. 14, no. 2, pp. 144–157.

Simonyan, R. Kh. and Kochegarova, T. M. (2019), “Russian diasporas in China, Chinese diasporas in Russia: historical and political and economic aspects”, *Gorizonty ehkonomiki*, no. 2(48), pp. 94–100.

Smirmov, S. V. (2018), “Russian military emigration in Tianjin (1920s – early 1940s)”, *Klio*, no. 4(136), pp. 127–134.

Sushchii, S.Ya. (2018a), “Russians in the Baltics – Geodemographic Trends in the Post-Soviet Period and Prospects for the First Half of the 21st Century”, *Narodonaselenie*, no. 21(3), pp. 21–36.

Sushchii, S.Ya. (2018b), “Russians of Kazakhstan – geodemographic dynamics of the post-Soviet period and prospects for the first half of the 21st century”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 22–37.

Sushchii, S.Ya. (2019), *Russkie blizhnego zarubezh'ya: istoriya, sovremennost', perspektivy (geodemograficheskii aspekt)* [Russians of the near abroad: history, modernity, prospects (geodemographic aspect)], YUNTS RAN, Rostov-na-Donu.

Tangi, Ann de. (2012), *Velikaya migratsiya: Rossiya i rossiiane posle padeniya zheleznoy zhanavesa* [La grande migration : la Russie et les Russes après la chute du rideau de fer], ROSSPEHN, Moscow, Russia.

Tarle, G.Ya. (1994), “History of the Russian Abroad: Terms, Periodization Principles”, *Kul'turnoe nasledie rossiiskoi eh migratsii: 1917–1940: sbornik materialov*

Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Cultural Heritage of the Russian Emigration: 1917–1940: Collection of Materials of the International Scientific Conference], in Chelishev, E.P. (ed.), Moscow, Russia, September 8–12, 1993, book 1, pp. 16–24.

Taskina, E.P. (1991), *Literaturnoe nasledie russkogo Kharbina. Kharbin. Vetka russkogo dereva* [Literary heritage of Russian Harbin. Harbin. Russian tree branch], Novosibirsk, Russia.

Tesemnikov, V.A. (1988), “Russian emigration in Yugoslavia. 1919–1945”, *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 128–137.

Tishkov, V.A. (2001), *Istoricheskii fenomen diaspory / Natsional'nye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX-XX vv.* [The historical phenomenon of the diaspora / National diasporas in Russia and abroad in the XIX-XX centuries], in Polyakov, Yu.A. and Tarle, G.Ya. (ed.), Institut Rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 9–44.

Tishkov, V.A. (2003), *Rekviem po ehtnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology], Nauka, Moscow, Russia.

Tolstoi, A.V. (2005), *Khudozhniki russkoi eh migratsii* [Artists of Russian emigration], Moscow, Russia.

Trushkova, I.Yu. (2011), “Features of the formation of diasporas of the Russian population in modern countries of the near Russian abroad (to the formulation of the problem)”, *SNG: Problemy, poisk, resheniya: Ezhegodnik*, RUDN, Moscow, Russia, pp. 348–356.

Tsepilova, V.I. (2010), *Historical Science of the Russian Diaspora in the 1920s–1930s in Russian and Foreign Historiography*, Abstract of D. Sc. Dissertation, Yekaterinburg, Russia.

Tsybenov, B. D. and Kuras, L. V. (2021), “Urginsky district, which was definitely known in Harbin as Bolshevik ...”: The Baikal region and Mongolia 1917–1919. In the materials of Mongolex, *Irkutskii istoriko-ehkonomicheskii ezhegodnik*, 2021, pp. 382–387.

Ul'yankina, T.I. (2010), «*Dikaya istoricheskaya polosа...»: sud'by rossiiskoi nauchnoi eh migratsii v Evrope (1940–1950)* [“Wild historical streak...”: the fate of Russian scientific emigration in Europe (1940–1950)], Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova RAN, ROSSPEHN, Moscow, Russia.

Usmanova, D. M. (2018), “Documents on the history of the Turkic-Tatar emigration in the archives of Waseda University (Japan)”, *Ehkho vekov*, no. 1, pp. 118–132.

Vandalkovskaya, M.G. (1997), *Istoricheskaya nauka rossiiskoi eh migratsii: «evraziiskii soblazn»* [Historical science of Russian emigration: “Eurasian temptation”], Moscow, Russia.

Vandalkovskaya, M.G. (2018), “The concept of “revolution” in emigrant historiography”, in Tuchkov, I.I. (ed.), *Stoletie Revolyutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyi sbornik*, part 1, pub. AO “RDP”, Moscow, Russia.

Vasilenko, N.A. (2003), *Istoriya Rossiiskoi eh migratsii v osveshchenii sovremennoi kitaiskoi istoriografii* [The history of Russian emigration in the light of modern Chinese historiography], DVO RAN, Vladivostok, Russia.

Vlasov, A.V. (2006), “Migration dead end for post-Soviet countries”, *EvroAziya: Informatsionno-analiticheskii byulleten'*, November, Moscow, Russia.

Voprosy (2018), *Voprosy istorii Kitaisko-Vostochnoi dorogi i goroda Kharbina (120-letie stroitel'stva): Sbornik nauchnykh trudov* [Issues of the history of the Chinese Eastern Road and the city of Harbin (120th anniversary of construction): Collection of scientific papers], VGUEHS, Vladivostok, pp. 75–80.

Yakimova, S. I. (2016), *Literaturno-khudozhestvennaya kritika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v istoriko-kul'turnom kontekste* [Literary and artistic criticism of the Russian diaspora of the Far East in the historical and cultural context], Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet, Khabarovsk, Russia.

Zatulín, K.F., Dokuchaeva, A.V., Egorov, V.G. and Boltovskii, S.O. (2010), *Integratsiya rossiyskoy diaspory v politicheskiy protsess stran SNG* [Integration of the Russian diaspora into the political process of the CIS countries], Moscow, Russia.

Zatulín, K.F., Grozin, A.V. and Dokuchaeva, A.V. (2011), *Rossiiskaya diaspora kak faktor ukrepleniya natsional'nykh interesov Rossii na postsovetskom prostranstve* [The Russian Diaspora as a Factor of Strengthening Russia's National Interests in the Post-Soviet Space], Moscow, Russia.

Zilbershtein, I. S. and Samkov, V. A. (1982), *Sergei Dyagilev i russkoe iskusstvo: stat'i, otkrytye pis'ma, interv'yuu: perepiska: sovremenniki o Dyagileve: v 2-kh t.* [Sergei Diaghilev and Russian art: articles, open letters, interviews: correspondence: contemporaries about Diaghilev: in 2 volumes], Izobrazitel'noe iskusstvo, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ефим И. Пивовар, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, 125093, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; rggu@rggu.ru.

Виталий Ф. Ершов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, 125093, Россия, г. Москва, Миусская пл. д. 6; ershov_vf@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Efim I. Pivovarov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doct. of Sci. (History), professor, bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125093; rggu@rggu.ru.

Vitaly F. Ershov, Doct. of Sci. (History), professor, bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125093; ershov_vf@mail.ru.

Монументальная коммеморация отечественных войн и ее место в истории и культуре России XIX–XXI вв. (на примере Тарутинского мемориального комплекса 1812/1941–1945 гг.)

Часть 2: «В других шинелях, но с русским сердцем»

Елена А. Косован

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kosovan.ea@rggu.ru

ORCID

Аннотация. В статье рассматривается второй (переходный) этап формирования Тарутинского мемориального комплекса (Калужская область Российской Федерации), увековечивающего память об Отечественной войне 1812 г. и о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Исследуя судьбу Тарутинского мемориального локуса в 1920-е–1950-е гг., автор помещает его в широкий контекст советской мемориальной культуры и государственной политики памяти. В межвоенный период, особенно в 1920-е – первой половине 1930-х гг., когда Отечественная война 1812 года трактовалась в рамках официального мемориального дискурса негативно, как «схватка двух хищников» или даже как «борьба реакционной России с прогрессивной наполеоновской армией», памятник оказался под угрозой уничтожения. Однако уже в годы Великой Отечественной войны он стал одним из символов (неизбежной) победы русского оружия над (любым) захватчиком, напоминанием о том, что ключ к спасению не только России, но и Европы от посягательств агрессоров находится на московских рубежах. Таким образом, произошло переосмысление и закрепление смыслов, вложенных в Тарутинский памятник в XIX в. Автор констатирует, что важными этапами в истории формирования Тарутинского мемориального комплекса становится вторая половина 1940-х – 1950-е гг., когда начинается формирование мемориала, посвященного Великой Отечественной войне. Этот процесс протекает на пересечении общественных и государственных коммеморативных инициатив, причем на начальном этапе новый мемориал оформляется в соответствии со скорбным каноном.

Ключевые слова: Российская империя, Тарутино, Великая Отечественная война, памятник, коммеморация, символическая политика, историческая политика, монументальная политика, мемориальное пространство, братское захоронение.

Для цитирования: Косован Е.А. Монументальная коммеморация отечественных войн и ее место в истории и культуре России XIX–XXI вв. (на примере Тарутинского мемориального комплекса 1812/1941–1945 гг.). Часть 2: «В других шинелях, но с русским сердцем» // Исторические записки. 2023. № 22 (140). С. 434–459. DOI: 10.25986/ISN.2023.94.53.017.

Monumental Commemoration of the Patriotic Wars and its Place in History and Culture of Russia in 19th – 20th Centuries (by an example of the Tarutino Memorial Complex of 1812/1941–1945)

Part 2: “In other overcoats, but with a Russian heart”

Elena A. Kosovan

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kosovan.ea@rggu.ru

Abstract. *The article examines the second (transitional) stage of the formation of the Tarutino memorial complex (Kaluga region of the Russian Federation), commemorating the Patriotic War of 1812 and the Great Patriotic War of 1941–1945. Exploring the fate of Tarutino Memorial Site in the 1920s–1950s, the author places it in the broad context of Soviet memorial culture and state memory policy. During the interwar period, especially in the 1920s and the first half of the 1930s, when the Patriotic War of 1812 was interpreted negatively within official memorial discourse, as a “fight between two predators” or even as “the struggle between reactionary Russia and Napoleon’s progressive army”, the monument came under threat of destruction. However, already during the Great Patriotic War it turned out to be one of the symbols of the (inevitable) victory of Russian arms over (any) invader, a reminder that the key to saving not only Russia, but also Europe from the encroachments of aggressors lies on the borders of Moscow. Thus, there was a reinterpretation and consolidation of the meanings invested in the Tarutino monument in the 19th century. The author states that the important stages in the history of the formation of the Tarutino memorial complex are the second half of the 1940s – 1950s, when the formation of the memorial dedicated to the Great Patriotic War begins. This process takes place at the intersection of public and state commemorative initiatives, and at the initial stage the new memorial is designed in accordance with the mournful canon.*

Keywords: *Russian empire, Tarutino, Great Patriotic War, monument, commemoration, symbolical politics, politics of memory, monumental politics, memorial space, collective grave.*

For citation: *Kosovan, E.A. (2023), “Monumental Commemoration of the Patriotic Wars and its Place in History and Culture of Russia in 19th – 20th Centuries (by an example of the Tarutino Memorial Complex of 1812/1941–1945). Part 2: “In other overcoats, but with a Russian heart”, Istoricheskie zapiski, no. 22 (140), pp. 434–459. DOI: 10.25986/ISN.2023.94.53.017.*

Введение

После революции 1917 г. и распада империи Романовых начался новый этап в истории российской монументальной политики и, в частности, в истории монументальной мемориализации Отечественной войны 1812 г. Несмотря на хаос междувластия и Гражданской войны, несмотря на трудности восстановления страны после нее, памятники сразу же стали объектом

повышенного интереса новой власти [Еремеева, Маркова 2022, с. 43]. Этот интерес сохранялся на протяжении всего советского периода, хотя и выражался по-разному, и реализовывался с помощью различных инструментов.

В данной работе речь будет идти о судьбе Тарутинского мемориала в контексте становления советской монументальной политики⁵²⁷ как значимой части политики историко-символической, то есть ситуации, когда «памятники выступают в роли инструментов, с помощью которых государство репрезентирует официально “утвержденную” историю своей страны для формирования национальной идентичности и патриотических настроений, легитимирует собственную власть и собственное видение прошлого, настоящего и будущего общества» [Еремеева, Бондарь 2022, с. 5].

Основным сюжетом в данном случае является расширение исследуемого мемориального пространства, начало превращения Тарутинского мемориала в собственно Тарутинский мемориальный комплекс, сложносоставное, объединенное место памяти об Отечественных войнах.

Хронологическим ядром данной части исследования является период с начала 1920-х гг., когда завершилась Гражданская война, советская власть утвердилась на территории России и новый курс политики памяти приобрел достаточно стабильный и последовательный характер (негативный применительно к исследуемому памятнику), по конец 1950-х гг., когда завершился начальный этап формирования нового мемориала, посвященного Великой Отечественной войне.

Территориальные рамки работы обусловлены историко-географической локализацией изучаемых памятников.

Источниковую базу исследования составляют документы из архива Тарутинского военно-исторического музея, находящиеся в свободном доступе материалы прессы, законодательные акты и документы личного происхождения.

Историографической основой данной части работы являются труды, посвященные особенностям советской исторической политики и месту в ней Отечественных войн, а также советской военно-мемориальной культуре 1920-х – 1950-х гг. и ее архитектурно-скульптурной составляющей.

Межвоенный период в истории Тарутинского мемориала

После Октябрьского переворота судьба Тарутинского монумента воинской славы 1812 г. оказалась под вопросом. Новая власть сразу принялась очищать массовое сознание от «элементов “старой” (досоветской) исторической картины мира» [Каменский 2005, с. 20], а основой ее исторической политики стал императив «темпорального “разлома” между “днем вчерашним” и образом будущего» [Каменский 2005, с. 20]. Настоящая, «правильная» история начиналась с 1917 г. Почти все, что было до Октябрьской революции (не считая революционного движения), можно было назвать предысторией – в лучшем случае [Бушуев 2012, с. 121–122; Каменский 2005, с. 20].

⁵²⁷ Первая часть исследования, посвященная имперскому периоду, была опубликована в вып. 21 «Исторических записок» (2022 г.). См. здесь: <https://new.ras.ru/upload/iblock/ebc/4a9my5fsx3c8enu0jk4mp5egj3tgt2xf.pdf>.

В соответствии с императивом дистанцирования от «неправильной» истории, разрыва со старым миром, 12 апреля 1918 г. был принят декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции», в котором говорилось: «Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера»⁵²⁸. Чуть позже была создана особая комиссия, приступившая к составлению списка монументов, подлежащих сносу, и, как отмечают В.С. Измозик и Н.Б. Лебина, «цвет российского художественного мира с удивительным рвением стал уничтожать монументы, казавшиеся им безвкусными или безыдейными» [Измозик, Лебина 2016, с. 11].

Переоценка исторических ценностей затронула и памятники, посвященные войне 1812 г. Позитивно-героический имперский миф о «единении всех сословий» вокруг русского государя и всеобщем патриотическом подъеме, который смыл армию захватчика с территории России [Огоновская 2012, с. 203–205], подвергся жестокой критике и ревизии. В соответствии со взглядами В.И. Ленина, считавшего царскую Россию «оплотом всей европейской реакции»⁵²⁹, война 1812 г. стала расцениваться как схватка двух хищников или даже как «борьба реакционной России с прогрессивной наполеоновской армией» [Огоновская 2012, с. 206].

На этом фоне обращение с местами памяти об Отечественной войне порой принимало весьма причудливые формы. Достаточно привести пример одного из наиболее значимых памятников победы в Отечественной войне – Александровской колонны (или «Александровского столпа») на Дворцовой площади Санкт-Петербурга. Творение Огюста Монферрана, к счастью, не было уничтожено, однако, в 1924 г. всерьез обсуждался проект «водружения на нем вместо... фигуры ангела с крестом статуи Великого вождя пролетариата тов. Ленина» или, на худой конец, «фигуры красноармейца и рабочего» [Измозик, Лебина 2016, с. 22].

Другим памятникам повезло меньше. Война с остатками «рабского прошлого» захлестнула даже Бородинское поле [Формозов 2006, с. 284; Москвина 2009, с. 116]. Напомним, что в 1839 г. в центре Бородинского поля был установлен Главный монумент (автор проекта – Антонио Адамини); у его подножия расположили склеп, в который перенесли останки П.И. Багратиона. К столетней годовщине кампании 1812 г. на могиле П.И. Багратиона была установлена новая ограда, спроектированная Леонтием Бенуа.

Однако уже в годы Гражданской войны началось стихийное разрушение мемориала: тогда, констатировала Комиссия по охране памятников и художественных сокровищ при Моссовете, был разбит бюст императора Александра и уничтожен обелиск лейб-гвардии казакам (1918 г.) [Прохоров 2011, с. 15].

⁵²⁸ Декрет о памятниках Республики. 12 апреля 1918 г. [Электронный ресурс] // Исторические источники на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). URL: [http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-12.htm#:~:text=](http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-12.htm#:~:text= (дата обращения 9 апреля 2023).) (дата обращения 9 апреля 2023).

⁵²⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 2. 1895–1897. М.: Издательство политической литературы, 1971. С. 14.

В 1920-е гг. на мемориале были проведены реставрационные работы [Прохоров 2011, с. 15], но в 1929 г. закрыли и разорили Спасо-Бородинский (Бородинский во имя Нерукотворного Образа Спасителя) женский монастырь, в котором обосновалась сельскохозяйственная артель [Прохоров 2011, с. 16; Горбунов 2017, с. 508]. А затем дошла очередь и до «главной высотной и исторически значимой доминанты – монумента на Батарее Раевского» [Парамонова 2019, с. 81]. 25 апреля 1932 г., на заседании Комиссии по архитектурной реставрации Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению обсуждалась «просьба “Металлома” “дать заключение о передаче ему памятника Раевского на Бородинском поле”». По итогам заседания вынесено постановление: «Ввиду того, что памятник Раевского не имеет историко-художественного значения, против его разборки не возражать». Памятник был взорван и добротный чугунный лом, общим весом 320 тонн был продан “Металлому”. В результате варварских действий пострадал склеп П.И. Багратиона, была снята надгробная плита и решетка» [Фисенко 2018, с. 144–145].

Не менее трагичной была и судьба Монумента славы в Малоярославце, сооруженного по проекту А. Адамиди. В 1932 г. он был снесен как «не имеющий историко-архитектурного и художественного значения»⁵³⁰, а на его основание установили памятник В.И. Ленину, которого затем сменил И.В. Сталин.

Тарутинский памятник был, казалось, обречен, но сохранился чудом: «На заседании Московского отдела народного образования (в то время Тарутино находилось в Московской области, а судьбой памятников занимался Наркомпрос) 25 марта 1932 г. обсуждали возможность разборки Тарутинского памятника»⁵³¹. К счастью, сотрудники Наркомпроса не смогли самостоятельно определить, какова его художественная и историческая ценность, и запросили необходимые сведения у Калужского райисполкома⁵³². К сожалению, мы не знаем, что предпринял Калужский РИК в ответ и предпринял ли он вообще что-то – документы, свидетельствующие об этом, не сохранились или пока не выявлены. Возможно, «дело Тарутинского памятника» просто потонуло в бюрократическом болоте: зная судьбу памятников Бородинского и Малоярославецкого, а также монументов А. Адамиди в Полоцке, Клястицах и Красном (все они были сочтены имеющими ценность лишь в качестве металлолома), трудно поверить в то, что Тарутинскую колонну пощадили сознательно.

К середине 1930-х гг. отношение руководства страны к Отечественной войне 1812 г. стало меняться. Наступило понимание, что прошлое, история в целом являются важнейшим ресурсом легитимности любой власти. Широко обесценив историю до 1917 г., большевики лишили себя этого ресурса:

⁵³⁰ *Щебикова Е.А.* «...И вечной памятью двенадцатого года...» [Электронный ресурс] // Библиотека интернет-проекта «1812 год». URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Mmnk/2002_25.html (дата обращения 12 февраля 2022).

⁵³¹ *Леваио Н.В.* Неустрашимым сынам Отечества [Электронный ресурс] // Балабаново. № 33. 2012. С. 8.

⁵³² Сейчас село Тарутино относится к Жуковскому району Калужской области. Однако в 1920–1930-е гг. территориально-административное деление РСФСР было иным.

«правильная» история оказалась слишком куцей, чтобы обеспечить новый режим узнаваемыми, вызывающими живой эмоциональный отклик «событиями и героями, вокруг которых можно было развивать идеи патриотизма» [Огоновская 2012, с. 208].

Переход к политике «государственного патриотизма» обусловил изменение отношения советской власти к «известным персонажам дореволюционной истории» [Еремеева, Маркова 2022, с. 57] и стимулировал постепенную, выборочную, но все же реабилитацию досоветской исторической эпохи и освоение имперского историко-культурного наследия. Такие черты исторической политики, как «радикальный культ революционности, столь же радикальный интернационализм и резко критическое отношение к дореволюционному прошлому» [Бушуев 2012, с. 123], которые отличали историческую политику советского государства в предыдущее десятилетие и послужили идеологическим оправданием для уничтожения памятников истории и культуры, уходят в прошлое, а дореволюционное прошлое начинает использоваться для обслуживания «державно-патриотического ценностного профиля» [Бушуев 2012, с. 123].

В международной обстановке второй половины 1930-х гг. естественным был рост интереса советских властей к эпохе Наполеона и особенно к войне 1812 г. В общественно-политическом дискурсе ленинские образы схватки «грабителя Наполеона и грабителя Александра I» и «трех коронованных разбойников» – России, Австрии и Пруссии [Макарова 2012, с. 88] постепенно уступают место концепции, согласно которой война 1812 г. была «актом агрессии Франции против миролюбивой России», попыткой Франции «из алчности своей» захватить Россию, которая только обороняла себя и другие народы от французской агрессии» [Макарова 2012, с. 116–117; Шейн 2001]. Таким образом, началась реабилитация Отечественной войны, продиктованная необходимостью «пропаганды славного военного прошлого России и боевых традиций русской армии, а также военно-патриотического воспитания населения страны» [Гаврилова 2004, с. 68]. Реабилитация эта не стала ни однозначной, ни окончательной⁵³³, но в годы противостояния с Третьим Рейхом кампания 1812 года будет переосмыслена как новая героическая страница в мемориальном нарративе СССР, пожалуй, наиболее последовательно и полно.

Тарутино в Великой Отечественной войне

Прочная символическая связь между Отечественной и Великой Отечественной войнами начала формироваться уже 22 июня 1941 г. В.В. Тихонов констатирует, что «в первых же речах советских лидеров прозвучало сравнение нападения Германии с нашествием Наполеона в 1812 г.» [Тихонов 2013, с. 152]. Прочитаем знаменитую речь Вячеслава Молотова: «Не пер-

⁵³³ Например, С.И. Садовников отмечает, что в 1972 г. Бородинский музей хотел перезахоронить найденные при археологических и реставрационных работах останки воинов обеих враждующих армий в торжественной обстановке, по воинскому ритуалу. Однако на запрос музея в Министерство обороны СССР был получен такой ответ: «Советская армия не отдает воинских почестей царским офицерам» [Садовников 2011, с. 52–53].

вый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зарвавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной⁵³⁴, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зарвавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ вновь поведет победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу» [Суетов 2012, с. 77].

Интересную особенность выявляет О.В. Будницкий. Он проводит параллель между речью В.М. Молотова 22 июня 1941 г. и выступлением председателя российского правительства И.Л. Горемыкина 26 июля 1914 г. – накануне Великой (Первой мировой) войны. Общие ссылки на Отечественную войну и фразы «Наше дело – правое дело» (Горемыкин) / «Наше дело правое. Враг будет разбит» (Молотов) показывают, что обращение к патриотическому ресурсу 1812 г. не просто стало одной из ключевых практик советской власти с первых дней войны, но что эта практика была сознательно заимствована у руководителей имперской России [Будницкий 2012, с. 160; Дацишина 2011, с. 149]⁵³⁵. И И.В. Сталин, призывавший красноармейцев вдохновляться «образами великих предков» – «Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова» [Тихонов 2013, с. 152], действовал точно так же, как Николай II в 1914 г. (последний русский царь был уверен, что Великая война поднимет в России «движение, подобное тому, которое было в Отечественную войну 1812 г.» [Колоницкий 2010, с. 52]).

Советская пропаганда также активно обращалась к опыту 1812 г., трактуя контрнаступление Красной армии зимой 1941/1942 г. как «аналогию поражения наполеоновской армии под Москвой в 1812 г.», к теме войны с Наполеоном постоянно адресовались «на страницах советской центральной печати, статьи из которой перепечатывались большинством местных и военных изданий» [Дацишина 2011, с. 149, 150]. О.В. Будницкий подсчитал, что «только в «Известиях» за июль 1941 г. Отечественная война 1812 г. упоминалась 13 раз, а специально ей было посвящено 4 статьи» [Будницкий 2012, с. 160].

К победам 1812 г. апеллировали также художественная литература и публицистика, живопись и архитектура и т. п. 1812 г. стал источником идей и смыслов для особого вида искусства – агитационного. Разумеется, сразу вспоминаются открытки Кукрыниксов – «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зарвавшимся Гитлером!» (1941) и «Недаром помнит вся Россия про день Бородина...» (1942)⁵³⁶. Но не менее интересным примером яв-

⁵³⁴ Интересно, что В.М. Молотов вкладывает в понятие «отечественная война» и географический (отечественная – война на своей территории, борьба за изгнание с нее врага), и патриотический смыслы (отечественная – всенародная война).

⁵³⁵ Будницкий О., Дымарский В. Война с Наполеоном в советской пропаганде времен Великой Отечественной [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 6 октября 2012. URL: <https://echo.msk.ru/programs/victory/937210-echo/> (дата обращения 20 июля 2019).

⁵³⁶ Кукрыниксы «Наполеон потерпел поражение. То же будет и с зарвавшимся Гитлером!» [Электронный ресурс] // Интернет-портал Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, Санкт-Петербург. URL: <https://www.prlib.ru/item/350536> (дата обращения 1 мая 2023).

ляется малоизвестная открытка 1942 г. «На кладбище интервентов и захватчиков» (автор – Н. Головин, напечатано типографией «Красный печатник» госиздательства «Искусства») из фондов Тарутинского военно-исторического музея. На открытке изображена восставшая из могил группа бывших завоевателей России – тут и псы-рыцари, и Карл XII, и интервенты, и белогвардейцы, и воин в немецком обмундировании времен «Первой мировой империалистической» во главе с Наполеоном (выглядящим, что бы это ни значило, очень свежим и упитанным на фоне компании скелетов и мумий), который восклицает, указывая на виднеющуюся вдали группу гитлеровцев: «Друзья! Придется снова потесниться! Вы видите: сюда идет арийцев битая орда».

Таким образом, совершенно очевидно, что, как резюмирует М.В. Дацишина, советская сторона «активно вбрасывала реальные события в исторический контекст, моделируя сценарий грядущих событий по исторической канве прошлого, и прошлое обещало удачу в будущем» [Дацишина 2011, с. 154]. Основанный на исторических примерах, тезис «неудачи носят временный характер и все кончится поражением противника» [Тихонов 2013, с. 189], приобретал особую убедительность. Апелляция к живому присутствию истории как высшего судьи оказывалась идеологически беспроблемной. Недаром образ Отечественной войны не остался элементом пропаганды, но был практически сразу эмоционально присвоен широкими массами.

В контексте контрнаступления под Москвой в 1941/1942 г. в фокусе внимания агитации оказалось Бородинское поле, тем более что на 1942 г. приходился «малый юбилей» Бородинского сражения – 125 лет. Здесь уместно будет вспомнить статью И.Г. Эренбурга «Второй день Бородина»: «Почему немцы устроили в музее Бородина скотобойню? Почему, убегая, подожгли музей? Они мстили славным предкам за доблесть славных потомков. Они хотели уничтожить память о 1812 годе, потому что сто тридцать лет спустя Бородино снова увидело героев – в других шинелях, но с русским сердцем. <...> Россия не забудет второй день Бородина: сожженных сел, уничтоженного музея и доблестных красноармейцев, которые сказали своим славным предкам: мы вас не осрамили, мы отстояли Москву от проклятых чужеземцев»⁵³⁷.

Бои 1941/1942 г. в районе Тарутина не приобрели такой же известности, как события 1812 г. Они были другими – трагически тяжелыми, очень кровопролитными; и если осенью 1812 г. Москва уже была занята врагом, то осенью 1941 г. необходимо было любой ценой не пропустить его к столице. Недаром командующий 43-й армией, которая действовала на Тарутинском направлении, генерал К.Д. Голубев 29 октября в своем приказе потребовал «разъяснить всему личному составу: а) что Москва никогда не будет немецкой, что Москву...мы будем отстаивать до последнего дыхания. б) что личная судьба каждого из вас, судьба ваших семей будет зависеть от того, как мы будем драться с врагом» [Максимов 2001, с. 156].

Тем не менее, общее, символическое сходство между боями 1941 и 1812 гг. сохранялось и, как отмечает исследователь юго-западного направления битвы за Москву И.В. Максимов, осознавалось бойцами, которые, несмотря на всю тяжесть положения, вдохновлялись примером «русских воинов, на берегах р. Чернишни разгромивших в 1812 г. французских захватчиков» [Максимов 2001, с. 153].

В связи с этим приведем воспоминание о событиях, произошедших спустя 129 лет после Тарутинского марш-маневра, которое зафиксировано в «Воспоминаниях ополченца» П.Г. Васильева и датируется (хотя и, возможно, ошибочно) началом октября 1941. «После нескольких тяжелых переходов... батальон был остановлен и расформирован. Часть, в которую входил и я, была направлена в 17-ю стрелковую дивизию Народного ополчения. Крайне усталые, грязные, мокрые, морально подавленные, мы остановились дождливым осенним днем на привал в Тарутине у памятника павшим в Отечественной войне 1812 г. На вершине памятника тускло поблескивал позолоченный орел. В то время и до рядовых солдат фронта доходили смутные, неясные сведения о талантливом генерале армии Г.К. Жукове, которому сопутствовал успех. Позднее стало ясно, что это искуснейший, выдающийся полководец»⁵³⁸. Под впечатлением от увиденного Васильев сложил такие строки:

⁵³⁷ Эренбург И.Г. Второй день Бородина. 24 января 1942 г. [Электронный ресурс] // Милитера: военная литература. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/070.html (дата обращения 26 ноября 2022).

⁵³⁸ Васильев П.Г. Не сломлены крылья мои...: Годы учения. Капкан политических репрессий. Хождение по тюрмам. Записки ополченца: Эскизы прозы. М.: Звонница, 2000. С. 295.

*Шинели намокли. О, как далека
Дорога разбитых остатков полка.
Я голову поднял. Смотрю, предо мной
На шпиле сияет орел золотой.
Могучий, спокойный, он смотрит вперед:
Когда-то свершался далекий поход.
И будто он шепчет: «В пучине веков
Я видел немало, как ваши, полков.
Как вы, отступали они. Но потом,
Оправившись, в битву вступали с врагом
За землю родную, за славу и честь.
И воля, и смелость у честного есть.
И будто я вижу, что есть, но другой,
Могучий, как этот, орел, но – живой.
Он мыслит глубоко и смотрит вперед.
Я знаю, задуман великий поход.
Да! Трудностей много. Не счесть и потерь.
Но, друг мой, в победу ты искренне верь!
Немного из нас к той победе придет,
Но подвиг бессмертный
Народ воспоеет»⁵³⁹.*

Как мы видим, П.Г. Васильев, изначально ли, с высоты ли прожитых лет, но не совсем правильно интерпретирует увиденное: и Тарутинский монумент воинской славы, строго говоря, не является именно памятником павшим, и свидетельский опыт золотого тарутинского орла, по меньшей мере, художественно преувеличен⁵⁴⁰. Однако важно другое – стихотворение не просто иллюстрирует ту произошедшую в первые месяцы войны в советской идеологии и пропаганде синхронизацию двух войн, но и показывает, что такая синхронизация не осталась чисто пропагандистским инструментом – она оказалась близка и понятна рядовым гражданам и в значительной степени закрепились в массовом сознании [Тихонов 2013, с. 190].

⁵³⁹ Там же. С. 296.

⁵⁴⁰ Поскольку Тарутинская колонна была воздвигнута после Отечественной войны, «орел золотой» не мог быть «очевидцем» Тарутинского маневра. Возможно, автор стихотворения путает Тарутинский памятник и верстовой столб (межевой знак) на Старой Калужской дороге. Разделявший две губернии – Московскую и Калужскую, межевой знак был установлен во времена Екатерины Великой и считается свидетелем событий 1812 г. В любом случае, эта ошибка или литературное преувеличение свидетельствует о любопытном восприятии памятника. Например, в личных документах участников боев осени 1941 г. колонна именуется «памятником Кутузову» (см., например: Из воспоминаний Александра Ивановича Бараева, командира 1-го батальона 475 стрелкового полка 53 стрелковой дивизии // Архив Тарутинского военно-исторического музея. Дневники и воспоминания фронтовиков. Л. 10; Письмо С.К. Гусева В.Я. Синельщикову, 13 июня 1978 г. // Архив Тарутинского военно-исторического музея. Л. 1.), то есть ассоциируется не с абстрактной идеей триумфа в античном декоре, а с конкретной фигурой полководца. «Слуга царю, отец солдатам», Кутузов становился своего рода гарантом победы. Это же мы видим и в воспоминаниях П.Г. Васильева: здесь выстраивается все та же ассоциативная цепочка «Тарутинский монумент – Кутузов – Жуков».

Восприятие Тарутинского памятника и его (восприятия) динамика вне всякого сомнения должны стать предметом особого исследования.

Этому способствовало и реальное «повторение истории»: ведь в конечном итоге, как с Тарутинского маневра в 1812 г. началось контрнаступление русских войск, приведшее к гибели Великой армии, так и в 1941 г. бои на рубеже Московской и Калужской земель стали частью битвы за Москву, с которой началось поражение гитлеровцев.

Уже после освобождения села, которое произошло в оккупации с 22 октября по 25 декабря 1941 г.⁵⁴¹, специальный корреспондент газеты «Известия» Евгений Петров писал: «Наша отечественная война с немцами все время наводит на воспоминания о Первой Отечественной войне 1812 года. <...> Вероятно, сто двадцать девять лет назад российское воинство сушило в тарутинской избе на печи свои валенки, и курило махорку, и ело такой же ржаной хлеб и добрые щи и кашу, и так же шло на смерть, чтобы спасти Россию и Европу»⁵⁴².

Не вызывает сомнений символический посыл этого пассажа: ключ к спасению России и Европы находится на московских рубежах, укрепившись на которых советская армия, как когда-то и российская, даст отпор агрессору. Более того, мы видим, что Петров не просто пользуется теми же самыми приемами, что и Эренбург, но фактически разворачивает его мысль о героях в других шинелях, но с русским сердцем.

За подтверждение своего статуса «ключа к спасению России и Европы» в 1941/1942 г. село Тарутино заплатило дорого. Так, согласно сообщению начальника областного Управления НКВД М.И. Журавлева на имя секретаря Московского комитета и Мосгоркомитета ВКП(б) А.С. Щербакова от 24 января 1942 г. (спустя месяц после освобождения села), «в с. Тарутино из 250 домов осталось 30»⁵⁴³. По воспоминаниям жительницы села А. Ярошенко, после изгнания оккупантов «Родное Тарутино было не узнать... Некоторые дома остались целыми, правда, с выбитыми окнами. Забили их мешками, набитыми соломой, и стали жить по три-четыре семьи вместе. Питались кониной...»⁵⁴⁴.

К счастью, Тарутинский памятник пережил оккупацию и встретил Победу 1945 г. вместе с жителями села. Однако в мемориальном пространстве произошли изменения.

На территории мемориала в период оккупации было устроено немецкое кладбище⁵⁴⁵. По воспоминаниям тарутинцев, погибших хоронили в неглубоких могилах и непосредственно возле памятника, и под ним, и несколько

⁵⁴¹ Летописи войны Жуковского района [Электронный ресурс] // Калужская областная научная библиотека им. В.Г. Белинского. URL: <https://belinkaluga.ru/летописи-войны-жуковского-района-2> (дата обращения 19 мая 2023).

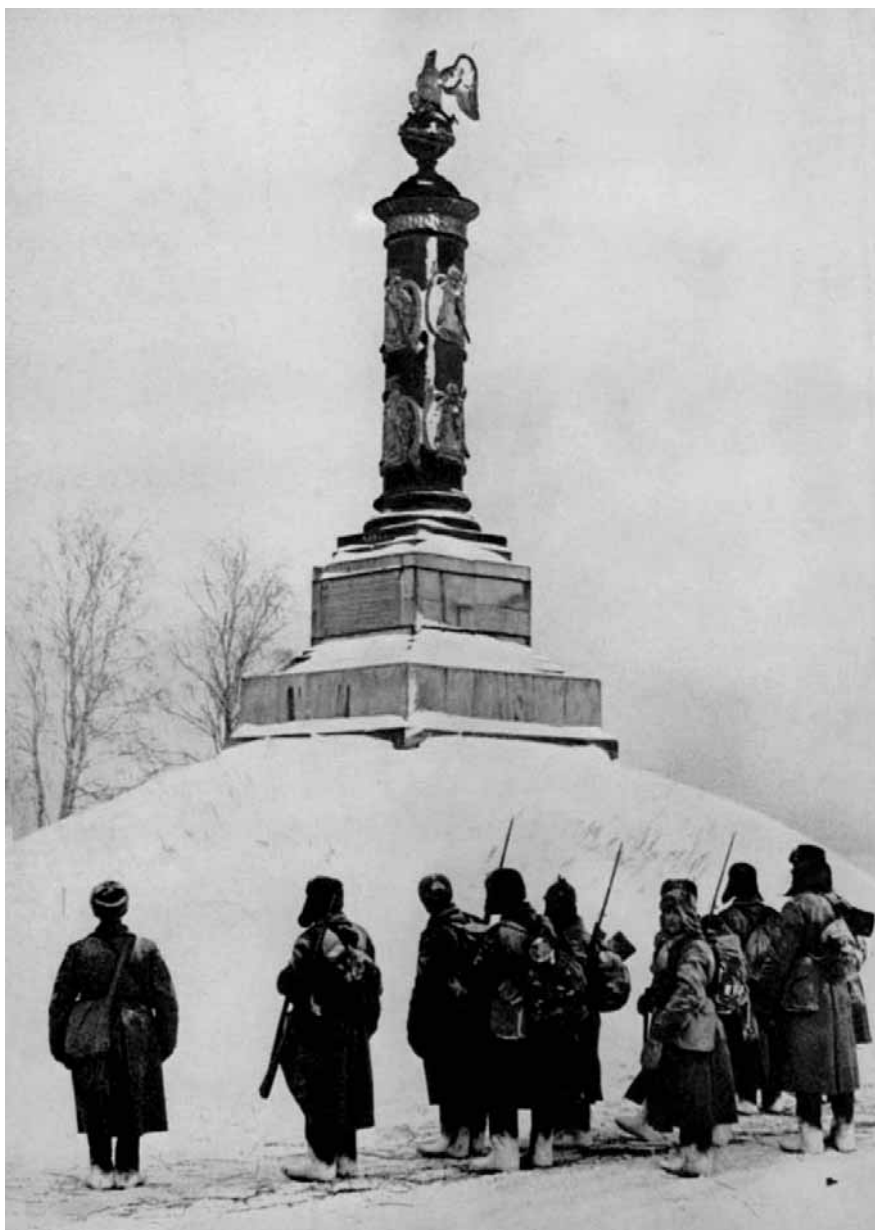
⁵⁴² Петров Е. Ответ огнем // Известия. 30 декабря 1941 г.

⁵⁴³ Следсообщение начальника УНКВД по г. Москве и Московской области старшего майора госбезопасности М.И. Журавлева о грабежах мирного населения и зверствах немецко-фашистских захватчиков, направленное первому секретарю МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакову // «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период Второй мировой войны: документы и материалы. Город Москва / Отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Я.А. Онопенко; отв. сост. Е. Д. Алексеева. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. С. 77.

⁵⁴⁴ Тонеев Ф. «Родное Тарутино было не узнать...» [Электронный ресурс] // Весть News. 10 апреля 2020. URL: <https://m.vest-news.ru/article/144716> (дата обращения 12 января 2021).

⁵⁴⁵ Можно предположить, что захоронением занималась медсанчасть (Sanitätskompanie) №34. См.: Standorte Sanitätseinheiten. Forum der Wehrmacht. Jun 9th 2018. [Online], available at: <https://www.forum-der-wehrmacht.de/index.php?thread/53989-standorte-sanit%C3%A4tseinheiten/&pageNo=2> (Accessed 5 May 2020).

поодаль⁵⁴⁶. Прочитанная выше статья Е. Петрова была снабжена иллюстрацией – фотографией остатков немецкого погоста, которая подтверждает слова местных жителей.

Освободители Тарутина, 1941 г.
(фото из фонда Тарутинского военно-исторического музея)

⁵⁴⁶ См., например: Воспоминания Е.С. Володиной 1928 г. р. (записано Ивашко Н.В. в 1987–90-х гг.) // Архив Тарутинского военно-исторического музея. События 1941 года в селе Тарутино. Воспоминания местных жителей. Л. 12.

«В Тарутино, отбитом у противника нашими войсками, сохранился памятник, воздвигнутый в честь победы над наполеоновскими полчищами. В эти дни вражьи орды вновь были изгнаны с тарутинских полей, и путь их отступления отмечен множеством могильных крестов» (фото П. Трошкина, 1941 г.)

По всей видимости, монумент выступал в данном случае в качестве опознавательного знака.

Косвенно это подтверждает и другой пример. В конце 1941 г., после освобождения села, у подножия триумфальной колонны был похоронен политрук Константин Гусев, погибший 27 декабря у деревни Леташово. Судя по позднейшей (1954 г.) картине Е. Ивановой, на могиле Гусева был установлен временный памятный знак – скромный обелиск, увенчанный красноармейской звездой. Такого рода памятники получили широчайшее распространение во время Великой Отечественной войны. Сооружались они быстро и обычно из простых подручных материалов – дерева, фанеры, кирпича или кровельного железа, из того же материала делались и звезды [Калинина 1984, с. 56, 61]. Захоронение К.А. Гусева примечательно тем, что оно находилось в архитектурном и символическом пространстве Тарутинского монумента воинской славы – от последнего его отделяла только условная деревянная оградка. В письмах семье погибшего его однополчане подчеркивали, что сделано это было намеренно, чтобы после войны можно было легко найти могилу⁵⁴⁷.

⁵⁴⁷ Письмо С.К. Гусева В.Я. Синельщикову. 13 июня 1978 г. // Архив Тарутинского военно-исторического музея. Л. 1.

Обелиск и оградка на могиле политрука Гусева справа от Тарутинского памятника (худ. Е. Иванова), 1954 г. (картина из фондов Тарутинского военно-исторического музея)

Здесь нельзя не вспомнить вновь уже упоминавшуюся статью И.Г. Эренбурга. «Рядом с памятником Кутузову, – пишет Эренбург, – вчера торжественно похоронили трех советских артиллеристов, отдав-

ших свою жизнь за славу и величие России»⁵⁴⁸. Пространства Тарутинского и Бородинского мемориалов стали памятными в буквальном смысле.

Памяти павших в битве за Москву

После окончания войны появилась проблема выявления, учета многочисленных воинских захоронений и ухода за ними. В рамках реализовывавшейся и на союзном, и на республиканском, и на локальном уровнях политики благоустройства могил красноармейцев и партизан и увековечения их памяти началось планомерное «укрупнение» захоронений.

Общеправовые основы этой политики на союзном уровне были заложены Постановлением СНК от 18 февраля 1946 г. № 405–165с⁵⁴⁹, которое предписывало в кратчайшие сроки взять на учет существующие военные кладбища, братские и индивидуальные могилы воинов Красной армии и партизан и благоустроить их. Благоустройство означало, в том числе, перенос в братские могилы останков из индивидуальных захоронений, которые в силу тех или иных причин могли оказаться или уже находились под угрозой уничтожения [Корсак 2021, с. 175–176; Еремеева, Маркова 2022, с. 58]. Как объясняет Т.В. Бабанин, «останки солдат из разрозненных могил в мелких населенных пунктах или вне населенных мест должны были быть перезахоронены в более крупные братские могилы, находящиеся чаще всего в районных центрах или центрах сельсоветов. В каждом сельсовете создавались комиссии по благоустройству и переносу могил. В состав комиссий входили представители райкомов, райисполкомов, военкоматов, здравотделов» [Бабанин 2014, с. 189].

Одновременно актуализировался вопрос о художественном, архитектурном и скульптурном оформлении укрупненных захоронений, который впервые оказался на повестке дня еще в годы войны [Еремеева, Маркова 2022, с. 58]. Так, конкурсы на эскизы памятников павшим воинам Союз архитекторов начал проводить, очевидно, впервые в 1942 г. [Chmelnizki 2013, p. 325]. Например, в апрельской 1942 г. Программе товарищеского соревнования на проекты-эскизы монументов, посвященных Великой Отечественной войне, уже упоминались памятники «павшим за Родину»⁵⁵⁰. Постепенно все большую зна-

⁵⁴⁸ Эренбург И.Г. Указ. соч.

⁵⁴⁹ Разумеется, благоустройство по инициативе местных жителей осуществлялось и до 1946 г. – во время войны. Как отмечают А.Н. Еремеева и О.Н. Маркова, уже в 1943–1945 гг. пресса начала постоянно акцентировать «необходимость приведения в порядок воинских могил» [Еремеева, Маркова 2022, с. 60].

⁵⁵⁰ Программа товарищеского соревнования на проекты-эскизы монументов, посвященных Великой Отечественной войне (не ранее апреля 1942 г.) // Из истории советской архитектуры. 1941–1945. Хроника военных лет. Архитектурная печать: Документы и материалы / Сост. Т.Г. Малинина; ред. К.Н. Афанасьев. М.: Наука, 1978 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/265835-programmatovarisheskogo-sorevnovaniya-na-proekty-eskizy-monumentov-posvyaschennyh-velikoy-otechestvennoy-voynе-ne-ranee-aprelya-1942-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 10 мая 2023).

чимось приобретала разработка типовых проектов памятников для военных некрополей, братских и индивидуальных могил [Еремеева, Маркова 2022, с. 61].

На территории с. Тарутино имелась братская могила, в которой упокоились погибшие в 1941–1942 гг. красноармейцы и командиры 312-й, 17-й и 53-й стрелковых дивизий⁵⁵¹. Кроме того, многочисленные одиночные и небольшие братские захоронения были разбросаны по окрестным деревням и селам (Корсаково, Леташово/Леташевка, Макарово, Марфино, Рыжково и др.)⁵⁵². В начале 1950-х гг. напротив Тарутинского монумента русской воинской славы 1812 г. была выкопана новая обширная братская могила. Сюда были перенесены останки как из братского захоронения в самом селе, так и из могил в окрестностях.

Так было положено начало формированию советской части мемориала.

В 1956 г. общее захоронение покрыли дерном, вокруг него была сооружена ограда, над ним установили памятник (автор – архитектор Н.Г. Асатур)⁵⁵³, к которому вела лестница. Памятник прост, крайне лаконичен и сдержанно скорбен. Типологически это братское надгробие, тематика таких памятников начала разрабатываться еще в 1942 г. (например, в рамках Всесоюзного конкурса на проекты памятников Великой Отечественной войны) [Малинина 1984, с. 35–36]. В центр лицевой части надгробия – усеченной правильной пирамиды, сложенной из крупных каменных блоков, помещена эмблема – лавровый венок, увитый лентами с развевающимися концами и увенчанный в верхней части звездой; в эмблему вписана дата начала и окончания войны «1941–1945»; под ней расположена эпитафическая надпись «Вечная слава павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

В целом форма надгробия близка к классицистической, но оно камерно и почти полностью очищено от «традиционных атрибутов классического надгробия – волют, факелов, дубовых ветвей» и др. [Малинина 1984, с. 81]. В этом настойчивом стремлении к лапидарности и суровой простоте, излишних для классицизма, видится влияние конструктивистских тенденций и стремление переосмыслить классические формы на основе современных материалов, достижений уже советской архитектуры [Малинина 2021, с. 157] и в контексте событий, которых не знали ни предыдущие эпохи, ни искусство этих эпох.

⁵⁵¹ 3 декабря – День неизвестного солдата [Электронный ресурс] // Военно-исторический музей «Тарутино». 3 декабря 2020. URL: <https://www.facebook.com/101147164640380/posts/pfbid0spX7NRR6AoDImqRLrDLW1Zz33MtWrmRhFzVJCWH3YeUFipYH6745id27jRn9K4T11/?app=fbl> (дата обращения 9 мая 2023).

⁵⁵² Наши памятники – наши герои. Село Тарутино [Электронный ресурс] // Калужская областная научная библиотека им. В.Г. Белинского. URL: <https://belinkaluga.ru/наши-памятники-наши-герои-селотару> (дата обращения 12 апреля 2023).

⁵⁵³ Тюрина Е.Г. История создания мемориального комплекса в селе Тарутино // Архив Тарутинского военно-исторического музея. Л. 1.

Надгробие на могиле красноармейцев и партизан, павших в битве за Москву (1956–1970)
(фотографии и фрагмент рисунка из фондов Тарутинского военно-исторического музея)

Благодаря своей классицистической основе памятник работы Н.Г. Асатура стилистически не был чужероден по отношению к Тарутинскому монументу, так же транслирующей идеи героической гражданственности (хотя и при помощи других форм, элементов, материалов и в принципиально иной тональности). Это неудивительно. Во-первых, в целом советская мемориальная культура середины XX в. демонстрировала определенную преемственность по отношению к мемориальной культуре имперской России (по мнению В.Г. Басса, язык «русской классической архитектуры имперского периода» нередко использовался в советской архитектуре как универсальный [Басс 2021]). Во-вторых, как сообщает Т.Г. Малинина, «хранящиеся в архиве Академии архитектуры СССР материалы свидетельствуют о том, что в процессе работы над проектами надгробий изучались памятники Отечественной войны 1812 г. <...>. Стилистика этих произведений базировалась на традициях отечественного классицизма» [Малинина 1984, с. 75].

Правда, в случае надгробия Н.Г. Асатура классицистическая стилистика выражена очень лапидарно. Но эта лапидарность позволяет решить сразу две задачи: запечатлеть в советском памятнике глубокую скорбь, исключавшую любой намек на помпезность, излишний пафос (нельзя не вспомнить здесь стихотворение Кайсына Кулиева: «*Большая боль не вопиет, / Печаль всегда немногословна*») и не допустить при этом ярко выраженной несогласованности двух частей мемориального ландшафта.

Если советская часть мемориала только начинала формироваться, то имперская часть требовала реставрации. И дело не только в войне: в последний раз реставрационные работы проводились, напомним, накануне столетнего юбилея Отечественной войны, в 1912 г., причем уже тогда памятник нуждался не только в реставрации, но и в капитальном ремонте, который так и не был проведен [Косован 2022, с. 447].

Такое положение дел обусловлено местом Тарутинского памятника в российской монументальной политике. В начале XX в. в центре имперского мемориального канона Отечественной войны 1812 г. находилось Бородино. С этим была связана «вторичность Тарутинского мемориала»

ла» по отношению к Бородинскому, официально закрепленная в классификации памятников: императором Николаем I Бородинский был отнесен к первому классу, Тарутинский – ко второму. Собственно, и само формирование мемориала происходило по гражданской инициативе, в соответствии с частным мнением о значимости Тарутина [Косован 2022, с. 447].

Во второй половине 1930-х гг. и в первой половине 1940-х гг., в центре исторического нарратива о реабилитированной после периода отвержения Отечественной войне вновь оказалось Бородино. То же можно сказать и о позднесталинском времени, когда продолжилось начатое в годы Великой Отечественной войны формирование «культы Кутузова и героев 1812 года» (хотя, как подчеркивает В.В. Тихонов, «официальные идеологи пресекали любые попытки хоть как-то заслонить героями Бородино войну с гитлеровской Германией» [Тихонов 2013, с. 194]).

После смерти И.В. Сталина, которому лично импонировал культ Кутузова и героев 1812 г., к середине XX в. ситуация, казалось бы, должна была измениться. Мы вполне солидарны с мнением исследователей коммеморации Отечественной войны 1812 г. Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, которые отмечают, что в отличие от имперской исторической политики, акцентировавшей мемориальное значение Бородинского поля, советскому триумфальному нарративу в гораздо большей степени подходило не Бородино, а Тарутино: «Если патриотический дискурс начала XX в. акцентировал не только героизм и мужество русских воинов, но и использовал тему жертвенности и страдания...то в середине XX в. триумфальный военный нарратив стремятся сделать более победоносным. Вследствие этого Бородино и последующее оставление Москвы не могли претендовать на центральное место в советском триумфальном военном нарративе» [Сабурова, Родигина 2015, с. 71].

Вместе с тем, если бы это было так, символический «рейтинг» Тарутина и Тарутинского мемориала должен был повыситься, а внимание к нему со стороны государства – возрасти. Однако инициатива серьезной реставрации Тарутинского монумента воинской славы 1812 г. исходила в середине 1950-х гг. не от государства, а от местных жителей: «В 1955–[19]56 гг. ... группа неравнодушных тарутинцев начала обращаться в различные инстанции с просьбой о реставрации памятника. Эти “ходатайства” возглавил местный краевед, учитель начальных классов Тарутинской школы В.Я. Синельщиков, и можно не сомневаться, что обращений было отправлено немало»⁵⁵⁴.

Таким образом, в послевоенный период сохранилась тенденция, характерная для советской монументальной политики второй половины 1930-х гг. Как отмечают авторы коллективной монографии «Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы», «осознав эффективность памятников как мобилизационных

⁵⁵⁴ История Тарутинского памятника. Часть V. Послевоенная реставрация 1957–59 гг. [Электронный ресурс] // Военно-исторический музей Тарутино. 27 мая 2020. URL: [https://m.ok.ru/dk?st.cmd=altGroupMediaThemeComments&st.groupId=58943845499133&st.themeId=151565957596157&_prevCmd=altGroupContentSearch&tkn=437&_cl.id=1684678102762&_clickLog=\(дата обращения 21 мая 2021\)](https://m.ok.ru/dk?st.cmd=altGroupMediaThemeComments&st.groupId=58943845499133&st.themeId=151565957596157&_prevCmd=altGroupContentSearch&tkn=437&_cl.id=1684678102762&_clickLog=(дата обращения 21 мая 2021)).

символов, власть, в условиях нарастания опасности войны, инициировала восстановление исторически значимых сооружений и памятников. Прежде всего, это касалось мест великих сражений – Полтавской и Бородинской битв и их героев» [Еремеева, Маркова 2022, с. 57]. Непосредственно Тарутино не было местом великого сражения Отечественной войны 1812 г. и не стало таковым во время битвы за Москву 1941–1942 гг., поэтому оно по-прежнему плохо вписывалось в советскую политику мемориализации героических событий дореволюционного прошлого.

К счастью, старания тарутинцев-энтузиастов не пропали даром: реставрация началась в 1957 г. и длилась до 1959 г. Интересно, что Тарутинский монумент стал первым из уцелевших памятников 1812 г., которые дождались реставрации, притом, масштабной: «Сначала памятник от верха до низа демонтировали. Сняли орла, состоящего из нескольких частей, колонну разняли на отдельные кольца, удалили чугунные полосы, которые скрепляли квадратный каменный фундамент, сделанный из блоков жернового камня, разобрали и его, и земляную насыпь. Колонну и орла очистили от старой краски и остатков позолоты. Затем “собрали” памятник обратно: земляное основание забутовали (через несколько лет его дополнительно укрыли камнями), укрепили бетоном каменный фундамент, собрали детали колонны и установили орла. После сборки позолотили орла, детали и украшения колонны и надпись на каменной плите. Тогда же обсуждался вопрос о восстановлении досок с текстом, водруженных на каменный фундамент в 1912 г. и утраченных в 1940 г.⁵⁵⁵ (две позже нашлись, одна из них экспонируется в Тарутинском музее). В итоге решили доски не восстанавливать, а установить перед памятником плиту (из гранодиарита) с текстом письма главнокомандующего М.И. Кутузова к владелице Тарутина А.Н. Нарышкиной»⁵⁵⁶. Кроме того, во время реставрационных работ были уничтожены сохранившиеся фрагменты немецкого кладбища⁵⁵⁷ (после освобождения села, по всей видимости, целенаправленная очистка территории мемориала от немецких могил не проводилась – местные жители просто снесли кресты)⁵⁵⁸ и ликвидировано захоронение К.А. Гусева, а его останки перенесены в братскую могилу⁵⁵⁹.

⁵⁵⁵ В 1940 г. доски были сорваны неизвестными вандалами. Одна впоследствии окажется в Калужском краеведческом музее, другая – в подполе одного из тарутинских домов. Судьба третьей части неизвестна до сих пор. См.: III часть работы про историю памятника в Тарутина, составленная Н.В. Ивашко [Электронный ресурс] // Телеграм-канал «Тарутинская волость. История». 26 мая 2020. URL: <https://t.me/tarutinovolosthistory/17> (дата обращения 5 мая 2023).

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ См.: Тюрина Е.Г. Домыслы и небылицы, бытующие среди местного населения о памятнике в Тарутине, а можно сказать достопамятные истории о тарутинском памятнике // Архив Тарутинского военно-исторического музея; Воспоминания Е.С. Володиной 1928 г. р. (записано Ивашко Н.В. в 1987–90-х гг.) // Архив Тарутинского военно-исторического музея. События 1941 года в селе Тарутино. Воспоминания местных жителей. Л. 12.

⁵⁵⁸ Летописи войны Жуковского района...

⁵⁵⁹ Военно-исторический музей «Тарутино» [Электронный ресурс] // Facebook. 4 мая 2020. URL: <https://www.facebook.com/101147164640380/posts/pfbid021sHRUd9r259qjipUCAH3GACodsRvn8477CTdxEv2tHomftvkD6w8TP4UzWoTrCWEL/?app=fbl> (дата обращения 27 сентября 2021).

Заключение

После Октябрьской революции и Гражданской войны судьба Тарутинского мемориала складывалась непросто, но, если можно так выразиться, счастливо: Монумент русской воинской славы 1812 г. не снесли и не превратили в металлолом в 1920-е гг., он устоял во время немецкой оккупации октября–декабря 1941 г. и дождался продлившей ему жизнь серьезной реставрации 1957–1959 гг. История монумента, история мемориала отражает все перипетии, все колебания советской исторической политики 1920-х – 1950-х гг.

Для 1920-х – первой половины 1930-х гг. было характерно резкое неприятие Отечественной войны 1812 г., которая в лучшем случае трактовалась как антинародная, хищническая игра двух императоров, а в худшем – как агрессия консервативной царской России против прогрессивной Франции.

Во второй половине 1930-х гг. началось движение к признанию 1812 г. славной страницей в российской истории, годом славы русского оружия, обращенного не только на оборону своей страны, но и на защиту Европы от захватчика. А уже в первые месяцы войны с Германией Отечественная война 1812 г. превратилась в один из значимых символов неизбежного торжества над агрессором. Синхронизация двух Отечественных войн [Тихонов 2013, с. 191] и слияние побед 1812 и 1941 гг. в один символ воли русского народа и неминуемой гибели захватчиков стало тем инструментом, который в течение военных лет неоднократно использовался в целях сплочения советского общества и его максимальной мобилизации.

В послевоенные годы в исторической политике советского государства сохранилась тенденция к развитию «культы Кутузова» и «культы героев 1812 г.». Что касается слияния памяти о войнах 1812 и 1941–1945 гг., в 1940-е – 1950-е гг., оно было как минимум проблематичным хотя бы потому, что события 1941–1945 гг. еще не стали в полной мере событиями прошлого, не ушли в область памяти и несли скорбно-трагический заряд такой силы, что просто не могли быть символически сопряжены с событиями полуторавековой давности, уже прочно вошедшими в российский триумфальный нарратив.

В 1950-е гг. рядом с Тарутинским монументом начало складываться автономное мемориальное пространство, посвященное подвигу павших в войне 1941–1945 гг. Советская часть мемориала в своем первоначальном виде – братское захоронение и надгробие над ним – была вполне характерна для мемориальных практик как первых послевоенных, так и военных лет, а его архитектурная составляющая отвечала, по мысли Т.Г. Малининой, «требованиям искусства, взявшего курс на “освоение наследия”, и этическим установкам мужественного и сурового времени» [Малинина 1984, с. 83–84]. Эскизы подобных памятников создавали многие советские архитекторы – И.Д. Мельчаков, И.А. Голосов, Л.К. Комарова, И.Т. Купецко-Орлова и др. Однако Тарутинское надгробие Н.Г. Асатура было одним из самых простых и безыскусных с точки зрения форм, эмблематики и т. п.

Возможно, не только благодаря своей классицистической основе, но и этой простоте и сдержанности оно не диссонировало с Тарутинским монументом. Более того, стилистически оба мемориала выглядели вполне гармонично: вместе они олицетворяли Победу как архетип, но один символизировал преимущественно радостную сторону победы (триумф), а другой – скорбную (травму) [Ассман 2014]. А лавровый венок (кстати, напоминающий издали колосья советского герба) на надгробии был основным элементом, символически связывающим воедино две части будущего мемориального комплекса.

Как и в имперский период, в истории обеих частей мемориала 1940–1950-е гг. тесно переплелись общественные и государственные коммеморативные инициативы. Поддержание в надлежащем виде Тарутинского монумента русской воинской славы 1812 г., формирование и благоустройство братского захоронения времен ВОв – все это, безусловно, вписывалось в общий контекст государственной исторической политики, что наиболее наглядно демонстрирует пример братской могилы в с. Тарутино. При этом инициатива масштабной реставрации необратимо разрушающегося Тарутинского памятника, как мы видели, исходила главным образом от частных лиц, от энтузиастов, в первую очередь – от учителя тарутинской школы, ветерана Великой Отечественной войны Василия Яковлевича Синельщикова (1907–1984).

ЛИТЕРАТУРА

Ассман 2014 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. 187 с.

Бабанин 2014 – *Бабанин Т.В.* Укрупнение воинских захоронений в 1940–1960-е гг. и проблемы увековечивания памяти погибших защитников Отечества (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево Пустошкинского района Псковской области) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). – С. 185–198.

Басс 2021 – *Басс В.Г.* «Величайший и любимейший эпос нашего века»: проекты советских военных монументов 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2021. № 167. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23136/ (дата обращения 18 марта 2022).

Будницкий 2012 – *Будницкий О.В.* Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 гг. // Российская история. 2012. № 6. – С. 157–169.

Бушуев 2012 – *Бушуев В.В.* Историческая политика в СССР: императивы и специфика реализации // Ценности и смыслы. 2012. № 4 (20). – С. 119–128.

Гаврилова 2004 – *Гаврилова Н.А.* 1812 год: влияние государственной идеологии на восприятие и изучение войны // Новый исторический вестник. 2004. № 11. – С. 57–72.

Горбунов 2017 – *Горбунов А.В.* Концепция культурного ландшафта в развитии Бородинского музея-заповедника // В фокусе наследия: Сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. –

М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт географии Российской академии наук», 2017. – С. 499–516.

Дацишина 2011 – *Дацишина М.В.* Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6. – С. 149–156.

Еремеева, Бондарь 2022 – *Еремеева А.Н., Бондарь В.В.* Введение // Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / В.В. Бондарь, А.Н. Еремеева, О.Н. Маркова, Т.Ю. Юренева; отв. ред. А. Н. Еремеева. – М.: Институт Наследия, 2022. – С. 4–8.

Еремеева, Маркова 2022 – *Еремеева А.Н., Маркова О.Н.* Основные этапы и тенденции монументальной пропаганды в СССР // Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / В.В. Бондарь, А.Н. Еремеева, О.Н. Маркова, Т.Ю. Юренева; отв. ред. А. Н. Еремеева. – М.: Институт Наследия, 2022. – С. 43–79.

Измозик, Лебина 2016 – *Измозик В.С., Лебина Н.Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы: Социально-архитектурное микроисторическое исследование. 2-е изд., испр. – СПб.: Круга, 2016. – 248 с.

Исаев 1962 – *Исаев И.* Тарутино // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. – С. 111–113.

Колоницкий 2010 – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

Корсак 2021 – *Корсак А.И.* Воинские захоронения периода Великой Отечественной войны на территории белорусско-латвийско-русского пограничья в советской практике увековечения памяти // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 1. – С. 174–183.

Максимов 2001 – *Максимов И.В.* Оборонительные бои Красной Армии на юго-западных подступах к Москве в октябре-декабре 1941 г.: Дисс. ... канд. ист. н. – М.: Московский педагогический университет, 2001. – 242 с.

Малинина 1984 – *Малинина Т.Г.* Художественный образ памятника Великой Отечественной войны (по материалам конкурсов и выставок 1942–1945 гг.): Дисс. ...канд. искусств. – М.: Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств ордена Ленина Академии художеств СССР, 1984. – 274 с.

Малинина 2021 – *Малинина Т.Г.* Черты трагического гуманизма в монументальном творчестве 1940-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. – С. 137–165.

Москвина 2009 – *Москвина И.К.* Воинская слава России: память, памятники и забвение. Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2009. Вып. 185. – С. 114–121.

Огоновская 2012 – *Огоновская И.С.* Отечественная война 1812 г.: правда и вымысел на страницах школьных учебников XIX–XXI вв. // «И вечной памятью двенадцатого года...»: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной Войны 1812 г. – Екатеринбург, 2012. – С. 201–219.

Парамонова 2019 – *Парамонова А.А.* Трансформация историко-культурного ландшафта музея-заповедника «Бородинское поле»: научно-квалификационная работа. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 2019. – 143 с.

Прохоров 2011 – *Прохоров М.Ф.* Бородинское поле: музей под открытым небом // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 4. – С. 12–16.

Сабурова, Родигина 2015 – *Сабурова Т., Родигина Н.* 150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в СССР: практики коммеморации // Два века в памяти России. 200-летие Отечественной войны 1812 года: сборник статей / Отв. ред. В.В. Лапин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 67–91.

Садовников 2011 – *Садовников С.И.* О «Любви к отеческим гробам»: из истории Российской военной некрополистики // Новый исторический вестник. 2011. № 30. – С. 47–54.

Суетов 2012 – *Суетов Л.А.* 1812 год в пропагандистской работе среди ленинградцев в дни Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2012. № 4(13). Декабрь. – С. 78–82.

Тарле 2012 – *Тарле Е.В.* Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат // Народное образование. 2012. № 9. – С. 245–258.

Тихонов 2013 – *Тихонов В.В.* Образ войны 1812 года в советской пропаганде конца 1930-х – начала 1950-х годов // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 4. – М., 2013. – С. 186–194.

Фисенко 2018 – *Фисенко Л.А.* Воссоздание Главного монумента и восстановление могилы П.И. Багратиона на Батарее Раевского в документах Музея-заповедника «Бородинское поле» (к 30-летию событий) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции / Сост. И.В. Корнеев. – М.: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2018. – С. 144–150.

Формозов 2006 – *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. – М.: Знак, 2006. – 344 с.

Шейн 2001 – *Шейн И.А.* Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930–1950-х годов // Отечественная история. 2001. № 6. – С. 97–108.

Chmelnizki 2013 – *Chmelnizki D.* Soviet Town Planning during the War, 1941–1945 // *A Blessing in Disguise. War and Town Planning in Europe 1940–1945* / Edited by Jorn Düwel and Niels Gutschow. Berlin: DOM publishers, 2013. Pp. 322–345.

REFERENCES

Assman, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics], New literary review, Moscow, Russia.

Babanin, T.V. (2014), ““Consolidation” of military graves in 1940–1960s and the problems of perpetuating the memory of fallen defenders of the fatherland (on the materials of military cemetery in the village of Sergeitsevo, Pustoshkinsky district of the Pskov region)”, *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, no. 17 (139), pp. 185–198.

Bass, V.G. (2021), ““The Greatest and the Most Beloved Epic of Our Century”: Designs of Soviet War Monuments, 1941–1945”, *New literary observer*, no. 167, available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23136/ (Accessed 18 March 2022).

Budnitskii, O.V. (2012), “Inventing the Fatherland: The History of the War with Napoleon in Soviet Propaganda in 1941–1945”, *Russian History*, no. 6, pp. 157–169.

Bushuev, V.V. (2012), “Historical policy in the USSR: the imperatives and the specifics of implementation”, *Values and Meanings*, no. 4 (20), pp. 119–128.

Datsishina, M.V. (2011), “Theme of Napoleon and the War of 1812 in Soviet and Nazi propaganda during the Great Patriotic War”, *Questions of History*, no. 6, pp. 149–156.

Chmelnizki, D. (2013), “Soviet Town Planning during the War, 1941–1945”, in Düwel, J. and Gutschow, N. (eds), *A Blessing in Disguise. War and Town Planning in Europe 1940–1945*, DOM publishers, Berlin, Germany, pp. 322–345.

Eremeeva, A.N. and Bondar', V.V. (2022), “Vvedenie” [Introduction], in Bondar', V.V., A.N. Eremeeva, A.N. (ex. ed.), Markova, O.N. and Yureneva, T.Yu. *Gosudarstvennaya monumental'naya politika: opyt, protivorechiya, perspektivy* [State Monumental Policy: Experience, Contradictions, Prospects], Heritage Institute, Moscow, Russia, pp. 4–8.

Eremeeva, A.N. and Markova, O.N. (2022), “Osnovnye etapy i tendentsii monumental'noi propagandy v SSSR” [The main stages and trends of monumental propaganda in the USSR], in Bondar', V.V., A.N. Eremeeva, A.N. (ex. ed.), Markova, O.N. and Yureneva, T.Yu. *Gosudarstvennaya monumental'naya politika: opyt, protivorechiya, perspektivy* [State Monumental Policy: Experience, Contradictions, Prospects], Heritage Institute, Moscow, Russia, pp. 43–79.

Gavrilova, N.A. (2004), “The year 1812: the influence of the state ideology on the Patriotic War perception and research”, *The New Historical Bulletin*, no. 11, pp. 57–72.

Gorbulnov, A.V. (2017), “The concept of cultural landscape in the development of Borodino Reserve Museum, in “V fokuse naslediya”: *Sbornik statei, posvyashchennyi 80-letiyu Yu.A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D. S. Likhacheva* [“In Focus of Heritage”: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Yu.A. Vedenin and the 25th anniversary of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage], Institute of Geography, of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia, pp. 499–516.

Fisenko, L.A. (2018), “Restoration of the Main Monument and restoration of P.I. Bagration's grave at the Rayevsky Battery in the documents of the Reserve Museum “Borodino Field” (to the 30th anniversary of events)”, in Korneev, I.V. (comp.), *Otechestvennaya voin 1812 goda: Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy 21 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems, Proceedings of the 21st International Scientific Conference], Borodino State Military and Historical Reserve Museum, Moscow, Russia, pp. 144–150.

Formozov, A.A. (2006), *Russkie arkhologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki* [Russian Archaeologists during Totalitarianism: Historiographical Sketches], Znak, Moscow, Russia.

Izmozik, V.S. and Lebina, N.B. (2016), *Peterburg sovetskii: “novyi chelovek” v starom prostranstve. 1920–1930-e gody* [Soviet Petersburg: “new man” in the old space. 1920 – 1930-s], Kruga, Saint-Petersburg, Russia.

Isaev, I. (1962), “Tarutino”, *Military Historical Journal*, no. 10, pp. 111–113.

Kolonitsky, B.I. (2010), “*Tragicheskaya erotika*”. *Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* [Tragic Erotica. Images of the Imperial Family during World War I], New literary review, Moscow, Russia.

Korsak, A.I. (2021), “Military burials of the Great Patriotic War on the territory of the Belarusian-Latvian-Russian border in the soviet practice of immortalization of memory”, *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 1, pp. 174–183.

Maksimov, I.V. (2001), *Oboronitel'nye boi Krasnoi Armii na yugo-zapadnykh podstupakh k Moskve v oktyabre-dekabre 1941 g.* [Defensive battles of the Red Army on the southwestern outskirts of Moscow in October-December 1941], Cand. of Sci. Thesis, Moscow Pedagogical University, Moscow, Russia.

Malinina, T.G. (1984), *Khudozhestvennyi obraz pamyatnika Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam konkursov i vystavok 1942–1945 gg.)* [Artistic image of the monument to the Great Patriotic War (on the materials of competitions and exhibitions 1942–1945)], Research Institute of the Theory and History of Fine Arts of the USSR Academy of Arts (Recipient of an Order of Lenin), Moscow, Russia.

Malinina, T.G. (2021), “Tragic humanism traits in the Soviet monumental art of the 1940s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 137–165.

Moskvina, I.K. (2009), “Military Glory of Russia: Memory, Monuments and Oblivion”, *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, is. 185, pp. 114–121.

Ogonovskaya, I.S. (2012), “The Patriotic War of 1812: truth and fiction on the pages of school textbooks 19th – 21st centuries”, in Prikazchikova, E.E. (gen. ed.) “*I vechnoi pamyat'yu dvenadtsatogo goda...*”: *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu Otechestvennoi Voiny 1812 g., 14–15 dekabrya 2012* [“And by the eternal memory of the twelfth year...”: Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812, December, 14–15, 2021], Publishing House of the Ural State University, Yekaterinburg, Russia, pp. 201–219.

Paramonova, A.A. (2019), *Transformatsiya istoriko-kul'turnogo landshafta muzeya-zapovednika “Borodinskoe pole”* [Transformation of the Historical and Cultural Landscape of the Borodino Field Reserve Museum], Research-graduate qualification work, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia.

Prokhorov, M.F. (2011), “Borodino Field: Reserve Museum”, *Service and Tourism: Current Challenges*, no. 4, pp. 12–16.

Saburova, T. and Rodigina, N. (2015), “The 150th anniversary of the Patriotic War of 1812 in the USSR: the practice of commemoration”, in Lapin, V.V. (ex. ed.), *Dva veka v pamyati Rossii. 200-letie Otechestvennoi voiny 1812 goda: sbornik statei* [Two centuries in the memory of Russia. 200th anniversary of the Patriotic War of 1812: a collection of articles], Publishing house of the European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, pp. 67–91.

Sadovnikov, S.I. (2011), “About “the Love for Fathers Graves”: from the History of Russian War Necropolises”, *The New Historical Bulletin*, no. 30, pp. 47–54.

Shein, I.A. (2001), “Stalin and the Patriotic War of 1812: A Study of Soviet Historiography in the 1930s and 1950s”, *The Patriotic History*, no. 6, pp. 97–108.

Suetov, L.A. (2012), “1812 in Propaganda Work among inhabitant of Leningrad in the Days of the Great Patriotic War”, *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, no. 4 (13), December, pp. 78–82.

Tarle, E.V. (2012), “Mikhail Illarionovich Kutuzov – warlord and diplomatist”, *Public education*, no. 9, pp. 245–258.

Tikhonov, V.V. (2013), “The image of the War of 1812 in Soviet propaganda in the late 1930s and early 1950s”, *History of the Moscow Region. Problems, Studies, New Materials*, is. 4, pp. 186–194.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; *kosovan.ea@rggu.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; *kosovan.ea@rggu.ru*.

Научное издание

Исторические записки

Технический редактор: В.Н. Васильева
Корректор: О.С. Говорухина
Оператор: Н.С. Орлов

Подписано в печать 20.11.2023.
Формат 70х100/16.
Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 27,09. Усл.-печ. л. 33,03.
Заказ № 3173.1. Тираж 300.

Издатель – Российская академия наук

Публикуется в авторской редакции

Отпечатано в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 31.03.2023 г.
и распространяется бесплатно